

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

РУССКИЙ ПУТЬ

Москва • ВИКМО-М • 2014

В.Б. Каширин

ДОЗОРНЫЕ НА БАЛКАНАХ

*Русская военная разведка
в странах Балканского полуострова
накануне и в годы Первой мировой войны*

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)53
К 312

ISBN 978-5-98454-036-0

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»*

Научный редактор:

О.Р. Айрапетов, кандидат исторических наук,
доцент (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Рецензенты:

П.А. Искендеров, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник (Институт славяноведения РАН, Москва)

А.В. Ганин, доктор исторических наук,
старший научный сотрудник (Институт славяноведения РАН, Москва)

Азон Гарабедян, доктор исторических наук,
профессор (университет «Паисий Хилендарский», Пловдив, Болгария)

Светозар Райак, доктор истории, профессор (Лондонская школа экономики
и политических наук, Лондон, Соединенное Королевство)

Моим родителям посвящаю

Каширин, В.Б.

К 312 Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны / Василий Каширин. — М. : ВИКМО-М, 2014. — 632 с. ; ил.

ISBN 978-5-98454-036-0

Книга московского историка Василия Каширина «Дозорные на Балканах» посвящена малоизученной теме работы секретных служб Российской империи на Балканском полуострове в конце XIX – начале XX в. На основании широкого комплекса документальных источников, преимущественно впервые вводимых в научный оборот, исследуются различные аспекты деятельности русской разведки на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны, особенности ее организации, кадровой политики и агентурной работы, анализируются причины ее успехов и неудач, воссоздаются судьбы русских разведчиков той эпохи.

Книга предназначена для специалистов и всех интересующихся историей Балкан, Первой мировой войны, секретных служб, внешней и военной политики Российской империи.

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)53

© Каширин В.Б., 2014

© Алпеев О.Е. Карта «Юго-Восточная Европа в 1914 году», 2014

© Оформление. ЗАО «Издательство «Русский путь», 2014

ОТ АВТОРА

Friend of my heart, is it meet or wise
To warn a King of his enemies?
We know what Heaven or Hell may bring,
But no man knoweth the mind of the King.
Rudyard Kipling. The Ballad of the King's Jest¹

Книга «Дозорные на Балканах» является первой в задуманном мною цикле исследований по истории политической и военной борьбы России за Балканский полуостров накануне и в годы Первой мировой войны. И потому вначале я попробую кратко очертить общий замысел, чтобы представить все части моего труда в их содержательной и смысловой взаимосвязи.

Начало XX в. и Великая война 1914–1918 гг. принесли Российской империи череду непоправимых военных, дипломатических и моральных поражений на многих ключевых направлениях, в том числе и на балканско-черноморском, что в итоге привело к гибели и распаду государства. На протяжении двухсот лет Россия военными и политическими средствами настойчиво и в целом успешно боролась за освобождение христианских народов Балканского полуострова и за укрепление своих позиций в этом ключевом регионе на границе Европы и Азии. Воздвигнутые за это время бастионы политического и нравственного влияния консервативной империи Романовых на Балканах казались незыблемыми. Однако представления русской политической и военной элиты о балканских государствах и роли России в их жизни зиждились на ненадежном фундаменте вековых мифов и иллюзий, осознание чего произошло слишком поздно. В результате Российская империя накануне и в годы Первой мировой войны не смогла сохранить свою исконную и желанную роль покровительницы, миротворца и арбитра народов полуострова, а вместо этого сама была вынуждена вступить в кровопролитную вооруженную борьбу на Балканах, в том числе и в братоубийственную схватку с Болгарией. В этом противостоянии России не достало сил ни для решительной победы над врагом, ни для успешного оказания помощи союзникам, ни для защиты своих собственных стратегических интересов.

Задуманный цикл книг станет исследованием истоков, причин и анатомии этой катастрофы русской политики и стратегии, а писать и читать о поражениях своей страны всегда тяжело, хотя и необходимо. И потому речь у нас неизбежно пойдет о жестокой розни едино-

¹ Прилично ли, мудро ли, так повторю, / О врагах Царя говорить Царю? / Мы знаем, что скрыли Небо и Ад, / Но в душу Царя не проникнет взгляд (Редьярд Киплинг. Баллада о царской шутке. Пер. с англ. А. Оношкович-Яцына).

верных и родственных народов, о потоках противоречивой и подчас ложной информации дипломатии и разведки, об их верных прогнозах и оценках, которыми не захотело или не смогло воспользоваться политическое и военное руководство Российского государства, о просчетах высших штабов ценою в тысячи человеческих жизней. Нам придется погрузиться в эпоху физического и морального разложения государственного аппарата поздней Российской империи, следы тлетворного воздействия которого несло на себе и военное ведомство, в том числе его органы планирования и разведки.

Россия в те годы не смогла выработать и успешно применить действенную стратегию политической и военной борьбы за Балканы. Однако это не означает, что усилия такого рода не предпринимались и что они не заслуживают интереса и внимательного изучения. Несмотря на допущенные ошибки и понесенные поражения, даже в ту эпоху упадка и кризиса на службе Российского государства находились действительно умные и выдающиеся офицеры и чиновники, способные глубоко постигать суть наблюдаемых процессов и предлагать смелые решения. Их донесения из балканских столиц, писавшиеся столетие назад, сохранили чудесное свойство переносить читателя в те дальние грозные годы, воскрешать для него давно умерших людей с их сложными характерами, мыслями и страстями, давать чувство живой сопричастности сокровенным тайнам разведки, дипломатии и войны. Если содержание моего труда будет хотя бы немного передавать такое ощущение, не раз испытанное мною над архивными документами, я сочту это своей величайшей удачей.

Именно эти люди — офицеры русского Генерального штаба и военной разведки, военачальники, а также некоторые дипломаты и сотрудники других ведомств — станут нашими спутниками на протяжении всего исследования, и со многими из них нам предстоит познакомиться достаточно близко. Мы будем посвящены в секреты их деятельности по сбору и осмыслению разведывательных данных и увидим, как плоды этих трудов претворялись в политические и военные решения высшего руководства нашей страны. Благодаря этому мы сможем соприкоснуться с процессом мышления ключевых ведомств империи, увидеть особенности их восприятия проблем Балканского региона и задач России на этом направлении. И такое погружение в тайны разведки, дипломатии и военной стратегии позволит нам лучше понять причину поражений поздней Российской империи на Балканах.

Область научного знания, к которой относятся мои исследования, достаточно традиционна и консервативна — это военно-политическая история, с преимущественным вниманием к проблемам выработки,

принятия и воплощения решений в области внешней политики и военной стратегии. Я старался показать, как информация, прежде всего, получаемая по закрытым каналам секретных служб, из простого документированного отражения реальности превращалась в самостоятельные, жившие своей жизнью и подчинявшиеся особым законам побудительные мотивы большой политики и войны, в их движущую силу. Лишь выяснив *в подробностях*, что именно было известно ответственным военным и политическим руководителям о событиях во внешнем мире, можно понять происхождение и суть их решений. При всей очевидности этой мысли, следует признать, что до сих пор подобных исследований, по крайней мере по истории военной и большой государственной стратегии Российской империи, было создано прискорбно мало.

Итак, основа всего моего исследования — материалы разведки и военного планирования, и поэтому первую книгу цикла я решил целиком посвятить проблемам организации работы секретных служб России на Балканах в годы царствования императора Николая II. Близкое знакомство с центральными и местными органами русской разведки, которые занимались Балканами в тот период, а также с их офицерами, чиновниками и тайными агентами позволит сделать ценные самостоятельные выводы о степени соответствия секретных служб империи вызовам времени. А в дальнейшем это знание поможет нам лучше понимать ключевые проблемы происхождения и попыток претворения в жизнь стратегических решений России на черноморско-балканском направлении.

Книга «Дозорные на Балканах» посвящена, главным образом, проблемам деятельности военной разведки, но я старался уберечься от соблазна написания остросюжетной «шпионской истории» в научно-популярном и коммерчески востребованном жанре. И хотя в этой книге описываются, наряду с прочими, откровенно авантюрные и скандальные эпизоды работы секретных служб — все они воссоздаются мною строго по документальным первоисточникам и потому в равной мере заслуживают внимания специалистов.

Вслед за первой книгой, целиком посвященной проблемам деятельности спецслужб, увидят свет, по меньшей мере, еще две книги задуманного цикла. В одной из них будет рассказано о роли информационно-аналитической работы русской разведки в военной и политической борьбе двух лагерей великих держав за Балканы в критически важный период от окончания 2-й Балканской войны летом 1913 г. до вступления Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав в сентябре 1915 г., что стало предюдией германо-австро-болгарской военной операции по разгрому Сербии.

Третья книга будет посвящена «горячей», военной фазе борьбы России за Балканы, которая пришлась на период от вступления Болгарии в войну до разгрома Румынии войсками Четверного союза в конце 1916 г. Здесь в центре нашего внимания окажутся планирование экспедиции русских вооруженных сил на Балканы с осени 1915 г., подготовка политической и военной конвенции Антанты с Румынией, открытие и первые операции Румынского фронта и поход русских войск в Добруджу, а также события на Салоникском фронте.

Надеюсь, что воплощение в жизнь этого замысла позволит вписать еще одну страницу в славную трудами прошлого, но оскудевающую к нашему времени летопись академической имперской историографии внешней политики и стратегии России. По своей воле и беспристрастно исследуя пороки и язвы военной и бюрократической систем поздней Российской империи, я неизменно стоял на государственных позициях и не пытался купить чужую дружбу ценой шельмования исторической России. Я буду особенно рад, если плоды моих исследований хоть немного поспособствуют расширению исторического кругозора и профессиональных познаний отечественных военных специалистов, дипломатов, разведчиков и иных служилых людей, занимающихся традиционно значимым для России Черноморско-Балканским регионом.

Общее направление научных поисков, результатом которых стала и эта книга, было выбрано мною много лет назад, еще во время учебы на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Точнее, это произошло в 1999 г., горько памятной военной агрессией западных стран против Югославии и позорным бессилием тогдашней либерально-олигархической официальной России вступить за братское славянское государство. Неудивительно, что именно с того времени русская военная политика на Балканском полуострове всерьез и надолго стала предметом моего интереса. К тому же изучение Балкан и их народов всегда было для России и русских средством познания самих себя.

Когда я еще студентом начинал работу над исследованием той эпохи, я был буквально опьянен густым и ароматным, как турецкий кофе и ракия, балканским колоритом и хитросплетениями тайной войны секретных служб. Песни четников и навьюченные динамитом ослы², от-

² В 1911–1912 гг. Внутренняя Македонско-Одринская революционная организация (ВМОРО) осуществляла в турецких владениях т.н. «*магарешки атентати*», т.е. террористические акты в виде подрыва в публичных местах адских машин, навьюченных на ослы. Эти диверсии в значительной степени спровоцировали начало 1-й Балканской войны 1912–1913 гг.

равленные ятаганы³ и стрельба по-македонски, «Черная рука» и набеги хищных арнаутов, военные перевороты и штыковые атаки «на нож», драгомань и кавасы, всеведущие консулы-шпионы и продажные местные политики — все это захватывало мое воображение и вдохновляло мои научные поиски. Позже пришло неизбежное отрезвление; зато я начал, как мне кажется, немного лучше понимать некоторые черты поведения и мышления народов Балкан и их правителей, неизбыточную кровавую грязь и вероломство балканской политики, ее незамысловатое, но опасное двуличие и мелочный, жестокий эгоизм местных «великих национальных идей». Без описанного увлечения историком нельзя подступать к изучению своей темы, но без известного скепсиса и разочарования в предмете исследования — нельзя из него выйти, чтобы создать законченный, зрелый труд.

Большая часть этого исследования была написана в те годы, когда казалось, что Россия надолго, если не навсегда, покинула Балканы и что ее прежняя военная и политическая стратегия на балканском направлении и в Восточном вопросе теперь может быть предметом лишь сугубо академического интереса. Стратегические рубежи, которые охраняли русские «дозорные на Балканах» в начале XX в., в наше время передвинулись намного ближе к сердцу России. Теперь наша страна вынуждена вести борьбу за умы и сердца уже не южных, а восточных славян. Однако пути истории переменчивы и трудно предсказуемы. Быть может, обновленная Россия скорее, чем мы думаем, захочет вернуть себе место на Балканах, достойное ее великого прошлого, и тогда опыт событий, описанных в этой книге, может оказаться востребован и использован во благо.

* * *

Одной из особенностей моей книги является насыщенность ее текста выдержками, в том числе довольно обширными, из различных архивных документов. Я пошел на это сознательно, поскольку считаю, что подлинный, прямо цитируемый текст источников скорее сможет донести до читателя живой дух эпохи. Найденные и используемые мною документы являют яркие образцы служебной мысли генштабистов, разведчиков и дипломатов изучаемой эпохи, и потому они особо ценны именно в виде прямой речи тех людей, а не в пересказе, тем более с использованием чудовищно бессмысленного и невразумительного «высокого штиля» современной академической науки.

³ Именно таким оружием 3 (15) июля 1895 г. на улице Софии был смертельно ранен бывший «железный диктатор» Болгарии Стефан Стамболов. Заговорщики-македонцы применили клинковое оружие, потому что знали, что бывший министр-председатель обычно носит закаленный в Австрии защитный жилет.

При цитировании документов я старался, по возможности, сохранить все особенности первоисточников, за исключением необходимых мелких орфографических и пунктуационных исправлений. Для удобства восприятия читателей цитируемые телеграммы приводятся в виде обычного текста, со вставкой по умолчанию пропущенных предлогов и союзов. В делопроизводственных документах того времени словосочетания «государь император» и «его императорское величество» целиком писались прописными буквами, но я в цитатах пишу их строчными. Названия месяцев года и политических наций, аристократические титулы, служебные чины, слова «правительство», «министерство», «консульство», «армия», «корпус» и т.п. в документах, как правило, писались с прописных букв, но я в целях унификации во всех цитатах заменил их на строчные. Ссылки на архивные документы там, где это важно, даются в развернутом виде, с обозначением авторов, адресатов, дат и номеров документов, причем для удобства восприятия заголовки документов приводятся после архивного шифра. В остальных случаях дается лишь обычная краткая ссылка на листы архивных дел.

В начале XX в. и в годы Первой мировой войны Российская империя и православные балканские страны жили по Юлианскому календарю (т.е. по «старому стилю»); на Григорианский календарь Болгария перешла в 1916 г., Сербия и Румыния — в 1919 г., Греция — в 1924 г. В то время летоисчисление по Юлианскому календарю «отставало» от Григорианского на 13 дней. Делопроизводство русской военной разведки велось именно по старому стилю; у дипломатов чаще применялась двойная датировка документов. Большинство дат в книге приводится по Юлианскому календарю и лишь в отдельных случаях — по обоим стилям.

На страницах книги встречаются названия многих населенных пунктов, рек, гор Балканского полуострова, которые по-разному именуются народами этого региона. Отлично сознавая, что вопрос об использовании того или иного географического названия на Балканах всегда был и поныне остается вопросом большого политического значения, я старался использовать те названия, которые наиболее часто применялись главными действующими лицами этой книги — офицерами русского имперского Генштаба. Использование этих названий имело за собою традицию, выработавшуюся за двести лет активной политики и войн России на Балканах, и было свободно от любых проявлений местного национализма или мифического «имперского высокомерия». Эти названия по происхождению могли быть греко-византийскими (Филиппополь, Адрианополь, Константинополь), могли — турецкими (Руцук, Шумла, Плевна). Русские представители писали: Салоники (а не Солун, Селяник или Фессалоники), Констанца (а не Кюстенджи).

Приморские города Албании обозначались их итальянскими названиями — Дураццо (а не Драч или Дуррес), Сан-Джованни-ди-Медуа (а не Медова), Валона (а не Влёра). В использовании географических названий представителями разных ведомств Российской империи присутствовал и некоторый разнобой. Так, административный центр Македонии военные агенты называли на славянский манер Скопле (Скопье), а дипломаты писали по старинке — Ускюб, это же слово сохранялось в названии должности русского консульского представителя в данном городе. Другой ключевой населенный пункт Македонии русские офицеры и дипломаты попеременно именовали славянским названием Битоль (Битоля) и греческо-турецким Монастир (или Монастырь). В отношении написания имен собственных действующих лиц этой книги я также старался следовать стилю документов русской разведки и дипломатии, допуская лишь незначительные отклонения. Так, румынские фамилии приводятся мною, за исключением цитат, с окончанием на «-у» — например, «Брэтиану», а не «Братиано», как это писалось в русских документах того времени. Однако фамилия русского подданного жандармского ротмистра К.Д. Кречунеско, видного сотрудника политического сыска на Балканах, приводится так, как она писалась в его послужном списке и других официальных документах о его службе в России.

В моем тексте встречаются также некоторые широко известные телеграфные сокращения ключевых должностей — например, Главковерх (Верховный главнокомандующий), наштаверх (начальник штаба Верховного главнокомандующего), штаюз (штаб Юго-Западного фронта), — введенные в России на исходе кампании 1915 г. Для простоты и удобства я использую их и применительно к более раннему периоду войны. Их расшифровка дается в списке сокращений и аббревиатур.

Излишне говорить, что все фактические и смысловые ошибки, а также погрешности в переводе с иностранных языков, возможно, встречающиеся в этой книге, принадлежат исключительно мне и отвечаю за них я один. Никакие лица, ведомства, учреждения или организации не несут ответственности за мои суждения, взгляды и выводы.

Я буду искренне признателен за отзывы и замечания по этой книге, а также за указания на обнаруженные ошибки, которые прошу посылать мне по адресу электронной почты: vbkashirin@mail.ru.

Август 2014

Москва — село Павловское — Тирасполь

БЛАГОДАРНОСТИ

Первую благодарность — из рода тех, которые очень трудно выразить словами, — я приношу моим дорогим и горячо любимым родителям — Борису Александровичу и Екатерине Васильевне Кашириным. На протяжении долгих лет моей учебы и всех последующих шагов на научном поприще они дарили мне тепло и заботу. Им я посвящаю эту книгу, которая никогда не была бы написана без их поддержки, терпения и веры.

Я благодарю моего учителя и научного руководителя кандидата исторических наук О.Р. Айрапетова (МГУ им. М.В. Ломоносова), которому я обязан своим становлением как историка внешней и военной политики Российской империи, выбором темы моей диссертации и области специализации в целом, ценными жизненными советами и еще многим другим. Сотрудники кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова доценты, кандидаты исторических наук М.М. Шевченко и Ф.А. Гайда взяли на себя труд прочитать мою объемную рукопись, притом в ее первых и достаточно несовершенных редакциях. Я весьма признателен этим многознающим специалистам по русской истории за ценные и непредвзятые замечания.

С глубоким почтением выражаю свою благодарность доктору исторических наук А.Л. Шемякину (Институт славяноведения РАН, Москва), выдающемуся отечественному сербисту, и доктору исторических наук В.М. Безотосному (Государственный исторический музей), одному из первопроходцев современного изучения истории русской военной разведки. Они выступили доброжелательными официальными оппонентами моей диссертации и дали мне ценные советы, каждый в своей области. Профессор, доктор исторических наук В.В. Дегоев (Московский государственный институт международных отношений (университет)) составил положительный внешний отзыв на мою диссертацию; ему же я обязан полезными рекомендациями. Следующая благодарность по праву принадлежит моим замечательным друзьям — доктору исторических наук А.В. Ганину (Институт

славяноведения РАН), блестящему знатоку истории вооруженных сил, казачества и корпуса офицеров Генерального штаба России, согласившемуся выступить рецензентом этой книги, и доктору истории Полу Алану Симмонсу, увлеченному и искушенному исследователю русской армии времен Первой мировой войны, неунывающему оптимисту. Оба они помогли мне словом и делом. Я также благодарю моего друга О.Е. Алпеева (Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба, Москва), глубокого специалиста по истории военной стратегии Российской империи и великолепного картографа, который не только давал мне ценные советы по теме моего исследования, но и нарисовал для этой книги отличную карту Балканского полуострова в 1914 г.

Благодарю весь коллектив сотрудников отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН во главе с его руководителем доктором исторических наук С.И. Данченко. Годы совместной работы и общения с этими замечательными людьми и прекрасными учеными позволили мне сделать мою рукопись гораздо лучше, а также обогатиться новыми знаниями, опытом и светлыми эмоциями.

Отдельно хочу поблагодарить профессора, члена Британской академии, светлейшего князя Доминика Христофора Богдана Ливена (Кембридж, Великобритания). Общение с ним многому научило меня, а благодаря его доброте и гостеприимству его семьи я смог успешно поработать в Национальном архиве Соединенного Королевства в мае 2006 г.

Многие мои отечественные и зарубежные коллеги, знакомые и друзья щедро и бескорыстно делились со мной своими мыслями и знаниями, рабочими часами и свободным временем, оказывали неоценимую помощь в поиске и копировании книг и документов. В общении, иногда и в спорах с ними рождались многие идеи, отраженные в моей книге. Знакомство с этими людьми я считаю одной из главных удач в своей жизни. Вот их имена (а регалии и место работы могли измениться за прошедшее время): профессор, доктор Брюс У. Меннинг (Колледж Генерального штаба и армейского командования, Форт Ливенворт, Канзас, США), профессор, доктор Мирослав Йованович и доктор Горан Милорадович (Белградский университет, Сербия), доктор Николаос Папастратигакис (Афины, Греция), кандидат исторических наук, майор Далибор Денда (Институт стратегических исследований Министерства обороны, Белград, Сербия), кандидат исторических наук Р.Р. Субаев (Институт славяноведения РАН, Москва), доктор Инна Манасиева (Институт истории Болгарской академии наук, София), докторант Кристоф Гумб (Берлинский университет им. Гумбольдта, ФРГ), докторант Халит

Дюндар Акарджа (Принстонский университет, США), докторант Ибрахим Кёремезли (Билькентский университет, Анкара, Турция), докторант Дарин Стефанов (Университет Калифорнии, США), моя однокурсница по истфаку МГУ сербист Н.В. Конюшенкова (Москва), историк А.А. Петров (Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва), кинорежиссер-документалист Д.В. Федорин (Москва), доктор истории Флавиус Соломон (Институт истории им. А.Д. Ксенополя Румынской академии наук, Яссы).

Выражаю признательность мемуаристу, внучатому племяннику русского военного агента в Болгарии и Румынии полковника А.А. Татаринова Г.А. Амал-Топарх-Юрьеву (Мельбурн, Австралия), который сообщил мне интереснейшие сведения по истории его семьи.

Благодарю П.В. Булгакова, общение с которым позволило мне существенно продвинуться в изучении Румынии в языковом и страноведческом отношении.

Особую благодарность я приношу действующим и бывшим сотрудникам Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), на многие годы ставшего моим вторым домом. Эти мужественные и отзывчивые люди, в непростых условиях несущие свое высокое служение, всегда были внимательны, добры и терпеливы со мной, оказывая мне бесценную помощь во время моих архивных поисков. Вот имена лишь некоторых из них: Т.Ю. Бурмистрова, М.С. Нешкин, С.А. Харитонов, кандидат исторических наук Л.И. Цвижба, кандидат исторических наук О.В. Чистяков, Д.П. Шергин. Отдельная искренняя благодарность сотруднице РГВИА и моему другу Ю.В. Киреевой.

Я благодарю руководство воинской части № 45807 Министерства обороны Российской Федерации за доброжелательное внимание к моему исследованию и любезное разрешение на работу с рассекреченными документами фонда Главного разведывательного управления в Российском государственном военном архиве (РГВА). Как показывает опыт, иногда даже к открытым документам разведки путь историка может быть труден и тернист.

Я благодарен также многочисленным сотрудникам читальных залов и хранилищ Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ; зав. читальным залом Н.И. Абдулаева), РГВА, Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки, Библиотеки философского факультета Белградского университета, Британской библиотеки — всем тем людям, имен которых я не знаю или не помню.

Выражаю искреннюю благодарность двум руководителям, под начальством которых мне выпала честь работать, — Л.П. Решетникову,

генерал-лейтенанту в отставке, директору Российского института стратегических исследований, и доктору исторических наук К.В. Никифорову, директору Института славяноведения РАН. Обоим этим людям довелось в своей жизни совмещать научное изучение Балкан и практическую работу на балканском направлении на пользу Российского государства. Я искренне признателен им за профессиональное доверие, поддержку и ценные советы по работе и жизни.

Наконец, я благодарю всех остальных моих близких, друзей и знакомых, кто хоть немного, словом или делом, поддерживал меня во время работы над этой книгой.

Введение

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА И СТРАТЕГИЯ ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА БАЛКАНАХ: К ПОСТАНОВКЕ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Военная разведка как особый вид человеческой деятельности, направленный на сбор и осмысление сведений об окружающем мире в военных интересах⁴, является столь же древней и неотъемлемой частью жизни общества, как само насилие, этот вечный двигатель истории. Усложнение и совершенствование методов работы и организационных структур разведки военного ведомства стало одной из наиболее важных составляющих начавшегося в Новое время процесса институционального становления службы стратегического военного планирования. В силу этого ведомственное оформление разведывательных органов определялось общими закономерностями развития института профессионального Генерального штаба, который в своем законченном виде стал одним из главных творений революции XIX в. в области военного дела.

Генеральные штабы военного и военно-морского ведомств Российской империи и ряда других держав явились центрами стратегической и военно-научной мысли, а также организаторской деятельности руководящих сил военной корпорации, получившими в свое распоряжение все достижения современной науки и техники и сосредоточившими в своих руках огромное политическое влияние. Стремительное развитие новых технологий подготовки и ведения войны в XIX в. вело к тому, что мнение высокопоставленных генштабистов, представлявшее, прежде всего, профессиональную и ученую военную (а не клановую, сословную или партийную) точку зрения на различные проблемы жизни общества, звучало все более весомо среди голосов других властных институтов государства. Роль и значение этого влияния корпуса военных технократов были неоднозначны.

⁴ Такое обобщающее и краткое определение военной разведки как вида деятельности является, на наш взгляд, предпочтительным по сравнению с громоздким и заведомо неполным перечислением всего того, что может и должно вызывать интерес военных ведомств и их разведывательных служб. Подробный и весьма содержательный филологический и профессионально-терминоведческий анализ истории понятия «разведка» в русском языке можно найти в монографии: Алексеев М. Лексика русской разведки (исторический обзор). М., 1996.

Не подлежит сомнению, что среди офицеров-генштабистов всех без исключения стран было велико число носителей алармистских и экспансионистских идей, агрессивных «ястребов», апостолов милитаризма и превентивных войн. Традиционно принято считать, и не совсем обосновательно, что чрезмерный рост влияния Генеральных штабов на процесс выработки внешнеполитических решений способствовал необратимому ускорению гонки вооружений, состязанию в области мобилизационной готовности, развития стратегических коммуникаций, территориальной экспансии и, как следствие, росту международной напряженности. В конце концов это привело к возникновению Первой мировой войны, беспощадно сокрушившей старый европейский и мировой порядок.

С другой стороны, развитие института профессионального Генерального штаба стало одним из важнейших факторов модернизации военной и политической элиты государств Нового времени, а также источником ряда реформ, благодаря которым шло повышение эффективности организации вооруженных сил и усовершенствование многих органов, инструментов и самих принципов государственного контроля и управления. Однако многие преобразования, инициированные офицерами-генштабистами и традиционно рассматривавшиеся историками как либеральные нововведения, на самом деле не были сколько-нибудь «либеральными» ни по замыслу, ни по принципам осуществления, ни по конечному результату. Тем не менее, исследователями были высказаны весьма плодотворные идеи о том, что в конце XIX — начале XX в. офицеры-генштабисты, даже будучи верноподанными представителями потомственного дворянства, своими профессиональными устремлениями и достижениями объективно способствовали ослаблению господства родовой аристократии в военной сфере, размыванию и подрыву основ «старого режима» и традиционной монархии в Европе⁵.

В Российской империи в период царствования императоров Александра I, Николая I и Александра II трудами таких видных военных руководителей и теоретиков, как П.М. Волконский, И.И. фон Дибич, К.Ф. фон Толь, А.-А. Жomini, Н.В. Медем, П.А. Языков, Д.А. Милютин, Н.Н. Обручев, Г.А. Леер, и десятков других офицеров в результате глубокого осмысления опыта Наполеоновских войн и, позднее, европейских войн 1850–1870-х гг. был заложен фундамент службы Ге-

⁵ Об этом см., например: Шапошников Б.М. Мозг армии: в 3 т. М., 1927–1929; Bucholz A. Moltke, Schlieffen and Prussian War Planning. Providence; Oxford, 1993; Rich D.A. The Tsar's Colonels. Professionalism, Strategy and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge, MA; L., 1998; Айранетов О.П. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003; Steinberg J.W. All the Tsars Men. Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Baltimore, 2010.

нерального штаба и системы академического военного образования, сформулированы основы их доктрины⁶. Ключевое место в ней отводилось всестороннему военно-географическому и статистическому изучению самой России и внешнего мира в соответствии с принципами и методами рационально-позитивистской науки. Дальнейшее развитие добывающих и аналитических возможностей разведывательных служб позволило высшим штабам Российской империи и других великих держав уже в последние десятилетия XIX в. перейти от сбора и обобщения военно-статистических сведений о зарубежных странах к систематическому, основанному в том числе и на секретных документальных источниках, изучению мобилизационных, стратегических и оперативных планов потенциальных противников и союзников, к долгосрочному прогнозированию изменений военной и политической обстановки в наблюдаемых регионах.

Данные, накопленные новой военно-статистической наукой, с 1870-х гг. легли в основу глубокого и цельного милютинско-обручевского стратегического плана подготовки России к континентальной войне с Германией и Австро-Венгрией. Успехи отечественного военно-научного востоковедения — важной ипостаси военной разведки — обеспечили распространение русского владычества и влияния на колоссальные территории Средней Азии и Дальнего Востока во 2-й половине XIX в. С другой стороны, крупные войны, ведшиеся Россией в тот период, — Крымская война 1853–1856 гг. и Освободительная Русско-турецкая 1877–1878 гг. — вскрыли существенные недочеты в организации стратегической и политической разведки, в освещении и анализе планов, намерений и военного потенциала неприятеля. Фатальные ошибки в разведывательном изучении Японии и отсутствие единства подходов и мнений в процессе обработки данных разведки

⁶ При этом русский Генеральный штаб XIX в. уже имел за своей спиной пройденный в течение XVIII столетия длинный путь развития в качестве генерал-квартирмейстерской службы. О становлении и эволюции Генштаба в России см.: *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. Т. 1: 1698–1825 г. СПб., 1883; Т. 2: 1826–1855 г. СПб., 1894; *Макишев Ф.А.* Генеральный штаб. Сравнительный очерк современного устройства его в армиях — русской, германской, французской и австрийской. СПб., 1899; *Гейсман П.А.* Генеральный штаб. Краткий исторический очерк его возникновения и развития. Ч. 1: Генеральный штаб до Наполеона I. СПб., 1903; *Скачков В.* Из истории возникновения и развития общевойсковых штабов русской армии // *Военная мысль.* 1953. № 3. С. 58–70; *Оськин Г.* Возникновение и развитие службы Генерального штаба в русской армии // *Военно-исторический журнал.* 1969. № 3. С. 91–97; *Кавтарадзе А.Г.* Из истории русского Генштаба // Там же. 1971. № 12. С. 75–80; 1972. № 7. С. 87–92; 1974. № 12. С. 80–86; 1976. № 3. С. 103–109; *он же.* Войсковое управление генерального штаба русской армии // Там же. 1978. № 6. С. 77–81; *Van Dyke C.* Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. N.Y.; Westport, CT; L., 1990; *Rich D.A.* The Tsar's Colonels...; *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольте». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998; *Зайцов А.А.* Служба Генерального штаба. Жуковский; М., 2003.

стали одной из корневых причин трагического поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

В период с 1905 по 1914 г. структура русского Генштаба и, в частности, органы его разведки подверглись существенным преобразованиям, увеличившим эффективность их работы и повысившим их авторитет в имперском руководстве. Накануне и в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Генеральный штаб и сформированная на его основе Ставка Верховного главнокомандующего сконцентрировали в своих руках огромное влияние. Выработка военной стратегии Российской империи оказалась в ведении весьма узкого круга экспертов-генштабистов (Ф.Ф. Палицын, М.В. Алексеев, Ю.Н. Данилов и их ближайшие помощники), формально занимавших подчиненное положение по отношению к императорской власти, но фактически монополизировавших процесс стратегического планирования и интеллектуальной разработки важнейших военно-управленческих мероприятий. В их непосредственном ведении находилась и военная разведка, от донесений которой напрямую зависело принятие тех или иных решений высшим руководством страны.

Среди историков до сих пор не существует единства мнений относительно того, был ли Генеральный штаб поздней Российской империи оплотом реакционно настроенной и консервативной дворянской касты, стоявшей на страже старых порядков, или же революционным органом, при помощи которого одаренные служилые разночинцы оттесняли родовую аристократию от руководства военной сферой. Противоположные и далеко не всегда обоснованные суждения высказываются об уровне профессиональной компетентности, психологии и мировоззрения русских генштабистов. При этом история русского Генерального штаба, его ключевых деятелей и их стратегической работы содержит огромное количество «белых пятен», а историографией накоплен пока еще слишком малый фактический материал в данной области. Одним из наиболее важных и на сей день наименее выясненных историками вопросов является проблема происхождения и мотивации внешнеполитических взглядов Генерального штаба Российской империи, а также их роли в процессе выработки и принятия стратегических решений во время мира и войны. Ответы на эти вопросы должны лежать в разных сферах — в области индивидуальной и коллективной психологии и мировоззрения ответственных руководителей и экспертов Генштаба, особенностей их профессионального образования, служебного опыта, военной и политической доктрин, чисто технических соображений, взаимоотношений с другими ведомствами и, наконец, но далеко не в последнюю очередь, в области разведывательной деятельности.

Став предметом ведения самостоятельной наукоёмкой отрасли службы Генштаба, старинное шпионское искусство «плаща и кинжала» в течение XIX в. превратилось в одну из важнейших интеллектуальных технологий в области военного планирования. При этом значение разведывательной деятельности не исчерпывалось одним лишь ее влиянием на оперативную работу Генеральных штабов. Ложась на рабочие столы высшего руководства и самого императора, донесения военной разведки играли подчас решающую роль в формировании представлений правящих кругов страны о положении в мире. Российской империей всегда управляли военные; влиятельнейшие деятели государства, прежде всего императоры и другие представители династии, занимавшие ключевые должности в вооруженных силах, были наследственными носителями воинской психологии, этой важной черты аристократии старого строя. Благодаря этому доводы и соображения военного характера много легче прочих находили путь к умам и сердцам правителей империи, обычно перевешивая мнения дипломатического и финансового ведомств.

Информация военной разведки являлась краеугольным камнем, на котором зиждился процесс выработки внешнеполитического курса и подготовки России, как и других великих держав той эпохи, к предстоявшим вооруженным конфликтам. Кроме того, разведывательное изучение зарубежных стран и населяющих их народов было одним из главных средств профессионального познания внешнего мира представителями корпуса генштабистов. Разведывательная деятельность была важным источником эволюции мировоззрения и психологии офицеров русского Генштаба дореволюционного периода, значительное число которых на центральном и местном уровнях было вовлечено в процесс добывания и анализа данных разведки. Военная разведка стала могущественным инструментом, дававшим экспертные знания и власть над ходом событий, отчасти даже над волей и замыслами противника. Однако этот инструмент был обоюдоострым оружием, которое изменяло и тех, кто с ним работал, создавая их личные представления и стойкие ведомственные традиции восприятия зарубежья, внешних угроз и вызовов, задач русской политики и стратегии в мире.

Таким образом, история русской военной разведки XIX — начала XX в. представляет исключительно важную и актуальную проблему, изучение которой необходимо для понимания многих основополагающих закономерностей внешней политики, стратегии и военного строительства Российской империи, а также деятельности и профессионального мышления ее корпуса генштабистов. В частности, без исследования этой темы невозможно ответить на вопрос, в какой степени русский Генштаб и его служба разведки были способны преодолеть

кризисные явления в системе принятия внешнеполитических решений высшим руководством империи в последний период ее существования. Разработка этой проблемы позволит полнее понять природу данного кризиса, непосредственно приблизившего крушение старого режима в России.

В области изучения истории военной разведки можно выделить несколько основных комплексов научных задач и проблем.

Во-первых, это — профессиональные и организационные аспекты работы военной разведки. В круг этих проблем входят вопросы структурной организации, подчиненности, кадровой политики разведывательных служб, принципов и методов сбора и обработки ими информации, их агентурной работы и т.д. К этой же области относится очень важная проблема межведомственных взаимоотношений, координации взглядов и усилий институтов и учреждений в сфере разведки. До настоящего времени на этих вопросах было сосредоточено преимущественное внимание исследователей истории разведки, прежде всего сотрудников специальных служб, представляющих «ведомственное» направление в историографии данной темы.

Во-вторых, это — корпоративная психология, мировоззрение, политические и профессиональные взгляды офицеров военной разведки, отраженные на страницах их донесений из-за рубежа, в их аналитических оценках и прогнозах. Научный поиск в этом направлении позволит дать многие ответы на вопросы о корпусе генштабистов изучаемого периода, о складе и особенностях его служебного, ведомственного и человеческого мышления. В частности, только таким образом может быть решена важнейшая проблема мотивации внешнеполитических решений офицеров Генерального штаба.

В-третьих, это влияние донесений военной разведки на формирование стратегических и политических взглядов руководителей военного ведомства и государства. Названная проблема является наиболее сложной, и она венчает собой исследование деятельности военной разведки. Разработка этих вопросов способна выявить некоторые общие механизмы и закономерности воздействия разведки на процесс и результаты стратегического планирования, на принятие и претворение в жизнь решений в области внешней и силовой политики.

Естественно, все перечисленные аспекты истории военной разведки тесно связаны между собой, а потому и изучать их нужно комплексно. Эта и последующие книги нашего цикла представляют собой попытку научного исследования обозначенных проблем на примере деятельности русской военной разведки на Балканском полуострове накануне и в годы Первой мировой войны. Такой выбор объясняется и собранным нами богатейшим документальным материалом, и яркостью его фак-

туры, но главное — тем огромным значением, которое имел в истории Российской империи Черноморско-Балканский регион.

Со времен императора Петра I Великого Балканы были важнейшим направлением внешней политики и военной стратегии России. На протяжении XVIII и XIX вв. Российская империя вела восемь сухопутных войн на нижнем Дунае и Балканском полуострове (1710–1713, 1735–1739, 1768–1774, 1787–1792, 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856, 1877–1878 гг.), не считая военных экспедиций русского флота в Восточное Средиземноморье и Адриатику и разновременных периодов оккупации Дунайских княжеств. Из поколения в поколение русские солдаты воевали на Балканах, дипломаты вели явные и тайные переговоры о судьбах региона, путешественники, ученые и разведчики изучали страны и народы полуострова, публицисты, писатели и философы создавали идеологическую основу активной политики России в Восточном вопросе. Наступательные действия на черноморско-балканском направлении — борьба за освобождение поработанных единоверных и братских народов, а также за продвижение к Дунаю, Проливам, южным морям и перекресткам мировых коммуникаций — служили важнейшим источником мотивации внешней политики и консолидирующим основанием всей государственной жизни Российской империи, по наследству переходившим от отцов к детям.

Каждая новая война России на Балканах, вне зависимости от ее исхода, вела к дальнейшему разрушению османского господства на полуострове и, в долгосрочной перспективе, к ослаблению русского влияния в этой части мира. С возникновением и укреплением молодых независимых государств региона, с выделением амбициозных национальных гражданских и военных элит из прежней однородной массы угнетенной христианской «райи» — усложнялась политическая обстановка на Балканах, изменялись и запутывались задачи русской стратегии. При этом видение и понимание балканской проблематики дипломатами, генералами и высшими должностными лицами Российской империи начинало проявлять все большую инертность и все меньше соответствовало вызовам времени и реальному положению вещей. Первая мировая война стала итоговым экзаменом балканской политики и стратегии Российской империи, в ходе которого суровой проверке на жизнеспособность и эффективность был подвергнут весь двухсотлетний военный и дипломатический опыт русского имперского руководства, накопленный в отношении Балкан. Испытание это было полностью провалено, что стало одной из причин поражения России в мировой войне, последовавшего крушения исторической русской государственности, утраты традиционных идеалов и целей ее внешней политики.

Последние полтора десятилетия XIX в. Балканы находились вне зоны влияния России и на периферии интереса ее органов стратегического планирования. Из-за провала русской политики в регионе Главный штаб военного ведомства империи под руководством генерала Н.Н. Обручева был вынужден почти полностью игнорировать балканское направление в своих расчетах и планах. Самим Обручевым Балканы рассматривались, прежде всего, как огромная геополитическая ловушка на пути экспансии Австро-Венгрии. «Русский Мольтке» справедливо полагал, что путь в Салоники должен был свести Двудеиную монархию в могилу и что задачей русской дипломатии было толкнуть ее на этот путь⁷. Этим для Обручева, по сути, исчерпывалась роль Балкан в русской стратегии.

В конце XIX в. русская дипломатия стремилась законсервировать ситуацию на Балканах, чтобы развязать России руки для экспансии на Дальнем Востоке. Однако сведения об активизации военного сотрудничества между Австро-Венгрией и Румынией заставили Петербург искать сближения с Болгарией и Сербией, вплоть до образования военного союза балканских славян под эгидой Российской империи. Русский Генштаб вновь начал серьезно рассматривать возможность использования армий балканских союзников в будущей борьбе против Австро-Венгрии или Турции⁸. Этим задачам благоприятствовали и временное улучшение отношений с Болгарией (военная конвенция 31 мая 1902 г.), и поиски сближения со стороны короля Сербии Александра Обреновича, и даже переворот 29 мая 1903 г., вернувший на сербский престол пророссийскую династию Карагеоргиевичей.

Неудачная для русского оружия война с Японией 1904–1905 гг. и революция 1905–1907 гг. на время похоронили эти планы. И лишь после преодоления последствий кризиса тех лет Российская империя и ее военное ведомство вновь обратили свое внимание на Балканы, Проливы и Восточный вопрос в целом. Однако эти замыслы не успели получить сколько-нибудь законченного вида из-за быстрого разрастания кризиса на Балканах и в Европе.

В десятилетие перед мировой войной первенствующую роль в выработке и проведении балканской политики Российской империи играло Министерство иностранных дел, равно не склонное прислушиваться к мнению других ведомств в этой области и принимать на себя ответственность за последующие провалы. В результате двух Балкан-

⁷ Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке»... С. 251.

⁸ См., например: РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Ед. хр. 111. Л. 1–47. Сахаров В.В., Жилинский Я.Г., Алексеев М.В. Записка «Вооруженные силы Болгарии, Сербии, Черногории и Румынии. Привлечение армий этих государств к совместным действиям с русскими войсками в случае войны». Не позднее 10 ноября 1902 г.

ских войн 1912–1913 гг. и распада Балканского союза христианских государств военно-политическая обстановка в регионе резко изменилась не в пользу России и ее союзников, но осознание последствий этого пришло лишь позднее.

Ко времени начала мировой войны русское военное руководство рассматривало Балканы, прежде всего, с точки зрения возможности отвлечения значительной части неприятельских сил с главного театра будущей борьбы. Однако уже в конце 1914 г. провал расчетов на быстрое достижение победы и очевидность угрозы позиционной войны на измор на Востоке и Западе заставили воюющие стороны иначе взглянуть на Балканский полуостров, который был стратегическим предпольем черноморских Проливов и сухопутной дорогой на Ближний Восток. И для Антанты, и для лагеря Центральных держав схватка за Балканский полуостров стала борьбой за возможность, по выражению крупного знатока истории Первой мировой войны О.Р. Айрапетова, «удушать противника и не быть удушенными самим», поскольку от обладания ресурсами региона и пролежавшими через него важными коммуникациями зависела способность противоборствующих лагерей осуществлять стратегию измора в отношении своих противников и поддерживать сообщение с союзниками. Если Германия и Австро-Венгрия не могли вести затяжную войну без румынской нефти и зерна, без других источников стратегического минерального и сельскохозяйственного сырья Малой Азии и Балкан, то Россия задыхалась без связи с западными союзниками через черноморские Проливы, да и путь через Салоники, Сербию и Дунай тоже был, до сентября 1915 г., самой короткой и потому весьма важной линией сообщения между Россией и союзными державами Антанты.

Изменчивая военная и политическая обстановка на Балканах вынуждала верховное командование обоих воюющих лагерей разрабатывать планы активных действий на полуострове, попеременно то в наступательных, то в оборонительных целях. Благоприятные итоги боевых действий в 1914 г. и в первые месяцы 1915 г. позволили России и ее союзникам обратиться к обсуждению планов концентрического наступления русской, сербской, итальянской и румынской армий против Австро-Венгрии, а также привлечения болгарских и греческих вооруженных сил к участию в операциях против Проливов и Константинополя с суши и моря. Однако отход русских армий из Галиции, Польши и Литвы летом 1915 г. и неудачи союзников в Дарданеллах сделали неизбежным присоединение Болгарии к враждебному лагерю, что имело катастрофические последствия для стран Согласия. Последовавшая осенью 1915 г. операция австро-германо-болгарских войск по разгрому Сербии привела к установлению прямого сообще-

ния между Центральными державами и Константинополем и к потере Антантой большей части Балканского полуострова. Для отражения этой угрозы русское верховное командование с запозданием приступило к планированию и подготовке операций на Балканах, совместно с экспедиционными силами западных союзников в районе Салоник и румынской армией. Окончательное крушение русских планов активных действий на Балканах произошло осенью 1916 г., когда поражения румынской армии, неудача экспедиции русского корпуса в Добруджу и недостаточный успех наступления Салоникского фронта союзников навсегда похоронили надежды Ставки в отношении Балканского полуострова.

Для русского военного руководства поиск возможности переноса тяжести усилий на «второстепенные» театры войны был сопряжен с борьбой приверженцев разных, подчас взаимоисключающих доктрин стратегии, каждая из которых подкреплялась весомыми расчетами и техническими аргументами. И все же в условиях непреодолимого стратегического и оперативного тупика на основных Западном и Восточном фронтах только борьба на юге могла стать для русской армии альтернативой самоубийственной трате живой силы в бесплодных наступлениях на австро-германском фронте — «системе минотавра», по выражению А.А. Керсновского⁹. Центральные державы и западные союзники России, обладавшие огромным техническим, экономическим и мобилизационным потенциалом, имели возможность вести так называемое сражение материалов (*Materialschlacht*) и добиваться истощения противника. Россия при ее военно-технической, экономической слабости и политической нестабильности не могла позволить себе такую борьбу, и один из возможных выходов для нее лежал на юге — на Балканах и Проливах.

В условиях мировой войны обстановка на Балканском полуострове открывала перед воюющими сторонами широкие возможности для применения стратегии «непрямых действий» (Б. Лиддел-Гарт), т.е. преследования решающих целей путем давления ограниченными силами на слабейшее звено в системе обороны, военной и политической мощи неприятеля. В те годы Балканы стали идеальным полигоном для испытания и применения различных технологий тайной войны — секретной дипломатии, разведки, подрывной работы, пропаганды и агитации. На этом ристалище должны были подвергнуться проверке гибкость и широта стратегической мысли военного и политического руководства, их способность своевременно менять свои планы и удачно импровизировать, оперативно реагировать на быстрые изменения обстановки и появление новых угроз, выделять для этого соразмерные

⁹ Керсновский А.А. История Русской армии: в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 255.

силы и средства. Балканы отнюдь не были «мягким подбрюшьем Европы», поскольку горный характер местности и великая река Дунай серьезно затрудняли развитие военных операций крупных сил в регионе. Патриарх русской военно-стратегической науки генерал Г.А. Леер отмечал это еще в апреле 1877 г., накануне Освободительной войны¹⁰. О том же говорил и весь прежний опыт войн России на Балканах. Весомый успех на Балканском театре войны обещали только быстрые упреждающие действия, иначе существовала опасность возникновения такого же, если не худшего, тупика, как и на других фронтах.

Степень эффективности использования стратегии «непрямых действий» в условиях войны и мира почти всегда является показателем качественного уровня общегосударственного руководства и взаимодействия различных ведомств, отвечающих за внешнюю и силовую политику. Если балканская стратегия Англии и Франции в 1914–1918 гг. в значительной степени была заложницей неотвеченного влияния политических партий и гражданских институтов¹¹, то в России влияние парламентских и общественных сил на выработку большой стратегии было ничтожно мало. Русская балканская стратегия была почти исключительно творением профессионалов из ответственных ведомств — военного, морского и дипломатического, т.е. являла собой образец стратегии, достаточно чистой от посторонних примесей. Ее исследование должно позволить лучше понять характер общей стратегии России во время войны и особенности управления на высшем уровне военными усилиями страны. Вряд ли будет преувеличением сказать, что вопрос о способности имперского руководства выработать и применить на балканско-черноморском направлении гибкую и эффективную стратегию был важной составной частью вопроса о возможности выживания исторической русской государственности в тяжелых условиях неравной военной борьбы с сильнейшим противником.

Для высшего руководства Российской империи донесения секретных служб были незаменимым источником сведений о жизни стран Балканского полуострова, о происходивших там событиях и об их скрытых движущих силах. Офицеры военной и военно-морской разведки, а также сотрудники заграничного политического сыска обыкновенно демонстрировали в своих донесениях глубокое знание изучаемого ими региона, понимание характеров и образа мышления их властей

¹⁰ См.: *Леер Г.А. Условия театра войны на Балканском полуострове для русской армии. Стратегический этюд.* СПб., 1889.

¹¹ Подробный анализ влияния внутривнутриполитических факторов и межсоюзнических противоречий между Англией и Францией на их балканскую стратегию содержится в современной монографии британского историка Дэвида Даттона: *Dutton D. The Politics of Diplomacy: Britain and France in the Balkans in the First World War.* L.; N.Y., 1998.

предержащих, местных элит и народных масс. Задачи службы требовали от них умения хорошо разбираться в хитросплетениях местных политических интриг. В этом разведчики, как правило, существенно превосходили прочих наблюдателей-соотечественников — купцов, строевых офицеров, туристов, миссионеров, паломников, ученых-гуманитариев и нередко даже кадровых дипломатов.

Каков же был вклад разведки военного и иных ведомств в процесс выработки и реализации большой стратегии Российской империи на Балканах? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам вначале необходимо подробно исследовать профессионально-организационные аспекты деятельности русских секретных служб в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. Этому и посвящена книга «Дозорные на Балканах», на страницах которой мы постараемся исследовать следующие аспекты проблемы:

- организация деятельности военной разведки и других спецслужб России на Балканах в начале XX в. и во время Великой войны, их силы, средства и материальные ресурсы, степень их соответствия стоявшим перед ними задачам;
- принципы и закономерности кадрового отбора службы военной разведки для деятельности на Балканах, личные и служебные качества офицеров, занимавших ключевые разведывательные должности по изучению Балканского региона;
- особенности добываемой, в том числе агентурной, и аналитической работы секретных служб Российской империи по Балканам в начале XX в.;
- изменения в деятельности русской разведки на балканском направлении в условиях Первой мировой войны, потенциал ее адаптации к новым условиям;
- взаимодействие ведомств Российской империи в области сбора и анализа разведывательной информации по Балканскому региону.

* * *

Основным географическим пространством, на котором происходили описываемые в этой книге события, являются страны Балканского полуострова — Болгария, Сербия, Черногория, Румыния, Греция, отчасти Албания. Лишь в малой степени мы будем касаться событий в Австро-Венгрии и Турции, имевших на Балканах свои владения и огромные стратегические интересы. Деятельность русской разведки на территории этих двух империй требует самостоятельного подробного изучения. Четкое определение политико-географических рубежей Балканского региона вообще представляется сложной задачей. Обыкновенно принято считать, что северная граница Балканского полуо-

строва проходит по линиям рек Драва и Дунай. В Румынии же многие не любят, когда их страну относят к Балканам, и предпочитают именовать себя прикарпатским или придунайским государством. Сами русские военные разведчики начала XX в. употребляли собирательное выражение «Румыния и Балканские государства»¹². Вплоть до Великой войны в представлениях офицеров русского Генштаба Румыния, связанная военной конвенцией с Центральными державами, мыслилась скорее как продолжение сухопутного австро-германского фронта борьбы, его южный фланг, а не как составляющая отдельного Балканского театра военных действий. И все же Румыния была неотъемлемой частью Балкан, с которыми ее связывали общность исторических судеб, экономического и политического строя, культуры и психологии народов и их властей, сложный узел дипломатических и военных отношений. В годы Первой мировой войны Румыния являлась едва ли не важнейшим фактором в политической и военной борьбе за Балканский полуостров. В силу этого, северная граница пространства данной книги пройдет не по Дунаю, а по реке Прут, Восточным и Южным Карпатам.

Хронологические границы первой книги цикла можно условно обозначить как период царствования императора Николая II. В его правление Россия, вынужденно ушедшая с Балкан при Александре III, вновь попыталась проводить активную балканскую политику. Именно в начале царствования Николая II, в первые годы XX в., была существенно расширена работа русской военной разведки и политической полиции на Балканах. Революция же 1917 г. стала крахом и для секретных служб Российской империи, и для ее балканской политики и стратегии, и вообще для всей исторической государственности России.

¹² РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Ед. хр. 2081. Л. 21–24. Программа, руководствуясь которой агенты тайной разведки в Румынии и Балканских государствах должны собирать имеющие военное значение сведения. Составлена в разведывательном отделении штаба Одесского военного округа. Ноябрь 1907 г.

СЕКРЕТНОСТЬ СНЯТА — ТАЙНЫ ОСТАЮТСЯ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Научные труды, посвященные деятельности военных разведок накануне и в годы Первой мировой войны, начали появляться почти сразу же после ее окончания. Большинство этих исследований выходило из-под пера бывших и действующих сотрудников разведывательных служб, которые ставили задачей обобщение накопленного обширного теоретического и практического опыта разведки в целях его дальнейшего профессионального использования. Из числа таких работ, затрагивающих проблемы деятельности секретных служб на Русском фронте, в Восточной Европе и на Балканах, необходимо назвать научно-мемуарные книги и статьи бывшего главы германской военной разведки полковника Вальтера Николаи¹³, его австро-венгерских коллег фельдмаршал-лейтенанта Августа Урбанского фон Остримеч¹⁴ и генерал-майора Максимилиана Ронге¹⁵, выдающихся русских разведчиков генерал-майоров Н.С. Батюшина¹⁶

¹³ Nicolai W. Geheime Mächte. Internationale Spionage und ihre Bekämpfung im Weltkrieg und heute. Leipzig, 1923 (рус. пер.: Николаи В. Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время / пер. с нем.; под ред. К.К. Звонарёва. М., 1925).

¹⁴ Urbanski von Ostrymiecz A. Spionage und Gegenspionage bei den Mittelmächten vor dem Weltkriege // Die Weltkriegsspionage / Hrsg. von P. von Lettow-Vorbeck. München, 1931. S. 62–76; *Idem.* Der Fall Redl // *Ibid.* S. 89–98; *Idem.* Aufmarschpläne // *Ibid.* S. 85–88; *Idem.* Diplomatie und Spionage // *Ibid.* S. 573–582.

¹⁵ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. Zwölf Jahre Kundschaftsdienst. Zürich; Leipzig; Wien, 1930 (рус. пер.: Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939). Книга Ронге неоднократно издавалась на русском языке. По меньшей мере, три ее издания увидели свет в СССР и два — в Российской Федерации.

¹⁶ Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002. Этот труд генерал-майора Генштаба Николая Степановича Батюшина, руководившего в 1905–1914 гг. разведкой штаба Варшавского военного округа и занимавшего ключевые должности в военной контрразведке в годы мировой войны, был впервые издан в Софии в 1939 г. (на русском языке), в его основу лег курс лекций, читавшихся на Зарубежных высших военно-научных курсах в Белграде. Переиздание книги Батюшина сопровождается обширной статьей И.И. Васильева и А.А. Здановича под заглавием «Генерал Н.С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки». В этой содержательной работе жизненный и профессиональный путь Батюшина рассматривается в контексте ряда важных проблем деятельности секретных служб Российской империи начала XX в. и периода Первой мировой войны.

и П.Ф. Рябикова¹⁷, произведения некоторых других авторов, также профессиональных военных разведчиков¹⁸. Будущий советский маршал Б.М. Шапошников посвятил целую главу третьего тома своего капитального труда «Мозг армии» проблеме деятельности стратегической разведки Генерального штаба и службе военных агентов¹⁹.

Как научное, документально фундированное исследование по данной теме большую ценность имеет двухтомный труд одного из руководителей IV (Разведывательного) управления Штаба РККА, бывшего унтер-офицера императорской русской армии, полковника К.К. Звонарёва, посвященный деятельности русской и германской разведок накануне и в годы Первой мировой войны²⁰. Переиздание книги Звонарёва, вышедшее в 2003 г. в серии «Архив контрразведки», снабжено ценным биографическим материалом об авторе — сотруднике разведки Штаба РККА, репрессированном и расстрелянном в 1937 г., подобно большинству работников центрального аппарата советской военной разведки того времени. Работа Звонарёва, основанная преимущественно на документах русского дореволюционного Генштаба, которые были изъяты и переданы в архив IV управления, считается классической среди специалистов по истории разведывательных служб России. В то же время отличительной особенностью книги Звонарёва была резкая по стилю и содержанию критика организации и эффективности военной разведки старой России. Не стараясь глубоко вникнуть в причины и суть описываемых явлений, Звонарёв критиковал их по-большевистски радикально и иногда весьма тенденциозно²¹. Бичуя как реальные, так и мнимые черты гнилости и отсталости всей системы разведки Российской империи, за которой он не признавал ни одного успеха и достижения, Звонарёв зачастую судил не как профессионал-разведчик, а как идейный классовый враг дореволюцион-

¹⁷ Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время. Томск, 1919. Переиздана в книге: Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924 / вступ. ст. А.А. Здановича. М., 2007.

¹⁸ Цейтлин В.М. Разведывательная работа штабов. Смоленск, 1921; Белицкий С.М. Оперативная разведка. М.; Л., 1929; Турло С.С., Залдат И.П. Шпионаж. М., 2002.

¹⁹ Шапошников Б.М. Мозг армии: в 3 т. М.; Л., 1929. Т. 3. С. 297–333.

²⁰ Звонарёв К.К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1929; он же. Агентурная разведка. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1931.

²¹ К примеру, в 1915 г. русский военный агент в Болгарии Генштаба полковник А.А. Татаринцов с согласия начальства приобрел венки на гроб скончавшегося иеромонаха отца Ферапонта, многолетнего настоятеля русского храма на Шипке. У Звонарёва же мы находим по этому поводу едкую, но пошлую фразу о том, что «русские военные агенты покупали на агентурные суммы венки на могилы умерших попов» (Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 102). Подобных примеров предвзятости и большевистского радикализма Звонарёва можно привести множество.

ного строя, прежнего военного ведомства и корпуса генштабистов. При этом он тенденциозно умалчивал о содержании целого ряда документов русской разведки, противоречащих его заключениям²².

Предвзятость Звонарёва вполне выдают следующие строки из его труда: «Если сравнивать организацию, систему и приемы работы германской агентурной разведки с русской, то нужно признать, что обе они являются образцом — показателем — первая того, как нужно организовывать и вести агентурную разведку, вторая же — как не нужно этого делать»²³. Иными словами, Звонарёв не скрывал, что главной целью его исследования было ниспровержение всего опыта разведки Российской империи.

Несмотря на появление такой значимой работы, как книга Звонарёва, в советский период история дореволюционной русской военной разведки была обречена оставаться в забвении, вне широкого научного интереса, представляя собой закрытую и засекреченную область знания. Благодаря тщательному идеологическому контролю и пропаганде со стороны государства образ служб разведки и контрразведки императорской России в общественном сознании стал смешиваться с представлениями о репрессивном аппарате «царизма», прежде всего о Департаменте полиции МВД, активно действовавшем за границей в конце XIX — начале XX в.²⁴ В условиях строгого надзора власти за содержанием исторических исследований в СССР изучение гражданскими историками деятельности секретных служб старой России было практически невозможно.

Советской историографии была свойственна серьезная, граничащая с игнорированием, недооценка военной, «силовой» составляющей внешней политики (или «большой стратегии») Российской империи. Исследование истории внешней политики России сводилось преимущественно к изучению истории дипломатии, в основном по опубликованным материалам архивов Министерства иностранных дел. Огромный комплекс проблем стратегического военного планирования руководства Российской империи и тесно связанные с ним вопросы деятельности военной разведки оставались за рамками внимания советских историков, в том числе и специалистов Института военной истории Министерства обороны. К примеру, в ведомственном «Воен-

²² Автором имеются в виду материалы русской разведки из фонда Главного разведывательного управления Генерального штаба (ныне в: РГВА. Ф. 37967. Оп. 2), документы которого легли в основу труда Звонарёва.

²³ Звонарёв К.К. Агентурная разведка: 2 кн. Кн. 2: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 214.

²⁴ О заграничной работе русской политической полиции см., например: Святиков С.Г. Русский политический сыск за границей. М., 2002 (переизд.); Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.

но-историческом журнале» в советский период было опубликовано всего два коротких сообщения И. Большакова и Л. Корзуна по истории русской военной разведки до 1917 г.; по своему объему и содержанию эти работы представляли собой лишь упоминания о существовании войсковой разведки в дореволюционной русской армии²⁵. В том же журнале в 1966 г. была напечатана статья генерал-майора М.А. Мильштейна, одного из руководителей советской военной разведки, о деле полковника Альфреда Редля, основанная преимущественно на опубликованных источниках и исследованиях²⁶.

Изучением отдельных аспектов работы дореволюционной русской разведки в профессионально-прикладных целях продолжали заниматься лишь некоторые сотрудники советских спецслужб. Так, в делах фонда ГРУ Генштаба в Российском государственном военном архиве (РГВА), содержащих документы военной разведки императорской России, встречаются отметки о неоднократном, начиная с 1940–1950-х гг., просмотре и использовании в научных целях этих материалов исследователями с офицерскими званиями. Однако их труды по данной теме, написанные для служебного пользования и снабженные грифами секретности, остаются недоступными для гражданских историков и простых читателей. Прежде всего, это относится к трудам полковника А.Г. Королёва, который в 1950-е гг. занимался изучением темы «Роль русской военной дипломатии в стратегической разведке в 1907–1917 гг.»²⁷. Судя по количеству его росписей в просмотренных им делах разных архивов, Королёв проработал очень большой объем документального материала. Также им был подготовлен сборник документов русской агентурной разведки периода Первой мировой войны²⁸. К сожалению, результаты научных изысканий полковника Королёва недоступны большинству современных историков.

За два десятилетия, прошедшие после гибели СССР, в историографии военно-политической истории Российской империи обозначился устойчивый интерес к деятельности секретных служб дореволюционной России, в том числе — разведки и контрразведки военного ведомства. Главной причиной этого стало произошедшее в начале 1990-х гг.

существенное ограничение идеологического контроля государства над исторической наукой и последовавшее рассекречивание многих недоступных прежде архивных документов. Исчезли политические и психологические барьеры на пути исследования этой темы. В результате перед российскими и иностранными учеными открылся широкий простор для изучения истории русской военной разведки.

Сейчас, когда с документов секретных служб старой России снята завеса секретности и исчезли идеологические и цензурные ограничения, всестороннее исследование деятельности этих служб в каждой конкретной стране или регионе мира можно признать одним из самых многообещающих направлений отечественного исторического регионо- и страноведения. Однако до сих пор серьезных научных трудов такого рода появилось прискорбно мало, а на книжном рынке преобладают апологетические произведения ведомственных историографов спецслужб и увлекательно-легковесные по содержанию и стилю книжки «про шпионов», ориентированные на коммерческий успех.

Наблюдаемое в последнее время оживление исследовательской работы в области истории русской разведки следует рассматривать как часть общемировой тенденции роста научного интереса к вопросам военной и военно-политической истории. Впрочем, тема военной разведки во все времена неизменно отличалась особой привлекательностью как для профессиональных историков, так и для широких кругов пишущей и читающей публики. Благодаря всему этому в последние годы появилось значительное число документальных публикаций, научных статей и монографий по истории разведывательных служб дореволюционной России, написанных российскими и зарубежными авторами, представителями «ведомственной» и «гражданской» историографии данной темы.

Главным достоинством исторических исследований сотрудников современных спецслужб является их глубокое профессиональное знание принципов организации и внутренних механизмов и методов работы разведки и контрразведки, специальной терминологии и т.д. Увы, иногда даже авторитетные в своей области историки из числа сотрудников спецслужб допускают нелепые ошибки из-за недостаточного знания курса общей истории России²⁹.

²⁵ Большаков И. Русская разведка в первой мировой войне 1914–1918 годов // Военно-исторический журнал. 1964. № 5. С. 44–48; Корзун Л. Разведка в русской армии в первой мировой войне // Там же. 1981. № 4. С. 60–65.

²⁶ Мильштейн М.[А.] Дело полковника Редля // Там же. 1966. № 1. С. 46–56.

²⁷ Взято из записи Королёва в листах использования архивных дел в АВГПИ.

²⁸ Королёв А.Г. Заграничная агентурная деятельность полевых штабов русской действующей армии 1915–1917 гг. // Сборник документов, отложившихся в Российском государственном военно-историческом архиве. На правах рукописи. М., 1953. Ссылка дается по книге: Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 2. С. 411 и др.

²⁹ К примеру, крупный современный историк разведки М. Алексеев ссылается на следующее сообщение Ипатьевской летописи от лета 6670 (1161) о том, как «черные клобуки» просились у волынского князя Мстислава Изяславича направить их в разведку против войска киевского князя Изяслава Давыдовича: «Начашася просити Чернии Клобуци у Мьстислава наперед, “ать соглядаем, княже, велика ли рать”». Алексеев и, вслед за ним, известные историки спецслужб И.И. Васильев и А.А. Зданович искренне полагают, что эти слова летописца свидетельствуют об использовании древнерусскими князьями в разведывательных целях представителей черного духовенства, т.е. монахов (см.: Алек-

Современный этап изучения истории военной разведки Российской империи начался с выходом в 1984 г. посвященной данной теме статьи американского исследователя Уильяма Фуллера-младшего в англоязычном сборнике «Познание своих врагов: оценка разведок перед двумя мировыми войнами», под редакцией Эрнеста Мэя³⁰. Эта работа стала первой в открытой историографии попыткой создания общего обзора организации и деятельности русской внешней разведки накануне Первой мировой войны. В статье Фуллера была впервые поставлена важнейшая проблема формирования межведомственного комплекса разведывательной информации, на основании которой высшее руководство империи принимало стратегические внешнеполитические и военные решения. В те годы, когда была написана статья Фуллера, документы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА)³¹, относящиеся к разведке, были закрыты для исследователей, поэтому основную источниковую базу работы составили опубликованные материалы, в первую очередь многотомный «Сборник» Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) — не подлежавшее оглашению ведомственное издание, ежемесячно выходившее в 1909–1914 гг. и частично отражавшее разведывательную информацию о зарубежных странах. Из-за ограниченности круга доступных источников Фуллер не смог достичь четкого представления об организации центрального аппарата русской военной разведки, о личностях ее сотрудников. Тем не менее в своей статье он сделал важные и справедливые выводы о недостатке координации усилий разведки военного и дипломатического ведомств Российской империи, о проявлениях ведомственного сепаратизма в процессе обработки разведывательных данных и принятых решений на их основе.

С конца 1980-х гг. стали появляться первые исследования на русском языке по истории военной разведки дореволюционной России.

сеев М. Лексика русской разведки (исторический обзор). М., 1996. С. 7–8; Васильев И.И., Зданович А.А. Спецслужбы в зеркале социологии // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 2. С. 8–9). Однако любой выпускник исторического факультета обязан знать, что «черными клобуками» Ипатьевская летопись называет тюркские племена торков, берендеев и печенегов, поселившиеся во 2-й половине XI в. в Поросье, на землях великого князя Киевского, в качестве его союзников-федератов, и обязанные выставлять свои конные отряды в его войско. Так что речь в летописи в данном случае идет, говоря современным языком, об эпизоде войсковой кавалерийской разведки, но никак не тайного агентурного наблюдения. Таким образом, потенциальное преимущество гражданских историков спецслужб заключается в необходимости для их ремесла широте научного кругозора и методологического аппарата, позволяющей изучать деятельность русской разведки во взаимосвязи с ключевыми проблемами истории внешней и внутренней политики и военной стратегии Российской империи.

³⁰ Fuller W.C., Jr. *The Russian Empire // Knowing One's Enemies: Intelligence Assessment Before the Two World Wars* / ed. by E.R. May. Princeton, NJ, 1984. P. 98–126.

³¹ Так до 1992 г. назывался РГВИА.

В 1987 г. на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова была защищена кандидатская диссертация В.М. Безотосного, посвященная деятельности русской и французской военных разведок накануне и во время Отечественной войны 1812 г. Эта интереснейшая работа увидела свет в виде монографии лишь в 2005 г.³² В своем исследовании Безотосный на материале широкого круга русских и иностранных источников осветил различные аспекты организации и деятельности русской военной разведки того времени, а также непосредственное влияние ее донесений и аналитических материалов на выработку военной стратегии российского руководства. В частности, Безотосный убедительно доказал, что именно в эпоху Наполеоновских войн в Российской империи впервые были созданы специализированные центральный и зарубежные органы разведки военного ведомства — учрежденная в 1810 г. экспедиция секретных дел (с 1812 г. — особенная канцелярия при военном министре), а также институт официальных военных агентов в иностранных столицах и нелегальные заграничные резидентуры³³. В своем исследовании Безотосный приходит к обоснованному выводу о том, что, хотя русская и французская секретные службы были достойными друг друга противниками, русская сторона накануне и в ходе войны 1812 г. обладала преимуществом в области стратегической и войсковой разведки, что стало одной из важных причин победы России.

Первопроходцами историографии русской разведки стали также сотрудники ЦГВИА И.В. Деревянко и А.В. Шаров. В 1989 г. в «Военно-историческом журнале» было опубликовано весьма небольшое по объему сообщение Деревянко на тему «Русская агентурная разведка в 1902–1905 гг.»³⁴. В последующие годы Деревянко и Шаров напечатали в отечественной военной периодике ряд коротких, в увлекательной манере написанных научно-популярных очерков из истории дореволюционной русской военной разведки и контрразведки, со времен Наполеоновских войн до Первой мировой войны³⁵. Авторы этих работ предприняли первую и довольно слабо подкрепленную источниками попытку показать основные этапы развития разведки военного ведом-

³² Безотосный В.М. *Разведка и планы сторон в 1812 году*. М., 2005.

³³ Там же. С. 49–71.

³⁴ Деревянко И.В. *Русская агентурная разведка в 1902–1905 гг.* // Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 76–78.

³⁵ Деревянко И.[В.], Шаров А.[В.] *Щупальца спрута. Очерки из истории русской разведки // Тыл вооруженных сил*. 1990. № 8. С. 64–66; № 9. С. 65–67; № 10. С. 66–68; № 11–12. С. 126–129; 1991. № 1. С. 65–67; № 2. С. 68–72; № 3. С. 65–67; № 4. С. 75–77; № 5. С. 75–78; они же. «Тайная война». (Очерки из истории военной разведки и контрразведки Российской империи) // Военные знания. 1994. № 5. С. 42–46; № 6. С. 42–44; № 7. С. 39–42; № 8. С. 43–45; № 9. С. 42–44; № 10. С. 43–46; № 11. С. 42–44; № 12. С. 42–46; 1995. № 1. С. 43–46.

ства Российской империи. Эти статьи были переизданы Деревянко в виде отдельной книги в 2004 г., к сожалению, не подвергшись никаким исправлениям и дополнениям с учетом новых исследований; без изменений остался и весь научно-справочный аппарат книги³⁶. Кроме того, в 1993 г. Деревянко опубликовал подборку документов русской военной разведки времен Русско-японской войны 1904–1905 гг.³⁷

В 1996 г. Службой внешней разведки России было начато издание шеститомных «Очерков истории российской внешней разведки» под редакцией академика Е.М. Примакова. Содержание посвященного дореволюционному периоду истории русской разведки первого тома этого ведомственного издания имеет научно-популярный характер³⁸. Фактически эта книга, подготовленная коллективом авторов, состоит из кратких рассказов о некоторых ярких эпизодах из разведывательной практики различных ведомств Российской империи. Сам подбор сюжетов для первого тома «Очерков» производит впечатление фрагментарности и отрывочности. Источниковая база этой части «Очерков» чрезвычайно ограничена и практически не включает в себя архивных документов. Подобные издания могут успешно решать задачи популяризации исторического прошлого русской разведки, что и является их прямым назначением, однако с научной точки зрения ценность таких работ ничтожна.

В последующие годы появился целый ряд более серьезных исследований российских авторов, посвященных организационному устройству службы русской военной разведки. В 1997 г. в сборнике «Многоликая история» Российского университета дружбы народов (РУДН) была опубликована статья соискателя кафедры истории России РУДН И.С. Макарова «О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (посл. треть XIX — нач. XX вв.)»³⁹. В основу этой весьма содержательной работы лег подробный анализ военного законодательства, приказов по Военному министерству, других нормативных актов и ряда архивных документов из фондов РГВИА, что позволило Макарову показать динамику развития разведывательных органов со времени военных реформ 1860–1870-х гг. вплоть до преобразования Главного штаба в 1900 г. Автор статьи справедливо отметил, что

³⁶ Деревянко И.[В.] Щупальца спрута. Спецоперации разведки и контрразведки Российской империи. М., 2004.

³⁷ Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы / сост. И.В. Деревянко // Тайны русско-японской войны. М., 1993. С. 141–327.

³⁸ Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. / под ред. Е.М. Примакова. Т. 1: От древнейших времен до 1917 года. М., 1996.

³⁹ Макаров И.С. О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (посл. треть XIX — нач. XX вв.) // Многоликая история. К 70-летию Тамары Васильевны Батаевой: сб. ст. М., 1997. С. 202–220.

зарубежный аппарат военной разведки в целом сложился еще в дореформенный период⁴⁰. Макаров детально проследил изменения в статусе и функциях разведывательных органов Главного штаба — канцелярии ВУК и Азиатской части, а также привел ценные сведения о проектировавшихся, но не воплощенных в жизнь преобразованиях в структуре военной разведки. Кроме того, Макаров рассмотрел проблему формирования специализированных разведывательных органов на местах — в штабах военных округов — в 1880–1890-е гг. Наконец, в статье Макарова были исследованы изменения в организации разведывательной работы полевых штабов действующей армии в военное время. В упрек автору этого ценного исследования можно поставить лишь его бездоказательное и ошибочное утверждение о существенном отставании институционального развития русской военной разведки от аналогичных служб западноевропейских держав⁴¹.

В том же 1997 г. на кафедре истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова была защищена кандидатская диссертация А.Ю. Шелухина по теме «Русская военная разведка в начале XX века (1906–1914 гг.)»⁴². По материалу этой диссертации Шелухиным было опубликовано несколько статей в отечественных журналах⁴³.

Исследование Шелухина получило преимущественно обзорный характер. Его архивная база ограничивается документами из фонда ГУГШ (ф. 2000) в РГВИА, а также несколькими послужными списками офицеров русской разведки из фондов того же архива. Заявленная автором тема огромна; ее полное исследование в рамках кандидатской диссертации невозможно. Основное внимание в работе Шелухина уделяется проблеме положения центральных органов военной разведки и контрразведки в системе высшего военного управления Российской империи. Главным объектом исследования является организация и деятельность созданного в 1906 г. 5-го (с 1910 г. — Особого) делопроизводства Управления (позже Отдела) генерал-квартирмейстера ГУГШ. В этом подразделении русского Генштаба были сосредоточены добывающие функции военной разведки — в первую очередь переписка с официальными военными агентами и негласными агентурными организациями ГУГШ за границей, а также разведывательными отделени-

⁴⁰ Там же. С. 203.

⁴¹ Там же. С. 218.

⁴² Шелухин А.Ю. Русская военная разведка в начале XX века (1906–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁴³ Шелухин А.Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века (1906–1914 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 1996. № 3. С. 17–31; он же. Офицеры российской военной разведки // Представительная власть. 1997. № 6 (23).

ями штабов приграничных военных округов. В диссертации Шелухина не рассматривается деятельность русской разведки на периферии и в зарубежных странах, за исключением вопроса о краткосрочных разведывательных командировках офицеров Генштаба за границу.

В своей работе Шелухин утверждает, что именно в результате создания 5-го делопроизводства и связанного с этим разделения добывающих и аналитических функций разведки произошло окончательное организационное оформление разведывательной службы военного ведомства. Этот вывод представляется не вполне обоснованным и лишь частично справедливым. Не подлежит сомнению, что неудачная Русско-японская война 1904–1905 гг. вызвала значительные преобразования в разведывательной службе (и в Генеральном штабе в целом) и что 5-е делопроизводство действительно стало новым явлением в истории развития русской военной разведки. Однако наличие в структуре Генштаба специализированного добывающего органа разведки нельзя считать единственным признаком формирования «четкой и организованной разведывательной службы». Ошибочным является также утверждение Шелухина о том, что «до 1906 года можно говорить лишь о существовании прототипа разведывательной службы, который складывается в известной мере стихийно под влиянием политических и военных потребностей государства на новом этапе исторического развития»⁴⁴.

Совершенно очевидно, что автор названной диссертации не знаком с исследованием В.М. Безотосного о службе военной разведки периода Наполеоновских войн⁴⁵ и что он недооценивает значение различных подразделений Главного штаба, занимавшихся во второй половине XIX в. разведывательным военно-статистическим изучением соседних стран, а также роль института официальных военных агентов в процессе постепенного становления и развития центрального аппарата и заграничных органов военной разведки Российской империи. К примеру, с 1867 г. добывающие и аналитические функции разведки находились в ведении канцелярии ВУК Главного штаба⁴⁶. Помимо этого, самостоятельным центральным органом по сбору и анализу сведений о государствах Азии была Азиатская часть Главного штаба. Зарубежные силы военной разведки в тот период были представлены военными агентами в иностранных государствах, а также офицерами военно-

го ведомства на консульских должностях (в некоторых странах Азии). Переписку с военными агентами и подбор кандидатур для замещения агентских должностей вела все та же канцелярия ВУК. Наряду с этим, уже в 1890-е гг. была предпринята попытка создания постоянных тайных резидентур военной разведки под дипломатическим прикрытием в Германии и Австро-Венгрии. На местах разведка сопредельных государств вменялась в обязанность так называемым отчетным отделениям штабов приграничных военных округов. В июле 1900 г. была учреждена генерал-квартирмейстерская часть Главного штаба, в ведение которой перешли функции разведки в зарубежных странах. В 1903–1906 гг. центральным органом военной разведки являлось 7-е отделение (по военной статистике иностранных государств) управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. Утверждение Шелухина о том, что до 1906 г. в России не существовало институционально оформленной службы военной разведки, не соответствует действительности. Совершенно ошибочным является один из итоговых выводов автора диссертации, согласно которому «разведка так и не стала в дореволюционной России одним из первостепенных направлений в деятельности Генерального штаба»⁴⁷.

В работе А.Ю. Шелухина рассматриваются служебные карьеры всего четырех офицеров из числа ведущих сотрудников Особого делопроизводства Огенквара ГУГШ — Н.А. Монкевица, П.Ф. Рябикова, О.К. Энкеля и С.Л. Маркова. Однако в диссертации даже не упоминается, к примеру, первый руководитель этого разведывательного органа Генштаба генерал-майор М.А. Адабаш. Используя собранный им весьма ограниченный объем сведений об этих людях (в основном — из их послужных списков), Шелухин предпринимает попытку создать собирательный образ офицера русской военной разведки начала XX в. В результате автор приходит к очевидным и лежащим на поверхности выводам о том, что основные вехи служебного пути и мировоззрение офицеров-разведчиков ГУГШ были характерными для большинства представителей корпуса генштабистов Российской империи того периода. В то же время ряд важных фактов жизни и профессиональной карьеры главных персонажей его исследования остался, по всей видимости, неизвестен Шелухину⁴⁸. Наконец, текст диссертации А.Ю. Шелухина содержит ряд утверждений, свидетельствующих о незнании

⁴⁴ Шелухин А.Ю. Русская военная разведка... С. 52.

⁴⁵ Тем не менее Шелухин признает организационные достижения русской военной разведки начала XIX в., которая, по его дальнейшим голословным суждениям, якобы все же не была институционально оформленной службой.

⁴⁶ Подробнее о ВУК см.: РГВИА. Ф. 401. Оп. 1. С. 1–14. Слоновский А.И., старший архивист ЦГВИА. Предисловие к описи 1 фонда Военно-Ученого комитета Главного штаба. Составлено 10 сентября 1981 г.

⁴⁷ Шелухин А.Ю. Русская военная разведка... С. 174.

⁴⁸ Например, А.Ю. Шелухин даже не упоминает столь значимый факт, что бывший сотрудник разведывательного делопроизводства ГУГШ О.К. Энкель после революции 1917 г. поступил на службу в вооруженные силы Финляндии и впоследствии занимал должность начальника финского Генерального штаба.

автором общеизвестных фактов военно-политической истории Российской империи⁴⁹.

Наиболее объемный вклад в дело изучения истории разведки военного ведомства Российской империи внес автор, публикующий свои работы под именем Михаил Алексеев (в позднейшем виде — М.Н. Алексеев)⁵⁰.

Первой опубликованной книгой Алексеева стало небольшое по объему, но весьма интересное историко-филологическое исследование «Лексика русской разведки (исторический обзор)»⁵¹. В этой новаторской по содержанию работе Алексеев на материале разнообразных источников рассматривает процесс развития понятийного аппарата и профессиональной терминологии русской разведки на разных этапах эволюции этой службы, со времен Древней Руси до середины XX в.

В 1998 г. была опубликована двухтомная работа Алексеева «Военная разведка России от Рюрика до Николая II», в 2001 г., в качестве ее прямого продолжения, увидела свет книга того же автора «Военная разведка России. Первая мировая война», также состоящая из двух частей⁵². Расширенный и дополненный материал самого первого тома, посвященный русской разведке XIX в., был переиздан Алексеевым в 2010 г.⁵³ По замыслу Алексеева, его многотомный труд должен был стать первым обобщающим исследованием по истории военной разведки России, своего рода энциклопедией по этой теме. Все четыре тома «Военной разведки» Алексеева, общим объемом около двух тысяч страниц, написаны с привлечением достаточно широкого круга архивных источников — документов из фондов РГВИА, РГАВМФ, АВПРИ, РГВА и закрытого ведомственного архива ГРУ. Труд Михаила Алексеева можно назвать монументальным, причем как в отношении его неоспоримых достоинств, так и заметных недостатков; он представляет собой подробное исследование проблем институционального и организационного развития военной разведки Российской империи.

⁴⁹ Так, не выдерживают ни малейшей критики его высказывания о том, что в конце XIX в. русское военное ведомство видело «основную угрозу», т.е. главного потенциального противника, в Османской Турции, что в начале XX в. между Россией и Румынией существовали «общие благожелательные отношения» и т.д. (*Шелухин А.Ю.* Русская военная разведка... С. 80, 89).

⁵⁰ В кругу специалистов по истории спецслужб подлинное имя обладателя этого псевдонима не составляет секрета; однако, уважая волю исследователя, мы не станем называть его. Скажем лишь, что он является заслуженным офицером военной разведки и доктором исторических наук.

⁵¹ Алексеев М. Лексика русской разведки (исторический обзор). М., 1996.

⁵² Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998; он же. Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. 3: в 2 ч. М., 2001.

⁵³ Алексеев М.Н. Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II. М., 2010.

Особое внимание Алексеева сосредоточено на вопросах устройства центральных органов военной разведки и в особенности на проблемах осуществления добывающих функций разведывательной службы, в первую очередь — путем ведения тайной агентурной разведки. Тема аналитической деятельности русских военных разведчиков в центре, на местах и в зарубежных странах в работах Алексеева практически не затрагивается.

Книги Михаила Алексеева продолжают исследовательскую традицию работы К.К. Звонарёва; во всяком случае, отчетливо видны сходство методологического подхода этих авторов — профессиональных военных разведчиков — к изучаемым проблемам, а также общность многих их оценок и суждений. Вообще Алексеев, наряду с архивными источниками, широко использовал материалы малодоступной ко времени выхода его монографии книги К.К. Звонарёва и до сих пор закрытой работы А.Г. Королёва, иногда полностью, без анализа и критики, воспроизводя точку зрения и фактические данные своих коллег-предшественников. И все же нельзя не признать большую, чем у Звонарёва, объективность оценок Алексеевым степени эффективности и профессионализма дореволюционной службы военной разведки.

В первом томе своего труда Алексеев рассматривает историю русской военной разведки с древнейших времен до окончания Русско-японской войны. Большое внимание уделяется автором влиянию преобразований 1860–1870-х гг. в русских вооруженных силах на институциональное оформление службы военной разведки. Вслед за И.С. Макаровым, Алексеев аргументированно утверждает, что именно в этот период на постоянной основе были учреждены специализированные разведывательные органы службы Генерального штаба. Также в первом томе рассматривается работа русской разведки на Дальнем Востоке накануне и в годы войны с Японией. Содержание второго тома посвящено развитию русской военной разведки в период 1905–1914 гг.; в это время окончательно оформилась структура разведывательных органов военного ведомства в центре и на местах, были достигнуты существенные успехи в деле негласной агентурной разведки в зарубежных странах. В заключительном разделе этого тома обстоятельно исследуется, по опубликованным источникам, проблема влияния информации, поступавшей по каналам военной разведки и дипломатического ведомства Российской империи, на развитие Июльского кризиса 1914 г. и возникновение мировой войны.

В двух частях книги Алексеева, посвященных периоду Первой мировой войны, описываются организация центрального управления военной разведкой в 1914–1917 гг., а также особенности ведения агентурной разведки органами ГУГШ, Ставки, штабами фронтов и отдельных

армий. Кроме того, Алексеевым рассматриваются проблемы ведения «активной разведки» (т.е. диверсионной деятельности, агитации и пропаганды во вражеских странах), работа русской военной контрразведки и военно-морской разведки. Однако из-за обширности каждой из этих тем соответствующим разделам книги Алексеева свойственна чрезмерная беглость и поверхностность в изложении и анализе материала. То же самое относится и к главе, названной автором «Разведывательное обеспечение операций русской армии в ходе мировой войны». В этом разделе Алексеев ограничивается рассмотрением работы органов разведки на австро-германском фронте, фактически оставляя за рамками своего исследования их деятельность на Балканском, Закавказском и Персидском театрах военных действий. Данная часть монографии написана преимущественно по опубликованным источникам и литературе, с привлечением небольшого количества архивных документов военной разведки. Научная ценность этого раздела труда Алексеева уступает остальным частям его книги, в особенности — двум первым томам.

Для некоторых частей и глав книги Михаила Алексеева характерна чрезмерная насыщенность обширными, многостраничными цитатами как из архивных, так и из опубликованных источников. Их содержание представляет безусловный интерес, однако цитируемые и пересказываемые Алексеевым документы русской разведки зачастую не сопровождаются необходимым научным анализом. Наконец, изложение Алексеевым отдельных эпизодов истории русской военной разведки не выдерживает научной критики, как, например, его сенсационная версия дела полковника Альфреда Редля или описание разведывательной деятельности братьев Алексея и Павла Игнатьевых.

Большую ценность имеют справочные приложения к различным томам книги Алексеева, содержащие биографическую информацию о многих русских военных разведчиках, краткие данные их послужных списков, а также сводные хронологические таблицы по прохождению службы русскими военными и военно-морскими агентами в разных странах⁵⁴. Отличаются наглядностью составленные автором схемы организационного устройства разведывательной службы и ее положения в системе органов военного управления Российской империи. На сегодняшний день книги Михаила Алексеева представляют собой наиболее подробное и фундированное обобщающее исследование по истории военной разведки дореволюционной России.

⁵⁴ Впрочем, большинство биографических сведений об офицерах военной разведки почерпнуто Алексеевым из официальных справочных изданий — списков Генштаба полковникам и генералам по старшинству.

В 1999 г. в Москве в Институте всеобщей истории РАН была опубликована монография Е.Ю. Сергеева и Ар.А. Улуяна «Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. (информация — анализ — прогноз)». Второе издание этой книги увидело свет в 2003 г.⁵⁵ Работа Сергеева и Улуяна стала первым специальным исследованием, посвященным военному атташату Российской империи. В монографии рассматриваются история институционального развития и особенности функционирования этой службы, специфика психологии и мышления, а также отдельные аспекты профессиональной деятельности русских военных агентов в зарубежных странах. Основную источниковую базу данного исследования составили фрагментарно отобранные донесения русских военных агентов в Главный штаб и Огенквар ГУГШ, а также их послужные списки, сохранившиеся в фондах РГВИА.

В первых главах книги авторы дают краткий очерк становления института военных агентов России на протяжении XIX в., его эволюции от традиционного военно-дипломатического представительства при иностранных дворах к разведывательной информационно-аналитической службе. Кроме того, обзорно рассматриваются положение службы военного атташата в структуре русского Генерального штаба, социальный состав корпуса военных агентов, некоторые характерные черты профессиональной карьеры его представителей.

Основное внимание Сергеев и Улуян уделяют проблемам политического анализа, которым занимались официальные представители русской военной разведки в европейских и балканских государствах в начале XX в. Авторы монографии справедливо отмечают существенные расхождения во взглядах и оценках военных агентов и кадровых дипломатов — представителей двух ведомств, разделенных традиционными институциональными и мировоззренческими противоречиями. Можно отчасти согласиться с выводом Сергеева и Улуяна о происходившем в начале XX в. углублении аналитической и прогностической деятельности русских военных агентов в Европе и на Балканах в области изучения политической, этноконфессиональной и экономической жизни зарубежных стран. Однако за рамками исследования Сергеева и Улуяна осталась специализированная военно-аналитическая работа русских военных агентов, ее взаимосвязь с процессом стратегического планирования русского Генштаба и выс-

⁵⁵ Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. (информация — анализ — прогноз). М., 1999; 2-е издание: Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. (информация — анализ — прогноз). М., 2003. Разделы, посвященные Балканам, написаны Ар.А. Улуяном, а остальным европейским государствам — Е.Ю. Сергеевым.

шего руководства империи, в первую очередь — с развитием планов войны против Австро-Венгрии, Германии и их вероятных союзников. Сергеев и Улуян явно недооценивают значение сугубо профессиональной составляющей экспертного военного видения, «верного взгляда военного» (А.В. Суворов), преобладавшего в корпоративной психологии и политическом мировоззрении корпуса генштабистов, к числу которых принадлежали военные агенты в зарубежных странах. Названные авторы практически игнорируют основное содержание донесений военных агентов по специальной военно-разведывательной тематике — об изменении численности и мобилизационной готовности иностранных армий, об их технической оснащенности, обучении и маневрах, о пропускной способности железных дорог, о крепостном строительстве, о боевых действиях в локальных войнах и т.д. и т.п.

Кроме того, монография содержит ряд крайне спорных суждений, занимающих ключевое место в системе аргументации авторов. К примеру, Сергеев и Улуян относят к числу характерных черт менталитета русских военных агентов того периода крайний консерватизм и стереотипность мышления, алармистские и ксенофобские настроения, этническую и конфессиональную нетерпимость, органическое непонимание и неприятие «прогрессивных» явлений политической жизни европейских стран. Это будто бы являлось следствием социальной принадлежности большинства русских военных агентов к высшей аристократии Российской империи, их консервативных монархических убеждений и предрассудков офицерской дворянской касты⁵⁶.

В целом следует признать, что большинство выводов Сергеева и Улуяна, как правило, претендующих на значительную широту научного обобщения, основываются на весьма ограниченном и фрагментарно отобранном материале архивных и опубликованных источников. Монография Сергеева и Улуяна отнюдь не является исчерпывающим исследованием поставленной авторами проблемы политико-аналитической деятельности русской военной разведки в Европе и на Балканах. Для дальнейшего осмысления многих важных аспектов данной

⁵⁶ Развитие такого рода выводов содержится в монографии: Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России, 1900–1914 гг. М., 2001. В этой работе Сергеев, исходя из ошибочного тезиса об отставании модернизации русской военной элиты, положил в основу своего исследования искусственное и совершенно необоснованное противопоставление военных элит России и западных стран, что позволило ему прийти к выводу о «неадекватности сущностных представлений о Западе, доминировавших в сознании российской военной элиты» (с. 253). На наш взгляд, подобная трактовка является предвзятой, неверной и бесплодной с точки зрения перспектив дальнейшего изучения проблемы военной модернизации России в Новое и Новейшее время.

темы требуются совершенно иные, чем у авторов книги «Военные агенты Российской империи...», выводы и оценки, большее внимание к военной проблематике донесений разведки, а также более глубокая фундированность исследования.

Традицию ведомственной историографии военной разведки вслед за Звонарёвым и Алексеевым продолжил В.И. Винокуров, автор трехтомной «Истории военной дипломатии». Однако первый том этого труда, посвященный дореволюционному периоду истории военно-дипломатической службы, является, по большей части, конспектом работ М. Алексеева и не представляет научной ценности и новизны⁵⁷.

В настоящее время внимание историков неравномерно распределяется между различными аспектами и периодами истории русской военной разведки. Повышенный интерес отечественных и зарубежных исследователей вызывает деятельность разведывательных служб Российской империи на дальневосточном направлении накануне и во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., чему посвящены обширная историография и ценные документальные публикации. Из их числа следует назвать работы А. Буюкова⁵⁸, Х. Вады⁵⁹, В.В. Глушкова и А.А. Шаравина⁶⁰, И.В. Деревянко⁶¹, Е.В. Добычиной⁶², Ч. Инабы⁶³, Р.В. Кондратенко⁶⁴, И.Н. Кравцева⁶⁵, Б. Меннинга⁶⁶, Д.Б. Павлова и

⁵⁷ Винокуров В.И. История военной дипломатии. Военная дипломатия от Петра I до Первой мировой войны. М., 2009.

⁵⁸ Буюков А. «Предмет детального изучения...» // Морской сборник. 1995. № 3. С. 91–93.

⁵⁹ Wada H. Study Your Enemy: Russian Military and Naval Attachés in Japan // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero: in 2 vols / ed. by J.W. Steinberg et al. Leiden; Boston, 2007. Vol. 2. P. 11–44.

⁶⁰ Глушков В.В., Шаравин А.А. На карте Генерального штаба — Маньчжурия. Накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 2000.

⁶¹ Деревянко И.В. Белые пятна русско-японской войны. М., 2005.

⁶² Добычина Е.В. Разведка России о японском влиянии в Китае на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 127–131; она же. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–97 годах // Отечественная история. 2000. № 4. С. 161–169; она же. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке (1895–1904): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

⁶³ Инаба Ч. Из истории разведки в годы русско-японской войны (1904–1905). Международная телеграфная связь и перехват корреспонденции противника // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 222–227.

⁶⁴ Кондратенко Р.В. Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX — начале XX века // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник / под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 62–110.

⁶⁵ Кравцев И.Н. Спецслужбы России в русско-японской войне 1904–1905 годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

⁶⁶ Menning B.W. Miscalculating One's Enemies: Russian Intelligence Prepares for War // The Russo-Japanese War in Global Perspective. P. 45–80.

С.А. Петрова⁶⁷, В.А. Петрова⁶⁸, Е.Ю. Сергеева⁶⁹, С.А. Фалько⁷⁰, Д. Шиммельпеннинка ван дер Ойе⁷¹.

Не вдаваясь в подробный разбор каждой из названных выше работ по истории русской разведки накануне и в годы войны с Японией, следует отметить, что в большинстве современных исследований аргументированно пересматриваются господствовавшие прежде тенденциозные представления об абсолютной слабости и профессиональной некомпетентности русской военной разведки на дальневосточном направлении в конце XIX — начале XX в., о ее полной неспособности дать верную оценку характеру и масштабам японской угрозы. Однако это отнюдь не означает, что в наши дни историки стали закрывать глаза на действительно существовавшие серьезные недостатки в организации разведки на Дальнем Востоке или оправдывать имевшие место грубые просчеты русских разведчиков. Комплексный анализ конкретных успехов и неудач русской разведки накануне и во время борьбы с Японией открывает широкие перспективы для продолжения изучения военно-политической истории войны 1904–1905 гг. Стоит также упомянуть, что совсем неизученной пока остается деятельность русских разведывательных служб на Дальнем Востоке после Русско-японской войны, когда на некоторое время лучшие силы разведки Российской империи были брошены на это направление, а организация процесса сбора и обработки разведывательной информации по региону подверглась существенным преобразованиям, на основе богатого опыта предыдущих лет.

Над изучением русского военного востоковедения и деятельности русской разведки в азиатских странах плодотворно работает канадский историк Давид Шиммельпеннинк ван дер Ойе⁷², специалист по дальневосточной политике России и идеологии русского ориентализма, посвятивший целый раздел своей монографии личности и слу-

⁶⁷ Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция // Тайны русско-японской войны. М., 1993. С. 5–139; Павлов Д.Б. Российская контрразведка в годы русско-японской войны // Отечественная история. 1996. № 1. С. 14–28; он же. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004.

⁶⁸ Из предыстории русско-японской войны. Донесения морского агента в Японии А.И. Рузина (1902–1904 гг.) / ввод. ст., подгот. текста и коммент. В.А. Петрова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 6. С. 52–94; Петров В.А. Русские военно-морские агенты в Японии (1858–1917) // Знакомьтесь — Япония. 1998. № 19. С. 52–61.

⁶⁹ Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе с Японией (1904–1905 гг.) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 78–92.

⁷⁰ Фалько С.А. Военная разведка России в странах Дальнего Востока (вторая половина XIX — началу XX ст.): дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 2012.

⁷¹ Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Military Intelligence on the Manchurian Front // Intelligence and National Security. 1996, January. Vol. 11, № 1. P. 22–31.

⁷² Schimmelpenninck van der Oye D. Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, IL, 2001.

жебной деятельности генерал-майора Н.М. Пржевальского — видного представителя разведки русского Главного штаба, занимавшегося военным и географическим изучением Средней Азии и Китая.

Важным вкладом в исследование истории русского военного востоковедения стали труды заслуженных представителей этого цеха М.К. Басханова и А.А. Колесникова⁷³.

Британский историк Алекс Маршалл в своей книге «Русский Генеральный штаб и Азия, 1860–1917» предпринял попытку дать общий очерк востоковедной деятельности «мозга армии» поздней Российской империи, однако из-за чрезмерной обширности избранной им темы так и не смог достичь сколько-нибудь глубокого ее освещения⁷⁴. В целом, история Азиатской части Главного штаба, участие русской военной разведки в знаменитой «Большой игре» против Британской империи в Средней Азии все еще представляют малоисследованную область военно-политической истории России.

За последние годы в российских научных журналах был напечатан ряд статей и по некоторым другим сюжетам из истории русской военной разведки. Так, В.М. Гиленсен опубликовал в «Военно-историческом журнале» статьи, посвященные борьбе русской контрразведки против турецкого шпионажа в Закавказье в начале XX в. и разведывательной деятельности в годы Первой мировой войны русского военного агента в Копенгагене полковника С.Н. Потоцкого⁷⁵. Ряд интересных документов русской военной разведки был опубликован в книге «Англо-бурская война 1899–1902 гг.», подготовленной коллективом авторов и изданной в 2001 г.⁷⁶ В состав этого сборника вошли донесения русских военных агентов, находившихся в обоих противоборствующих лагерях и наблюдавших за ходом боевых действий в Южной Африке. М.Ю. Асиновская рассматривает в своих статьях важную проблему деятельности русской военной и военно-морской разведки на Балканах и в Турции в 1880–1890-х гг., в период интенсивной подготовки

⁷³ Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. Л., 2000; он же. Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь. М., 2005; Басханов М.К., Колесников А.А. Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении. Документы, материалы, комментарии. Тула, 2014.

⁷⁴ Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1860–1917. L.; N.Y., 2006.

⁷⁵ Гиленсен В.М. «Осинные гнезда» под консульской крышей. Турецкий шпионаж в Закавказье и русская контрразведка перед первой мировой войной // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 49–59; он же. Шифровки из Копенгагена. Агентурная разведка русского Генерального штаба в Германии в 1915–1917 гг. и влияние ее донесений на решения высшего руководства России // Там же. 1999. № 3. С. 35–43.

⁷⁶ Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев / сост. Н.Г. Воропаева, Р.П. Вяткина, Г.В. Шубин. М., 2001.

вооруженных сил Российской империи к Босфорской экспедиции⁷⁷. Сравнительно небольшой объем этих публикаций и ограниченный круг использованных авторами источников не позволяют считать данные темы полностью изученными и закрытыми; весьма перспективным представляется дальнейшее исследование поставленных проблем, и в частности — деятельности русской разведки в Закавказье, в районе Провансов и на Балканах.

Некоторые работы, появившиеся с начала 1990-х гг., отражают очевидное стремление историков отдать дань общему увлечению «разведывательной» тематикой. К примеру, в 1995 г. в Москве была опубликована книга историка-тюрколога В.И. Шеремета под заглавием «Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. По материалам русской военной разведки»⁷⁸. Эта работа, написанная в популярном стиле, демонстрирует полное несоответствие между ее названием и содержанием. Первый раздел своей книги Шеремет посвятил личности А.Н. Щеглова, русского военно-морского агента в Константинополе накануне Первой мировой войны. Апологетическую биографию Щеглова, написанную по материалам его личного дела из РГАВМФ, этот автор многократно публиковал прежде в виде статей⁷⁹. Во всех остальных главах его книги никоим образом не отражены проблематика деятельности или содержание донесений русской военной разведки в Турции. Огромный комплекс документов разведки и оперативных органов ГУГШ, Ставки Верховного главнокомандующего, штабов Кавказской и 7-й армий, штаба командующего Черноморским флотом, Одесского военного округа и др. совершенно не был использован Шереметом, который ограничился изложением основных событий истории участия Османской империи в мировой войне, преимущественно по опубликованным источникам и исследованиям.

В обзорно-популярном стиле выдержаны первые главы двухтомника «Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки» А.И. Колпакиди и Д.П. Прохорова, посвященные дореволюционному периоду истории русской военной разведки⁸⁰.

⁷⁷ Асиновская М.Ю. Русская военная разведка на Балканах в конце XIX века // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 142–155; она же. Военно-морская разведка на Балканах в период царствования Александра III. Подготовка Босфорской экспедиции // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2004. № 3. С. 43–54.

⁷⁸ Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М., 1995.

⁷⁹ Шеремет В.И. Путь агента // Геополитика и безопасность. М., 1994. Вып. 1; он же. Селим-ага: «дикарь, толмач» или военно-морской атташе России // Военно-исторический журнал. 1994. № 7; он же. «Личных средств не имею...»: Из истории русской военной разведки // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1994. № 3–4; он же. А.Н. Щеглов // Россия. 1994. № 40.

⁸⁰ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки: в 2 кн. М., 2000. Кн. 1.

История военной разведки Российской империи вызывает заметный интерес со стороны западных исследователей. Так, в вышедшем в 2004 г. сборнике «Реформирование царской армии. Военные нововведения в императорской России от Петра Великого до революции», под редакцией Брюса Меннинга и Давида Шиммельпеннинка ван дер Ойе, целый раздел посвящен истории разведки военного ведомства⁸¹. В статьях этого раздела рассматриваются различные аспекты проблемы становления разведывательного дела в вооруженных силах России. Авторы статей — Давид Шиммельпеннинк ван дер Ойе, Давид Алан Рич, Гудрун Перссон — сосредотачивают свое внимание на периоде преобразований 1860–1870-х гг. и его значении в истории службы русской военной разведки⁸². Шиммельпеннинк и Рич в своих статьях справедливо отмечают важную взаимосвязь между развитием службы Генерального штаба в России, успехами в деле изучения и преподавания военной географии и статистики зарубежных стран и институциональным прогрессом органов военной разведки. Ценная статья шведской исследовательницы Гудрун Перссон посвящена проблеме наблюдения русских военных агентов за войнами периода 1859–1871 гг. в Европе и Америке и влияния их отчетов и донесений на процесс преобразования вооруженных сил России. В 2010 г. вышла монография Перссон, обобщившая результаты ее работы над данной темой⁸³. Образцами глубокого и новаторского исследования проблем русской стратегии накануне Первой мировой войны, основанного на материалах разведки, в том числе и на уникальных архивных находках из фондов РГВИА, служат работы Брюса Меннинга, в частности, его статья 2014 г. о влиянии на планы русского Генштаба разведывательных данных от источника в высшем военном руководстве Австро-Венгрии⁸⁴.

Сравнительно немного исследований было посвящено истории военно-морской разведки Российской империи. Одним из ведущих специалистов в этой области является петербургский историк В.А. Петров, автор ряда статей и документальных публикаций по данной тематике⁸⁵. Вопросы организации службы морской разведки частично рассматри-

⁸¹ Reforming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution / ed. by D. Schimmelpenninck van der Oye, B.W. Menning. Cambridge, UK; Washington, DC, 2004.

⁸² Schimmelpenninck van der Oye D. Reforming Military Intelligence // Reforming the Tsar's Army... P. 133–150; Persson G. Russian Military Attaches and the Wars of the 1860s // Ibid. P. 151–167; Rich D.A. Building Foundations for Effective Intelligence: Military Geography and Statistics in Russian Perspective, 1845–1905 // Ibid. P. 168–185.

⁸³ Persson G. Learning from Foreign Wars. Russian Military Thinking 1859–73. Solihull, 2011.

⁸⁴ Меннинг Б.У. Наследие агента № 25 // Родина. 2014. № 8. С. 32–35.

⁸⁵ Военно-морская агентурная разведка в Первой мировой войне / ввод. ст., подгот. текста и коммент. В.А. Петрова // Русское прошлое. Историко-документальный альма-

ваются в работах М. Алексеева. Важным вкладом в дело научного изучения разведки военно-морского ведомства стала кандидатская диссертация крупного специалиста по истории русского флота А.Ю. Емелина из Санкт-Петербурга, посвященная эволюции института военно-морских агентов Российской империи⁸⁶. Однако по сей день не существует специальных монографий по истории разведки русского военно-морского ведомства.

За последние два десятилетия появился целый ряд работ, посвященных истории организационного развития и деятельности военной контрразведки Российской империи с момента учреждения этой службы на постоянной основе в 1903 г. до ее крушения в революции 1917 г. Свой ценный вклад в изучение данной темы внесли М. Алексеев, И.И. Васильев, Н.В. Греков⁸⁷, А.А. Зданович⁸⁸, Н.С. Кирмель⁸⁹, В.М. Мерзляков⁹⁰, Б.А. Старков⁹¹ и др. Благодаря кропотливому и высококомпетентному труду этих авторов были обнаружены обширные новые материалы, существенно расширилось наше знание фактической стороны истории контрразведки дореволюционного периода. Этому периоду был посвящен и ряд материалов «Исторических чтений на Лубянке», с 1997 г. проводившихся Обществом изучения отечественных спецслужб⁹².

При всем этом нужно отметить, что сейчас в изучении истории контрразведки замечается преобладание ведомственного подхода, для которого свойственны попытки апологии и прославления контрразведывательной службы старой России, героизации ряда ее офицеров (Н.С. Батюшин, В.Г. Орлов, В.А. Ерандаков), при не критическом освещении их реальных качеств и достижений. Представители «ведомственного» направления нередко солидаризируются в своих оценках с позицией службы политического сыска изучаемого периода, конкурировавшей в начале XX в. с военным ведомством за контроль над контр-

нах. СПб., 1998. Кн. 8. С. 165–202; *Петров В.А.* Морская агентурная разведка на Балтийском театре накануне и в годы Первой мировой войны // Гангут. 1999. № 19. С. 96–104.

⁸⁶ *Емелин А.Ю.* Военно-морские агенты России: эволюция института, его задач и методов. 1856–1918: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

⁸⁷ *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпионизация и реальные проблемы. М., 2000.

⁸⁸ *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка 1914–1920: организационное строительство. М., 2004.

⁸⁹ *Кирмель Н.С.* Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000.

⁹⁰ *Мерзляков В.М.* Русская контрразведка: на заре века тотального шпионажа // Легион «Белой смерти». М., 2002. С. 3–25.

⁹¹ *Старков Б.А.* Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006.

⁹² См.: Российские спецслужбы: история и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке 1997–2000 гг. М., 2003.

разведкой. За этим явно прослеживается корпоративная точка зрения того ведомства Российской Федерации, которое в настоящее время активно ищет свою историческую преемственность по отношению к политической полиции Российской империи. Такой историографический подход препятствует беспристрастному изучению важной и дискуссионной проблемы взаимоотношений военного ведомства и политической полиции в области контрразведки в начале XX в. и в годы Первой мировой войны. На сегодняшний день множество архивных документов контрразведки все еще не введено в научный оборот, и сохраняется целый ряд неоднозначных и просто спорных вопросов прошлого этой службы.

В целом, по образному выражению американского военного историка Брюса Меннинга, 1990-е гг. стали «полупустым десятилетием», с точки зрения достижений современной историографии военной истории России⁹³. За 2000-е гг. ситуация изменилась мало, а это выражение вполне применимо и к результатам изучения истории русской военной разведки. Несмотря на произошедшее рассекречивание практически всех архивных документов дореволюционной русской разведки и контрразведки, многие проблемы истории этих служб до сих пор еще не получили достойного освещения и анализа в научных исследованиях. На сей день достаточно подробно описано и изучено организационное устройство центрального аппарата русской военной разведки XIX — начала XX в. Основное внимание современных исследователей обращено на период начала XX в., время Русско-японской и Первой мировой войн. Гораздо слабее изучена история военной разведки XIX в. и более ранних времен. По-прежнему весьма бедной остается портретная галерея деятелей русской военной разведки и контрразведки дореволюционного периода. Кроме того, за последние годы появилось очень мало работ, посвященных деятельности русской разведки на местах, в различных зарубежных странах и регионах мира, в частности, в исключительно значимом для России Балканском регионе. Практически не исследована проблема влияния службы военной разведки и ее донесений на процесс разработки и принятия стратегических и политических решений высшего руководства Российской империи. Этот важнейший и сложный комплекс вопросов является той ступенью на пути познания истории России, подняться на которую ученым наших дней и будущего еще только предстоит.

⁹³ *Menning B.W.* A Decade Half-Full: Post-Cold War Studies in Russian and Soviet Military History // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. New Series.* 2001, Spring. Vol. 2, № 2. P. 341–362.

ДОПРОШЕННЫЕ С ПРИСТРАСТИЕМ: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Источники по истории секретных служб всегда медленно и непросто находят свой путь к исследователям. Однако в настоящее время в нашем распоряжении находится уже достаточное количество рассекреченных архивных и опубликованных материалов для всестороннего изучения военной разведки Российской империи и в частности ее деятельности на Балканах. Эта книга написана на основе обширного комплекса разнообразных источников, преимущественно — по архивным документам военного ведомства, выявленным в процессе многолетней исследовательской работы и в большинстве своем — впервые вводимым в научный оборот.

Законодательные и нормативно-правовые основы организационного устройства и служебной деятельности Генерального штаба и органов военной разведки Российской империи отражены в кодексах военного законодательства и в официальных сборниках высочайших приказов по военному ведомству, а также в тематических сборниках законов и положений о службе Генерального штаба⁹⁴. Самим императором, к примеру, утверждалась «Инструкция военным агентам и лицам, их замещающим» — основной документ, регулировавший деятельность официальных представителей русского Генштаба за рубежом и издававшийся в 1856, 1880, 1905 и 1912 гг. Текущие же вопросы работы центральных и местных структур разведки решались приказами и распоряжениями, в том числе циркулярными, начальника Генерального штаба и его генерал-квартирмейстера.

Массив материалов официального служебного делопроизводства военной разведки огромен и весьма разнообразен. Сюда относятся и донесения зарубежных разведывательных органов, в первую очередь — официальных военных агентов; и переписка с ними начальства

⁹⁴ Свод военных постановлений 1869 года. 2-е изд. СПб., 1879–1912. Ч. 1–6; Приказы по военному ведомству за... [1862–1914] год. СПб.; Пг., [1862–1914]; Крылов, сост. Сборник законоположений о Генеральном штабе, исправленный и дополненный по 1-е января 1899 года. СПб., 1899; Нагаев В.В., сост. Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров Генерального штаба. С приложением Положения об Императорской Николаевской военной академии. СПб., 1914.

из центра; и готовившиеся на основании их донесений извлечения и сводки для высшего руководства, включая самого императора; и обзоры заграничной прессы; и перехваченные или выкраденные документы противника; и военно-технические и военно-географические материалы (карты, планы и схемы); и различные текущие документы о командировках, денежном и вещевом обеспечении сотрудников разведки; и их отчеты о работе и о потраченных средствах; и служебная переписка руководящих работников военной разведки с представителями других ведомств и учреждений Российской империи. Подавляющее большинство материалов официального делопроизводства военной разведки дореволюционной России не опубликовано и до сих пор хранится в фондах различных архивов Российской Федерации.

В отдельную подкатегорию можно выделить документы о прохождении службы офицерами русской военной разведки. Ценные сведения о кадровой политике руководства Генштаба и разведки и о личностях русских разведчиков содержатся в их послужных списках, служебных аттестациях, списках кандидатов на военно-агентские должности, переписке о назначениях и других подобных документах. В источниках данной категории отражены биографические сведения об офицерах русской разведки, данные об их социальном происхождении, имущественном и семейном положении, образовании, о прохождении ими службы, об их боевом и разведывательном опыте. Кроме того, в послужных списках точно зафиксированы даты назначения и смены русских военных разведчиков на их постах, их служебных командировок. К сожалению, в коллекции послужных списков Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, ф. 409) сохранились послужные списки далеко не всех офицеров русской военной разведки времен Первой мировой войны. Специалисты и работники архива объясняют это тем, что личные дела многих бывших сотрудников дореволюционной разведки были изъяты советскими спецслужбами в 1920–1930-е гг. По всей видимости, это было связано с активным участием некоторых видных русских разведчиков в борьбе с большевистским режимом в годы Гражданской войны и в эмиграции.

Наиболее важное место среди источников этой книги принадлежит именно материалам РГВИА, прежде всего — из фондов тех органов высшего военного управления Российской империи, которые на стратегическом уровне занимались разведывательным изучением зарубежных государств и их вооруженных сил. Первостепенное значение для настоящего исследования имели документы Отдела генерал-квартирмейстера (Огенквара) Главного управления Генерального штаба (ГУГШ, ф. 2000) и штаба Верховного главнокомандующего (Ставка, ф. 2003). Также здесь необходимо назвать фонды Главного штаба

ба (ф. 400) и входившего в его состав Военно-ученого комитета (ВУК, ф. 401), канцелярия которого на протяжении последней трети XIX в. являлась центральным органом русской военной разведки. Также многие донесения разведки сохранились в коллекциях документов Военно-ученого архива, посвященных конкретным зарубежным странам.

Помимо центральных органов военного управления (Генштаб и, во время войны, Ставка), разведывательной деятельностью за границей занимались штабы приграничных военных округов, а также высшие полевые штабы действующей армии — фронтовые и армейские. Большая часть Балканского полуострова традиционно находилась в ведении штаба Одесского военного округа, на основе которого в 1914 г. был сформирован штаб отдельной 7-й армии. Соответственно, в фондах штаба округа (ф. 1837) и штаба армии (ф. 2129) сохранились ценные документы о работе русской разведки на балканском направлении. В довоенный период разведывательным изучением Румынии занимался и штаб Киевского военного округа, в фонде которого (ф. 1759) отложились некоторые материалы на эту тему. А с конца 1914 г. заграничную разведку на балканском направлении в широких масштабах вел штаб Юго-Западного фронта (штабоз), документы которого привлекались при написании соответствующих разделов этой книги (ф. 2067).

Еще одну категорию архивных источников составляют документы контрразведывательных отделений различных органов центрального и местного военного управления Российской империи (ГУГШ, штабы военных округов, фронтов и армий). Эти материалы в РГВИА сгруппированы в отдельные описи фондов соответствующих органов. До 1990-х гг. данные описи со всем их содержимым были засекречены целиком.

Совокупный объем хранящихся в РГВИА фондов органов центрального и местного военного управления, занимавшихся заграничной разведкой, поистине колоссален; значительной части содержащихся в них документов ни разу не касалась рука исследователя. Одним из обстоятельств, затрудняющих работу историков по теме разведки в РГВИА, является лапидарность и «глухота» описей этого архива. Как правило, заголовки дел далеко не полно отражают их реальное содержание. Под стандартными общими формулировками вроде «сводки сведений», «переписка штаба», «агентурные донесения» и т.д. могут, как показывает опыт эвристической работы, скрываться документы уникального содержания и большой исторической ценности. Благодаря этому в хранилищах Лефортовского дворца, где находится РГВИА, до сих пор лежит множество совершенно неизвестного, не введенного в научный оборот материала по истории русской

военной разведки. Необходимо добавить, что документы русской разведки в балканских странах, хранящиеся в фондах ГУГШ и Ставки, довольно бессистемно, «россыпью», распределены по разным единицам хранения, содержание которых недостаточно полно отражено в описях этих громадных фондов. Единого корпуса документов русской разведки, действовавшей на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны, попросту не существует. Таким образом, поиск архивных материалов по теме настоящего исследования был достаточно непростой задачей.

Было бы заблуждением полагать, что в советский период архивные материалы по истории русской военной разведки были совершенно недоступны для исследователей. В период оттепели 1960-х гг. фонды ЦГВИА, содержавшие документы высших штабов и разведывательных органов военного ведомства, ненадолго «приоткрылись» для историков. В то время некоторые донесения русских военных агентов в зарубежных странах, хранящиеся в фондах ГУГШ и Ставки, использовались историками-страноведами как источник фактического материала по истории изучавшихся ими стран. Так, с донесениями военных агентов в Сербии работал Ю.А. Писарев, донесения военных агентов в Румынии изучал В.Н. Виноградов. Специалисты по истории Турции периода Первой мировой войны Е.Ф. Лудшувейт и Г.З. Алиев в своих исследованиях использовали материалы русской военной разведки в Османской империи⁹⁵. Однако советские историки, имевшие доступ к этим источникам, никогда не ставили своей целью специальное исследование деятельности военной разведки Российской империи в изучаемых ими регионах; их интерес, как правило, ограничивался одной отдельной страной. Позже доступ к фондам ЦГВИА был снова ограничен. Только в начале 1990-х гг. все документы этого архива были полностью рассекречены и открыты для исследователей. По рассказам сотрудников РГВИА, рассекречивание дел архива было осуществлено столь широко и поспешно, что это вызвало закономерное недовольство со стороны представителей компетентных органов. Последовало резкое оживление интереса историков к документам Генштаба Российской империи, но, как и в советское время, никто не использовал донесения русских военных агентов на Балканах как единый комплекс источников, в силу чего они лишь в незначительной степени были введены в научный оборот.

Исключение составляет увидевшая свет в 2003 г. публикация материалов русского военного агента в Черногории Генштаба генерал-май-

⁹⁵ Лудшувейт Е.Ф. Турция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966; Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М., 1972.

ора Н.М. Потапова⁹⁶. Это фундаментальное двухтомное издание, подготовленное российскими и черногорскими историками, включает в себя полнейшую подборку служебных донесений, телеграмм и писем Потапова за 1902–1915 гг. (на русском языке), а также его дневники за 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг. (в переводе на сербский). Два тома документального наследия Потапова, подготовленные в результате скрупулезной эвристической работы, снабженные вводной статьей и подробнейшим научно-справочным аппаратом, являют высокий профессиональный образец научной публикации исторических источников.

Часть документов русской военной разведки XIX — начала XX в., включая период Первой мировой войны, сохранилась среди материалов IV (Разведывательного) управления Штаба РККА в фонде Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба в Российском государственном военном архиве (РГВА). По всей видимости, уже в первые годы советской власти документы разведки старого режима, представлявшие оперативную ценность, были изъяты сотрудниками советских спецслужб из архивов военного ведомства. Хотя часть документов этой коллекции (ф. 37967, оп. 2) уже рассекречена, доступ к ним по-прежнему ограничен. Данная опись включает в себя свыше ста рассекреченных единиц хранения, состоящих из документов военной разведки, прежде всего, материалов 5-го (Особого) делопроизводства Огенквара ГУГШ, а также документов разведывательных отделений некоторых окружных штабов. По наблюдениям автора, именно документы этого фонда составили архивную основу упомянутой выше классической работы К.К. Звонарёва по русской агентурной разведке. Для настоящего исследования особую ценность имели сохранившиеся в этом фонде документы об организации разведывательной службы военного ведомства, материалы о подборе кадров на разведывательные должности, документы денежной отчетности.

Для уточнения некоторых деталей работы русской военно-морской разведки на Балканах в годы Первой мировой войны были привлечены отдельные документы из фонда Морского Генерального штаба (ф. 418) в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГАВМФ) в Санкт-Петербурге. Разделы книги, посвященные деятельности органов русской политической полиции на Балканах и в Константинополе, написаны по документам фондов Департамента полиции МВД (ф. 102), заведывающего агентурой Департамента полиции на Балканском полуострове (ф. 505) и Бюро заведывающего заграничной агентурой Де-

⁹⁶ Н.М. Потапов: Русский военный агент в Черногории: в 2 т. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.; Т. 2: Дневник 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг. М.: Подгорица, 2003.

партаменты полиции в Константинополе (ф. 529), которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве. Биографии ряда сотрудников русского политического сыска, служивших в Отдельном корпусе жандармов, установлены по их послужным спискам из фонда этого корпуса (ф. 110), также в ГАРФ.

Ценные документы об участии представителей МИД Российской империи в разведывательной деятельности, в том числе и на Балканах, а также материалы переписки дипломатического и военного ведомств по вопросам разведки хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в частности, в фондах «Архив “Война”» (ф. 134), «Особый политический отдел» (ф. 135), «Румынский стол» (ф. 145), «Славянский стол» (ф. 146), «Политархив» (ф. 151), «Миссия в Бухаресте» (ф. 169/2), «Миссия в Софии» (ф. 192).

Хотя многие из главных действующих лиц настоящего исследования не оставили дневников или воспоминаний, историк не может пожаловаться на нехватку опубликованных и архивных источников личного происхождения по истории разведывательной службы. В настоящее время исследователям доступны воспоминания целого ряда офицеров русского Генштаба, прямо или косвенно причастных к деятельности военной разведки, в том числе и на Балканах, а также к стратегической работе Ставки и высших войсковых штабов русской армии. Короткие воспоминания о кануне Июльского кризиса 1914 г. и начале мировой войны опубликовал на немецком языке военный агент в Сербии генерал-майор В.А. Артамонов⁹⁷. Ценным источником являются вышеупомянутые дневники русского военного агента в Черногории генерал-майора Н.М. Потапова, опубликованные в 2003 г. на сербском языке и являющиеся библиографической редкостью в России⁹⁸. Русский военный агент в Румынии в 1914–1916 гг. генерал-майор Б.А. Семёнов в эмигрантской газете «Новое русское слово» опубликовал свой рассказ об одном из эпизодов своей деятельности на Балканах⁹⁹. Весьма интересны воспоминания генерал-майора И.А. Хольмсена о его деятельности на постах военного агента в Афинах и в Константинополе¹⁰⁰. В воспоминаниях генерал-майора Д.И. Ромейко-Гурко, написан-

⁹⁷ Artamonov V.A. Erinnerungen an meine Militärattachezeit in Belgrad // Berliner Monatshefte. 1938, Juli–August. S. 583–602.

⁹⁸ Н.М. Потапов: Русский военный агент в Черногории. Хочу выразить отдельную искреннюю благодарность д.и.н. А.Л. Шемякину и к.и.н. Л.И. Цвижбе, которые любезно обеспечили меня экземплярами этого ценнейшего издания.

⁹⁹ Семёнов-Мерлин Б.А. Кантакудис (из мемуаров военного агента в Румынии) // Новое русское слово. 1947. № 12734–12736.

¹⁰⁰ Хольмсен И.А. На военной службе в России (1865–1914). Нью-Йорк, 1953 // Архивы русской эмиграции: материалы Российского военно-исторического архива в Париже / под ред. А.А. Геринга. Fresno, CA, 1973. Т. 4. С. 1–82.

ных в эмиграции и лишь в 2002 г. впервые опубликованных, немало страниц посвящено его службе в ГУГШ и на посту военного агента в Швейцарии в 1908–1914 гг.¹⁰¹ Ряд ценных сведений о службе Генштаба, в частности его разведывательных органов, содержится в воспоминаниях офицеров-генштабистов Б.В. Геруа¹⁰², В.Н. Егорьева¹⁰³, А.Я. Ельшина¹⁰⁴, А.А. Игнатьева¹⁰⁵, П.А. Игнатьева¹⁰⁶, Е.А. Никольского (армейского офицера, прикомандированного к Генштабу)¹⁰⁷, А.А. Самойло¹⁰⁸, М.А. Свечина¹⁰⁹ и др.

В целом, привлеченный для написания этой книги круг источников представляется вполне достаточным для глубокого, разностороннего и объективного освещения интересующей нас темы.

Часть I

НА СЛУЖБЕ, «ИЗВЕСТНОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ»

¹⁰¹ Гурко Д.И. Воспоминания генерала // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. М., 2002. С. 172–447.

¹⁰² Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969–1970.

¹⁰³ Волков В.А. В.Н. Егорьев и его «большие знакомства» // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 76–84 (Егорьев В.Н. Из больших знакомств).

¹⁰⁴ Ельшин А.Я. На суше и на море. Воспоминания // Морские записки. Издание Общества бывших русских морских офицеров в Америке, Инк. (Нью-Йорк). 1944. Т. 2, № 4. С. 286–295; 1945. Т. 3, № 1. С. 22–31; № 2. С. 64–74; № 3. С. 125–138; № 4. С. 193–216.

¹⁰⁵ Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986.

¹⁰⁶ Игнатьев П.А. Моя миссия в Париже. М., 1999.

¹⁰⁷ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007.

¹⁰⁸ Самойло А.А. Две жизни. М., 1958; 2-е изд. Л., 1963.

¹⁰⁹ Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.

Глава 1

ВЕДОМСТВО И ЕГО ОФИЦЕРЫ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АППАРАТ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.¹¹⁰

Просвещенные государи и мудрые полководцы умеют делать своими шпионами людей высокого ума и этим способом непременно совершают великие дела.

Сунь-цзы

Для аллегорического изображения секретных служб часто используют образы паука и паутины или осьминога с его щупальцами, но мы не станем прибегать к этим избитым метафорам с их отталкивающей окраской. Если мы, вслед за военными мыслителями профессором Спенсером Уилкинсоном и маршалом Б.М. Шапошниковым, назовем Генеральный штаб «мозгом армии», то его службу разведки лучше будет уподобить нервной системе сложного и могучего организма, с огромным количеством древовидных отростков, тонких нитей и чувствительных внешних окончаний, всепроникающих и причудливо переплетенных между собою. К началу XX в. разведка военного ведомства России была именно такой внешней нервной системой уже немолодого, но все еще мощного, крепкого и продолжающего расти, хотя и подтачиваемого различными недугами живого исполина. Распутать клубок и проследить все нити его нервов на страницах одной книги — непосильная задача, и мы не будем браться за нее. Однако прежде чем проследовать вдоль одной из ветвей нашего дерева и погрузиться в подробности организации и деятельности русской разведки на Балканах, кинем общий взгляд на состояние разведывательной службы России к 1914 г.

Процессы, происходившие в ведомстве военной разведки в период между Русско-японской и мировой войнами, отражали основные явления того времени в жизни вооруженных сил империи. В борьбе с Японией накануне и в ходе войны 1904–1905 гг. военная разведка России, подобно ее сухопутной армии и флоту, потерпела неоспоримое и жестокое поражение, ставшее мощным стимулом организационных преобразований, кадрового обновления и увеличения финансирования этой службы. Все это явилось частью общего процесса реформ в вооруженных силах, именуемого в историографии «военным ренессансом» России.

¹¹⁰ Предлагаемый краткий очерк общего состояния русской военной разведки содержит ряд новых фактических сведений, оценок и выводов, однако он не может полностью заменить другие исследования специалистов, прежде всего работы К.К. Звонарёва и М. Алексеева. К ним мы и отсылаем любознательного читателя.

К началу Первой мировой войны разведка военного ведомства Российской империи была вполне сформировавшейся службой с развитой организационной структурой, штатом опытных специалистов, стремительно растущим и уже весьма обширным, по мировым меркам, финансированием: увеличившись более чем десятикратно за десять лет, с 1911 г. оно составляло 1 325 462 руб. в год¹¹¹. Однако отведенного историей срока до начала Великой войны 1914 г. оказалось недостаточно для того, чтобы все преобразования в русской армии и ее разведке были завершены, а их потенциальные мощности — приведены в действие.

«Черепной коробкой» для «мозга армии» Российской империи и местом, где сходились воедино все нервные нити его разведки, служило величественное здание Главного штаба в Санкт-Петербурге, возведенное как единый комплекс архитектором К.И. Росси в 1819–1829 гг. Монументальные трехэтажные корпуса этого здания, соединенные Триумфальной аркой, двумя крыльями охватывали с западной стороны Дворцовую площадь, прямо напротив Зимнего дворца — главной резиденции верховной государственной власти¹¹². На всех этапах организационной эволюции Генштаба его разведывательные подразделения неизменно находились в основном здании Главного штаба, по адресу Дворцовая площадь, 10. В частности, именно здесь располагалась канцелярия Военно-ученого комитета (ВУК) Главного штаба, руководившая на протяжении последней трети XIX в. процессом военно-статистического и географического изучения зарубежных стран.

30 июля 1900 г. приказом по военному ведомству № 282 в структуре Главного штаба была образована «генерал-квартирмейстерская часть в уменьшенном составе», включавшая в себя оперативное и статистическое отделения (всего 18 офицерских должностей)¹¹³. Должность генерал-квартирмейстера, появившаяся в русской армии в XVIII в., вплоть до крушения империи оставалась ключевой в системе штабных органов вооруженных сил; генерал-квартирмейстерские управления высших штабов соединяли в себе функции оперативных и разведывательных органов. Создание генерал-квартирмейстерской части Главного штаба летом 1900 г. было непосредственно связано с событиями в Китае, по-

требовавшими военного вмешательства России, а сама эта организационная мера изначально имела временный характер. С момента создания генерал-квартирмейстерской части ей были переданы функции Азиатской части Главного штаба, а в декабре 1900 г. ей была переподчинена и канцелярия ВУК¹¹⁴. Таким образом, центральный аппарат военной разведки империи вошел в состав генерал-квартирмейстерской части.

11 апреля 1903 г. приказом по военному ведомству № 133 было утверждено новое положение о Главном штабе¹¹⁵. Согласно ему были образованы два генерал-квартирмейстерских управления. Первый отдел управления 2-го генерал-квартирмейстера назывался Военно-статистическим. Входившее в его состав 7-е отделение — по военной статистике иностранных государств — стало центральным органом военной разведки. По штату это отделение насчитывало 17 офицерских должностей (1 начальник отделения, полковник Генштаба; 8 столоначальников, штаб-офицеры Генштаба; 8 помощников столоначальников, обер- или штаб-офицеры Генштаба). Однако в таком виде Главный штаб и его разведывательные подразделения существовали совсем недолго — до июня 1905 г., когда была учреждена должность начальника Генерального штаба и образовано независимое Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), в состав которого были переданы Военно-статистический отдел и ряд других подразделений (фактически все управление 2-го генерал-квартирмейстера, временно сохранившее свою структуру в составе ГУГШ)¹¹⁶.

Отметим, что частые преобразования «мозга армии» были сопряжены и с неизбежным хаосом, пагубным для текущей работы. К примеру, в октябре 1906 г. М.В. Алексеев письмом в штаб Виленского военного округа сообщал о трудностях при розыске дел расформированного Военно-ученого комитета и просил выслать копии некоторых документов об австро-венгерской службе разведки¹¹⁷.

Маховик начатых в 1900 г. преобразований органов Генерального штаба продолжал движение; важные перемены происходили и в организации службы разведки. «Положением об Управлении генерал-квартирмейстера» (приказ по военному ведомству № 252 от 22 апреля 1906 г.) был впервые официально учрежден специализированный добывающий орган разведки — 5-е, позднее Особое, делопроизводство, ставшее одним из подразделений части 1-го обер-квартирмейстера Управления генерал-квартирмейстера ГУГШ¹¹⁸. Обязанности 5-го де-

¹¹¹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 59. Л. 35–36 об. Утвержденный военным министром В.А. Сухомлиновым проект расходов на разведку по смете ГУГШ на 1913 г.; *Звонарёв К.К.* Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 98.

¹¹² Об истории комплекса зданий Главного штаба подробнее см.: *Жилинский Я.Г.* Здание Главного штаба. Исторический очерк. СПб., 1892.

¹¹³ Приказ по военному ведомству. 30 июля 1900 г. № 282. (При работе над книгой нами использовались подшивки приказов по военному ведомству, хранящиеся в Российской государственной библиотеке.)

¹¹⁴ *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 84–85.

¹¹⁵ Приказ по военному ведомству. 11 апреля 1903 г. № 133.

¹¹⁶ Приказы по военному ведомству. 21, 25 июня 1905 г. № 424, 438.

¹¹⁷ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 198–198 об.

¹¹⁸ Приказ по военному ведомству. 22 апреля 1906 г. № 252.

лопроизводства заключались в ведении переписки с военными агентами за рубежом и постановке им задач по разведке, в сборе сведений по иностранным армиям и ведении денежной отчетности. В состав Управления генерал-квартирмейстера (с 1910 г. — Отдела генерал-квартирмейстера, или Огенквара) входили также обрабатывающие органы зарубежной разведки — так называемые оперативные и военно-статистические делопроизводства, ориентированные на изучение определенных стран, регионов или вероятных театров военных действий. Они работали во взаимодействии с 5-м (Особым) делопроизводством, направляя ему запросы на интересующие их данные по зарубежным странам и их армиям и давая оценку поступающим сведениям. В части 2-го обер-квартирмейстера были сосредоточены делопроизводства по европейским странам и театрам войны: 2-е Германского фронта, 3-е Австрийского фронта, 4-е Румынского фронта (Румыния и все Балканы), 5-е Шведского фронта (вся Скандинавия и Британия-метрополия) и 6-е общее (Франция, Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия). В часть 3-го обер-квартирмейстера входили делопроизводства по азиатским странам и театрам войны (1-е Туркестанского фронта, 2-е Турецко-Персидского фронта, 4-е и 5-е — по Дальнему Востоку).

В результате преобразования структуры ГУГШ в 1910 г. разведывательное 5-е делопроизводство, переименованное в Особое, было выделено из состава части 1-го обер-квартирмейстера и подчинено напрямую генерал-квартирмейстеру ГУГШ¹¹⁹. С 1911 г. Особому делопроизводству, при котором было создано нештатное центральное регистрационное (контрразведывательное) отделение, был подчинен также и головной орган военной контрразведки империи — Петербургское городское контрразведывательное отделение. После реформы 1910 г. в части 1-го обер-квартирмейстера находились делопроизводства: 4-е германское, 5-е австро-венгерское, 6-е балканское, 7-е скандинавское и 8-е прочих государств Европы, а часть 2-го обер-квартирмейстера объединила в себе делопроизводства по азиатским странам и театрам войны — 1-е туркестанское, 2-е турецко-персидское, 3-е дальневосточное оперативное и 4-е дальневосточное статистическое¹²⁰.

Местными центрами сбора и обработки разведывательной информации были штабы приграничных военных округов, занимавшие

еся изучением сопредельных стран. Заграничные добывающие органы военной разведки были представлены официальными военными агентами в зарубежных странах, офицерами военного ведомства под дипломатическим прикрытием (в Азиатской Турции: секретарь генерального консула в Эрзеруме, вице-консулы в Ване, Ризэ и Хаме; а также в персидском Сеистане)¹²¹ и крайне немногочисленными нелегальными резидентурами, находившимися в ведении Генштаба. Также для сбора сведений о зарубежных странах и их вооруженных силах использовались длительные и краткосрочные командировки офицеров, в том числе негласные, с целью маршрутных съемок, наблюдения за маневрами иностранных армий, изучения крепостей, железных дорог и пр. Определенное содействие органам военной разведки оказывали представители других ведомств — прежде всего Министерства иностранных дел, а также Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) и Департамента полиции Министерства внутренних дел, Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), чины таможенной и корчемной стражи¹²² Министерства финансов.

Безошибочно точным показателем качественных перемен в отношении государства и военного ведомства к службе разведки стало быстрое и многократное увеличение ее финансирования. Накануне войны с Японией по 6-му параграфу сметы Главного штаба — «на известное его императорскому величеству употребление» — ежегодно отпускалось 461 050 руб. золотом, из которых 331 000 руб. шла на субсидию дружественной Черногории, а на расходы по разведке выделялось 113 650 руб. Из этой суммы половину, 56 700 руб., в особом порядке получал штаб Кавказского военного округа на разведку в Турции и Персии. В распоряжение Главного штаба на разведку поступала другая половина — сравнительно незначительная сумма в 56 950 руб., из которой на негласный сбор сведений штабам военных округов выделялось от 4000 до 12 000 руб., в общей сложности 51 000 руб. Консул в Бомбее получал на разведку 1200 руб.; содержание двух голубятен в Дании обходилось в 3000 руб., а на нужды Военно-статистического отдела Главного штаба оставалось всего 1750 руб. Деньги из этой последней суммы шли на приобретение разных случайных сведений; для этой же цели использовался и остаток от сумм, отпускаемых Главному штабу «на известное его императорскому величеству употребление», которыми ведала канцелярия Главного штаба (такой остаток еже-

¹¹⁹ Приказ по военному ведомству. 1 сентября 1910 г. № 496.

¹²⁰ Об изменениях в структуре Генерального штаба и его разведывательных подразделений в конце XIX — начале XX в. подробнее см.: *Кавтарадзе А.Г.* Из истории русского Генштаба; *Кожевникова Г.В.* Главное управление Генерального штаба накануне первой мировой войны (1910–1914). М., 1998; *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 23–58.

¹²¹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 146–147.

¹²² В XIX — начале XX в. корчемная стража Министерства финансов занималась борьбой с незаконными изготовлением, провозом и торговлей подакцизными товарами (вино, пиво, табак, соль). Стража действовала в приграничном районе, в полосе удаленностью не менее 21 и не более 50 верст от государственной границы России (см.: *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 1. С. 135–136).

годно составлял 6–15 тыс. руб.)¹²³. На содержание созданного в 1903 г. Разведочного отделения (центральный орган военной контрразведки) тратилось 27 600 руб.¹²⁴ Кроме того, 149 420 руб. золотом выделялось по интендантской смете на содержание официальных военных агентов в зарубежных странах, на их путевые, телеграфные, почтовые и канцелярские расходы. Также по интендантской смете штаб Туркестанского военного округа получал еще 20 тыс. руб. в год¹²⁵.

В 1906 г. на негласную разведку Генштабу было выделено дополнительно еще 100 тыс. руб., т.е. общий отпуск ему на эту цель составил 156 950 руб. Однако в то время эта сумма уже оценивалась самими органами разведки как совершенно недостаточная для ведения успешной работы. Руководство нового независимого Генштаба, прежде всего его начальник Ф.Ф. Палицын, 1-й обер-квартирмейстер М.В. Алексеев и глава 5-го делопроизводства М.А. Адабаш, с самого начала упорно бились за увеличение денежного отпуска на разведку. Уже в 1906 г. желательный ежегодный отпуск на разведку они определяли в 1 800 000 руб., но, ввиду тяжелого положения финансов страны, предлагали до 1908 г. выделять по 1 230 000 руб. в год, при минимально допустимом расходе в 700 тыс. руб.¹²⁶

Лишь по мере преодоления последствий войны с Японией и революции удалось приступить к систематическому увеличению расходов на разведку. 3-я Государственная дума, вообще не жалевшая денег на оборону государства, утверждала и ассигнования на секретные расходы. С 1909 г. военная разведка стала получать 344 140 руб., в следующем 1910 г. эта сумма была увеличена еще на 160 тыс. руб.. Наконец, с января 1911 г. Генштаб начал получать на секретные расходы 1 947 850 руб., из которых на разведку и контрразведку выделялось 1 325 462 руб.¹²⁷

¹²³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 107–111 об. *Никольский Е.А.* Краткий очерк положения нашей негласной военной агентуры в настоящее время и желательные общие условия ее правильной организации. Памятная записка. Б.д.; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 476. Л. 16–17. Объяснительная записка к смете ГУГШ об отпуске увеличенных сумм для организации разведывательной службы. Б.д.

¹²⁴ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 220–220 об. *Никольский Е.А.* Справка. 7 июня 1906 г.

¹²⁵ Там же. Л. 202–207, 220–220 об., 239–240 об.; Смета Военного министерства на 1905 год. По Главному штабу. СПб., 1904. С. 40–41; *Звонарёв К.К.* Агентурная разведка. Кн. 1. С. 42–43; *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 1. С. 145.

¹²⁶ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 226–227. *Алексеев М.В., Адабаш М.А.* Доклад по ГУГШ. 5-е делопроизводство. 22 ноября 1906 г. № 905; Там же. Л. 239–240 об.

¹²⁷ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 59. Л. 35–36 об. Проект расходов в 1913 г. по § 5 ст. 1 сметы Главного управления Генерального штаба. Высочайше утвержден 8 января 1913 г.; *Звонарёв К.К.* Агентурная разведка. Кн. 1. С. 98–102; *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 37–41.

Иными словами, за десять предвоенных лет прямые расходы на работу секретных служб военного ведомства России выросли в одиннадцать с половиной раз.

Давно отмечено, что история разведки — это, прежде всего, история ее людей. В начале XX в. русская военная разведка в институциональном отношении была молодой службой, в которой бурно шли процессы роста, структурного развития и разветвления, что особенно повышало роль личного фактора в ее деятельности. Организационные преобразования в Генштабе и военной разведке с 1900 г. проводились одно за другим, но здание Главного штаба по-прежнему стояло на своем месте, и по его коридорам продолжали ходить офицеры, постоянно занимавшиеся разведкой на разных этапах реформирования «мозга армии» и передававшие свой опыт и традиции приходившим им на смену людям. Нельзя согласиться с К.К. Звонарёвым, голословно утверждавшим, что «почти весь старый личный состав (разведки Главного штаба. — В.К.) был отстранен от дела и заменен новым»¹²⁸. Изучение служебных справочных изданий по общему составу чинов Главного штаба и ГУГШ тех лет убеждает в обратном. К примеру, в феврале 1905 г. на службе в 7-м отделении находились: исполняющий должность начальника отделения генерал-майор Г.Г. Христиани, полковники М.А. Адабаш, А.А. Михельсон, С.А. Платов, В.Е. Скалон; столоначальники — Генштаба подполковники Э.Г. Берг, Э.А. Верцинский, А.М. Волконский, К.Л. Евреинов, В.С. Скобельцын, А.Е. Снесарев, Генштаба капитан В.В. Водар и штабс-капитан А.М. Николаев. В 1906 г. все они, за исключением Христиани и Берга, числились в том же 7-м отделении, но уже в составе новообразованного ГУГШ. В дальнейшем практически все они продолжили службу в добывающих или обрабатывающих подразделениях разведки, а некоторые — и на заграничных должностях¹²⁹. М. Алексеев также отмечает, что «все сотрудники 7 отделения 1 военно-статистического отдела за исключением Генерального штаба полковников Михельсона А.А. и Платова С.А. были назначены в 1906 г. на должности в частях соответствующих делопроизводств 2 и 3 обер-квартирмейстерств»¹³⁰.

Руководство Генштаба не только не пыталось радикально обновлять состав центрального аппарата разведки, но и, напротив, испытывало большие проблемы с удержанием опытных офицеров на службе в нем. В марте 1905 г. полковник А.А. Михельсон доверительно докла-

¹²⁸ *Звонарёв К.К.* Агентурная разведка. Кн. 1. С. 86.

¹²⁹ Общий состав чинов Главного штаба. По 1 февраля 1905 года. СПб., 1905. С. 12; Общий состав чинов Главного штаба и Главного управления Генерального штаба. По 5-е марта 1906 года. СПб., 1906. С. 44–45.

¹³⁰ *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 24.

дывал начальнику Военно-статистического отдела части 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба: «...введенная с 1 мая 1903 года новая организация Главного штаба нанесла этому вопросу (о сохранении ценных кадров. — В.К.) такой удар, что в течение уже первого года Главный штаб в деле замещения вакансий вместо нормального положения, заключающегося в том, чтобы из многих желающих выбирать наиболее подходящих для разведочной деятельности офицеров Генерального штаба, вынужден брать чуть ли не каждого, кто сам соблаговолит согласиться на службу в Главном штабе. <...> Штаб-офицеры Генерального штаба, сверстники которых состоят начальниками штабов дивизий и пользуются правами полковых командиров, не могут довольствоваться положением, равным чиновнику-столоначальнику. <...> Между чиновниками, выслужившимися из писарей, и офицерами Генерального штаба поставлен знак равенства. Работа офицеров Генерального штаба, требующая от составителей зачастую самостоятельного мышления, творческих, новых комбинаций, вызываемых быстро изменяющейся общественной жизнью, поставлена на одну доску с канцелярской рутинной, и этим самым осуждается на то, что со временем, в конце концов, не будет действительно подниматься выше той оценки, в которую ее заранее вгоняют»¹³¹. В качестве конкретной меры для изменения ситуации и обеспечения достаточного числа опытных работников для центрального аппарата разведки Михельсон предлагал ввести следующую практику: ежегодно непосредственно после Николаевской академии Генерального штаба (НАГШ) прикомандировывать к статистическому отделу Главного штаба по 10 офицеров, знающих иностранные языки и соответственно аттестованных академическим начальством, сроком на один год. После этого они должны были направляться на службу в пограничные округа. Также, по мнению Михельсона, нужно было повысить служебные права офицеров разведки для выравнивания их статуса в сравнении с офицерами штабов строевых частей. Наконец, требовалось дать офицерам генерал-квартирмейстерской части достойное материальное обеспечение, чтобы они не были вынуждены заниматься посторонними подработками, которые до сих пор отнимали у них массу энергии¹³².

Этот же вопрос о привлечении и сохранении кадров начальник 7-го отделения генерал Христиани поднял в рапорте на имя 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба А.А. Поливанова от 27 марта

¹³¹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 131–136. Михельсон А.А. Записка на имя начальника Военно-статистического отдела части 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. Март 1905 г. (другая копия: РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 681. Л. 1–6). См. также: *Зволицкий К.К.* Агентурная разведка. Кн. 1. С. 89–91; *Алексеев М.* Военная разведка России от Юрика до Николая II. Кн. 2. С. 33–34.

¹³² Там же.

1905 г. Приводя поименный список, он показывал, что, при штатном составе его отделения в 12 офицеров Генштаба, шесть из сотрудников находились на службе там только с 1904 г., а еще трое — с 1903 г. Из этого Христиани делал вывод, что большинство офицеров имели малый опыт деятельности в отделении, а работа там была сложной и ответственной. Кроме того, пять офицеров из перечисленных находились в продолжительных командировках, на других участках и в общем не участвовали в работе отделения. В ближайшее время в отделении должны были открыться две новые вакансии, и Христиани лично обратился к семи знакомым офицерам Генштаба с предложением занять их. Все семеро ответили отказом, мотивируя его очень трудным материальным положением из-за низкого денежного содержания. Как следствие, Христиани просил разрешить офицерам сторонние заработки. Он писал, что это, конечно, будет наносить ущерб их основной деятельности. Однако запрет заработков просто вызывает уход офицеров из Главного штаба, от чего дело разведки будет страдать неизмеримо больше¹³³.

И все же, несмотря на описанные трудности с подбором и удержанием кадров, а также неизбежное и необходимое постепенное обновление персонала, можно говорить о существовании в конце XIX — начале XX в. сложившегося костяка личного состава разведки русского Генштаба, на службе которой в тот период, вплоть до Великой войны, находилось немало выдающихся офицеров.

О корпусе офицеров Генерального штаба Российской империи, его подготовке и особенностях службы современниками и историками написано достаточно много, поэтому мы лишь вкратце коснемся этой темы. Генштабисты были обособленной группой офицерского корпуса русской армии, предназначенной для штабной, планирующей, разведывательной, мобилизационной, военно-научной и преподавательской деятельности, а также для занятия высших строевых должностей. Если гвардия была самой привилегированной частью вооруженных сил империи, а артиллеристы и военные инженеры считались «учеными» родами войск, то корпус генштабистов в полной мере обладал и значительными служебными привилегиями, и репутацией интеллектуальной элиты армии, можно сказать — «умного рода оружия».

В рассматриваемый период корпус офицеров Генерального штаба состоял из офицеров, прошедших сложный и многоуровневый отбор. Все желающие пополнить собой корпорацию генштабистов должны были, прослужив в войсках в офицерском чине не менее трех лет, пройти двухступенчатые экзамены в Николаевскую академию Генштаба

¹³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 49–51. Г.Г. Христиани — А.А. Поливанову. 27 марта 1905 г. Б.н.

ба. При штабах своих военных округов претенденты сдавали письменные экзамены по тактике, политической истории, географии, русскому языку, а также проходили испытание по верховой езде. Затем уже в самой академии в Петербурге ими сдавались устные вступительные экзамены по следующим предметам: строевые уставы, артиллерия, фортификация, математика (арифметика, начальная алгебра, геометрия, прямолинейная тригонометрия), военная администрация, политическая история, география, топографическое черчение, русский и иностранный языки. На подготовку и сдачу вступительных экзаменов у офицеров, как правило, уходил год напряженного труда¹³⁴.

Основной курс обучения в академии был разделен на два годичных класса (младший и старший) и состоял как из теоретических, так и из практических занятий (топографические съемки, полевые поездки). Главными предметами в программе академии были тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, история военного искусства, геодезия и топографическая съемка; вспомогательными — артиллерия («сведения по части артиллерийской»), фортификация («сведения по части инженерной»), русский язык, политическая история, физическая география, иностранный язык (немецкий, французский или английский; один обязательно, остальные по желанию). По итогам учебы на двух первых курсах академии офицеры, получившие не менее 10 из 12 баллов по каждому предмету, получали статус окончивших по 1-му разряду и переводились на дополнительный третий курс. Прочие считались окончившими по 2-му разряду и отчислялись обратно в свои части. Переведенные на дополнительный курс офицеры должны были подготовить и защитить работы по трем темам — по военной истории, военному искусству и решению стратегической задачи. Те, кому удавалось окончить «успешно» дополнительный курс и получить достаточно высокий общий выпускной балл, удостоивались «причисления» к Генеральному штабу. По правилам, действовавшим ко времени начала Первой мировой войны, причисленные к Генштабу офицеры направлялись для полугодового испытания при одном из военно-окружных штабов. Получив там положительную аттестацию начальства, они должны были отбыть

¹³⁴ Порядок приема офицеров в НАГШ и прохождения ими академического курса был определен в статьях 11–74 книги XV Свода военных постановлений 1869 г., 2-е изд., с изменениями, объявленными в приказах по военному ведомству 1896 г. № 47, 159 и 164; 1897 г. № 29 и 1899 г. № 113 (см.: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Ед. хр. 1155. Л. 6–55 об. Программа для испытания офицеров, поступающих в Николаевскую академию Генерального штаба в 1901 году. СПб., 1901). О Николаевской академии Генштаба и обучении в ней см. также: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 7; он же. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. С. 67–68.

13-месячное командование ротой, эскадрой или сотней. И только после успешного отбытия этого ценза, обычно не ранее чем через два года после окончания НАГШ, достойные офицеры получали желанный окончательный «перевод» в Генеральный штаб. Однако в то время, когда в Генштаб переводились главные герои этой книги — штаб-офицеры разведки 1900-х гг. и периода мировой войны, правила были менее четкими. Причисленные к Генштабу офицеры направлялись в округа для испытания во время лагерных сборов и затем проходили службу в окружных и войсковых штабах. Впоследствии достойнейшие из них, по выбору начальства, переводились в Генштаб, в зависимости от числа свободных штатных вакансий, но без обязательного отбытия ротного ценза. Лишь с момента перевода в Генеральный штаб офицеры становились полноправными генштабистами и перед ними открывалась прямая и удобная дорога к высоким строевым и штабным должностям, к вершинам военной карьеры¹³⁵.

Не существует идеальных систем отбора кадров, в том числе и военных. И все же корпус генштабистов был элитой русского офицерства по уровню знаний, профессиональной подготовке и способностям. Одним из главных залогов этого было обширное и глубокое специальное образование, получаемое будущими генштабистами в Николаевской академии Генерального штаба. Однако серьезнейшими недостатками преподавания в НАГШ современники и позднейшие исследователи единогласно называли чрезмерно схоластический и закосневший в устарелых формах характер преподавания, а также высокий уровень субъективности профессоров-экзаменаторов, от прихотей и пристрастий которых нередко зависела вся дальнейшая карьера офицеров-слушателей.

Ключевой изъян системы прохождения русскими генштабистами дальнейшей службы заключался в их сильной оторванности от строя, поскольку действовавшие нормы зачастую позволяли офицерам двигаться вверх по карьерной лестнице Генштаба на одной лишь канцелярской штабной работе, с отбытием минимальных обязательных цензов строевого командования. Резкая обособленность и отчужденность генштабистов от всей остальной массы офицерства являлась прямым следствием и оборотной стороной крупных служебных привилегий Генерального штаба. Последние давали повод к высокомерию и чван-

¹³⁵ Эволюцию правил службы офицеров корпуса генштабистов в мирное время см. по сборникам: Газенкамф М.[А.] Устройство и служба русского Генерального штаба. СПб., 1888; Крылов, сост. Сборник законоположений о Генеральном штабе, исправленный и дополненный по 1-е января 1899 года. СПб., 1899; Нагаев В.В., сост. Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров Генерального штаба. С приложением Положения об Императорской Николаевской военной академии. СПб., 1914.

ству отдельных генштабистов, а также к профессиональной ревности и житейской зависти многих армейских офицеров, для большинства которых перевод в Генеральный штаб оставался предметом несбыточных мечтаний. Эти отношения были отражены в насмешливых кличках «чернецы», «черное духовенство», «черное войско», «моменты», которыми именовались генштабисты в русской армии. Дело в том, что офицеры Генштаба носили особую форму, отличительными чертами которой были приборный черный бархат и белый нагрудный аксельбант, а слово «момент», по разным версиям, часто звучало в разговорах генштабистов на военные темы или же означало стремительный и произвольный характер их карьерного роста.

При всем этом корпус офицеров Генерального штаба, который к началу Первой мировой войны насчитывал 1135 генералов, штаб- и обер-офицеров¹³⁶, представлял бесценный кадровый ресурс вооруженных сил империи. Генштабистами были укомплектованы центральные органы Генштаба и войсковые штабы, в их почти безраздельном ведении находились вопросы мобилизации, стратегического и оперативного планирования. Наконец, именно генштабисты составляли основные кадры военной разведки того времени.

В связи с частыми организационными преобразованиями в Главном штабе в первые годы XX в. на посту руководителя военной разведки за краткий срок переменялось несколько человек. В 1896–1901 гг. управляющим делами ВУК был генерал-лейтенант Василий Устинович Соллогуб. Затем, уже после образования генерал-квартирмейстерской части Главного штаба и подчинения ей ВУК, эту должность занимал генерал-майор Виталий Платонович Целебровский, опытный кабинетный генштабист-бюрократ, сотрудник канцелярии ВУК с 1886 г. В результате реформы 1903 г. Целебровский сохранил функции фактического руководителя военной разведки империи, будучи назначен начальником Военно-статистического отдела управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. Этот отдел состоял из трех отделений — 6-го, по военной статистике России, 7-го, по военной статистике иностранных государств, и 8-го, архивно-исторического. Таким образом, по формальному критерию, головным органом военной разведки в 1903–1905 гг. оставалось именно 7-е отделение. Подчиненный Целебровского по Военно-статистическому отделу Главного штаба Е.А. Никольский отзывался о своем начальнике как об «очень милым, воспитанным, крайне деликатным офицере Генерального штаба». К этому, однако, добавлял: «При всех его хороших, даже отлич-

ных качествах человека в частной жизни, в деле генерал В.П. Целебровский был человеком без всякой инициативы, недалекого ума, можно сказать, крайне легкомысленным»¹³⁷. Но к этому высказыванию надо относиться с большой осторожностью, поскольку Никольский, не будучи генштабистом, был вскоре сильно обижен и обойден по службе разведки, а затем вообще вынужден оставить военную службу.

Отметим, кстати, что ведомственные историки русской разведки допускают одну неточность в выстроенном ими хронологическом перечне руководителей военной разведки Российской империи. Они полагают, что после В.П. Целебровского главой военной разведки империи должен считаться Н.С. Ермолов, занимавший с марта 1905 по май 1906 г. должность начальника Военно-статистического отдела Управления генерал-квартирмейстера Главного штаба¹³⁸. Однако, как уже отмечалось, формально головным органом военной разведки того периода, вплоть до момента создания 5-го делопроизводства ГУГШ, должен быть признан не весь Военно-статистический отдел, а только входившее в его состав и затем переданное в ГУГШ 7-е отделение (по военной статистике иностранных государств). А это структурное подразделение Главного штаба за короткий период его существования возглавляли следующие офицеры: Генштаба генерал-майор С.А. Воронин (с 5 августа 1900 г. по 30 октября 1904 г.), бывший военный агент в Вене в 1893–1900 гг.; Генштаба генерал-майор Г.Г. Христиани (с 23 ноября 1904 г. по 10 мая 1905 г.), профессор военной статистики НАГШ; Генштаба полковник Е.А. Леонтович (временно исполнявший обязанности начальника отделения с 13 мая по 7 декабря 1905 г.); Генштаба полковник С.А. Платов (временно исполнявший обязанности начальника отделения по состоянию на начало 1906 г.). Далее головным органом разведки целесообразно считать новообразованное 5-е делопроизводство Управления генерал-квартирмейстера ГУГШ, которое возглавляли М.А. Адабаш и Н.А. Монкевиц. Таким образом, по нашему мнению, хронологическая цепочка руководителей военной разведки России в начале XX в. должна выглядеть следующим образом: В.У. Соллогуб — В.П. Целебровский — С.А. Воронин — Г.Г. Христиани — Е.А. Леонтович — С.А. Платов — М.А. Адабаш и далее вплоть до начала мировой войны Н.А. Монкевиц.

После образования 5-го делопроизводства ГУГШ его первым руководителем стал опытный в деле разведки Генштаба полковник Михаил Алексеевич Адабаш, с 1900 г. служивший в генерал-квартирмейстерской части Главного штаба, один из лучших знатоков Японии и ее армии до начала войны с ней, ключевой участник борьбы секретных

¹³⁶ Подсчитано по: Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 755–770.

¹³⁷ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 79, 84.

¹³⁸ Руководители отечественной военной разведки // Родина. 2012. № 10. С. 10–20.

служб в 1904–1905 г. Именно при полковнике Адабаше были заложены основы работы специализированного добывающего органа разведки Генштаба, однако сам он не надолго задержался в 5-м делопроизводстве. После цензового командования батальоном лейб-гвардии Преображенского полка, в ноябре 1907 г. Адабаш был назначен военным агентом в Брюсселе и Гааге, затем в июле 1909 г. стал командиром 6-го гренадерского Таврического полка, а в 1912 г. вышел в отставку в чине генерал-майора. В 1914 г. он вернулся на службу и на протяжении всей войны служил в Петроградской военно-цензурной комиссии¹³⁹.

На должности делопроизводителя 5-го делопроизводства и фактического главы всей военной разведки империи Адабаша в марте 1908 г. сменил Генштаба полковник Н.А. Монкевиц. В его лице разведывательная служба получила выдающегося руководителя, который непосредственно направлял и вдохновлял всю ее деятельность вплоть до начала мировой войны. Как ни странно, об этом человеке до сих пор мало что известно, за исключением скудных данных его послужного списка¹⁴⁰. Николай Августович Монкевиц родился 22 ноября 1869 г. в лютеранской семье потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии¹⁴¹. Окончив 2-й кадетский корпус и Павловское училище по 1-му разряду, портупей-юнкером, он был выпущен в 145-й Ново-черкасский пехотный полк, затем в 1892–1895 гг. успешно окончил три курса НАГШ, с причислением к Генштабу и назначением в штаб Варшавского военного округа. В Привислинском крае Монкевиц прослужил вплоть до Русско-японской войны, отбыв за это время цензовое командование ротой и батальоном в лейб-гвардии Литовском полку, расположенном в Варшаве. В апреле 1901 г. он стал старшим адъютантом штаба округа и почти одновременно — редактором «Варшавского военного журнала».

В сентябре 1904 г. подполковник Монкевиц был назначен начальником расположенного в Петербурге штаба 1-го округа пограничной стражи, затем в декабре получил назначение в Маньчжурию, правителем канцелярии управления начальника военных сообщений 3-й Маньчжурской армии. Прибыв на театр войны с Японией в январе

1905 г., после неудачного наступления у Сандепу, Монкевиц вместе со штабом 3-й армии принимал участие в Мукденском сражении, во время которого получил боевое крещение под огнем неприятеля. Затем во время «сыпингайского сидения», вплоть до самого конца войны, будущий глава военной разведки оставался в прежней должности в армейском штабе.

В январе 1906 г. Монкевиц был прикомандирован к ГУГШ, и с этого момента началась его служба в центральном аппарате военной разведки. Отметим, что уже тогда он входил в ближний круг помощников начальника Генштаба Ф.Ф. Палицына. В мае и июле 1906 г. Монкевиц, по личному желанию Палицына, сопровождал его в полевых поездках офицеров Генштаба соответственно Варшавского и Виленского военных округов (в первый раз — вместе с Ю.Н. Даниловым, второй — с М.В. Алексеевым)¹⁴². С 7 мая 1907 г. по 11 января 1908 г. он временно исполнял должность военного агента в Швейцарии. 5 марта 1908 г. Монкевиц был назначен делопроизводителем 5-го делопроизводства части 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ¹⁴³.

Из воспоминаний сослуживцев известно, что новый начальник 5-го, затем Особого, делопроизводства ГУГШ сумел окружить его работу атмосферой секретности, неслыханной для других подразделений Генштаба. Монкевиц входил в узкий «интимный круг» особо близких и доверенных сотрудников 1-го обер-квартирмейстера М.В. Алексеева¹⁴⁴. Затем, после вынужденного ухода Алексеева и ряда его единомышленников из Генштаба, Монкевиц остался на своем посту и сумел найти общий язык с новым руководством «мозга армии», которое не могло не ценить его знания и опыт. В сентябре 1910 г. Монкевиц сопровождал начальника Генштаба Е.А. Гернгросса во время его поездки во Францию для присутствия на маневрах французской армии, причем в ходе этой поездки состоялась важная рабочая встреча главы Особого делопроизводства с начальником 2-го бюро (разведка) Генерального штаба Франции подполковником Шарлем-Жозефом Дюпоном¹⁴⁵. 22 октября 1910 г. Монкевиц был назначен помощником 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ, притом на него было «возложено ближайшее заведывание военно-статистическими делопроизводствами части 1-го обер-квартирмейстера и особым делопроизводством Главного управ-

¹³⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 155–162. Л. 11–20 об. Послужной список М.А. Адабаша. 6 марта 1918 г.

¹⁴⁰ См., например: Шелухин А.Ю. Русская военная разведка в начале XX века (1906–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 137–166; Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006. С. 268–273. Оба этих автора освещают жизнь и карьеру Монкевица почти исключительно по его послужному списку.

¹⁴¹ Враждовавший с Монкевицем Е.А. Никольский писал в своих воспоминаниях о его еврейском происхождении (см.: Никольский Е.А. Записки о прошлом. С. 150). Думается, это сведение не заслуживает внимания.

¹⁴² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 424. Л. 34–34 об., 37, 40, 51.

¹⁴³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 180390. П/с 167–926. Л. 1–8. Послужной список Н.А. Монкевица. 1916 г.

¹⁴⁴ Ельшин А.Я. На суше и на море. Воспоминания // Морские записки. Издание Общества бывших русских морских офицеров в Америке, Инк. (Нью-Йорк). 1945. Т. 3, № 4. С. 195.

¹⁴⁵ Шелухин А.Ю. Русская военная разведка... С. 101; Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 173.

ления Генерального штаба»¹⁴⁶. По сути, этим назначением был окончательно закреплён его статус прямого и непосредственного главы всей военной разведки Российской империи. Также в ведении Монкевица находилась и работа контрразведывательного отделения ГУГШ.

Что особенно важно, вплоть до начала мировой войны право доклада генерал-квартирмейстеру ГУГШ имели три человека: два обер-квартирмейстера — по оперативной части и помощник 1-го обер-квартирмейстера — по разведке, контрразведке и статистике, в силу чего, как отмечалось в одном документе 1916 г., «помощник 1-го обер-квартирмейстера являлся фактически помощником генерал-квартирмейстера по вопросам разведки, контрразведки и по части статистической»¹⁴⁷.

Сотрудники Особого делопроизводства работали в изолированной комнате, непосредственно соприкасавшейся с кабинетом генерал-квартирмейстера ГУГШ Ю.Н. Данилова¹⁴⁸. Служивцы отмечали значительное влияние Монкевица на работу всего Генерального штаба. «Этот ловкий человек быстро стал правой рукой Данилова, выполняющая наиболее ответственные и секретные приказания и поручения. Он сам составлял и собственноручно перепечатывал на машинке все секретные бумаги на имя начальника Генерального штаба, военного министра, министра иностранных дел и пр.», — вспоминал ветеран военной разведки А.А. Самойло¹⁴⁹. Служивший в ГУГШ Б.В. Геруа писал: «“Особое” отделение со всеми своими архисекретами держалось особняком. Начальствовал им полковник Николай Августович Монкевиц, высокий, с плывущей походкой, подтянутый и всегда хорошо одетый, с очень заметной косиной в глазу. Он был умен, ловок, имел гладкие дипломатические манеры и любил хорошо пожить; впоследствии Монкевиц оказался на месте также и в строю, хорошо командуя на войне пехотной дивизией и, кажется, корпусом»¹⁵⁰.

Для личной характеристики Монкевица добавим, что он не был замкнутым человеком и любил покутить в ресторанах в кругу близких сослуживцев; впрочем, никто из них не мог похвастать тем, что действительно знал этого человека. А.А. Игнатъев вспоминал: «Тонкий был человек Николай Августович: он был со мной всегда очаровательно любезен, но прочитать его мысли было тем более трудно, что он мог их хорошо скрывать за своей невероятной косоглазостью. Невозможно было угадать, в какую точку он смотрел. Помощником себе он взял

¹⁴⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 180390. П/с 167–926. Л. 1–8. Послужной список Н.А. Монкевица. 1916 г.

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1305. Л. 352–355. Д.С. Шуваев — М.В. Алексееву. 30 августа 1916 г. № 17367.

¹⁴⁸ Самойло А.А. Две жизни. Л., 1963. С. 134.

¹⁴⁹ Там же. С. 133.

¹⁵⁰ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969. Т. 1. С. 235.

Оскара Карловича Энкеля (будущего начальника Генерального штаба финской армии), тоже умевшего скрывать свои мысли. Оба они держались обособленно от остальных коллег, совершенно не считались с их мнением и своим обращением со мной ясно давали понять, что они являются хотя и косвенными, но единственными непосредственными начальниками военных агентов. Они держали себя европейцами, людьми, хорошо знакомыми с заграничными порядками, и вместо плохой штабной столовой всегда приглашали запросто позавтракать в “Отель де Франс” на Большой Морской — там по крайней мере ни вызовы начальства, ни вопросы посетителей не могли помешать интимной беседе»¹⁵¹.

Особенно важно, что Монкевиц сосредоточил в своих руках всю переписку и обмен информацией между Генштабом и дипломатическим ведомством. Самойло отмечал: «Монкевиц часто делился с нами впечатлениями о постоянных своих сношениях с министром иностранных дел Сазоновым, который сильно влиял в течение 1910–1916 годов на внешнюю политику. Благодаря этим беседам мы были постоянно в курсе общей военно-политической обстановки и могли более или менее точно судить о ходе подготовки к будущей войне»¹⁵². Игнатъев также признавал широкую осведомленность Монкевица в политических вопросах: «Этот генерал был в постоянном контакте с Министерством иностранных дел и мог лучше других знать, что происходит в высших сферах»¹⁵³. Кроме того, помощник 1-го обер-квартирмейстера лично и довольно тесно общался с иностранными военными атташе в Петербурге, в том числе обсуждая с ними важные вопросы политики и, в разговорах с союзниками, планы действий русской армии в начале будущей войны¹⁵⁴. В феврале 1912 г. Монкевиц принимал участие в работе известного Московского совещания руководства военно-окружных штабов, на котором были внесены важные изменения в планы стратегического развертывания русской армии¹⁵⁵. В судьбоносные дни Июльского кризиса 1914 г. Монкевиц входил в тесный круг старших чинов Генштаба и МИД, принимавших непосредственное решение о начале мобилизации русской армии¹⁵⁶. Все это говорит не только о выдающихся личных и служебных качествах Монкевица, сумевшего добиться большого влияния в центральном аппарате Генштаба, но и о

¹⁵¹ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 423–424.

¹⁵² Самойло А.А. Две жизни. С. 138.

¹⁵³ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. С. 423.

¹⁵⁴ Самойло А.А. Две жизни. С. 135; Lieven D.C.B. Russia and the Origins of the First World War. L., 1983. P. 149.

¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 180390. П/с 167–926. Л. 1–8. Послужной список Н.А. Монкевица. 1916 г.

¹⁵⁶ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 401–402.

заметном увеличении институционального веса службы военной разведки в работе Генштаба, в частности — в области его взаимодействия с ведомством Певческого моста по вопросам внешней политики.

После начала войны и отъезда Ю.Н. Данилова в Ставку Монкевиц временно исполнял должность генерал-квартирмейстера ГУГШ, затем, 20 ноября 1914 г., он получил назначение в действующую армию — начальником штаба XXX армейского корпуса. В результате этого назначения служба разведки русского Генштаба теряла своего многоопытного руководителя. Увы — и на это обращали внимание многие исследователи — подобные явления не были редкостью для прохождения службы генштабистами императорской России.

На фронте генерал Монкевиц действовал с блестящим отличием. В марте 1915 г. командир корпуса генерал-лейтенант Ф.М. Вебель так аттестовал своего начальника штаба: «Боевая деятельность генерал-майора Монкевица на должности начальника штаба XXX корпуса, на которого возлагались весьма сложные и широкие боевые задачи, дала ему возможность развернуть “во всю ширь” свои исключительные способности и дарования, которые, впрочем, еще в мирное время оценивались по заслугам и составили ему громкую репутацию одного из наиболее выдающихся офицеров Генерального штаба.

Особо выдающиеся качества: правильная оценка боевой обстановки, быстрота исполнения, выносливость, исключительные организаторские и административные способности и умение наладить практично всякое дело по управлению. Отличный докладчик, с изысканным служебным тактом. Вообще полагаю, что лучшего начальника штаба или генерал-квартирмейстера крупного¹⁵⁷ боевого соединения (больше корпуса) нельзя желать»¹⁵⁸.

В дальнейшем фронтовая служба генерала Монкевица продолжалась с полным успехом¹⁵⁹. За десятидневную операцию XXX корпуса

¹⁵⁷ От руки подчеркнуто в тексте.

¹⁵⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 6079. Л. 1–1 об. Боевая аттестация на Генеральном штабе генерал-майора Монкевица. 25 марта 1915 г. Не выдерживает ни малейшей критики утверждение Шелухина, что «судя по спокойному, без рывков и падений, его продвижению по служебной лестнице, он был рядовым армейским командиром, без связей в верхах российской армии (и это несмотря на 10-летнюю службу в Генеральном Штабе)» (*Шелухин А.Ю.* Русская военная разведка... С. 166). Впрочем, этот автор вообще слабо разбирается в военной истории и, в частности, в жизни русской императорской армии, ее Генштаба и службы разведки.

¹⁵⁹ А.А. Зданович в своих работах неоднократно упоминает об истории с комендантом штаба XXX корпуса штабс-капитан Янсенем, перебежавшим к немцам с какими-то секретными документами. См., например: *Зданович А.А.* Свои и чужие — интриги разведки. М., 2002. С. 51–52. Названный автор ставит это происшествие в упрек Монкевицу и обвиняет его в позднейшем пристрастном и враждебном отношении к В.Г. Орлову, который занимался расследованием этого эпизода. Однако утверждение Здановича о том, что из-за дела Янсена Монкевица «отстранили от занимаемой должности по ре-

с 25 апреля по 5 мая 1915 г. Монкевиц был награжден Георгиевским оружием. С мая 1916 г. он был командующим 71-й пехотной дивизией. Затем осенью 1916 г. бывшему главе военной разведки империи действительно выпала возможность руководить штабом крупного боевого соединения. 29 сентября 1916 г. он вступил в должность начальника штаба отдельного XLVII армейского корпуса генерала А.М. Зайончковского, направленного в трудную экспедицию за Дунай, в Добруджу; одновременно Монкевицу пришлось по совместительству возглавить и штаб русско-румынской Добруджанской армии¹⁶⁰. Однако в той задунайской экспедиции успех не сопутствовал русскому оружию, и месяц спустя, после прорыва противником Кобадинской укрепленной линии и потери Южной Добруджи, Монкевиц, вслед за Зайончковским, был смещен. 19 октября 1916 г. он был произведен в чин генерал-лейтенанта, а 25 октября назначен начальником своей прежней 71-й пехотной дивизии.

Февральскую революцию бывший глава военной разведки империи встретил на Румынском фронте; позже, будучи правым монархистом, он вступил в конфликт с властями «самостийной Украины», ушел из армии и уехал за границу. Во время Гражданской войны Монкевиц был связан с правыми эмигрантскими организациями, поддерживавшими Белое движение, затем, в 1919 г., поступил на службу в Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) и занимал пост главы военной миссии ВСЮР в Париже.

После окончания Гражданской войны генерал Монкевиц жил в Фонтенбло (*Villa les Lavandes, Rue du Mont-Ussy, Fontainebleau, Seine-et-Marne*) под Парижем и занимался огородничеством, при этом активно сотрудничая с военными организациями белых эмигрантов и продолжая, по мере возможностей, сбор военно-политической информации разного рода. О жизни и настроениях Монкевица в тот период красноречиво рассказывают его письма к другу и бывшему сослуживцу по центральному аппарату военной разведки П.Ф. Рябинову, который в 1921 г. находился в Иокогаме. 25 марта 1921 г. Монкевиц писал: «Живу я теперь в Фонтенбло в 1 1/2 часах езды от Парижа (для дешевизны и чтобы поменьше мешали работать); два раза в неделю езжу в Париж, но работаю у себя дома. <...> Пока источники осведомления есть, но очень опасаясь, что они прекратятся очень скоро, так как денег нет и если не найдем их, то придется прекратить эту работу. Поэтому,

зультатам расследования и с понижением направили для дальнейшей службы за границу», совершенно ошибочно (см.: *Зданович А.А.* Чужой среди своих // Орлов В.Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 293). Как следует из послужного списка Монкевица, это просто не соответствует действительности.

¹⁶⁰ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 423. Л. 1073. Н.А. Монкевиц — Н.А. Марксу. 30 сентября 1916 г. № 1446.

если вы на востоке богаты, то поделитесь с нами, только переводить деньги лучше на частный адрес, хотя бы мой, указанный в заголовке письма»¹⁶¹.

А в письме от 19 апреля Монкевиц рассказывал старому товарищу: «Хотя я и живу в провинции вне Парижа, но так как два раза в неделю бываю в Париже и поддерживаю очень оживленную корреспонденцию со всеми углами света, то очень в курсе всех дел, вижу в Париже постоянно массу людей, но, в общем, должен тебе признаться, что совершенно изверился в людях. Безусловно, у 99% личные интересы преобладают над общими, а это, конечно, плохой прогноз для возрождения России. Многие из бывших моих хороших друзей, в честность и бескорыстие которых я глубоко верил, теперь даже избегают меня, боясь моих резких осуждений, которые я теперь взял в привычку откровенно высказывать»¹⁶².

В письме от 25 июня 1921 г. Монкевиц передавал Рябикову разные новости русской эмиграции, критиковал ее представителей за рознь и междоусобную грызню. Он писал: «Тебя, конечно, интересует причина этого явления: она чрезвычайно проста, а именно, все русские политические организации в своей сокровенной (не высказываемой ими, однако) цели стремятся к одному: не оказаться вне власти после падения большевиков. Отсюда и рознь, и недоверие, и подозрительность. Чистых идейных людей почти нет, личные интересы почти у всех преобладают над интересами родины. Я удалился от всех политических русских кругов, но тем не менее внимательно наблюдаю за ними, и это дает мне возможность относиться ко всем им с полной объективностью». В том же письме Монкевиц сообщал любопытные детали своей жизни: «На днях получил радостную для меня весть, что мой старший сын, за которого я очень беспокоился, выбрался наконец из Советской России и сейчас находится в Риге. Хлопочу о визе для него и надеюсь, что он скоро приедет ко мне и доставит мне сведения о жене и дочерях. Мой второй сын Сергей находится сейчас при мне и также шлет вам всем свой привет. <...> Живу по-прежнему в Фонтенбло, много работаю, как умственно, так и физически в своем саду и огороде, добился того, что ем исключительно свои овощи. Теперь летом здесь прекрасно, сад мой весь в цветущих розах, из окон вид на лес, который в нескольких минутах от меня»¹⁶³.

Эмигрантская жизнь бывшего главы русской военной разведки была непростой. 16 октября он писал Рябикову: «Мне нынче прихо-

дится весьма тяжело в материальном положении, потому что я сделал большую жертву для моих двух сыновей, которых отправил учиться в Льеж в Политехникум, что стоит довольно дорого, и чтобы осуществить это, мне приходится буквально сидеть на хлебе и воде, но я не унываю и охотно приношу эту жертву»¹⁶⁴. А в письме от 20 ноября Монкевиц прямо высказывал старому товарищу свою убежденность в том, что ему не дождаться падения власти большевиков и что жизнь ему придется кончить в эмиграции. Он писал: «Вот исходя из этого я и стараюсь так устроить свою жизнь, чтобы закончить ее в изгнании; однако пока что это мне еще плохо удается и я не обеспечен от голодания. Однако мириться с большевиками, конечно, никогда не буду»¹⁶⁵.

Эти слова, по сути, и определили дальнейшую судьбу генерала Монкевица. Он продолжал участвовать в борьбе с большевиками, был близок к руководству Русского общевойскового союза (РОВС) и лично к его главе А.П. Кутепову; в качестве доверенного лица последнего играл видную роль в организации тайных контактов РОВС с Советской Россией. В частности, Монкевицу довелось принять участие в событиях, связанных с операцией советских спецслужб «Трест». В ноябре 1926 г. он бесследно пропал, оставив детям записку о том, что он запутался в денежных делах и решил покончить жизнь самоубийством, причем просил не искать его тело, дабы не обременять себя лишними расходами. Естественно, исчезновение столь заметной фигуры вызвало в среде русской эмиграции волну слухов и домыслов; распространилась версия о его работе на советские спецслужбы и бегстве в СССР, замаскированном под самоубийство. Однако никаких доказательств этой версии до сих пор никому найти не удалось. А цитированные выше отрывки из писем Монкевица к Рябикову 1921 г. доказывают, что жизнь бывшего главы военной разведки Российской империи в эмиграции была очень трудной в материальном отношении и что еще за пять лет до исчезновения им владели весьма мрачные, мизантропические мысли и настроения. Все это делает вполне вероятным именно его самоубийство. И все же смерть генерала Монкевица до сих пор остается столь же загадочной, как и жизнь этого выдающегося руководителя русской военной разведки¹⁶⁶.

Но вернемся в довоенный период. Штат возглавляемого Н.А. Монкевицем Особого делопроизводства Огенквара ГУГШ был совсем невелик; он предусматривал должности самого делопроизводителя (начальника подразделения), трех его помощников из числа офицеров Генштаба и «журналиста», т.е. ответственного за ведение документа-

¹⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 2–3. Н.А. Монкевиц — П.Ф. Рябикову. 25 марта 1921 г. Б.н.

¹⁶² Там же. Л. 1–1 об. Н.А. Монкевиц — П.Ф. Рябикову. 19 апреля 1921 г. Б.н.

¹⁶³ Там же. Л. 8–9 об. Н.А. Монкевиц — П.Ф. Рябикову. 25 июня 1921 г. Б.н.

¹⁶⁴ Там же. Л. 10 об. Н.А. Монкевиц — П.Ф. Рябикову. 16 октября 1921 г. Б.н.

¹⁶⁵ Там же. Л. 11 об. Н.А. Монкевиц — П.Ф. Рябикову. 20 ноября 1921 г. Б.н.

¹⁶⁶ О жизни Монкевица см. также: *Старков Б.А.* Охотники на шпионов... С. 268–273.

ции¹⁶⁷. В первые годы существования Особого делопроизводства помощниками делопроизводителя были выдающиеся офицеры русского Генштаба С.Л. Марков, О.К. Энкель, П.Ф. Рябиков. По существовавшему разделению обязанностей, Энкель отвечал за дальневосточное стратегическое направление русской разведки, Рябиков — за западное, т.е. европейское. После ухода последнего на другую должность западное направление было передано Маркову.

В последние годы перед началом мировой войны в Особом делопроизводстве наблюдалась значительная текучесть кадров; штатные должности подолгу оставались свободными. В тот период в Особое делопроизводство после весьма тщательной проверки их служебных и личных качеств были переведены офицеры-генштабисты Д.Л. Кандауров, Л.А. Майер, Б.С. Малявин, Н.М. Морель, Н.К. Раша¹⁶⁸. Вместо Н.А. Монкевица, ставшего помощником 1-го обер-квартирмейстера, обязанности делопроизводителя Особого делопроизводства до начала весны 1914 г. исполнял О.К. Энкель. Впрочем, истинным главой русской разведки продолжал оставаться Монкевиц. Получив назначение военным агентом в Рим, 5 марта Энкель сдал эту должность полковнику Н.К. Раша.

Должность «журналиста» в предвоенный период формально занимал числившийся по армейской пехоте капитан князь В.П. Максудов, однако в 1908–1914 гг. он оставался в причислении к Военно-ученому архиву. Вместо него журналистом Особого делопроизводства в 1908–1914 гг. работал прикомандированный к Генштабу штатский чиновник И.П. Закись¹⁶⁹. Любопытно, что до Великой войны в 5-м (Особом) делопроизводстве могли служить и женщины. В течение девяти лет, практически с самого создания этого органа, переводчицей в нем работала петербурженка Вера Алексеева, владевшая французским, английским, немецким, итальянским, шведским и немного датским языками и получавшая по 100 руб. жалованья в месяц. Ранее, с 1906 г., она состояла переводчицей при Разведочном отделении Главного штаба (центральный орган контрразведки)¹⁷⁰. О высоком доверии, которым пользова-

¹⁶⁷ В своей книге «Агентурная разведка» К.К. Звонарёв допустил серьезную ошибку, написав, что 5-е делопроизводство части 1-го обер-квартирмейстера по штату имело 5 делопроизводителей и 6 помощников в штаб-офицерских чинах Генштаба (*Звонарёв К.К. Агентурная разведка. Кн. 1. С. 85*). В действительности, эти данные относились ко всей части 1-го обер-квартирмейстера.

¹⁶⁸ Подробные сведения о движении кадров в центральном аппарате военной разведки можно найти в ежегодном служебном справочном издании: *Общий состав чинов Главного штаба и Главного управления Генерального штаба. По 5-е марта 1906 года. СПб., 1906; Общий состав чинов Главного управления Генерального штаба. СПб., 1907–1914.*

¹⁶⁹ *Шелухин А.Ю. Русская военная разведка... С. 137.*

¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 18. Л. 31.

лась эта женщина, говорит тот факт, что возглавивший в 1914 г. Особое делопроизводство Н.К. Раша поручал ей возить за границу секретные бумаги для некоторых военных агентов и словесно комментировать их содержание. В ноябре 1915 г. новый генерал-квартирмейстер М.Н. Леонтьев посчитал, что должность переводчика в Особом делопроизводстве может занимать лишь офицер, и Алексеева, несмотря на ее просьбы, была переведена на службу в военную цензуру¹⁷¹.

Помимо сотрудников Особого делопроизводства, к центральному аппарату военной разведки России с полным правом можно отнести и офицеров так называемых оперативных и статистических делопроизводств частей 1-го и 2-го обер-квартирмейстеров Огенквара ГУГШ. Они ведали обработкой и анализом разведывательных данных по вооруженным силам зарубежных стран и возможным театрам военных действий русской армии. К 1914 г. этой работой в Генштабе в той или иной мере занимались около трех десятков офицеров и генералов. Таким образом, центральные органы военной разведки Российской империи имели весьма обширный, по мировым меркам, штат сотрудников. В совокупности этот коллектив офицеров держал в своих руках огромные объемы секретной информации; его влияние на работу Генштаба и выработку военной стратегии России было определяющим.

Сотрудники Особого и аналитических делопроизводств Огенквара имели ценный опыт боевой и штабной работы на полях Русско-японской войны 1904–1905 гг.¹⁷² К примеру, в управлении генерал-квартирмейстера штаба 2-й Маньчжурской армии генерала В.Е. Флуга нес службу будущий цвет русской военной разведки — Н.С. Батюшин, С.Н. Розанов, П.Ф. Рябиков, О.К. Энкель. С другой стороны, наличие маньчжурского боевого и штабного опыта не было решающим фактором при отборе офицеров на службу в разведку. Источники ничего не говорят о сколько-нибудь существенных разногласиях или трениях на поле разведывательной деятельности между офицерами-«маньчжурцами» и их коллегами, не участвовавшими в кампании 1904–1905 гг.

Из целого ряда мемуарных источников известно, что многие сотрудники ГУГШ были вынуждены совмещать основную службу с иными заработками, в основном с преподаванием в разных военно-учебных заведениях, что отнимало у них и время, и силы. Кроме того, ежедневная работа центрального аппарата «мозга армии» Российской империи протекала в весьма тяжелых условиях, при острой нехватке

¹⁷¹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 130. Л. 26–30 об.

¹⁷² В этом отношении можно согласиться с А.Ю. Шелухиным, отметившим преобладающие назначения в Особое делопроизводство генштабистов-«маньчжурцев» (*Шелухин А.Ю. Русская военная разведка... С. 158*).

служебных помещений, в тесноте и скученности, при недостаточном освещении, сквозняках, в обстановке затяжного капитального ремонта здания Главного штаба, шедшего с 1910 г. до самой мировой войны¹⁷³. Расскажем кратко об этом, для более полной характеристики организации работы русского Генштаба и военной разведки того периода.

К началу XX в. старое и величественное здание Главного штаба уже не отвечало многим насущным потребностям текущего момента. После создания независимого Главного управления Генерального штаба оно так и не получило отдельного здания. Этот вопрос обсуждался, однако не был переведен в практическую плоскость. Для чинов ГУГШ и Главного штаба накануне Великой войны остро стояла проблема нехватки рабочего пространства. К примеру, топограф делопроизводства части 1-го обер-квартирмейстера вообще не имел рабочего места в одном из кабинетов и был вынужден трудиться прямо в проходном коридоре, у окна¹⁷⁴. В докладе по Особому делопроизводству от ноября 1910 г. отмечалось, что в различные части Огенквара можно было попасть по восьми отдельным лестницам, выходящим в разные дворы. Обеспечить их охрану было почти невозможно. Ключи от помещений хранились у старших писарей и даже служителей, так как сосредоточить их у дежурного офицера Главного штаба было нельзя из-за чрезмерной разбросанности и разобщенности всех помещений. Как следствие, не было никаких гарантий сохранности документов, содержащих государственную тайну. Для исправления ситуации авторы доклада предлагали сосредоточить все помещения Огенквара максимально близко друг к другу, рядом с Мобилизационной частью. Начальник Генштаба Е.А. Гернгросс одобрил идею доклада, отметив в своей резолюции недавний случай, когда в Крепостную часть ГУГШ попали посторонние лица¹⁷⁵.

В феврале 1912 г. основные служебные помещения Огенквара (1-е обер-квартирмейстерство, Особое делопроизводство и делопроизводство по службе Генштаба) располагались на 2-м этаже здания и занимали 21 комнату, общей площадью 164 кв. сажени пола (746,5 м²), из них около 1/4 части было занято под проходы¹⁷⁶. Часть 2-го обер-квартирмейстера находилась на 3-м этаже. В то время Балканское делопроизводство занимало комнаты № 61 и 62, а кабинет главы Особого делопроизводства занимал часть комнаты № 58. Все это находилось рядом с так называемым церковным коридором. В этих помещениях,

¹⁷³ Кожевникова Г.В. Главное управление Генерального штаба... С. 37–38.

¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 2339. Л. 1–2. Н.А. Монкевиц — Ю.Н. Данилову. 20 ноября 1910 г. Б.н.

¹⁷⁵ Там же. Л. 47–48. Данилов Ю.Н. Доклад по Особому делопроизводству на имя начальника Генерального штаба. 5 ноября 1910 г. № 186.

¹⁷⁶ Там же. Л. 7, 14.

помимо прочего, отсутствовали насущно необходимые камины для сжигания секретных бумаг. Таковых требовалось три — по одному в Особом и статистических делопроизводствах и в кабинете 1-го обер-квартирмейстера¹⁷⁷.

Ремонтные работы в здании Главного штаба шли с 1910 г., однако капитальный ремонт был начат в 1912 г., когда переоборудование помещения стало уже назревшей необходимостью. В докладе на имя начальника Генштаба от февраля 1912 г. говорилось: «В настоящее время части, входящие в состав отдела генерал-квартирмейстера, расположены в 3-х этажах, причем часть 2-го обер-квартирмейстера находится в 500 шагах от кабинета генерал-квартирмейстера. Еще более в худших условиях находится расположение Военно-ученого архива. Последний, не имея необходимых помещений, принужден часть своих дел по Русско-японской войне хранить в здании Главного штаба, а материалы по истории Русско-турецкой войны в отделе военных сообщений на Английской набережной.

Столь разбросанное положение частей отдела генерал-квартирмейстера до крайности затрудняет сношения и замедляет, в экстренных случаях, получение соответствующих справок. Вместе с тем необходимо признать, что такое разбросанное расположение ослабляет принятие мер для надлежащего хранения секретных документов, большинство которых, по своему характеру, имеют государственную важность. В этом отношении отдел генерал-квартирмейстера находится в более худших условиях, чем штабы округов. Последние для охраны помещений, в коих хранятся секретные документы, привлекают полевых жандармов, что усиливает саму охрану и устраняет различные случайности в пожарном отношении. <...> Оперативные делопроизводства части 1-го обер-квартирмейстера расположены в комнатах 60, 63, 64, 65 и 66. Из них 63 проходная, а 65 и 66 по своим размерам малы для числа лиц, в них занимающихся (потолки низки), кроме того, в них очень мало дневного света, и поэтому в течение всего года приходится заниматься при электрическом освещении»¹⁷⁸.

В итоге в первой половине февраля 1912 г. был начат капитальный ремонт здания Главного штаба. Во время ремонтных работ служба в Генштабе продолжалась, а его подразделения по очереди переезжали во временные помещения — две новые квартиры в надстроенном 5-м этаже дома № 4 по Невскому проспекту (всего 124 кв. сажени) и в

¹⁷⁷ Там же. Л. 49–51. Данилов Ю.Н. Доклад на имя Я.Г. Жилинского. 28 февраля 1912 г. № 63.

¹⁷⁸ Там же. Л. 42–45 об. Черновик доклада на имя начальника Генерального штаба Я.Г. Жилинского. По 3-му делопроизводству части 1-го обер-квартирмейстера. Февраль 1912 г. Б.н.

помещение, предназначенное для Эмеритальной части Пенсионного отдела (дом № 1 по Морской улице, бывшая квартира помощника дежурного генерала) (всего 44 кв. сажени)¹⁷⁹.

План работ Хозяйственного комитета Главного штаба включал в себя следующие пункты: «1) Устройство пароводяного отопления (проводка труб, установка радиаторов, устройство ниш, пробивка вентиляционных каналов, устройство части калориферов, разборка печей), 2) перенесение в проходных комнатах дверей от окон к внутренним стенам и перепланировка некоторых помещений, 3) замена гнилых балок новыми (железными), 4) настилка нового паркета взамен пришедшего в полную негодность, 5) полный внутренний ремонт помещений, 6) бетонирование подпольных пространств в жилищах подвального этажа и полная их отделка, 7) перекрытие части крыш. Кроме того, предстоит переустройство канализации и асфальтирование дворов дома № № 4 и 2»¹⁸⁰.

Таким образом, в феврале 1912 г. начался обширный и сложный ремонт здания Главного штаба, который так не был завершен до мировой войны. Как следствие, офицеры Генштаба и его органов разведки в те напряженные годы были вынуждены работать в тяжелых, некомфортных условиях, что еще больше увеличивало и так немалое бремя их службы.

В целом, десятилетие между Русско-японской и Первой мировой войнами стало для службы военной разведки Российской империи временем активного институционального и кадрового развития, что было подкреплено и соответствующим ростом финансирования. В этот период приобрела вполне законченный и целесообразный вид структура добывающих и обрабатывающих (аналитических) органов военной разведки в составе нового руководящего органа военного планирования — Главного управления Генерального штаба. Сложился кадровый костяк сотрудников центрального аппарата военной разведки, в большинстве своем — талантливых и энергичных офицеров, во главе с генералом Н.А. Монкевицем. Под его умным и авторитетным руководством служба военной разведки, несмотря на запаздывающее преодоление материальных проблем, заняла подобающее ей высокое и важное место в системе органов стратегического планирования Генштаба военного ведомства и всей империи в целом.

¹⁷⁹ Там же. Л. 3–8 об.

¹⁸⁰ Там же. Л. 6.

Глава 2

«ГЛАЗА И УШИ» ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА: ВОЕННЫЕ АГЕНТЫ

Вплоть до Первой мировой войны основой системы заграничной разведки русского Генерального штаба был институт военных агентов, на постоянной основе существовавший в Российской империи и в ряде европейских стран с эпохи Наполеоновских войн¹⁸¹. На протяжении XIX в. эта служба прошла эволюцию от старинного и архаичного института военно-аристократического придворного представительства до важной составной части профессионального Генштаба. В начале этого процесса военные агенты являлись личными представителями русского императора, своего рода флигель-адъютантами при свитах иностранных монархов, что, впрочем, не мешало им активно и успешно заниматься разведывательной деятельностью в стране пребывания, в том числе и негласной агентурной работой¹⁸². В царствование Николая I официальные представители русской армии в столицах ведущих европейских держав стали именоваться «военными корреспондентами»; они, как правило, имели генеральские чины и также выполняли разведывательные обязанности. Впрочем, служебный статус, права, обязанности николаевских военных корреспондентов и результаты их деятельности до сих пор остаются белым пятном в историографии русской разведки.

В 1856 г., после окончания Крымской войны, был утвержден «Проект общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу»; затем, в 1880 и 1912 гг., издавались новые инструкции, упорядочивавшие служебный статус и расширявшие круг обязанностей военных

¹⁸¹ Об истории института военных атташе подробнее см. в классической монографии: Vagts A. The Military Attaché. Princeton, NJ, 1967. О русской военной разведке и военных агентах в эпоху войн с Наполеоновской Францией см.: Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.

¹⁸² В.М. Безотосный собрал ценные данные о первых русских военных агентах, назначенных накануне войны 1812 г.; им отмечаются большой служебный опыт и профессиональные качества этих офицеров, высокие критерии их отбора с точки зрения соответствия задачам разведки (Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 50–55).

агентов¹⁸³. Каждая из этих инструкций ставила основной задачей военным агентам всестороннее военно-статистическое изучение страны пребывания и ее вооруженных сил; предполагался и сбор сведений политического характера, но имевших военное значение.

Постепенно институт военных агентов все глубже вращался в структуры Генштаба и включался в его военно-статистическую работу, еще не вполне свободную от печати академизма, но уже пробивавшую дорогу в область прикладного аналитического обеспечения стратегического планирования, в том числе и по секретным материалам, добываемым агентурным путем. В XIX в. жестких правил, согласно которым военно-агентские должности могли занимать только офицеры Генштаба, не существовало, однако уже в милютинскую эпоху считалось достаточно очевидным, что задачам военно-агентской службы по своему образованию и профессиональной подготовке наиболее соответствовали именно генштабисты. Профессор Николаевской академии Генерального штаба Ф.А. Макшеев писал в 1899 г.: «Должности военных агентов принадлежат к числу тех, которые могут быть замещаемы офицерами Генерального штаба. В действительности почти все агенты из офицеров Генерального штаба, что вполне согласуется с существом дела»¹⁸⁴. Уже в последние десятилетия XIX в. большинство военно-агентских должностей занимали офицеры с опытом службы в канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, ученики и доверенные помощники Д.А. Милютин и Н.Н. Обручева. Военных агентов той эпохи с полным правом можно уподобить внешним рецепторам «мозга армии», чувствительным нервным окончаниям, от которых зависели осведомленность Генштаба и многие результаты его стратегической работы. «Глаза и уши Генерального штаба» — так позже именовал военных агентов маршал Б.М. Шапошников¹⁸⁵.

В начале XX в. было окончательно установлено, что военно-агентские должности, которые официально назывались «военными агентурами», могли занимать только генерал-майоры и штаб-офицеры Генерального штаба. На должности помощников агентов могли назначаться штаб-офицеры, в том числе и не только корпуса генштабистов¹⁸⁶. Число рус-

¹⁸³ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 55–59 и др.; Сергеев Е.Ю., Улунян Ар.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. (информация — анализ — прогноз). М., 2003. С. 38–42 и др.

¹⁸⁴ Макшеев Ф.А. Генеральный штаб. Сравнительный очерк современного устройства его в армиях: Русской, Германской, Французской и Австрийской. СПб., 1899. С. 4.

¹⁸⁵ Шапошников Б.М. Мозг армии: в 3 т. М.; Л., 1929. Т. 3. С. 297.

¹⁸⁶ Нагаев В.В., сост. Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров Генерального штаба. С приложением Положения об Императорской Николаевской военной академии. СПб., 1914. С. 78, 152.

ских военных агентур за границей постоянно увеличивалось, периодически обновлявшиеся служебные инструкции более четко очерчивали круг их служебных обязанностей. Ко времени начала Первой мировой войны Российская империя имела 18 официальных военных агентов, аккредитованных в 21 стране — в Австро-Венгрии, Бельгии (он же в Нидерландах), Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Дании (он же в Швеции и Норвегии), Италии, Китае, Румынии, Сербии, Северо-Американских Соединенных Штатах, Турции, Франции, Черногории, Швейцарии и Японии. Кроме того, в персидском Хорасане нес службу «состоящий при императорском генеральном консульстве в Мешхеде офицер на правах военного агента»¹⁸⁷. Военные агенты в Великобритании и Японии имели по одному штатному помощнику из числа офицеров-генштабистов, военный агент в Китае имел двух таких помощников. Для сравнения, в 1914 г. США имели 23 военных атташе (из них 7 в Латинской Америке) и 8 военно-морских атташе (из них 3 в Латинской Америке); Германия — 17 военных и 8 военно-морских атташе, другие великие державы — меньшее число¹⁸⁸.

В Российской империи военные агенты и их помощники подчинялись генерал-квартирмейстеру Генерального штаба, который пользовался в отношении их правами начальника дивизии¹⁸⁹. С XIX в. и до 1910 г. должности военных агентов России официально именовались по иностранным столицам их пребывания, и лишь приказом по военному ведомству № 212 от 11 мая 1910 г. было повелено называть их по стране пребывания. Т.е. «военный агент в Софии» в служебных документах теперь значился «военным агентом в Болгарии» и т.д.

С 1909 г. русское военное ведомство безуспешно пыталось добиться от Министерства финансов выделения средств на создание должностей помощников военных агентов по технической части во Франции и Австро-Венгрии. На эти должности предполагалось назначить артиллерийских офицеров для более пристального наблюдения за развитием военной техники в армиях Антанты и Тройственного союза, поскольку технические познания военных агентов-генштабистов признавались недостаточными для этого¹⁹⁰.

Проблема механизма и профессиональных критериев кадрового отбора руководством Генштаба офицеров на военно-агентские должности в начале XX в. до сих пор подробно не рассматривалась никем

¹⁸⁷ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 59. Л. 37–38. Высочайше утвержденная 23 апреля 1906 г. штатная ведомость распределения военных агентов и помощников военных агентов, дополненная на основании высочайше утвержденных 18 июня 1910 г. и 24 декабря 1912 г. положений Военного совета.

¹⁸⁸ Vagts A. The Military Attaché. P. 34.

¹⁸⁹ Нагаев В.В., сост. Сборник законоположений... С. 78.

¹⁹⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 51. Л. 1–9 об., 18–20 об., 67–68.

из историков¹⁹¹. Как представляется, первостепенное внимание в этом вопросе должно быть обращено на служебный опыт военных агентов, а не на их сословную принадлежность или личную материальную обеспеченность, значение которых нередко преувеличивается. Ряд авторов высказывали голословные суждения по данному поводу. К примеру, такой авторитетный специалист, как полковник К.К. Звонарёв (Звайгзне), утверждал, что «подбор личного состава местных разведывательных органов, особенно официальных военных агентов, был поставлен в высшей степени плохо. В страны, представлявшие наибольший интерес в разведывательном отношении, назначались гвардейские офицеры, крайне слабо подготовленные в военном отношении и не имевшие склонностей к агентурной работе. Их ценность для разведки, естественно, была крайне низкой»¹⁹². Еще более резкую оценку дал Звонарёв служебным качествам военных агентов до Русско-японской войны 1904–1905 гг. Он писал: «Ценность русских военных агентов в деле разведки и изучения иностранных армий в большинстве случаев была равна нулю. Русское военное ведомство в то время еще совершенно не умело использовать этот институт для изучения иностранных армий и боевой мощи своих соседей»¹⁹³. В качестве доводов Звонарёв приводит аристократические фамилии и титулы этих военных агентов, а также пример неудачной деятельности в Японии военного агента Г.М. Ванновского. Однако недостаточность и неубедительность таких доказательств очевидны.

С нескрываемым классовым презрением большевик Звонарёв, выходец из латышских крестьян и бывший унтер-офицер царской армии, писал также: «Понятно, что аристократам было не до разведки, к ней они способны не были. Они умели блестяще вести себя в обществе,

¹⁹¹ Ряд сведений об этом приводит исследователь М. Алексеев, который справедливо отмечает первостепенное значение фактора профессионального соответствия при назначениях военных агентов (см.: Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 113–115). Е.Ю. Сергеев и Ар.А. Улуния посвятили целый раздел своей монографии «людям и службе» института военных агентов России в начале XX в., однако вопрос подбора кадров на эти должности не рассматривается ими достаточно глубоко. Проанализировав анкетные данные около 100 офицеров, служивших в органах военной разведки, эти авторы приходят к выводам о достаточно высоком уровне образования русских военных агентов, об окончании ими курса Николаевской академии Генштаба и о принадлежности подавляющего большинства из них к потомственному дворянству империи. Эти заключения являются, по меньшей мере, очевидными. Недоказанными остались утверждения Сергеева и Улуния о наличии у большинства военных агентов связей при дворе и в высших военных кругах, а также о стремлении генштабистов, желавших служить за рубежом, заключить выгодный матримониальный союз с представительницами знатных придворных фамилий или наследницами миллионеров (см.: Сергеев Е.Ю., Улуния Ар.А. Не подлежит оглашению... С. 36–53).

¹⁹² Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 289.

¹⁹³ Там же. С. 31.

ухаживать за дамами, выпивать, танцевать на великосветских и придворных балах и, самое большее, купить и выслать в военное ведомство один-другой вышедший из печати литературный труд об армии той страны, в которой они находились. Эти офицеры являлись сливками русского офицерского корпуса не по своим знаниям военного дела и способности к сбору нужных сведений и к изучению армий соседей, а по своему социальному положению. Поэтому даже самые лучшие из них не могли дать ничего ценного своему Главному штабу об иностранных армиях»¹⁹⁴. По мнению Звонарёва, только после Русско-японской войны руководство Генштаба было вынуждено начать лавировать, выбирая из представителей «придворной камарильи» людей, хоть мало-мальски пригодных для разведывательной деятельности.

Некоторые современные авторы также акцентируют внимание на принадлежности военных агентов Российской империи к консервативной и замкнутой элитарной касте военной аристократии и на влиянии их социального положения и матримониальных связей на служебную деятельность¹⁹⁵. С другой стороны, крупный знаток истории русской армии Брюс Меннинг пишет: «Не существовало формального обучения военному и морскому шпионажу, но офицеры, служившие военными агентами, часто проявляли набор подходящих качеств. Они были обычно хорошо образованы, по стандартам военного профессионализма тех дней, они, как правило, росли в чинах, последовательно проходя через строевые и штабные должности, и обычно пользовались репутацией людей самостоятельно мыслящих и умеющих выражать свои мысли точно и вдумчиво, особенно письменным словом. Их доклады часто свидетельствуют о знании ими военных предметов, превосходящем уровень равных им чинами сослуживцев»¹⁹⁶. Это перекликается и с мнением Альфреда Вагтса: «Ведомственные атташе почти всегда избирались на основании их превосходной квалификации, и только в отдельных случаях по посторонним причинам (чтобы наградить политического фаворита или чтобы отправить в ссылку офицера, который стал слишком «неудобным» для пребывания на родине)»¹⁹⁷.

Какие из озвученных суждений ближе к истине? Попробуем беспристрастно разобраться по данным первоисточников, кем же были на самом деле те люди, которые служили военными агентами России в зарубежных странах в начале XX в. и в годы Первой мировой войны; каковы были их профессиональные качества, служебный опыт; нако-

¹⁹⁴ Там же. С. 28.

¹⁹⁵ См., например: Сергеев Е.Ю., Улуния Ар.А. Не подлежит оглашению...

¹⁹⁶ Menning B.W. Miscalculating One's Enemies: Russian Intelligence Prepares for War // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero: in 2 vols / ed. by J.W. Steinberg et al. Leiden; Boston, 2007. Vol. 2. P. 48–49.

¹⁹⁷ Vagts A. The Military Attaché. P. X.

нец, кто занимался рассмотрением кандидатур на эти должности и каковы были критерии их отбора.

Со времен военных преобразований Д.А. Милютина 1860–1870-х гг. до реформы Генерального штаба 1905–1906 гг. кандидаты на военно-агентские должности подбирались прежде всего и преимущественно из числа штаб-офицеров, служивших делопроизводителями разведывательно-аналитического органа Главного штаба — канцелярии ВУК. Лишь в отдельных случаях о наличии достойных кандидатов на местах запрашивались военно-окружные штабы. К примеру, весной 1900 г., в ответ на запрос Главного штаба, командующий войсками Финляндского военного округа назвал трех офицеров, подходящих на пост военного агента, среди которых выделялся Генштаба капитан И.А. Хольмсен, уроженец Великого княжества Финляндского, владевший шведским, норвежским, датским, немецким и французским языками. Хольмсен вообще отличался своими способностями: он был первым в своем выпуске из Финляндского кадетского корпуса, и его имя было занесено на мраморную доску¹⁹⁸. Национальное происхождение этого кандидата рассматривалось с учетом текущей политической обстановки, и командующий войсками округа рекомендовал Хольмсена, как «финляндца» (по национальности он был норвежцем), более подходящим для должности военного агента не в Европе, а в Азии. В итоге в мае 1900 г. кандидатура Хольмсена была высочайше утверждена, и он, к тому времени находившийся на службе в Иркутском военном округе, 2 июня получил назначение в Афины¹⁹⁹. Его служба на Балканах продолжилась 12 лет: после Греции Хольмсен с 28 октября 1906 г. по 14 января 1913 г. занимал должность военного агента в Константинополе²⁰⁰.

На протяжении последней трети XIX в. военные агенты направляли свои донесения и получали инструкции из канцелярии ВУК, которая тогда была центральным органом военной разведки. Созданное в результате реформы 1900 г. 7-е отделение Главного штаба, обязанностью которого было военно-статистическое изучение иностранных государств, стало промежуточным и весьма коротким этапом в развитии структуры военной разведки. Именно 7-е отделение занималось обработкой сведений военных агентов, однако в тот переходный период связь военных агентов и центра была совершенно не упорядочена. К примеру, Генштаба полковник А.А. Михельсон отмечал весной 1905 г., что военные агенты не были подчинены 7-му отделению и про-

должали в обход этого органа вести служебную переписку с Главным штабом и получать инструкции²⁰¹. Однако Е.А. Никольский, в тот период один из ключевых сотрудников центрального аппарата разведки, отмечал, что для ведения переписки с военными агентами при 7-м отделении было создано специальное «особое делопроизводство» (не путать с Особым делопроизводством Огенквара с 1910 г.), состоявшее из Генштаба полковника В.Н. Минута и чиновника А.А. Голембиовского²⁰². В целом изучение документов Главного штаба первых лет XX в. показывает, что военные агенты отправляли свои донесения на имя В.П. Целебровского или управляющему делами Военно-ученого комитета.

Донесения военных агентов внимательно изучались высшим руководством военного ведомства. В январе 1902 г. на основании резолюций военного министра начальник Главного штаба приказал: донесения военных агентов в Берлине, Вене, Париже и Лондоне представлять в подлинниках по их получении. По их материалу также следовало составлять всеподданнейшие записки раз в четыре месяца. По донесениям военных агентов в Турции и на Балканах составлялось особое общее извлечение, также представляемое императору²⁰³.

В январе 1903 г. последовало новое распоряжение военного министра. Было приказано все важные донесения военных агентов в Берлине, Вене, Париже и Лондоне немедленно по получении представлять в подлинниках на прочтение императору. В случае если они были по объему более четырех страниц, следовало готовить по ним всеподданнейшие записки. О всех донесениях агентов в этих державах составлялись всеподданнейшие записки раз в два месяца (к 1-му числу января, марта, мая, июля, сентября, ноября). О донесениях прочих военных агентов такие же записки составлялись раз в четыре месяца (к 1-му числу января, мая и сентября). Наконец, один раз в год императору представлялся общий отчет о деятельности всех военных агентов (в конце отчетного года). Выборки из донесений, всеподданнейшие записки и отчеты о деятельности должны были подписываться начальником Главного штаба и лишь за этой подписью докладываться императору²⁰⁴.

²⁰¹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 131–136. Михельсон А.А. Записка на имя начальника Военно-статистического отдела части 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. Март 1905 г. (другая копия: РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 681. Л. 1–6).

²⁰² Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 82–83. В 1903–1905 гг. в этом «особом делопроизводстве» переменялось 6 офицеров, что объяснялось тяжелыми материальными условиями службы (см.: Звонарёв К.К. Агентурная разведка. Кн. 1. С. 25).

²⁰³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Ед. хр. 294. Л. 1.

²⁰⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1–1 об. Целебровский В.П. Указание к руководству. 30 октября 1903 г. На основании приказа военного министра от 11 января 1903 г.

¹⁹⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 361 131–147. Л. 201–206. Послужной список И.А. Хольмсена. 1900 г. с последующими дополнениями.

¹⁹⁹ РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1–14.

²⁰⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 361 131–147. Л. 201–206. Послужной список И.А. Хольмсена. 1900 г. с последующими дополнениями.

До Русско-японской войны наиболее важная часть массива донесений военных агентов в зарубежных странах поступала лично к военному министру А.Н. Куропаткину, в свое время много занимавшемуся трудами по разведке. Докладывались ему и отдельные донесения с Балкан, если их содержание признавалось важным. От Куропаткина же многие донесения военных агентов попадали к самому Николаю II. В целом, можно говорить, что в то время этот важнейший вид информации военной разведки имел достаточно простой и короткий путь на рабочий стол главы государства.

Неудачная война с Японией дала мощный импульс совершенствованию службы военных агентов, в русле общих преобразований Генштаба и военной разведки. Особое внимание было обращено на опыт зарубежных стран в этой области. Еще в июле 1904 г. В.П. Целебровский разослал запрос русским военным агентам во всех европейских великих державах и в Северо-Американских Соединенных Штатах об организации службы военных атташе в странах их пребывания. Главу русской военной разведки интересовали следующие вопросы: требования к служебному опыту военных атташе, в каких чинах и на какие сроки они назначаются, отзываются ли они периодически на родину для участия в маневрах и цензового строевого командования. Ответы запрошенных Целебровским военных агентов в основных чертах совпадали: в зарубежных странах военные атташе назначались преимущественно из офицеров Генерального штаба или имевших академическое образование, в чинах от капитана до полковника, чаще всего от них требовался ценз строевой службы²⁰⁵. Особое значение для руководства русской разведки должны были иметь сведения о том, что практически нигде за рубежом военные атташе не отрывались от своих обязанностей для отбытия в срок цензового командования. Последнее было одним из традиционных недостатков организации военно-агентской службы русского Генштаба.

Сами военные агенты России предлагали начальству свои соображения о путях реформирования их службы, повышения профессионализма и влияния официальных представителей русской армии за границей. В серьезных изъянах, действительно, недостатка не было. К примеру, в апреле 1905 г. военный агент в Копенгагене и Стокгольме Генштаба полковник А.М. Алексеев писал в Главный штаб А.А. Поливанову, что он, подобно многим другим военным агентам, был назначен на эту должность совершенно случайно, принял ее в Петербурге «на лету», а прибыв на место службы в Копенгаген, не обнаружил там ни документальных материалов своих предшественников, ни служебных инструкций, за исключением общей «милютинской» инструкции

1880 г., ни журналов входящей и исходящей корреспонденции. Из-за отсутствия четко поставленных задач руководства каждый военный агент мог докладывать обо всем, о чем сам считал нужным²⁰⁶. О том же писал в своих воспоминаниях А.А. Игнатъев: «Никто и никогда нас не знакомил со службой военных агентов, существовала только, как всегда у нас водилось, ширококвещательная программа, выполнить которую, конечно, никому не могло прийти в голову: до того в ней было много заданий. Каждый действовал, как бог на душу положит, стараясь главным образом восполнить недочеты в работе предшественника»²⁰⁷.

В своем письме Поливанову полковник Алексеев предлагал меры по исправлению такой нетерпимой ситуации. Будущим военным агентам следовало вменить в обязанность знание языка страны пребывания, а также заблаговременную подготовку в центре к занятию заграничной должности, с изучением соответствующих документальных материалов. Одновременно Алексеев настаивал на повышении роли военных агентов в работе дипломатической миссии. Он писал: «В[оенный] а[гент] должен участвовать по обязанностям службы, а не случайно, по милостивому приглашению, при обсуждении вопросов и известий военно-политического значения. Собственно говоря, в[оенный] а[гент] есть советник по военным делам. Кругозор его, если он работает совместно с посольством, значительно шире, а результат его работы, при всех прочих одинаковых условиях, будет, вне сомнений, выше»²⁰⁸. По мнению Алексеева, каждый военный агент должен был вести свой архив и иметь подборку справочных изданий, а также получить право пользоваться канцелярией и библиотекой миссии, не испрашивая на то согласия посланника.

Наконец, военный агент в Скандинавии выдвигал своей проект организации разведки Генштаба. По нему офицеры со страноведческой специализацией должны были последовательно назначаться на должности помощников начальников соответствующих отделений центрального аппарата Генштаба, затем — военных агентов в изучаемых странах, далее — начальников тех же отделений, с перспективой дальнейшего повышения на должности генерал-квартирмейстеров и начальников штабов военных округов, ориентированных на изучаемое иностранное государство. Эта система была безусловно рациональна, и основные ее положения, в той или иной степени, были воплощены в жизнь до начала Первой мировой войны. Разумеется, положительные перемены в организации службы военных агентов происходили

²⁰⁶ Там же. Л. 21–22 об. А.М. Алексеев — А.А. Поливанову. 27 апреля 1905 г. Б.н.

²⁰⁷ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 272.

²⁰⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Ед. хр. 690. Л. 21–22 об. А.М. Алексеев — А.А. Поливанову. 27 апреля 1905 г. Б.н.

²⁰⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Ед. хр. 690. Л. 5–20.

не сразу и не одновременно. Любопытно, но сменивший Алексева на его посту в Скандинавии граф А.А. Игнатъев вспоминал, что он, как прежде сам Алексеев, получил документальное наследство от своего предшественника в полном беспорядке, без всякой организованной передачи дел²⁰⁹.

Служба военных агентов была реформирована в 1906 г., в ходе общих преобразований Генерального штаба. На созванном в начале 1906 г. специальном совещании в Генштабе представители различных управлений военного ведомства высказали свои пожелания о характере информации, которую должны были добывать военные агенты; особое внимание было обращено на нехватку сведений военно-технического характера²¹⁰. Последовавшие вскоре изменения коснулись, прежде всего, порядка подчиненности и системы отбора офицеров для занятия военно-агентских должностей. Примечательно, что ни в положении о начальнике Генштаба (приказ по военному ведомству № 424 от 21 июня 1905 г.), ни в положении о ГУГШ (приказ по военному ведомству № 252 от 22 апреля 1906 г.) совершенно не был решен вопрос о подчиненности военных агентов. В октябре 1909 г. Монкевиц был вынужден составить особую докладную записку с предложением внести в тексты этих приказов дополнения, оговаривающие, что военные агенты и их помощники находятся в общем подчинении начальника Генштаба и непосредственно — генерал-квартирмейстеру ГУГШ²¹¹.

После создания 5-го (разведывательного) делопроизводства ГУГШ — специализированного добывающего органа разведки — ему были поручены, в числе прочих обязанностей, ведение текущей переписки с военными агентами, постановка им задач по тайной разведке, рассылка полученных от них сведений в соответствующие органы Генштаба и в другие заинтересованные ведомства. Также 5-е делопроизводство отвечало за подбор личного состава и ведение списка кандидатов на должности военных агентов²¹².

Этим непосредственно занимался первый руководитель 5-го делопроизводства и многоопытный разведчик полковник М.А. Адабаш. 30 декабря 1906 г. он составил сводный список офицеров ГУГШ, изъявивших желание быть назначенными на военно-агентские и консульские должности. Таковых оказалось 25 человек, в чинах от капитана до полковника, среди которых были снискавшие позже большую известность генштабисты: П.И. Аверьянов, В.Н. Егорьев, М.А. Иностранцев,

Л.Г. Корнилов, А.Е. Снесарев, П.А. Томилов, а также многие сотрудники разведки и офицеры, отличившиеся впоследствии на агентских должностях, — сам М.А. Адабаш, П.А. Базаров, барон А.Г. Винекен, В.В. Водар, князь А.М. Волконский, С.А. Головань, Н.А. Монкевиц²¹³. С другой стороны, целый ряд офицеров ГУГШ, в числе которых также были видные генштабисты и разведчики-аналитики, по каким-то причинам отказались от внесения в кандидатский список²¹⁴.

В списке полковника Адабаша отмечались познания кандидатов в иностранных языках, а также их личные пожелания о месте будущей заграничной службы, однако отсутствовала графа о материальном положении соискателей и наличии у них дополнительных денежных средств. Напротив подходящих кандидатур составитель списка красными чернилами собственноручно делал соответствующие заметки. Большинство кандидатов изъявляли желание служить в какой-либо из европейских столиц; Азия и Балканы были гораздо менее популярны. Однако Генштаба полковник М.А. Иностранцев, к примеру, выразил желание быть военным агентом только в славянских странах.

Языковая подготовка кандидатов была высокой, большинство свободно владело немецким и французским языками, которые были основными в программе русских военных училищ и Академии Генштаба; многие претенденты в той или иной степени знали английский, некоторые — другие европейские языки. Намного хуже обстояло дело со знанием балканских и восточных языков. Лишь служившие прежде в штабе Кавказского военного округа П.И. Аверьянов и П.А. Томилов имели некоторые познания в турецком языке. Д.И. Гурко, проходивший в те же годы службу в ГУГШ и готовившийся занять пост военного агента в Константинополе, вспоминал, что соперников, знавших, подобно ему, Турцию и турецкий язык, у него не было²¹⁵. Много лет занимавший пост военного агента в Константинополе полковник И.А. Хольмсен не знал турецкого языка, и потому в январе 1907 г. Генштабом рассматривался вопрос о назначении его помощником Генштаба капитана В.Ф. Попова, окончившего полный курс восточных языков при МИД и основательно изучившего турецкий и персидский языки²¹⁶. Видный разведчик-востоковед, позднее получивший извест-

²¹³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 1–10, 20–21.

²¹⁴ Не желали служить по военно-агентской или консульской части офицеры Генштаба Н.Н. Алексеев, С.К. Добrorольский, Н.Ф. Домелунксен, А.Г. Елчанинов, В.А. Златолинский, А.О. Зундблад, Г.И. Кортацци, П.П. Лебедев, Д.П. Парский, Б.И. Плакса (Щуцкой), С.Н. Розанов, П.Ф. Рябиков, Н.Н. Сиверс, В.Е. Скалон, В.С. Скобельцын (Там же. Л. 7–10).

²¹⁵ Гурко Д.И. Воспоминания генерала // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX — начала XX веков. М., 2002. С. 328.

²¹⁶ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 84.

²⁰⁹ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. С. 312.

²¹⁰ Звонарёв К.К. Агентурная разведка. Кн. 1. С. 105–107.

²¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 24. Л. 12–13 об.

²¹² Там же. Оп. 1. Ед. хр. 460. Л. 134–135 об. Адабаш М.А. Деятельность 5-го делопроизводства части 1-го обер-квартирмейстера за 1906 г.

ность и как теоретик войны, Генштаба подполковник А.Е. Снесарев, помимо свободного владения английским, французским и немецким языками, знал также кара-киргизское и сартовское наречия тюркского языка. Он просил командировки в Среднюю Азию для продолжения изучения этого региона либо назначения военным агентом в Лондоне, Вашингтоне или генконсульстве в Бомбее. Другой известный разведчик-востоковед Генштаба полковник Л.Г. Корнилов, свободно владевший французским и несвободно английским, знал сартовское наречие и понимал персидскую речь. Один лишь подполковник С.А. Головань немного владел разговорным японским языком; он выражал желание служить военным агентом в Японии²¹⁷. Однако ни один кандидат не заявил о владении сербскохорватским, болгарским, греческим или румынскими языками, и это было далеко не случайно.

Изучение балканских языков было зияющей дырой в системе лингвострановедческой подготовки офицеров вооруженных сил империи, на протяжении двухсот лет воевавшей на Балканах. Главной кузницей военных кадров, владевших языками Востока, были офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД²¹⁸. Кроме того, языки Дальнего Востока (китайский, японский, корейский, монгольский и маньчжурский) изучались офицерами в Восточном институте во Владивостоке (основан в 1899 г.), а языки Центральной Азии (урду, пушту, фарси, сартовский, а также китайский) преподавались в Ташкентской офицерской школе восточных языков при штабе Туркестанского военного округа (основана в 1897 г.). Наконец, как пишут А.А. Колесников и М.К. Басханов, «с проведением в русской армии военно-востоковедной реформы (1906–1912) при штабах пограничных азиатских военных округов были открыты офицерские подготовительные школы восточных языков»²¹⁹. Однако центров изучения балканских языков в вооруженных силах России не существовало. И хотя в офицерском корпусе русской армии было достаточное число этнических болгар, сербов, черногорцев, бессарабских румын и понтийских греков, никто из них, насколько известно, не привлекался к работе по Балканам в Генштабе или в органах военной разведки, где было, однако, достаточно немцев и скандинавов. Лишь однажды, в начале 1907 г., в качестве кандидата на должность военного агента штабом Московского военного округа был предложен старший адъютант штаба округа Генштаба полковник П.С. Стаев, воспитанник Софийского во-

енного училища и НАГШ (1896), владевший, помимо французского и немецкого, болгарским, сербским и немного турецким языками. Кто-то из руководителей центрального аппарата разведки написал против его фамилии: «Мог бы быть полезен в Афинах, да, к сожалению, болгарин»²²⁰. С политической точки зрения такое назначение было бессмысленно. В итоге полковник Стаев так никогда и не попал на разведывательную службу.

Новый подход к отбору военных агентов после войны с Японией проявился в том, что с конца 1906 г. руководство Генштаба решило обратиться к более широкому привлечению в эту сферу кадров с периферии — генштабистов из окружных и войсковых штабов военных округов. Циркуляром начальника Генерального штаба все военные округа империи были запрошены о наличии в их войсковых частях и штабах офицеров Генштаба, подходящих для ответственной зарубежной службы. При этом кандидаты должны были быть аттестованы по следующим графам: «Воспитанность, тактичность и умение держать себя в обществе», «Любовь и склонность к разведке» (подразумевалась не тайная агентурная работа, а военное страноведение и изучение зарубежных армий в широком смысле), «Степень знания иностранных языков», «Материальное обеспечение помимо службы», «Долги и излишества»²²¹.

Представленные округами списки подходящих генштабистов докладывались лично начальнику Генерального штаба. Количество кандидатов, предложенных округами, разнилось. Штабы крупных приграничных военных округов Европейской России выдвинули большое число достойных претендентов; гораздо хуже обстояло дело с подходящими кандидатурами в сибирских военных округах, бедных офицерами Генштаба. Иркутский и Омский округа не смогли предложить ни одного кандидата, а Приамурский округ выдвинул лишь одного — Генштаба подполковника Э.А. Верцинского. В Казанском округе не оказалось генштабистов, желавших служить на военно-агентских должностях²²².

Московским округом были предложены: уже упомянутый полковник П.С. Стаев, подполковник Е.А. Искрицкий (будущий военный

²¹⁷ Там же. Л. 1–10, 20–21.

²¹⁸ См.: Певцов М.Г. Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и их воспитанники. СПб., 1902.

²¹⁹ Басханов М.К., Колесников А.А. Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении. Документы, материалы, комментарии. Тула, 2014. С. 47.

²²⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 11–12, 22 об.

²²¹ Там же. Л. 13–13 об. К.К. Звонарев, найдя только одну, адресованную в штаб войск Гвардии и Петербургского военного округа, копию данного циркулярного запроса ко всем окружным штабам, сделал совершенно ошибочный вывод, что главным источником комплектования службы военных агентов оставалось привилегированное аристократическое офицерство столичного военного округа (Звонарев К.К. Агентурная разведка. Кн. 1. С. 113). Такое суждение Звонарева очень хорошо вписывалось в его тенденциозное восприятие военных агентов как выходцев из «придворной камарильи».

²²² РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 16, 26 об., 42, 44.

агент в Румынии) и капитан С.Н. Потоцкий (будущий военный агент в Бельгии и Нидерландах, затем в Дании)²²³. Руководство Варшавского военного округа выдвинуло кандидатуры полковников Е.И. Мартынова и Е.Ф. Пестича, подполковника В.П. Агапеева (будущий военный агент в Сербии), капитанов А.А. Свечина, В.И. Михайлова, Б.А. Энгельгардта²²⁴. Одесским округом были предложены подполковники В.А. Артамонов (будущий военный агент в Греции, затем в Сербии) и А.И. Дворжицкий, капитаны граф М.А. Соллогуб и О.К. Энкель (впоследствии ключевой сотрудник и руководитель Особого делопроизводства, военный агент в Италии в годы мировой войны и, позднее, начальник финского Генштаба)²²⁵. Киевским округом были выдвинуты подполковник А.А. Самойло (особо рекомендован окружным начальством), капитаны Н.Н. Духонин (будущий глава киевской разведки, Главковерх-мученик в ноябре 1917 г.), К.Х. Середин и Б.В. Геруа²²⁶. Виленским округом было предложено восемь кандидатов, в число которых вошли полковник А.В. Усов, подполковники Н.В. Пневский, Л.Ф. Тигранов, Н.П. Ефимов (будущий начальник разведки штаба Виленского округа) и капитаны Н.К. Раша (в 1914–1916 гг. — глава Особого делопроизводства Огенквара), В.Н. фон Дрейер (будущий герой сражения в Августовских лесах в феврале 1915 г.), Ф.Б. Булгарин (впоследствии сотрудник Огенквара и военный агент в Италии), А.Н. Суворов²²⁷.

Петербургский округ предложил троих — капитана графа А.А. Игнатъева (будущий военный агент в Скандинавии и во Франции, «красный граф»), полковника Б.П. Баженова и подполковника барона А.К. де Боде (будущий военный агент в Северо-Американских Соединенных Штатах)²²⁸. Больше всех кандидатов выдвинул Туркестанский военный округ, в список которого были внесены полковники Д.Я. Федоров (он имел практический опыт в разведке, два с половиной года состояв начальником русского гарнизона города Кульджи в китайском Западном Туркестане во время Боксерского восстания) и Н.Д. Ливенцев, подполковники А.И. Анисимов, А.А. Веселаго, Н.И. Готшалк, В.Г. Ласточкин, П.В. Черкасов, капитаны П.Н. Буров, Б.П. Кареев, Г.К. Корольков, А.В. Муханов. Заведывающий передвижением войск Туркестанского района полковник Ливенцев был единственным из окружных кандидатов, знавшим, помимо трех европейских языков, хиндустани; однако он был, согласно отзыву штаба округа в Ташкенте,

²²³ Там же. Л. 11–12.

²²⁴ Там же. Л. 13–13 об.

²²⁵ Там же. Л. 26–26 об.

²²⁶ Там же. Л. 15, 22.

²²⁷ Там же. Л. 18–19.

²²⁸ Там же. Л. 23 об.

«по внешности не представителен» и к тому же не имел материальных средств²²⁹.

Кавказский военный округ предложил четырех кандидатов — полковников Б.П. Веселовзорова и А.В. Хростицкого, подполковника Е.Е. Вышинского, капитана М.М. Загю; кроме того, бывшие офицеры штаба округа полковник В.П. Ляхов, надворные советники В.Т. Маевский, Н.Р. Добошинский, Р.И. Термен уже состояли на должностях негласных военных агентов в Азиатской Турции и Персии²³⁰. Генштаб выразил желание назначить Добошинского военным агентом в Грецию (тогда как раз решался вопрос о замещении этой вакансии), но штаб Кавказского округа настоял на предпочтительности продолжения его службы на посту секретаря генконсула в Эрзеруме, т.е. в качестве негласного военного агента²³¹.

И все же в большинстве случаев окружные штабы бескорыстно предлагали ГУГШ лучших своих офицеров для назначения на агентские посты. Кроме того, самостоятельно подали рапорты о желании служить военными агентами генштабисты подполковник Г.Г. Гиссер из Московского округа (будущий сотрудник австро-венгерского оперативного делопроизводства Огенквара) и капитан А.А. Носков из Виленского округа (будущий глава разведки штаба Юго-Западного фронта и один из ключевых работников Ставки в годы войны)²³².

Далеко не каждый из вышеперечисленных офицеров был в итоге назначен на военно-агентские должности, но почти все они впоследствии стали весьма заметными фигурами в русском Генштабе и его разведывательных органах, с отличием участвовали в мировой войне, что является подтверждением их высоких качеств воинов и генштабистов. И можно не согласиться с мнением историка разведки М. Алексеева о том, что главными источниками комплектования кадров военной разведки были преимущественно центральный аппарат Генштаба и столичный Петербургский военный округ. К примеру, руководители 5-го (Особого) делопроизводства в предвоенный период и в годы войны были выходцами из западных приграничных военных округов — Н.А. Монкевиц из Варшавского, О.К. Энкель из Одесского, Н.К. Раша из Виленского.

Читая переписку о подборе кандидатов на должности военных агентов, приходится невольно обратить внимание на большое число различных служебных, внеслужебных и частных ходатайств, просьб и уговоров отдать предпочтение тому или иному кандидату. Некоторые

²²⁹ Там же. Л. 24–25.

²³⁰ Там же. Л. 25–25 об.

²³¹ Там же. Л. 63.

²³² Там же. Л. 27.

из подобных протекций были настолько сильны, что у руководства Генштаба не было никакой возможности отклонить их. Так, в сентябре 1912 г. всемогущий министр императорского двора граф В.Б. Фредерикс в письме на имя военного министра В.А. Сухомлинова высказался в поддержку назначения военным агентом в Рим делопроизводителя ГУГШ Генштаба полковника Ф.Б. Булгарина, бывшего офицера лейб-гвардии Конного полка, занимавшегося в Генштабе изучением союзной Франции²³³. Опытный царедворец Сухомлинов дал согласие, назначение было одобрено и утверждено императором. Однако дальнейшая судьба Булгарина, достойного и способного генштабиста, была трагична. Прослужив в Италии всего год, утром 31 октября 1913 г. полковник Фаддей Болеславович Булгарин, внук знаменитого пушкинского недруга, участник Русско-японской войны, кавалер боевых орденов Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и золотого оружия, застрелился в Риме. Причиной самоубийства, по предсмертной записке, стала тяжкая болезнь — прогрессивный паралич²³⁴.

Для вечно стесненного в деньгах военного ведомства немаловажным был вопрос о наличии у будущих военных агентов дополнительных денежных средств, что, конечно, создавало некоторые ограничения при подборе кандидатов. Однако ни материальный достаток, ни общественное положение, ни связи в верхах не были определяющими факторами при выдвижении офицеров на военно-агентские должности. В этом отношении можно считать показательной точку зрения Генштаба генерал-майора Ф.Г. Чернозубова. В 1911 г. он опубликовал в «Военном сборнике» статью о разведывательной работе Генштаба, в которой подчеркивалось, что родственные связи военных агентов с высшим обществом, навыки поведения в нем, а также наличие свободных денежных средств могли существенно облегчить их работу. Однако, писал Чернозубов, «все эти качества, т.е. такт, воспитание, принадлежность к лучшему обществу и материальная обеспеченность, должны быть лишь приправой к основным требованиям, предъявляемым военным агентам, а таковыми безусловно являются: “ум, обширное военное и общее образование и здоровье”»²³⁵.

Безусловно, эта точка зрения была близка и старшим начальникам русского Генштаба, которые при назначении подавляющего большинства военных агентов руководствовались именно соображениями

²³³ Там же. Ед. хр. 18. Л. 26.

²³⁴ Там же. Ед. хр. 52. Л. 12–40. Было признано, что Булгарин совершил самоубийство в состоянии душевного расстройства. С высочайшего соизволения, его прах с оказанием воинских почестей был погребен в семейном склепе в г. Юрьеве.

²³⁵ Чернозубов Ф.[Г.]. Служба Генерального штаба. Военные агенты // Военный сборник. 1911. № 11. С. 6–7.

их служебного соответствия, как общевойскового, так и специального разведывательного и аналитического. Сходным образом оценивали проблему и в руководстве австро-венгерского Генштаба, организация службы которого традиционно имела много общих черт с русским «мозгом армии». Бывший глава австрийского Эвиденцбюро (военной разведки) фельдмаршал-лейтенант Август Урбанский фон Остримеч писал в 1927 г.: «Чрезвычайная важность поста военного агента была основанием для тщательного отбора лиц при назначении на эту должность. Ни имя, ни чин, ни светский лоск, ни богатство или знание языков не могли быть решающими при выборе военного агента, но на это оказывали влияние специальное образование, ясный военный взгляд и наличие чувства ответственности для правильного суждения о том или другом военном явлении»²³⁶.

Любопытна и показательна история несостоявшегося выдвижения одного претендента на пост военного агента Российской империи. В августе 1910 г. начальник штаба Гвардейского корпуса генерал-майор А.А. Мориц сообщил генерал-квартирмейстеру ГУГШ Ю.Н. Данилову, что штаб-офицер для поручений при штабе корпуса Генштаба подполковник В.Н. Доманевский выразил желание служить по военно-агентской линии. «По своим умственным и нравственным качествам подполковник Доманевский выдающийся офицер Генерального штаба», — писал Мориц, отмечавший также, что его кандидат был «прекрасно воспитан»²³⁷.

Вскоре с той же просьбой на имя начальника Генштаба Е.А. Гернгросса обратился уже начальник штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа барон А.Ф. фон ден Бринкен. Он отмечал, что Доманевский — «отличный полевой офицер Генерального штаба» и вполне соответствует по своим служебным и личным качествам военно-агентской должности, тогда как нести службу в лагере и на маньчжурии ему тяжело из-за ревматизма, полученного им в Маньчжурии. В материальном отношении Доманевский также был якобы обеспечен²³⁸.

Однако руководство Генштаба приняло свои меры для проверки личности Доманевского. В результате 5 ноября 1910 г. в Особом делопроизводстве была получена справка о нем следующего содержания:

«Доманевский Владимир Николаевич, полковник Генерального штаба, штаб-офицер для особых поручений при штабе Гвардейского

²³⁶ Цит. по: Шапошников Б.М. Мозг армии: в 3 т. М.; Л., 1929. Т. 3. С. 307. Между прочим, сам Шапошников не вполне был склонен верить в правдивость этих слов Урбанского, однако он не называл фактических оснований для своих сомнений.

²³⁷ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 220–221.

²³⁸ Там же. Л. 222–222 об.

корпуса, 32 л[ет], вероисповедания православного, женат, имеет казенную квартиру в доме 38 по Миллионной улице.

Образ жизни ведет нетрезвый, напиваясь часто допьяна. Приезжает домой довольно часто в 4–5 час[ов] утра. Играет в карты, но где — неизвечно. Иногда же бывают карточные игры и у него в квартире. Знакомство ведет преимущественно с артистами из разных театров. В деньгах, видимо, нуждается. Характера крайне несдержанного, скандалит со всеми по самым незначительным поводам. Бывали случаи, когда он даже дрался с извозчиками. Всегда бранит свое начальство. Однажды, вернувшись домой под утро, в пьяном виде буянил до того, что хотели вызвать карету и отправить его в сумасшедший дом»²³⁹.

По дополнительным негласным сведениям было выяснено, что «у него часто собираются офицеры Павловского и других полков и играют в карты. Два раза в неделю он посещает свою хорошую знакомую вдову штабс-капитана Попову, проживающую в д. № 30, кв. 9 по Моховой улице, но она у него в квартире не бывает. Часто посещает рестораны на Невском и Морской ул[ице]»²⁴⁰. Предположительно, сбором этих сведений занималось Петербургское городское контрразведывательное отделение (бывшее Разведочное отделение Главного штаба) ротмистра В.А. Ерандакова.

Отметим, что одновременно с проверкой личности Доманевского таким же образом был проверен и Генштаба капитан Л.А. Майер, помощник старшего адъютанта штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, намечавшийся на должность делопроизводителя Особого делопроизводства²⁴¹. Его кандидатура оказалась безупречной, и назначение состоялось. Историк М. Алексеев, касаясь дела о проверке Майера, полагает, что материалы наблюдения за этим офицером были переданы в Огенквар Департаментом полиции. Но это вовсе не следует из документов и вообще представляется крайне маловероятным, поскольку генштабисты принципиально избегали привлекать полицейских к своим внутренним делам, тем более поручать им слежку за штаб-офицером Генштаба. При этом Особое делопроизводство ГУГШ, которое и рассматривало справки о Доманевском и Майере, имело свои широкие возможности для негласной проверки интересующих его лиц.

Вышеприведенные данные о Доманевском были доложены начальнику Генерального штаба, и, разумеется, военным агентом он так никогда и не стал, хотя и был, по каким-то соображениям, включен в общий кандидатский список. Увы, многие современники отмечали,

что в русской армии того времени самым простым и надежным способом избавиться от недостойного и неспособного сотрудника был его перевод с повышением. Очевидно, в Петербурге очень хотели сбить Доманевского с рук; дальнейшие события показали, что это стремление было обоснованно, а сведения Особого делопроизводства об этом офицере соответствовали истине²⁴².

С 1906 г. составление и ведение Особым делопроизводством списков претендентов на военно-агентские должности стало постоянной практикой. После ухода М.А. Адабаша из ГУГШ этим делом, как и отбором кадров для центрального аппарата разведки, стал заниматься его преемник Н.А. Монкевиц. В октябре 1910 г. генерал-квартирмейстер ГУГШ Ю.Н. Данилов циркулярно сообщил начальникам окружных штабов: «С целью назначения в будущем на должности военных агентов и их помощников офицеров, заблаговременно вполне подготовленных к занятию этих весьма ответственных и сложных по своим обязанностям должностей, представляется необходимым постоянно иметь в Главном управлении Генерального штаба особый список офицеров, наиболее подходящих по своим служебным качествам,

²⁴² Во время мировой войны полковник Доманевский не был аттестован на генеральскую должность «как несомненно злоупотребляющий спиртными напитками» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1298. Л. 274). Впрочем, Б.В. Геруа вспоминал, что, находясь на фронте со штабом Гвардейского корпуса, Доманевский проявлял незаурядное честолюбие, властность, осведомленность, большую работоспособность и выдающуюся память. По словам Геруа, Доманевский и на фронте продолжал пьянствовать. Нахальное поведение создавало ему немало проблем с сослуживцами (*Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1970. Т. 2. С. 114–118). В начале Великой войны Доманевский был штаб-офицером для поручений при штабе Гвардейского корпуса и, по отзыву сослуживца Б.А. Энгельгардта, фактически руководил работой корпусного штаба, и, как ни странно, довольно неплохо. Энгельгардт вспоминал: «Доманевский, к сожалению, недолго оставался на своем месте. За ним был грех — он периодически запивал и, когда это случилось после краковских боев, ушел из штаба. Все же он оставил крупный след в работе корпуса и вполне заслужил Георгиевское оружие, которое носил за люблинские операции» (ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 11. *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 года. Рукопись). И все же у Доманевского нашлись покровители, и к началу Русской Смуты он был уже генералом. 10 февраля 1918 г. в Харбине Генштаба генерал-лейтенант А.П. Будберг записал в своем дневнике: «Особенно шумит и безобразничает здесь Генерального штаба генерал Доманевский; судя по рассказам об его деяниях, это совершенно спившийся алкоголик, распустившийся до полной потери офицерского достоинства, и которому место только в больнице для алкоголиков и нервных больных. А он играет здесь какую-то роль государственного и военного деятеля. Все потешаются над его пьяными и дикими выходками, но нет власти, которая положила бы предел таким безобразиям, он кутит по кабакам, не платит, награждает орденами лакеев, рубит шашкой пальмы, делает из них букеты и, перевязав снятой с шеи Владимирской лентой, отправляет их певицам на сцену, посылает ресторанные счета обратно с надписью “Китайскому генералу Ма, рассмотреть и доложить”... и т.п.» (цит. по: Архив русской революции: в 18 т. М., 1991. Т. 12. С. 282). Позднее в эмиграции в Белграде В.Н. Доманевский занялся военно-историческими исследованиями.

²³⁹ Там же. Л. 223–224.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же. Л. 225–228.

свойствам характера и знанию языков к назначению на поименованные должности»²⁴³. Данилов просил сообщить имена подходящих офицеров Генштаба, пробывших не более двух лет в чине подполковника и не менее трех лет в чине капитана. «Имею честь просить Вас прислать на намеченных Вами офицеров подробную аттестацию, в которой особенное внимание должно быть обращено на свойства характера, степень знания иностранных языков, любовь к делу изучения иностранных армий, степень житейской воспитанности и такта, семейное и материальное положение, а также на внешнюю представительность», — писал Данилов²⁴⁴. Далее особо отмечалось, что перед назначением кандидаты должны были некоторое время поработать в Огенкваре для ознакомления с делами и для испытания начальством их качеств.

Пришедшие в течение зимы и весны 1911 г. ответы из военных округов свидетельствовали, что ресурсы периферийных структур Генерального штаба не были неиссякаемым источником подходящих для заграничной разведки кадров. В 1907 г. Огенквар прошел «мелким бреднем» по окружным и войсковым штабам и уже привлек к разведывательной службе большинство подходящих кандидатов, общий контингент которых был в действительности весьма ограничен. С ростом молодых кадров на местах определенно имелись проблемы. В начале 1911 г. тыловые и сибирские округа не могли предложить практически никого; в Приамурском, Иркутском, Омском и Казанском округах кандидатов не оказалось вообще²⁴⁵. При этом штаб Иркутского округа отмечал, что главные препятствия заключались в недостаточном знании офицерами-генштабистами иностранных языков и особенно в их материальном положении. Иркутск докладывал: «Все офицеры Генерального штаба живут исключительно на получаемое ими от казны содержание, которого едва хватает на удовлетворение неотложных нужд»²⁴⁶. Одесскому военному округу выбор кандидатов также «представлялся затруднительным». В Туркестанском округе подходящим офицером Генштаба был признан подполковник А.В. Муханов, но он был недостаточно обеспечен материально и уже почти два года находился в этом чине. Московский округ предложил капитана Л.В. Квитницкого, старшего адъютанта штаба Гренадерской дивизии, также не имевшего дополнительных материальных средств. Петербургским округом был предложен капитан Э.-К.-В.Г. фон Валь, Кавказским — капитаны Е.В. Масловский (впоследствии — выдающийся военный

деятель, генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии в Великую войну) и Н.А. Кудрявцев, Варшавским — капитан барон К.Р. фон Штапельберг, Виленским — капитаны Н.К. Раша (возглавивший в 1914 г. Особое делопроизводство), В.В. Чернавин и И.И. Чубаков. Киевский округ предложил подполковников Н.Н. Духонина и К.Х. Середина и капитанов Ф.Н. Романова, П.К. Вицентьева и Д.Л. Кандаурова²⁴⁷.

В итоге в Особом делопроизводстве был составлен обновленный список кандидатов на военно-агентские должности, в который вошли офицеры из Огенквара и из военных округов, всего 39 человек — 4 полковника, 23 подполковника и 12 капитанов Генштаба. Только 12 человек из этого списка имели дополнительные материальные средства, причем, как следует из разных других источников, речь зачастую шла о небольших и второстепенных источниках дохода, обычно со стороны супруги, а не об обладании крупными капиталами или недвижимостью. Подавляющее большинство кандидатов владели французским и немецким языками, но лишь шестеро знали английский. Восточных языков не знал никто²⁴⁸.

В целом накануне мировой войны разведывательные органы Огенквара ГУГШ располагали достаточным кадром подготовленных офицеров-генштабистов, отвечавших профессиональным критериям заграничной разведывательной работы. Выбор из их числа офицеров для занятия военно-агентских должностей осуществлялся лично начальником Особого делопроизводства и генерал-квартирмейстером ГУГШ, затем запрашивалось согласие самого кандидата на назначение в определенную страну. В случае положительного ответа кандидатура утверждалась начальником Генштаба и, после формального согласования с МИД, представлялась на рассмотрение императора. Назначение военных агентов проводилось приказом по военному ведомству и официально объявлялось в газете Военного министерства «Русский инвалид».

Можно утверждать, что при подборе военных агентов решающее значение имела позиция руководства военной разведки. Примечательно, что непосредственно накануне Первой мировой войны на военно-агентские должности в преимущественном порядке назначались офицеры Особого и оперативных (аналитических) делопроизводств Огенквара, наиболее глубоко втянутые в разведывательную работу. Прежде всего это было связано со стремлением руководства Генштаба и его службы разведки усилить своими квалифицированными сотрудниками добывающую разведывательную деятельность против Центральных держав. В середине июля 1914 г., в разгар предвоенного кри-

²⁴³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 231–231 об.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же. Л. 232–236, 270.

²⁴⁶ Там же. Л. 236.

²⁴⁷ Там же. Л. 237–262 об.

²⁴⁸ Там же. Л. 271–272 об.

зиса, начальник Генерального штаба отдал устное распоряжение об экстренном командировании за границу четырех офицеров для усиления работы военных агентур в Швейцарии, Бельгии и Нидерландах²⁴⁹. В результате этого и предшествующих кадровых решений полковник О.К. Энкель был назначен военным агентом в Италию; полковник С.Н. Потоцкий — в Бельгию и Нидерланды, затем в Данию; полковник Л.А. Майер — в Бельгию и Нидерланды; полковник Д.Л. Кандауров — в Швецию и Норвегию²⁵⁰; полковник С.А. Головань — в Швейцарию; подполковник Н.М. Морель — помощником военного агента в Японию. В годы войны они энергично, хоть и с разной степенью эффективности, занимались тайной агентурной разведкой, прежде всего против стран враждебного России лагеря. В переписке о выдвижении их кандидатур руководство разведки прямым текстом говорило, что считает именно службу в Особом делопроизводстве Огенквара самой подходящей школой для будущих военных агентов²⁵¹.

Однако существовал целый ряд причин, замедлявших развитие профессионализма в сфере разведывательной деятельности института военных агентов. Одно из главных препятствий на пути более глубокой специализации его офицеров заключалось в недостаточном выделении службы военных агентов из общего порядка прохождения службы Генштаба. В частности, военные агенты должны были на общих основаниях отбывать обязательный для штаб-офицеров-генштабистов четырехмесячный ценз командования батальоном, причем на этот срок их обычно никто не замещал в стране пребывания. Большинство военных агентов рассматривали свое пребывание на зарубежных должностях и в центральном аппарате разведки как полезную и почетную службу, но отнюдь не связывали с ней своих карьерных планов и ожиданий на дальнюю перспективу. Срок пребывания офицеров-генштабистов на военно-агентских должностях составлял всего несколько лет, и в большинстве случаев накопленный военными агентами опыт работы и знания оставались в дальнейшем не востребованными. В системе прохождения службы военными агентами часто применялся своего рода «лестничный» порядок их назначений, когда перемещение одного из

агентов на иную должность влекло за собой одновременный перевод сразу нескольких других агентов на следующие ступени службы, в более важные по значимости страны, чем иногда нарушались налаженный ход их работы и ее преемственность.

Руководство Генштаба считало, что офицер, достойно проявивший себя на военно-агентском посту, заслуживал дальнейшего продвижения по карьерной лестнице и назначения на очередные должности — прежде всего командира полка или начальника штаба дивизии. Нередко эти должности и начальство, и сами военные агенты воспринимали как преимущественные, по сравнению с разведывательными должностями. К примеру, в июне 1910 г. рассматривался вопрос о назначении военного агента в Софии полковника М.Н. Леонтьева, опытного специалиста по Балканам, в Вену, на смену вынужденно отозванному оттуда полковнику М.К. Марченко. Начальник Генштаба Е.А. Гернгросс писал Леонтьеву, что, ценя его служебный опыт, знания и полезную деятельность в Болгарии, он все же не хотел возбудить вопрос о назначении Леонтьева в Австро-Венгрию, имея в виду его высокое место в списке кандидатов на должность командира полка. По мнению Гернгросса, более поздний прием полка мог воспрепятствовать своевременному производству Леонтьева в генеральский чин²⁵². В итоге было принято компромиссное решение: не переводить Леонтьева в Вену, а оставить его в Софии вплоть до открытия вакансии на полк²⁵³.

Обычный порядок прохождения службы нарушался лишь в редких случаях. Так, весной 1909 г. шла переписка о назначении военного агента в Константинополе Генштаба полковника И.А. Хольмсена командиром полка; ему уже был подыскан преемник — Генштаба подполковник П.П. Гудим-Левкович, и только в виде исключения Хольмсену было разрешено военным министром остаться на агентском посту в Турции до 1913 г., когда его сменил М.Н. Леонтьев²⁵⁴. Однако чаще начальство настаивало на точном соблюдении правил. Так, в апреле 1913 г. военный агент в Черногории Генштаба генерал-майор Н.М. Потапов ходатайствовал о назначении его военным агентом в Вене, в случае возможного ухода с этого поста полковника М.И. Занкевича. Специальным рапортом Потапов просил зачесть ему два с половиной года инструкторской работы в черногорской армии за двухгодичное цензовое командование бригадой, что освободило бы его от необходимости отбывать таковое. И все же весной 1914 г. Генштаб начал переписку о подыскании замены Потапову в Цетинье в связи с предстоявшим

²⁴⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2700. Л. 156–157 об. Докладная записка по ГУГШ. Огенквар. Особое делопроизводство. 8 октября 1914 г. № 1917.

²⁵⁰ Официально С.Н. Потоцкий числился военным агентом в Бельгии и Нидерландах, но в годы войны фактически выполнял обязанности военного агента в Копенгагене. Д.Л. Кандауров, значившийся военным агентом в Дании, Швеции и Норвегии, вел работу только по двум последним странам. Обязанности военного агента в Бельгии и Нидерландах выполнял Л.А. Майер (Там же. Ед. хр. 2639. Л. 55). Это положение иногда вызывало путаницу как в делопроизводстве органов Генштаба того времени, так и в работах позднейших исследователей.

²⁵¹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 3–3 об., 16–18.

²⁵² Там же. Ед. хр. 15. Л. 199. Е.А. Гернгросс — М.Н. Леонтьеву. 3 июня 1910 г. № 491.

²⁵³ Там же. Л. 197–199.

²⁵⁴ Там же. Л. 154–161 об., 167–168.

в сентябре назначением его командиром бригады, и только начало мировой войны еще на год задержало Потапова в Черногории²⁵⁵.

По бытовавшим в военном ведомстве представлениям, на агентские посты в странах с мягким южным климатом, в том числе на Балканах, могли претендовать генштабисты со здоровьем, расстроенным в результате ранений или болезней. Мотивировку именно этого характера можно найти, к примеру, в ведшейся в разное время переписке о выдвижении кандидатур генштабистов В.Н. Егорьева, П.П. Гудим-Левковича, В.А. Палицына и др. Однако подобные доводы, разумеется, никогда не были определяющими при отборе кандидатов на агентские должности. Служба военных агентов в зарубежных странах даже с самым целебным климатом не воспринималась руководством Генштаба как возможная синекура, а мотивы человеколюбия и благотворительности не играли решающей роли в кадровой политике русской разведки.

Военные агенты Российской империи, вплоть до Первой мировой войны несшие главную тяжесть работы по разведывательному изучению зарубежных стран, обладали привилегированным статусом и весьма значительным доверием и влиянием в центральном органе стратегического планирования и высших эшелонах военно-политического руководства. Их донесения почти всегда попадали непосредственно в руки человека, лично руководившего разработкой стратегических планов и подготовкой русской армии к войне, — генерал-квартирмейстера ГУГШ. Можно сказать, что сведения военных агентов поступали напрямую в главную лабораторию русского стратегического планирования, притом свободными от примесей и искажений, неизбежных при большом числе передающих и обрабатывающих инстанций. Однако, как следствие, материалы военных агентов не всегда получали должную критическую оценку.

От генерал-квартирмейстера их донесения восходили к начальнику Генштаба и далее непосредственно к императору. Разумеется, в обработке и оценке донесений военных агентов участвовали сотрудники добывающего и аналитических делопроизводств Огенквара. Однако в ряде случаев, особенно когда речь шла о небольших государствах, не граничивших с Россией, зарубежные военные агентуры обладали фактической монополией в деле сбора и первичного изучения информации по стране их пребывания, как это было со всеми балканскими государствами, за исключением Румынии. В силу этого суждения и оценки военных агентов, зачастую несшие отпечаток субъективности, оказывали формирующее воздействие на представления Генштаба о каждом конкретном регионе. Военные агенты Российской империи на

Балканах одновременно выступали и как непосредственные организаторы агентурной разведки, и как военные аналитики, обрабатывавшие полученные сведения, и как дипломаты-политики, лично участвовавшие в переговорах по разным вопросам с местным военным и гражданским руководством, и, наконец, как участники стратегического планирования, предлагавшие Генштабу и Ставке свои соображения и предложения по поводу тех или иных операций. Все это делало влияние военных агентов — опытных профессионалов в деле военной разведки — необычайно большим, но при этом неизбежно резко возрастала их ответственность, а также опасность ошибок, поскольку Генштаб имел крайне ограниченные возможности перекрестной проверки сведений военных агентов путем анализа информации из разнообразных источников.

Иными словами, численная слабость и неразветвленность заграничного аппарата разведывательной службы были источником определенной угрозы, так как это увеличивало роль субъективного фактора в сфере разведки, возлагая бремя колоссальной ответственности на плечи одного человека, который, естественно, мог перенапрягаться, ошибаться, выражать свои личные предубеждения. Таким образом, возрастала вероятность поступления ошибочных разведывательных данных и принятия на их основе неверных решений, ибо вышестоящие органы стратегического планирования зачастую не имели сколько-нибудь широкого спектра разведывательных оценок и прогнозов.

В последний период существования Российской империи институт военных агентов, ставший важнейшей составной частью службы профессионального Генштаба и специализированных органов военной разведки, добился значительного влияния на процесс выработки внешней политики и большой стратегии государства. Далеко не во все эпохи и не везде служба военной разведки обладала таким институциональным влиянием и индивидуальным авторитетом своих заграничных сотрудников. Это означает, что и ответственность военных агентов, Генштаба и его разведывательных структур за последовавшие военные и дипломатические провалы, в частности на балканском направлении, была чрезвычайно велика.

²⁵⁵ Там же. Ед. хр. 18. Л. 7–11 об., 90.

Глава 3
ПОД ЮЖНЫМИ ЗВЕЗДАМИ:
ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ СТРАН
БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА
СЕКРЕТНЫМИ СЛУЖБАМИ РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX в.

Сбором и осмыслением сведений о внешнем мире, в том числе о Балканах, занимались различные органы государственного управления Российской империи; ключевыми из них в этой области были, что вполне естественно, ведомства военное, военно-морское, дипломатическое и политической полиции. Несмотря на огромную значимость балканского направления во внешней политике и стратегии России, в начале XX в. у русского военного ведомства и его Генштаба не существовало развернутой, целостной и законченной системы разведывательного изучения Балкан. В то время главная тяжесть работы по разведывательному освещению Балканского региона лежала на сети официальных военных агентур. Рассмотрим основные вехи ее становления и развития.

Пост военного агента Российской империи в Константинополе на постоянной основе был учрежден после заключения Парижского мира 1856 г.²⁵⁶ И на протяжении двух десятилетий после этого он оставался единственной официальной должностью военного ведомства России на огромном пространстве Балкан и всей Османской империи. Естественно, такого представительства было явно недостаточно для всестороннего разведывательного освещения этих территорий.

После победоносной войны с Турцией 1877–1878 гг. казалось, что проблем с изучением Балканского полуострова у военного ведомства России больше быть не может. Огромное число русских офицеров получили бесценный опыт кампании на Балканах, познакомились с народами, городами, крепостями и маршрутами полуострова. В 1878–1880 гг. группа русских генштабистов, прикомандированных к посольству в Константинополе, участвовала в работах по послевоенному разграничению на Балканах, что позволяло им собирать ценнейший топографический материал и иные данные о тех местах. Занимавшийся

²⁵⁶ Впрочем, в заголовках различных архивных дел РГВИА за 1-ю половину XIX в. несколько раз упоминаются русские военные агенты в Афинах и Константинополе, но точное время существования этих должностей, статус и личности занимавших их офицеров еще предстоит выяснить историкам разведки.

с 1870 г. пост военного агента в Константинополе Генштаба генерал-майор А.С. Зеленой с 1879 г. был командирован в распоряжение командующего Кавказской армией. Поэтому в 1880 г., после окончания работ по разграничению и отъезда русских офицеров, было принято решение о возобновлении работы военного агента России в Турции и о назначении на этот пост Генштаба полковника В.Н. Филиппова, бывшего русского делегата в международной комиссии разграничения Восточной Румелии, остававшегося затем во временном прикомандировании при императорском посольстве²⁵⁷.

Что не менее важно, армия Российской империи стала создательницей и наставницей вооруженных сил де-факто независимого Болгарского княжества и милиции автономной провинции Восточная Румелия (до их объединения в 1885 г.). После ухода русских оккупационных войск на службе в княжестве остались 156 русских офицеров: 1 генерал (военный министр), 19 штаб-офицеров и 136 обер-офицеров (впоследствии число их было увеличено до 200)²⁵⁸. Русские офицеры руководили развитием и обучением местных вооруженных сил и заодно плотно держали руку на пульсе военной и политической жизни болгарских и сопредельных земель. При особе князя Александра Баттенберга в качестве личного представителя российского императора состоял флигель-адъютант, Генштаба полковник А.А. Шепелев.

После Освободительной войны было учреждено и постоянное военное представительство России в Греции. Генштаба капитан А.П. Протопопов, старший адъютант штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии, получивший тяжелые ранения в балканском походе, был командирован в распоряжение посла в Константинополе для работ по разграничению в Европейской и Азиатской Турции. После их окончания в мае 1880 г. командировка Протопопова была продлена еще на шесть месяцев, в том числе и для поправления здоровья. В это время Протопопов занимался изучением русских военных кладбищ на Балканах. В ноябре 1880 г. ему предстояло возвращаться наконец на службу в Россию. Однако еще в 1879 г. адъютант короля Греции подполковник Колокотронис в Петербурге возбудил вопрос о возможности присылки в Афины офицера русского Генштаба. Помня об этом, руководство Главного штаба решило направить в Грецию именно капитана Протопопова. Первые же его доклады из греческой столицы убедили руководство в целесообразности оставления его в Афинах на постоянной основе. 16 декабря 1880 г. военный министр Д.А. Милютин писал министру иностранных дел Н.К. Гирсу:

²⁵⁷ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1880 г. Ед. хр. 66. Л. 1–2 об. *Гейден Ф.Л.* Доклад по Главному штабу. 9 декабря 1880 г. № 281.

²⁵⁸ Подробнее см.: *Овсянный Н.Р.* Болгарское ополчение и земское войско. СПб., 1904.

«В сентябре настоящего года был временно командирован в Грецию Генерального штаба капитан Протопопов. Из представленных в настоящее время результатов его деятельности обнаруживается: что греческое правительство вступило на путь развития своих вооруженных сил до крайних пределов и что военный пост в Афинах оказался на практике до того удобным, что дал возможность капитану Протопопову в короткий срок собрать весьма важные в военном отношении сведения о сухопутных и морских силах Турецкой империи. Ввиду этих двух обстоятельств Военное министерство полагало бы полезным учредить при нашей императорской миссии в Афинах постоянную военную агентуру.

Обращая внимание, однако, на то, что в Греции нет ни одного военного агента ни от одной из держав, быть может, было бы удобнее, вместо учреждения официального поста военного агента, иметь в Афинах офицера Генерального штаба в продолжительной командировке с причислением к императорской миссии»²⁵⁹.

Ответ главы МИД в архивных делах найден не был. Так или иначе, военно-агентский пост в Афинах де-факто начал свое существование на постоянной основе. Уже с апреля 1881 г. Протопопов в своих рапортах стал именоваться «исполняющим должность военного агента в Афинах», хотя документы Главного штаба называли его также «состоящим при миссии нашей в Афинах»²⁶⁰.

Так был учрежден второй пост военного агента на Балканском полуострове. И в дальнейшем, в начале XX в., Главный штаб считал должность военного агента в Афинах особо ответственной. Для нее подбирались наиболее способные генштабисты, поскольку, как отмечалось в докладе по Главному штабу на имя императора в 1900 г., с этого поста было необходимо вести наблюдение «как за мероприятиями, принимаемыми Грецией и Турцией в районе их непосредственного соприкосновения на случай нового вооруженного столкновения (после войны 1897 г. — В.К.), так и за многочисленными железнодорожными и иными важными коммерческими предприятиями Германии и других держав в восточной части бассейна Средиземного моря»²⁶¹. Все это, говорилось в докладе, делало необходимым частые приезды военного агента в Греции в Константинополь, на время которых он фактически превращался в помощника военного агента в османской столице.

²⁵⁹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1880 г. Ед. хр. 60. Л. 28–29. Д.А. Милютин — Н.К. Гирсу. 16 декабря 1880 г. № 829.

²⁶⁰ Там же. Оп. 4/928. 1881 г. Ед. хр. 36. Л. 4, 8 и др.

²⁶¹ РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 3–3 об. Доклад на высочайшее имя по Главному штабу. 24 мая 1900 г. № 27.

Вскоре после этого развитие военных и политических событий на Балканах вынудило Россию продолжить создание новых агентур. После не санкционированного великими державами воссоединения Болгарии с Восточной Румелией в 1885 г. русские офицеры прекратили службу и инструкторскую деятельность в болгарских вооруженных силах. По решению Александра III от 21 октября 1885 г. из Болгарии были отозваны генерал-майор князь М.А. Кантакузин, исполнявший обязанности военного министра, полковник И.И. Веймарн, товарищ военного министра, и поручик князь Трубецкой. Одновременно Генштаба подполковник М.М. Чичагов, состоявший при русском генеральном консульстве в Филиппополе, административной столице Восточной Румелии, был переведен в столицу Турции, в распоряжение тамошнего военного агента, «в помощь генерал-майору Филиппову для уяснения ему совершающихся в Восточной Румелии и Македонии событий и участия в усилившихся его работах по сбору и проверке данных о вооружениях Турции»²⁶².

При русском дипломатическом агентстве в Софии был оставлен Генерального штаба полковник В.В. Сахаров, до того служивший начальником Софийского юнкерского училища. Однако отношения России с Болгарией развивались от плохого к худшему. В результате переворота и контрпереворота 1886 г. у власти в этой стране утвердился русофобская диктатура Стефана Стамболова, и Россия была вынуждена разорвать дипломатические отношения с Болгарией. Случилось то, что казалось немыслимым после Освободительной войны. В Болгарии не осталось русских официальных представителей, в том числе и военных. И сразу обозначился зияющий провал в системе разведывательного наблюдения России за Балканским полуостровом.

Для исправления ситуации Главный штаб принял меры по учреждению новых пунктов разведки на Балканах. С сентября 1886 г. Генштаба полковник Н.Р. Овсянный, ученейший балканист русского «мозга армии», по просьбе черногорского князя Николы начал в Цетинье преподавать престолонаследнику Даниле курс географии и статистики Европы, русского языка и тактики²⁶³. Постоянное присутствие Овсянного при черногорском дворе фактически делало его неофициальным военным агентом; его рапорты о положении страны и ее армии регулярно отправлялись в канцелярию ВУК, как и донесения всех других военных агентов. В Черногории Овсянный оставался до 1894 г., когда его

²⁶² РГВИА. Ф. 401. Оп. 4/928. 1885 г. Ед. хр. 50. Л. 2–2 об. Ванновский П.С., Обручев Н.Н. Доклад по Главному штабу. 20 октября 1885 г. № 214.

²⁶³ Там же. 1887 г. Ед. хр. 39. Л. 1–2 об. Н.Р. Овсянный — Н.Н. Обручеву. 1 января 1887 г. Б.н.

сменил там Генштаба полковник Н.С. Сумароков, ставший преподавателем второго сына правителя страны, принца Мирко (Дмитрия).

Большой интерес русской разведки вызывала и Румыния. Летом 1887 г. в эту страну за счет средств штаба Одесского военного округа был на два месяца официально командирован Генштаба полковник Д.И. Субботич, начальник штаба 15-й пехотной дивизии. Русский посланник представил его королю Каролю и двору как официального военного агента России, и местные правящие круги выражали глубокое удовлетворение по поводу того, что в Румынию был наконец назначен постоянный военный агент России в высоком чине полковника. По сути дела, имело место недоразумение. Однако в Петербурге решили использовать сложившуюся ситуацию в интересах России.

Управляющий делами ВУК генерал Ф.А. Фельдман писал в докладе по Главному штабу: «Присутствие постоянного военного агента в Бухаресте, который одновременно исполнял бы обязанности агента в Белграде, было бы весьма полезно, потому что этот офицер мог бы также следить за военными преобразованиями в Болгарии и Южной Венгрии»²⁶⁴.

Было найдено и простое решение традиционно болезненного вопроса о материальном обеспечении новой военно-агентской должности. Ранее подполковник Чичагов в Филиппополе получал содержание по должности военного агента. После его отозвания из Восточной Румелии пост был упразднен, и средства освободились. Их и было предложено использовать для обеспечения военной агентуры в Бухаресте.

17 сентября военный министр П.С. Ванновский обратился к императору Александру III с всеподданнейшим докладом по этому вопросу, в котором писал: «Австро-Венгрия содержит постоянных военных агентов в Бухаресте и в Белграде, наше же Военное министерство лишено возможности следить за успехами румынской и сербской армий, за неимением в обоих государствах постоянных военных агентов; агенты же наши в Константинополе и в Вене слишком удалены, чтобы завязать прочные связи с Бухарестом и Белградом и доносить своевременно о всех преобразованиях.

Между тем в Сербии и в особенности в Румынии вооруженные силы в последнее время очень быстро развиваются, и крайне необходимо было бы зорко следить на месте за всеми преобразованиями по военной части. Кроме того, с упразднением поста состоящего при нашем генеральном консульстве в Филиппополе и с отозванием Гене-

рального штаба полковника Сахарова из Софии, Военное министерство не получает никаких достоверных сведений о болгарских войсках.

Вследствие сего является настоятельная необходимость в военном агенте, который, живя постоянно в Бухаресте, считался бы и военным агентом в Белграде и, сверх того, был бы обязан собирать сведения о болгарской армии и о всех передвижениях войск, происходящих в Южной Венгрии и Трансильвании»²⁶⁵.

23 сентября 1887 г. Александр III оставил на докладе резолюцию: «Согласен», и тем самым была открыта новая страница в истории работы русской военной разведки на Балканах.

Полковник Субботич, австрийский серб по происхождению, никем в русском Главном штабе не рассматривался в качестве кандидата на военно-агентский пост на Балканах. Первым военным агентом в Бухаресте и Белграде был избран полковник Г.В. фон Поппен, официально назначенный на эту должность в январе 1889 г. (прибыл и вступил в должность он еще раньше). Пробыв в столице Румынии 17 месяцев, Поппен пришел к выводу, что «ему, как человеку семейному, не по средствам жизнь в столице Румынии, где господствует чрезмерная роскошь»²⁶⁶. Он ходатайствовал о переводе его обратно в Петербург, и начальство пошло ему навстречу. 4 сентября 1889 г. Александр III дал согласие на назначение Поппена на открывшуюся вакансию старшего делопроизводителя канцелярии ВУК, а военным агентом в Бухаресте и Белграде вместо него был утвержден младший делопроизводитель той же канцелярии, Генштаба подполковник барон Ф.Ф. Таубе.

Это был заслуженный офицер, проделавший кампанию 1877 г. с 34-м Севским пехотным полком и тяжело раненный в руку в бою под Джуранлы. Затем он служил в лейб-гвардии Измайловском полку, состоял при канцелярии Военного министерства, в 1880–1881 гг. находился в охранной страже императора, в 1885 г. был назначен в Восточную Румелию начальником администрации, но в должность вступить не успел. Позже Таубе командовал ротой в гренадерском Лейб-Эриванском полку, состоял для поручений при штабе I Кавказского корпуса. Он хорошо владел иностранными языками, читал по-сербски и по-латыни, и начальство сочло, что это облегчит ему изучение и румынского языка. Официальное назначение Таубе на должность военного агента состоялось высочайшим приказом 12 сентября 1889 г.²⁶⁷ Решением начальства было установлено: «Новый военный

²⁶⁵ Там же. Л. 18–20. *Ванновский П.С.* Доклад по Главному штабу. 17 сентября 1887 г. № 180.

²⁶⁶ Там же. 1889 г. Ед. хр. 56. Л. 2–3 об. *Ванновский П.С.* Доклад по Главному штабу. 29 августа 1889 г. № 45.

²⁶⁷ О замене фон Поппена на Таубе см.: Там же. Л. 1–5 об.

²⁶⁴ Там же. Ед. хр. 49. Л. 1–2. *Фельдман Ф.А.* Докладная записка по Главному штабу. 15 сентября 1887 г. Б.н.

агент в Румынии и Сербии, подобно предшественнику, будет жить в Бухаресте и ездить два раза в год в Белград для пополнения наших сведений о сербской армии»²⁶⁸.

Такой порядок просуществовал до 1895 г., когда был изменен на противоположный. С этого времени русский военный агент в Румынии и Сербии получил разрешение императора постоянно проживать в Белграде; ему было предписано два раза в год посещать Румынию и присутствовать на маневрах румынской армии²⁶⁹. Однако из-за политических осложнений, связанных с назначением бывшего короля Сербии Милана Обреновича командующим сербской действующей армией, Ф.Ф. Таубе в январе 1898 г. был отозван из Белграда²⁷⁰. Его преемник Генштаба подполковник Е.А. Леонтович постоянно проживал в Бухаресте и лишь с конца 1900 г. получил разрешение посещать Сербию для исполнения там своих служебных обязанностей²⁷¹. Даже после этого он приезжал в Белград лишь два-три раза в год, сроком на 10–15 дней²⁷².

Происходившее на рубеже XIX–XX вв. быстрое развитие вооруженных сил балканских государств и стремление России сблизиться с Болгарией и Сербией в противовес австро-румынскому союзу заставили русское военное ведомство поднять вопрос об увеличении числа военно-агентских должностей на Балканах. В мае 1901 г. министр иностранных дел В.Н. Ламздорф сообщил военному министру А.Н. Куропаткину содержание донесения дипломатического агента в Софии Ю.П. Бахметева о целесообразности, в интересах усиления русского влияния в Болгарии, создания военной агентуры в Софии (об этом неоднократно настойчиво просили князь Фердинанд и высшие болгарские офицеры)²⁷³. Ламздорф подчеркивал, что, хотя, ввиду вассального статуса княжества Болгарии, было бы правильнее возложить разведку этой страны на военного агента в Турции, МИД не будет возражать против распространения на Болгарию, как и на Черногорию, деятельности военного агента в Сербии и Румынии.

Идею иметь одного военного агента для всех славянских балканских стран одобрил и сам император Николай II²⁷⁴. Главный штаб от-

вечал, что разведывательное изучение Болгарии и ее армии должно было специализированно вестись недавно назначенным помощником военного агента в Константинополе Генштаба подполковником М.Н. Леонтьевым. Статус помощника и его временные приезды в Болгарию позволяли, что было в интересах России, избежать стремления других держав иметь своих официальных военных представителей в Болгарии. Возложение работы по Болгарии на военного агента в Сербии и Румынии вызвало бы протесты Турции, а объединение военной агентуры в четырех балканских странах в руках одного человека неизбежно сказало бы на качестве разведывательного изучения военного дела в Румынии — особо сложного и важного для русского Генштаба вопроса. В силу этого военное ведомство желало оставить разведку Болгарии в ведении помощника военного агента в Турции²⁷⁵.

И все же 30 июня 1901 г. на всеподданнейшем докладе по Главному штабу о распределении военной агентуры в государствах Балканского полуострова император наметил желательность: 1) иметь самостоятельного военного агента для Румынии; 2) иметь одного военного агента для славянских стран — Сербии, Болгарии и Черногории с постоянным местом пребывания в Белграде; 3) должность помощника военного агента в Константинополе упразднить и поручить военному агенту в Афинах оказывать помощь военному агенту в Константинополе, когда потребуется²⁷⁶. Эти решения были согласованы с МИД, но уже очень скоро вопрос о расширении сети военных агентур России на Балканах получил дальнейшее развитие, в связи с необходимостью более пристального изучения Болгарии и ее армии.

Осенью 1901 г. была учреждена единая для всех славянских балканских государств должность русского военного агента, на которую 20 октября был назначен Генштаба полковник Е.А. Леонтович, служивший в 1891–1899 гг. в штабе Одесского военного округа, а затем с 26 июля 1899 г., после обязательного прикомандирования на полгода к канцелярии ВУК для ознакомления с делами, занимавший пост военного агента в Бухаресте и Белграде²⁷⁷. Однако уже следующей весной «славянская» военная агентура была разделена на две — в Болгарии и в Сербии и Черногории.

13 января 1902 г. Куропаткин писал Ламздорфу: «Постепенно выясняющееся в последнее время положение на Балканском полуострове имеет одним из своих ближайших последствий закрепление более тесной связи между нашим военным ведомством и болгарскою армией. Связь эта, зиждущаяся на чувствах родства между обеими арми-

²⁶⁸ Там же. Л. 2–3 об.

²⁶⁹ АВПРИ. Ф. 169/2. Оп. 511а. 1897–1910 гг. Ед. хр. 234. Л. 1–1 об.

²⁷⁰ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Ед. хр. 57. 1899 г. Л. 1–2.

²⁷¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1902 г. Ед. хр. 2837. Л. 21–23.

²⁷² Хесатчиев Х. Служба на България в чужбина. Военнодипломатически спомени (1899–1914 г.). София, 1993. С. 35.

²⁷³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1902 г. Ед. хр. 2837. Л. 37–38 об. Ю.П. Бахметев — В.Н. Ламздорфу. 10 мая 1901 г. Б.н.; см. также: Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 236.

²⁷⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1902 г. Ед. хр. 2837. Л. 39–40 об. В.Н. Ламздорф — А.Н. Куропаткину. 27 мая 1901 г. № 402.

²⁷⁵ Там же. Л. 41–42. В.В. Сахаров — В.Н. Ламздорфу. 13 июня 1901 г. № 238.

²⁷⁶ Там же. Л. 45–45 об. В.В. Сахаров — В.Н. Ламздорфу. 4 апреля 1901 г. № 260.

²⁷⁷ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Ед. хр. 57. 1899 г. Л. 1–29.

ями и на сознании общности жизненных интересов, должна оказать весьма важные услуги и потому заслуживает особого внимания.

В этих видах, в интересах нашего военного ведомства я признаю весьма желательным постоянное пребывание в Софии нашего военного агента, который, находясь в курсе всех военных мероприятий, мог бы служить связующим органом между обеими армиями»²⁷⁸.

В итоге 12 марта 1902 г. было высочайше утверждено положение Военного совета об учреждении самостоятельной должности военного агента в Болгарии²⁷⁹. Это было непосредственно связано с очередным улучшением русско-болгарских отношений и намечавшимся заключением русско-болгарской военной конвенции, которая была подписана 31 мая того же года в Петергофе. Первым военным агентом в Софии 20 апреля 1902 г. был назначен Генштаба полковник Н.И. Протопопов²⁸⁰. Должность военного агента в Сербии и Черногории до осени 1902 г. продолжал занимать Генштаба полковник Е.А. Леонтович, который отбыл из Белграда 16 октября 1902 г., в связи с назначением в распоряжение начальника Главного штаба. Сербия просила как можно скорее прислать ему преемника. 9 октября новым военным агентом в Сербии и Черногории был назначен Генштаба полковник И.Н. Сысоев, который отправился к новому месту службы 7 ноября 1902 г.²⁸¹

Наконец, 10 июня 1903 г. была учреждена самостоятельная военная агентура в Цетинье, что было обусловлено, прежде всего, увеличением ежегодной русской денежной помощи Черногории (с 82 до 331 тыс. руб. в год) и необходимостью более тщательного контроля за использованием этих денег²⁸². Утвержденные начальником Главного штаба В.В. Сахаровым в декабре 1903 г. наставления для деятельности военного агента в Черногории подчеркивали: «Военный агент должен стремиться сосредоточивать у себя и своевременно представлять в Главный штаб все данные, могущие служить к суждению о порядке расходования военной субсидии по прямому назначению, избегая, по возможности, придавать этому форму не соответствующего достоинству правительственных органов иностранной державы контроля над ее расходами»²⁸³.

²⁷⁸ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1902 г. Ед. хр. 2837. Л. 59–59 об. А.Н. Куропаткин — В.Н. Ламздорфу. 13 января 1902 г. № 18.

²⁷⁹ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. 1902 г. Ед. хр. 8440. Л. 2; Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1902 г. Ед. хр. 2837. Л. 61.

²⁸⁰ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. 1902 г. Ед. хр. 9113. Л. 1.

²⁸¹ Там же. 1902, 1908 гг. Ед. хр. 8813. Л. 2; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 862. Л. 49–50, 60–60 об.

²⁸² АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. 1902 г. Ед. хр. 9113. Л. 4.

²⁸³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 70–71.

До этого момента русский военный агент, постоянно находившийся в Белграде, в Черногорию приезжал лишь два раза в год и проводил там в общей сложности два месяца. Руководство Главного штаба считало, что этого было вполне достаточно, и в декабре 1902 г. им был даже составлен специальный доклад на имя военного министра А.Н. Куропаткина с предложением не создавать отдельной агентской должности в Черногории. Один из доводов Главного штаба заключался в том, что резкое увеличение числа русских военных агентур на Балканах могло вызвать сходные действия других держав, что не отвечало интересам России²⁸⁴. Тем не менее пост военного агента в Цетинье был учрежден, и занял его прежний помощник военного агента в Вене Генштаба подполковник Н.М. Потапов, с того времени бессменно занимавший его до конца 1915 г.

В последующие годы у руководства русского Генштаба так и не выработалось ясное видение дальнейшего развития системы военных агентур на Балканах, из-за чего несколько раз поднимался вопрос о ее реорганизации, путем объединения агентских должностей, не в последнюю очередь из-за острой нужды в экономии денежных средств. В трудном для России и ее военного ведомства 1906 г. с подобными предложениями выступили некоторые русские военные представители в странах полуострова. 26 декабря 1906 г. военный агент в Болгарии Генштаба полковник М.Н. Леонтьев в рапорте генерал-квартирмейстеру ГУГШ Н.В. Дубасову предложил вновь объединить все военные агентуры в славянских странах в одну, с назначением в помощь военному агенту одного молодого офицера Генштаба. Леонтьев писал: «Назначение подходящих офицеров Генерального штаба в помощь военному агенту, на 1–2 года, явилось бы для них хорошей школой и позволило бы образовать готовые кадры для выбора в будущем надежных офицеров для заграничной службы. За 1–2 года военный агент мог бы подробно ознакомиться с личными качествами своего помощника, знанием им языков и соответственно подготовить его к самостоятельной деятельности на агентском посту»²⁸⁵. Одним из мотивов предложенной М.Н. Леонтьевым реформы были как раз соображения экономии денежных средств. Сам Леонтьев подчеркивал, что он не имел в виду выдвижения своей персоны на предполагаемый пост, предпочитая назначение военным агентом в Западную Европу или на Дальний Восток.

²⁸⁴ Жилинский Я.Г., Целебровский В.П. Доклад по Главному штабу военному министру А.Н. Куропаткину. Не позднее 7 декабря 1902 г. // Н.М. Потапов: Русский военный агент в Черногории: в 2 т. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.; Подгорица, 2003. С. 45–46.

²⁸⁵ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 86–88. М.Н. Леонтьев — Н.В. Дубасову. 26 декабря 1906 г. Б.н.

В том же декабре 1906 г. военный агент в Черногории Н.М. Потапов предложил, ввиду ожидавшегося ухода полковника И.Н. Сысоева с поста военного агента в Белграде, объединить в руках одного офицера военные агентуры в Сербии и Черногории. Потапов отмечал, что со времени своего назначения в Черногорию он добился серьезных успехов в деле организации обучения черногорской армии и контроля над расходованием военной субсидии. Благодаря этому русскому военному представителю стало достаточно приезжать в Черногорию всего три-четыре раза в год на 10–15 дней. Потапов явно предлагал свою кандидатуру на новую должность, однако такое слияние должностей не было осуществлено²⁸⁶.

Примерно в то же время, в 1906–1907 гг., Генштаб обсуждал проблему создания единого центра военной разведки по Балканам. Решался вопрос, следовало ли все дело насаждения и организации тайной агентуры на Балканах, за исключением агентов ГУГШ, вверить штабу Одесского военного округа или же, в виде исключения, поручить ее военному агенту в Константинополе. Занимавший этот последний пост Генштаба полковник И.А. Хольмсен передал на рассмотрение начальника Генерального штаба проект, по которому вся негласная разведка на Балканах должна была быть поручена военному агенту в Турции и сосредоточена в его руках, а штаб Одесского военного округа следовало совершенно от нее устранить²⁸⁷. Детали этого предложения и подробности его рассмотрения выяснить пока не удалось; возможно, имелся в виду не весь Балканский полуостров, а только османские владения на нем — Фракия, Македония, Косово, Эпир и Албания. В любом случае, все десятилетие до начала мировой войны штаб Одесского военного округа более не вел тайной агентурной разведки в районе Прованса, но весьма активно занимался таковой на территории Румынии. В остальных же балканских государствах тайных агентур ГУГШ или окружных штабов так и не было создано. Основу разведки в странах полуострова составляла сеть официальных военных агентур, деятельностью которых руководил напрямую Огенквар ГУГШ.

Любопытно, что сам Хольмсен в бытность свою военным агентом в Константинополе неоднократно обращался к начальству с просьбами назначить ему штатного помощника, возможно, за счет упразднения военной агентуры в Афинах. «Мы содержим военного агента в Греции лишь для увеличения блеска и представительности нашей миссии при

родственном дворе», — писал Хольмсен. По его мнению, России было бы полезнее иметь в Греции военно-морского агента²⁸⁸.

В июле 1907 г. начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын предложил министру иностранных дел А.П. Извольскому упразднить самостоятельные должности военных агентов в Сербии и Черногории и объединить их с должностями военных агентов в Болгарии и Италии соответственно. Палицын писал: «Два года заведывания делами Генерального штаба дали мне указания, что военная деятельность наших агентов в Сербии и Черногории не дает нам ни военных, ни политических выгод. Круг деятельности их крайне ограничен, они совершенно изолированы в их деятельности, и польза от них не окупается материальными затратами на их содержание»²⁸⁹. По мнению Палицына, эта мера должна была повысить авторитет русских военных представителей, особенно в Болгарии, способствовать объединению их работы и даже сближению политически разобщенных вооруженных сил Болгарии и Сербии. Извольский отвечал, что он не согласен с мнением об отсутствии выгод от работы военных агентов на Балканах. Ее результаты, писал министр, не поддаются сиюминутному учету, а сказываются лишь с течением времени. Помимо своего практического значения, вопрос об официальных постах военных агентов являлся вопросом в высокой степени формальным. По политическим соображениям было совершенно нежелательно объединять должности военных агентов в независимой Сербии и в княжестве Болгария, номинальном вассале Турции. В свете крайне напряженных отношений Черногории и Италии было нецелесообразным также и объединение военных агентур в этих странах, чтобы мнительные черногорцы не посчитали, будто тем самым Россия признает Черногорию входящей в сферу итальянского влияния. Палицын признал доводы Извольского вескими и отказался от своего предложения²⁹⁰.

Парадоксально, но в данном случае министр иностранных дел выступил защитником интересов военной разведки перед начальником Генштаба. Высказанные Извольским соображения вполне разделяли и некоторые генштабисты. В докладе от 12 октября 1907 г. бывший русский военный агент в Сербии Генштаба генерал-майор И.Н. Сысоев писал, что, с точки зрения наличного объема работы, было вполне возможно без ущерба для дела упразднить самостоятельный пост военного агента в Белграде, но это было бы очень невыгодно, учитывая вражду между сербами и болгарами, самолюбие сербов, их представ-

²⁸⁶ Там же. Л. 83–85. Н.М. Потапов — 1-му обер-квартирмейстеру ГУГШ. 11 декабря 1906 г. № 390.

²⁸⁷ Там же. Ед. хр. 11. Л. 246–247. Записка о принципах организации тайной разведки на Балканах. Фрагмент без даты и подписи.

²⁸⁸ Там же. Ед. хр. 15. Л. 181–182 об.

²⁸⁹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1907 г. Ед. хр. 2842. Л. 1–1 об. Ф.Ф. Палицын — А.П. Извольскому. 2 июля 1907 г. № 1417.

²⁹⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 99–103.

ления о предпочтениях России к болгарам и т.д. Кроме того, Сысоев отмечал, что отдельный военно-агентский пост в Белграде был необходим для противодействия Австрии, «работающей в духе разрушения славян» и имеющей в Сербии своего военного представителя. В этих условиях упразднить военную агентуру в Белграде значило бы оскорбить сербов и показать, что Сербия не интересна России в военном отношении. Как справедливо полагал Сысоев, поражение России в Маньчжурии должно было оживить и сделать более практичной ее политику на Ближнем Востоке и Балканах, что обещало существенно увеличить значение поста военного агента в Белграде. «Ближний Восток похож на дремлющий, но не угасший вулкан. Там никто не доволен нынешним политическим положением и все ждут перемен, поэтому во всякое время можно ожидать осложнений на Балканах; в случае же осложнений пост в Белграде сразу приобретает важность и оправдывает произведенные на него расходы», — писал Сысоев²⁹¹.

Всего через год после этого предупреждения разразились младотурецкая революция, Боснийский кризис, провозглашение болгарской независимости, далее последовали крупные албанские восстания против турецкого господства, образование Балканского союза и войны 1912–1913 гг. В связи с постоянным ростом напряженности и угрозы вооруженных конфликтов на Балканах русский Генштаб предпочел не свертывать имевшиеся гласные военные агентуры на полуострове. В прежнем количестве и со старой организацией своей работы эти разведывательные посты существовали вплоть до начала мировой войны. Ко времени Сараевского убийства Российская империя имела на Балканах своих официальных военных агентов в Белграде, Софии, Бухаресте, Афинах, Цетинье, а также в Константинополе. Однако территория образованной по Лондонскому договору 1912 г. независимой Албании фактически не была охвачена сетью русских военных агентур. Серьезные пробелы имелись и в разведывательном изучении других территорий, потерянных Турцией в Балканских войнах, — Вардарской и Эгейской Македонии, Новопазарского санджака и Косова, Западной Фракии. Русские военные агенты в странах, которые поделили между собой эти области, имели слишком мало времени для налаживания там разведки. Между тем в 1913–1915 гг. на этих землях разворачивались важные и опасные для интересов России на Балканах события.

Изучением части Балканского региона в интересах военного ведомства России в 1904–1909 гг. занималась также группа офицеров, командированных в Македонию для участия в реформировании местной жандармерии. После Илинденско-Преображенского восстания 1903 г.

²⁹¹ Там же. Л. 104–105 об. И.Н. Сысоев — начальнику Генерального штаба. 12 октября 1907 г. Б.н.

в Македонии и Мюрцштегского соглашения между Россией и Австро-Венгрией о поддержке реформ в этой части османских владений на Балканах была начата международная административная и военная миссия в Македонии. Ведущие европейские державы командировали по группе своих офицеров для участия в реорганизации македонской жандармерии, под общим руководством итальянского генерал-лейтенанта Джованни Батиста Эмилио Деджиорджиса (на турецкой службе — Деджиорджис-паша)²⁹².

Зоной ответственности русской миссии был определен Салоникский санджак, т.е. Эгейская Македония. Главой группы русских офицеров стал Генштаба генерал-майор Ф.А. Шостак, который ранее в 1897–1900 гг. был командующим русскими экспедиционными силами, выполнявшими миротворческую миссию на Крите; затем он служил начальником штаба одесского VIII армейского корпуса. В состав группы Шостака в Македонии входили подполковник Ф.Ф. Свирский (58-го Прагского пехотного полка), капитаны Б.К. Воронин (14-го стрелкового полка) и Н.Н. Полтанов (штаба VIII армейского корпуса, адъютант Шостака еще на Крите), штабс-капитаны М.Г. Певцов (лейб-гвардии Московского полка) и Н.И. Сурин (205-го Измаильского резервного пехотного полка)²⁹³.

Осенью 1904 г. на Балканский полуостров были отправлены 14-го стрелкового полка капитан Г.Н. Щербина, 2-го запасного кавалерийского полка поручик Н.А. Агура, 22-го Астраханского драгунского полка штабс-ротмистр Н.М. Байрактарев, 224-го Скопинского пехотного полка капитан И. Фролов, участковый пристав Сырдарьинской области поручик Цветков и лейб-гвардии Гренадерского полка подпоручик Л.П. Дюсиметьер²⁹⁴. Так группа Шостака достигла численности 12 человек. Их деятельность в Македонии продолжалась вплоть до свертывания Мюрцштегской реформы в 1909 г. после младотурецкой революции. Шостак и его офицеры не занимались агентурной разведкой, однако для руководства Главного штаба и ГУГШ они были источниками бесценной информации о военной, политической, социальной и этноконфессиональной обстановке в Македонии, которая в тот период была самым взрывоопасным регионом Балкан. Впоследствии, в годы мировой войны, как минимум один из офицеров македонской

²⁹² О ситуации в Македонии, Мюрцштегской реформе и русской военной миссии см., например: Сквозников А.Н. Македония в конце XIX — начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010.

²⁹³ О миссии Шостака подробнее см.: Казанова Ю.В. Русская военно-инструкторская миссия в Македонии: формирование и начало работы (Из истории реализации Мюрцштегской программы) // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. М., 2009. Т. 6. С. 91–111.

²⁹⁴ Там же.

жандармерии — капитан Н.И. Сурин — выполнял задание русской разведки на Балканах, о чем подробнее будет рассказано ниже.

Русская военно-морская разведка заметно уступала разведке сухопутного военного ведомства по числу официальных резидентур на Балканах. Долгое время ее представлял в регионе один лишь военноморской агент в Константинополе, должность которого была учреждена в 1894 г.²⁹⁵ Интересные подробности создания этого поста приводит в своей диссертации крупный знаток истории русского флота А.Ю. Емелин:

«В конце 1888 г. лейтенант Л.А. Брусилев (офицер русского стационара в Константинополе — шхуны “Псезуапе”) устроил метеорологическую станцию в парке при доме русского посольства в Буюк-Дере. Систематические наблюдения продолжались не менее трех месяцев. Результатами очень заинтересовались военные, которым подобные сведения были важны для планирования операции по высадке десанта. 22 марта 1889 г. Комиссия по обороне Черноморского побережья при штабе Одесского военного округа обратилась с “весьма секретным” письмом к главному командиру Черноморского флота и портов вице-адмиралу А.А. Пещурову. Подчеркивая крайнюю важность регулярного и полного получения сведений из Турции от квалифицированного специалиста по военно-морским вопросам, генерал Х.Х. Рооп ставил вопрос о целесообразности учреждения в Константинополе должности военно-морского агента и высказывал мнение о желательности назначения на нее прекрасно зарекомендовавшего себя Л.А. Брусилева. Ничего не имевший против этого Пещуров переправил письмо в Петербург. Верный своим принципам экономии, управляющий Морским министерством адмирал Н.М. Чихачёв ответил отказом, сославшись на отсутствие в смете “свободного источника для покрытия расходов”, но, вместе с тем, дал распоряжение о продолжении деятельности метеостанции путем привлечения офицеров русского стационара в Константинополе.

29 июля 1892 г. главный командир Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирал Н.В. Копытов (кстати, сам в течение четырех лет бывший агентом в Англии) в рапорте управляющему Морским министерством поднял вопрос о желательности учреждения должности военно-морского агента в Турции, “который бы непрерывно наблюдал за развитием турецкого флота, минным и артиллерийским вооружением Босфора, чтобы по его донесениям было возможно судить в каждый данный момент о степени боевой готовности турецких

военных и морских сил, а также постоянно следить за английскими военными судами, посещающими турецкие порты”. На необходимость учреждения такого поста было указано в докладе ГМШ от 30 ноября 1892 г. Однако, несмотря на утверждение документа императором, должность по непонятным причинам осталась незанятой. Не исключено, что причиной стала просто экономия средств. Известно, сколь пренебрежительным было в тот период отношение к немногочисленному и устаревшему турецкому флоту, получение же сведений об укреплениях Босфора входило также в компетенцию военного агента. К вопросу о назначении военно-морского агента вернулись лишь в начале 1894 г., видимо, в связи с подготовкой Босфорской операции. После переговоров с МИД 6 июля 1894 г. в Константинополь был назначен лейтенант А.А. Эбергард. Деятельность этого агентства прекратилась с вступлением Турции в Первую мировую войну на стороне Тройственного союза. 17 ноября 1914 г. последний морской агент, капитан 1-го ранга А.Н. Щеглов, получил назначение на аналогичную должность в Румынию»²⁹⁶.

Несмотря на то что еще в 1880-е гг. рассматривалась идея создания военно-морской агентуры в Афинах, это было осуществлено лишь в начале 1914 г. Данный пост занял капитан 1-го ранга А.А. Макалинский 1-й. Вплоть до Первой мировой войны изучением военно-морских сил Австро-Венгрии, Румынии и Болгарии занимался по совместительству русский морской агент в Италии²⁹⁷. Отдельные военно-морские агентуры в Румынии и Болгарии были учреждены уже во время Великой войны, в ноябре 1914 и в феврале 1915 г. соответственно. Также задачи морской разведки на Балканах традиционно выполняли русские корабли-стационары, сменявшие друг друга в различных портах Черно- и Средиземного морей.

В сентябре 1911 г. русский военный агент в Бухаресте полковник Е.А. Искрицкий докладывал, что румынские газеты в то время довольно резко писали о шпионаже морских офицеров с русского стационара в Галаце, канонерской лодки «Донец», находившейся в ведении посланника России в Румынии. Якобы эти офицеры были задержаны, когда пытались проникнуть в морской арсенал в Галаце. Также газеты выражали недовольство тем, что «Донец» постоянно маневрировал вблизи морских казарм «Циглина» в Галаце²⁹⁸. И интерес русской разведки, и противодействие румын в данном случае объяснились еще и

²⁹⁶ Емелин А.Ю. Военно-морские агенты России: эволюция института, его задач и методов. 1856–1918: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 43–45.

²⁹⁷ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 85.

²⁹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 75. Л. 21–22 об. Е.А. Искрицкий — в Огенквар. 1 сентября 1911 г. № 122.

²⁹⁵ Подробнее см.: Асиновская М.Ю. Военно-морская разведка на Балканах в период царствования Александра III. Подготовка Босфорской экспедиции // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2004. № 3. С. 43–54.

тем, что все укрепления в Галаце на Дунае были возведены в нарушение положений Берлинского трактата 1878 г. Впрочем, в румынских портах русские стационары бывали лишь время от времени. Тот же «Донец» в 1912–1913 гг. нес службу в водах Греции, а в октябре 1914 г. в результате атаки турецких миноносцев был потоплен в порту Одессы и на время выведен из строя.

Донесения военных агентов отправлялись в ГУГШ в Петербург или в форме подробных развернутых рапортов, с курьером, или же в виде кратких шифрованных телеграмм — служебные инструкции допускали различные варианты адресации этих донесений. В исключительных случаях военные агенты имели право направлять свои доклады непосредственно на имя начальника Генерального штаба. Большинство рапортов отправлялось на имя генерал-квартирмейстера или просто в Огенквар ГУГШ. Их получали и читали либо сам генерал-квартирмейстер, либо один из обер-квартирмейстеров, либо делопроизводитель Особого (разведывательного) делопроизводства. В обязанности последнего входило ведение служебной переписки, отправка запросов и текущих предписаний военным агентам. Если донесения военных агентов содержали сведения особой важности, они докладывались генерал-квартирмейстером начальнику Генерального штаба и затем могли быть всеподданнейше доложены военным министром самому императору. В молодом и еще недостаточно бюрократизированном аппарате военной разведки многое строилось на личных отношениях офицеров, а не на служебных инструкциях. Так, некоторые важные вопросы текущей разведывательной работы обсуждались в доверительной личной переписке между офицерами Огенквара и военными агентами, даже в тех случаях, когда их сношения не были предусмотрены правилами.

На основе донесений военных агентов в Огенкваре составлялись сводки разведывательных сведений о зарубежных странах, которые также докладывались руководству Генштаба, военному министру и императору. Копии некоторых донесений военных агентов циркулярно рассылались Н.А. Монкевицем из ГУГШ заинтересованным штабам военных округов и военным агентам в других странах того же региона. Впрочем, Генштаб не поощрял стремления некоторых окружных штабов использовать военных агентов в собственных разведывательных целях²⁹⁹. С 1903 г. штабы округов получили право при необходимости сноситься с военными агентами, напрямую или через Главный штаб. Ранее такого права у них не было³⁰⁰. Однако в 1906 г. генерал

Ф.Ф. Палицын признал, что штабам округов следовало поддерживать сношения с военными агентами через ГУГШ, лишь в исключительных случаях обращаясь к ним напрямую³⁰¹. В феврале 1907 г. Палицын докладывал военному министру А.Ф. Редигеру: «На практике укоренился обычай, что лица и учреждения часто обращаются с частными запросами к нашим военным агентам за границей. Эти последние, не имея ни сотрудника, ни помощника, за весьма редкими исключениями, обременены работой, и, при желании добросовестного ее исполнения, каждый частный запрос ложится бременем в ущерб основной работы»³⁰². В связи с изложенным Палицын просил устранить практику обращения других органов напрямую к военным агентам, в обход ГУГШ; и министр дал соответствующее циркулярное распоряжение всем главным управлениям Военного министерства и штабам военных округов. Вообще, руководство палицынского ГУГШ стремилось максимально централизовать и сосредоточить в своих руках все нити управления разведкой и всеми потоками ее информации. Так, в марте 1908 г. Палицын обратился к Редигеру с просьбой распорядиться, чтобы все предложения о сотрудничестве по разведке, поступающие от иностранцев в различные подразделения Военного министерства, обязательно переправлялись в часть 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ³⁰³.

Одновременно прилагались усилия для организации обмена информацией, координации и сотрудничества между различными подразделениями разведки. В марте 1908 г. Алексеев и Монкевиц докладывали Палицыну: «Наши разведывательные органы, представляя свои донесения, в большинстве случаев не знают, как оценена их работа, почти совершенно нет обмена сведениями между названными органами, большинство которых не знает, на что направлена работа других разведывательных органов»³⁰⁴. В итоге Палицын одобрил предложение своих подчиненных и приказал к 1-му числу каждого месяца начиная с 1 апреля 1908 г. составлять в частях 1-го, 2-го и 3-го обер-квартирмейстеров ГУГШ перечни важнейших донесений разведки, с кратким изложением их содержания, включая в них сведения штабов военных округов, официальных военных и негласных агентов. Их рассылкой военным агентам и в окружные штабы должно было заниматься 5-е делопроизводство³⁰⁵.

³⁰¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 465. Л. 33–34.

³⁰² РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Ед. хр. 2958. Л. 1. Ф.Ф. Палицын — А.Ф. Редигеру. 17 февраля 1907 г. № 246.

³⁰³ Там же. Ед. хр. 3127. Л. 1–1 об. Ф.Ф. Палицын — А.Ф. Редигеру. 17 марта 1908 г. № 437/272.

³⁰⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 532. Л. 3–3 об. М.В. Алексеев, Н.А. Монкевиц — Ф.Ф. Палицыну. Март 1908 г. Б.н.

³⁰⁵ Там же.

²⁹⁹ Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 158.

³⁰⁰ Там же. С. 37.

Донесения военных агентов обрабатывались и хранились в соответствующих аналитических (как они назывались — оперативных и военно-статистических) делопроизводствах Огенквара. После организационной реформы Генштаба 1910 г. Балканами ведало 6-е делопроизводство части 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ. Оно именовалось оперативным, однако это отнюдь не означало, что там велась работа по составлению планов возможных операций русских войск на Балканском театре военных действий. Помимо составления различных сводок сведений и редактирования печатных трудов по странам и армиям Балканского полуострова, это подразделение занималось решением самых разнообразных вопросов, таких как выработка правил приема южных славян в военно-учебные заведения империи, снабжение черногорской армии предметами артиллерийского, инженерного, интендантского и военно-санитарного довольствия, оказание помощи Болгарии в деле военных заказов в 1910 г. Именно в Балканском делопроизводстве в 1910 г. был выработан и передан затем в МИД проект текста военной конвенции между Россией и Болгарией, которая так и не была заключена из-за отказа болгарской стороны³⁰⁶.

С ноября 1910 г. по январь 1914 г. Балканское делопроизводство возглавлял Генштаба полковник (с 1911 г.) Сергей Ефимович Гуцин, донской казак, участник кампании 1904–1905 гг. После Русско-японской войны он служил в Варшавском военном округе, в 1907–1908 гг. находился в командировке в Касселе для изучения немецкого языка. В 1908 г. был переведен в ГУГШ на должность помощника делопроизводителя. По воспоминаниям его прямого подчиненного Б.В. Геруа, это был человек «исключительных душевных качеств, у которого ум и способности охотно уживались со скромностью. <...> Холостой, превосходный служака, выдержанный как со старшими, так и с младшими, Гуцин представлял собою образцовый тип офицера Генерального штаба. Работать с ним было и приятно, и полезно»³⁰⁷. Начальство также давало высочайшую оценку служебным и личным качествам Гуцина, о котором сам Монкевиц писал в аттестации за 1913 г.: «Чрезвычайно усердный, исполнительный, аккуратный и способный штаб-офицер. Выполняет поручаемые ему работы с полным знанием дела, самостоятельно, проявляя всегда личную инициативу. Прекрасно справился со сложной работой, которая выпала на долю вверенного ему делопроизводства во время войн на Балканском полуострове в минувшую зиму и лето сего года. Прекрасно владеет пером. Здоров. В работе неутомим. Обладает хорошим общим и военным образованием. Знает немецкий

язык. Очень высоких нравственных качеств. Очень скромный, спокоен. Товарищами очень любим и уважаем. Отличный»³⁰⁸.

1-й обер-квартирмейстер Н.А. Обручев и генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов полностью согласились с этой аттестацией, и в итоге Гуцин был утвержден на выдвижение на должность командира казачьего полка. Увы, это соответствовало обычному порядку прохождения службы офицером Генштаба, и в январе 1914 г. многоопытный аналитик-балканист Гуцин получил 1-й Семиреченский казачий генерала Колпаковского полк, во главе которого и прошел всю мировую войну. Между тем приобретенные им обширные знания Балкан безвозвратно пропали для России. В Балканском делопроизводстве Гуцина заметил Генштаба полковник Б.М. Стахович, потом в годы войны на этой должности поменялось еще несколько офицеров, однако их обязанности не выходили за пределы сугубо канцелярской работы.

Ключевую роль в оценке разведывательных сведений, полученных от военных агентов, и претворении их в стратегические решения играл генерал-квартирмейстер ГУГШ. Положение об Управлении генерал-квартирмейстера гласило: «Генерал-квартирмейстер Генерального штаба есть ближайший помощник начальника Генерального штаба по руководству исполнением оперативных и статистических задач, возложенных на части Управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба, по заведыванию службою офицеров Генерального штаба и по руководству их военно-научными занятиями и работами»³⁰⁹. В 1909–1914 гг. эту должность, вторую по значимости в Генштабе, занимал генерал Ю.Н. Данилов, ставший одним из главных творцов тех стратегических планов, с которыми армия Российской империи вступила в свою последнюю войну. До сих пор Ю.Н. Данилов, которого сослуживцы за цвет волос прозвали «черным», чтобы отличать от нескольких офицеров-однофамильцев, остается одним из сфинксов истории русского Генштаба. Здесь мы дадим лишь краткую характеристику этого человека, научная биография которого еще не написана.

Юрий Никифорович Данилов родился 13 августа 1866 г. в Малороссии, в потомственной дворянской семье Киевской губернии. Он окончил Владимирский Киевский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду, портупей-юнкером. После трехлетней службы в 27-й артиллерийской бригаде Данилов в 1889 г. поступил в НАГШ и успешно, одним из первых по баллам, окончил ее третий дополнительный курс в 1892 г., с причислением к Генштабу и направлением в Киевский военный округ. После продолжительных

³⁰⁶ Там же. Ед. хр. 3032. Л. 112–113.

³⁰⁷ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969. Т. 1. С. 232.

³⁰⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 2210. Л. 6–7. Аттестация С.Е. Гуцина за 1913 г.

³⁰⁹ Положение об Управлении генерал-квартирмейстера Генерального штаба. Приказ по военному ведомству. 22 апреля 1906 г. № 252.

отпусков, не проходя службы в войсковых штабах, Данилов с января 1894 г. получил назначение непосредственно в штаб округа.

Предоставим далее слово самому Юрию Никифоровичу, который в кратких автобиографических заметках так писал о своей последующей службе: «Командующим войсками этого округа (Киевского. — В.К.) в то время был [генерал]-а[дъютант] Михаил Иванович Драгомиров, известный не только в России, но и за границей военный писатель и практический воспитатель войск. Под его руководством прошли первые годы деятельности в Генеральном штабе молодого в ту пору капитана Данилова, на характере и мышлении которого “Драгомировская школа” оставила глубокие следы. В период службы в штабе округа он специализировался на мобилизационном деле, которое тоже получило крупный толчок вперед в период нахождения генерала Драгомирова во главе округа. Изданная в это время капитаном Даниловым справочная книга по мобилизации разошлась по России во многих тысячах экземпляров и сразу открыла молодому офицеру более широкую служебную дорогу. Он был переведен на службу в Петербург, в мобилизационный отдел Главного штаба, и большую часть своих штаб-офицерских годов проработал в центральных органах Военного министерства, перейдя из мобилизационного отдела на должность начальника отделения по обучению и дислокации войск, а затем на должность начальника Оперативного отделения. В этот же период времени он много работал по преподавательской деятельности в военных училищах и офицерских школах, вел практические занятия в Академии Генерального штаба и принадлежал к составу редакции “Военного сборника” и “Русского инвалида”. Затем, по дошедшей до него очереди, с 1906-го по конец 1908-го года командовал 166-м пех[отным] Ровненским полком в родном ему Киеве»³¹⁰.

Итак, сам Данилов объяснял свое впечатляющее продвижение по службе собственной усердной работой над мобилизационными вопросами и руководящим влиянием генерала Драгомирова, к школе которого он себя причислял. Возвращенный Драгомировым коллектив штаба Киевского военного округа действительно дал русской армии и Генштабу множество выдающихся военачальников и штабных работников, среди которых при этом широко процветали семейственность и взаимная протекция. Именно принадлежность к «семье» Киевского окружного штаба позволила Данилову в 1908 г. вернуться с должности полкового командира в Петербург, держась, по меткому замечанию Брюса Меннинга, за полы шинели нового начальника Генштаба и будущего военного министра В.А. Сухомлинова. Сослуживцы обращали

³¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1–2 об. Некоторые биографические сведения о генерале от инфантерии Юрии Никифоровиче Данилове.

внимание и на другие внеслужебные, в том числе матримониальные, истоки карьерных успехов Данилова. Он был женат на дочери артиллерийского полковника Анне Николаевне Фроловой, родственнице генерала от инфантерии П.А. Фролова, члена Военного совета и одного из влиятельнейших людей в военном руководстве империи. По воспоминаниям А.Я. Ельшина, позже Ф.Ф. Палицын горько сетовал на то, что пообещал Фролову назначить Данилова на должность 1-го оберквартирмейстера ГУГШ, на смену М.В. Алексееву, а затем согласился на его производство в генерал-майоры на два года раньше установленного законом срока³¹¹.

При всем этом, безусловно, Юрий Никифорович был одаренным офицером Генерального штаба. Подавляющее большинство сослуживцев признавали незаурядные способности, знания и огромную работоспособность Данилова-«черного». В то же время почти все отмечали его приверженность канцелярским и компиляторским методам работы, ограниченность творческого мышления в области военной стратегии, скрытность и замкнутость, высокомерие и острую нетерпимость к чужим мнениям. С сослуживцами Данилов старался быть доброжелателен, вежлив и гостеприимен, но близких друзей у него не было. Он не употреблял вина, никогда не улыбался и умел нравиться начальству³¹². Генерал А.С. Лукомский, видный представитель «драгомировского клана» в русском Генштабе, служивший вместе с Даниловым в штабе Киевского военного округа, вспоминал, что в их коллективе тот «считался выдающимся и знающим работником, был чрезвычайно корректен и любезен, но... доверия к себе не вызывал и все держалось с ним начеку»³¹³.

В другой части своих воспоминаний Лукомский писал: «Был он (Ю.Н. Данилов. — В.К.) бесспорно человеком очень знающим, работоспособным, волевым и властным. Но в то же время он был человеком очень узким и бюрократом до мозга костей. Самомнение и самолюбленность у него были громадные. При этом он был человеком недоброжелательным и даже злым. Еще в капитанском чине, после перевода из штаба Киевского военного округа в мобилизационный отдел Главного штаба, а затем будучи штаб-офицером Оперативной части Генерального штаба, он обратил на себя внимание Куропаткина и стал последним выдвигаться. Некоторые его сослуживцы его про-

³¹¹ Ельшин А.Я. На суше и на море. Воспоминания // Морские записки. Издание Общества бывших русских морских офицеров в Америке, Инк. (Нью-Йорк). 1945. Т. 3, № 4. С. 197.

³¹² Рерберг Ф.П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника Русско-японской войны 1904–1905 г.г. и члена Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. 1906–1909 г.г. Мадрид, 1967. С. 49.

³¹³ Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 95.

звали “Маленький Куропаткин” — так он явно старался подражать во многом тогдашнему военному министру Куропаткину. Пройдя службу в качестве начальника Оперативного отделения Генерального штаба, он откомандовал пехотным полком и затем опять вернулся в Главное управление Генерального штаба, сначала на должность оберквартирмейстера, а затем генерал-квартирмейстера. Он явно проходил “в дамки”. Иметь с ним дело было чрезвычайно трудно. Все не соглашавшиеся с его взглядами испытывали его недоброжелательство и упорное нежелание отступить от мнений, хотя бы и явно для всех неправильных»³¹⁴.

Можно сказать, что Ю.Н. Данилов был образцовым генштабистом-бюрократом периода заката Российской империи. На протяжении большей части своей карьеры офицера Генштаба он оставался узким специалистом в области мобилизационного дела. Послужной список Данилова пестрит записями о многочисленных командировках на пробные людские и конские мобилизации, военно-конские переписи в самых отдаленных частях империи и т.д. и т.п., но там практически нет упоминаний о его участии в полевых поездках офицеров Генштаба. Опыт его службы в войсках был ничтожно мал. Недолголюбивавшие Данилова молодые офицеры ГУГШ называли его «гробом военного дела»³¹⁵.

Впрочем, известны и более благоприятные для Данилова отзывы сослуживцев. Б.В. Геруа вспоминал: «Это был несомненно умный, добросовестный, строгий к себе и к другим работник и честный человек. С 1909 года он представлял собою в Главном управлении Генерального штаба единственную постоянную величину вплоть до начала войны 1914 года. <...> Вся стратегическая работа по выработке плана войны лежала на плечах Ю.Н. Данилова. <...> В моей памяти Юрий Никифорович Данилов стоит как один из лучших офицеров нашего Генерального штаба, серьезный, скромный, трудоспособный и внимательный к деталям. Если Ф.Ф. Палицына некоторые считали подходящим на роль русского Мольтке, то невольно приходит в голову, что Данилов в методах своей работы походил на Палицына. И так же как Палицын, он был медлителен и осторожен; так же стремился к совершенству, глубине и законченности. Каждый мало-мальски ответственный доклад Данилов примеривал и взвешивал, проверял и изучал, пока все оказывалось наконец на месте, ясно, убедительно и отделанно»³¹⁶.

³¹⁴ Он же. Очерки из моей жизни // Там же. № 8. С. 103.

³¹⁵ Рерберг Ф.П. Исторические тайны... С. 49.

³¹⁶ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 234–235.

А служивший в Огенкваре В.Н. Егорьев писал: «Юрий Никифорович был недоужинной натурой. Трудолюбием он не уступал Алексееву, но весь был начинен идеями. Один доклад следовал за другим. Доклад составлялся скрупулезно, тщательно, выправлялось каждое слово, доклад переписывался по нескольку раз, каждая цифра проверялась по всем источникам. Авторитет его, как говорили в кругу его помощников, к которому принадлежал и я, стоял исключительно высоко»³¹⁷. Тот же мемуарист рассказывает, что однажды Данилов впал в бешенство, когда Егорьев попытался возражать ему по существу доклада, и перечеркнул весь его труд. Соприкасавшийся с Даниловым по служебным вопросам Б.А. Энгельгардт также отмечал, что тот «вообще не терпел возражений»³¹⁸.

Служивший в Огенкваре А.Я. Ельшин так отзывался о двух главных военных технократах-стратегах предвоенного русского Генштаба: «Михаила Васильевича Алексеева сменил полковник Юрий Никифорович Данилов. Оба они были продуктами большой чернильницы; с обоими я работал в их огромном кабинете. Это были большие операторы Генерального штаба, как в мирное, так и в военное время. Они были меж собою созвучны, хотя и ненавидели друг друга, и довольно загадочны. Сами строчили свои доклады, в которых были одни лишь компиляции, мало было творчества и почти никаких выводов, которые представлялись усмотрению высшей власти, чтобы не очень отвечать за них впоследствии. Они замалчивали десантные операции и игнорировали Флот. Я никогда от них не слышал слово “Государь Император”, точно Его не было в России, редко бывали на молебствиях в Царские Дни»³¹⁹.

Стратегическому мышлению Данилова были свойственны осторожность и пессимизм в оценке военно-политической обстановки в Европе, планов вероятных противников и возможностей сопротивления русской армии. В военно-исторической литературе Данилова принято считать сторонником «берлинского» направления, т.е. ориентации русских вооруженных сил на борьбу с Германией прежде всего, и это суждение в целом вполне справедливо. Генерал Данилов был классическим представителем сухопутно-континентального мышления, преобладавшего у руководства русского Генштаба; при этом он практически игнорировал проблемы балканско-черноморского стратегического направления, в частности

³¹⁷ Волков В.А. В.Н. Егорьев и его «большие знакомства» // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 84 (Егорьев В.Н. Из больших знакомств).

³¹⁸ ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 13. Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом. Рукопись.

³¹⁹ Ельшин А.Я. На суше и на море... С. 196.

вопросы Босфорской экспедиции и подготовки армии и флота к десантным операциям.

Вплоть до начала Великой войны Данилов-«черный» не имел опыта ни боевой, ни штабной работы на театре военных действий и никогда в своей карьере не выполнял заданий и поручений, непосредственно связанных с разведкой. Однако никто из служивших с ним офицеров не мог поставить ему в вину пренебрежение вопросами разведки. Правой рукой Данилова в управлении разведывательной службой вплоть до самого начала войны бесспорно оставался искусный генерал Н.А. Монкевиц. Именно в период руководства Данилова Огенкваром ГУГШ русская военная разведка завершила свое организационное оформление, получила наибольшее финансирование за всю свою предыдущую историю и добилась ряда весомых успехов в добываемой деятельности.

Данилов-«черный» был ставленником военного министра В.А. Сухоминова и именно в качестве его человека получил назначение на должность генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего в начале войны. Он оставался фактически единоличным руководителем стратегической работы русской Ставки вплоть до лета 1915 г., когда управление основной массой русских армий оказалось сосредоточено в руках главнокомандующего Северо-Западным фронтом, затем наштаверха, генерала М.В. Алексева. В силу этого, балканская стратегия великокняжеской Ставки в первый год войны (или, скорее, отсутствие такой стратегии) несла на себе отпечаток личных качеств и профессиональных взглядов генерала Данилова.

Преемником Ю.Н. Данилова в Огенкваре стал Генштаба генерал-майор Максим Николаевич Леонтьев, назначенный 20 ноября 1914 г. исполняющим должность генерал-квартирмейстера ГУГШ. Леонтьев был одним из опытных специалистов русского Генштаба по Балканам, поэтому его личность также заслуживает нашего внимания. Он родился 26 августа 1871 г. в семье дворян Тамбовской губернии, окончил по 1-му разряду, старшим камер-пажом, Пажеский корпус в 1890 г. и был выпущен в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду. Успешно окончив все три курса НАГШ в 1893–1896 гг., Леонтьев был причислен к Генштабу и назначен на службу в Кавказский военный округ, где последовательно занимал ряд должностей в штабах 39-й пехотной дивизии, Кавказского армейского корпуса и в окружном штабе. В 1900 г. он был переведен в штаб Сибирского военного округа, но уже через год получил новое назначение — помощником военного агента в Константинополе³²⁰. С этого времени разве-

³²⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Ед. хр. 37648. П/с 358–612. Л. 76–85 об. Послужной список М.Н. Леонтьева. 1911 г.

дывательная работа на Балканах на долгие годы стала его основным занятием. В 1901–1905 гг. Леонтьев служил военным агентом в Бухаресте, затем был переведен на должность военного агента в Болгарии и занимал ее с 1905 по 1911 г., играя ключевую роль в русско-болгарских отношениях того периода. В 1905 г. софийское руководство, в тот момент активно заигрывавшее с Россией, создало для полковника Леонтьева в высшей степени благоприятный режим работы в Болгарии, посвящая его во все секреты мобилизационных и оперативных планов болгарской армии. Исключительное положение Леонтьева вызвало зависть и нарекания военных атташе других стран, так что сам Леонтьев даже предлагал вместо должности военного агента учредить должность «русского офицера, состоящего при князе».

Определенную роль здесь играла и мотивация протокольного характера. По заведенному дипломатическому протоколу, на всех церемониях с участием дипкорпуса военный агент стоял ниже 1-го секретаря миссии. Леонтьев полагал, что достоинству полковника русского Генштаба не соответствовало идти после относительно молодых дипломатов из разных стран. В том числе и по этой причине Леонтьев предлагал упразднить должность русского военного агента в Болгарии и вернуть практику времен правления Александра Баттенберга, когда при особе князя состоял Генштаба полковник А.А. Шепелев³²¹.

Начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын запросил по этому поводу предшественника Леонтьева генерала Н.И. Протопопова, в то время уже генерал-квартирмейстера штаба Виленского военного округа. Тот не поддержал идею своего коллеги, подчеркнув, что такое преобразование только усложнило бы работу русского военного представителя в Болгарии, так как вызвало бы ревность и зависть сотрудников других иностранных миссий. Протопопов написал также, что, по его мнению, его самого слишком быстро отозвали из Болгарии, едва только он успел приобрести нужные связи, авторитет и положение в болгарском обществе (о чем ему говорили и многие болгары)³²². В итоге Палицын отклонил предложение Леонтьева, указав ему, что авторитет военного агента определяется не местом на церемониях, а умением правильно себя поставить³²³. С последним, как мы увидим, у Леонтьева проблем не было. А прежние исключительно благоприятные условия для работы в Болгарии просуществовали недолго, и вскоре ему пришлось трудиться на общих для всех военных агентов основаниях.

³²¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 765. Л. 41–44. М.Н. Леонтьев — А.А. Поливанову. 29 мая 1905 г. Б.н.

³²² Там же. Л. 48–50 об. Н.И. Протопопов — Ф.Ф. Палицыну. 1 сентября 1905 г. № 16.

³²³ Там же. Л. 52. Ф.Ф. Палицын — М.Н. Леонтьеву. 19 сентября 1905 г. № 742; см. также: Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг. Киев, 1974. С. 70.

В январе 1911 г. полковник Леонтьев был назначен командиром 85-го Выборгского пехотного полка, но совсем скоро, в марте 1913 г., ему довелось вернуться на Балканы — на важнейший и ответственный пост военного агента в Константинополе, власть в котором в результате Январского переворота захватили младотурки. На Босфоре Леонтьев, уже произведенный в чин генерал-майора, оставался вплоть до самого вступления Османской империи в мировую войну на стороне противников России. По возвращении в Петроград Леонтьев был назначен исполняющим должность генерал-квартирмейстера ГУГШ; в его подчинении оказались все военные агенты России в зарубежных странах. На этом ответственном посту он оставался до 3 июля 1916 г., когда был назначен командующим 4-й Особой пехотной бригадой, сформировавшейся для отправки на Салоникский фронт. Должность генерал-квартирмейстера ГУГШ Леонтьев сдал генералу М.И. Занкевичу, другому выдающемуся военному разведчику, 10 августа 1916 г.³²⁴

Прибыв в Салоники в октябре 1916 г., 4-я Особая бригада генерала Леонтьева в течение полугода беспрерывно находилась на фронте и вела тяжелые бои с болгаро-германскими войсками. По горькому стечению обстоятельств, Леонтьеву пришлось сражаться против болгар, среди которых он провел много лет, которых хорошо знал и считал естественными сторонниками России. Конец службы генерала Леонтьева в старой русской армии также был связан с Балканами. После возвращения в Петроград, в начале сентября 1917 г. он был назначен военным агентом в Грецию³²⁵. Для человека его опыта и знаний это было довольно нелепое назначение, вполне отвечавшее, однако, духу времени революционного распада, когда многие русские офицеры искали заграничной службы. 11 сентября Леонтьев кружным путем, через Маньчжурию, отбыл в Афины³²⁶. С начала 1918 г. он находился во Франции как представитель Временного правительства, в 1920 г. был назначен военным агентом и представителем Русской армии П.Н. Врангеля в Праге. В середине 1920-х гг. генерал Леонтьев переехал во Францию, жил в Париже и на Лазурном берегу. С 1936 г. до своей смерти 9 июня 1948 г. он проживал на острове Таити.

Служебные качества Леонтьева как разведчика по-разному оценивались в дореволюционном Генштабе. К примеру, офицер Балканского делопроизводства Огенквара Б.В. Геруа вспоминал: «Ему нравилась дипломатическая роль, что, по всей вероятности, действовало подчас на нервы нашего представителя Министерства иностранных

дел (в Болгарии. — В.К.). Еще больше эта политическая складка действовала на наши нервы, так как вместо донесений о военных делах и составления нужных нам работ по изучению болгарской армии и болгарского театра мы получали толстые пакеты, заключающие — по терминологии Леонтьева — “разговоры” его с разными политическими деятелями Болгарии, включая и самого царя Фердинанда. Но пока Леонтьев “разговаривал”, болгары строили новую железную дорогу через Шипкинский перевал, о чем наш военный агент “забыл” донести. Запрошенный, почему, Леонтьев храбро ответил, что эта железная дорога не имеет никакого стратегического значения! Как кажется, Максим Николаевич, или “Максимка”, по заглавному прозвищу, был избалован в своих политических вторжениях в область нашей дипломатии Палицыным, в бытность его начальником Генерального штаба. Палицына самого клонило к этой области, и его подкупала литературная и гладкая форма леонтьевских рапортов. Не замечая за этой маской отсутствия содержания, Палицын искренно писал на полях: “Прочел с интересом”. Резолюция, конечно, сообщалась в Софию и служила поощрением автору. С уходом Палицына “разговоры” начали молчаливо подшивать к делу, и в мое время они составили объемистый, но бесполезный фолиант»³²⁷.

Во имя справедливости необходимо сказать, что резкое и оскорбительное содержание отзыва Геруа о Леонтьеве имело мало общего с действительностью. Чтение подлинных рапортов Леонтьева из Софии и, позже, из Константинополя доказывает его выдающиеся знания региона и несомненные способности военного и политического аналитика. К 1910 г. он свободно владел разговорным болгарским языком³²⁸. Никаких признаков пустых «разговоров» или пренебрежения профессиональными вопросами в его донесениях нет. Явно пристрастная оценка Геруа, имевшая, быть может, и личные мотивы, важна для нас, поскольку она свидетельствует о серьезных расхождениях во взглядах офицеров Генштаба на роль и участие военных агентов во внешней политике. Умный и властный Ф.Ф. Палицын стремился к всемерному усилению политического влияния Генштаба, и именно по этой причине он мог поощрять углубление Леонтьева в политические «разговоры», которые Б.В. Геруа считал исключительной прерогативой дипломатического ведомства. Однако офицеры, разделявшие точку зрения Геруа на участие генштабистов во внешней политике, оставались в меньшинстве.

Между прочим, совершенно ошибочно было предположение Геруа о трениях между Леонтьевым и главой русской дипломатиче-

³²⁴ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 423. Л. 21.

³²⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1357. Л. 89.

³²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2666. Л. 4. Доклад по ГУГШ. Огенквар. Разведывательное делопроизводство. 11 сентября 1917 г. № 298; Там же. Ед. хр. 2905. Л. 11–12.

³²⁷ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 239.

³²⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3066. Л. 78–80. М.Н. Леонтьев — Ю.Н. Данилову. 8 декабря 1910 г. № 244.

ской миссии в Софии. В действительности посланник, многоопытный Д.К. Сементовский-Курило, очень высоко оценивал роль полковника Леонтьева. В письме министру иностранных дел С.Д. Сазонову в ноябре 1910 г. Сементовский подчеркивал, что обстановка в Болгарии была неутешительной и от России требовались особые усилия, чтобы эта страна вошла в сферу русского влияния. Для этого и были необходимы агенты, «кои, приобретя надежный опыт и специальные знания, освоившись с обстановкой и людьми, в состоянии зорко следить за всем происходящим, в состоянии чувствовать биение местного пульса, в состоянии предусматривать события, в состоянии оказать известное влияние на те или другие двигающие их пружины»³²⁹. Все это говорилось именно про полковника Леонтьева, «столь блистательно зарекомендовавшего себя на этом ответственном посту»³³⁰. Такой отзыв из уст одного из наиболее талантливых кадровых русских дипломатов того времени дорогого стоил.

Сазонов поддержал перед Сухомлиновым ходатайство Сементовского об оставлении Леонтьева в Софии, где он был особенно нужен в те дни, когда близилась к завершению борьба за подписание военной конвенции с Болгарией³³¹. Сементовский докладывал Сазонову: «Судьба вопроса этого должна разрешиться в ближайшем будущем, ибо если дело не будет сделано до вероятного во второй половине мая отъезда короля (т.е. Фердинанда Кобурга, имевшего официальный титул «царя болгар». — В.К.) за границу, то, как мне думается, его надо будет считать похороненным». И продолжал: «Если соглашение будет заключено, желательно взять болгар в руки немедленно в отношении ко всему тому, что будет касаться последствий этого соглашения»³³². Опытный посланник хорошо предвидел, к каким опасным последствиям могло повести своеволие болгарского руководства, заручившегося поддержкой России. Это в полной мере подтвердилось во время Балканских войн 1912–1913 гг., но преждевременная смерть Сементовского не позволила ему принять меры по предотвращению ясно видимой им угрозы.

Ответ военного министра гласил, что он вполне согласен с мнением о «высокополезной» деятельности Леонтьева в болгарской столице, однако, в интересах его дальнейшего движения по службе, ему было необходимо как можно скорее вступить в командование полком, поскольку для зачисления кандидатом на высшие должности по Геншта-

³²⁹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1910 г. Ед. хр. 2219. Л. 10–11. Д.К. Сементовский-Курило — С.Д. Сазонову. 12 ноября 1910 г. Б.н.

³³⁰ Там же.

³³¹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 197–199.

³³² АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1910 г. Ед. хр. 2219. Л. 6–7. Д.К. Сементовский-Курило — С.Д. Сазонову. 12 апреля 1910 г. Б.н.

бу ему требовалось получить две аттестации по строевой должности полкового командира³³³. Примечательно, что даже после разгрома палицынского ГУТШ в 1908 г. новое руководство Генштаба продолжало высоко ценить служебные качества М.Н. Леонтьева, доверив ему важнейший пост в Константинополе и позднее назначив его преемником самого Ю.Н. Данилова в Огенкваре. Увы, признание профессиональных качеств Леонтьева начальством само по себе еще не означало роста внимания военного руководства России к балканскому направлению.

Добавим здесь, что, помимо военного и военно-морского ведомств, на Балканах разведывательную деятельность, в самом широком смысле этого слова, не исключая и негласной агентурной разведки, издавна вело Министерство иностранных дел России. По сравнению с другими ведомствами и учреждениями Российской империи, Певческий мост имел на Балканах самые многочисленные кадры и самую обширную сеть своих представительств. Помимо посольства в Константинополе и официальных миссий во всех балканских столицах, к началу Первой мировой войны русский МИД имел генеральные консульства в Албании (Валона, затем Дураццо), в Галаце, Пирее, Рушуке, Салониках, Сараево, Ускюбе (Скопье), Янине; консульства в Адрианополе, Белграде, Битоли, Бухаресте, Добрудже (Констанца), Косовской Митровице, Софии, Яссах; вице-консульства в Бургасе, Варне, Дедеагаче, Призрене, Скутари, Сулине, Филиппополе.

Подробное рассмотрение истории и структуры дипломатических представительств России на Балканах не входит в задачи этой книги. Отметим лишь, что во главе всех миссий и консульств в начале XX в. стояли кадровые дипломаты; русское военное ведомство не имело на Балканах своих офицеров на консульских должностях. По устоявшейся в МИД системе прохождения службы, старшие чиновники министерства последовательно занимали ключевые должности в миссиях и посольствах в государствах самых разных регионов мира. В результате среди глав русских миссий на Балканах практически не было по-настоящему глубоких специалистов-практиков по этому региону. Однако многие дипломатические работники более низких рангов — секретари миссий, консульские чиновники, драгоманы (переводчики восточных языков) — нередко были искушенными знатоками местных балканских условий, с многолетним опытом службы в странах полуострова. Существовавший аппарат был вполне достаточным для широкого и разностороннего осведомления российского МИД обо всех или почти всех сторонах жизни Балкан. В дальнейшем нам придется не раз обращаться к проблеме взаимодействия дипломатических и военных представителей России в балканских странах в области раз-

³³³ Там же. Л. 13. В.А. Сухомлинов — С.Д. Сазонову. 6 декабря 1910 г. № 5521.

ведки и выработки стратегических решений. Пока отметим лишь, что, как правило, русские дипломаты предпочитали сотрудничать с иностранными агентами Департамента полиции, а не с военной разведкой. Причины этого были достаточно очевидны — работа полицейских агентов велась под лозунгом борьбы с международной угрозой анархизма и революционного терроризма и почти всегда встречала сочувствие и одобрение местных властей. Деятельность же на своей территории иностранных военных разведчиков не могла быть терпима ни одним государством; это было чревато международным скандалом, чего дипломаты боялись, как огня.

Наконец, в Генштаб, МИД и другие ключевые ведомства империи сведения о Балканах поступали от различных частных лиц — журналистов, коммерсантов, путешественников, духовных особ. Лишь очень немногие из этих сообщений в итоге оказывали хотя бы косвенное влияние на выработку военной и большой государственной стратегии России на Балканах. Главное значение этих второстепенных источников информации заключалось в том, что они дополняли и обогащали картину представлений властей предрежащих и правительственных экспертов о внешнем мире и о месте в нем Балканского полуострова.

В период между Освободительной войной 1877–1878 гг. и Русско-японской войной 1904–1905 гг. была сформирована достаточно разветвленная система разведывательных органов военного ведомства Российской империи на Балканах. Как ни странно, произошло это в значительной степени в результате политических неудач Российской империи на балканском направлении и охлаждения отношений с большинством государств региона. Данные факторы и побудили российское руководство активизировать разведывательную деятельность на Балканах, чему способствовали и подготовка Босфорской десантной операции, и, позднее, стремление России вновь создать военный союз с балканскими государствами в первые годы XX в. После войны с Японией и вплоть до Первой мировой войны Балканы так и не стали приоритетным направлением в стратегическом планировании России, и во многом по этой причине система разведки в данном регионе не развивалась количественно и качественно. Основу этой системы составляли официальные военные агенты в странах Балканского полуострова. Занимавшие эти должности офицеры приобрели обширные и ценные познания, однако в тот период в разведывательных органах русского Генштаба страноведческая специализация была развита недостаточно, что мешало с полной эффективностью использовать во благо России этот неоценимый ресурс — накопленный разведчиками-генштабистами опыт практического изучения текущей военной и политической жизни балканских государств.

Глава 4

ВЗГЛЯД ИЗ ОДЕССЫ И КИЕВА: РАЗВЕДКА ОКРУЖНЫХ ШТАБОВ

Отличительной чертой высшего военного управления Российской империи была военно-окружная система, созданная в ходе милютинских реформ 1860–1870-х гг. Штабы военных округов, особенно приграничных и наиболее крупных по количеству войск, в мирное время были влиятельными центрами стратегического и оперативного планирования и разведывательной деятельности. Мощностью своего аппарата они превосходили корпусные штабы Германии и Австро-Венгрии, также работавшие над планами операций и занимавшиеся разведкой. Исследователи отмечают, что в России сильные военно-окружные штабы в вопросах выработки стратегических планов нередко вставали в оппозицию центральным органам Генштаба в Петербурге, стремясь к перераспределению в свою пользу полномочий и ответственности. Это вело к расширению коллегиального начала в области планирования³³⁴. Впрочем, в разведывательной деятельности, по крайней мере в европейских странах и на Балканах, штабы приграничных военных округов не могли составить серьезную конкуренцию центральному аппарату разведки, которому они существенно уступали по численности кадров и по размерам выделявшихся материальных средств.

Историк М. Алексеев, автор фундаментального труда по истории русской военной разведки, справедливо отмечает: «Ко мнению окружных разведывательных отделений в ГУТШ прислушивались. Вообще создается такое впечатление, что отношения между окружными разведотделениями и разведывательным делопроизводством ГУТШ строились на основе полного согласия. Центр без какого-либо недоброжелательства выслушивал предложения “снизу” и практически всегда следовал им. Критические замечания опытных офицеров принимались если не с благодарностью, то почти всегда с большим вниманием

³³⁴ См.: *Menning B.W. War Planning and Initial Operations in the Russian Context // War Planning 1914 / ed. by R.F. Hamilton, H.H. Herwig. Cambridge, UK; N.Y., 2010. P. 80–142; Алеев О.Е. На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа, 1872–1914 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. М., 2011. Т. 10. С. 183–260.*

и не оставались под сукном. Этому способствовали, по-видимому, и личные отношения между офицерами разведывательных подразделений, о чем свидетельствовала служебная переписка, где обсуждение профессиональных проблем перемежалось с «приветами супруге», общими воспоминаниями и т.п.»³³⁵.

Безусловно, разведка штабов приграничных округов играла вспомогательную роль по отношению к разведке из центра. Одним из первых мероприятий по реформированию военной разведки после войны 1904–1905 гг. стало создание разведывательных отделений в штабах приграничных военных округов. Прежде изучением сопредельных территорий в окружных штабах занимались так называемые «отчетные отделения», в ведение которых входили широкий круг работ по документированию результатов деятельности штаба округа, в том числе и разведывательной, а также все вопросы, связанные со службой генштабистов в пределах округа. В рассматриваемый нами период оперативная глубина зарубежной разведки окружных штабов ограничивалась пределами приграничных театров военных действий на территории сопредельных государств. Лишь в очень редких случаях штабы округов имели своих агентов в глубоком тылу и столицах изучаемых государств.

В мирное время разведывательным изучением Балкан, помимо официальных военных агентов, занимался штаб Одесского военного округа. Этот штаб со времени его образования в 1862 г. был центром подготовки активных действий русских вооруженных сил в Черноморско-Балканском регионе; в его коллектив входили многие видные специалисты по Балканам и Турции, среди коих были горячие приверженцы идеи «Босфорской экспедиции» и искушенные эксперты в области ее планирования, носители самых «ястребиных» взглядов. Служивший в 1881–1888 гг. военным агентом в Афинах А.П. Протопопов с 1893 по 1905 г. занимал должности помощника начальника штаба, затем начальника штаба и помощника командующего войсками Одесского военного округа. С ноября 1904 до февраля 1913 г. генерал-квартирмейстером штаба Одесского округа служил генерал-майор Э.Х. Калнин, также имевший огромный опыт разведки в Турции и на Балканах. В 1888–1895 гг. он состоял в распоряжении военного агента в Константинополе, в 1895–1899 гг. был военным агентом в Афинах, затем в 1899–1904 гг. — военным агентом в Константинополе. Калнин отличался не только глубоким знанием Черноморско-Балканского региона, но и геополитическим радикализмом; так, задачей русской стратегии на южном направлении он ставил, причем в катастрофиче-

ском 1905 г., даже не занятие черноморских Проливов, а выдвигание сухим путем к Суэцкому каналу через Закавказье³³⁶. В 1907 г. рассматривался вопрос о возможности назначения Калнина на должность главы русской военной миссии по реформированию жандармерии в турецкой Македонии. Однако посольство России в Константинополе обратило внимание, что в октябре 1906 г. в журнале «Вестник Европы» вышла статья Калнина «Наши задачи на Ближнем Востоке», где шла речь об изгнании турок из Европы. Статья получила широкую известность в Османской империи и вызвала тяжелое впечатление у самого султана. Как следствие, возвращение Калнина в Турцию было признано невозможным³³⁷.

Подобные начальники были достойными учителями для своих подчиненных, которым они передавали и свои обширные знания Турции, Балкан и Восточного Средиземноморья, и увлеченность идеями захвата Босфора и продвижения России на юг. В обязанность штабу Одесского военного округа традиционно вменялось изучение Румынии — союзницы Центральных держав с 1883 г., вооруженные силы которой должны были стать основным противником войск округа в будущей европейской войне. Однако в 1880-е гг. обреченная стратегия отказа от сухопутных действий на Балканах в пользу десанта на Босфор в полной мере сказалась и в области разведки. Вплоть до начала XX в. Одесский окружной штаб практически не вел агентурную разведку ни в Болгарии, ни даже в Румынии. В одном из отчетных документов штаба Одесского округа, составленном между 1894 и 1897 гг., давалось неутешительное заключение о возможности работы разведки в Румынии:

«Меры, принимаемые штабом Одесского военного округа для получения сведений о Румынии негласным путем, в настоящее время сводятся почти исключительно к сношению в необходимых случаях с военным агентом в Букуреште или генеральным консулом в Галаце, которые высылают те сведения, которых у них имеются по данному вопросу. Объясняется это, с одной стороны, тем обстоятельством, что имеющиеся в штабе округа секретные суммы предназначаются, главным образом, для организации разведок в пределах Турции, и в настоящее время, ввиду могущей представиться необходимости проинформировать эти разведки не только на Босфоре, но и в Дарданеллах, особенно приходится быть экономным в расходовании означенных денег на получение каких-либо сведений о Румынии. Помимо ограничен-

³³⁵ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 167.

³³⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 6610. Л. 18–28 об. Калнин Э.Х. Записка «Наши политические и военные задачи на Черном море». 2 ноября 1905 г.

³³⁷ Там же. Ед. хр. 3027. Л. 8–9 об. И.А. Зиновьев — А.П. Извольскому. 30 декабря 1907 г. Б.н.

ности средств, которые могут быть употреблены для указанной цели, вопрос этот еще более осложняется крайне недоброжелательным и подозрительным отношением к нам румын, почему всякие секретные командировки соответствующих лиц в пределы Румынии сопряжены с большим риском и успех их всегда бывает маловероятен»³³⁸.

В том же документе отмечалось, что образованное румыноязычное население по обе стороны Прута симпатизировало властям Румынии, а забитое и малограмотное румынское крестьянство не подходило для задач разведки. Еврейство Молдавии и Валахии также было настроено прорумынски, а российским евреям въезд в Румынию был предельно затруднен, к тому же полагаться на их сведения в Одесском штабе не считали возможным. Наиболее подходящими для целей негласной разведки признавались жившие в Румынии многочисленные русские раскольники различных толков (скопцы, липоване и др.), которых с недавнего времени румынские власти стали подвергать особо строгим преследованиям. Авторы документа отмечали, что связи с сектантами следовало заблаговременно завязать младшим служащим русских консульств и другим представителям дипломатического корпуса, но отнюдь не сотрудникам военной разведки³³⁹.

При военном министре А.Н. Куропаткине и начальнике Главного штаба В.В. Сахарове русское военное ведомство вновь вернулось к планам коалиционной сухопутной войны на Балканах. В первую очередь, это было спровоцировано регулярным поступлением информации разведки об активизации австро-румынского военного сотрудничества, ответом на что стало заключение русско-болгарской военной конвенции 31 мая 1902 г. Во время войны с Японией резкое уменьшение наличного состава офицеров Генштаба в штабе Одесского военного округа вызвало сокращение разведывательной деятельности по Румынии³⁴⁰, однако после войны эта работа была значительно усилена. В июле 1906 г., в соответствии с предписанием циркуляра ГУГШ начальникам окружных штабов³⁴¹, в штабе Одесского военного округа

³³⁸ РГВИА. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 1–2 об. Меры, принимаемые штабом Одесского военного округа для получения сведений о Румынии негласным путем. Б.д.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 176–177. Д.Н. Безрадецкий — А.А. Поливанову. 7 июня 1905 г. № 52. Ссылаясь на это обстоятельство, К.К. Звонарёв тенденциозно утверждает, что разведывательная деятельность штаба Одесского военного округа была «ниже всякой критики» (*Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 157*). Это не соответствует действительности.

³⁴¹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 114–115 об. и др. *Палицын Ф.Ф. Циркуляр начальникам штабов военных округов. Июнь 1906 г. Б.н.* В циркуляре предлагалось создать при штабах округов разведывательные отделения из состава наличных офицеров Генштаба, что мыслилось как временная мера, до переработки совместно с начальниками

было создано разведывательное отделение, первоначальная организация работы которого была поручена Генштаба полковнику Николаю Александровичу Бабикову. Этот офицер имел большой опыт службы в штабе округа; во время минувшей войны с Японией он занимал должность старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии. Старшим адъютантом (т.е. начальником; причем должности «младшего адъютанта» в русской армии не существовало вообще) разведывательного отделения штаба Одесского военного округа стал Генштаба подполковник Георгий Николаевич Ростовский. Еще два генштабиста были выделены штабом округа для изучения иностранной прессы; выделить других офицеров в тот момент оказалось затруднительным³⁴².

Ростовский оставался главой разведки Одесского военного округа до самого начала мировой войны; за это время он стал крупным специалистом по Румынии и ее армии. По авторитетному отзыву генерал-майора Н.С. Батюшина, Ростовский был одним из тех выдающихся тружеников военной разведки, кому эта служба всецело была обязана своими успехами накануне войны³⁴³. После начала войны полковник Ростовский был назначен на должность начальника разведывательного отделения штаба развернутой в Одесском округе отдельной 7-й армии и оставался на этом посту вплоть до апреля 1915 г.

Согласно принятому в 1906 г. распределению обязанностей окружных разведывательных отделений, зоной ответственности штаба Одесского военного округа были определены «Румыния и Балканские государства, в том числе Европейская Турция и Персия к западу от меридиана Ашур-Ада (остров на Каспии. — В.К.)»³⁴⁴. В 1907 г. Ростовским и окружным генерал-квартирмейстером была составлена особая «Про-

окужных штабов их штатов. Палицын указывал: «Деятельность Разведывательного отделения должна заключаться в сборе и обработке сведений о вероятном противнике, а также и в выборе и подготовке лиц, не принадлежащих к составу армии, которые могли бы во время военных действий быть разведчиками, как на неприятельской территории, так и в наших пределах. Желательно, чтобы офицеры, назначаемые в состав Разведывательного отделения, владели в достаточной мере соответственными иностранными языками и оставались бы на службе в отделении не менее 2–3-х лет».

³⁴² Там же. Л. 120–120 об. Д.Н. Безрадецкий — Ф.Ф. Палицыну. 6 июля 1906 г. № 1. Из числа офицеров Генштаба для поручений один заведовал отделением по обороне Черноморского побережья, другой командовал батальоном, третий — подполковник В.М. Черемисинов — в течение многих лет был помощником старшего адъютанта мобилизационного отделения и предназначался для замещения должности старшего адъютанта этого отделения. В отделениях штаба округа, кроме дорожного, имелось по одному офицеру Генштаба. Один старший адъютант штаба округа еще не прибыл с Дальнего Востока, другой находился в 4-месячном отпуску по болезни. Из остальных по недостаточному знанию языков никто не подходил для службы в разведывательном отделении.

³⁴³ *Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002. С. 41.*

³⁴⁴ *Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 175.*

грамма, руководствуясь которой агенты тайной разведки в Румынии и Балканских государствах должны собирать имеющее военное значение сведения»³⁴⁵. Впрочем, эта программа, намечавшая круг работ по самому широкому изучению вооруженных сил региона, была написана в общих выражениях и не отражала никаких особенных черт Балканского региона. В июле 1908 г. известное совещание старших адъютантов разведывательных отделений западных приграничных военных округов более четко разграничило зоны ответственности окружной разведки. Штабу Одесского военного округа была поручена разведка в Румынии и Европейской Турции (кроме Македонии)³⁴⁶. Наконец, в 1912 г. штабу Одесского военного округа было предписано ограничиться изучением восточной части Румынии — районами III (галацкого), IV (ясского), V (добруджанского) корпусов румынской армии, а также сбором сведений о румынской Дунайской флотилии. Тогда же разведка в северной части Молдавии, в районе IV корпуса с центром в Яссах, где в случае войны предполагалось сосредоточение румынской армии для действий на правом фланге союзников-австрийцев, была поручена также штабу Киевского военного округа, который традиционно занимался изучением восточной части театра военных действий против Австро-Венгрии³⁴⁷.

В предвоенный период в штабе Одесского военного округа были подготовлены ценные специалисты по Румынии, знатоки этой страны и ее вооруженных сил. Каждый год по одному офицеру-генштабисту Одесского военного округа направлялось начальством в Румынию в годичную командировку для изучения языка. Это осуществлялось в рамках общей системы заграничных языковых командировок офицеров Генштаба, причем генштабисты, направлявшиеся для изучения румынского, венгерского и турецкого языков, были освобождены от предварительных испытаний по этим языкам, но по окончании командировки на общих основаниях проходили экзамен при окружном штабе. Руководство разведки справедливо рассматривало этих офицеров как незаменимый кадровый ресурс. На совещании старших адъютантов в июле 1908 г. была отмечена особая желательность того, чтобы генштабисты, изучавшие язык в заграничных командировках, потом не менее пяти лет служили в своем округе³⁴⁸.

³⁴⁵ РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Ед. хр. 2081. Л. 21–24.

³⁴⁶ Там же. Л. 162–162 об. Разделение сфер разведки штабов военных округов. Приложение 1 к протоколу заседания старших адъютантов разведывательных отделений штабов Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского военных округов с 10 по 14 июля 1908 г.

³⁴⁷ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 176–177.

³⁴⁸ РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Ед. хр. 2081. Л. 156–161. Протокол заседания старших адъютантов разведывательных отделений штабов Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского военных округов с 10 по 14 июля 1908 г. Копия.

Командировки офицеров Одесского округа в Бухарест были единственным постоянным источником получения кадров, владевших достаточно редким румынским языком, и не удивительно, что эти люди привлекались, прежде всего, к разведывательной работе. Так, в январе 1911 г. с целью изучения языка в Бухарест прибыл Генштаба капитан Орест Владимирович Меньшов, старший адъютант штаба 14-й пехотной дивизии³⁴⁹. После этой командировки он получил назначение в окружной штаб и на протяжении нескольких следующих лет занимался разведывательным изучением Румынии. В мае 1915 г. Меньшов возглавил разведывательное отделение штаба 7-й армии, развернутой из войск Одесского военного округа. В разные годы язык в Румынии изучали также офицеры Генштаба И.В. Свирчевский, И.И. Жолынский, ставший помощником начальника разведки окружного штаба, и В.А. Палицын, в 1914 г. переведенный из штаба Одесского округа в ГУГШ и затем осенью 1916 г. назначенный военным агентом в Бухарест.

В апреле 1913 г. в качестве кандидата на должность военного агента в Румынии рассматривался еще один генштабист, прошедший командировку для изучения языка этой страны, — штаб-офицер для поручений при штабе Одесского военного округа Генштаба полковник Николай Александрович Берх. В ответ на запрос Данилова по его кандидатуре начальник штаба округа генерал Ф.Н. Васильев докладывал: «Полковник Берх может быть хорошим военным агентом в Румынии. Он основательно знаком с этим государством, где прожил целый год (в 1908–1909 гг. — В.К.), изучал румынский язык (который знает теперь отлично) и несколько раз командировался мною в Бухарест с секретными поручениями. Очень воспитанный, тактичный, прекрасной нравственности, жена его имеет порядочные денежные средства, и если он согласится занять место агента, то устроит свою жизнь в Бухаресте даже с некоторой представительностью»³⁵⁰. Однако по какой-то причине руководство Генштаба отдало свое предпочтение Генштаба полковнику Б.А. Семёнову, опытному знатоку Японии, притом совершенно незнакомому с Балканами. Назначение Берха в Румынию в тот раз не состоялось, что заставляет усомниться в способности и желании центральных органов разведки в полной мере привлекать ценные кадры из окружных штабов к заграничной работе. Эта история служит подтверждением того факта, что на военно-агентские должности выдвигались, прежде всего, офицеры, уже имевшие опыт

³⁴⁹ АВПРИ. Ф. 169/2. Оп. 511а. 1910 г. Ед. хр. 209. Л. 14.

³⁵⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 86. Ф.Н. Васильев — Ю.Н. Данилову. 2 мая 1913 г. № 12.

работы в центральных органах Генштаба и за рубежом³⁵¹. Лишь в августе 1917 г. полковник Берх, в то время помощник генерал-квартирмейстера штаба Румынского фронта, был назначен исполнять должность военного агента в Румынии, вместо ушедшего в отпуск В.А. Палицына. Начальство отмечало, что Берх «отлично владеет румынским языком, знает страну, установил отличные отношения с двором и членами правительства»³⁵².

Помимо командировок в Бухарест для изучения языка, офицеры Одесского военного округа регулярно направлялись в Румынию для производства негласных рекогносцировок местности, осмотра укреплений, путей сообщения и других важных объектов.

Так, весной 1905 г., в непростое время войны с Японией, подполковник В.М. Черемисинов совершил разведывательную поездку в Румынию с целью проверки сведений пограничной стражи о начавшейся мобилизации, а также для изучения военного значения и степени готовности железной дороги Галац–Берешты–Бырлад–Яссы с веткой на Хуш и проверки слухов о новых укреплениях в Галаце. Отчет об этой поездке был представлен в Главный штаб 7 июня 1905 г.³⁵³

В отдельные годы перед Первой мировой войной происходили настоящие разведывательные «нашествия» русских генштабистов на Румынию. К примеру, летом 1910 г. разведчики Одесского окружного штаба полковник Г.Н. Ростковский и капитан В.Е. Вязьмитинов провели, частью на пароходе, частью пешком, рекогносцировку Северной Добруджи в районе городов Тульча–Исакча–Мачин. В отчетном документе об этой разведке особое внимание было уделено условиям форсирования Дуная ниже Галаца, т.е. возможного прорыва русских войск в обход правого фланга Серетской укрепленной линии³⁵⁴.

При этом в отчете ничего не говорилось о том, что в ходе данной командировки оба офицера были арестованы румынскими властями. Однако Департамент полиции сообщил в Огенквар ГУГШ «для сведения», что 2 июня 1910 г. через пограничный пункт в Измаиле в румынский город Тульчу выехали дворянин Георгий Николаевич Ростковский и мещанин Василий Ефимович Вязьмитинов, по паспортам, выданным одесским градоначальником. Эти лица намеревались

³⁵¹ К примеру, в 1907 г. на прошение рекомендованного штабом войск Гвардии и Петербургского военного округа штабс-ротмистра лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (Генштаба капитана) Э.-К.-В.Г. фон Валя о назначении его военным агентом Монкевиц написал, что для замещения такой должности следовало вначале прослужить какое-то время в ГУГШ (Там же. Ед. хр. 15. Л. 39).

³⁵² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1357. Л. 91–93, 96.

³⁵³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 176–177. Д.Н. Безрадецкий — А.А. Поливанову. 7 июня 1905 г. № 52.

³⁵⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3101. Л. 2–20.

проникнуть в район маневров румынских запасных войск, однако не были пропущены полевыми жандармами. Тогда Ростковский и Вязьмитинов прибыли в городе Исакчу, чтобы проникнуть в тот же район с другой стороны. В итоге оба были арестованы румынскими властями; затем при участии русского консула в Тульче и посланника в Бухаресте освобождены и 10 июня вернулись обратно через тот же пограничный пункт. Их инкогнито было сохранено дипломатическими представителями, но в румынских газетах появились статьи «Русские военные шпионы в Румынии», где описывалась истинная причина их приезда³⁵⁵.

Тем же летом 1910 г. Генштаба подполковник Н.В. Пневский провел разведку Одобештского горного района и его путей (т.е. в обход левого фланга Серетской укрепленной линии)³⁵⁶. Одновременно Генштаба подполковник Д.М. Михайлов совершил поездку в Румынию для проверки и дополнения сведений штаба Одесского военного округа о вероятном сосредоточении румынской армии в пределах Молдавии, относительно сети железных дорог и расположения складов и всякого рода запасов³⁵⁷. В том же 1910 г. командиром морской канонерской лодки «Уралец» капитаном 2-го ранга В.З. Бурхановским была проведена разведка устья Дуная и составлено «Военно-географическое описание Дунайского района»³⁵⁸. В разведывательных поездках иногда принимали участие достаточно высокопоставленные офицеры Генштаба. Так, в июле 1912 г. рекогносцировку румынских железных дорог лично провел начальник военных сообщений Одесского военного округа Генштаба генерал-майор М.И. Кияновский³⁵⁹.

Разведкой в Румынии занимались также чины 5-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Пограничники, подчинявшиеся в мирное время Министерству финансов, начали систематически привлекаться к разведывательной работе с 1904 г., в результате соглашения между военным и финансовым ведомствами. Уступая настойчивым пожеланиям военных министров А.Н. Куропаткина и В.В. Сахарова, руководство Министерства финансов дало согласие на использование офицеров пограничной стражи в деле тайной разведки, в той мере, в какой это не мешало их прямым обязанностям по охране границы³⁶⁰. 23 октября 1908 г. шефом пограничной стражи (министром финансов) была утверждена «Инструкция чинам Отдельного корпуса погранич-

³⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1910 г. Ед. хр. 114. Л. 60–60 об. Заведующий Особым отделом Департамента полиции М.А. Ерёмин — Н.А. Монкевицу. 3 июля 1910 г. № 112570.

³⁵⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3101. Л. 21–27.

³⁵⁷ Там же. Л. 28–33 об.

³⁵⁸ Там же. Л. 36–49.

³⁵⁹ Там же. Ед. хр. 3119. Л. 6–7 об.

³⁶⁰ РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1. Ед. хр. 2081. Л. 185–186 об.

ной стражи для работ их по тайной разведке в пограничных иностранных государствах». Этим документом пограничникам предписывалось собирать сведения о сопредельных государствах в 21-верстной приграничной полосе, оказывать содействие штабам военных округов в вербовке тайных агентов, сообщать в военно-окружные штабы о лицах, предлагающих услуги по разведке. Дезертиры из иностранных армий должны были препровождаться для опроса в штабы военных округов; чины Отдельного корпуса пограничной стражи от производства этих опросов освобождались³⁶¹.

В приграничной полосе Молдавии активно действовали офицеры охранявших румынскую границу 20-й Хотинской, 21-й Скулянской и 22-й Измаильской бригад пограничной стражи. Многие из них имели налаженную агентуру, чаще всего из числа контрабандистов и русских переселенцев-сектантов. Получаемые пограничниками сведения о событиях на румынском берегу Прута докладывались ими в штаб Одесского военного округа.

Высокопоставленные офицеры пограничной стражи неоднократно совершали опасные разведывательные поездки по сопредельным странам, в том числе и по Румынии. Историк разведки М. Алексеев в своей книге приводит историю о том, как в июле 1907 г. в Германии на станции Торн по прибытии из Берлина был арестован начальник штаба 3-го округа пограничной стражи России Генштаба полковник А.Г. Гибер фон Грейффенфельс, выполнявший разведывательную миссию³⁶². Однако имели место и гораздо более удачные рекогносцировки офицеров-пограничников. В том же 1907 г. тайную разведку приграничной полосы Молдавии успешно провели начальник штаба 5-го округа пограничной стражи Генштаба полковник Л.Л. Байков и Скулянской бригады подполковник В.А. фон Гернгросс. В сентябре 1907 г. эти офицеры по поручению командующего войсками Одесского военного округа проследовали инкогнито, в штатском платье, от австрийских Черновиц до Бухареста, составляя описание 50-верстной приграничной полосы. Гернгросс докладывал: «Работа эта была исполнена с известным для нас риском, т.к. румынская пограничная стража могла принять нас за контрабандиров, а равно легко могли нас арестовать как агитаторов административные власти, т.к. ко всем при-

шлым новым людям румыны после бывших аграрных беспорядков³⁶³ относились особенно подозрительно»³⁶⁴.

Поездка двух пограничников длилась полтора месяца; все заметки и кроки делались ими по ночам и незамедлительно отсылались в Россию. Дважды русских офицеров задерживала румынская полиция. Гернгросс писал: «Несмотря на все принятые предосторожности, мы, тем не менее, задержаны были и допрашиваемы полицейскими и жандармскими властями на вокзале в г. Дорохой, а затем в г. Ботошаны, где были внезапно отведены в полицейское управление, в котором нас подробно в течение целого дня допрашивали, и только благодаря находчивости полковника Байкова мы не были арестованы, т.к. он убедил агентов в том, что мы лишь покупатели волов, в удостоверение чего представил двух свидетелей евреев, коим в виде задатка в счет комиссионных он ранее уже успел выдать деньги»³⁶⁵. В Бухаресте русский военный агент М.И. Занкевич потребовал от двух разведчиков скорее завершить свою поездку, поскольку, по его сведениям, румынские власти узнали о присутствии в стране болгарских и русских офицеров и отдали приказ об их обязательном аресте. Тогда Байков и Гернгросс отправились в Россию через Галац, попутно завершая рекогносцировку Молдавии.

Полковник Байков после производства разведки в Добрудже был вынужден спешно вернуться в Россию из румынской Сулины на лодке по морю в сильный шторм, с риском для жизни³⁶⁶. О результатах своей поездки офицеры доложили лично командующему войсками Одесского военного округа А.В. Каульбарсу и начальнику Генштаба Ф.Ф. Палицыну. Собранные Байковым и Гернгроссом материалы легли в основу изданного в 1908 г. 5-м округом ОКПС «Описания 50-верстной приграничной полосы Румынии».

Руководство Одесского округа оценило смелость и инициативность офицеров-пограничников в деле разведки. В письме на имя министра финансов и шефа пограничной стражи В.Н. Коковцова Каульбарс писал 30 января 1909 г.: «Скулянской бригады 5-го округа пограничной стражи подполковник Гернгросс за время службы своей на румынской границе оказал весьма ценные услуги делу разведки. Будучи неоднократно командирован в Румынию для выполнения раз-

³⁶¹ Там же. Л. 202–203. Инструкция чинам Отдельного корпуса пограничной стражи для работ их по тайной разведке в пограничных иностранных государствах. Утверждена 23 октября 1908 г.

³⁶² Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 76.

³⁶³ Имеется в виду знаменитое Крестьянское восстание в Румынии 1907 г. — один из крупнейших мятежей крестьянства в Европе в Новое время, происходивший в течение февраля и марта. В ходе его подавления силами румынской армии погибло, по наиболее распространенным оценкам, около 11 тыс. человек.

³⁶⁴ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 658. Л. 109–110. Гернгросс В.А., фон. Краткая записка о разведках в Румынии и Австрии в 1907 и 1909 гг.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Там же. Л. 114–114 об.

личных рекогносцировок о страже и румынской армии, он всегда выполнял поручения отлично, обнаруживая выдающиеся способности к делу, а также энергию и смелость при работе, сопряженной нередко со значительным риском.

Особенно заслуживает быть отмеченным интерес, с которым подполковник Гернгросс неизменно относился к разведке, что побуждало его проявлять и личную инициативу, предпринимая поездки в Румынию с разведывательной целью на свой страх и риск и на свои средства, причем продуктивности работы ему много способствовало знакомство с языком и связи в среде румынского населения, приобретенные им за время продолжительной службы на Бессарабской линии»³⁶⁷. За успешную разведку в Румынии Гернгросс был представлен к ордену Св. Анны 2-й степени, а Байков — к ордену Св. Владимира 4-й степени³⁶⁸.

В другой раз Гернгросс самостоятельно, без расходов для казны, провел разведку маршрутов и съемку некоторых важных пунктов, прилегавших к району его пограничного отряда. Во время этой поездки Гернгросс, которого сопровождал нанятый им агент, хорошо владевший румынским языком, был вновь дважды задержан румынскими жандармами по дороге из города Ботошаны в город Стефанешты и на железнодорожной станции Шолданы. Но присутствие духа и везение помогли ему избежать опасности и исполнить задуманное. В первый раз он показал карточку ботошанского губернатора г-на Васеско, который был родственником его жены. Во второй раз Гернгросс на все вопросы отвечал по-французски, что он едет на Репиченский завод французского Репиченского акционерного общества. Жандармы оставили его в покое³⁶⁹.

Со времен еще до Русско-японской войны штабу Одесского военного округа по смете Главного штаба (позднее ГУГШ) выделялось на разведывательную работу 4 тыс. руб. в год³⁷⁰. Затем, по мере увеличения общего финансирования военной разведки империи, эта сумма возрастала. По смете Генерального штаба на 1913 г., штабу Одесского военного округа на разведку выделялось 15 тыс. руб. в год и старшему адъютанту разведывательного отделения штаба Одесского военного

округа — еще 2520 руб. в качестве добавочного пособия³⁷¹. Это пособие специально выплачивалось руководителям окружных разведывательных отделений из сумм, отпущенных ГУГШ на разведку, чтобы сравнить их содержание с содержанием их сверстников-генштабистов на должностях начальников штабов дивизий. Тем самым начальство стремилось способствовать удержанию ценных кадров на службе разведки³⁷².

Все эти деньги тратились одесской окружной разведкой не впустую, судя по достигнутым ею весомым успехам в изучении Румынии. Накануне мировой войны разведывательное отделение штаба Одесского военного округа имело агентов-резидентов в Яссах, Бырладе и Галаце, а также несколько важных «агентов внутренней документальной разведки». Самым ценным из них был офицер румынского Генерального штаба, служивший в штабе IV армейского корпуса (Яссы). Личность этого офицера и подробности его вербовки выяснить пока не удалось. Изучение сводок агентурных сведений о Румынии штаба Одесского военного округа (по меньшей мере, за 1913–1914 гг.) показывает, что в Одессе были хорошо осведомлены обо всем происходящем в штабе и в войсках IV корпуса, от секретных штабных игр старших начальников по возможным операциям против России до подробностей повседневной жизни частей корпуса. Информация из корпусного штаба в Яссах поступала регулярно, несколько раз в месяц, что говорит о существовании отлаженного канала ее доставки, хотя столь частая передача сведений явно могла быть небезопасной для агента.

Впрочем, в сотрудничестве одесской разведки с агентом в штабе румынского IV корпуса не все было гладко. Коллеги из разведывательного отделения штаба Киевского военного округа выяснили из своих источников, что полковник Ростовский платил этому агенту по 500 франков в месяц, причем тот лишь давал ответы на интересовавшие Одессу вопросы, не предоставляя документов. После румынской мобилизации в начале 2-й Балканской войны, летом 1913 г., агент Ростовского был напуган и не хотел продолжать давать сведения. После мобилизации IV корпуса, по словам русского консула в Яссах К.П. Пустошкина, «франт этот отправился в поход» и отсутствовал с июля по сентябрь 1913 г.³⁷³ Штаб Одесского округа решил сэкономить и отказался по возвращении выплачивать ему жалование за эти три месяца. Офицер обиделся и прекратил сотрудничать. Ростовский начал торговаться и предложил 500 франков; румын и слышать про это не за-

³⁶⁷ Там же. Л. 1–1 об. А.В. Каульбарс — В.Н. Коковцову. 30 января 1909 г. № 32.

³⁶⁸ Там же. Л. 114–114 об.

³⁶⁹ Там же. Л. 109–110. *Гернгросс В.А., фон.* Краткая записка о разведках в Румынии и Австрии в 1907 и 1909 гг.

³⁷⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 107–111 об. *Никольский Е.А.* Краткий очерк положения нашей негласной военной агентуры в настоящее время и желательные общие условия ее правильной организации. Памятная записка. Б.д.

³⁷¹ Там же. Ед. хр. 59. Л. 35–36 об. Проект расходов в 1913 г. по § 5 ст. 1 сметы Главного управления Генерального штаба.

³⁷² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 2758. Л. 13–14 об.

³⁷³ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Ед. хр. 1393. Л. 362–363 об.

хотел. В итоге штабу Одесского округа пришлось не только выдать ему 1500 франков, но и поднять жалованье на 200 франков в месяц. По данным Пустошкина, даже это не помогло, и одесская разведка оказалась в огромном затруднении, лишившись своего ценнейшего источника информации³⁷⁴. Однако, по другим данным, в конце концов офицер возобновил сотрудничество, и сведения о IV корпусе продолжали поступать до лета 1914 г. и даже позднее.

Также у разведки штаба Одесского военного округа перед началом мировой войны имелись агенты в Фокшанах (в управлении коменданта Серетской укрепленной линии), в Галаце (в инспекции железных дорог и в управлении Дунайской флотилии) и в Бухаресте (в управлении коменданта крепости)³⁷⁵. Существовали, очевидно, и другие источники. Так, в мае 1913 г. в штаб Одесского военного округа агентурным путем поступила фотокопия проекта укреплений Черноводского тетдепона (предмостного укрепления), на плане которого были обозначены точное местоположение всех фортификационных сооружений и калибр орудий, расположение станций и линий телефона и беспроволочного телеграфа, а также прожекторов на берегах Дуная. «В отношении подлинности документ этот не представляет сомнений», — сообщил штаб округа в Петербург³⁷⁶.

У русской разведки в Румынии случались и провалы — летом 1913 г. военным судом румынского II армейского корпуса за шпионаж в пользу России к 20 годам каторги был приговорен капитан румынской службы Голиеску, арестованный в Бухаресте 1 февраля 1913 г.³⁷⁷ Предыстория этого события была такова. В мае 1912 г. авиатор капитан Голиеску пришел к своему знакомому нештатному чиновнику русской миссии в Румынии П.И. Алтыновичу и попросил его помочь продать в Россию патент на аэроплан его конструкции. Также румынский офицер выразил желание перейти на военную службу в Россию и просил чиновника навести справки. Алтынович, в прошлом представитель фирмы «Зингер», два десятка лет служил при канцелярии русской миссии в Бухаресте. Он передал просьбу Голиеску русскому военному агенту полковнику Е.А. Искрицкому, который проявил интерес к этому делу. По его предложению Голиеску написал прошение о поступлении на русскую службу; ему было обещано, что в России он сразу получит чин подполковника³⁷⁸. Вслед за этим Искрицкий

через Алтыновича предложил Голиеску за вознаграждение предоставить некоторые сведения о румынских вооруженных силах. Впрочем, предлагая Голиеску сотрудничество, Алтынович не упоминал имя Искрицкого, а говорил, что заказчики информации — некие военные из России³⁷⁹. Вербовка удалась. В начале своей работы на русскую разведку Голиеску занимал начальствующие должности в укреплениях Фокшаны и Братеш (от названия озера под Галацем)³⁸⁰; очевидно, он и стал одним из ценных источников информации русской разведки о Серетской укрепленной линии.

Однако уже довольно скоро этот источник был утерян. Позднее Бессарабским ГЖУ были получены достоверные сведения, что о сотрудничестве Голиеску со штабом Одесского военного округа румынскими властям сообщили из среды социалистов-революционеров Одессы. Для проверки Голиеску перевели в штаб корпуса в Бухарест, где он вскоре был разоблачен³⁸¹. По данным германских газет, Голиеску попытался через чиновника бухарестского Генштаба добыть сведения об австро-румынском военном соглашении, однако его контрагент по поручению начальства передал ему дезинформацию³⁸². После своего ареста Голиеску назвал на допросах имя Алтыновича; 5 февраля 1913 г. тот спешно выехал в Одессу. Румынские газеты устроили по поводу дела Голиеску шумиху, полную намеков на причастность русской миссии к шпионажу; однако на суде не прозвучало ни одного имени официальных представителей России, и скандал вскоре был предан забвению³⁸³.

По совокупности результатов руководство ГУГШ в 1912 г. признало разведывательную деятельность штаба Одесского военного округа «целесообразной и значительной»³⁸⁴.

Весьма плодотворным было сотрудничество разведки штаба Одесского военного округа с Русским Дунайским пароходством (РДП), учрежденным в 1903 г. При помощи служащих пароходства в течение навигации по Дунаю доставлялись сведения от агентов штаба на Балканах. В зимнее время, по данным К.К. Звонарёва, эта связь с агентами прерывалась³⁸⁵. Добровольно сотрудничал со штабом округа агент РДП в Галаце личный потомственный гражданин (с 1903 г.) Сергей Маркович Андрианов, родной брат Генштаба полковника П.М. Андрианова. В 1909 г. он получил благодарность от штаба за переданные

³⁷⁴ Там же. Л. 106–106 об., 362–363 об.

³⁷⁵ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 198.

³⁷⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3121. Л. 1–2 об. Ф.Н. Васильев — в ГУГШ. 6 мая 1913 г. № 356.

³⁷⁷ Там же. Ед. хр. 3118. Л. 23–26, 62–65 об. Сводки агентурных сведений штаба Одесского военного округа о Румынии к 10 марта и с 28 июня по 3 июля 1913 г.

³⁷⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1913 г. Ед. хр. 39. Л. 51–51 об.

³⁷⁹ Там же. Л. 16–49 об.

³⁸⁰ Там же. Л. 50–50 об.

³⁸¹ Там же. Л. 4–4 об.

³⁸² Там же. Л. 2.

³⁸³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 59. Л. 84–85.

³⁸⁴ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 199.

³⁸⁵ Звонарёв К.К. Агентурная разведка. Кн. 1. С. 158.

материалы по описанию Дуная³⁸⁶. Позднее в годы войны С.М. Андрианов, исполняя должность заведующего главной конторой РДП в Одессе, продолжал оказывать русской военной разведке ценные услуги.

Звонарёв отмечает также, что разведка штаба Одесского округа в работе со своей тайной агентурой имела склонность регулярно прибегать к содействию официальных военных агентов в Болгарии и Румынии, пока Генштабу не пришлось отказать одесским коллегам в этом праве³⁸⁷. Командование Одесского округа особенно ценило знания и энергию военного агента в Бухаресте М.И. Занкевича. Представляя его к внеочередной награде, генерал Каульбарс отмечал «отличную и всестороннюю осведомленность полковника Занкевича по всем вопросам, касающимся Румынии и ее вооруженных сил»³⁸⁸. Занкевич широко сотрудничал с Одесским штабом. Однажды он специально приехал в Одессу, чтобы принять участие в штабной игре офицеров Генштаба округа. В другой раз военный агент по просьбе Ростковского выступил рецензентом составленного окружным штабом труда по вероятному сосредоточению румынской армии³⁸⁹. Отметим кстати, что Занкевич вообще был замечательным разведчиком и находился на очень хорошем счету у начальства. К примеру, в ноябре 1912 г., когда полковник Занкевич уже служил военным агентом в Австро-Венгрии, глава Особого делопроизводства О.К. Энкель писал ему в частном письме: «Мы все здесь восхищаемся Вашей деятельностью, объемом, содержательностью и объективным тоном Ваших донесений, благодаря которым картина австрийской подготовки нам совершенно ясна»³⁹⁰.

Как и раньше, значительное содействие штабу Одесского военного округа в разведке Румынии оказывал русский генеральный консул в Галаце. В марте 1909 г. по особому настойчивому ходатайству командующего войсками округа генерала А.В. Каульбарса орденом Св. Владимира 4-й степени был награжден занимавший эту должность статский советник Петр Алексеевич Картамышев, а вольнонаемный письмоводитель и курьер русского консульства в том же городе Михайлов получил золотую нагрудную медаль на Анненской ленте. Их заслуги заключались в «указании вышеупомянутыми лицами штабу округа подходящих людей для тайной агентуры, в поддержке с агентами обеспеченных от огласки секретных письменных сношений,

в широком содействии лицам, командируемым в Румынию в целях тайной разведки»³⁹¹.

Кроме того, сотрудники разведывательного отделения штаба Одесского военного округа регулярно составляли сводки сведений по вооруженным силам Румынии и Турции, почерпнутых из иностранной периодической печати. Благодаря всем перечисленным источникам информации штаб Одесского военного округа был очень хорошо осведомлен о состоянии румынской армии и военных мероприятиях руководства страны. Впрочем, существовали разные оценки достижений разведки Одесского окружного штаба. Изучение сводок его сведений, поступавших как в Огеньквар, так и к русскому военному агенту в Бухаресте, заставило этого последнего, Генштаба полковника Б.А. Семёнова, в январе 1914 г. оценить разведывательную работу Одессы лишь как вспомогательную. Он докладывал: «Я полагал бы признать эту деятельность немаловажным подспорьем для работы военного агента в Румынии, как по обилию и многосторонности помещаемых в них сведений, так и по сравнительной их достоверности. Однако если выключить из этих “Сводок” сведения, добытые из “Приказов по военному ведомству” и взятые из местных румынских газет, то чисто “агентурных” данных, следует признать, имеется весьма мало, причем как те, так и другие зачастую смешиваются вместе и упоминаются без указания источника»³⁹².

Помимо прочего, разведывательное отделение окружного штаба со времени своего создания издавало «Сборник новейших имеющих военное значение сведений о смежных с Одесским военным округом государствах, извлеченных из периодических органов печати». Это не подлежавшее оглашению издание выходило ежемесячно, в объеме 20 машинописных страниц, размноженных литографическим способом. В каждом номере «Сборника» публиковались сведения о Румынии, Турции, Болгарии и Сербии³⁹³.

Штаб Одесского военного округа проявлял широкую инициативу в отношении своей деятельности в Румынии. Так, в январе 1909 г. начальник окружного штаба Ф.Н. Васильев обратился к начальнику Генштаба В.А. Сухомлинову с предложением начать вверенным ему штабом издание специальной газеты в Румынии, с целью «вызвать в румынах сочувствие к нам и направить национальные их стремления в сторону Трансильвании»³⁹⁴. Ответ Сухомлинова был отрицательным,

³⁸⁶ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 658. Л. 108.

³⁸⁷ Звонарёв К.К. Агентурная разведка. Кн. 1. С. 158.

³⁸⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 658. Л. 126–127.

³⁸⁹ Там же. Л. 126–127, 141.

³⁹⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 25. О.К. Энкель — М.И. Занкевичу. 29 ноября 1912 г. № 1208.

³⁹¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 658. Л. 24, 26, 47, 71, 83–83 об.

³⁹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3126. Л. 18–26. Б.А. Семёнов — в Огеньквар. 29 января 1914 г. № 10.

³⁹³ См.: РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 637.

³⁹⁴ Там же. Ед. хр. 658. Л. 4. В.А. Сухомлинов — Ф.Н. Васильеву. 31 января 1909 г. № 97.

поскольку подобной деятельностью, по его небезосновательному заключению, следовало заниматься Министерству иностранных дел³⁹⁵.

Как уже было сказано, незадолго до начала мировой войны на район IV корпуса румынской армии, со штабом в Яссах, была распространена также разведывательная деятельность штаба Киевского военного округа. Именно в Северной Молдавии ожидалось вероятное развертывание румынских войск, предназначенных для совместных с австро-венгерской армией операций против русского Юго-Западного фронта. У киевских разведчиков было крайне мало времени для насаждения в Молдавии серьезной агентуры, однако им сопутствовала удача. В январе 1913 г. начальнику разведывательного отделения штаба округа Генштаба полковнику Н.Н. Духонину предложил свои услуги некий румын Думитреску (кажется, его звали Константин Афанасьевич, насколько это можно понять по косвенной переписке в том же деле). Мать его проживала в русском Измаиле. Думитреску выдвинул следующие условия: он намеревался жить в Яссах в семье знакомого офицера и обязался еженедельно предоставлять сведения о румынской армии и вдобавок, каждые два месяца, не менее одного секретного документа³⁹⁶. Связь с Киевом должна была осуществляться через недавно назначенного русского генерального консула в Яссах Константина Павловича Пустошкина. Этот последний, кадровый дипломат, не был новичком в деле военной разведки. 19 лет он прослужил консулом в австрийском Лемберге (русском Львове); по некоторым данным, именно он впервые привлек к сотрудничеству с русской стороной знаменитого впоследствии полковника Альфреда Редля, самого прославленного шпиона дореволюционной России³⁹⁷. По признанию главы австрийского Эвиденцбюро генерал-майора Макса Ронге, во Львове Пустошкиным был создан настоящий «центр шпионажа»; именно разведывательная работа стала, в конце концов, причиной отозвания этого дипломата из Галиции³⁹⁸.

За свои услуги Думитреску просил у киевской разведки 500 франков (192 руб. 50 коп.) в месяц, из которых 100 франков он намеревался платить офицеру-информатору. Плата за секретные документы уста-

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 1. Ед. хр. 1393. Л. 200, 275–275 об.

³⁹⁷ Бывший русский военный агент в Швейцарии Д.И. Ромейко-Гурко, сын генерал-фельдмаршала И.В. Ромейко-Гурко, в своих воспоминаниях сообщает, что Редль, находившийся у него на связи, впервые был завербован для русской разведки консулом во Львове Матушкиным. Однако чиновника с такой фамилией на службе во Львове у русского МИД в тот период не было. Это позволяет предположить, что Гурко, писавший свои мемуары в преклонном возрасте, по ошибке изменил фамилию Пустошкина на другую похожую (см.: Гурко Д.И. Воспоминания генерала // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. М., 2002. С. 357).

³⁹⁸ Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 24.

навливалась отдельно и целиком поступала в карман этого офицера. Думитреску мог жить и действовать в Яссах и его окрестностях, не вызывая никаких подозрений, поскольку в нескольких верстах от города находилось имение его замужней сестры. Полковнику Духонину стало известно и имя внутреннего агента — им оказался офицер для поручений при штабе IV (ясского) корпуса поручик Эмиль Скарлет. Он обещал доставлять в штаб Киевского военного округа все сведения о подготовке Румынии к войне с Россией, а также любые документы по указанию штаба Киевского военного округа, либо в копиях, либо в сфотографированном виде³⁹⁹.

В высшей степени заманчивое предложение Думитреску было незамедлительно принято, и уже 3 марта 1913 г. от него поступило первое донесение из Ясс. Так без особых усилий разведка штаба Киевского военного округа приобрела ценнейший источник информации, работавший исправно и стабильно. Подробные и точные данные о жизни штаба IV корпуса и частей ясского гарнизона, включая множество приказов и распоряжений высшего командования, ложились на стол к Духонину. Информатор Думитреску имел доступ буквально ко всем входящим секретным документам штаба корпуса. Таким образом, успех полковника Ростковского, из Одессы, был повторен Духониным; более того, по сути, у русских разведчиков сразу из двух окружных штабов, Одесского и Киевского, оказались равноценные и взаимно проверяемые источники сведений о ясском корпусе румынской армии. Впрочем, нельзя исключать и вероятность того, что поручик Скарлет работал на разведку сразу двух окружных штабов русской армии, получая вдвойне. Из-за отсутствия надлежащей связи и координации подобные вещи не были в то время явлением исключительным.

Сам Думитреску, судя по тексту его донесений, был достаточно квалифицированным и сведущим в военных вопросах агентом. Кроме того, он проявлял кипучую энергию и совершал из Ясс поездки в Бухарест и другие города Румынии. Во время мобилизации румынской армии летом 1913 г. Думитреску давал ценные сведения о ее ходе. Однако во время самого похода за Дунай, в который ушли все его знакомые военные, он вынужденно сидел без дела. По оценке опытного Пустошкина, Думитреску был «хвастлив и самодоволен»⁴⁰⁰; сам этот агент писал о себе, что был напуган делом капитана Голиеску и введенными после него суровыми мерами по борьбе с иностранным шпионажем. Думитреску неоднократно жаловался на острую нехватку денег: 120 франков он платил офицеру-информатору, 80 франков отсылал матери,

³⁹⁹ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 1. Ед. хр. 1393. Л. 268–268 об.

⁴⁰⁰ Там же. Л. 376.

250 франков отдавал за квартиру и стол⁴⁰¹. Это вынуждало Думитреску занимать деньги у Пустошкина и постоянно просить прибавки жалования. Тем не менее он продолжал активно работать, причем некоторые из его инициатив вызывали растерянность у начальства. К примеру, 25 октября 1913 г. Думитреску написал Духонину, что ездил в Бухарест на встречу с офицером Генерального штаба Отратилеску⁴⁰², по вызову последнего. Этот человек служил прежде в штабе IV корпуса, затем был переведен в Главный Генеральный штаб в Бухарест. Теперь он предлагал продать русской разведке мобилизационные планы Румынии 1914 г. за 100 тыс. франков. Отратилеску настаивал, чтобы его встреча с покупателем состоялась в Бухаресте, поскольку выехать из столицы у него не было возможности. Деньги он хотел получить сразу, без всяких экспертиз подлинности документов. Думитреску писал, что Отратилеску запутался в денежных делах и был обречен, в конце концов, согласиться на условия русской разведки⁴⁰³. Однако Пустошкин был настороже и писал Духонину, с которым он был в доверительных и дружеских отношениях: «Последнее “дело”, затеянное Д-шко (Думитреску. — В.К.), меня сильно беспокоит. Как бы с этой историей не влететь»⁴⁰⁴. Русский консул опасался получить сфабрикованные документы, производство которых в то время поставили на поток штабы всех великих держав. «Мне кажется, было бы полезнее, уж если отыскался такой румынский Редель (т.е. Редль. — В.К.), чтобы он понемногу доставлял самые последние выходящие распоряжения. Тогда было бы легко и проверять, и вся история могла бы длиться, никого не компрометируя. Ведь сумма запрошенная уж очень велика; осторожно ли доверять ее нашему хлыщеватому Д-шко? Его окрутить, кажется, не особенно трудно, притом румыны отличаются хитростью», — делился дипломат-разведчик своими сомнениями с Духониным⁴⁰⁵. В итоге масштабная и подозрительная сделка с Отратилеску так и не состоялась. Однако сведения о румынском IV корпусе от Думитреску продолжали исправно поступать, по меньшей мере, до весны 1914 г. Дальнейшую судьбу его и поручика Скарлета выяснить не удалось; судя по всему, через некоторое время после начала войны связь с ними была утрачена.

За исключением Румынии, все остальные балканские государства, даже Болгария, не входили в сферу ответственности разведки Одесского окружного штаба, который лишь в качестве разовых поручений

направлял своих офицеров в разведывательные поездки в эти страны. Так, осенью 1912 г., за считанные дни до начала 1-й Балканской войны, помощник старшего адъютанта штаба Одесского военного округа Генштаба капитан И.И. Жолынский был командирован в Болгарию с целью изучения ее черноморских портов. Он посетил Варну, не смог попасть в Бургас из-за закрытия железной дороги, однако в итоге представил начальству ценные описания и планы обоих портов⁴⁰⁶. Пагубные последствия отсутствия ведомой из Одессы систематической разведывательной работы по Болгарии в полной мере проявились позже, в годы Первой мировой войны.

Главный недостаток существовавшей организации русской военной разведки на Балканах заключался в том, что официальные военные и военно-морские агенты были практически единственным постоянным источником информации своих ведомств по странам полуострова, за исключением Румынии. Вплоть до мировой войны разведывательные органы русского Генштаба не имели на Балканах законспирированных нелегальных резидентур. Необходимость их создания осознавалась в Генштабе, и в этом направлении принимались некоторые усилия, но ничего серьезного так и не было сделано. Показательной в этом отношении является история несостоявшегося резидента в Болгарии И.С. Гороновича.

В марте 1907 г. пятидесятилетний отставной войсковой старшина Кубанского казачьего войска Илиодор Софрониевич Горонович вступил в переписку с Генштабом по вопросу о назначении его для тайной разведки на Балканский полуостров. В 1878–1885 гг. Горонович служил в Болгарии, где занимал должности начальника охраны македонской пограничной линии и окружного управляющего Кюстендильского округа. Он был женат на болгарке и постоянно проживал с семьей в городе Кюстендилье, был его почетным гражданином. Горонович получил очень хорошие рекомендации от военного министра А.Ф. Редигера, очевидно, помнившего его по своей службе в Болгарии. Сам себя Горонович называл знатоком македонского, албанского и армянского вопросов, детально знакомым с устройством всех балканских армий⁴⁰⁷.

Первоначально Генштаб предполагал прикомандировать Гороновича к посольству в Константинополе, чтобы он, проживая постоянно в Кюстендилье, оттуда вел разведку. Затем решено было с той же целью назначить его в распоряжение командующего Одесским военным округом А.В. Каульбарса. 8 апреля 1907 г. Горонович был зачислен в чине есаула в 1-й Кубанский пластунский батальон и получил

⁴⁰¹ Там же. Л. 134–136 об.

⁴⁰² Фамилия прочитана нами по неразборчивой рукописи; возможна погрешность.

⁴⁰³ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 1. Ед. хр. 1393. Л. 107–115 об.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 360–361.

⁴⁰⁵ Там же.

⁴⁰⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3080. Л. 2, 9, 13, 19–20.

⁴⁰⁷ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 658. Л. 60–61 об.

в Одесском окружном штабе аванс в 300 руб., однако затем возникли трудности. Из-за неясности порядка выдачи ему денежного довольствия он не получал жалованья в течение 22 месяцев; Министерство финансов возражало против создания новой сверхштатной должности⁴⁰⁸. В итоге Гороновича было решено вновь отправить в отставку с пенсией⁴⁰⁹. В дальнейшем он продолжал буквально засыпать военных и дипломатических представителей России на Балканах письмами с предложением своих услуг. У военного агента в Софии М.Н. Леонтьева Горонович просил назначения состоять в его распоряжении, у посланника Д.К. Сементовского-Курило также выпрашивал, в случае предполагавшегося назначения последнего в Константинополь, дать ему должность при военном агенте в Турции⁴¹⁰. На худой конец, он рассчитывал стать смотрителем казенных посольских зданий в Константинополе и Буюк-Дере⁴¹¹. Очевидно, стремление получить хоть какое-то место службы и оклад жалованья было для него важнее всего остального. Судя по документам, однако, навязчивая настойчивость Гороновича не увенчалась успехом; он везде получал отказы, и тайная резидентура русской военной разведки на македонской границе так и не была создана. Точно так же остались на бумаге выдвинутые еще в 1906 г. проекты насаждения агентов-резидентов в Константинополе, Бухаресте, Браилове, Адрианополе, Яссах, Галлиполи, Галаце и Монастыре⁴¹².

Опыт успешной работы разведывательных отделений штабов Одесского и Киевского военных округов по Румынии накануне Первой мировой войны показывает, что периферийные органы военной разведки могли вносить ценный вклад в дело изучения интересующих русский Генштаб сопредельных стран, в том числе и агентурным путем. Однако то, что на Балканах разведка окружных штабов была ограничена одной лишь Румынией, служит еще одним доказательством недооценки русским военным ведомством балканского стратегического направления и, как следствие, нежелания привлекать дополнительные силы и средства для наблюдения за этим регионом.

Глава 5

ОХРАНКА НА БАЛКАНАХ И БЕРЕГАХ БОСФОРА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В БАЛКАНСКОМ РЕГИОНЕ

Значительная часть Балканского полуострова была охвачена тайной разведывательной деятельностью политической полиции Российской империи. В последней трети XIX в. балканские страны, с их богатыми традициями революционной борьбы и политического насилия, стали чрезвычайно благоприятной средой для русских эмигрантов, среди которых было немало государственных преступников и террористов. Недружественные России правительства Румынии и Болгарии расчетливо попустительствовали деятельности русских революционеров на своей территории, даже когда последним удавалось завязывать контакты с местными радикальными партиями и группами. Образование центров революционной эмиграции у южных границ империи закономерно привлекло внимание органов русского политического сыска, и в 1886 г. было учреждено его новое самостоятельное заграничное подразделение — Балканская агентура, со штаб-квартирой в Бухаресте. Действовала она преимущественно в Румынии и Болгарии и в меньшей степени в Сербии.

Образование заграничных агентур политической полиции России в конце XIX в. было свидетельством роста институционального влияния ее органов, пытавшихся выйти на международный оперативный простор, расширить и закрепить свои прерогативы в сфере обеспечения государственной безопасности, в том числе и в области негласной заграничной разведки. Сотрудники отечественного политического сыска традиционно кичились перед военной разведкой своим профессионализмом в области агентурной работы и конспирации. Однако многовековой опыт борьбы с государственной крамолой внутри России, как показали события конца XIX — начала XX столетий, имел весьма ограниченные возможности применения в зарубежных странах, при работе с иноплеменными народами. Пытаясь наладить деятельность своих заграничных органов, руководство Департамента полиции, с присущим ему недожиданным самомнением и косностью мышления, проявляло вопиющее несовершенство методов работы, особенно при подборе сотрудников, обеспечении конспиративности их трудов и

⁴⁰⁸ Там же. Л. 29, 35, 68–69.

⁴⁰⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 1523. Л. 45–47 об.

⁴¹⁰ АВПРИ. Ф. 192. Оп. 527. 1908 г. Ед. хр. 280. Л. 1–10 об.

⁴¹¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 658. Л. 60–61 об.

⁴¹² Звонарёв К.К. Агентурная разведка. Кн. 1. С. 94.

при контроле над ними. Наиболее ярко это отразилось именно в деятельности агентуры Департамента полиции на Балканах — весьма немногочисленного, но важного подразделения политического сыска, до сих пор не ставшего предметом специального исследования ни у историков-балканистов, ни у специалистов по русской полиции и разведке⁴¹³. Исключение составляют труды известного современного историка-сербиста Я.В. Вишнякова, плодотворно использовавшего материалы Балканской агентуры Департамента полиции для освещения политических процессов в Сербии и Македонии в начале XX в.⁴¹⁴ Однако внутренняя структурная и кадровая история Балканской агентуры лишь отчасти затрагиваются в работах этого исследователя.

Департамент полиции МВД, учрежденный 6 августа 1880 г., пришел на смену упраздненному III отделению Собственной его императорского величества канцелярии и стал центральным органом политического сыска Российской империи. С первых же лет существования департамента его агенты начали действовать в зарубежных странах. В 1881 г. директор департамента В.К. фон Плеве в своем докладе на имя главы МВД намечал заведение агентов в ряде европейских столиц, и в том числе — в Бухаресте⁴¹⁵. Агентура департамента на Балканах появилась уже в 1882 г.; ее негласным руководителем стал русский вице-консул в румынской Сулине Виктор Александрович Шафиров. На организацию наблюдения за русскими эмигрантами в Румынии ему выдавалось 3000 руб. в год⁴¹⁶. Официально Балканская агентура была учреждена в 1886 г.; возглавил ее статский советник Александр Евстафьевич Мищенко. Он занимался преимущественно Румынией, но отстаивал перед начальством идею необходимости заведения секретной агентуры и в Болгарии. Эта

⁴¹³ Некоторые отечественные балканисты достаточно широко использовали документы Балканской агентуры Департамента полиции (ГАРФ. Ф. 505), однако их интересовали, прежде всего, сведения о жизни стран полуострова в тот период, а не работа русского политического сыска как таковая. В целом же ряде работ, специально посвященных заграничной деятельности русской политической полиции, агентура на Балканах практически полностью игнорируется. См. работы: *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 140–168; *Сватиков С.Г.* Русский политический сыск за границей. М., 2002 (переизд.); *Агафонов В.К.* Парижские тайны царской охранки. М., 2004 (переизд.); *Брачев В.С.* Заграничная агентура Департамента Полиции (1883–1917). СПб., 2001. Последняя работа представляет любопытный образец написания исследования по истории Департамента полиции вообще без использования документов его делопроизводства из архивных фондов ГАРФ. Впрочем, в части биографического справочника она не лишена известной ценности.

⁴¹⁴ См.: *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012.

⁴¹⁵ *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 118–119.

⁴¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 156–156 об., 159–160; *Агафонов В.К.* Парижские тайны царской охранки. С. 30–31.

мысль была услышана и одобрена директором Департамента полиции, который писал Мищенко о целесообразности заведения агентуры в Болгарии, «делающейся за последнее время притоном лиц, принимающих участие в революционных происках»⁴¹⁷.

24 июня 1890 г. товарищем министра внутренних дел был утвержден доклад о новом устройстве и порядке деятельности агентуры в Румынии и Болгарии. Новым главой агентуры стал ротмистр ОКЖ А.И. Будзилович, который прикомандировывался к Одесскому жандармскому управлению, но был освобожден от всех обязанностей по нему и подчинен непосредственно Департаменту полиции⁴¹⁸. По смете 1901 г., на агентурные расходы Балканской агентуры департаментом отпускалось в общей сложности 76 800 франков; кроме того, из сыскного кредита бессарабского губернатора Будзилович получал 4800 руб. на агентурные надобности и 3600 руб. добавочного содержания⁴¹⁹.

Что же сообщают нам документы о служебном опыте и профессиональных качествах этого человека, которому было доверено руководить русским политическим сыском на Балканах? Александр Иосифович Будзилович, православный, «из духовного звания Гродненской губернии», родился 24 февраля 1847 г.⁴²⁰ Будучи выходцем из среды белорусского православного клира, он, однако, выбрал для себя военную карьеру: окончил Казанское пехотное юнкерское училище и 30 октября 1870 г. был произведен в первый офицерский чин прапорщика. После того Будзилович служил в 12-м Великолуцком пехотном полку (1870–1872), в 46-м пехотном резервном батальоне (1872–1874) и во Владимирской местной команде (1874–1877), был произведен за это время в подпоручики (1871) и поручики (1875). С марта 1877 г. он служил старшим адъютантом управления Владимирского губернского воинского начальника.

6 декабря 1879 г., после десяти лет военной службы, Будзилович был переведен в штат Московской полиции и назначен помощником квартального надзирателя, а затем перешел на службу в полицию политическую — 4 мая 1880 г. он получил перевод в Отдельный корпус жандармов. Не исключено, что это перемещение на другую службу было обусловлено всплеском революционного террора в России, потребовавшим усиления кадров общей и политической полиции.

В своем новом качестве А.И. Будзилович нес службу последовательно в Псковском, Пензенском и Херсонском губернских жандарм-

⁴¹⁷ ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 1а–1а об.

⁴¹⁸ Там же. Л. 17–20 об.

⁴¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 2. Л. 3–3 об.

⁴²⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Ед. хр. 219. Л. 459–466. Послужной список А.И. Будзиловича. 1 июля 1899 г.

ских управлениях (ГЖУ). 1 июля 1887 г. он был назначен помощником начальника Жандармского управления Одессы. Летом 1890 г. ему было доверено возглавить Балканскую агентуру. По всей видимости, руководство политического сыска, выбирая нового заведующего для Балканской агентуры, решило искать его среди жандармских офицеров, служивших на черноморском Юге России, и выбор в итоге пал на Будзиловича.

Приказом по ОКЖ от 4 июля 1890 г. Будзилович был отчислен от должности, с оставлением в корпусе и с прикомандированием по делам службы к Жандармскому управлению Одессы. С этого времени он под псевдонимом А.И. Грабо жил и работал при русской миссии в Бухаресте, где была расположена штаб-квартира Балканской агентуры Департамента полиции.

К моменту своего назначения заведующим агентурой ротмистр Будзилович имел за спиной обширный практический опыт строевой армейской службы и работы в органах общей и политической полиции. Однако ничто в его послужном списке и других документах не указывает на то, что до 1890 г. он хоть как-то соприкасался с делом заграничного розыска или был хорошо знаком со странами Балканского полуострова.

Агентуру Департамента полиции на Балканах Будзилович возглавлял с 1890 по 1901 г., при нем в целом сложился основной костяк личного состава этого органа, включая многих секретных сотрудников. Деятельность Будзиловича и его агентов заслуживает самостоятельного исследования. Здесь отметим лишь, что начальство достаточно высоко оценивало успехи руководителя Балканской агентуры. За десятилетие службы на Балканах Будзилович был дважды повышен в чине: 26 февраля 1893 г. его произвели на вакансию в подполковники, а 14 мая 1896 г. Будзилович был за отличие по службе произведен в полковники. Также он был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени (1894) и Св. Анны 2-й степени (1899). Имел он и награды балканских государств — сербский орден Таковского креста 4-й степени, черногорский орден Князя Даниила I 3-й степени, болгарский орден Св. Александра 3-й степени.

С внешней стороны работа полковника Будзиловича и возглавляемой им агентуры выглядела вполне успешной. Французский посланник в Бухаресте докладывал, что представитель русской охранки был даже более влиятельным человеком в Румынии, чем глава миссии и военный агент. Он писал: «Третья персона, более влиятельная, чем оба официальных представителя России, действовала в Бухаресте в тени на протяжении нескольких лет: это полковник Грабо, секретная миссия которого состоит в осведомлении петербургского правительства о всех фактах,

которые интересуют русскую политику, не только в отношении Румынии, но и по всему Балканскому полуострову»⁴²¹. Однако в условиях спада революционного движения в России и на Балканах в 1890-е гг. успех и влияние Будзиловича не могли не быть иллюзорными. И в тот самый период, под покровом мнимого благополучия, назревали серьезные проблемы, которые вскоре затем поразили и Балканскую агентуру, и всю политическую полицию Российской империи.

30 октября 1901 г. полковник Будзилович скоропостижно скончался в Петербурге, куда прибыл, очевидно, по делам службы. Причины и обстоятельства его смерти не вполне ясны. На его столе было найдено неоконченное письмо от 29 октября, которое начиналось словами: «Третьего дня я послал г. Мотылёву (сотруднику Балканской агентуры А.А. Мотылёву. — В.К.) письмо, в котором подробно описал постигшее меня несчастье»⁴²². Руководство Департамента полиции попыталось выяснить, о каком несчастье шла речь, но документы не дают понять, удалось ли установить что-либо конкретное. Представляется весьма вероятным, что упомянутое «несчастье» так или иначе ускорило безвременную кончину совсем еще не старого жандармского полковника.

Для личной характеристики А.И. Будзиловича можно привести и тот факт, что, будучи женат законным браком и имея двух взрослых детей, в Бухаресте он сожительствовал с некоей Верой Яковлевной Павловской, она же Варвара Яковлевна Грабская. Эта женщина исполняла при Будзиловиче обязанности помощницы. После его смерти она начала устраивать скандалы чинам русской миссии, требуя выдачи не принадлежавших ей денег и ценностей⁴²³. Эта неприглядная история даже стала темой переписки с Департаментом полиции. Впрочем, как мы увидим, данный случай был далеко не единичным примером того, как личные слабости, ошибки и прегрешения представителей русских секретных служб за границей, в том числе в их отношениях с женским полом, создавали немалые трудности для их сослуживцев и для общего дела.

Умершего А.И. Будзиловича в январе 1902 г. сменил на посту заведующего Балканской агентурой ротмистр ОКЖ В.В. Тржецяк⁴²⁴. Он прибыл в Бухарест и вступил в должность 2 февраля⁴²⁵.

История карьеры этого офицера также весьма любопытна, с точки зрения нашего интереса к механизмам кадрового отбора русского политического сыска для службы за границей, а именно на Балканах.

⁴²¹ Цит. по: *Vagts A. The Military Attaché. Princeton, NJ, 1967. P. 339.*

⁴²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 2. Т. 1. Л. 6–6 об.

⁴²³ Там же. Ч. 14. Т. 2. Л. 24–26.

⁴²⁴ Там же. Ч. 2. Т. 2. Л. 2; Там же. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 2. Л. 153–153 об.

⁴²⁵ ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 4–4 об.

Владимир Валерианович Тржецяк родился 18 декабря 1865 г., в семье потомственных дворян Гродненской губернии⁴²⁶. Т.е. он был земляком Будзиловича, хотя они вряд ли были знакомы друг с другом. Интересен вопрос о национальном происхождении В.В. Тржецяка. Историк-сербист Я.В. Вишняков полагает, что «его (Тржецяка. — В.К.) польские корни очевидны»⁴²⁷. Однако нам ответ представляется не столь однозначным. Фамилия Тржецяк и отчество Валерианович, действительно, звучат вполне по-польски, однако в послужном списке интересующий нас офицер был записан православным. Тржецяк — известная дворянская фамилия Северо-Западного края Российской империи; некоторые ее обладатели причисляли себя к полякам, некоторые — к белорусам (в этом случае одним из вариантов написания фамилии было «Третьяк»).

К какому народу относил себя сам Владимир Валерианович — нам неизвестно. Не исключено, что он был поляком, перешедшим в православие из карьерных или иных соображений. Ведь для поляков-католиков путь в Отдельный корпус жандармов был закрыт; да и карьера в русской армии была затруднена. Однако более вероятным кажется, что Владимир Тржецяк был представителем потомственной православной белорусской шляхты. В пользу этой версии говорит тот факт, что во время своей армейской службы он не только был ктитором (в ту эпоху — особая должность в церквях военного ведомства) полковой церкви, но и даже, с благословения архиепископа Холмского и Варшавского Флавиана, исправлял с апреля по июль 1893 г. должность старосты православного Варшавского кафедрального Свято-Троицкого собора. Думается, этот почетный пост был бы скорее доверен ревностному православному христианину, а не поляку-неофиту и бывшему католику. Затем, и дочь Владимира Валериановича, Екатерина Тржецяк, по анкетным данным советского периода значилась как «белоруска».

Владимир Тржецяк получил отличное военное образование: он окончил по 1-му разряду Владимирский Киевский кадетский корпус и — портупей-юнкером — элитное Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге. В чине корнета он был выпущен в 14-й драгунский Литовский его императорского высочества эрцгерцога Австрийского Альберта полк, расквартированный в городе Влоцлавск в Варшавском военном округе.

Судя по записям в послужном списке, Тржецяк был в высшей степени способным и энергичным офицером. Помимо основных слу-

жебных обязанностей, он одновременно был кассиром офицерского заемного капитала, заведующим офицерской библиотекой, полковым казначеем и квартирмейстером, ктитором полковой церкви. Вскоре служебное рвение дало ему возможность продвинуться по службе — Тржецяк был прикомандирован к штабу VI армейского корпуса «для письменных занятий». На новом месте он также выполнял различные ответственные поручения. К примеру, будучи всего лишь в чине поручика, в 1891 г. Тржецяк около 5 месяцев исполнял должность старшего адъютанта корпусного штаба (а занимал эту должность полковник Генерального штаба!).

В дальнейшем его карьера развивалась блестяще — он занимал должности адъютанта командира корпуса, старшего адъютанта корпусного штаба. Однако, надо полагать, армейская служба перестала привлекать Владимира Тржецяка, и он решил искать другое применение своим несомненным дарованиям. Высочайшим приказом 1 января 1896 г. Тржецяк был переведен в Отдельный корпус жандармов, где получил назначение в Управление Варшавского жандармского округа, вскоре затем упраздненного. В ноябре 1896 г. Тржецяк был назначен адъютантом Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог (ЖПУЖД). С этого момента его служба на протяжении нескольких лет была связана с железной дорогой. Офицеры ЖПУЖД Российской империи занимались обеспечением безопасности на железных дорогах, встречами и сопровождением высоких лиц и борьбой с контрабандой; они, как общее правило, практически не соприкасались с делом политического розыска, агентурной работой в революционной среде, непосредственной борьбой с экстремизмом и терроризмом. В среде жандармов и охранников служба в ЖПУЖД считалась чуть ли не синекурой. Видный представитель русского политического сыска А.П. Мартынов вспоминал, что подавляющее большинство офицеров — слушателей лекционного курса при штабе ОКЖ мечтали впоследствии служить в железнодорожной жандармской полиции, особенно на частных железных дорогах, поскольку это давало прибавку к денежному содержанию⁴²⁸.

С ноября 1896 по июль 1898 г. Тржецяк служил в Варшавском ЖПУЖД, затем он был переведен на русский Север и служил с июля 1898 по февраль 1900 г. начальником Архангельского отделения Московско-Архангельского ЖПУЖД и Вятского отделения Екатеринбургского ЖПУЖД. Затем Тржецяк был возвращен на службу в Польшу,

⁴²⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. 1904 г. Ед. хр. 261. Л. 456–465 об. Послужной список В.В. Тржецяка. 1 июля 1904 г.

⁴²⁷ Вишняков Я.В. «Уничтожить всю коварную Европу»: Авантюристы и террористы на Балканах в начале XX века // Родина. 2007. № 1. С. 39–43.

⁴²⁸ Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 1. С. 58.

все в то же Варшавское ЖПУЖД, и возглавлял там сначала Тереспольское, а затем Границкое отделения.

На этой последней должности он с сентября 1900 г. начал заведовать агентурой на сопредельной территории Австро-Венгрии. Служебная справка отмечала, что он «организовал с полным успехом агентуру в Австрийской Галиции»⁴²⁹. Очевидно, это обстоятельство — наличие успешного опыта работы с закордонной агентурой — и стало определяющим при выборе Тржецяка на должность заведующего Балканской агентурой Департамента полиции. Ведь на службе в ОКЖ он находился сравнительно совсем недавно, всего шесть лет, и по роду службы на железной дороге не мог быть хорошим знатоком революционного подполья и техники борьбы с ним. Возможно, повлиял и еще один фактор — Тржецяк был женат на болгарке Никулице Панайотовне Чокмаковой, уроженке города Ямболя в Болгарии (Восточной Румелии). Причем их знакомство и брак произошли задолго до перевода Тржецяка на Балканы — трое их детей родились в 1894, 1895 и 1897 гг. Жандармское начальство вполне могло рассудить, что жена-болгарка и ее родня помогут Тржецяку скорее освоиться с условиями и обычаями жизни на Балканах. С другой стороны, не было принято во внимание, что подобная матримониальная связь также могла привить определенные национальные предпочтения самому Тржецяку и вызывать предубеждение против него у представителей других балканских народов.

На Балканах Тржецяк провел всего около двух лет; штаб-квартира возглавляемой им агентуры, как и прежде, располагалась в Бухаресте. Здесь он действовал под служебным псевдонимом Александр Константинович Цитовский⁴³⁰. Впрочем, как и в случае с его предшественником Будзиловичем, речи о конспирации быть не могло. Представитель русской политической полиции на Балканах практически не скрывал своей должности и рода занятий, а возглавляемый им сыскной орган де-факто был гласной и публично известной резидентурой. Власти Румынии, Болгарии и Сербии нисколько не возражали против присутствия на их территории агентов русской охранки, которые находились там с их ведома и согласия, в целях дипломатически согласованной борьбы с международным анархизмом и терроризмом. Естественно, это могло иметь место только в том случае, если собственные интересы балканских правительств требовали улучшения политических отношений с Россией. Общие благоприятные перемены в данном направлении начались с середины 1890-х гг., и с этого времени агенты русского сыска чувствовали себя на Балканах достаточно комфортно. Но и

представители русской революционной эмиграции по-прежнему не испытывали особых проблем с местными властями.

Полное отсутствие конспирации не могло не вредить делу розыска. В июне 1905 г. русский дипломатический агент в Софии Ю.П. Бахметев писал об этом на имя министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа. Он сообщал, что в марте 1905 г. в Софию для расследования дела о взрыве мастерской бомб в Княжеве прибыли статский советник Л.А. Ратаев и подполковник Тржецяк (к тому времени уже отождествленный с Балкан). Ратаев, глава всего русского заграничного сыска, старался придать секретность и таинственность факту своего пребывания в Болгарии. Но его присутствие, писал Бахметев, было отлично известно всем местным революционерам, так как Ратаев открыто появлялся в городе «с известным всем и каждому в Софии жандармским подполковником Тржецяком»⁴³¹.

За время своей службы на Балканах Тржецяк удостоился ряда наград от своего руководства: 19 августа 1903 г. «за отличие по службе» он был произведен в подполковники; также он получил орден Св. Анны 3-й степени и всемиловитейше пожалованные золотые часы на цепочке с изображением государственного герба⁴³². Подобно Будзиловичу, имел Тржецяк и награды балканских государств. 4 июня 1903 г. ему было «высочайше разрешено принять и носить пожалованный сербский орден Такова (Таковского креста. — В.К.) 3 ст.». По злой иронии судьбы, этот орден был пожалован ему еще королем Александром Обреновичем, который вместе с королевой Драгой был зверски убит во время дворцового переворота 29 мая 1903 г. Т.е. награду от умерщвленного монарха Тржецяк получил уже тогда, когда на престол Сербии восходила другая династия — Карагеоргиевичей.

Особо двусмысленный характер придавало этому факту то обстоятельство, что руководство русской Балканской агентуры некоторое время имело прямое отношение к обеспечению безопасности короля Сербии. В конце 1900 г. Александр Обренович обратился к полковнику Будзиловичу с просьбой организовать на личные средства короля «его личную маленькую секретную полицию», главной задачей которой должны были стать наблюдение за жившим в Вене экс-королем Миланом Обреновичем, отцом Александра, и выявление приверженцев Милана в Белграде. Также предполагалась борьба с анархистами в Сербии. Русский поверенный в делах в Сербии П.Б. Мансуров полностью одобрил инициативу короля и поддержал ее перед своим начальством. В январе 1901 г. эта «маленькая секретная полиция» была

⁴²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 102–102 об.

⁴³⁰ Там же. Л. 27–27 об.

⁴³¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1905 г. Ед. хр. 2296. Л. 21–24 об. Ю.П. Бахметев — В.Н. Ламздорфу. 20 июня 1905 г. № 25.

⁴³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 105.

организована. Сербский министр внутренних дел получил инструкции оказывать ей полное содействие. На содержание агентуры Будзиловича в Сербии король предполагал отпускать 80 тыс. франков в год. Последовавшая 29 января 1901 г. в Вене смерть Милана Обреновича внесла изменения в эти планы. Будзилович предложил уменьшить денежный отпуск с 80 до 36 тыс. франков в год. Король Александр просил не прекращать работу агентуры, а перенацелить ее на происки Австрии в Сербии. Русский посланник в Белграде Н.В. Чарыков также советовал Будзиловичу продолжать работу, считая ее исключительной выгодной с точки зрения интересов России. После смерти полковника Будзиловича руководством личной тайной агентуры короля Сербии занимался А.М. Вейсман. С 1 января 1902 г. дело о содержании охранной агентуры при короле Александре было официально прекращено. У вступившего в должность главы Балканской агентуры В.В. Тржецяка сам король, во время представления первого, спросил о судьбе его личной охраны. Тржецяк отвечал уклончиво, а перед своим начальством проводил ту мысль, что брать деньги за охрану сербского монарха рискованно, ибо это угрожало похоронить авторитет России на Балканах. Наилучшим образом действий Тржецяк считал внушение королю Александру, что, борясь с революционерами и анархистами в странах региона, агентура Департамента полиции обеспечивает и личную безопасность монарха. В итоге агенты русского политического сыска прекратили обеспечивать охрану Александра Обреновича менее чем за полтора года до Майского переворота 1903 г.⁴³³

Несмотря на вышеперечисленные награды Тржецяка, результаты работы Балканской агентуры оставляли желать много лучшего. Ее неудачи, в том числе и связанные с личными промахами заведующего агентурой, привели к упразднению этого органа как самостоятельного подразделения политического сыска с 1 февраля 1904 г. Подполковник В.В. Тржецяк был прикомандирован к Варшавскому ГЖУ, причем без штатной должности. После начала Русско-японской войны он во главе агентурной группы с июня по декабрь 1904 г. выполнял особую миссию в Константинополе, связанную со сбором информации и обеспечением безопасности возможного прохода кораблей Черноморского флота через Проливы⁴³⁴.

Дальнейшая судьба В.В. Тржецяка известна лишь в общих чертах. 22 марта 1905 г. он был назначен в распоряжение московского градоначальника, прибыл в Москву 10 апреля и с 22 апреля по 22 августа 1905 г., в разгар революционных событий, исполнял должность началь-

ника Московского охранного отделения⁴³⁵. Затем он вернулся на уже хорошо знакомую ему жандармскую службу на железной дороге — начальником Александровского отделения Варшавского ЖПУЖД.

Имя Тржецяка встречается в одном из документов Государственного архива Саратовской области, посвященном амнистии заключенных от 1919 г. В этом документе значилось, что Тржецяк как жандармский полковник амнистии не подлежал⁴³⁶. Вряд ли В.В. Тржецяку удалось выйти живым из жерновов революционного террора. По всей видимости, плачевной была и судьба его близких⁴³⁷.

Ко времени своего назначения на пост заведующего Балканской агентурой ни Будзилович, ни Тржецяк не имели служебного опыта, достаточного для руководства заграничным сыскным органом. Не было у них и обширных страноведческих знаний о Балканах. Однако в то время политическая полиция Российской империи не располагала ни одним офицером, который был бы носителем перечисленных достоинств. Выбирать приходилось из наличного кадрового материала, и Будзилович с Тржецяком подходили для Балкан не меньше, чем прочие их сослуживцы по ОКЖ. Но гораздо более серьезным и совершенно неизвинительным служебным недостатком и Будзиловича, и Тржецяка было их неумение подбирать себе сотрудников, прежде всего тайных агентов-осведомителей. Как следствие, на протяжении почти всей истории Балканской агентуры ее работа сопровождалась чередой громких провалов, афер, скандалов и провокаций, а ключевыми ее сотрудниками с прискорбным постоянством оказывались редкостные авантюристы и проходимцы. Немалую долю ответственности за это несло и вышестоящее руководство, которое должно было более внимательно следить за агентурной работой подчиненных органов, особенно заграничных.

⁴³⁵ Шаханов А.Н. Москва и центральные губернии: органы политического сыска, дознания и суда (1826–1917) // Московский журнал. История государства Российского. 2006. № 1. С. 39–47.

⁴³⁶ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л. 8. Текст документа и архивная ссылка даны на веб-сайте Андрея Кумакова «Старый Саратов»: <http://old-saratov.ru/?id=521>.

⁴³⁷ Так, «Книга памяти Омской области» сообщает печальный факт: Тржецяк Екатерина Владимировна, 1895 г. рождения, уроженка Варшавы, белоруска, образование среднее, медсестра, проживала в г. Тары Тарского района Омской области и была арестована 15 сентября 1937 г. 29 сентября она была приговорена к высшей мере наказания «тройкой» при УНКВД по Омской области, по обвинению по статье 58, пункты 2, 10 и 11 Уголовного кодекса РСФСР (шпионаж и контрреволюционная деятельность). 5 октября 1937 г. Екатерина Тржецяк была расстреляна и похоронена в г. Тары, а 5 сентября 1959 г. президиум Омского областного суда реабилитировал ее за отсутствием состава преступления. Полное имя Е.В. Тржецяк, дата и место ее рождения (совпадающие с данными о семье из послужного списка В.В. Тржецяка) исключают любые сомнения в том, что она была дочерью бывшего заведующего Балканской агентурой русского политического сыска.

⁴³³ Там же. Ч. 2. Т. 1. Л. 29–30 об., 49–49 об.; Ч. 14. Т. 1. Л. 17, 25–26 об.

⁴³⁴ См. об этом: Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С. 137–149.

Штатный состав Балканской агентуры при Тржецяке оставался крайне невелик. Единственным офицером являлся сам руководитель подразделения, ближайшими помощниками которого были тричетыре командированных из России сотрудника. Роль правой руки Тржецяка играл бывший унтер-офицер Киевского ГЖУ Иван Осипов Осадчук⁴³⁸. Также по ходатайству Тржецяка в помощь ему, для выполнения канцелярской работы, в апреле 1903 г. в Бухарест прибыл лично преданный ему унтер-офицер Трифон Ивахнов, переведенный из Варшавского ЖПУЖД в Бессарабское ГЖУ⁴³⁹.

Согласно совершенно секретному «Списку лиц, служащих в агентуре Департамента полиции в Румынии, Болгарии, Сербии и в Вене к 1 января 1904 г.», подполковник Тржецяк имел 15 негласных агентов (филеров и осведомителей) в Румынии, пятерых в Болгарии, двух в Сербии и одного в Вене; кроме того, с ним сотрудничали два сортировщика писем в Бухаресте и два почтальона в Яссах⁴⁴⁰.

Помимо уже названных И. Осадчука и Т. Ивахнова, в Румынии агентами Тржецяка были следующие лица. Ясский еврей Самуил Табор, он же Самуилов, служил с 1900 г. и занимался наружным наблюдением в Яссах, однако не дал никакого результата и не обладал личной инициативой. Черногорец Иван Терзич состоял в качестве сторожа и прислуги при квартире Тржецяка, а до того занимался наружным наблюдением в болгарском Рущуке. Другой черногорец Михаил Кралевич поступил на службу агентуры в декабре 1902 г. в качестве филера в Бухаресте; характеризовался как весьма толковый и энергичный филер. В частности, Кралевич две недели «вел» Менделя Розенбаума, курьера заграничного Союза социалистов-революционеров, до самой Одессы, где его арестовали. Александр Гаспар, комиссар сыскной полиции Бухареста, служил в агентуре с 1 февраля 1903 г. и давал сведения о работе румынской полиции, характеризовался как весьма толковый и

⁴³⁸ Из справки о нем 1909 г.: Осадчук Иван Осипов. Из крестьян Подольской губернии, Гайсинского уезда, селения Жерденовки. Женат. Имеет сына Степана. На действительную военную службу поступил 14 ноября 1878 г. По выслуге установленного срока в 6-й батарее 32-й артиллерийской бригады, уволен в запас со званием фейерверкера 20 сентября 1883 г. 1 июля 1884 г. был зачислен на сверхсрочную службу унтер-офицером в Киевское ГЖУ и нес при управлении агентурные обязанности. 11 мая 1889 г. по собственному желанию вышел в запас и в июле месяце 1890 г. поступил в Заграничную агентуру Балканского полуострова. По отзыву полковника Тржецяка, Осадчук «отлично грамотен и, зная практически румынский, болгарский и отчасти французский языки, независимо [от] исполнения агентурных обязанностей, главным образом специализировался по организации агентуры и особо секретным поручениям в Бухаресте, Варне, Рущуке и в Яссах». «Он был беззаветно предан и отлично ознакомлен с техникою агентурного дела» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 301. Л. 8–8 об.).

⁴³⁹ Там же. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 89.

⁴⁴⁰ Агафонов В.К. Парижские тайны царской охранки. С. 72–75.

интеллигентный агент. Еще одним агентом Тржецяка в местной полиции был Зирра, комиссар на железнодорожной станции Плоешти, однако он особой пользы не приносил. Издатель Антон Лапинский занимался наружным наблюдением в Браилове. Генрих Федорович Яманди по кличке Рабур служил в бухарестской городской таможне и был секретным сотрудником Балканской агентуры с 1 ноября 1902 г., однако, хотя и имел связи с эмигрантами, существенной пользы сыску так и не принес. Иоаким Степанович Стоев, письмоводитель российской миссии в Бухаресте, оказывал мелкие агентурные услуги в качестве случайного сотрудника. Сюзанна Тридас, швейцарская подданная, служила агентом наружного наблюдения. Курьеры русской миссии в Бухаресте Харлампий Буянов и Иван Хорошев также оказывали незначительные услуги и занимались доставкой корреспонденции. Агентом числился и преподаватель Руэ, дававший Тржецяку уроки французского и румынского языка. В Румынии на Департамент полиции также работали А.А. Мотылёв, ветеран политического сыска на Балканах, и грек Георгий Мелас, о которых мы еще расскажем подробнее.

В Болгарии сотрудниками Тржецяка состояли бывший софийский почтальон и опытный филер Богданов и выполнявший вспомогательные функции болгарский подданный Емельян Заверуха. Фигуру крупного агента-provokatora представлял собой доктор Нахман Перлин (в крещении Наум Александров), 1859 г. рождения. Он учился в Одесском университете на юридическом факультете, был приговорен к 11 годам, бежал в Румынию. Затем он служил секретным сотрудником Будзиловича, помог раскрыть офицерский кружок и кружки М.А. Делетицкой, Я.-И.М. Гринцера, И.Ф. Рашевского, Кириллова, Г.М. Марморштейна и др. После перевода Будзиловича на Балканы Перлин бежал в Румынию, помогал налаживать агентуру на Балканах. В 1891 г. поступил в Бухарестский университет, на медицинский факультет, и окончил его в 1902 г. В годы учебы Перлин был осведомителем охраны в Бухарестском университете. В 1903 г. он получил докторскую степень по психическим болезням, затем переселился в Софию. Также в Болгарии работали агенты Петр Шварц и Антон Прудкин, о которых подробнее будет рассказано ниже.

В Сербии у Балканской агентуры было всего два секретных сотрудника. Сам Тржецяк докладывал, что средств на содержание агентуры в Сербии ему не выделялось и работа по этой стране велась преимущественно благодаря доверию короля Александра Обреновича к нему самому и к его агенту Вейсману. Помощник градоначальника Белграда Гнедич оказывал агентурные услуги с 1901 г., а с 1 января 1903 г. работал на постоянном жалованье 100 франков в месяц. Весьма ценным источником был бывший сербский дипломатический агент в Софии,

министр в запасе Йован Джайя, проживавший в Белграде⁴⁴¹. Весной 1902 г. ему прочили пост начальника королевского тайного кабинета⁴⁴².

Для личной охраны при Тржецяке постоянно состоял запасный рядовой из крестьян Игнат Куриско. Для выполнения разовых миссий по обеспечению безопасности высоких лиц, прибывавших из России в балканские государства, на Балканы командировались дополнительные чины ОКЖ⁴⁴³.

Одним из фактических руководителей и самой заметной фигурой в рядах Балканской агентуры в начале XX в. был российский подданный караим Александр (Сендер) Моисеев Вейсман, выдающийся авантюрист, широко прославившийся на Балканах своими махинациями и гешефтами, которые он совершал с использованием служебного положения⁴⁴⁴. Выходец с самого грязного дна тогдашней Одессы, Сендер Вейсман, 1862 г. рождения, был сыном известного содержателя публичных домов, винницкого мещанина Мошки-Ястреба. По некоторым данным, Сендер окончил еврейское училище, служил на Бендеро-Галацкой железной дороге, откуда был выгнан, затем торговал живым товаром в России, Турции и Египте. В Каире он сидел в тюрьме за сутенерство, затем вернулся в Одессу, содержал там публичный дом⁴⁴⁵. В 1882 г. Вейсман поступил на агентурную службу в Жандармское управление Одессы, а в 1893 г., получив повышение, был переведен в состав Балканской агентуры Департамента полиции в Болгарию и сумел стать одним из ее ключевых работников при полковнике Будзиловиче. В феврале 1901 г. он, по представлению своего начальника, получил звание личного почетного гражданина; также Вейсман имел болгарские, сербские, турецкие награды⁴⁴⁶.

Агентом русского политического сыска был и родной брат Александра Вейсмана — Шимон Мойше (Моисеев), он же «Орлов». В 1890 г. он, в то время редактор газеты «Одесские новости», поступил на служ-

бу секретным сотрудником к начальнику Жандармского управления Одессы. В 1895 г. Шимон Вейсман перешел на службу в Заграничную агентуру, был направлен в Вену, где пять лет состоял студентом в университете, затем занимался журналистикой. В полную противоположность своему брату, он характеризовался начальством как интеллигентный, корректный, порядочный, глубоко преданный делу сотрудник. На Шимоне Вейсмане лежала вся работа по агентурному наблюдению в столице Австро-Венгрии, ведшаяся по линии Департамента полиции⁴⁴⁷. К 1902 г. Шимон получал от охраны 300 франков в месяц, а его брат Сендер — 1000 франков⁴⁴⁸.

На Балканах «talанты» Сендера Вейсмана развернулись во всю ширь. В частности, он играл ключевую роль в вышеизложенной скандальной истории об организации охраны Александра Обреновича; на этом и других подобных делах он заработал большие деньги, естественно, допуская грубые нарушения в своей финансовой отчетности. Исследователями установлены контакты Вейсмана с вождями македонского революционного движения накануне Илинденско-Преображенского восстания 1903 г.⁴⁴⁹ Также предприимчивый караим не брезговал шантажом и доносами на русского комиссара в Болгарии Ю.П. Бахметева. Возможно, самым громким гешефтом с участием Вейсмана стала подготовка фиктивного покушения на жизнь князя Фердинанда Болгарского, с целью упрочить положение самого Вейсмана⁴⁵⁰. Этому предшествовала неудачная попытка последнего предложить князю свои услуги по охране его особы и нажиться на этом, как и в Сербии. Скандально завершилась и затеянная Вейсманом афера с награждением посторонних лиц сербскими орденами.

И Будзилович, и Тржецяк признавали, что Вейсман был нечист на руку в своих делах, но считали его незаменимым для работы. Первое время после своего назначения на Балканы подполковник Тржецяк превозносил перед начальством сметливость, хитрость, опыт и связи Вейсмана, его «особо выдающиеся агентурные способности». По отзыву Тржецяка, Вейсман сумел полностью наладить дело перлюстрации и «образцово поставил агентурное дело»⁴⁵¹. «Лучшие силы нашей местной революционной агентуры — братья Вейсман», — писал глава русского политического сыска на Балканах⁴⁵².

⁴⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 47–64. Список лиц, служащих в агентуре Департамента полиции в Румынии, Болгарии, Сербии и в Вене к 1 января 1904 г., с перечислением наград и денежных пособий, испрашиваемых к выдаче по случаю закрытия агентуры.

⁴⁴² Там же. Л. 19–20. В.В. Тржецяк — Л.А. Ратаеву. 18 мая 1902 г. № 187.

⁴⁴³ К примеру, для сопровождения великого князя Николая Николаевича на Шипкинских торжествах 1907 г. на Балканы были командированы ротмистры ОКЖ А.П. Петерсон и М.А. Афанасьев, надворный советник В.Г. Емельянов, фельдфебели запаса Игнат Куриско и Иван Осадчук и жандармский вахмистр Е.Д. Молчанов (АВПРИ. Ф. 192. Оп. 527. 1902–1907 гг. Ед. хр. 384. Л. 36 об.–37).

⁴⁴⁴ Часть его истории рассказал в своей статье Я.В. Вишняков; нам же удалось найти ряд новых документов и выяснить некоторые дополнительные подробности. См.: Вишняков Я.В. «Уничтожить всю коварную Европу»... С. 39–43.

⁴⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Ед. хр. 3. Лит. А. Продолжение. Л. 54 об.–56 об.

⁴⁴⁶ Там же. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 41–41 об.

⁴⁴⁷ Там же. Т. 2. Л. 47–64.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 2–4. В.В. Тржецяк — Л.А. Ратаеву. 3 марта 1902 г. Б.н.

⁴⁴⁹ Подробнее см.: Вишняков Я.В. «Уничтожить всю коварную Европу»...

⁴⁵⁰ Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг. Киев, 1974. С. 51–52; Перегудова З.И. Политический сыск России... С. 145.

⁴⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 41–41 об.

⁴⁵² Там же. Т. 2. Л. 2–4. В.В. Тржецяк — Л.А. Ратаеву. 3 марта 1902 г. Б.н.

Лишь некоторое время спустя Тржецяк начал осознать, что Вейсман пытается отстранить его от руководства всеми делами Балканской агентуры, причем не стесняясь в выборе средств. Доходило до того, что Вейсман организовывал перлюстрацию писем своего начальника, выслеживал его тайных агентов и имел наглость прямо заявлять тому, что все агенты, присылаемые в Софию без его, Вейсмана, ведома, будут им провалены. Также он говорил, что если Департамент полиции уволит его, то он немедленно поступит на службу к сербскому королю или болгарскому князю. К ним, как ошибочно считали многие на Балканах, Вейсман имел свободный доступ⁴⁵³.

В одном из своих докладов на имя Л.А. Ратаева Тржецяк писал: «К числу же отрицательных сторон Вейсмана следует отнести его алчную жадность к деньгам, желание освободиться в лице моем от какого бы то ни было контроля со стороны Департамента полиции, отсутствие порядочности и сознания того, что он есть слуга нашего правительства, полная распушенность в нравственном отношении и, как я пока предполагаю, но вскоре фактически докажу, — продажность. Он будет служить всегда тому, кто ему более заплатит»⁴⁵⁴.

На Вейсмана жаловались русские дипломаты в балканских странах; местные министры и представители иностранных миссий просили положить конец его махинациям⁴⁵⁵. «Ныне для меня лично Вейсман со всеми его причудами приносит больше хлопот и забот, чем все революционеры вместе взятые», — делал невероятное признание глава Балканской агентуры русской политической полиции⁴⁵⁶.

Звучит абсурдно, но, несмотря на все вышесказанное, Тржецяк некоторое время еще считал возможным продолжать сотрудничество с Вейсманом, опасаясь, что в противном случае тот может раскрыть всю негласную агентуру. Более дисциплинированным, по мнению Тржецяка, Вейсмана могло сделать обещание ему пенсии в случае инвалидности и обеспечения семье в случае смерти. «В агентуре мы зачастую должны мириться с подобными личностями», — писал Тржецяк, по мнению которого Вейсман оставался «безусловно способным и нужным для дела работником»⁴⁵⁷.

Однако, развиваясь, конфликт Тржецяка и Вейсмана приобрел необратимый характер, и глава Балканской агентуры стал сообщать в Департамент полиции уже просто вопиющие факты поведения своего «незаменимого» прежде сотрудника. Купив дом в центре Софии за

30 тыс. франков, Вейсман из страха за нажитое имущество прекратил всякую агентурную работу по революционерам, покончил с конспирацией, стал во всеуслышание называть себя начальником русской полиции, раскрывать имена негласных сотрудников, из зависти чернить их перед начальством. Жена Вейсмана Софья Мироновна, «трудолюбивая» прежде в одном из публичных домов Тифлиса и однажды уже высланная Будзиловичем из Болгарии в Одессу, устраивала подполковнику Тржецяку оглушительные скандалы, даже угрожала подослать к нему македонских революционеров. Особую ненависть Сендера Вейсмана вызывал его родной брат Шимон. В конце концов, первый и его жена предали огласке сотрудничество второго с русской полицией, что нанесло большой ущерб русской агентуре в Австро-Венгрии⁴⁵⁸.

Тржецяк пришел к выводу о «невменяемости» четы Вейсманов и решил прекратить сотрудничать с ними, однако был вынужден просить начальство дать им пенсию или разовое вознаграждение, чтобы избежать провала всей агентуры на Балканах⁴⁵⁹. В итоге Вейсман был выслан из Болгарии и в конце 1903 г. уволен со службы в Балканской агентуре, с назначением ему пенсии 600 руб. в год⁴⁶⁰. После этого каким-то непостижимым образом он сумел занять должность делопроизводителя сыскного отделения при канцелярии Варшавского обер-полицмейстера⁴⁶¹. Там Вейсман вскоре был пойман на взятке и заочно приговорен к 16 месяцам тюрьмы⁴⁶². Тогда он ударился в бега и на какое-то время пропал из виду.

В июне 1907 г. начальник Одесского охранного отделения В.А. Левдиков докладывал в столицу, что к нему явился некто Веллер, представитель одного торгового дома в Константинополе, и предложил ему услуги по организации агентуры в столице Османской империи за 1000 франков в месяц. Стороны уже практически договорились. Однако донесение Левдикова содержало еще одно важное сведение: «К сему докладываю, что Веллер есть известный Департаменту Александр Матвеев Вейсман, работавший уже по Заграничной агентуре»⁴⁶³. Действительно, руководству русского политического сыска Вейсман был известен даже слишком хорошо; но совершенно необъяснимо, почему о качествах этого агента не был осведомлен Левдиков, курировавший Балканскую агентуру. «Александр Вейсман, он же Веллер, че-

⁴⁵⁸ Там же. 1906 г. Ед. хр. 3. Лит. А. Л. 23–34. В.В. Тржецяк — директору Департамента полиции. 28 августа 1903 г. № 347.

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ Там же. Л. 328.

⁴⁶¹ Там же. Л. 323.

⁴⁶² Там же. Продолжение. Л. 23–23 об., 59–59 об.

⁴⁶³ Там же. Ед. хр. 872. Л. 99–100. В.А. Левдиков — директору Департамента полиции. 22 июня 1907 г. № 696.

⁴⁵³ Там же. Л. 6–9. В.В. Тржецяк — Л.А. Ратаеву. 11 мая 1902 г. Б.н.

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ Там же. 1906 г. Ед. хр. 3. Лит. А. Л. 1–8 об.

⁴⁵⁶ Там же. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 6–9. В.В. Тржецяк — Л.А. Ратаеву. 11 мая 1902 г. Б.н.

⁴⁵⁷ Там же.

ловек бесчестный, не заслуживающий никакого доверия; благоволите прекратить с ним всякие сношения» — гласил ответ департамента⁴⁶⁴.

Позднее Вейсман занимался шантажом в Париже; в мае 1911 г. был наконец арестован в Петербурге и посажен в «Кресты». В последний раз следы А.М. Вейсмана обнаружались в феврале 1915 г. в занятом русскими войсками Львове, откуда военные власти выслали бывшего агента в Симбирскую губернию⁴⁶⁵. В истории Вейсмана проявились худшие пороки и слабости предреволюционного русского сыска, причем, как будет видно из дальнейшего, эти черты имели системный, а не исключительный характер.

Будучи серьезно скомпрометирована деятельностью Вейсмана, самостоятельная Балканская агентура была бесславно упразднена и с 1 февраля 1904 г. официально прекратила свое существование⁴⁶⁶. Формально это было мотивировано необходимостью сосредоточения усилий политического сыска на других, более важных направлениях. 23 декабря 1903 г. директор Департамента полиции А.А. Лопухин писал Тржецяку: «Организованная Вашим высокоблагородием на правильных и разумных началах агентура всегда была осведомлена о положении нашей эмиграции, и малейшее проявление активной деятельности революционеров никогда не ускользало от Вашего внимания, причем по большей части достигались положительные результаты, но тем не менее, ввиду острого проявления преступной деятельности русских подданных в других местностях, представляется необходимым отказаться от ведения агентуры на Балканском полуострове, сосредоточив все розыскные силы в местах наибольшего напряжения революционной энергии»⁴⁶⁷.

В марте 1905 г. последовала реорганизация системы русского заграничного сыска. Берлинская агентура Департамента полиции была присоединена к Парижской, глава которой, действительный статский советник Л.А. Ратаев, получил право содержать агентов в тех странах, «где будет ощущаться необходимость в освещении деятельности русских эмигрантов-революционеров»⁴⁶⁸. В силу этих полномочий Ратаевым была восстановлена агентура в Болгарии и Румынии. Тогда же он предпринял попытку добиться от департамента ассигнования ему дополнительного кредита в размере 36 тыс. франков в год на содержание Балканской агентуры, однако в этом ему было отказано, с мотивиров-

кой, что содержать агентуру на Балканах Ратаев мог из общей суммы, выделявшейся на Заграничную агентуру⁴⁶⁹.

Летом 1905 г. агенты на Балканах получали: в Софии «старший наблюдательный агент» Петр «Черный» (Шварц), его почтальоны и другие сотрудники — суммарно 500 франков в месяц, в Варне «старший наблюдательный агент» Осадчук и почтальоны — 400 франков и «наблюдательный агент» «Озеров» — 300 франков в месяц, в Румынии «заведывающий наблюдением за корреспонденцией» Мотылёв и его почтальоны — 250 франков и наблюдательный агент «Заманов» (Мелас) — 150 франков в месяц⁴⁷⁰.

После ухода Ратаева в отставку в июле 1905 г. руководство Заграничной агентурой перешло к коллежскому советнику А.М. Гартингу-Ландезену (А.М. Геккельману), который в октябре 1905 г., в разгар Первой русской революции, принял решение о том, что на работу Балканской агентуры следовало выделять всего лишь 1100 франков в месяц. Из этой суммы по 400 франков получали Мелас и Осадчук, а остальные 300 франков шли на агентурные расходы⁴⁷¹. Естественно, подобный денежный отпуск был ничтожно мал; в руководстве Одесского охранного отделения это отлично понимали и просили об увеличении ассигнований⁴⁷². Вскоре выяснилась и та довольно очевидная истина, что руководить из Парижа агентурой на Балканах было чрезвычайно неудобно. И тогда Гартинг, по словам одной из позднейших справок департамента, «отрицая всякую пользу от сохранения Балканской агентуры, прекратил выдачу денег на содержание таковой»⁴⁷³. Как отмечает З.И. Перегудова, решение об упразднении Берлинской и Балканской агентур могло быть связано с внутренней борьбой за влияние в руководстве заграничного сыска Департамента полиции между Л.А. Ратаевым и П.И. Рачковским, покровителем Гартинга⁴⁷⁴. И все же главной причиной ликвидации Балканской агентуры стали вопиющие промахи и злоупотребления ее сотрудников.

События революции 1905–1907 гг. на Юге России, вкупе с ростом политической нестабильности и военной угрозы в Черноморско-Балканском регионе, заставили руководство Департамента полиции возобновить агентурную организацию на Балканах.

Уже в феврале 1906 г., в ответ на просьбы сотрудников Меласа, Мотылёва и Осадчука об увеличении им денежного содержания, Гартинг поставил перед ними задачу организовать наблюдение за ввозом

⁴⁶⁴ Там же. Л. 102. А.Т. Васильев — В.А. Левдикову. 30 июня 1907 г. № 1440.

⁴⁶⁵ Там же. Ед. хр. 3. Лит. А. Продолжение. Л. 64, 75, 84, 94, 118, 120.

⁴⁶⁶ АВПРИ. Ф. 192. Оп. 527. 1896 г. Ед. хр. 383. Л. 45; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 85.

⁴⁶⁷ ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 75–75 об. А.А. Лопухин — В.В. Тржецяку. 23 декабря 1903 г. № 13500.

⁴⁶⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1905 г. Ед. хр. 1. Ч. 3. Л. 22–23.

⁴⁶⁹ Там же. Л. 1–1 об.

⁴⁷⁰ Там же. Л. 22–23.

⁴⁷¹ Там же. 1906 г. Ед. хр. 872. Л. 8.

⁴⁷² Там же. Л. 32–33 об.

⁴⁷³ Там же. 1909 г. Ед. хр. 301. Л. 44–46 об.

⁴⁷⁴ Перегудова З.И. Политический сыск России... С. 147.

в Россию оружия с балканского направления. Мелас вызвался в течение двух месяцев наладить такой контроль в пунктах Яссы, Усть-Прут (Рени) и Леова, с ежемесячным расходом в 800 франков, и Гартинг принял это предложение⁴⁷⁵.

2 декабря 1906 г. было принято решение: не восстанавливая самостоятельной Балканской агентуры, подчинить ее начальнику ближайшего — Одесского — районного охранного отделения, который и ведал этой агентурой до 1910 г. На содержание Балканской агентуры теперь выделялось всего-навсего 19 200 франков в год⁴⁷⁶. Было возобновлено сотрудничество с прежними негласными агентами, работой которых в центральном аппарате Департамента полиции ранее были совершенно недовольны. В качестве главной задачи агентуре на Балканах руководством отныне вменялось наблюдение за попытками ввоза оружия и взрывчатки в черноморские порты России и через русско-румынскую границу. Также агенты Департамента полиции в Румынии и Болгарии должны были следить за деятельностью русских, армянских и македонских революционных кругов в этих странах.

В то время Балканской агентурой фактически руководил находившийся в Румынии негласный сотрудник «Заманов» — уже упомянутый Георгий Анастасьевич Мелас, понтийский грек, уроженец Нежинского уезда. По отзыву подполковника Тржецяка, различные агентурные поручения Мелас исполнял с 1889 г., с 1892 г. был принят на постоянную службу в агентуре и с тех пор занимался наружным агентурным наблюдением в Бухаресте⁴⁷⁷. С 1905 г. он числился старшим агентом Заграничной агентуры на Балканах; на него было возложено наблюдение за ввозом оружия в Россию⁴⁷⁸. Тржецяк писал: «Обладая обширными знакомствами и родственными связями в Румынии и состоя по-веренным в делах многих румынских богатых домов, сотрудник Мелас, независимо [от] несения обязанностей по наружному наблюдению по городу Бухаресту, с успехом выполнял поручения агентурного свойства во всех румынских городах, расположенных на Дунае. Прекрасно знает французский, немецкий, итальянский, русский, греческий и румынский языки. Обладает личной инициативой, находчив, хитер и не стесняется средствами для достижения намеченной им цели. Аресту Менделя Розенбаума агентура во многом обязана деятельности сотрудника Меласа. За время заведывания мною агентурою я имел возможность убедиться в преданности сотрудника Меласа делу и его полной корректности ко мне. Несмотря на положительные качества,

сотрудник Мелас все же требует постоянного надзора за собою и при соблюдении этого условия является весьма ценным сотрудником для Заграничной агентуры»⁴⁷⁹.

Как и в случае с Вейсманом, Тржецяк не скупился на похвалы своему сотруднику. Однако, как показывает опыт изучения материалов агентурной работы отечественных секретных служб начала XX в., слова о необходимости пристального надзора за определенными агентами офицеры разведки и полиции часто использовали для заблаговременного объяснения причин возможного провала или измены ненадежного секретного сотрудника. Вскоре агентура на Балканах была реорганизована, и Департамент полиции прекратил отношения с агентом Меласом, в добросовестности которого к тому времени возникли сомнения. Руководство агентурой с декабря 1907 г. было возложено на помощника начальника Одесского охранного отделения ротмистра ОКЖ В.И. Андреева⁴⁸⁰. Чтобы избежать возможного разглашения Меласом секретной информации, руководство департамента распорядилось о выплате ему крупного единовременного вознаграждения, по сути — отступного, в размере 5000 руб. Однако эта мзда лишь разожгла аппетиты бывшего сотрудника-шантажиста, и он начал активно вымогать деньги у бывшего начальства и у русских дипломатических миссий, угрожая опубликовать имевшиеся у него сведения о секретной агентуре и служебную переписку⁴⁸¹. По некоторым данным, впоследствии Мелас оставался в Бухаресте, где шпионил в интересах греческой и турецкой миссий⁴⁸².

В июне 1908 г. руководство МВД одобрило доклад директора Департамента полиции о необходимости восстановления штатной должности помощника заведывающего Заграничной агентурой. На эту должность был утвержден ротмистр Андреев, о котором в докладе говорилось, что он с большим успехом заведовал агентурой на Балканах и во время своих поездок в Болгарию и Румынию приобрел ценных агентов⁴⁸³.

В результате перевода Андреева в 1908 г. Балканскую агентуру возглавил ротмистр ОКЖ К.Д. Кречунеско, помощник заведующего Одесским охранным отделением. Послужной список 1909 г. и справка о службе 1914 г. сообщают о нем следующее. Кречунеско Константин Дмитриевич, из потомственных дворян Бессарабской губернии, румын

⁴⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1905 г. Ед. хр. 1. Ч. 3. Л. 82–83.

⁴⁷⁶ Там же. Л. 164.

⁴⁷⁷ Там же. 1906 г. Ед. хр. 872. Л. 9–10.

⁴⁷⁸ Там же. Л. 6.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 9–10

⁴⁸⁰ Там же. Л. 126.

⁴⁸¹ Там же. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 34–38 об. В.В. Ленчевский — директору Департамента полиции. 30 марта 1910 г. № 4.

⁴⁸² Там же. 1906 г. Ед. хр. 872. Л. 159. В.А. Левдикова — директору Департамента полиции. 26 февраля 1909 г. № 23.

⁴⁸³ Там же. 1908 г. Ед. хр. 523. Л. 1–2 об.

(а не молдаванин; именно так в документах), православный, родился 10 апреля 1871 г. Он воспитывался в императора Александра III гимназии в Болграде, окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище (1894), был выпущен корнетом в 17-й Волынский драгунский полк, 11 февраля 1900 г. определен на службу в ОКЖ. После этого Кречунеско занимал должности младшего офицера и затем адъютанта Санкт-Петербургского жандармского дивизиона; 18 октября 1903 г. был назначен адъютантом Жандармских полицейских управлений железных дорог; с 19 января 1906 г. — начальником Белевского отделения Московско-Камышинского ЖПУЖД. Год спустя Кречунеско получил перевод на службу в родную Бессарабию. С 5 декабря 1907 г. он служил помощником начальника Кишинёвского отделения Одесского ЖПУЖД на пограничном пункте в местечке Унгены, а 25 июля 1908 г. был назначен помощником начальника Одесского районного охранного отделения и руководителем Балканской агентуры. С 14 августа 1912 г. Кречунеско официально состоял в должности заведующего Балканской агентурой. Он владел румынским, греческим и французским языками; был женат на домашней учительнице Анне Семеновне Сапожниковой, детей у их не было (в 1909 г.)⁴⁸⁴.

Начав руководство агентурой Департамента полиции на Балканах, ротмистр Кречунеско с 16 по 28 марта 1909 г. совершил инспекционную поездку по вверенному ему району, посетив Бухарест, Софию, Галац и Яссы⁴⁸⁵. В ходе проверки он сразу обратил внимание на плачевно-жалкое состояние вверенного ему органа сыска, дела которого находились в состоянии полного развала.

На службе в Балканской агентуре к началу 1909 г. состояли следующие лица. Бывший чиновник А.А. Мотылёв, дворянин Херсонской губернии, непрерывно служил в Балканской агентуре почти 30 лет, с самого момента ее учреждения, за что получал от Департамента полиции особую пенсию⁴⁸⁶. Он проживал в Бухаресте и за 535 франков в месяц осуществлял при помощи знакомого чиновника румынской почты перлюстрацию, дававшую лишь маловажные и случайные сведе-

⁴⁸⁴ Там же. 1914 г. Ед. хр. 1. Лиг. Д. Т. 2. Л. 66–67; Ф. 110. Оп. 17. Ед. хр. 315. Л. 77–85. Послужной список К.Д. Кречунеско. 1909 г.

⁴⁸⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Ед. хр. 872. Л. 163–172. К.Д. Кречунеско — В.А. Левикову. 24 апреля 1909 г. Б.н.

⁴⁸⁶ Александр Александрович Мотылёв был принят на службу в Балканской агентуре еще вице-консулом Шафировым в 1882 г. До того он служил в Ольвиопольском уланском полку, затем в службе движения на Харьковско-Николаевской железной дороге, откуда и был взят на службу агентом политического розыска. 27 февраля 1903 г. по высочайшему соизволению коллежскому регистратору А.А. Мотылёву была назначена пенсия в размере 1800 франков (около 680 руб.) в год, так как он страдал неизлечимой болезнью глаз. В декабре 1911 г. Мотылёву было 60 лет (Там же. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 156–156 об., 159–160; 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 1. Л. 80–80 об.).

ния. Другой бухарестский сотрудник «Закони» (Витольд Федосеевич Пекарский, в прошлом крайний народник-террорист, некогда укравший легендарного С.М. Степняка-Кравчинского, убийцу шефа жандармов Н.В. Мезенцова) с 1907 г. не давал никаких сведений; он потерял почти все связи с революционными кругами, постоянно болел и пил горькую⁴⁸⁷.

Резко отрицательную характеристику получил и Иван Осадчук, бывший прежде главным помощником подполковника Тржецяка. Кречунеско докладывал, что Осадчук, некогда уволенный со службы Киевского ГЖУ за пьянство, жил в Яссах около 15 лет, не имел связей в революционных кругах, не давал начальству никаких сведений, кроме газетных, и играл роль вспомогательного агента и филера, получая 350 франков в месяц. Также в Яссах жил недавно приобретенный сотрудник «Алексей», служивший ранее по агентуре Петербургского охранного отделения, где он работал по партии анархистов-коммунистов, но провалился и был вынужден скрыться. Связей в революционной среде в Румынии «Алексей» завязать не успел, и потому сведений от него не поступало, однако он получал 100 франков в месяц. В Константинополе в качестве секретного сотрудника работал грек Константин Прессино. Он также не состоял ни в какой революционной организации и не доставлял никаких сведений, получая 500 франков в месяц. В конце концов, начальство стало видеть в нем шантажиста, поскольку Прессино проявлял особый интерес к организации и составу Балканской агентуры. Константинопольский агент «Криспи», начавший сотрудничать с декабря 1908 г., за девять месяцев не дал никаких сведений и был признан бесполезным⁴⁸⁸.

Более ценным сотрудником был агент «Каров» («Каро»), проживавший в Софии. Под этим агентурным псевдонимом скрывался Петр Андреев Шварц, он же «Петр Черный», присяжный поверенный по профессии, сотрудничавший с Департаментом полиции с апреля 1901 г.⁴⁸⁹ Вначале он в качестве случайного сотрудника оказывал агентурные услуги А.М. Вейсману, затем стал сотрудничать на постоянной основе. Шварц владел русским, французским и немецким языками, отличался корректным отношением к агентурному делу⁴⁹⁰. В качестве адвоката он работал на русскую миссию в Болгарии. Агент «Каров»

⁴⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 2–3. Д.С. Померанцев — Н.П. Зуеву. 21 сентября 1909 г. № 333.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 2–3. Д.С. Померанцев — Н.П. Зуеву. 21 сентября 1909 г. № 333; Там же. Л. 17–19. К.Д. Кречунеско — заведующему Особым отделом Департамента полиции. 19 января 1909 г. № 5; Там же. Л. 34–38 об. В.В. Ленчевский — директору Департамента полиции. 30 марта 1910 г. № 4.

⁴⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 169.

⁴⁹⁰ Там же. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 47–64.

не принадлежал к революционным кругам, но имел широкий круг знакомств в софийском обществе. Он получал 980 франков в месяц, за счет которых содержал при себе дополнительного сотрудника, бывшего чина болгарской полиции «Василия», с жалованьем 200 франков, и трех филеров для службы наружного наблюдения, с жалованьем в 180, 150 и 100 франков. Остальные 350 франков Шварц оставлял себе лично. «Таким образом, — отмечалось в документе Департамента полиции, — “Каро” является не секретным сотрудником, а скорее чем-то вроде начальника Софийского охранного пункта, в качестве которого он и известен в Софии»⁴⁹¹. С разрешения посланника в Болгарии Д.К. Сементовского-Курило, Шварц отправлял свои телеграммы в Одессу за подписью посланника и на имя представителя МИД в этом городе⁴⁹². Сотрудник «Василий» в свое время давал ценные сведения, однако после увольнения его знакомых из болгарской полиции поступление информации прекратилось.

Наконец, самым ценным секретным сотрудником Балканской агентуры, по мнению многих руководителей русского политического сыска, был агент «Озеров», он же «Такварьян». За этими агентурными кличками скрывался человек, личность которого позже и благодаря иным делам стала легендарной в истории Болгарии первой половины XX в. Его именем названы улицы городов и корабли гражданско-го флота Болгарии. Этим человеком был Антон Макарович Прудкин (1880–1942), человек неповторимой судьбы, носитель уникального психологического типа, который изредка проявляется в нашем мире, и особенно ярко — лишь на Балканах, притом в их смутные и грозные годы. Малоросс по отцу и болгарин по матери, Прудкин большую часть жизни провел в Болгарии, а также в морских плаваниях. По своей основной профессии он был моряком торгового флота и одновременно — писателем и художником, контрабандистом, спекулянтom и ловцом дельфинов. А по складу души и по призванию Антон Прудкин являлся авантюристом, бунтарем, революционером, террористом-«бомбаджи», коллекционером собственных пожизненных и смертных приговоров, а также агентом русских и советских секретных служб, выполнявшим и задания болгарской военной разведки.

В России имя агента русской разведки Антона Прудкина практически неизвестно, хотя по глубине своего авантюризма, по любви к риску и по размаху приключений он может быть поставлен в один ряд с такими легендарными личностями, как Борис Савинков и Яков Блюм-

кин. Историк советской разведки В.Я. Кочик весьма кратко рассказал историю Антона Прудкина, опираясь, очевидно, лишь на болгарские работы о нем⁴⁹³. До сих пор были отчасти известны некоторые детали сотрудничества Прудкина с русской военно-морской разведкой в годы Первой мировой войны, а также с Разведупром Штаба РККА в 1930-е гг. Однако, насколько удалось выяснить, ни в отечественной, ни в болгарской историографии до сих пор не была рассказана история тайного сотрудничества Прудкина с политической полицией Российской империи, на которую он работал с 1902 по 1914 г. под агентурными псевдонимами «Озеров» и «Такварьян». Возможно, мы будем первыми, кому удастся раскрыть эту тайну по документам российских архивов. Примечательно, что слухи о связях Прудкина с русской охранкой при его жизни были распространены достаточно широко, но сам он категорически опровергал их в своих воспоминаниях, написанных в тюремном заключении и впервые увидевших свет в 1931–1932 гг.⁴⁹⁴ Однако найденные нами документы неоспоримо свидетельствуют об обратном. Но — обо всем по порядку.

Антон Прудкин родился 16 января 1880 г. в болгарском Рушукe в семье старшего унтер-офицера русской армии Макария Климентиевича Прудкина, оставшегося в Болгарии после Освободительной войны. В своих мемуарах Антон Макарович сообщал, что отец его был крестьянином из села Семигоры Каневского уезда Киевской губернии, а фамилия всей семьи писалась в официальных бумагах как Прудкий (Пруткий)⁴⁹⁵. Последний вариант фамилии и сегодня часто встречается на Украине; Прудкиным же Макария Климентиевича могли записать в армии. Оставшись в Болгарии в качестве военного инструктора, он женился на болгарке по имени Гицка, дочери зажиточного овцевода. Вскоре после женитьбы Макарий Прудкин уволился с военной службы и устроился чиновником на железную дорогу. В годы русофобской диктатуры Стефана Стамболова он и его семья перебрались в Малороссию, затем в 1894 г. вновь вернулись в Болгарию. Одно время Антон Прудкин имел русское подданство, затем принял болгарское; родня его по отцовской линии жила в Киеве. Его родной брат Яков окончил Киевский политехникум и остался служить инженером в России⁴⁹⁶. Некоторое время Антон учился в Торговом училище в Систове, но не окончил его, пожелав стать моряком, и в 1896 г., 16 лет отроду, устроился юнгой на русский пароход «Русь», чтобы затем поступить в

⁴⁹³ Кочик В.Я. Разведчики и резиденты ГРУ за пределами отчизны. М., 2004. С. 420–423.

⁴⁹⁴ См.: Прудкин А.М. Записки на моряка: в 2 т. Стара Загора, 1997. Т. 1. С. 54 и др.

⁴⁹⁵ Там же. С. 20.

⁴⁹⁶ ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 16–17; Майборода В. С французами // Архив русской революции: в 18 т. Т. 16. М., 1993. Т. 15–16. С. 157.

⁴⁹¹ Там же. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 34–38 об. В.В. Ленчевский — директору Департамента полиции. 30 марта 1910 г. № 4.

⁴⁹² Там же. 1906 г. Ед. хр. 872. Л. 146–147 об. Д.К. Сементовский-Курило — в МИД. 14 августа 1908 г. № 420.

Николаевские Мореходные классы⁴⁹⁷. Так он навсегда связал свою судьбу с морем. Окончив мореходку в Николаеве, Антон Прудкин в июле 1900 г. вернулся в Болгарию и поступил на службу в Болгарское торговое пароходное общество, вторым помощником капитана на пароход «Борис».

Возвращение Прудкина в Болгарию пришлось на время бурного подъема македонского и армянского освободительного движения в Османской империи. Связи с революционными организациями македонцев и армян в Болгарии устанавливали российские народники, социал-демократы и анархисты. Получив место на «Борисе» и начав регулярно ходить в каботажные плавания по Черному и Средиземному морям, Антон Прудкин оказался в самом центре сплетения усилий многих тайных организаций. В 1902 г. он стал перевозить из Болгарии в Константинополь нелегальную литературу и македонских деятелей и сразу же с головой окунулся в революционную работу. Тогда он короткое время был членом Болгарской рабочей социал-демократической партии, затем отошел от нее, разочаровавшись в ее «адвокатствующих вождях» и их тактике, и сблизился с македонскими экстремистами и анархистами-коммунистами. В болгарских работах периода государственного социализма Прудкин назывался убежденным и идейным социал-демократом. Но живой Прудкин был сложной и многослойной личностью, бесконечно далекой от искусственного гранитного образа нестигаемого разведчика-коммуниста. По своим взглядам в молодости он был несомненным анархистом. Современники даже не знали точно, что означала татуировка «А.М.П.» на его руке — инициалы собственного имени «Антон Макаров Прудкин» или великий девиз анархизма: «Анархия — мать порядка». По всей видимости, Прудкин был искренним сторонником борьбы за освобождение Македонии от османского ига. В самой натуре Прудкина были очень сильны анархические и авантюристические начала. Он был пламенным революционером-террористом, боровшимся с Османской империей и в то же время готовым предавать своих товарищей русской охранке, когда их замыслы и планы оказывались — в его понимании — направлены против России, родины отца и его второго дома. Именно поэтому Антон Прудкин очень скоро начал сотрудничать с Балканской агентурой русского Департамента полиции, по мере сил помогая ему в борьбе с угрожавшими российскому государству предприятиями эмигрантского и международного революционно-террористического подполья.

С политической полицией Российской империи Антон Прудкин под кличкой «Озеров» сотрудничал с ноября 1902 г., получая за свои услуги по 300 франков в месяц. Деньги высылались бумажными купю-

⁴⁹⁷ Прудкин А.М. Записки на моряка. С. 19–27.

рами во франках, на почтовый адрес агента Осадчук в Варне, который был дружен с Прудкиным⁴⁹⁸. Весьма вероятно, что именно Осадчук завербовал Прудкина для Балканской агентуры. По различным сведениям, имевшимся у охраны, Прудкин был членом партии анархистов-коммунистов с большим стажем или же вовсе беспартийным; в любом случае, он имел прочные связи в среде анархистов, армянских дашнаков и македонцев. В списке сотрудников Балканской агентуры на 1 января 1904 г. Прудкину давалась такая характеристика: «Состоит в сношениях с македонскими революционерами, а также с проживающими в Женеве членами группы народовольцев и группы анархистов-коммунистов. На сотрудника этого было возложено наблюдение за тем, чтобы от македонских революционеров не были высланы взрывчатые вещества для целей боевой организации партии социалистов-революционеров. К выполнению мелких обязанностей относится с полным усердием. Знает болгарский и французский языки»⁴⁹⁹. Тот же документ отмечал, что Прудкин «по складу своего характера требует постоянного руководства, не обладает еще достаточной выдержкой и поэтому вряд ли может быть использован для дальнейшей агентурной службы»⁵⁰⁰. Однако его сотрудничество с охранкой все же продолжалось.

Во время Илинденско-Преображенского восстания в Македонии в 1903 г. Прудкин устроил взрыв адской машины на венгерском пароходе «Васкапу», шедшем через Варну в Константинополь и погибшем со всеми пассажирами; также он организовал неудавшееся покушение на султана Абдул-Хамида II. В 1903–1905 гг. Прудкину удалось добыть ценные сведения о деятельности российских эмигрантских революционных кругов и раскрыть ряд экстремистских замыслов. В марте 1905 г. Л.А. Ратаев отмечал, что секретный сотрудник «Озеров» «располагает большими связями среди анархистов, македонцев и армян»⁵⁰¹. При сдаче дел в августе 1905 г. Ратаев докладывал о Прудкине: «“Озеров” — весьма серьезный сотрудник среди социалистов-революционеров и анархистов на Балканском полуострове, связан непосредственно с Департаментом»⁵⁰². Тем не менее в тот переходный период в истории Балканской агентуры руководство департамента вновь намеревалось прекратить сотрудничать с «Озеровым», деятельность которого была признана бесполезной⁵⁰³. Однако Осадчук и «Озеров», на основании указаний Ратаева от 20 августа 1905 г., донесли в Париж на имя г-на

⁴⁹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1905 г. Ед. хр. 1. Ч. 3. Л. 22–23, 26.

⁴⁹⁹ Там же. 1898 г. Ед. хр. 1. Ч. 14. Т. 2. Л. 56.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Там же. 1905 г. Ед. хр. 1. Ч. 3. Л. 1–1 об.

⁵⁰² Там же. Л. 35–36.

⁵⁰³ Там же. Л. 89–90.

Альберта Крафта о своей готовности продолжать работать и давать текущие сведения по наблюдению за революционными кругами. В итоге им была передана инструкция направлять все донесения в Петербург по адресу улица Пантелеймоновская, 9, Ивану Мефодиевичу Моманову⁵⁰⁴. Так Прудкин остался на службе, и вскоре его информация принесла ценные плоды.

Благодаря донесениям «Озерова» были арестованы: опасный террорист, видный член Боевой организации эсеров М.А. Веденяпин («Ташкент», «Ташкентец»)⁵⁰⁵ и революционер Шестаков. В 1909 г. агент «Такварьян» дал сведения о группе анархистов-коммунистов во главе с «Кириллом», который в итоге был арестован⁵⁰⁶. Также Прудкин регулярно докладывал о деятельности крупного представителя анархистского движения Николая Рогдаева (Н.И. Музиля), чеха по происхождению, с которым он был в близких отношениях. Наконец, «Такварьян» сообщил охранке ряд важных сведений о Македонской революционной организации⁵⁰⁷. За свои услуги в то время он ежемесячно получал уже 420 франков⁵⁰⁸.

Над головой Прудкина дамкловым мечом висела постоянная угроза разоблачения со стороны революционеров. В октябре 1909 г. неизвестный информатор из Департамента полиции сообщил знаменитому парижскому борцу с охранкой В.Л. Бурцеву, что в Варне находится агент-provokator по имени Антон Озеров. Действительно, под

⁵⁰⁴ Там же. Л. 61–61 об.

⁵⁰⁵ Веденяпин Михаил Александров. Родился в 1880 г. в Саратовской губернии, на хуторе Михайловке, Аткарского уезда, незаконнорожденный. По окончании курса в Самарском реальном училище в 1900 г. поступил в число студентов Ново-Александрийского сельскохозяйственного института. В июне 1901 г. привлекался при Самарском ГЖУ по обвинению в распространении преступных воззваний. На основании высочайшего повеления 19 июня 1902 г. подчинен гласному надзору полиции на два года в избранном месте жительства, вне фабричного района. Отбывал в Ташкенте. В июле 1903 г. с разрешения властей отбыл за границу для лечения. За границей примкнул к Боевой организации эсеров. 4 декабря 1906 г. осужден Саратовской судебной палатой на 4 года каторги и на поселение (ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1903 г. Ед. хр. 1468. Л. 11–11 об., 19, 36, 39). Сам Веденяпин, внук декабриста, уже сидя в русской тюрьме, был уверен, что виновником его ареста в Софии в 1905 г. был знаменитый provokator Евно Азеф (см.: «Сижуря, главным образом, из-за Азефа...». (К биографии эсера М.А. Веденяпина) / вступ. ст., подгот. текста к публ. и коммент. Г.В. Романовой // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 110–111). См. о нем: Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1900–1925 гг.: в 3 т. М., 1996. Т. 2, ч. 3. С. 901–904; Т. 3, ч. 1. С. 127.

⁵⁰⁶ Выяснилось, что этот самый анархист «Кирилл» был секретным сотрудником охранки под псевдонимом «Александров», однако при этом он занимался абсолютно недопустимыми вещами — ввозом динамита в Россию (ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1909 г. Ед. хр. 12. Т. 72. Л. 73–73 об.).

⁵⁰⁷ Там же. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 48–50. Д.С. Померанцев — Н.П. Зуеву. 28 мая 1910 г. № 106.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 17–19.

ключкой «Озеров» Прудкин работал на охранку до 24 января 1908 г.⁵⁰⁹ В.Л. Бурцев, М.Е. Бакай и другие эмигранты — разоблачители охранки начали серьезно подозревать, что именно Антон Прудкин и был тем самым «Антоном Озеровым» (руководство Балканской агентуры даже не потрудились хорошо скрыть настоящее имя своего ценного сотрудника). Анархист Музиль-Рогдаев, упорно отстаивавший честность и невиновность Прудкина-«Такварьяна», просил его самого навести справки о настоящем «Озерове» и обещал, что скоро этим provokatorом займутся и «болгарские товарищи»⁵¹⁰. Личность агента «Такварьяна» и его местожительство изо всех сил пытался выяснить и бывший руководитель агентуры на Балканах шантажист Мелас⁵¹¹. «За мной очень следят, и я принимаю все меры предосторожности», — писал Прудкин «уважаемому товарищу» 15 марта 1911 г. из Бургаса⁵¹².

Руководство Департамента полиции мало заботилось о соблюдении конспирации и безопасности своего агента. В апреле 1911 г. заведующий новоучрежденной агентурой в Константинополе В.В. Ленчевский, в ведение которого был передан Прудкин, докладывал: «Т[акварьян] находится в крайне нервном и возбужденном состоянии из-за следующих причин: с одной стороны, за ним следит полиция и он постоянно ждет обыска и ареста, а с другой — крайне озлоблен за ряд провалов, которые ему устраивали прежние заведующие агентурой. В особенности жаловался на Андреева за постоянное подстрекательство к провокации, потом на Вейсмана (ныне арестованного в Варшаве), грека Меласа и генерала Герасимова. На последнего за то, что он, будучи в Болгарии, посещая кафешантаны, обратил на себя общее внимание, а свидание устроил в своей гостинице. Разговоры были подслушаны, и македонец Тодоров был провален. “Т[акварьян]” спасся потому, что разговаривал по-французски и до него революционеры не добрались»⁵¹³. При таком отношении собственного начальства, Прудкин был вынужден прилагать особые усилия и лично идти на риск для отведения опасности. Подозревая в нем provokatora «Озерова», анархисты однажды уже подвергали его партийному суду, однако в тот раз Прудкин сумел оправдаться, свалив вину на какого-то матроса из Одессы. В другой раз «Такварьян» сумел избежать провала, используя испытанное и традиционное для Балкан средство убеждения. Ленчевский докладывал: «Грек Мелас угрожал его выдать, но он поехал

⁵⁰⁹ Там же. Л. 48–50.

⁵¹⁰ Там же.

⁵¹¹ Там же. Л. 34–38 об. В.В. Ленчевский — директору Департамента полиции. 30 марта 1910 г. № 4.

⁵¹² ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 34.

⁵¹³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 2. Л. 29–30. Краткая справка на сотрудника «Такварьяна».

в Бухарест и, приставив револьвер к голове Меласа на его квартире, заставил того дать слово молчать»⁵¹⁴. Естественно, на самого Прудкина все это ложилось огромным психологическим грузом. «Мое впечатление таково, что “[Такварьян]” человек хороший, правдивый, но нравственно разбит», — писал Ленчевский⁵¹⁵.

Под угрозой находились и давние связи Прудкина с дашнаками. Он был доверенным лицом самого Андраника Озаяна, легендарного вождя армянской борьбы за независимость, в 1905–1914 гг. жившего преимущественно в Болгарии. К примеру, один лишь Прудкин знал, что Андраник организовал в Варне большой склад с оружием для переправки его в Турцию и Россию. Склад находился в старом двухэтажном доме 24 с высоким деревянным забором на улице Бозлуджа, в котором проживал молодой армянин-сапожник по имени Аарниа. Андраник и его соратники даже планировали купить пароход для тайной доставки оружия на кавказское побережье и хотели поставить капитаном этого судна Прудкина⁵¹⁶. Сам «Такварьян» и его руководители из охранки оказались в непрестом положении, поскольку они даже не могли передать болгарской полиции сведения о готовившейся армянами контрабанде оружия, так как это означало бы верную смерть для Прудкина. Руководство Дашнакцутюна в Болгарии и без того собрало улики против «Такварьяна» и стало требовать его на свой суд, в частности, для выяснения, за что ему ежемесячно присылались из Одессы чеки на 420 франков⁵¹⁷. Однако и в тот раз Прудкин счастливо избежал провала, грозившего ему неминуемой гибелью. Первый из своих четырех смертных приговоров он получил несколькими годами позднее.

31 мая 1909 г. помощник начальника Одесского районного охранного отделения ротмистр К.Д. Кречунеско для разработки полученных сведений выехал в Константинополь, где, помимо прочего, встретился с Прудкиным. Тот рассказал ему о контрабанде оружия на черноморское побережье Кавказа, о приезде в Одессу анархиста-коммуниста «Кирилла», о планах Андраника и о его складе оружия в Варне. Также «Такварьян» сообщил, что в 1907 г., во время визита великого князя Владимира Александровича, бывший агент Мелас упрашивал его организовать покушение на высокого гостя, но заблаговременно дать ему, Меласу, список участников покушения. «Такварьян» доложил об этом ротмистру В.И. Андрееву, бывшему тогда в Болгарии. Тот спро-

сил, в свою очередь, не может ли «Такварьян» через кого-нибудь из своих людей убить Меласа⁵¹⁸.

На вопрос «Такварьяна» о допустимости для него участвовать в доставке оружия Кречунеско отвечал категорическим отказом. Но в целом куратор Балканской агентуры характеризовал Прудкина как весьма ценного сотрудника с обширными связями среди эсеров и анархистов-коммунистов. Деятельность армян на Балканах также была известна охранке только благодаря Прудкину. Кречунеско отмечал: «Он был принят в агентуру очень молодым, совершенно неопытным, не имеющим понятия о политических партиях, со страстным желанием с его стороны оказать России своей работой услугу»⁵¹⁹. Склонность Прудкина-«Такварьяна» к запрещенной для секретных сотрудников деятельности (т.е. участию в контрабанде революционных грузов, провокациях) Кречунеско объяснял плохим управлением им со стороны прежнего руководства Балканской агентуры.

Примечательно, что в Жандармском управлении Одессы не знали, что Прудкин — агент. В январе 1913 г. начальник управления П.П. Заварзин сообщил, что капитан парохода Прудкин является видным анархистом, участвует в контрабанде оружия и литературы, и запросил у Кречунеско сведений о нем. Кречунеско отвечал, что Прудкин не занимается оружием и литературой, что по нему ведется разработка и что в отношении него, во избежание провала агентуры, не следует принимать никаких мер⁵²⁰.

Плотно держа руку на пульсе политической жизни региона, Прудкин еще в начале 1912 г. предсказывал неизбежность начала войны на полуострове. 16 января он, от имени жены Маруси, в письме из Бургаса на условное имя некоей «дорогой Оли» сообщал: «Армяне подготовляются спешно к широкой акции на весну. В кругах партии “Дашнакцутюн” уверены, что весной произойдут большие и важные события. Война на Балкан[ском] полуостр[ове] неизбежна. Болгария тайно готовится к этому. Армяне сразу изменят свою политику с турками и тоже потребуют реформы в Армении, — в противном случае революция с их стороны готова. Да, мы на пороге великих событий. Весной что-нибудь, а все-таки будет»⁵²¹.

В реальности начавшаяся не весной, а осенью 1912 г. 1-я Балканская война прервала связь охранки с агентом «Такварьяном», который в рядах болгарской армии дошел до Чатаджинских укреплений под

⁵¹⁴ Там же.

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 1–2 об.

⁵¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 2. Л. 29–30.

⁵¹⁸ Там же. Особый отдел. 1909 г. Ед. хр. 12. Т. 72. Л. 9–14. К.Д. Кречунеско — начальник Одесского охранного отделения. 10 июня 1909 г. № 9.

⁵¹⁹ Там же.

⁵²⁰ Там же. Оп. 316. 1911 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Ч. 2. Л. 98–99.

⁵²¹ ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 23–24.

Константинополем. Лишь 22 декабря 1913 г. контакт с ним был восстановлен, когда сотрудник Константинопольской агентуры Департамента полиции В.В. Ленчевский случайно встретил Прудкина на улице. Затем состоялось их первое деловое свидание, и «Такварьян», тесные связи которого с анархистами продолжали укрепляться, вновь стал сотрудничать с охранкой⁵²².

Впрочем, в тот период успех в работе не всегда сопутствовал Прудкину. Так, в январе 1914 г. он доложил, что в Болгарии македонские революционеры братья Николай и Михаил Герджиковы получили от бывшего министра Николы Геннадиева, также македонца, 20 тыс. франков на организацию покушения в Париже на императора Николая II и министра юстиции И.Г. Щегловитова. Это донесение вызвало оживленную переписку между МВД и МИД и принятие мер по предотвращению теракта. И лишь позднее Кречунеско доложил, что о покушении на российского императора и его министра никто в македонских кругах не помышлял. Естественно, это вызвало в Департаменте полиции сильное недовольство агентом Прудкиным и сомнения в его осведомленности и полезности⁵²³.

После начала мировой войны агентура Департамента полиции на Балканах прекратила свое существование, однако революционно-шпионские приключения Антона Прудкина только начинались. Здесь мы на время оставим этого человека, но вскоре встретимся с ним уже как с одним из самых ценных агентов русской военно-морской разведки в 1915 г.

Итак, мы познакомились с постоянным составом Балканской агентуры к началу 1910 г. На жалование ей и на командировки сотрудников в то время расходовалось 14 400 руб. (38 400 франков) в год. Сношения агентуры с ее руководством в Одесском охранном отделении осуществлялись, помимо личных свиданий в ходе поездок ротмистра Кречунеско, при помощи почты: Мотылёвым в Бухаресте и «Каровым» в Софии через русские миссии. Из прочих мест корреспонденция шла непосредственно на конспиративный адрес условными письмами или шифровками⁵²⁴.

Организация и результаты работы Балканской агентуры оставляли желать много лучшего. Ее начальство было отлично осведомлено о том, что весь состав агентуры, как сотрудники, так и филеры, уже давно знали друг друга в лицо, а также, за исключением «Такварьяна», и по фамилиям, и были известны чинам румынской и болгарской

полиции, многим из местных жителей и бывшему главному сотруднику-шантажисту Меласу. Такая неслыханная открытость агентуры объяснялась просто. Во время поездки великого князя Владимира Александровича в Болгарию и Румынию в 1907 г. прежний заведующий Балканской агентурой ротмистр Андреев собрал всех ее сотрудников вместе и возил с собою в качестве сопровождения августейшего гостя (!)⁵²⁵. Этот жандармский офицер в области агентурной работы и конспирации вообще допускал вопиющие промахи. К примеру, однажды он по делам службы инкогнито совершил поездку по городам Румынии, под именем Вальдемар Рено и под легендой коммерсанта. Однако на румынском пограничном посту в Унгенах его знали в лицо, поэтому румынская сигуранца знала о прибытии Андреева с момента пересечения им границы и вела за ним постоянное наружное наблюдение. В ходе этой поездки к Андрееву в гостиницу «Сплендид» в Галаце приходил секретный сотрудник Роберт Лайминг, освещавший Галацкую группу социалистов-революционеров. В результате Лайминг был провален: сигуранца установила факт получения им писем и денег от русской охранки⁵²⁶.

Еще в январе 1909 г. ротмистр Кречунеско, проинспектировавший Балканскую агентуру, обратился к заведующему Особым отделом Департамента полиции Н.П. Зуеву с проектом реорганизации политического сыска на Балканах. Он предлагал сделать Балканскую агентуру самостоятельным розыскным органом, подчиненным напрямую Департаменту полиции. Агентура должна была включать по одному штатному агенту-резиденту в Болгарии, Румынии и Константинополе, которым следовало наладить внутреннюю и наружную агентуру, а также почтовую перлюстрацию. По мнению Кречунеско, в Румынии было необходимо завести агентуру в среде тамошних членов партии эсеров, в Болгарии и Турции — в армянских партиях Дашнакцутюн и Гнчак. Агенты и филеры, предназначенные для работы в регионе, должны были хорошо знать местные условия и языки⁵²⁷.

Другим важным условием успеха работы агентуры на Балканах Кречунеско называл сотрудничество с политическими полициями Румынии и Болгарии. Непосредственные отношения между Одесским охранным отделением и директором румынской сигуранцы Ионом (Янку) Панаитеску, выдающимся мастером балканского тайного сыска

⁵²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 1. Л. 24.

⁵²³ Там же. Т. 2. Л. 12 об.—13.

⁵²⁴ Там же. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 34—38 об. В.В. Ленчевский — директору Департамента полиции. 30 марта 1910 г. № 4.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Там же. 1906 г. Ед. хр. 872. Л. 163—172. К.Д. Кречунеско — В.А. Левдикову. 24 апреля 1909 г. № 6.

⁵²⁷ Там же. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 17—19. К.Д. Кречунеско — заведующему Особым отделом Департамента полиции. 19 января 1909 г. № 5.

ска, были установлены весной 1909 г. 19 марта в Бухаресте состоялась встреча Кречунеско, владевшего румынским языком, с Панаитеску, на которой последний дал обещание абсолютно откровенно и по первому запросу давать сведения о русских эмигрантах в Румынии и об их выездах в Россию. В качестве ответной любезности он просил русскую сторону сообщать аналогичную информацию о неблагонадежных румынах, проживающих в Российской империи⁵²⁸. Руководство Департамента полиции высоко оценило это предложение и даже выступило с ходатайством о награждении Панаитеску, в результате чего он получил русский орден Св. Анны 2-й степени, в дополнение к уже бывшему у него ордену Св. Станислава 2-й степени⁵²⁹.

Однако после этого тогдашний начальник Одесской охранки подполковник В.А. Левдиков проявил вопиющую служебную небрежность: несколько запросов от Панаитеску, в том числе одна срочная телеграмма, были оставлены без ответа, и тогда ценные рабочие контакты прервались. «В этом отношении чины румынской полиции в высшей степени щепетильны: являясь сами пунктуальными, точными и аккуратными, они требуют того же и от других», — писал начальник Жандармского управления Одессы Д.С. Померанцев⁵³⁰. Были прерваны и отношения с директором Черновицкой полиции (Буковина, Австро-Венгрия) Тарангулом, который прежде был согласен передавать Одесской охранке интересующие сведения в обмен на информацию об уголовниках из числа австро-венгерских подданных на территории России⁵³¹. Лишь в октябре 1910 г. в результате новых личных переговоров в Бухаресте между Кречунеско и Панаитеску удалось достичь договоренности о возобновлении сотрудничества политических полиций России и Румынии⁵³².

В апреле 1909 г. товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов предписал генерал-майору ОКЖ А.В. Герасимову провести ревизию ряда розыскных учреждений империи, а также Балканской агентуры; лично познакомиться с сотрудниками, выяснить эффективность их работы, соответствие денежных расходов, дать необходимые инструкции⁵³³. 24 апреля Герасимов в сопровождении ротмистра Кречунеско выехал из Одессы на Балканы. 26 апреля в Бухаресте ревизору

⁵²⁸ Там же. 1906 г. Ед. хр. 872. Л. 163–172. К.Д. Кречунеско — В.А. Левдикову. 24 апреля 1909 г. № 6; Там же. Л. 175–175 об. С.Е. Виссарионов — В.А. Левдикову. Июнь 1909 г. № 130784.

⁵²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Ед. хр. 872. Л. 175–179.

⁵³⁰ Там же. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 79–80 об. Д.С. Померанцев — директору Департамента полиции. 15 марта 1910 г. № 51.

⁵³¹ Там же.

⁵³² Там же. Л. 94–94 об.

⁵³³ Там же. Ед. хр. 194. Л. 2–2 об.

был представлен агент Мотылёв, 27-го в Софии — агент Шварц, 28-го в Константинополе — агент Прессино, 29-го там же — агент из Варны «Такварьян». В тот же день оба жандарма выехали из столицы Турции и вернулись в Одессу 1 мая⁵³⁴.

Отчетный рапорт Герасимова от 17 июля 1909 г. был крайне скептически в отношении Балканской агентуры. Он писал: «Существование агентуры на Балканском полуострове можно отметить только в юридическом отношении, так как в действительности никакого освещения о положении революции получить нельзя. Как известно, в данное время центры революционных партий, действующих в пределах России, сосредоточены в Париже и Швейцарии, откуда и исходят все директивы по организациям партий»⁵³⁵. О постановке же агентурной работы на Балканах Герасимов докладывал: «Балканский полуостров входит в район Одесского охранного отделения. Агентуры, освещающей революционное положение на полуострове, никакой нет, если не считать проживающего в Бухаресте эмигранта Пекарского, бывшего народовольца. Пекарский пожилой человек, потерял все революционные связи и о нынешнем положении революции совершенно не осведомлен. Другой сотрудник, помощник капитана на одном болгарском пароходе, имеет некоторые связи с анархистами в Швейцарии. Для наблюдения за передвижением эмигрантов-революционеров установлено 4 наблюдательных пункта. В Яссах — заведует пунктом отставной жандармский унтер-офицер Осадчук, в Бухаресте — бывший филер Мотылёв, в Софии — еврей Шварц, занимающийся адвокатурой, наконец, в Константинополе один грек, весьма сомнительных нравственных качеств. Все эти наблюдательные пункты о передвижении наших эмигрантов никаких сведений не имеют, и никакой пользы делу от них нет»⁵³⁶.

Как представляется, именно по итогам ревизии Герасимова руководство политического сыска Российской империи признало необходимость коренного обновления состава агентуры на Балканах путем прекращения отношений с большинством прежних секретных сотрудников, за исключением агентов «Такварьяна» и «Карова» в Болгарии. Главной причиной необходимости активизировать сыск на Балканах высшие чины охранки называли укрепление позиций в этом регионе партий Дашнакцутюн и Гнчак и установление ими связей с радикальными элементами пришедшего к власти в Константинополе младотурецкого комитета. В департаменте обращали особое внимание на то,

⁵³⁴ Там же. Л. 5–5 об.

⁵³⁵ Там же. Л. 6–6 об.

⁵³⁶ Там же. Л. 15–15 об.

что еще в 1908 г. под Софией дашнаками была открыта военная школа для подготовки офицеров будущей армянской армии⁵³⁷.

Исходя из этих соображений, в январе 1910 г. товарищ министра внутренних дел, командир ОКЖ генерал-майор П.Г. Курлов призвал необходимым перенести штаб-квартиру заведующего агентурой на Балканах и в Турции в Константинополь. Для ознакомления с будущими условиями работы и существующей секретной агентурой в столицу Османской империи 9 февраля 1910 г. был временно командирован помощник начальника Кавказского районного охранного отделения коллежский асессор В.В. Ленчевский, человек с богатым и разносторонним опытом военной и сыскной службы, ведший работу по Дашнакцутюн в Закавказье⁵³⁸.

Владимир Владимирович Ленчевский родился 2 июля 1871 г. в семье потомственных дворян Волынской губернии, окончил военно-училищные курсы Киевского пехотного юнкерского училища по 1-му разряду. 21 января 1903 г. он был переведен в ОКЖ штабс-ротмистром и прикомандирован к отделению по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге. 21 февраля 1903 г. Ленчевский был прикомандирован к Одесскому охранному отделению, а 6 декабря того же года — произведен в ротмистры. Однако вскоре досадное и нелепое происшествие разрушило его жандармскую карьеру. Как сообщает служебная справка, «11 мая 1904 года ротмистр Ленчевский, возвращаясь ночью с гуляния, устроенного начальником Охранного отделения для служащих отделения в награду за удачные ликвидации⁵³⁹, и находясь в нетрезвом состоянии, принял участие в драке четырех служащих Отделения с частными лицами, — за что ему было предложено подать прошение о выходе в запас»⁵⁴⁰. 26 августа 1904 г. Ленчевский был зачислен в запас армейской пехоты, с переименованием в капитаны, а уже 5 сентября он был определен на службу в 138-й Болховский пехотный полк, в рядах которого ему довелось принять участие в войне с Японией. На сопках Маньчжурии бывший жандармский ротмистр был два раза контужен, один раз ранен и награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость».

Однако служба в армейской пехоте, видимо, не привлекала Ленчевского. 8 ноября 1907 г. он был уволен от службы по домашним

обстоятельствам, а уже 18 января 1908 г. определен на службу чиновником для письма Департамента полиции, с переименованием в коллежские асессоры и с откомандированием в Тифлис для исправления должности чиновника для поручений при Кавказском районном охранном отделении. Так Ленчевский вновь вернулся к делу политического сыска. Главным предметом его ведения стала самая влиятельная и опасная революционная партия Закавказья того времени — армянский Дашнакцутюн. Работа Ленчевского в доселе незнакомых и трудных условиях Закавказья, среди инородческого населения, была признана начальством успешной, поскольку уже 21 июля 1909 г. он был назначен помощником начальника Кавказского районного охранного отделения с содержанием в 3600 руб. в год⁵⁴¹.

Главным итогом первой командировки Ленчевского в Константинополь стал составленный им подробный рапорт на имя директора департамента от 30 марта 1910 г. В этом докладе он дал обобщающий обзор деятельности революционных партий на Балканах и в Турции, а также усилий русской полиции по борьбе с ними. Ленчевский был убежден, что главный центр революционной деятельности в регионе находился в Константинополе, где обреталось руководство армянских революционных организаций, младотурецкого комитета (другой его центр, как справедливо отмечал Ленчевский, находился в Салониках), исламистских и анархистских партий. Самой могущественной и опасной силой чиновник Департамента полиции называл армянский Дашнакцутюн. Ленчевский утверждал, что именно эта партия, находившаяся в тесном контакте с младотурками, была важным фактором недавних революций в Персии и Турции⁵⁴². В союзе с Дашнакцутюном состояла и армянская социал-демократическая партия Гнчак. Из Константинополя осуществлялось руководство всеми заграничными центрами партии дашнаков; кроме того, Ленчевский отмечал наличие у нее связей с революционными инородческими партиями в России (финскими, кавказскими, польскими и еврейскими), их стремление объединить под своим руководством и всех русских революционеров. Еще одним источником угрозы Ленчевский называл тайную деятельность младотурок по революционизированию панисламистской про-

⁵³⁷ Там же. Ед. хр. 436. Л. 22–23.

⁵³⁸ Там же. Л. 21–21 об.

⁵³⁹ Понятие «ликвидация» в лексиконе русских секретных служб того времени означало «аресты, обыски и выемки со всеми дальнейшими последствиями до суда и наказания виновных включительно» (см.: Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 2. С. 169).

⁵⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 1. Л. 86.

⁵⁴¹ Там же. Л. 86–88.

⁵⁴² Т.н. конституционная революция 1905–1911 гг. в Персии, на своем начальном этапе совпавшая с Первой русской революцией 1905–1907 гг., серьезно дестабилизировала ситуацию во всем регионе, обострив соперничество между Россией и Англией за влияние в этой стране. Активными участниками революционных процессов в Персии были и младотурки, и дашнаки, и другие радикальные силы. Для русских секретных служб все это существенно повышало значимость задачи наблюдения за ситуацией в Персии и Закавказье.

пагандой российских мусульман, особенно горцев Кавказа, в первую очередь — Дагестана и Чечни.

По убеждению Ленчевского, враги государственного строя России также свили себе гнезда в Румынии и Болгарии. В первой они были представлены в основном различными группами и кружками анархистов и эсеров (последние имели свой комитет, подчиненный Парижскому), а также остатками матросов экипажа броненосца «Князь Потёмкин-Таврический». Деятельность эмигрантов-революционеров в Румынии сводилась в основном к отправке в Россию контрабандной литературы и снабжению беглецов паспортами. Схожей была обстановка в Болгарии, но опасность оттуда, по мнению Ленчевского, была серьезнее, поскольку в этой стране действовали две могущественные армянские партии, имевшие в среде многочисленной местной колонии армян свои отделения, содержавшие там склады оружия и взрывчатки и получавшие инструкции из Константинополя.

Автор доклада подчеркивал, что работа русской политической полиции по противодействию всем названным угрозам велась на Балканах совершенно неудовлетворительно. «Агентура Одесского охранного отделения, действующая на Балканском полуострове, крайне слаба и не организована, и ей часто неизвестно даже то, что является достоянием всякого лица, проживающего в названных государствах, не принадлежащего ни к какой революционной организации, а просто интересующегося политическими событиями, проходящими на его глазах и обсуждаемыми местной прессой», — констатировал Ленчевский⁵⁴³.

Министерство иностранных дел обещало Департаменту полиции оказать Ленчевскому содействие со стороны посла в Константинополе Чарыкова. Однако, по убеждению Ленчевского, при организации центра агентуры в Константинополе нельзя было рассчитывать на содействие русского посольства и консульства, готовых помогать больше на словах, чем на деле⁵⁴⁴. Как считал эmissар политического сыска, учреждения дипломатического ведомства следовало рассматривать

⁵⁴³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 34–38 об. В.В. Ленчевский — директору Департамента полиции. 30 марта 1910 г. № 4.

⁵⁴⁴ По словам Ленчевского, посол принял его радушно, выразил удовольствие по поводу целей организации розыска и отослал к консулу. Консул П.Г. Панафидин также встретил очень любезно, но все его практическое содействие свелось к обещанию дать комнату для занятий, кассу с ключом для хранения переписки, согласию подписывать телеграммы и отсылать донесения почтой за консульской печатью. От всякого другого участия консул устранился, в частности, в вопросе о разрешении свиданий Ленчевского с заявителями в стенах консульства. Одна из причин заключалась в том, что Панафидину очень надоело своими визитами прежние сотрудники охранки, особенно Мелас, от посещения которых консул просил его освободить, добавив, что денег никому давать не будет. Ленчевский успокоил его на этот счет (Там же).

лишь как временный приют и избегать посещений их, тем более что среди их служащих было много инородцев, в частности армян. Также не приходилось строить расчеты на содействие турецких властей и полиции, ведших плотную слежку за всеми представителями иностранных миссий и европейцами вообще.

Новую агентуру в Константинополе Ленчевский предлагал укомплектовать преимущественно сотрудниками Одесского и Кавказского районных охранных отделений. Свидания руководителя сыска пункта с ними следовало проводить в условиях строгой конспирации в целях сохранения в тайне личности заведующего агентурой. Желательно было также иметь при русском консуле мелкого служащего, лучше из старых надежных филеров, который мог бы служить передатчиком почты и для других мелких поручений. От заведующего агентурой требовалось знание турецкого и, по возможности, армянского языков, так как французский и немецкий в деле сыска в Турции были бесполезны.

«Что касается существующей агентуры в Румынии и Болгарии, — писал Ленчевский — то если Департамент полиции не найдет возможным ее совершенно упразднить, то таковую, за исключением сотрудника “Такварьяна”, ввиду вышеизложенных условий, было бы удобнее оставить в распоряжении Одесского охранного отделения, тем более что ротмистр Кречунеско, благодаря знанию румынского языка, вошел в личные сношения на почве взаимных услуг в деле розыска с румынской полицией»⁵⁴⁵.

Руководство департамента согласилось с основными положениями доклада Ленчевского. В апреле 1910 г. ему было предписано готовиться к новой шестимесячной командировке в Константинополь с целью организации там агентуры, для чего ему следовало незамедлительно приступить к изучению турецкого и армянского языков⁵⁴⁶. 12 ноября 1910 г. Ленчевский был командирован в османскую столицу с денежным содержанием в 5400 руб. в год. Так было положено начало работы агентурного бюро Департамента полиции на берегах Босфора.

В Константинополь В.В. Ленчевский прибыл с заграничным паспортом на фамилию «Лобанов». Конспирация работы бюро с самого начала была скорее фиктивной. Несмотря на предупреждения Ленчевского о практической невозможности и нецелесообразности для агентуры работать «по парижскому образцу», под консульской крышей, помещение для канцелярии бюро было отведено именно в здании русского консульства, среди персонала которого было много

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 47.

турок и армян, в том числе и весьма подозрительных, по мнению сотрудников бюро, личностей. Следующий глава Константинопольской агентуры даже просил у начальства разрешения ночевать кому-нибудь из его сотрудников в служебном помещении — для охраны секретных материалов⁵⁴⁷.

Вся корреспонденция от Константинопольской агентуры шла в Одессу и в Департамент полиции по консульской почте, за печатью консула; причем письма передавались напрямую сотрудниками консульства капитанам русских пароходов. Собственным российским почтовым отделениям в Константинополе, которые существовали там по условиям капитуляций великих держав и Турции и были укомплектованы в основном местными жителями, русские дипломаты и агенты полиции справедливо не доверяли⁵⁴⁸. Как докладывал в марте 1914 г. ротмистр Кречунеско, сменивший Ленчевского на посту руководителя бюро, с самого приезда «Лобанова» в Турцию местные власти и русские эмигранты были твердо убеждены в том, что он занимается политическим сыском. Более того, эмигранты неоднократно обсуждали вопрос, что им делать с «Лобановым», и каждый раз решали, что он безвреден для них⁵⁴⁹.

И все же, в конце концов, вопиющее отсутствие конспирации в работе Константинопольского бюро привело к закономерному результату. В ночь на 16 июля 1912 г., после совместного ужина в ресторане со своими знакомыми анархистами-эмигрантами Анатолием Зафириди и Фридрихом Гайлитсом, преподавателями местного 6-классного русского коммерческого училища, Ленчевский был жестоко избит ими на улице в Галате. Нападавшие пытались убить чиновника охранки, ему удалось вырваться и бежать, однако анархисты отобрали у него записную книжку, в которой он тайнописью делал свои заметки⁵⁵⁰. Сразу же после этого Ленчевский ходатайствовал об освобождении его от должности заведующего агентурой в Константинополе, утверждая, что находится в смертельной опасности, поскольку младотурецкому комитету удалось выяснить, что именно он занимался разоблачением панисламистской деятельности на Кавказе. 14 августа преемником Ленчевского был назначен ротмистр К.Д. Кречунеско, выехавший в

Турцию с загранпаспортом на имя Константина Дмитриевича Казимира и денежным содержанием в 7950 руб. Передача дел и сотрудников затянулась до февраля 1914 г., когда начальство наконец позволило Ленчевскому выехать в Россию⁵⁵¹.

Константинопольская агентура создавалась буквально на пустом месте; штатный состав нового органа, как и начальный кадр секретных сотрудников, формировался по прочно укоренившемуся в России импровизационному принципу — «с бору по сосенке». Помощником заведующего агентурой стал коллежский секретарь Геннадий Дмитриевич Венценосцев. Этот молодой человек (1887 г. рождения), окончивший Пензенскую гимназию с серебряной медалью и Лазаревский институт восточных языков с правом на чин X класса, владел французским, турецким, персидским, азербайджанским, сартовским, арабским, армянским и грузинским языками. С 1909 г. он служил переводчиком, затем делопроизводителем Туркестанского районного охранного отделения, в мае 1912 г. был командирован в Константинополь под фамилией «Волков», с окладом жалованья в 3600 руб. в год и с выплатой на разъезды по городу 25 руб. в месяц⁵⁵². Увы, несмотря на впечатляющую языковую подготовку, Венценосцев оказался совершенно непригоден для службы. Непосредственный начальник характеризовал его как «неуживчивого, грубого, во всех отношениях отрицательного и нежелательного подчиненного»⁵⁵³.

Венценосцев неоднократно пренебрегал инструкциями начальства и основами конспирации⁵⁵⁴. В частности, однажды в ресторане в разговоре с неким коммерсантом Вейсманом (возможно, это был все тот же самый Сендер Вейсман, непотопляемый провокатор и шантажист) Венценосцев отрекомендовался востоковедом и служащим в «казенном бюро по предупреждению и пресечению проституции русско-подданных женщин в Константинополе»⁵⁵⁵. Сказал, что бюро помещается в здании консульства, что его начальник — дряхлый седой старик; иными словами, понес вздор, опасный для конспирации

⁵⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 1. Л. 86–88.

⁵⁵² Там же. Л. 6–7 об.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Однажды Венценосцев попросту отказался перепечатать на машинке рукописный текст перевода с турецкого, выполненного переводчиком Мамедовым. Не имея на то ни права, ни разрешения, Венценосцев самовольно именовал себя то атташе, то секретарем, то драгоманом посольства; позднее же, в ответ на обвинения начальства, он утверждал, что место имели ошибки и недоразумения. В действительности, сразу после прибытия Венценосцева в июне 1912 г. в Константинополь Ленчевский дал ему указание называться при необходимости студентом, прикомандированным к посольству для изучения восточных языков. Однако Венценосцев явно пренебрегал этим указанием.

⁵⁵⁵ Там же. Л. 30–31 об.

⁵⁴⁷ Там же. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 1. Л. 10–10 об.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 173–174 об.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 107–108. К.Д. Кречунеско — директору Департамента полиции. 3 марта 1914 г. № 65.

⁵⁵⁰ Там же. 1911 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Л. 168–175 об. Для характеристики местных релей добавим, что, как стало известно в январе 1913 г., один из обидчиков Ленчевского, латыш Ф.Ф. Гайлитс, оказался в большой нужде, растратил хранившиеся у него деньги анархистов, занялся попрошайничеством, опустился и, в конце концов, застрелился в пьяном виде (Там же. Ч. 2. Л. 104).

агентуры. Сразу же выяснилось, что собеседник его был не так уж прост, поскольку он начал говорить о своих связях с Парижской агентурой Департамента полиции, о покойном П.И. Рачковском, рассказал даже о прежней Балканской агентуре с центром в Бухаресте. Когда об этом разговоре стало известно Ленчевскому, тот ужаснулся болтливости своего подчиненного и сообщил ему, что его странный собеседник был агентом революционных кругов, специально направленным для изучения работы охранки в Константинополе. На все обвинения Венценосцев упрямо отвечал, что версию о бюро по борьбе с проституцией ему предложил сам Ленчевский. В конце концов, начальство потребовало отзыва Венценосцева и увольнения со службы⁵⁵⁶. Должность помощника заведующего агентурой была после этого упразднена.

Чиновником для письма при Константинопольской агентуре с весны 1914 г. был назначен Георгий Георгиев Аждер (Аждеров), 27 лет, житель Рени Бессарабской губернии, родной брат казначея штаба ОКЖ подполковника К.Г. Аждера. Штатным переводчиком при Константинопольской агентуре, с зачислением чиновником для письма Департамента полиции, стал житель города Шемахи, смотритель Рустовского училища Кубинского уезда Бакинской губернии коллежский секретарь Мамед Гаджи Рашидович (Рашид-оглы) Мамедов. По смете на содержание личного состава агентуры в Константинополе выделялось 13 200 руб. в год (по 1100 руб. в месяц)⁵⁵⁷.

Основной состав секретных сотрудников Константинопольского бюро был укомплектован случайными и малопригодными людьми. Еще в феврале 1910 г. Департаментом полиции был командирован в Константинополь бывший секретный сотрудник Кавказского районного охранного отделения Левон Сааков Баласанян (Баласанянц), уроженец Эриванской губернии, проходивший под псевдонимом «Субботин». Это был агент с богатым, но довольно сомнительным прошлым и подмоченной репутацией. В 1907 г. он, являясь членом партии Дашнакцутюн, стал секретным сотрудником Кавказской охранки. Вскоре «Субботин» был провален пришедшим на свидание с ним сотрудником, однако ему удалось оправдаться. Изображая обиду на заподозривших его товарищей, он перешел в партию Гнчак, примкнув к ее русофильской фракции Сабах Гюляна. Новый повод подозревать «Субботина» возник в 1911 г., когда после его поездки по делам партии в Одессу там сразу же была проведена ликвидация⁵⁵⁸.

⁵⁵⁶ Там же. Л. 58, 67, 100, 105, 164.

⁵⁵⁷ Там же. 1912 г. Ед. хр. 381. Л. 13; 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 2. Л. 3–4.

⁵⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 1. Л. 140–141 об.

Одновременно генерал-майор Д.С. Померанцев командировал из Одессы в Константинополь своего секретного сотрудника, также из числа дашнаков, действовавшего под псевдонимом «Головинский». В бытность свою в Одессе он давал сведения по партиям эсеров и анархистов-коммунистов; после произведенных зимой 1910 г. ликвидаций «Головинского», во избежание провала, подвергли административной высылке. Сотрудники «Субботин» и «Головинский» составили основной кадр внутреннего наблюдения Константинопольского бюро. Они поселились в столичном районе Галата под видом торговцев, снимали соседние лавки. Вскоре два агента-армянина начали ссориться друг с другом, а это менее всего способствовало успеху их негласной работы, особенно принимая во внимание, что оба ранее уже были скомпрометированы в революционных кругах. В декабре 1913 г. Ленчевский получил агентурные сведения о том, что местное отделение партии Гнчак недавно исключило из своей среды Баласаняна-«Субботина», уже в третий раз обвиняя его в работе на охранку. Не зная, какими уликами располагают члены партии, Ленчевский не был уверен, что сможет вновь реабилитировать своего агента. Однако вскоре ротмистр Кречунеско выяснил, что слухи о провале Баласаняна распускал «Головинский»⁵⁵⁹.

Наконец, Одесская охранка передала Ленчевскому своих агентов в Болгарии «Карова» и «Такварьяна» — двух наиболее ценных сотрудников в составе прежней агентуры на Балканах. По словам Ленчевского, «Такварьян», подобно «Головинскому» с «Субботиным», был передан ему уже фактически проваленным, однако благодаря умелым действиям его, Ленчевского, восстановил и укрепил свое высокое положение в партии анархистов-коммунистов, развил связи с Союзом черноморских моряков и Македонской революционной организацией⁵⁶⁰.

После начала работы Константинопольского бюро охранки и передачи ему основных полномочий по освещению региона агентурная работа собственно на Балканах пришла в еще больший упадок.

В декабре 1910 г. исполняющий обязанности вице-директора Департамента полиции, чиновник для особых поручений IV класса, статский советник С.Е. Виссарионов получил предписание Курлова за № 820 «подробно ознакомиться с постановкой розыска» в Жандармском управлении Одессы и районном охранном отделении⁵⁶¹. С 16 по 24 декабря Виссарионов на месте ознакомился с делами за период с 1 августа 1909 г., т.е. с момента объединения Одесского охранного отде-

⁵⁵⁹ Там же.

⁵⁶⁰ Там же. 1911 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Ч. 2. Л. 62–63 об.

⁵⁶¹ Там же. 1910 г. Ед. хр. 365. Л. 1.

ления и Жандармского управления, по 15 декабря 1910 г. Общий вывод ревизора заключался в том, что начальник Жандармского управления и охранного отделения генерал-майор Д.С. Померанцев был прекрасным администратором, глубоко честным, порядочным, экономным чиновником, отлично знающим ведение дознаний и переписки; строгим и требовательным к себе и к другим. Однако, при всем этом, он мало соответствовал задачам по организации, приобретению и ведению внутренней агентуры, которая в Одессе была налажена плохо.

«В столь же плачевном состоянии мною найдена деятельность района и по Балканской агентуре», — докладывал Виссарионов. Он отмечал, что заведующий агентурой ротмистр Кречунеско в сентябре 1910 г. был в Румынии, в Бухаресте, а прочих населенных пунктов никто из районного охранного отделения не посещал; все сношения велись только письменно. Агентурой в Турции начал заведовать Ленчевский; соответственно, денежный отпуск Померанцеву на агентуру на Балканах был уменьшен. Теперь им расходовалось всего около 600 руб. в месяц. В Румынии агентом состоял только Мотылёв, получавший 150 руб. в месяц. Своей агентуры у него не было, сведения были весьма скудны и добывались в основном путем перлюстрации. После увольнения агентов Осадчука и Лайминга перестали поступать сведения из Ясс и Галаца соответственно. В Софии по-прежнему находились на службе агент Шварц и один филер. Кроме того, в распоряжении Шварца были два филера для наблюдения за армянами в Филиппополе; они получали 170 франков. По выводу Виссарионова, в болгарском Разграде проживало много анархистов-коммунистов, однако у охранки там никого не было. В итоге ревизор согласился с предложением Померанцева и Кречунеско поселить там одного филера с жалованьем 150 франков в месяц.

«За переходом сотрудника [“Такварьяна”] к Ленчевскому агентура по Румынии и Болгарии фактически отсутствует, между тем на содержание ее было израсходовано в течение 11 месяцев 12 098 руб. 31 коп.», — докладывал Виссарионов. Ранее, до увольнения Осадчука и других ничего не дававших сотрудников, в месяц расходовалось до 1200 руб. После увольнений и передачи агентуры Ленчевскому расход сократился наполовину. Виссарионов докладывал о желательности объединения руководства вообще всей агентурой на Балканах в одних руках, а именно у Ленчевского. Однако до тех пор, пока он не освоился полностью в Константинополе, признавалось необходимым, чтобы Кречунеско, владеющий французским и румынским языками и имеющий связи в регионе, организовал эффективную агентуру в тех городах, где были сосредоточены русские эмигранты⁵⁶².

⁵⁶² Там же. Л. 43–62 об. О Балканской агентуре см.: Там же. Л. 56–57.

По итогам доклада руководством в марте 1911 г. было решено, согласно рекомендации Виссарионова, перевести Померанцева на должность начальника другого жандармского управления, туда, где этот пост не был совмещен с постом начальника районного охранного отделения⁵⁶³. Иными словами, это был перевод с понижением.

Однако оздоровить и оптимизировать агентуру на Балканах все же не удавалось, в том числе и потому, что охранка, как и прежде, с большим трудом избавлялась от старых сотрудников. Так, еще до ревизии Виссарионова, с 1 июля 1910 г., был уволен ветеран работы на Балканах Осадчук, продолжавший просить о сохранении ему жалованья и материальной помощи, присылавший бесполезные и пустые сведения. Большинство его донесений на имя Кречунеско представляло смесь отчаянных просьб о материальной помощи и расплывчатых малоинтересных сведений о каких-то якобы признаках активности революционеров. В 1911 г. Осадчук, которому тогда было 54 года, с семьей перебрался в Россию, в город Ананьев Херсонской губернии. Как раз в то время начали создаваться контрразведывательные отделения военно-окружных штабов, и возглавивший КРО штаба Одесского военного округа жандармский подполковник Н.Н. Аплечеев принял Осадчука на службу с 10 октября 1911 г. В должности чиновника для поручений Осадчук вновь служил на румынской территории. Он был стар и болен, страдал цереброспинальной невралгией в тяжелой форме, нарушавшей его психическую деятельность, а также хронической экземой. В феврале 1914 г. Осадчук был вынужден прекратить службу в Бухаресте, якобы из-за крайне расстроенного здоровья⁵⁶⁴.

В действительности же он оказался в центре очередного шпионского скандала, разгоревшегося в Румынии в январе. Русские эмигранты стали замечать пропажу своих писем, что они приписывали местному «черному кабинету» (т.е. полицейскому подразделению перлюстрации). Однако румынские власти выяснили, что прибывшие в Бухарест под видом мелких торговцев Осадчук и Мотылёв по старой привычке подкупили почтовых чиновников и организовали перлюстрацию всей входящей и исходящей русской почты. Для этого они имели особую конспиративную квартиру. Для прикрытия Осадчук содержал чайную лавку, в которой хранилось всего два-три десятка коробок этого товара. Распространились слухи, что Осадчук был близок с Алтыновичем, главным участником громкого шпионского «дела Голиеску». Румынское общество было возмущено. В конце концов глава сигуранцы добился разрешения на немедленную высылку Осадчука; Мотылёву же

⁵⁶³ Там же. Л. 66.

⁵⁶⁴ Там же. 1909 г. Ед. хр. 301. Л. 55–59 об., 84, 95–96.

удалось доказать свою непричастность⁵⁶⁵. Даже после этого провала одесская контрразведка из-за острой нехватки кадров была вынуждена продолжать пользоваться услугами Осадчука; этот заслуженный, но уже малопригодный для дела сотрудник-инвалид прослужил в Одессе при КРО штаба округа до 8 сентября 1916 г. О Мотылёве же русская контрразведка в 1915 г. получила сведения, что он был завербован Альбертом Вернером, главой германской разведывательной организации в Румынии, и работал на него в России, получая за это 3000 франков в месяц⁵⁶⁶. Объективных подтверждений этому нет, но, учитывая общий моральный уровень секретных сотрудников русского политического сыска того времени, мы не можем считать совершенно невероятным столь постыдный финал более чем 30-летней карьеры Мотылёва на Балканах.

Представители русской военной разведки и сотрудники агентуры Департамента полиции на Балканах и в Константинополе мало соприкасались между собой в своей деятельности. Их основные задачи и методы работы сильно различались. К примеру, перед командировкой Ленчевского в Константинополь начальство предписало ему воздержаться от деловых сношений с военным агентом генерал-майором И.А. Хольмсенем⁵⁶⁷. Тем не менее иногда военным разведчикам приходилось обращаться к агентам полиции за содействием. Так, осенью 1912 г., накануне 1-й Балканской войны, болгарская сторона полностью прекратила информировать русского военного агента в Софии Генштаба полковника Ю.Д. Романовского (представителя вооруженных сил державы, которая была покровительницей и арбитром Балканского союза!) о своих мобилизационных мероприятиях. Тот был вынужден добывать сведения о ходе мобилизации агентурным путем. Важные услуги в этом ему оказал агент Балканской агентуры Департамента полиции «Каров» (адвокат Петр Шварц), и Романовский особо отметил это в докладе начальству. Генерал-квартирмейстер ГУГШ Ю.Н. Данилов писал исполняющему должность директора Департамента полиции С.П. Белецкому: «Военный агент в Болгарии, Генерального штаба полковник Романовский, донес, что состоящий в г. Софии агентом Департамента полиции П. Шварц, во время последних событий, за которыми пришлось следить агентурным путем, сообщал полковнику Романовскому безвозмездно весьма ценные сведения, которые, по тщательной проверке, всегда оказывались верными. О таковой полез-

ной деятельности агента Департамента полиции П. Шварца почитаю долгом довести до сведения Вашего превосходительства»⁵⁶⁸.

Очевидно, представители Генштаба искренне хотели поощрить Шварца, но результат вышел прямо противоположный. Директор департамента распорядился представить письмо Данилова для доклада министру внутренних дел, поскольку в данном случае имел место факт сотрудничества с военной разведкой, запрещенного Департаментом полиции своим заграничным представителям⁵⁶⁹. Так что, скорее всего, для Шварца дело закончилось выговором, а для Генштаба — неприятной перепиской с МВД. Этот случай довольно красочно живописует проблему взаимодействия военной и политической разведки Российской империи за рубежом. Впрочем, были случаи и более успешного сотрудничества двух ведомств, благодаря частной инициативе начальников на местах. К примеру, в октябре 1907 г. сотрудники Одесского охранного отделения в Румынии, с разрешения подполковника Левдикова, оказали содействие командированным в эту страну негласным агентам военного ведомства по подбору информаторов, в частности, ими был предложен «весьма интересный и серьезный сотрудник, согласившийся давать ценные военные сведения»⁵⁷⁰. Левдииков докладывал своему начальству, что пошел навстречу военному ведомству, имея в виду исключительно пользу общего дела, однако дал подчиненным указание «относительно не принимать, без надлежащего на то распоряжения, какого-либо активного участия в области этих [военных] разведок»⁵⁷¹.

Агентуре Департамента полиции в Константинополе довелось действовать в период двух Балканских войн, в том числе и в осадных условиях конца 1912 г., под грохот канонады с Чатадджинской укрепленной линии. В те дни большинство европейцев в османской столице спешили укрыться в зданиях посольств и консульств, рассчитывая на защиту со стороны десантных отрядов, орудий и пулеметов великих держав в случае возможных кровавых беспорядков. Сотрудники агентуры Кречунеско продолжали с риском для жизни исполнять свой долг, однако в таких условиях и при остром кадровом голоде их работа не могла быть плодотворной.

Сам Кречунеско после окончания Балканских войн докладывал начальству о необходимости активизации работы за пределами Турции, прежде всего в Болгарии, к власти в которой пришли русофобские

⁵⁶⁵ Там же. 1914 г. Ед. хр. 1. Л. Д. Т. 1. Л. 63.

⁵⁶⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 495. Л. 55–57. Туркистанов В.Г. Доклад по ЦВРБ. 24 октября 1915 г. № 7272.

⁵⁶⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1911 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Л. 20.

⁵⁶⁸ Там же. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 168. Ю.Н. Данилов — С.П. Белецкому. 15 октября 1912 г. № 1695.

⁵⁶⁹ Там же.

⁵⁷⁰ Там же. 1906 г. Ед. хр. 872. Л. 124–125 об.

⁵⁷¹ Там же.

силы и где были сильны позиции социалистов⁵⁷². Помимо прежних ценных сотрудников «Карова» и «Такварьяна», в Болгарии Константинопольская агентура приобрела в то время нового тайного агента «Петрова». Он был 40–42 лет от роду, жил прежде в Варне, а к началу 1914 г. — в Филиппополе, где служил префектом городской полиции. «Петров» передавал Кречунеско сведения, которые получал от своей агентуры⁵⁷³. С конца 1911 г. тайным сотрудником Жандармского управления Одессы состоял градоначальник Варны Михайлов. Еще до занятия поста градоначальника он оказывал свои услуги русскому вице-консулу Г.С. Фонвизину, затем активно предлагал свою помощь в политическом сыске новому вице-консулу К.Л. Рагозину, а также работал с представителем Балканской агентуры Шварцем. По оценке Фонвизина и Рагозина, Михайлов был «человеком энергичным и знающим свое дело», но «увлекающимся и способным из честолюбия и желания играть роль преувеличивать значение сообщаемых им фактов»⁵⁷⁴. Михайлов говорил, что имеет ценные источники в революционной среде, которые позволяли ему осветить всю деятельность русских эмигрантов в Болгарии и их планы по ввозу революционной контрабанды в Россию. Одновременно, чтобы подстраховаться, Михайлов писал записки министру внутренних дел Болгарии о необходимости сотрудничества с русской полицией в деле борьбы с революционерами и просил для себя разрешения на поездку в Одессу для переговоров с русскими властями. С 9 января 1912 г. градоначальник Варны был зачислен вспомогательным сотрудником Департамента полиции с месячным жалованьем 75 руб. (200 франков)⁵⁷⁵.

И все же наладить стабильную и плодотворную работу агентуры в Болгарии так и не удалось ни из Константинополя, ни из Одессы. В конце декабря 1913 г. Кречунеско был вызван в Петербург, на Фонтанку, 16, «для выяснения причин бездеятельности означенной [Константинопольской] агентуры»⁵⁷⁶. В своем докладе ротмистр был вынужден признать, что «наличный состав его секретных сотрудников является настолько слабым и недостаточным, что не может с успехом освещать деятельность русских революционных групп, функционирующих в Константинополе и на Балканском полуострове»⁵⁷⁷. В январе 1914 г. директор департамента С.П. Белецкий предпринял попытку усилить кадры секретных сотрудников Константинопольской агентуры путем

⁵⁷² Там же. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 1. Л. 133–134. К.Д. Кречунеско — директору Департамента полиции. 14 апреля 1914 г. № 125.

⁵⁷³ Там же. Т. 2. Л. 1а.

⁵⁷⁴ Там же. 1912 г. Ед. хр. 354. Л. 1–5 об.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 6–8 об.

⁵⁷⁶ Там же. 1914 г. Ед. хр. 200. Л. 15–16 об.

⁵⁷⁷ Там же.

командирования туда агентов жандармских управлений Одессы, Севастополя, Бессарабии и Тифлиса. По этому вопросу завязалась переписка, но в итоге управления смогли предложить всего несколько малопригодных дляграничной работы сотрудников, либо уже проваленных, либо сомнительных занятий, либо неспособных действовать в среде революционных партий. К концу апреля Департамент полиции был вынужден сообщить Кречунеско, что не может передать ему на усиление никого из подходящих сотрудников⁵⁷⁸.

17 февраля 1914 г. руководство Департамента полиции утвердило инструкцию заведующему агентурой в столице Османской империи. Главной задачей ему ставилось наблюдение за деятельностью на Балканах, в Константинополе и Александрии русских и иностранных революционных организаций, угрожающих безопасности России, прежде всего — за передвижением международных террористов и анархистов, намеревающихся проникнуть в пределы России. В инструкции подчеркивалось, что в обязанности Константинопольской агентуры не входят общая политическая разведка и наблюдение за революционными организациями, не враждебными Российской империи. Бюро в Константинополе не следовало заниматься сбором подробных сведений по Азиатской Турции, Сирии, Персии, Египту (кроме Александрии), поскольку там не было ни соответствующей агентуры, ни русской революционной эмиграции. В будущем допускалось начало наблюдения за деятельностью армянских революционеров в пределах Эрзерумского вилайета и в персидском Тавризе. Все сведения из Константинополя предписывалось докладывать директору Департамента полиции, в случае необходимости также — начальникам жандармских управлений Одессы, Крыма, Кавказа и Бессарабии. Всякие встречи с официальными лицами в Константинополе инструкция признавала неудобными и излишними. В отношениях с дипломатами сотрудники Константинопольской агентуры должны были соблюдать такт и осторожность, беречь секретных сотрудников от провала. Подбором последних следовало заниматься как самому бюро в Константинополе, так и Департаменту полиции (как уже было сказано, оба в действительности ничего с этим не могли поделать). Именно результаты работы с секретной агентурой, отмечалось в инструкции, должны были стать мерилем успешности сыскного пункта в Константинополе⁵⁷⁹.

Установление контактов с политической полицией Болгарии и Сербии было признано целесообразным, но их рекомендовалось завязывать не напрямую, а по линии МИД. Впрочем, целый ряд вопросов

⁵⁷⁸ Там же. Л. 48.

⁵⁷⁹ Там же. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 1. Л. 75–78 об.

взаимодействия ведомств Фонтанки и Певческого моста оставался нерешенным. В мае 1914 г. был выдвинут проект причисления штатных сотрудников Константинопольской агентуры к русскому генеральному консульству в османской столице. Однако генконсул А.Ф. Шебунин возражал против этого, считая, что приобретение чинами охраны статуса консульских служащих могло помешать их работе⁵⁸⁰.

Константинопольская агентура во главе с ротмистром К.Д. Кречунеско была слаба, неэффективна и явно не соответствовала обширным задачам, поставленным перед ней руководством. Через несколько дней после начала мировой войны, еще до разрыва дипломатических отношений России и Турции, глава Константинопольского бюро расписался в собственной беспомощности и, по сути дела, бежал с вверенного ему поста. 31 июля 1914 г. Кречунеско, не получив на то никаких распоряжений начальства, самочинно вернулся в Одессу, привезя с собой переводчика Мамедова и архив агентуры. Начальнику Одесского охранного отделения П.П. Заварзину он объяснил свое возвращение «невозможностью продолжать розыск в Турции вследствие начавшегося под влиянием Германии преследования турецкими властями служащих в российском посольстве»⁵⁸¹. Руководству Департамента полиции пришлось смириться с этим и принять решение: «Бюро Балканской агентуры упразднить впредь до окончания войны с Германией и выяснения политических взаимоотношений с Турцией»⁵⁸². С 1 сентября 1914 г. Балканская агентура официально прекратила свое существование⁵⁸³. Переводчика Мамедова было решено оставить на службе, с назначением в распоряжение начальника Жандармского управления Одессы; «Головинскому» и «Субботину» назначены разовые пособия по 400 руб., а «Карову» — 250 руб., при условии представления этим последним своего архива⁵⁸⁴.

Ротмистру Кречунеско было предписано явиться к 11 августа в Петербург с оправдательными документами для отчета в израсходованных денежных средствах, от которого тот прежде уклонялся⁵⁸⁵. Были внимательно проанализированы донесения Кречунеско за 1914 г., и выводы оказались очень неблагоприятны для бывшего руководителя бюро в Константинополе. Практически все донесения агентуры Кречунеско по партиям Дашнакцутюн и Гнчак и по Болгарии были признаны несущественными или запоздалыми; агенты черпали их преимущественно из партийной прессы и общих слухов. Заключение

⁵⁸⁰ Там же. Л. 167–167

⁵⁸¹ Там же. Л. 177.

⁵⁸² Там же. Т. 2. Л. 20.

⁵⁸³ Там же. Л. 75–75 об.

⁵⁸⁴ Там же. 1912 г. Ед. хр. 381. Л. 59–60 об.

⁵⁸⁵ Там же. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 1. Л. 178.

департамента гласило: «Большинство агентурных предприятий ротмистра Кречунеско начинаются донесениями, содержащими многообещающий и серьезный материал, а затем оканчиваются ничем, так как дальнейших сведений по возникшему делу обыкновенно от него не поступало»⁵⁸⁶.

Проведенная тогда же проверка отчетности выявила, что «в отношении оправдательных документов оказался целый ряд недочетов, сводящийся к полному отсутствию расписок сотрудников, к представлению документов, подлежащих проверке вследствие своей неясности, и к превышению норм выдач»⁵⁸⁷. Общая сумма неоправданных расходов Кречунеско составила 4681 руб. 62 коп., неясными и подлежащими проверке были признаны оправдательные документы на сумму 1069 руб. 23 коп., неправильные выдачи и неоправданные повышения жалованья составили 772 руб. 52 коп., необоснованно было выведено на личную агентуру 470 руб. Учитывая ряд других мелких погрешностей, всего Кречунеско был обвинен в неоправданном расходовании 7020 руб. 89 коп. (что составляло примерно сумму общих расходов его бюро за трехмесячный период)⁵⁸⁸.

Предельно ясную картину крупной денежной растраты дополняли позорные детали: склеивание ротмистром Кречунеско целого ряда расписок сотрудников из отдельных кусочков, а также подделывание почерка агента «Карова» (Шварца), что выяснилось путем сличения его расписок с имевшимися в департаменте образцами. 15 сентября 1914 г. бывший руководитель Константинопольского бюро Департамента полиции бежал из России в Румынию и 2 октября высочайшим приказом был исключен из службы безвестно-отсутствующим⁵⁸⁹.

Что привело карьеру жандармского ротмистра к такому постыдному концу? В апреле 1914 г. Кречунеско, жалуясь на нехватку способных подчиненных, в письме на имя директора Департамента полиции писал, что, как свидетельствовал его шестилетний опыт заведывания агентурой на Балканах, «сплошь и рядом могущие быть полезными в империи сотрудники оказываются непригодными для заграничной жизни, что отражается на выполнении взятых ими на себя услуг»⁵⁹⁰. Увы, эти слова оказались полностью справедливыми и в отношении его самого. Лишь позднее стало известно, что, в бытность свою в Константинополе, Кречунеско «по имеющимся секретным сведениям, вместо выполнения своих прямых обязанностей, всецело предавался

⁵⁸⁶ Там же. Т. 2. Л. 2–21.

⁵⁸⁷ Там же. Л. 5 об.

⁵⁸⁸ Там же. Л. 2–21.

⁵⁸⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 325. Л. 1. В.П. Никольский — М.Н. Леонтьеву. 24 апреля 1915 г. № 776.

⁵⁹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 200. Л. 45–46.

торговым предприятиям, в каковые, по-видимому, вкладывал казенные суммы, отпускаемые на розыск»⁵⁹¹.

Немного времени спустя русская разведка в Румынии вновь столкнулась с призраком беглого жандармского ротмистра-растратчика. В апреле 1915 г. начальник штаба ОКЖ В.П. Никольский обратился в Генштаб с просьбой проверить сведения о том, что бывший ротмистр Кречунеско якобы стал помощником редактора одной бухарестской газеты и часто появлялся в обществе русского военного агента в Румынии полковника Б.А. Семёнова⁵⁹². В ответе на запрос Семёнов категорически отрицал это; наведя справки, он выяснил следующее. Еще 13 декабря 1914 г. румынское Министерство юстиции уведомило нашу миссию, что 5 октября того же года в институт Медиколегаль в Бухаресте был доставлен труп некоего Константина Кречунеско, 42 лет от роду, по профессии — агента секретной полиции, румына-бессарабца под русским покровительством, родившегося в Кагуле и проживавшего в Бухаресте, на улице Колумбелор, 11-бис. Умер он 1 октября 1914 г. в госпитале Кольца. Смерть Кречунеско наступила от отравления фосфором, что было удостоверено медицинским вскрытием, акт которого был препровожден русской миссией через бессарабского губернатора вдове Кречунеско⁵⁹³. У начальника румынской тайной полиции Панаитеску Семёнов выяснил частным образом, что Кречунеско покончил жизнь самоубийством. Панаитеску также подтвердил, что некоторое время Кречунеско состоял тайным агентом сигуранцы⁵⁹⁴. В Генштабе так и не узнали, являлся ли покойный Кречунеско одним лицом с бывшим жандармским ротмистром. Однако все данные, включая точный возраст покойного, не оставляли в этом никаких сомнений.

Наряду с Балканской агентурой Департамента полиции, наблюдение за территорией Румынии осуществляло также Бессарабское губернское жандармское управление, со штаб-квартирой в Кишинёве. Накануне Великой войны во главе его стоял полковник ОКЖ Константин Федорович Нордберг, знаток местного революционного движения и достаточно опытный специалист по агентурной работе. Он занимал этот пост вплоть до лета 1916 г. В самой Бессарабской губернии к началу 1914 г. организованного революционного подполья не существовало; это позволяло управлению Нордберга ограничиваться слабой внутренней агентурой числом в шесть человек, а также одиннадцатью филерами из унтер-офицеров⁵⁹⁵. Закордонная агентура Бес-

сарабского ГЖУ состояла из одного агента у ротмистра С.М. Ральцевича с пограничного пункта в Рени и двух агентов у подполковника М.С. Афанасьева с пограничного пункта в Измаиле⁵⁹⁶. Они работали в основном на Дунае, среди матросов Русского Дунайского пароходства, наблюдая за их связями с тайной организацией «Союз черноморских моряков».

Таким образом, основным предметом внимания управления была деятельность русских революционеров-эмигрантов в Румынии, однако ряд сведений кишинёвских жандармов мог заинтересовать и военную разведку. Копии некоторых сводок Бессарабского ГЖУ передавались Нордбергом в Одессу, на имя начальника штаба Одесского военного округа; позже в годы войны разведка военного ведомства и Департамент полиции пытались расширить взаимодействие и обмен информацией, но здесь предсказуемо возник целый ряд серьезных затруднений.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что накануне Первой мировой войны аппарат политической полиции Российской империи был не лучше приспособлен к заграничной разведывательной работе, чем у их коллег-оппонентов из военного ведомства. Деятельность русской политической полиции на Балканах в конце XIX — начале XX в. испытывала негативное влияние целого ряда недалёковидных организационных и финансовых решений руководства. Но главная причина ее низкой результативности все же заключалась в грубых промахах в области кадрового отбора. Все прочие проблемы были следствием этого. Ответственные руководители Департамента полиции проявляли вопиющий непрофессионализм в сфере подбора сотрудников для заграничной службы, контроля за их деятельностью, в том числе агентурной, обеспечения конспиративности их работы. Череда плачевных и постыдных провалов на Балканах и в Константинополе свидетельствовала о переоценке руководством русского политического сыска своих возможностей. Ставя масштабные задачи своим зарубежным органам, оно мало беспокоилось о соответствии им наличных кадров, сил и средств.

Итак, к началу Первой мировой войны органы политического сыска Российской империи практически прекратили свою работу на большей части Балканского полуострова и в Турции. В ходе развернувшейся борьбы за Балканы русская военная разведка не могла рассчитывать на сколько-нибудь весомое содействие со стороны политической полиции, и к этому военные разведчики были подготовлены еще довоенным опытом.

⁵⁹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 325. Л. 6–6 об. Доклад по КРО при Огенкваре. 11 июня 1915 г. № 4723.

⁵⁹² Там же. Л. 1. В.П. Никольский — М.Н. Леонтьеву. 24 апреля 1915. № 776.

⁵⁹³ Там же. Л. 3. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 4 мая 1915 г. № 594.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 4. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 6 мая 1915 г. № 600.

⁵⁹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 2–3 об.

⁵⁹⁶ Там же.

Глава 6

БАЛКАНИСТЫ С БЕЛЫМИ АКСЕЛЬБАНТАМИ:
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУДЬБЫ И ПРОБЛЕМЫ
КАДРОВОГО ОТБОРА ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

В те дни, когда разворачивались основные события этой книги, главными стражами русских интересов на Балканах были, со стороны Генштаба Российской империи, официальные военные агенты в государствах полуострова. Каждый из них был по-своему яркой и незаурядной личностью. В своих темно-зеленых мундирах с отделкой из черного бархата, со штаб-офицерскими погонами, нагрудными знаками Николаевской академии Генерального штаба и белыми аксельбантами — русские военные агенты были заметными фигурами в жизни балканских столиц. Им довольно непросто было затеряться на городских улицах и площадях, в королевских дворцах и Генеральных штабах, в театрах, ресторанах и на светских приемах. Повсюду этих людей сопровождали внимание, уважение и любопытство окружающих, иногда молчаливые, иногда шумно-показные, к которым нередко примешивались чувства беспокойства и даже тревоги. Все это было неразрывно связано с их статусом официальных представителей вооруженных сил великой северной державы — постоянного участника большой игры на Балканах, одного из вершителей судеб региона. Однако эти люди не всегда надевали свою яркую форму, поскольку у них было много дел, не допускавших шума и огласки. И уж точно мало кто из сторонних наблюдателей был посвящен в служебные секреты и мысли русских военных агентов.

Поскольку именно эти люди являются главными героями нашего исследования, нам не помешает подробнее познакомиться с каждым из них. Итак, обратимся к изучению жизненного и служебного пути тех лиц, которые занимали посты военных агентов России на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны. Возможно, сведения о них недостаточно представительны для обобщающих выводов в масштабах всего списка из нескольких десятков офицеров русского Генштаба, служивших на военно-агентских должностях в начале XX в. Однако более подробное рассмотрение биографий основных персонажей нашего исследования способно принести весьма важное человеческое изменение в освещение проблемы деятельности русской военной разведки

на Балканах. Только так мы сможем получить ответ на вопрос, кем на самом деле были эти люди по своим профессиональным и личным качествам, и при этом избежать социологических обобщений, вообще малоценных при изучении службы разведки и корпуса генштабистов.

Ю.Д. Романовский (1877–1939). В 1911–1914 гг. пост военного агента в Болгарии занимал Генштаба полковник Юрий (Георгий) Дмитриевич Романовский. Он родился 13 ноября 1877 г. в Царском Селе, в семье потомственных дворян. Юрий Романовский был сыном выдающегося русского военного деятеля, Генштаба генерал-лейтенанта Дмитрия Ильича Романовского (1825–1881)⁵⁹⁷. Его отец, тверской дворянин, воспитанник Главного инженерного училища и участник кампаний 1847–1848 гг. в Чечне, окончивший Императорскую военную академию (1848–1851), в 1851 г. за «противузаконные поступки» (ссору перед фронтом) был уволен от службы и затем рядовым отправлен на Кавказ⁵⁹⁸. Вскоре он отличился в делах против горцев и в сражениях с турками при Башкадыкларе, Кюрюк-Дара и при штурме Карса, был восстановлен в офицерском чине капитана, стал доверенным лицом генерала князя А.И. Барятинского. В 1858 г. Д.И. Романовский был переведен в Генеральный штаб, в 1862–1866 гг. занимал должность главного редактора газеты «Русский инвалид», стал автором выдающегося труда по истории Кавказской войны⁵⁹⁹. Наконец, в 1866 г. он сменил генерала М.Г. Черняева на посту военного губернатора Туркестанской области и сразу же добился больших успехов, разбив главные силы бухарского эмира при урочище Ирджар, взяв штурмом крепости Ходжент и Ураз-Тюбе. Позже Д.И. Романовский был начальником штаба Казанского военного округа, командующим 11-й пехотной дивизией, членом ВУК⁶⁰⁰.

Блестящая военная карьера отца предопределила выбор и благоприятные условия начала служебного поприща сына. Меньше года от роду Юрий Романовский был зачислен пажом-кандидатом высочайшего двора. Очень рано осиротев, он получил воспитание в стенах Николаевского кадетского корпуса, из которого в 1893 г. поступил в Пажецкий корпус, окончил его камер-пажом в 1895 г. и был выпущен корнетом в лейб-гвардии ее императорского величества Уланский полк (Новый Петергоф). На протяжении нескольких последующих

⁵⁹⁷ Подтверждение этого факта оказалось крайне трудно найти в официальных документах, и лишь одно частное письмо Ю.Д. Романовского периода эмиграции позволило окончательно установить его родство с Д.И. Романовским (ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 5–5 об. Ю.Д. Романовский — В.В. Чернавину. Б.д. Б.н.).

⁵⁹⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Ед. хр. 39110. Послужной список Д.И. Романовского. 1873 г.; см. также: Милютин Д.А. Воспоминания 1843–1856. М., 2000. С. 462.

⁵⁹⁹ Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году Генерального штаба полковником Романовским. СПб., 1860.

⁶⁰⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Ед. хр. 39110. Послужной список Д.И. Романовского. 1873 г.

лет корнет Романовский активно расширял свой опыт в разных областях, мало связанных с его будущей службой генштабиста и разведчика. При 5-й батарее гвардейской Конной артиллерии он знакомился с артиллерийской стрельбой и конно-артиллерийским делом, с октября 1898 по апрель 1899 г. занимался в фехтовальной команде лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, участвовал в первой всеобщей переписи населения 1897 г.⁶⁰¹

Осенью 1899 г. Романовский с успехом выдержал вступительные экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба. В академии вчерашний лейб-улан учился успешно, хотя и не в числе первых. Случалось ему и прогуливать занятия. Его однокашник и приятель кавалергард граф А.А. Игнатъев вспоминал, как однажды ему пришлось расписаться за отсутствовавшего Романовского в листе посещения лекций, а тот решил не рисковать и тогда же подал рапорт о болезни, оказавшись, таким образом, одновременно и здоровым, и больным⁶⁰². Летом 1901 г. Романовский, вместе с еще одним слушателем академии, пропустил положенный срок обязательных глазомерных съемок, вследствие чего вопрос о его переводе на дополнительный курс академии был представлен на высочайшее воззрение⁶⁰³. К счастью, все разрешилось благополучно — весной 1902 г. Юрий Романовский окончил дополнительный курс, хотя в общем списке своего выпуска по старшинству он был всего лишь 53-м из 66 офицеров, окончивших «успешно»⁶⁰⁴. Получив за успехи в учебе, согласно правилам, чин штабс-ротмистра, он сразу же был направлен отбывать двухлетний ценз строевого командования ротой в лейб-гвардии 1-м его императорского величества стрелковом батальоне — еще одной элитной гвардейской части. Однако из-за начала войны с Японией ему не удалось отбыть положенный срок ценза полностью. 11 февраля 1904 г. Романовский получил назначение на должность старшего адъютанта штаба расквартированной в Квантунской области 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, будущей героической защитницы Порт-Артура, понесшей самые тяжелые потери во время его осады — 15 378 человек убитыми и ранеными, или свыше 94% ее начального состава⁶⁰⁵. В рядах этой дивизии Юрию Романовскому было суждено с честью пройти первое испытание боевыми трудами.

27 марта 1904 г., незадолго до потери сообщения с Порт-Артуром, Ю.Д. Романовский прибыл к новому месту службы — в город Дальний

⁶⁰¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 22468. П/с 110–138. Послужной список Ю.Д. Романовского. 1908 г.

⁶⁰² *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 97–98.

⁶⁰³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Ед. хр. 1175. Л. 15.

⁶⁰⁴ Там же. Ед. хр. 1205. Л. 6–7.

⁶⁰⁵ К 1 мая 1904 г. в дивизии налицо было 16 175 человек (см.: *Шварц А.[В.]*, фон, *Романовский Ю.[Д.]* Оборона Порт-Артура. Ч. 1–2. СПб., 1910. Ч. 2. С. 618 (Приложения. С. 20)).

на Квантунском полуострове. Очень скоро начались оборонительные бои на дальних подступах к Порт-Артуру, и в каждом из них Романовскому довелось отличиться. Сражения у горы Самсон 3 мая, на перешейке у Цзиньчжоу 13 мая, на Зелёных горах 21 июня, оборона «позиции на перевалах» 15 июля принесли ему, соответственно, боевые ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость», Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Приказом по Квантунскому укрепрайону от 4 августа капитан Романовский был назначен заведующим конно-охотничьими командами и разведкой Порт-Артура, а 22 августа он был поставлен во главе сводного передового отряда Западного фронта обороны крепости, в составе двух рот пехоты, одной пешей и шести конных охотничьих команд, одной казачьей сотни и двух скорострельных орудий. Задача отряда Романовского заключалась в противодействии обходу левого фланга Западного фронта и прикрытии горного массива Лаотешань. С 8 ноября 1904 г. этот отряд занимал пятиверстный участок 1-й оборонительной линии Западного фронта, пролежавший от Малой Голубиной бухты до деревни Якудзуй; позже его позиции было присвоено название 2-го боевого участка. Японцы неоднократно атаковали участок Романовского, прикрывавший с левого фланга знаменитую гору Высокую — ключ обороны Порт-Артура.

К 13 декабря отряд Романовского насчитывал 1228 штыков, 6 скорострельных орудий, 3 орудия разного калибра, 5 пулеметов⁶⁰⁶. Отбивая упорные штурмы японцев, отряд нес большие потери. Во время боев 12–17 ноября в отряде Романовского выбыли из строя 3 офицера и 110 нижних чинов, в бою 19 декабря — 2 офицера и 250 нижних чинов⁶⁰⁷. Сам командир отряда счастливо избежал ранений и контузий. «В воздаяние отличного мужества и храбрости в делах с японцами под Порт-Артуром в августе, сентябре, октябре и с 7-го по 19-е ноября 1904 года» ему было пожаловано золотое оружие с надписью «за храбрость» и, наконец, уже в 1907 г. ему была пожалована самая почетная боевая награда — орден Св. Георгия 4-й степени — «за блестящий подвиг мужества, выказанный при защите крепости Порт-Артур, 17-го ноября 1904 г., когда японцы значительными силами атаковали позиции на Голубиных бухтах, несмотря на губительный огонь артиллерии противника, он с полным спокойствием руководил боем и, воодушевляя примером личной храбрости подчиненных ему нижних чинов, отбил все атаки противника, нанеся ему громадные потери, и удержал позицию».

После капитуляции Порт-Артура Романовский принял решение не отправляться в японский плен, а воспользоваться разрешени-

⁶⁰⁶ Там же. С. 578.

⁶⁰⁷ Там же. С. 473, 596–597.

ем императора Николая II и вернуться в Россию, чтобы продолжать службу, дав слово офицера не участвовать в текущей войне с японцами. В февралю 1905 г. он прибыл с эшелоном в Одессу и после непродолжительного отдыха получил новое назначение — начальником строевого отделения штаба Свеаборгской крепости, одной из лучших второклассных крепостей империи, расположенной на островах близ Гельсингфорса. В условиях революционной смуты и военных мятежей на Балтике служба на такой должности отнюдь не была sinecure. 17 июля 1906 г. в Свеаборге произошло крупное восстание солдат крепостной артиллерии, поддержанное проникшими на острова отрядами финской «красной гвардии». Часть крепости перешла в руки мятежников. Артиллерийским обстрелом с их стороны комендант крепости и его штаб, сослуживцы и товарищи Романовского, были вынуждены укрыться в казармах минной роты. Лишь утром 20 июля восстание было подавлено совместными силами верных присяге сухопутных войск и Балтийского флота⁶⁰⁸. Генштаба капитан Романовский во время мятежа находился в 15-дневном отпуске, который ему пришлось немедленно прервать.

Во время своей службы в Свеаборге Романовский начал активно заниматься изучением минувшей войны. В 1906 г. военный инженер капитан А.В. фон Шварц, одного с Романовским выпуска из НАГШ, сражавшийся на Восточном фронте обороны Порт-Артура, предложил ему совместно написать историю борьбы за эту крепость⁶⁰⁹. Их фундаментальный двухтомный труд, на издание которого Главное инженерное управление выделило 5 тыс. руб., получил широкое признание у специалистов, был переведен на немецкий и французский языки⁶¹⁰. Оба автора совместно преподнесли свое произведение императору в Царском Селе; тот внимательно изучил содержание книги⁶¹¹. Сотрудничество Романовского и Шварца оказалось весьма плодотворным; ими также было опубликовано несколько переводных работ по истории обороны Порт-Артура⁶¹². Кроме того, Романовский написал

⁶⁰⁸ Центрархив. Военные восстания в Балтике в 1905–06 гг. / подгот. к печ. А.К. Дрейзен, В. Петров, М. Ахун; с предисл. В.И. Невского. М., 1933.

⁶⁰⁹ Кроме того, А.В. фон Шварц был членом официальной Военно-исторической комиссии для описания Русско-японской войны под председательством В.И. Гурко; он стал соавтором 8-го тома труда комиссии, посвященного обороне Порт-Артура.

⁶¹⁰ См.: Шварц А.[В.], фон, Романовский Ю.[Д.] Оборона Порт-Артура. СПб., 1908–1910. Ч. 1–2.

⁶¹¹ Шварц А.В., фон. Жизнь, мысли, дела и встречи. Часть 1-я. От детства до Ивангорода // Архивы русской эмиграции: материалы Российского военно-исторического архива в Париже: в 4 т. / под ред. А.А. Геринга. Fresno, CA, 1973. Т. 3. С. 147, 149.

⁶¹² Джемс Д. Осада Порт-Артура / пер. с англ. СПб., 1907; Борьба за Порт-Артур. Приложение к Австрийскому военному журналу Штрэфлера. С 4 планами и 8 приложениями / пер. с нем., под ред. и с примеч. А.В. фон-Шварц, Ю.Д. Романовского. СПб.,

очерк обороны этой крепости для вышедшей в 1910 г. книги А.А. Свечина о Русско-японской войне⁶¹³.

7 февраля 1908 г. подполковник Ю.Д. Романовский был переведен в ГУГШ, в часть 2-го обер-квартирмейстера, на должность помощника делопроизводителя. В дальнейшем Романовский продолжил специализироваться в изучении Японии и ее вооруженных сил; работал он много и плодотворно. По просьбе военного издателя П.А. Риттиха, Романовский составил справочную книгу по японской армии, изданную в 1910 г.⁶¹⁴ В начале того же года военный министр распорядился составить новое военно-географическое и статистическое описание Дальнего Востока, причем работу эту следовало закончить не позднее 1 января 1911 г. Исполняя приказ, за восемь месяцев Романовский и его коллега Генштаба полковник Д.Н. Надежный подготовили капитальный трехтомный труд «Дальний Восток» общим объемом около 1900 страниц, который увидел свет как не подлежащее оглашению издание Отдела генерал-квартирмейстера⁶¹⁵.

Сразу по окончании этого монументального труда, после трех лет службы в Огенкваре, 21 февраля 1911 г. Романовский был назначен военным агентом в Болгарию, на смену полковнику М.Н. Леонтьеву, получившему 85-й Выборгский пехотный полк. В докладе на высочайшее имя Сухомлинов писал, используя стандартную для таких случаев формулу: «Полковник Романовский является вполне соответственным к занятию должности военного агента в Болгарии, как по своим способностям, так и по знанию иностранных языков»⁶¹⁶. Назначение Романовского в Болгарию состоялось, когда было уже очевидно приближение новых военных и политических катаклизмов на Балканах, одним из главных источников и центров которых должна была стать именно болгарская столица. За три с половиной года, проведенных им в Софии, Романовский, по общему признанию, стал весьма заметной фигурой в военно-политической жизни Болгарии и приобрел серьезный авторитет среди местного офицерства и в дипломатических кругах. В 1915 г., незадолго до вступления Болгарии в войну, опытный

1907; *Тадеучи Сакурай*. Живые ядра. Очерк боевой жизни японской армии под Порт-Артуром / с предисл. гр. Окума; пер. с англ., под ред. Ю. Романовского, А. фон-Шварца. СПб., 1909.

⁶¹³ Свечин А.А., Романовский Ю.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. по документальным данным труда Военно-исторической Комиссии и другим источникам. Ораниенбаум, 1910.

⁶¹⁴ Романовский Ю.[Д.] Японская армия. Справочник современного устройства японских вооруженных сил. (С рисунками, чертежами и фотографиями). СПб., 1910.

⁶¹⁵ Надежный [Д.Н.], Романовский Ю.[Д.] Дальний Восток / под общ. ред. Л.М. Болховитинова. СПб., 1911. Т. 1–3.

⁶¹⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 1305. Л. 15. В.А. Сухомлинов — Николаю II. Доклад по ГУГШ. 5 февраля 1911 г. № 10.

румынский дипломат Александру Гурэнеску, поверенный в делах в Болгарии, проведенный в этой стране семь лет, так отзывался о Романовском: «Если исключить покойного г. Сементовского (бывший русский посланник в Софии Д.К. Сементовский-Курило. — В.К.), то, мне кажется, один генерал Романовский действительно понимает болгарскую политику. Он усвоил манеру говорить с болгарями. По-моему, только он может что-нибудь сделать при настоящих обстоятельствах; это единственный шанс на спасение»⁶¹⁷. А Альфред Вагтс, ссылаясь на материалы австро-венгерской дипломатии, пишет, что румыны уверяли австрийских представителей, будто вся система русского шпионажа против Румынии была сосредоточена в руках полковника Романовского (что, конечно, было совсем не так). Австрийцы же характеризовали Романовского как «очень способного, высокообразованного офицера», который своей активностью в деле формирования Балканского союза намного превосходил русского посланника⁶¹⁸.

Дела и занятия полковника Романовского в Софии далеко выходили за рамки придворного военно-дипломатического представительства. Он широко занимался негласным сбором информации о военной и политической жизни Болгарии, установил ценные связи с русофильскими офицерскими и гражданскими кругами, вел агентурную разведку. По некоторым сведениям, в 1911 г. он предпринимал попытки переговоров с начальником штаба болгарской армии генералом Иваном Фичевым о возобновлении русско-болгарской военной конвенции 1902 г.⁶¹⁹ При его предшественнике М.Н. Леонтьеве в 1910 г. все усилия русской миссии в Софии в этом направлении завершились неудачей.

В 1911–1912 гг. Романовский был посвящен в подробности выработки условий болгарско-сербского союза и даже выступил со своим проектом раздела Македонии, который в дипломатической переписке получил название «границы Романовского» и лег в основу первоначальной позиции русского МИД по македонскому вопросу⁶²⁰. Тем не менее русский военный агент не поддерживал идею начала Балканским союзом войны против Турции осенью 1912 г.; он считал, что начало боевых действий стало результатом слабости и беспомощности русской политики в Болгарии⁶²¹. Во время 1-й Балканской войны Романовский находился в качестве официального русского военного представителя при болгарской Главной квартире. Вплоть до начала

⁶¹⁷ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 206–206 об.

⁶¹⁸ Vagts A. The Military Attaché. Princeton, NJ, 1967. P. 228.

⁶¹⁹ Хол Р. България по пътя на Първата световна война. София, 2005. С. 46.

⁶²⁰ Там же. С. 65; Жебокрицкий В.А. Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960. С. 165–169.

⁶²¹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 64–67. Ю.Д. Романовский — Н.А. Монкевицу. 20 сентября 1912 г. Б.н.

2-й Балканской (Межсоюзнической) войны он оставался убежденным сторонником русско-болгарского военного союза. 17 июня 1913 г., в самый день открытия боевых действий между Болгарией и ее вчерашними союзниками, Романовский, еще не получивший последних новостей, писал в своем донесении: «Такая конвенция представляется мне весьма желательной и соответствующей нашим военно-политическим интересам на Балканском полуострове»⁶²². При этом на проблему русско-болгарского сближения он смотрел глазами прагматика-генштабиста: «При определении же наших будущих взаимоотношений с Болгарией наши военные интересы будут всегда доминировать над остальными. Я даже скажу, что помимо этих интересов искать нам здесь пока нечего»⁶²³. Из-за начала войны этот доклад был отправлен Романовским в Генштаб лишь 23 июля, причем сам автор признавал, что, в свете последних событий, его рапорт уже потерял всякий смысл.

После начала Межсоюзнической войны летом 1913 г. Романовский, с разрешения Огенквара, под предлогом болезни дипломатично уклонился от выезда в полевой штаб командования болгарской армии⁶²⁴. Однако когда над Болгарией в ходе войны нависла угроза окончательного разгрома коалицией союзников, Романовский в качестве посредника сопровождал болгарскую делегацию в Ниш для переговоров с сербами о заключении перемирия. Затем на протяжении последнего года перед мировой войной русский военный агент в Софии занимался изучением враждебной России деятельности нового болгарского правительства.

Боевой офицер и герой Порт-Артура, после начала европейской войны полковник Романовский не задержался на заграничной должности, предпочтя ей строевую службу на фронте, что было несвойственно для многих других военных агентов России. Высочайшим приказом 3 сентября 1914 г. он был назначен командиром 20-го Галицкого пехотного полка и отбыл из Болгарии после смены его Генштаба подполковником А.А. Татариновым⁶²⁵. 25 сентября Романовский приехал в Петроград, а уже 4 октября отправился в действующую армию, к вверенному ему полку, с которым и принял участие в боевой страде⁶²⁶. В марте 1915 г. командующий 5-й дивизией в аттестации Романовского писал, что он «отличный командир полка во всех отношениях. Храбрый. Превосходно распоряжается в бою». Романовский был аттестован «выдающимся» и достойным выдвижения на должности командира неотдельной пехот-

⁶²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 73–75 об. Ю.Д. Романовский — Ю.Н. Данилову. 17 июня 1913 г. № 75.

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 42, 44.

⁶²⁵ Там же. Л. 6.

⁶²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2903. Л. 21, 23.

ной бригады или начальника штаба корпуса. Любопытно, что одним из вышестоящих командиров, одобдивших данную аттестацию, был давний и близкий знакомый Романовского по Болгарии, генерал Радко Димитриев, командующий 3-й армией Юго-Западного фронта⁶²⁷.

Через полгода после этого, в октябре 1915 г., познания, опыт службы и связи Романовского в Болгарии были вновь востребованы Верховным командованием, которое в то время готовило экспедицию русских войск на Балканы. Генерал-майор Романовский был назначен генерал-квартирмейстером штаба отдельной 7-й армии, заново формирующейся в районе Одессы и предназначенной для похода в Болгарию по суше или по морю. Это вторжение осенью 1915 г. так и не состоялось. Позднее Романовский со штабом 7-й армии принимал участие в неудачном наступлении Юго-Западного фронта в декабре 1915 г. Увы, ему не довелось после этой неудачи стать участником успешных операций своей армии в ходе весенне-летнего «Брусиловского» наступления 1916 г. С 1 марта 1916 г. Романовский был отозван из штаба армии и в конце апреля направлен в составе русской военной делегации на Западный фронт во Францию для изучения боевого опыта союзников. По решению Ставки, по возвращении из командировки Романовский был назначен начальником штаба XIII армейского корпуса, решение о чем было высочайше одобрено 4 июля 1916 г.⁶²⁸ XIII корпус в составе войск 12-й армии вел окопную войну на Северном фронте. «Немцы перед нами держатся пассивно, но сильно укрепились, и без могучей тяжелой артиллерии сбить их трудно. Доволен своей службой, так как здесь ближе стоишь к жизни и строю, чем в штабе армии, но, конечно, буду ждать с нетерпением дивизии», — писал Романовский в августе 1916 г.⁶²⁹ Однако его надежды получить командование дивизией так и не сбылись. В октябре 1916 г. генерал Романовский был назначен исполняющим обязанности начальника штаба 11-й армии и на этом посту встретил Февральскую революцию.

В мае 1917 г., вслед за отставкой военного министра А.И. Гучкова, Ю.Д. Романовский был назначен исполняющим должность начальника Генерального штаба, сменив на этом посту генерала П.И. Аверьянова. На эту высокую должность он был выдвинут новым военным министром А.Ф. Керенским, хотя сам Романовский никогда не сочувствовал революции и всегда оставался убежденным монархистом. Сведения о его жизни и деятельности во время Октябрьской революции и Гражданской войны отрывочны. В 1918 г. Романовский на стороне

белых участвовал в борьбе с большевиками на Волге, под Казанью. 23 октября 1918 г. он был назначен представителем Директории при союзном командовании во Владивостоке, затем с ноября 1918 по 1 февраля 1920 г. занимал должность главного уполномоченного и военного представителя Верховного главнокомандующего А.В. Колчака при союзниках на Дальнем Востоке⁶³⁰. После этого генерал Романовский получил назначение на пост представителя Колчака в Японии. В апреле 1920 г. он прибыл из Владивостока в Японию, где его и застало окончание Гражданской войны на Дальнем Востоке. В эмиграции генерал-лейтенант Романовский непродолжительное время оставался в Стране восходящего солнца, где стал первым председателем Объединенного комитета русских эмигрантских обществ в Иокогаме. Однако в 1922 г. он уже находился на Балканах, в хорошо знакомой ему столице Болгарии⁶³¹. Затем Романовский перебрался в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), где он был избран товарищем председателя Союза офицеров — участников Великой войны, созданного 30 сентября 1923 г. Члены этого объединения исповедовали крайние монархические принципы, из-за чего у них первоначально возникли трения с генералом П.Н. Врангелем, требовавшим отказа офицерства от политических лозунгов⁶³².

Остаток жизни Романовский провел в столице Королевства СХС, где ему, по данным П.И. Аверьянова на 1932 г., приходилось зарабатывать на жизнь простым инкассатором в частном торгово-промышленном предприятии⁶³³. Будучи по взглядам монархистом-легитимистом («кирилловцем»), Романовский не состоял ни в Русском общевойсковом союзе, ни в Обществе русских офицеров Генерального штаба. Проживал он в Белграде, по адресу улица Тополска, 19.

В 1926 г. в письмах к заведующему военным отделом Русского заграничного исторического архива в Праге генералу В.В. Чернавину Романовский рассказывал, что им были практически закончены мемуары о его участии в Гражданской войне. «Набросаны и мои воспоминания и о Болгарии и событиях 1912–1914 гг. Увы, беспристрастность не позволяет мне умолчать и о моих теперешних хозяевах (т.е. о сербах. — В.К.). А правды ведь никто не любит. Я перегружен работой по своей службе и все же урвал бы свободные минуты, чтобы закончить эту работу, ибо кроме меня никто осветить ее не может», — писал генерал Романовский⁶³⁴. К сожалению, судьбу его рукописи выяснить не

⁶²⁷ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 4641. Л. 53–54. Аттестация командира 20-го Галицкого пехотного полка Георгия Романовского.

⁶²⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1304. Л. 367–380.

⁶²⁹ Там же. Ед. хр. 1842. Л. 1–1 об.

⁶³⁰ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Ед. хр. 423. Л. 1–1 об.

⁶³¹ ГАРФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 25.

⁶³² ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 449–450.

⁶³³ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1.

⁶³⁴ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 6–6 об. Ю.Д. Романовский — В.В. Чернавину. Б.д. Б.н.

удалось. По имеющимся данным, Юрий Дмитриевич Романовский умер в Белграде в 1939 г. О семье его известно, что в 1915 г. он состоял в браке с Ольгой Модестовной Карамышевой, дочерью камергера высочайшего двора, действительного статского советника М.М. Карамышева. Детей у них в то время не было⁶³⁵.

А.А. Татаринов (1880–1946). Ярким представителем дореволюционного корпуса генштабистов и службы русской военной разведки был Генштаба полковник Александр Александрович Татаринов, военный агент в Болгарии (1914–1915), в Румынии (1916) и в Китае (с 1917 г.). Как сообщает пятая графа его послужного списка, он родился 24 июля 1880 г. в Екатеринославской губернии, в семье поручика. Согласно семейной истории, его дед Мирон был сельским священником в Малороссии. Позднее, 18 октября 1888 г., в день крушения поезда Александра III на перегоне Тарановка–Борки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги, Мирон Татаринов случайно оказался вблизи места катастрофы и одним из первых оказал помощь императорской семье, в награду за что получил новый приход на Екатеринославщине. Можно с большой степенью уверенности утверждать, что, будучи «сыном поручика» и внуком сельского священника, А.А. Татаринов по происхождению не принадлежал к потомственному дворянству. Впрочем, семейное предание рассказывает, что священник Мирон и его потомство находились в родстве с кавалергардским поручиком И.М. Татариновым, одним из главных участников убийства императора Павла I 11 марта 1801 г., офицерским шарфом которого заговорщики душили монарха. Впоследствии это родство, действительное или мнимое, не раз становилось источником затруднительных ситуаций для А.А. Татаринова.

Его отец Александр Миронович Татаринов, выбравший для себя военную стезю, служил в 135-м Керчь-Еникальском пехотном полку, принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., затем, выйдя в отставку в чине поручика, продолжил служить делопроизводителем в своем полку. Женой его стала Антонина Иосифовна Чиж, дочь дворянина чешского происхождения из Полтавской губернии. Керчь-Еникальский полк стоял в Павлограде; очевидно, там и появился на свет Александр Александрович Татаринов. Его отец умер, когда мальчику было всего четыре года. Осиротевшая семья оказалась в крайне тяжелом материальном положении, однако покровительство маленькому Саше оказал некий высокопоставленный офицер, друг его отца. По всей видимости, именно благодаря этой протекции Александр Татаринов был определен во 2-й Московский императора Николая I кадетский корпус, в который обыкновенно принимались дети бед-

⁶³⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 4641. Л. 53–54. Аттестация командира 20-го Галицкого пехотного полка Георгия Романовского.

нейших дворян Московской губернии. Татаринов и несколько других малолетних сирот жили в одном помещении со старшими кадетами, выходили вместе с ними на построение, приобщались к основам солдатской жизни. С матерью и сестрой Александр не встречался, пока ему не исполнилось девять лет. Можно сказать, что будущий офицер-разведчик почти с младенческого возраста оказался в военной среде, и это не могло не оказать влияния на формирование его личности.

В возрасте 15 лет Татаринов с отличием окончил кадетский корпус, затем в августе 1897 г. поступил в Павловское военное училище и осенью 1899 г. окончил его фельдфебелем роты его величества, четвертым по баллам в выпуске. За успехи в учебе педагогический комитет училища удостоил его премии генерала Е.И. Энегольма, в размере 120 руб. (процент с капитала), которая с 1850 г. выдавалась «одному из беднейших и отличнейших по наукам и по поведению юнкеров, выпускаемых из военных училищ в офицеры»⁶³⁶. Из училища Татаринов был выпущен подпоручиком с зачислением по армейской пехоте, но с прикомандированием к лейб-гвардии Литовскому полку, стоявшему в Варшаве. Таковы были общие для всех правила выхода из училища в гвардию.

По другому семейному преданию, однажды в 1897 г. юнкер рядового звания Татаринов, в числе других юнкеров-«павлонов», нес караульную службу в одном из императорских дворцов, вблизи от кабинета монарха. Внезапно сам Николай II подошел к нему, заговорил, стал задавать Татаринову вопросы, обнаружив знакомство с данными его послужного списка⁶³⁷. Один из вопросов императора был неожиданным и довольно каверзным: «Татаринов, а вы знаете, что один из ваших предков участвовал в убийстве одного из моих предков?» — «Да, ваше величество, — ответил юнкер, — но ведь это было очень давно!» — «Да, это так, но мы это всё помним!» — Он задумался, постоял немного около Татаринова, глубоко вздохнул, улыбнулся, пожелав Татаринову легкого дежурства, и удалился в свой кабинет⁶³⁸.

Выбор Татариновым вакансии в лейб-гвардии Литовском полку по выходе из училища, на что он имел право благодаря своему высокому баллу, был весьма необычным поступком для юнкера из бедной семьи. В то время служба в гвардии и сопряженные с ней высокие стандарты публичного положения офицеров-гвардейцев, как и прежде, требовали

⁶³⁶ РГВИА. Ф. 725. Оп. 37. Ед. хр. 175. Л. 1–8.

⁶³⁷ Этот факт может показаться поразительным, но очень многие современники, знавшие последнего императора, отмечали его необыкновенную память и внимание к деталям службы окружавших его офицеров и нижних чинов.

⁶³⁸ *Амал-Топарх-Юрьев Г.А.* Краткие выдержки из истории семьи Татариновых. Рукопись // Личный архив Г.А. Амал-Топарх-Юрьева (Мельбурн, Австралия). Очевидно, Николай II, услышав фамилию Татаринова, связал ее с известным ему именем участника царевубийства 1801 г.

от них больших расходов, поэтому вакансии в гвардии разбирали преимущественно те, кто имел дополнительное материальное обеспечение.

Впрочем, стоявшая в Варшаве 3-я гвардейская пехотная дивизия и гвардейская кавалерийская бригада, так называемая «Варшавская гвардия», отличались от гвардии столичной менее разгульным и шикарным образом жизни, что позволяло офицерам служить при минимальной поддержке из семьи и более располагало к серьезным занятиям⁶³⁹.

Первые годы своей службы Татаринов провел в большой нужде, что тщательно им скрывалось. Как вспоминает его племянник, никто из знакомых не догадывался, что этот блестящий, безукоризненно одетый и дававший щедрые чаевые гвардейский офицер жил впроголодь и был вынужден считать каждую копейку и строго себя во всем ограничивать. Поэтому знакомые удивлялись, что Татаринов всегда предпочитал получать денежную премию вместо иной награды, когда начальство предоставляло ему такой выбор. Первое время мать и сестра помогали ему присылкой денег, и лишь со временем, добившись служебного успеха, он сумел сторицей отблагодарить их. Отказавшись от удовольствий светской жизни, он посвящал все свободное время образованию и тем самым закладывал фундамент своей дальнейшей карьеры.

После положенных трех лет строевой службы в полку, в 1902 г. Татаринов поступил в НАГШ и окончил два основных ее курса по 1-му разряду. В трагическом для России цусимском мае 1905 г. он успешно завершил дополнительный курс академии, с производством за отличие в учебе в штабс-капитаны и с причислением к Генштабу. В июне 1905 г. Татаринов был назначен исполняющим должность обер-офицера для поручений при штабе XXI армейского корпуса, расположенном в Киеве. Два месяца спустя штаб корпуса был мобилизован для отправки на Дальний Восток, однако из-за последовавшего подписания Портсмутского мира Татаринов так и не успел попасть на войну с Японией и получить там боевое крещение.

В ноябре 1905 г. Татаринов был направлен для отбытия ценза строевого командования в лейб-гвардии Литовский полк; по итогам командования ротой в течение года и двух месяцев он получил блестящую аттестацию от батальонного командира, который отмечал высокие качества Татаринова как «начальника нижних чинов и руководителя их обучения», его физическую крепость и выносливость, отличные умственные способности, прекрасные отношения с товарищами⁶⁴⁰.

⁶³⁹ ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1. *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания о далеком прошлом. Рукопись.

⁶⁴⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 9063. Л. 1 об. Аттестация Генерального штаба капитана А.А. Татаринова за 1906 г.

10 января 1907 г. он был переведен в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом штаба 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (на ту же должность, что занимал Романовский в 1904 г.). На сей раз служба забросила Татаринова из Малороссии в далекое Забайкалье; штаб его дивизии был теперь расположен в селе Песчанка близ Читы. В мае 1907 г. начальник дивизионного штаба полковник Я.К. Цихович в своей аттестации Татаринова отмечал, среди прочего, что старший адъютант штаба владеет четырьмя иностранными языками — французским, немецким, английским и польским, хотя и несвободно; способен как к полевой, так и к штабной и административной службе, но с преобладающей склонностью к строевой. Здоровье Татаринова характеризовалось как прекрасное, в верховой езде он был неутомим (важный для генштабистов того времени пункт аттестации). В стандартной графе о знакомстве аттестуемого с окраинами империи и о его желании служить в Азии отмечалось, что Татаринов пока не был знаком с окраинами, но хотел бы служить во всех военных округах Азиатской России. Семейные предания также сообщают, что Татаринов сам попросил назначения на службу в Монголию или Китай, чтобы там защищать дальневосточные рубежи и интересы России. В дальнейшем оказалось, что служба на Востоке действительно была призванием Татаринова.

С ноября 1907 г. он проходил службу в штабе II Сибирского армейского корпуса (Чита), затем, с августа 1908 г., в штабе Заамурского округа пограничной стражи (Харбин), уже на китайской территории. Молодой капитан Генштаба начал специализироваться в разведывательном изучении Китая. Послужной список Татаринова содержит многочисленные записи о его участии в разведывательных поездках и рекогносцировках в Северной Маньчжурии, а также о командировке в Хабаровск «с секретным поручением», с 20 октября по 2 ноября 1909 г. 5 января 1910 г. он «выдержал экзамен по первой части особо установленной программы в знании китайского языка и получил, согласно протоколов Правления Общества К[итайско-]В[осточной]ж[елезной] д[ороги] 1903 года за № 62 и 3436, премию в размере 500 рублей»⁶⁴¹. В ноябре 1910 г. Татаринов был переведен в штаб Иркутского военного округа, но уже через месяц начальство командировало его в распоряжение русского военного агента в Пекине. На протяжении двух следующих лет Татаринов находился на заграничной работе в Китае, официально — для совершенствования знания китайского языка. В 1911 г. в Поднебесной началась Синьхайская революция, так что Татаринову пришлось служить в Китае в смутный период истории этой страны.

⁶⁴¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 52757. П/с 111/917. Послужной список А.А. Татаринова. 1917 г.

По семейной истории, он оказывал содействие становлению молодой армии Китайской республики, за заслуги перед которой был награжден Сунь Ятсеном (однако в послужном списке нет упоминания об этой награде). Татариновым был составлен первый русско-китайский и китайско-русский словарь военных терминов и техники.

В январе 1913 г. подполковник Татаринов получил перевод в Петербург, в Отенквар ГУГШ, где он продолжил работу по Китаю в Дальневосточном делопроизводстве под началом полковника С.А. Голованя. 2 ноября того же года Головань так аттестовал своего подчиненного: «Непрерывно в течение 9 месяцев исполняет обязанности помощника делопроизводителя. С порученным его ведению делом отлично освоился в короткий срок и занимается им усердно, с большим интересом и вниманием. Основательное знакомство с Дальним Востоком и в особенности с Маньчжурией и Китаем и знание китайского и английского языков дают подполковнику Татаринову возможность верно оценивать все без исключения поручаемые его обработке материалы и вносить в работу ценный личный опыт. Работает быстро, с большою пользою для дела, легко схватывая сущность вопроса и не теряясь в деталях; склонен обобщать их в стройное целое. Весьма дисциплинирован и для пользы дела способен совершенно не считаться с вопросами самолюбия и личных интересов. Служебным тактом обладает в высшей мере. Приветлив и строго корректен с окружающими. В суждениях скорее сдержан. Общителен только в кругу близких. Вполне здоров, весьма подвижен, любит спорт. Обладает хорошей памятью и прекрасными умственными способностями, большою вдумчивостью и предрасположением к анализу окружающих явлений. Впечатлителен. Нравственности безукоризненной. Отличный. Блестящий офицер Генерального штаба. Может быть прекрасным военным агентом. Достоин выдвижения на высшую должность вне очереди»⁶⁴². На той же аттестации было записано мнение начальника (скорее всего, Н.А. Монкевица или Ю.Н. Данилова): «В[есьма] скромный, очень тактичный и во всех отношениях выдающийся шт[аб]-офицер Генер[ального] штаба. Отлично знает Китай и вполне подготовлен для должности военного агента в этой стране. Кроме того, вполне пригоден для службы по военной агентуре и в других государствах. Отличный. Достоин выдвижения на должность по военной агентуре вне очереди»⁶⁴³.

Очень скоро для разведчика-китаиста Татаринова открылась подходящая вакансия. В декабре 1913 г. шанхайский помощник военного агента в Китае Генштаба полковник А.М. Николаев возбудил ходатайство о переводе его в Европу, предпочтительно на должность по-

⁶⁴² РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 9063. Л. 4 об.

⁶⁴³ Там же. Л. 5.

мощника военного агента в Великобритании. В докладной записке, составленной в Отенкваре по этому поводу, отмечалась желательность назначения на смену ему подполковника Татаринова, «всесторонне подготовленного к агентурной деятельности в Китае благодаря, с одной стороны, его службе в делопроизводстве, специально ведающем изучением названной страны, а с другой — бытности в двухгодичной командировке в последней для изучения языка, которым подполковник Татаринов ныне свободно владеет»⁶⁴⁴.

20 февраля 1914 г. Татаринов был назначен помощником военного агента в Китае, но так и не успел выехать к новому месту службы в Шанхай. С апреля 1914 г. он отбывал четырехмесячный ценз командования батальоном в своем родном лейб-гвардии Литовском полку, а затем разразилась европейская война, и Татаринов по обстоятельствам военного времени был задержан в Петербурге. Вскоре встал вопрос о быстрой замене полковника Ю.Д. Романовского в Болгарии, и выбор руководства Генштаба пал на Татаринова. Уже в конце августа 1914 г. началось согласование его кандидатуры. 7 сентября 1914 г. было получено высочайшее согласие на назначение Татаринова военным агентом в Софии, куда он и выехал 9 сентября, не дожидаясь изданного 13 сентября официального приказа о назначении⁶⁴⁵. Так, во многом благодаря стечению обстоятельств, началась служба Татаринова на Балканах в годы мировой войны, ставшая самой яркой страницей его карьеры военного разведчика.

17 сентября Татаринов прибыл в столицу Болгарии, в совершенно незнакомую для него страну. Здесь он пробыл целый год, вплоть до вступления Болгарии в мировую войну на стороне враждебного России лагеря; на протяжении этого времени Татаринов активно занимался негласной разведкой, включая работу с агентурой и даже организацию диверсий против грузов неприятельской военной контрбанды.

Любопытный отзыв о Татаринове в период его службы в Болгарии оставил французский журналист Марсель Дюнан, который писал в своей известной книге-дневнике «Болгарское лето»: «Военным атташе является полковник Татаринов — великолепный в своей обшитой галунами униформе; все русские атташе крупные, некоторые крепкие и широкоплечие, а некоторые худые. Полковник Татаринов среднего роста. Его предшественник (полковник Ю.Д. Романовский. — В.К.) имел влияние в Софии, которое утратил. Новый атташе еще не был принят прави-

⁶⁴⁴ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 17–18. Я.Г. Жилинский — В.А. Сухомлинову. 19 декабря 1913 г. № 1171.

⁶⁴⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2903. Л. 27; РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 58. Л. 192–193 об., 195.

телем, при котором аккредитован, и только по этой неучтывой манифестации можно понять чувства, которые Фердинанд Кобург-Готский питает к старшим славянским братьям. Падение Лемберга и ежедневное продвижение немецких войск придали болгарским германофилам дерзость, которая доходила до крайней грубости. По отношению к полковнику Татаринову она была только игривой, так как довольствовалась прибавлением к его имени одной буквы, которая образовывала имя обрусевшего героя Альфонса Доде»⁶⁴⁶. Имелся в виду Тартарен из Тараскона (*Tartarin de Tarascon*), т.е. недоброжелатели в Софии называли русского военного агента «Татаринов».

После разрыва дипломатических отношений России с Болгарией Татаринов вместе с русской миссией выехал в Россию. Первоначально руководство Генштаба планировало оставить его в прикомандировании к миссии в Бухаресте, чтобы он мог продолжать свою разведывательную работу; согласие МИД на это было получено⁶⁴⁷. Однако вскоре, в октябре 1915 г., Татаринов получил временное назначение в штаб 7-й армии, готовившейся к экспедиции в Болгарию. 8 октября Татаринов выехал из Бухареста, передав военному агенту в Румынии своего помощника поручика А. Можайского, агентуру и остатки денежных сумм⁶⁴⁸.

После декабрьского наступления Юго-Западного фронта полковник Татаринов был прикомандирован к ГУГШ, а уже 26 декабря 1915 г. Николай II утвердил его назначение на пост военного агента в Бухаресте, на смену полковнику Б.А. Семёнову. Румынское правительство дало согласие, и 19 января 1916 г. император повелел ускорить отправление Татаринова в Румынию. 26 января тот отправился к новому месту службы, прибыл в Бухарест 31 января и 2 февраля принял дела у Семёнова⁶⁴⁹. Особый характер и высокое значение миссии Татаринова для людей посвященных были очевидны — предстояла последняя и решающая схватка за привлечение Румынии на сторону Антанты. Получив обширные полномочия и инструкции лично от императора и М.В. Алексеева, Татаринов сразу же включился в обсуждение условий вступления Румынии в войну. По ценному признанию главы австро-венгерской военной разведки генерал-майора Макса Ронге, полковник Татаринов «сумел под видом донжуана, картежника и кутилы, не интересующегося военными вопросами, совершенно незаметно договориться с румынами об условиях их выступления на стороне Антанты»⁶⁵⁰. Татаринову довелось от имени России поставить свою подпись под судьбоносной воен-

ной конвенцией между Румынией и державами Согласия 4 (17) августа 1916 г. Затем 13 августа он был назначен состоять военным представителем России при Главной квартире румынской действующей армии, а уже 10 сентября сдал свою должность Генштаба полковнику В.А. Палицыну, опытному знатоку Румынии, прежде занимавшемуся изучением этой страны в штабе Одесского военного округа и в Огенкваре⁶⁵¹.

После непродолжительного пребывания в распоряжении начальника Генштаба, 13 января 1917 г. полковник Татаринов получил строевую должность командира 15-го стрелкового его величества короля Черногорского Николая I полка, входившего в состав «Железной» 4-й стрелковой дивизии, одного из наиболее прославленных соединений русской армии в Великую войну. Во главе этого полка он принимал участие в боях на австрийском фронте, в Карпатах, на пограничном хребте в районе реки Слэник⁶⁵². Несомненно, начавшийся вскоре революционный развал армии тяготил Татаринова, как и большинство других русских офицеров. По воспоминаниям его племянника В.Г. Амал-Топарх-Юрьева, в июле 1917 г. Татаринов получил предложение стать военным министром в правительстве А.Ф. Керенского, но отказался от этого. Документальных подтверждений тому нет, однако автор воспоминаний пишет, что при встрече в эмиграции Керенский лично подтвердил ему правдивость этой истории.

Еще в мае 1917 г. Татаринов обратился в Ставку с просьбой назначить его военным агентом в Пекин: «Ввиду предстоящего выступления Китая, зная китайский язык и китайскую армию, на изучение коих я употребил пять лет службы в Китае, ходатайствую о назначении или командировании меня в Китай, где я могу быть теперь полезен»⁶⁵³. Наштаверх не дал на это согласия, поскольку Татаринов к тому времени всего лишь три месяца откомандовал полком на фронте. Разрешение Ставки последовало только в июле 1917 г., и 21 августа А.А. Татаринов был, наконец, назначен военным агентом в Китае, куда на другой же день выехал. Примечательно, что Главковерх Керенский, узнав об этом, распорядился немедленно вернуть его с пути и назначить командиром XLII армейского корпуса (полковника!), а в Китай послать другого офицера⁶⁵⁴. Этот документальный факт подтверждает версию о высокой оценке Керенским служебных качеств Татаринова, который, впрочем, навряд ли гордился этим. Данное распоряжение вскоре

⁶⁵¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2904. Л. 14, 15.

⁶⁵² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 52757. П/с 111/917. Послужной список А.А. Татаринова. 1917 г.

⁶⁵³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1356. Л. 309. А.А. Татаринов — С.Л. Маркову, в Управление генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. 17 мая 1917 г. Б.н.

⁶⁵⁴ Там же. Ед. хр. 1357. Л. 106–110.

⁶⁴⁶ Дюнан М. Българското лято. Юли 1915 — октомври 1915. София, 1993. С. 52.

⁶⁴⁷ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 4432. Л. 2, 4.

⁶⁴⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1897. Л. 231. А.А. Татаринов — в Огенквар. 7 октября 1915 г. № 962.

⁶⁴⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2904. Л. 3–8.

⁶⁵⁰ Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 151.

было отменено, не вступив в силу, и 16 сентября 1917 г. Татаринов прибыл в Пекин, принял должность, дела и суммы военной агентуры⁶⁵⁵. Вернуться на родину ему было не суждено больше никогда.

На должности русского военного представителя в Поднебесной полковник Татаринов оставался на протяжении Гражданской войны в России, при этом не поддерживал открыто ни белых, ни красных. Подобную выжидательно-нейтральную позицию в те годы занимали многие русские военные агенты в зарубежных странах. Лишь в 1924 г., после установления дипломатических отношений между СССР и Китаем, Татаринов оставил пост русского военного представителя в Китае, отклонив предложение полпреда Л.М. Карахана перейти на советскую службу. Вскоре после этого он стал консулом Франции в Циндао, но не стал присягать Третьей республике, не желая отказываться от прежней русской присяги. Огромным уважением Татаринов пользовался у китайских властей и всего населения; его называли «Та-Жэн» или «Сы-Лин», что означает «великий человек», «командующий».

До конца своих дней Татаринов оставался пламенным патриотом России. Его внучатый племянник Г.А. Амал-Топарх-Юрьев вспоминает, что в годы Второй мировой войны «дядя Саша» внимательно следил за всеми операциями на Русском фронте, переставляя флажки на крупномасштабной генштабовской карте, а получив известие о победе Советского Союза над Германией, прибежал через улицу к своим родным, плача от радости и крича: «Наши победили!»

По воспоминаниям его родных, Александр Александрович Татаринов был глубоко верующим православным христианином. В общении с людьми всех сословий он был вежлив, прост и искренен. За внешней оболочкой напускного цинизма и мизантропии в нем скрывалась добрая и чувствительная натура. По русскому обыкновению, он был острым критиком явлений жизни и порядков Российской империи, но не позволял никому из иностранцев отрицательно высказываться о России и русских.

А.А. Татаринов скоропостижно скончался в ночь с 19 на 20 ноября 1946 г. в окружении близких и был похоронен на русском кладбище в Циндао, о сохранении и благоустройстве которого он заботился долгие годы. В 1968 г. во время «культурной революции» этот некрополь был разрушен, и могила Татаринова утрачена.

В.А. Артамонов (1873–1942). Должность русского военного представителя в Сербии в 1909–1920 гг. бесценно занимал Генштаба генерал-майор (с 1915 г.) Виктор Алексеевич Артамонов. Его фигура стоит особняком в ряду других русских военных агентов того времени, поскольку в околонучной и популярной литературе широко

распространен миф об осведомленности Артамонова о подготовке Сараевского убийства или даже о причастности к его организации. Эта версия, фактически возлагающая на русскую военную разведку ответственность за возникновение Первой мировой войны, пустила неистребимые корни и продолжает жить до сих пор, хотя ее полная научная несостоятельность была доказана такими выдающимися учеными, как Владимир Дедиер, Ю.А. Писарев и др.⁶⁵⁶ Однако до сих пор по всему миру многие люди, ничего не знающие ни о русском Генштабе, ни о его службе разведки, с прискорбным упорством повторяют, что убийство Франца Фердинанда организовал русский военный агент полковник Артамонов. К проблеме взаимоотношений В.А. Артамонова и офицерских кругов Сербии, в том числе знаменитой тайной организации «Черная рука», мы вернемся в следующей книге нашего цикла, а пока проследим жизненный и служебный путь этого незаурядного русского военного балканиста.

Виктор Артамонов родился 9 октября 1873 г. в семье потомственных дворян Саратовской губернии, окончил полный курс в Симбирском кадетском корпусе, затем — столичное 1-е военное Павловское училище (в 1890–1892 гг.) по 1-му разряду, старшим портупей-юнкером. По окончании училища он был произведен в подпоручики с зачислением по армейской пехоте и с прикомандированием к лейб-гвардии Волынскому пехотному полку. В 1895 г. подпоручик Артамонов успешно выдержал вступительный экзамен в НАГШ, однако после двух лет учебы в мае 1897 г. из-за болезни, по согласию с начальством, он был отчислен из академии. Осенью того же года Артамонов решил начать академическую эпопею с самого начала, невзирая на изнурительную тяжесть этого труда. Данный поступок явно свидетельствовал о целеустремленности и высоких волевых качествах характера молодого офицера. На сей раз Артамонову сопутствовал успех. Поступив осенью 1897 г., в мае 1900 г. он успешно окончил третий, дополнительный курс академии, за отличную учебу был произведен в штабс-капитаны с причислением к Генштабу и назначением на службу в Одесский военный округ. Там Артамонов проходил службу до 1907 г. на должностях старшего адъютанта штаба 15-й пехотной дивизии, помощника старшего адъютанта штаба округа и затем, с 17 мая 1904 г., старшего адъютанта окружного штаба⁶⁵⁷. В 1902–1903 гг. он отбыл го-

⁶⁵⁶ Подробный обзор историографии, затрагивающей проблему причастности сербского и русского правительств к Сараевскому убийству, см. в книге: Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 11–14.

⁶⁵⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Ед. хр. 2823. Л. 45–48 об. Послужной список В.А. Артамонова. 1900 г. Более позднего послужного списка Артамонова обнаружить пока не удалось; см. также: Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движе-

⁶⁵⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2904. Л. 43.

дичный строевой ценз командования ротой в 15-м стрелковом полку, а с мая по сентябрь 1905 г. — четырехмесячный ценз командования батальоном в 205-м Измаильском резервном пехотном полку.

Судя по отрывочным сведениям источников, в начале 1906 г. состоялась первая заграничная командировка Артамонова. В составе группы офицеров Одесского военного округа он был направлен в Египет для встречи возвращающихся с Дальнего Востока запасных нижних чинов русской армии. А.Ф. Редигер вспоминал: «В Порт-Саид были посланы офицеры, которые там встречали подходящие транспорты и сопровождали до Константинополя; в пути они составляли списки запасных, выясняли, кого куда направлять, и сообразно этому разбивали их на партии. По прибытии в Константинополь, они сообщали нужные сведения по телеграфу в Одессу, а сами возвращались в Порт-Саид встречать следующий транспорт»⁶⁵⁸. Во многом благодаря группе встречающих офицеров возвращение солдат в Россию морским путем прошло спокойно, вопреки серьезным опасениям старшего начальства.

В январе 1907 г. кандидатура Артамонова была предложена штабом Одесского округа Огенквару, в ответ на запрос о перспективных офицерах для назначения на военно-агентские должности. В донесении окружного начальства отмечалось, что старший адъютант штаба округа подполковник Артамонов:

«1) Умеет держать себя в обществе, приличен и тактичен. В бытность свою в командировке за границей в Порт-Саиде находился в наилучших отношениях как с местными властями, так и с представи-

ниями). М., 1997. С. 32–33. Ряд ценных сведений о жизни В.А. Артамонова собрал академик Ю.А. Писарев; этот офицер был одним из постоянных героев книг нашего выдающегося сербиста. В частности, Писареву посчастливилось вести переписку с младшим сыном В.А. Артамонова Николаем, жившим в Калифорнии (США). К сожалению, в сведения Писарева о служебном пути Артамонова вкрались досадные ошибки. Так, он пишет, что Артамонов был выпущен из Павловского училища юнкером рядового звания и только после нескольких лет службы был последовательно произведен в унтер-офицеры, младшие портупей-юнкера и старшие портупей-юнкера. Якобы «только по истечении нескольких лет службы он был произведен в подпоручики» (*Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны... С. 124). С точки зрения порядка прохождения службы и чинопроизводства в старой русской армии — это бессмыслица. В действительности, согласно послужному списку, Артамонов окончил Павловское училище портупей-юнкером, т.е. одним из лучших, и именно благодаря этому был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Волынский полк. В 1896 г. он был произведен в поручики и в дальнейшем продолжал расти в чинах достаточно быстро, вопреки мнению Писарева. Ошибочно и утверждение Писарева, что В.А. Артамонов в годы мировой войны был награжден русским офицерским орденом Св. Георгия. Его нет в списках кавалеров этого ордена, который давался только за боевые подвиги, а Артамонов, насколько известно, никогда не бывал в бою.

⁶⁵⁸ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 37.

телями нашего Министерства иностранных дел в Египте, о чем было заявлено нашим дипломатическим агентом в Каире действительн[ым] статк[им] советником Смирновым. 2) Дело разведки любит и имеет к нему большую склонность. 3) Свободно владеет французским языком; хорошо знаком с немецким; по-английски может переводить с английского на русский при помощи словаря. 4) Помимо службы имеет постоянный доход около 2000 руб. в год»⁶⁵⁹.

Кандидатура Артамонова была сочтена подходящей, и 1-й оберквартирмейстер ГУГШ генерал-майор М.В. Алексеев предложил назначить Артамонова на вакантную с октября 1906 г. должность военного агента в Греции. В феврале 1907 г. по приказанию начальника Генштаба Артамонов был на двухмесячный срок прикомандирован к ГУГШ для ознакомления с делами, связанными с его предстоящим назначением за границу⁶⁶⁰. В Петербурге в архиве Генштаба Артамонов занялся тщательным изучением справочников, военно-статистических описаний, докладов разведки и материалов прессы по Балканскому региону и, что важно, по Азиатской Турции. О проделанной работе он подробно отчитывался перед начальством в письменной форме. Серьезность подготовительной работы Артамонова с материалами по Турции является еще одним подтверждением того факта, что руководство русского Генштаба рассматривало пост военного агента в Греции прежде всего как удобную позицию для ведения разведки против Османской империи. По окончании подготовки Артамонов в мае 1907 г. с женой и тремя детьми выехал к месту службы в Афины⁶⁶¹.

Деятельность Артамонова в Греции оценивалась Генштабом как результативная, поскольку два года спустя, 31 июля 1909 г., генерал-квартирмейстер ГУГШ Ю.Н. Данилов запросил его: «Телеграфируйте, желаете ли занять должность военного агента в Сербии. При современных обстоятельствах (еще не успел остыть Боснийский аннексионный кризис. — В.К.) этому посту начальником Генерального штаба придается выдающееся значение»⁶⁶². Ответ был по-военному лаконичен: «Желаю. Артамонов»⁶⁶³. Вслед за этим состоялось назначение В.А. Артамонова в Сербию, страну, с которой была связана вся его дальнейшая жизнь и служба. Начав работу в Белграде в период острого нарастания кризиса, Артамонов вскоре стал наблюдателем и участником важных событий — зарождения и оформления Балкан-

⁶⁵⁹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 76.

⁶⁶⁰ Там же. Л. 74, 91–94, 100–110 об.

⁶⁶¹ АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. 1907 г. Ед. хр. 166. Л. 1–7.

⁶⁶² РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 178. Ю.Н. Данилов — В.А. Артамонову. 31 июля 1909 г. № 932.

⁶⁶³ Там же. Л. 184. В.А. Артамонов — Ю.Н. Данилову. 3 августа 1909 г. № 67.

ского союза, обеих Балканских войн 1912–1913 гг., возникновения и начала мировой войны.

За время своей службы на Балканах Артамонов стал опытным знатоком вооруженных сил и политической жизни стран полуострова, вполне овладел сербским языком, вошел в доверительные отношения со многими представителями офицерского корпуса Сербии. Подобно своему коллеге в Болгарии Ю.Д. Романовскому, Артамонов принимал непосредственное участие в обсуждении условий сербско-болгарской военной конвенции 1912 г., затем сопровождал сербскую Верховную команду на театре войны с Турцией. Современники отмечали его горячие сербофильские симпатии. «Артамонов говорит по-сербски, очень любит сербов и предсказывает им блестящую будущность. В то время как большинство военных специалистов, не только в России, но и за границей, было уверено в победе болгар над сербами (во 2-й Балканской войне летом 1913 г. — В.К.), Артамонов держался противоположного взгляда и за месяц до начала военных действий изложил свое мнение в официальном письме», — писал русский военный корреспондент генерал Е.И. Мартынов⁶⁶⁴. Другой современник, публицист Г.В. Комаров, посетивший Белград весной 1914 г., отмечал: «Король (Петр I Карагеоргиевич. — В.К.) любит говорить представляющимся ему русским, что он очень ценит полковника Артамонова и что сербская армия во многом обязана русскому полковнику Артамонову»⁶⁶⁵. А вот какое впечатление произвел русский военный агент в Белграде на Генштаба капитана А.И. Верховского, который впервые познакомился с ним 25 января 1914 г.: «Сегодня представлялся полковнику Артамонову, нашему военному агенту в Сербии. Небольшого роста господин в пенсне, скромно, без часто встречающегося у офицеров нашей корпорации чванства, по-видимому, благожелательный, кажется, только не сверхъестественный человек. Несмотря на то, что он оповещен о моем приезде был только приказом по Генеральному штабу, он встретил меня радушно и сразу предложил все, что имеет, в мое распоряжение. Милая жена, несколько скужающая, по-видимому, в чужой обстановке. Средней величины квартира. Кабинет делового военного. Чертежный стол, пишущая машинка. На стенах несколько портретов, оружие»⁶⁶⁶.

После начала мировой войны Артамонов в качестве официального русского военного представителя неотлучно находился при полевом

⁶⁶⁴ Мартынов Е.И. Сербия в войне с царем Фердинандом. Записки очевидца. М., 1913. С. 13.

⁶⁶⁵ Комаров Г.В. В Белград на Пасху 1914 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., заключ. А.Л. Шемякина. СПб., 2006. С. 576.

⁶⁶⁶ [Верховский А.И.] Сербский дневник Генерального штаба капитана Александра Верховского // Сафронов Ю.И. Дневник Верховского. М., 2014. С. 203.

штабе сербской действующей армии — Верховной команде — в дни ее блестящих побед и тяжелых поражений. После разгрома Сербии осенью 1915 г. Артамонов принял участие в эпическом переходе отступающей сербской армии через албанские горы к Адриатике. После эвакуации остатков армии на Корфу Артамонов стал временно исполняющим должность военного представителя России при командовании союзного Салоникского фронта, одно время он также занимал должность коменданта Салоник. Из-за фактического отказа военного агента в Греции полковника П.П. Гудим-Левковича вступить в должность русского представителя при штабе генерала М. Саррайля было решено передать ее Артамонову. 28 декабря 1916 г. последовало высочайшее согласие на официальное назначение на эту должность Артамонова, с сохранением на нем обязанностей военного агента в Сербии и русского представителя при сербской Верховной команде⁶⁶⁷. В конце 1918 г. генерал-майор Артамонов вернулся в Белград с победоносной сербской армией; в 1919–1920 гг. он был военным представителем Вооруженных сил Юга России А.И. Деникина и затем Русской армии П.Н. Врангеля в Королевстве СХС.

После окончания Гражданской войны в России Артамонов остался в Белграде и королевским указом был принят на службу чиновником по контракту в иностранный отдел сербского Главного Генерального штаба, где продолжал служить, по крайней мере, до 1932 г.⁶⁶⁸ Для характеристики взглядов генерал-майора Артамонова важно, что он всегда оставался непримиримым противником советского режима, активно убеждал власти Королевства СХС в необходимости бороться с проникновением большевистской идеологии и агентов Коминтерна на Балканы⁶⁶⁹. Артамонов состоял членом Общества русских офицеров Генерального штаба в Королевстве СХС и Общества лейб-гвардии Волынского полка⁶⁷⁰. В ноябре 1936 г. Артамонов по какой-то причине вышел из состава членов Общества русских офицеров Генштаба, но уже через полгода просил принять его снова и был принят. В Белграде он жил с супругой и двумя сыновьями по адресу улица Пуанкаре (Понкареова), 21–23, квартира 25⁶⁷¹. Скончался Виктор Алексеевич Артамонов в госпитале югославского города Панчево 23 августа 1942 г., уже

⁶⁶⁷ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 97. Л. 183; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1356. Л. 79.

⁶⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1; Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны... С. 124.

⁶⁶⁹ Милорадовић Г. Карантин за идеје. Логори за изолацију «сумњивих елемената» у Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца 1919–1922. Београд, 2004. По понятным причинам, в работах советского историка Ю.А. Писарева нельзя найти упоминаний об антибольшевистских взглядах и усилиях В.А. Артамонова.

⁶⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 49, 51

⁶⁷¹ Там же. Л. 182; Ед. хр. 93. Л. 1; Ед. хр. 94. Л. 1.

при немецкой оккупации⁶⁷². Как сообщил сын генерала Н.В. Артамонов в письме академику Ю.А. Писареву, его отец умер от последствий немецкой бомбардировки⁶⁷³. Похоронен он был на Новом кладбище в Белграде⁶⁷⁴. О семье генерала Артамонова известно, что у него и его супруги Людмилы Михайловны было трое сыновей — Михаил, Николай и Сергей (умер в Киеве 14 октября 1912 г.⁶⁷⁵).

П.П. Гудим-Левкович (1873–1953). Должность русского военного агента в Греции в интересующий нас период занимал Генштаба полковник Павел Павлович Гудим-Левкович, еще один представитель потомственной служилой элиты, наследник малороссийских казачьих дворянских родов — Гудимов и Левковичей. Позднее в текущей служебной переписке его фамилия для краткости часто писалась просто — Левкович. Он родился 6 декабря 1873 г. в Санкт-Петербурге. Его отцом был генерал от инфантерии Павел Константинович Гудим-Левкович (1842–1907), дворянин Полтавской губернии, заслуженный военный деятель, отличившийся в войну 1877–1878 гг., профессор тактики в НАГШ, помощник начальника штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, член Государственного совета с 1900 г.⁶⁷⁶

После окончания Владимирского Киевского кадетского корпуса П.П. Гудим-Левкович поступил в Пажеский корпус и окончил его фельдфебелем в 1894 г. За блестящие успехи в учебе его имя было записано на мраморную доску корпуса. Высший выпускной балл позволил Левковичу получить при производстве лучшую вакансию — он был выпущен в полевую конную артиллерию с прикомандированием к гвардейской Конноартиллерийской бригаде. В 1898 г. он поступил в НАГШ, успешно окончил ее в 1901 г. 9-м по старшинству общего балла, с причислением к Генеральному штабу и назначением на службу в Сибирский военный округ⁶⁷⁷. Впрочем, уже через год, 17 июля 1902 г., он был переведен в штаб столичного I армейского корпуса, на должность обер-офицера для особых поручений.

С октября 1903 г. Левкович отбывал цензовое командование эскадроном в лейб-гвардии Кирасирском ее императорского величества

⁶⁷² Рутыч Н.Н. Биографический справочник... С. 32–33.

⁶⁷³ Н.В. Артамонов — Ю.А. Писареву. 30 сентября 1988 г. Опул.: Писарев Ю.А. О романе В. Пикуля «Честь имею» // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 169–170.

⁶⁷⁴ Арсеньев А.Б. Русский некрополь в Белграде 1920–1999 гг. Алфавитный список захоронений, составленный А.Б. Арсеньевым. Предварительный свод данных на 19 августа 1999 г. 2-е изд. Белград; Новый Сад, 1999. С. 5.

⁶⁷⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 361131-147. Л. 96. В.А. Артамонов — в Огенквар. 20 февраля 1913 г. № 104.

⁶⁷⁶ Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2006. С. 254–256.

⁶⁷⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. П/с 346–489. Л. 1–5. Послужной список П.П. Гудим-Левковича. 1901 г.; РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Ед. хр. 1174. Л. 18–25.

государыни императрицы Марии Федоровны полку, причем из-за начавшейся войны с Японией в июне 1904 г. неполный срок был засчитан ему за годичное командование. В Маньчжурию Левкович прибыл, очевидно, вместе со своим корпусом, вскоре после Ляоянского сражения осенью 1904 г. В делах с японцами он получил не только боевое крещение, но и, уже на самом излете военных действий, 22 июля 1905 г., тяжелое ранение⁶⁷⁸. Вражеская пуля пробила желудок и почку Левковича, задела нервные узлы и важные сосуды, вызвав внутреннее кровоизлияние⁶⁷⁹. Доктор, проводивший медицинское освидетельствование, предупредил Левковича, чтобы он впредь не считал себя здоровым человеком. Последствия раны действительно сильно ощущались им в будущем, однако они не помешали ему двигаться вверх по служебной лестнице — в январе 1906 г. подполковник (с декабря 1904 г.) Левкович был переведен на службу в штаб войск Гвардии и Петербургского военного округа, в 1908 г. он был назначен состоять при начальнике Генштаба, а с ноября 1908 по октябрь 1909 г. служил помощником делопроизводителя ключевого Германского оперативного делопроизводства Огенквара ГУГШ.

В начале апреля 1909 г. Левкович был вызван к генерал-квартирмейстеру и начальнику Генштаба, которые сообщили ему о намеченном назначении его на пост военного агента в Константинополе, на смену И.А. Хольмсену, уезжавшему командовать полком. 5 мая последовало высочайшее разрешение на временное командирование Левковича в османскую столицу для ознакомления с делами. Прибыв туда, Левкович приступил к работе в качестве помощника военного агента. Однако затем было принято решение оставить Хольмсена, в виде исключения, в столице Турции до производства в чин генерал-майора. Хольмсен ходатайствовал об учреждении штатной должности помощника военного агента в Константинополе и об оставлении на ней Гудим-Левковича. Однако начальство в августе 1909 г. предложило последнему должность военного агента в Афинах, которую Гудим-Левкович и занял, сменив там В.А. Артамонова⁶⁸⁰. В начале марта 1912 г. Генштабом было одобрено и практически утверждено назначение Левковича военным агентом в Скандинавские страны, однако он, вначале согласившись, был вскоре вынужден отклонить это предложение по состоянию здоровья и остаться в Греции⁶⁸¹. Впрочем, и там последствия старой раны сильно ограничивали его служебные возможности:

⁶⁷⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 1272. Л. 3 об.

⁶⁷⁹ РГВИА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 154–156. П.П. Гудим-Левкович — Ю.Н. Данилову. 12 августа 1912 г. Б.н.

⁶⁸⁰ Там же. Ед. хр. 15. Л. 154–161 об., 167–168, 176–176 об., 181–182 об., 191.

⁶⁸¹ Там же. Ед. хр. 18. Л. 187–198.

ему приходилось уезжать из Афин на период летней жары, просить у начальства командировки на более прохладные берега Босфора, для совместных занятий с русским военным агентом, а также периодически проходить лечебные курсы электромассажа и т.д.⁶⁸² В мае 1914 г. Левкович прибыл в Петербург для отбытия четырехмесячного строевого ценза при лейб-гвардии Конном полку, где его и застала война⁶⁸³. По воспоминаниям Д.И. Гурко, в начале Великой войны Гудим-Левкович стремился вернуться в строй, однако этого ему не удалось добиться, и он продолжал службу в Афинах⁶⁸⁴.

Среди прочих русских военных агентов на Балканах Гудим-Левкович выделялся большим материальным достатком. Обладая недвижимостью в России и будучи женат на богатой ирландке, он мог позволить себе очень широкую жизнь за границей. В Афинах Левкович жил с семьей в одном из самых роскошных домов на площади Синтагма, в самом сердце греческой столицы. По мнению болгарского военного атташе в Греции майора Ильи Каблешкова, Левкович «держался очень высокомерно, как большой аристократ»⁶⁸⁵. Зато британский подполковник Генри Нэпир отметил в воспоминаниях, что русский военный агент — «славный малый» (*a nice fellow*)⁶⁸⁶. По своим политическим взглядам, широко отражавшимся в его донесениях, Левкович был убежденным болгарофилом и эллинофобом. Болгарский военный представитель при греческой Главной квартире в 1-ю Балканскую войну генерал Христофор Хесапчиев писал, что Гудим-Левкович — «добрый болгарский приятель», и приводил его слова о том, что в то время Болгарии было выгодно уступить Греции Салоники, чтобы избежать их нейтрализации европейскими державами. А потом, говорил русский полковник, болгарам будет нетрудно их отобрать⁶⁸⁷. В первый год мировой войны Левкович резко пенял Каблешкову за прогерманскую позицию Болгарии и обещал, что если его страна выступит против России — она будет строго наказана. Из-за этого болгарский военный атташе в своих мемуарах характеризовал русского коллегу как «сердитого господина»⁶⁸⁸.

⁶⁸² Там же. Ед. хр. 57. Л. 154–156. П.П. Гудим-Левкович — Ю.Н. Данилову. 12 августа 1912 г. Б.н.

⁶⁸³ Там же. Л. 96, 98, 101, 111, 113.

⁶⁸⁴ Гурко Д.И. Воспоминания генерала // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. М., 2002. С. 381.

⁶⁸⁵ Каблешков И.С. Спомени и бележки отъ войната 1915–1918 г. Ч. 1: Гърция. София, 1932. С. 13.

⁶⁸⁶ Napier H.D. The Experiences of a Military Attaché in the Balkans. L., s.a. P. 19.

⁶⁸⁷ Хесапчиев Х. Служба на България в чужбина. Военнодипломатически спомени (1899–1914 г.). София, 1993. С. 500–501.

⁶⁸⁸ Каблешков И.С. Спомени и бележки... С. 13.

27 мая 1916 г. император дал соизволение на назначение Гудим-Левковича представителем русской армии при Главной квартире англо-французской армии в Салониках, с оставлением его в должности военного агента в Греции. Официально новое назначение Левкович получил в июле. Предполагалось, что на практике обязанности военного агента в греческой столице будет по совместительству исполнять военно-морской агент каперанг А.А. Макалинский. Однако вскоре выяснилось, что последний был перегружен своей собственной работой и что должность военного представителя при штабе в Салониках требовала напряженного труда. Руководство приняло решение оставить Левковича представителем при командовании Салоникского фронта, с назначением в распоряжение начальника Генштаба (с 20 ноября) и сохранением содержания. Военным агентом в Греции вместо него был назначен начальник штаба 2-й сибирской стрелковой дивизии Генштаба полковник Г.А. Муханов; 20 января 1917 г. он прибыл в Афины⁶⁸⁹. Все это время Левкович проявлял весьма слабую служебную дисциплину, под разными предлогами откладывая свой отъезд к новому месту службы в Салоники. В донесениях начальству он просил оставить его военным агентом, прислать ему в Афины офицера-заместителя, «раненого для климата», жаловался, что его выгоняют с агентского поста незаслуженно, без наград и повышения, в угоду германской клике (из-за истории с похищением телеграмм германской миссии, о чем речь пойдет ниже)⁶⁹⁰.

В конце концов, поведение Левковича утомило руководство Генштаба, и 4 января 1917 г. он получил приказание сдать должность при штабе Салоникского фронта генерал-майору В.А. Артамонову и принять в России командование кавалерийским полком. Сам Левкович неоднократно говорил, что получение полка всегда было его «заветной мечтой» и что еще перед войной в 1914 г., отбывая строевой ценз в Конной гвардии, он хотел остаться в строю, однако начальство приказало ему вернуться на агентский пост в Афинах⁶⁹¹. Однако, судя по ситуации конца 1916 г., Левкович, прошедший без малого десять лет на штабной и заграничной военно-дипломатической службе, давно отставший от строя и страдавший от последствий старой раны, не хотел ехать на фронт совершенно незнакомой для него войны. Он ходатайствовал об оставлении его в Греции в составе союзного военного контроля, тянул время, под предлогом задержки со сдачей дел и проблем со здоровьем⁶⁹². Ходатайство было отклонено, приказ о возвращении в

⁶⁸⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2904. Л. 34–38.

⁶⁹⁰ Вся переписку о переводе Левковича см.: РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 97. Л. 141–210.

⁶⁹¹ Там же. Л. 199–199 об., 202.

⁶⁹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1356. Л. 80–81; РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 243. П.П. Гудим-Левкович — в Огненквар. 10 марта 1917 г. № 951.

Россию подтвердили; впрочем, в мае 1917 г. бывшему военному агенту позволили, по его просьбе, задержаться во Франции для ознакомления с союзными армиями⁶⁹³.

К этому моменту практически разрушены были не только военная карьера Гудим-Левковича, но и его прежнее материальное благополучие. 24 января 1917 г. он был вынужден обратиться к генерал-квартирмейстеру ГУГШ из Афин с рапортом личного характера, в котором писал о постигших его испытаниях. В Англии его жена потерпела ряд убытков с южноамериканскими ценными бумагами, и ее общий доход уменьшился наполовину. Имение самого Левковича в России попало летом 1915 г. в руки неприятеля; там все было сожжено, как и проданный земству дом, на который у Левковича осталась закладная. Русский военный агент лишился всего дохода из России и отныне не мог обходиться без жалованья, которое составляло более половины всего его дохода. Наконец, будучи заменен на должности военного агента и став всего лишь кандидатом на получение полка, Гудим-Левкович получал ничтожное, по его словам, содержание. Он конфиденциально докладывал, что в условиях полублокады Греции союзным флотом и разывравшейся вакханалии цен ему приходилось считать каждый грош и сводить концы с концами постепенной распродажей своей мебели. Трудно представить, какого унижения подобное признание стоило потомственному дворянину, бывшему пажу и гвардейцу, полковнику Генштаба. Один билет на пароход до России стоил около 2000 драхм, и бывший военный агент просил начальство помочь ему хотя бы с возвращением вместе с семьей на родину⁶⁹⁴.

В июле 1917 г., ввиду предполагаемого отозвания Муханова, должность военного агента в Греции вновь была предложена Левковичу, что можно считать явным признаком усиления кадровой чехарды⁶⁹⁵. Однако это назначение так и не было осуществлено. Вернувшись в Россию в разгар революционной смуты, полковник Левкович был назначен состоять в распоряжении начальника Генерального штаба; в октябре 1917 г. он находился на должности заведующего эвакуацией ГУГШ⁶⁹⁶. Зимой 1918 г. он все еще оставался на службе в ГУГШ в Петрограде. 30 января 1918 г. Гудим-Левкович был командирован в составе военной миссии в Англию. Судьбу его в Гражданскую войну установить не удалось. Известно, что в 30-е гг. он жил в Париже. По имеющимся сведениям, умер П.П. Гудим-Левкович 16 апреля 1953 г. в эмиграции⁶⁹⁷.

⁶⁹³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 58. Л. 2–2 об.

⁶⁹⁴ Там же. Л. 3–5. П.П. Гудим-Левкович — генерал-квартирмейстеру ГУГШ. 24 января 1917 г. № 927.

⁶⁹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1357. Л. 79–83.

⁶⁹⁶ Там же. Ед. хр. 1373. Л. 79–81.

⁶⁹⁷ Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета... С. 254.

Е.А. Искрицкий (1874–1949). Военным агентом в Румынии в 1911–1913 гг. был Генштаба полковник Евгений Андреевич Искрицкий. Он родился 3 августа 1874 г. в семье потомственных дворян Черниговской губернии, окончил курс в 1-м кадетском корпусе и в Павловском военном училище, в 1892 г. был выпущен подпоручиком в 1-ю полевую артиллерийскую бригаду, а в 1893 г. переведен в 3-ю гвардейскую артиллерийскую бригаду⁶⁹⁸. В 1896–1899 гг. Искрицкий успешно окончил три курса НАГШ, за отличие был произведен в штабс-капитаны, причислен к Генштабу и направлен на службу в Московский военный округ. В октябре 1902 г. он был назначен помощником делопроизводителя генерал-квартирмейстерской части Главного штаба, в 1904–1908 гг. служил штаб-офицером для особых поручений при командующем войсками Московского военного округа. Хотя этот округ и не был приграничным, с 1902 г. офицеры его штаба вели рекогносцировки железных и грунтовых дорог Галиции в районе предполагаемых действий 3-й армии, в которую должны были войти и войска Московского военного округа. Особое внимание обращалось на грунтовые дороги, ведущие к Львову⁶⁹⁹. В рамках этой работы летом 1906 г. Генштаба подполковник Искрицкий совершил рекогносцировку маршрутов в Восточной Галиции и в долине Западного Буга, в окрестностях городов Жолкиев, Любачев, Яворов⁷⁰⁰.

В 1908 г. Искрицкий был вновь переведен в ГУГШ, в часть 1-го обер-квартирмейстера. В 1909–1911 гг. он был временно заведующим и позже начальником Военно-исторического отделения ГУГШ. С 14 января 1911 г. по 19 августа 1913 г. полковник Е.А. Искрицкий занимал должность военного агента в Бухаресте. Послужной список и карьера Искрицкого были нетипичны для офицера русской военной разведки начала XX в. Не имея опыта службы в разведывательных органах Генштаба и за границей, он непосредственно в годы Балканского кризиса получил назначение на пост военного агента в Румынии, которая в то время продолжала оставаться сателлитом военно-политического блока Центральных держав и потенциальным противником России. Его назначение в эту страну состоялось во многом благодаря стечению обстоятельств. Прежний военный агент в Румынии, многоопытный М.И. Занкевич, был переведен в Вену, на смену скомпрометированному и отозванному М.К. Марченко. После отъезда Занкевича из Бухареста пост русского военного агента в этой столице около двух месяцев оставался вакантным. Непонятно почему, но преемником Занкевича был избран Искрицкий, никогда раньше специально не занимавший-

⁶⁹⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 173110. Послужной список Е.А. Искрицкого. 1917 г.

⁶⁹⁹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 160–160 об., 167–175 об.

⁷⁰⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 1–17.

ся ни Балканами, ни агентурной и военно-дипломатической работой. Возможно, в этой истории решающими оказались соображения придворно-дипломатического политеза — русский посланник М.Н. Гирс просил свое министерское начальство предельно ускорить назначение нового военного агента в Румынию, чтобы король Кароль не воспринял его отсутствие как проявление невнимания Петербурга к начатым им преобразованиям в румынской армии⁷⁰¹. В итоге выбор пал на Е.А. Искрицкого, признанного подходящим по своим способностям и знанию иностранных языков⁷⁰². И все же подобные назначения были крайне редки для службы русских военных агентов.

Впрочем, Искрицкий не задержался на военно-агентской должности. В июле–августе 1913 г. во время 2-й Балканской войны полковник Искрицкий сопровождал румынскую армию в ее задунайском походе в пределы Болгарии и составил целый ряд подробных рапортов и отчетов, посвященных различным особенностям мобилизации, организации и управления румынских вооруженных сил военного времени. Сразу после окончания 2-й Балканской войны он получил новое назначение — на должность начальника Военно-ученого архива и библиотеки ГУГШ.

С марта 1914 г. Е.А. Искрицкий командовал 148-м Каспийским пехотным полком, во главе которого отправился на австро-германский фронт Великой войны. В качестве командира 148-го и лейб-гвардии Павловского (с 4 ноября 1914 г.) полков он с отличием участвовал в боях с противником в 1914–1915 гг., заслужил множество боевых наград, включая орден Св. Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие, был ранен и контужен. С августа 1915 г. Искрицкий служил генералом для поручений при Ставке Главковерха, выполняя ответственные поручения генерала М.В. Алексеева в качестве его личного доверенного представителя. Крупный деятель русской артиллерии генерал Е.З. Барсуков писал: «Состоявший для поручений при наштаверхе Искрицкий неоднократно, начиная с осени 1915 г., командировался для осмотра частей пехоты в отношении пополнения офицерским составом и солдатами, конским составом, предметами вооружения, обмундирования и снаряжения, обозом, инженерным имуществом, средствами связи, а также в отношении боевой подготовки, санитарной части и пр. На доклады Искрицкого о результатах его командировок обращалось достаточное внимание, и по приказанию Алексеева по этим докладам делались соответствующие распоряжения»⁷⁰³.

⁷⁰¹ АВПРИ. Ф. 145. Оп. 498. 1910 г. Ед. хр. 655. Л. 3–3 об. М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову. 22 ноября 1910 г. № 2582; АВПРИ. Ф. 169/2. Оп. 511а. 1910 г. Ед. хр. 209. Л. 7–7 об.

⁷⁰² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 1305. Л. 1. В.А. Сухомлинов — Николаю II. Доклад по ГУГШ. 5 января 1911 г. № 1.

⁷⁰³ Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну: в 2 т. М., 1938. Т. 1. С. 268.

В начале 1916 г. Искрицкий был назначен начальником штаба IX армейского корпуса генерала А.М. Драгомирова, командовал 168-й пехотной дивизией, летом 1917 г. вступил в командование I Сибирским армейским корпусом. 21 февраля 1918 г. генерал-лейтенант Искрицкий был по болезни уволен от службы, однако летом того же года поступил на службу в Красную армию, с июля по ноябрь командовал 2-й Новгородской пехотной дивизией, затем стал первым командующим 7-й армией, сформированной в окрестностях Петрограда для борьбы с немцами в северных губерниях России⁷⁰⁴. Отказавшись участвовать в братоубийственной Гражданской войне, он ушел со строевой службы на академическую, преподавал на 1-х Петроградских артиллерийских курсах и в Военно-политической академии РККА им. Н.Г. Толмачёва, по некоторым сведениям, принципиально отказываясь носить форму Красной армии⁷⁰⁵. В январе 1931 г. Е.А. Искрицкий был арестован по известному сфабрикованному делу военспецов «Весна» и с 1934 г. до самой своей смерти в 1949 г. находился в ссылке в Средней Азии, в городе Чимкенте, где работал учителем в средней школе.

Б.А. Семёнов (1873 — после 1947). После смены полковника Е.А. Искрицкого должность русского военного агента в Румынии с января 1914 по февраль 1916 г. занимал Генштаба полковник Борис Анатольевич Семёнов⁷⁰⁶. Он родился 26 июня 1873 г. в семье потомственных дворян Московской губернии, окончил Николаевский кадетский корпус, Пажеский корпус и в 1893 г. был по экзамену выпущен корнетом в лейб-гвардии его императорского величества Уланский полк, однако уже через год переведен в армейскую кавалерию — в 20-й Ольвиопольский драгунский (бывший уланский) полк⁷⁰⁷. Уже в те годы Семёнов проявил себя как большой любитель и мастер конного спорта; в сентябре 1896 г. он участвовал в Варшавской окружной офицерской скачке. Это увлечение сохранялось у него на протяжении многих последующих лет. В 1897 г. поручик Семёнов выдержал отборочное испытание при штабе Варшавского военного округа для дальнейшего прохождения вступительного экзамена в НАГШ, однако в октябре, не выдержав основного экзамена в Петербурге, возвратился в свою часть.

⁷⁰⁴ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 259.

⁷⁰⁵ См.: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 63–64 и др.

⁷⁰⁶ В некоторых справочниках, включая биографическое приложение к книге М. Алексеева, фамилия Б.А. Семёнова приводится как «Семёнов-Мерлин», очевидно, ошибочно, поскольку во всех без исключения документах о его службе он значится просто как «Семёнов». Однако, как ни странно, опубликованный в 1947 г. фрагмент его воспоминаний был также подписан фамилией «Семёнов-Мерлин».

⁷⁰⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Ед. хр. 3091. Л. 93–96 об. Послужной список Б.А. Семёнова. 1902 г.

И все же у молодого кавалерийского офицера появилась благоприятная возможность расширить свой опыт в области, важной с точки зрения современных технологий военного дела. По распоряжению Главного штаба в октябре 1897 г. Семёнов был командирован на станцию Москва Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги для изучения обязанностей начальника станции, сроком на два года. Через год службы на железной дороге, в течение которого ему даже довелось временно исполнять должность коменданта станции Москва, по распоряжению Главного штаба Семёнов был направлен в его отдел по передвижению войск для занятий по составлению планов перевозок.

Очевидно, прямое соприкосновение со сферой деятельности офицеров Генштаба помогло Семёнову в октябре 1899 г. со второй попытки поступить в НАГШ, которую он успешно окончил 23-м по старшинству в мае 1902 г. (одного выпуска с Ю.Д. Романовским), с причислением к Генштабу⁷⁰⁸. Затем капитан Семёнов был назначен обер-офицером для особых поручений при штабе V Сибирского армейского корпуса; в течение года он изучал техническую сторону кавалерийского дела в Офицерской кавалерийской школе, затем отбывал цензовое командование эскадрой в 20-м Ольвиопольском драгунском полку, принимал участие в Русско-японской войне, был награжден боевым орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость»⁷⁰⁹.

С июня 1905 г. Семёнов был прикомандирован к Главному штабу, затем — к воссозданному ГУГШ, в котором он с 10 сентября 1906 г. исполнял должность помощника делопроизводителя. Когда в конце 1906 г. Огенквар стал отбирать новые кадры для заграничной разведывательной работы, подполковник Семёнов, свободно владевший английским, говоривший на французском и немецком и знакомый со шведским языком, изъявил желание быть назначенным на военно-агентскую или консульскую должность в Европе, Америке или Азии. При этом он особо отмечал, что, «имея склонность к изучению языков, охотно бы поехал в Азию для изучения японского или китайского языка»⁷¹⁰. В итоге 16 февраля 1907 г. Семёнов был назначен на ответственный пост помощника военного агента в Японии, которая после Портсмутского мира продолжала оставаться опаснейшим потенциальным противником России на Дальнем Востоке. Непосредственным начальником Семёнова стал военный агент в Токио, выдающийся разведчик Генштаба генерал-майор В.К. Самойлов, с которым Семёнов в течение пяти следующих лет успешно проработал в сверхсекретном

японском обществе, в условиях неусыпного и неотступного надзора местной полиции и контрразведки.

В октябре 1912 г. в служебной аттестации Самойлов так характеризовал своего помощника: «Умный, исполнительный, очень дисциплинированный, с большим тактом и выдержкой, находчив, умело обращается с японцами и иностранцами вообще, свободно владеет четырьмя иностранными языками, в том числе и разговорным японским, что в Японии очень важно, во всех отношениях выдающийся штаб-офицер, заслуживающий полного поощрения, незаменим в роли помощника, ибо отлично освоился с местными условиями»⁷¹¹. По всей видимости, Самойлов желал сохранить столь ценного сотрудника, однако руководство Генштаба приняло решение о повышении и переводе Семёнова. Заключение по этой аттестации генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-майора Ю.Н. Данилова было следующим: «Очень хороший. Достоин повышения на должность военного агента». Это решение утвердил своей резолюцией начальник Генерального штаба генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский⁷¹².

Примечательно, что в том же 1912 г. полковник Семёнов получил исключительно высокую оценку начальства не только как военный разведчик, но и как строевой офицер. В аттестации Семёнова по итогам его четырехмесячного прикомандирования к своему старому 7-му Ольвиопольскому уланскому (прежнему 20-му драгунскому) полку командир этой части писал: «В физическом отношении он представляет собою сильного, выносливого офицера, несмотря на ревматизм, полученный им в Русско-японской войне. Строевая служба в полку благотворно отразилась на его здоровье, и он, не пропуская ни одного строевого занятия, поправился настолько, что боли, которые он испытывал раньше, совершенно прекратились. Обладая широким военным кругозором вообще и в частности отличным знанием кавалерийского дела, он исполнял службу и возлагаемые на него поручения выше всякой похвалы, вкладывая в дело душу. Большой любитель конного спорта. Твердая воля, стойкость убеждений, большой служебный такт, громадная работоспособность, высокие нравственные качества, отличное воспитание выделяют полковника Семёнова как выдающегося человека и образцового служаку. Достоин выдвижения на должность командира кавалерийского полка “вне очереди”»⁷¹³. И все же в Генштабе сочли более целесообразным продолжать использовать Семёнова на заграничной разведывательной работе. 30 декабря 1912 г. Семёнов был назначен помощником военного агента в Великобритании. Главной

⁷⁰⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Ед. хр. 1205. Л. 6–7.

⁷⁰⁹ Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 387.

⁷¹⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 21.

⁷¹¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 31390. Л. 1 об.

⁷¹² Там же. Л. 2.

⁷¹³ Там же. Ед. хр. 31389. Л. 1 об.

обязанностью офицера, занимавшего этот пост, было изучение вооруженных сил колоний Британской империи. Менее чем через год, в августе 1913 г., Монкевиц телеграммой запросил согласия Семёнова на перевод в Румынию, на смену полковнику Е.А. Искрицкому. Семёнов согласился, 1 октября его кандидатура получила высочайшее утверждение, и 23 октября вышел приказ о назначении Семёнова на должность военного агента в Румынии⁷¹⁴.

В Бухарест, к новому месту несения службы, полковник Семёнов прибыл в январе 1914 г. Должность военного агента в Румынии он занимал до февраля 1916 г. Два года его работы на Балканах были наполнены бурными и неоднозначными событиями, крупными достижениями и провалами в области агентурной разведки и в анализе военных мероприятий и политического курса румынского руководства. В начале 1916 г. Семёнов был отозван из Румынии, где его сменил полковник Татаринов. Отзывание Семёнова из Румынии в начале 1916 г., сопровождавшееся громким скандалом, стало результатом как его собственных прискорбных ошибок, так и общих неудач русской политики, дипломатии и разведки на Балканах (подробнее об обстоятельствах этой истории будет рассказано в третьей части книги). 2 марта 1916 г. Семёнов вернулся в Петроград и был назначен состоять в распоряжении начальника Генерального штаба⁷¹⁵.

О дальнейшей судьбе Б.А. Семёнова известно удивительно мало. После возвращения из Румынии он некоторое время состоял в распоряжении начальника Генштаба и числился кандидатом на кавалерийский полк. Затем, в июне 1916 г., Семёнов был назначен начальником штаба 6-й Особой пехотной бригады, предназначавшейся к отправлению во Францию, но оставленной в составе 5-й армии Северного фронта⁷¹⁶. С ноября 1916 г. он командовал своим родным 7-м Ольвиопольским уланским полком. По некоторым данным, Семёнов принимал участие в Гражданской войне в России на стороне белой Добровольческой армии. Позже он, уже в чине генерал-майора, жил в эмиграции, но его имя не встречается в списках различных белоэмигрантских организаций, в том числе Общества русских офицеров Генерального штаба. По данным историка разведки М. Алексева, последние годы жизни Б.А. Семёнов провел в Бухаресте⁷¹⁷. Однако в 1947 г. в эмигрантской газете «Новое русское слово», выходившей в Нью-Йорке, был напечатан маленький отрывок из его воспоминаний о службе в Румынии

⁷¹⁴ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 70–83.

⁷¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2904. Л. 3–8.

⁷¹⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1368. Л. 124–133.

⁷¹⁷ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 499.

в 1915 г., причем указывался адрес автора — Веллингтон, Новая Зеландия⁷¹⁸. Вероятно, именно в той части света и завершился земной путь Б.А. Семёнова.

Н.М. Потапов (1871–1946). С момента учреждения самостоятельного поста русского военного агента в Черногории до капитуляции этой страны в январе 1916 г. эту должность бессменно занимал Генштаба генерал-майор (с 1912 г.) Николай Михайлович Потапов. Он родился 2 марта 1871 г. в Москве, в семье гражданского чиновника из вольноотпущенных крепостных крестьян. Таким образом, в ряду других военных агентов и генералов Генштаба Потапов выделялся своим простонародным происхождением. В 1881 г. благодаря личным связям своего дяди со стороны матери, служившего в нотариальной конторе, он в обход всех правил был принят в 1-ю Московскую военную гимназию на казенный счет. Окончив гимназию, вновь переименованную к тому времени в 1-й Московский кадетский корпус, Потапов поступил в Михайловское артиллерийское училище, окончил его в 1891 г. и был выпущен в лейб-гвардии 3-ю артиллерийскую бригаду. Затем, после трехлетней строевой службы в этой части, он поступил в НАГШ и успешно окончил ее дополнительный курс в 1897 г. За успехи в учебе Потапов получил право на 8-месячную командировку в европейские страны для изучения вводившейся тогда скорострельной артиллерии.

В 1901–1903 гг. он служил помощником военного агента в Вене, затем был назначен на новоучрежденный пост военного агента в Черногории. В Цетинье Потапов прослужил с 1903 до 1915 г., поднявшись за это время по карьерной лестнице до чина генерал-майора и став крайне влиятельной фигурой в жизни Черногории и ее вооруженных сил. Достаточно сказать, что он был фактическим руководителем маневров черногорского войска, которые были впервые проведены только после его прибытия, в сентябре 1904 г.⁷¹⁹ А князь Никола даже предлагал ему занять должность военного министра Черногории.

За годы своей военно-дипломатической и разведывательной службы на Балканах Потапов сроднился с ней и с этим регионом; подобно некоторым другим военным агентам, засидевшимся на заграничной работе, он хотел избежать возвращения в строй. В апреле 1913 г. Потапов возбудил ходатайство о назначении его военным агентом в Австро-Венгрию, в случае предполагавшегося отзыва с этого поста М.И. Занкевича. При этом Потапов просил зачесть ему годы инструк-

⁷¹⁸ Семёнов-Мерлин Б.А. Кантакудис: из воспоминаний военного агента в Румынии // Новое русское слово. 1947. № 12734–12736.

⁷¹⁹ Н.М. Потапов — в Главном штаб. 24 сентября 1904 г. № 153 // Н.М. Потапов: Русский военный агент в Черногории: в 2 т. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.; Подгорица, 2003. С. 158.

торской работы в черногорской армии за двухлетний ценз командования пехотной бригадой⁷²⁰. Однако начальство не пошло на столь явное отступление от общих правил; уже с весны 1914 г. Данилов вел переписку с окружными штабами о подыскании преемника Потапову, который в сентябре должен был получить бригаду. Учитывая особенности работы в Черногории, кандидата следовало подобрать из числа хороших строевых командиров полка, он должен был обладать большим опытом боевой подготовки войск, служебным и житейским тактом, а также владеть французским языком⁷²¹.

Начавшаяся война изменила планы руководства, которое предпочло задержать Потапова в столь хорошо известной ему Черногории. Однако опыт осенней кампании 1914 г. на Балканском фронте и военно-политическое своеволие черногорцев весной 1915 г. показали, что возможности России влиять на власти Цетинье через генерала Потапова были ничтожно малы. Уже к середине 1915 г. союзнические отношения России и Черногории фактически распались. В августе 1915 г. Потапов был вызван в Петроград по делам службы и распоряжением начальника Генерального штаба задержан там на некоторое время⁷²². В январе 1916 г. Черногория была разгромлена и оккупирована, и больше Потапов никогда не бывал в этой стране. В 1916–1917 гг. он оставался в прикомандировании к ГУГШ, где продолжал работать по линии секретных служб. В декабре 1915 г. на Потапова было возложено «ближайшее заведывание контрразведывательной частью» в Огенкваре⁷²³. С июля 1917 г., занимая должность генерал-квартирмейстера ГУГШ, Потапов сотрудничал с большевиками М.С. Кедровым и Н.И. Подвойским, главой военной организации большевистской партии при Петроградском комитете РСДРП(б)⁷²⁴. По имеющимся данным, уже тогда Потапов оказывал большевикам ценные услуги, а после Октябрьского переворота добровольно перешел на их сторону, став одним из первых военспецов. С ноября 1917 по май 1918 г. он был начальником Генштаба, затем занимал другие высокие должности в руководстве Красной армии; после Гражданской войны находился на военно-преподавательской работе. Будучи убежденным сторонником советской власти, Потапов сыграл видную роль в известной операции советских спецслужб «Трест», направленной на дезинформацию белоэмигрантских кругов и ряда иностранных разведок. С 1923 г. Потапов

⁷²⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 90.

⁷²¹ Там же. Л. 7–11 об.

⁷²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2639. Л. 6.

⁷²³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 39. Л. 219; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 356. Л. 63.

⁷²⁴ Ганин А.В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. С. 109, 129.

на протяжении четырех лет активно участвовал в «Тресте», успешно выдавая себя за идейного члена антисоветского монархического подполья и неоднократно выезжая за границу для негласных встреч с лидерами военной эмиграции — П.Н. Врангелем, А.П. Кутеповым, Е.К. Миллером, И.А. Хольмсенем. В награду за переданные им вымышленные сведения Потапов даже получил от польского Генштаба в 1926 г. бельгийский браунинг с золотой монограммой на рукоятки и часы⁷²⁵. 9 мая 1938 г. он был уволен в запас по возрасту. Умер Н.М. Потапов в феврале 1946 г. Похоронен он в Москве на Новодевичьем кладбище⁷²⁶.

* * *

Итак, мы рассмотрели основные вехи жизненного и служебного пути тех офицеров русского Генерального штаба, которым довелось в качестве военных агентов и на иных должностях заниматься разведывательным изучением Балкан в годы Первой мировой войны и непосредственно перед ее началом. Какие обобщающие заключения можем мы сделать о подборе службой военной разведки кадров для работы на балканском направлении? В большинстве своем эти люди принадлежали к потомственному дворянству Российской империи, однако среди них были и сыновья генералов, представители наследственной служилой элиты империи, родовитой столичной аристократии, и выходцы из провинциальных, иногда обедневших и захудалых дворянских семей, и даже военные разночинцы простонародного происхождения. Необходимо отметить, что не только в русской, но и во всех других крупных армиях XIX–XX вв. на должности военных атташе нередко назначались дети заслуженных старших военачальников, и именно эти сыновья «тузов» часто проявляли себя в высшей степени старательными и способными к разведывательной и аналитической работе офицерами. Именно поэтому для многих из них должности военных атташе стали ступенями к высоким строевым и штабным должностям. Для этих людей не были пустым звуком понятия фамильной чести и наследственного служения — важнейшие моральные основы жизни и деятельности дворянина-воина старого режима.

С раннего детства посвятившие себя военной карьере, главные герои этой книги имели за спиной военизированное общее образование, полученное в столичных или провинциальных кадетских корпусах, затем трехлетний курс специального военного образования в элитном Пажемском корпусе или петербургских военных училищах

⁷²⁵ Войцеховский С.Л. Трест. Воспоминания и документы. Канада, 1974. С. 139.

⁷²⁶ Николай Михайлович Потапов [Автобиография] // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 75–78; Алексеев М. Военная разведка России от Гюрки до Николая II. Кн. 1. С. 279.

разных родов оружия, наконец, после обязательных трех лет строевой службы, — Николаевскую академию Генерального штаба, оконченную ими успешно, с причислением к Генштабу. Военные агенты, как и прочие офицеры разведки и корпуса генштабистов в целом, имели различный материальный достаток, и далеко не все из них могли похвастаться обладанием недвижимостью или источниками денежных средств, помимо казенного содержания⁷²⁷. К примеру, из числа наших героев, по сведениям различных источников, дополнительных материальных средств не имели Ю.Д. Романовский, А.А. Татаринев, Н.М. Потапов, однако таковые имелись у П.П. Гудим-Левковича, В.А. Артамонова, Е.А. Искрицкого, причем эти обстоятельства никак не влияли на результаты профессиональной деятельности названных офицеров. Большинство военных агентов и сотрудников центральных органов военной разведки исповедовали православие (в том числе — почти все офицеры, служившие на Балканах, за исключением лютеранина И.А. Хольмсена), и меньшинство — лютеранство, что в целом соответствовало общей картине конфессиональной принадлежности русского корпуса генштабистов. Впрочем, ключевые должности в центральном аппарате разведки в предвоенный период занимали именно лютеране — Н.А. Монкевиц⁷²⁸, О.К. Энкель, Л.А. Майер. Некоторые офицеры-великороссы, отзываясь об этом явлении, впадали в извечную ревность русских людей к «немцам» на службе Российской империи. «Засилье» инородцев в органах военной разведки казалось подозрительным и чуть ли не преступным и графу А.А. Игнатьеву, и Е.А. Никольскому⁷²⁹. Католик, мусульман и представителей прочих конфессий на службе в разведке русского Генштаба до начала Первой мировой войны, кажется, не было вовсе.

Что объединяло названных нами русских военных агентов, кроме общности места, времени и характера деятельности, а также традиционных для русского кадрового офицерства чувства патриотизма, кодекса чести и особой этики? Каждый обладал собственным, в чем-то уникальным, жизненным и служебным опытом, но при этом все они были одаренными офицерами Генштаба, глубоко втянутыми в профессиональную техническую работу этого «мозга армии». Своим трудом и талантами, отличиями в учебе и строевой подготовке главные персонажи

⁷²⁷ Впрочем, графа послужного списка о наличии у офицера недвижимого имущества не может считаться сколько-нибудь точным и исчерпывающим источником информации по этому вопросу.

⁷²⁸ В своей диссертации А.Ю. Шелухин ошибочно причисляет генерал-майора Монкевица к католическому исповеданию (*Шелухин А.Ю. Русская военная разведка в начале XX века (1906–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 149.*)

⁷²⁹ *Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. С. 424; Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 150.*

нашего исследования выделялись среди товарищей еще в военных училищах и корпусах, которые они оканчивали в числе лучших, портупей-юнкерами и фельдфебелями. Первые годы своей службы они провели в войсках гвардии, в том числе в гвардейской кавалерии и артиллерии, в наиболее привилегированных, элитных частях русских вооруженных сил. Высшее военное образование эти офицеры получили (опять-таки своим тяжелым трудом, иногда не с первого раза) еще до реформы достаточно архаичной системы преподавания в Николаевской академии Генерального штаба, которая была проведена после поражения русской армии в Маньчжурии. Лишь с 1910 г. в академии стала преподаваться отдельная дисциплина — «служба Генерального штаба», в курс которой входила и служба разведки. Тем не менее начало самостоятельной работы будущих военных агентов в центральном и местных органах Генштаба, их становление как специалистов этой службы пришлось уже на период после войны 1904–1905 гг., на эпоху бурного расцвета деятельности независимого Генштаба под энергичным руководством Ф.Ф. Палицына, его ближайших помощников и преемников.

Ко времени назначения на ответственные разведывательные должности главные герои нашей книги находились в штаб-офицерских чинах и в возрасте 35–40 лет, в самом расцвете физических сил и умственных способностей; за плечами любого из них была успешная карьера генштабиста, годы строевой, штабной и, у многих, боевой службы. Каждый из них знал два-три, а то и четыре европейских языка, был отмечен наградами и превосходными аттестациями начальства. Некоторые из них уже являлись авторами печатных трудов; все они, без исключения, были усидчивы и привычны к упорной письменной работе, которая развивала в них аналитические способности и умение убеждать начальство в правильности своих профессиональных суждений. Что важнее всего, руководство Генштаба уделяло первенствующее внимание обеспечению последовательного прохождения офицерами военной разведки службы попеременно в центральном ее аппарате, в краткосрочных и долговременных заграничных командировках. В результате все они были на виду у старших чинов Огенквара, неплохо знавших их деловые и человеческие качества.

Мнение экспертов-разведчиков и делопроизводителей Особого, оперативных и статистических делопроизводств Огенквара было определяющим в процессе подбора и утверждения кандидатур на должности военных агентов. Особую, подчас решающую роль играли оценки Ю.Н. Данилова и Н.А. Монкевица, двух компетентных и, возможно, наиболее влиятельных людей в предвоенном Генштабе. Военные агенты избирались из большого числа достойных претендентов именно как специалисты, хорошо зарекомендовавшие себя на разведывательном

поприще. Одновременно руководство Генштаба, имея в виду пользу дела, ставило малопроницаемую преграду на пути проникновения в ряды военных агентов людей непригодных, но обладавших придворными связями и протекциями. Особенно важно, что их прямыми начальниками в предвоенное время — М.В. Алексеев, В.Е. Борисов, Ю.Н. Данилов — в годы Первой мировой войны продолжали на высшем уровне заниматься разработкой стратегических планов, в том числе опираясь на донесения хорошо знакомых им в личном и служебном отношении военных агентов в зарубежных странах. Вдобавок, наштаверх императорской Ставки генерал Алексеев знал большинство военных агентов как своих слушателей по Николаевской академии Генштаба в годы, предшествовавшие войне с Японией. Безусловно, между ними должно было существовать определенное взаимное доверие, а также единство их профессиональной и корпоративной доктрины, что еще больше повышало роль военных агентов в процессе выработки стратегии.

Высокий статус официальных военных агентов обеспечивал прямое и быстрое поступление разведывательной информации на высший уровень системы разработки и принятия стратегических решений. В частности, согласно заведенным в Ставке правилам, все прибывавшие туда военные агенты имели право личного доклада императору⁷³⁰.

С другой стороны, совершенно недостаточное внимание уделялось Генеральным штабом страноведческой специализации военных агентов. Наряду с опытными экспертами по Балканам — В.А. Артамоновым, П.П. Гудим-Левковичем, Н.М. Потаповым, руководство Генштаба назначало военными агентами в балканские столицы искушенного разведчика-китаиста А.А. Татарина, знатоков Дальнего Востока и Японии Ю.Д. Романовского и Б.А. Семёнова, вообще случайного на разведывательной службе Е.А. Искрицкого. В организации службы военных агентов в начале XX в. можно усмотреть только отдельные признаки первых попыток руководства разведки подготовить специалистов по Балканам, путем перемещения офицеров с одних военных агентур на другие, более значимые, в пределах того же региона. Так, И.А. Хольмсен из Греции был переведен в Турцию, В.А. Артамонов из Греции — в Сербию, М.И. Занкевич из Румынии — в Австро-Венгрию. Самый большой опыт работы на Балканах в тот период имел М.Н. Леонтьев, с 1901 по 1914 г. с небольшими перерывами последовательно проходивший службу помощником военного агента в Турции, затем военным агентом в Румынии, Болгарии, Турции.

Офицеры русской военной разведки, работавшие над изучением Балкан, не принадлежали ни к «патрицианской», ни к «преторианской» части военной элиты поздней Российской империи, если использовать

эту известную, но спорную метафору английского историка Нормана Стоуна⁷³¹. Несмотря на дворянское происхождение и прежнюю службу в войсках гвардии, они ни в коей мере не были представителями аристократической адъютантуры старого режима, баловнями придворных сфер, обязанными карьерой семейным заслугам, салонным связям, протекциям и выгодным брачным союзам. Военные агенты начала XX в. являлись, прежде всего, квалифицированными генштабистами, специалистами высокого уровня в области сбора и обработки разведывательной информации; они были незаменимыми мастерами-механиками сложной машины Генерального штаба⁷³². К этим представителям корпуса генштабистов вполне может быть применено выражение «военные технократы», поскольку именно специальные знания и владение технологиями работы Генштаба обеспечивали их влияние в органах разведки и планирования, а также оказывали формирующее воздействие на их человеческое и служебное мышление. На этих офицерах лежала основная тяжесть работы по разведывательному изучению внешнего мира в интересах военного ведомства. Генштаб старорежимной Российской империи смог поставить на разведывательную службу на Балканах людей нового склада. В своей области они были лучшими профессионалами из тех, коими располагало в то время руководство страны, и это соображение должно обязательно учитываться при анализе их взглядов и представлений, их успехов и ошибок, отраженных на страницах их служебных донесений.

⁷³¹ Stone N. The Eastern Front 1914–1917. L., 1998. P. 17–36.

⁷³² Невозможно согласиться с мнением Е.Ю. Сергеева и Ар.А. Улуяна о том, что институт военного атташата к началу XX в. превратился «из вспомогательного инструмента государственной власти в автономный и достаточно мощный фактор воздействия военно-политической элиты на такую важнейшую область управления, как обеспечение национальной безопасности» (Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. (информация — анализ — прогноз). М., 2003. С. 52). Институт военных агентов в рассматриваемый период был неотъемлемой и органичной частью структуры Генерального штаба, так что о его «автономности» не может быть речи. Кроме того, в данном случае расплывчатое выражение «военно-политическая элита» является весьма неудачной заменой понятия «профессиональный корпус генштабистов». Неясен и смысл утверждения Сергеева и Улуяна, что военные агенты занимали «по своему статусу и функциям промежуточное положение между карьерными дипломатами и офицерами» (Там же. С. 7). Думается, что все же военные агенты-генштабисты, вне зависимости от их статуса и функций в составе дипломатической миссии, при любых условиях неизменно оставались офицерами военного ведомства, а пребывание на заграничной службе еще отнюдь не означало их институционального и профессионального сближения с кадровыми дипломатами.

⁷³⁰ Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. 1916. Минск, 2003. С. 497.

Глава 7

ТРОПАМИ ВОЕННОГО БАЛКАНОВЕДЕНИЯ:
ТРУДЫ И ДНИ РУССКИХ РАЗВЕДЧИКОВ
В СТРАНАХ ПОЛУОСТРОВА В НАЧАЛЕ XX в.

Круг занятий и обязанностей военных агентов Российской империи был широк и разнообразен. Служебные инструкции, последней из которых перед мировой войной стала «Инструкция военным агентам и лицам, их замещающим» 1912 г., предписывали им всесторонне изучать военный потенциал страны пребывания, прежде всего ее вооруженные силы. В выборе методов, путей и средств решения главной задачи — изучения страны пребывания с военной точки зрения — агентам предоставлялась широкая самостоятельность. Как официальные представители императорской русской армии и ее Державного вождя, военные агенты должны были присутствовать на открытых учениях и маневрах, а также на всех придворных и военных торжествах и церемониях — парадах, смотрах, праздничных молебнах, погребениях, приемах и т.д. В их обязанности входило также следить за местной военной периодикой и специальной литературой и выписывать для Генштаба наиболее интересные издания и карты. Обременительной, но одной из наиболее важных обязанностей военных агентов было составление и редактирование справочников по вооруженным силам страны их пребывания, которые затем издавались Генштабом для служебного использования. Эти справочники были концентрированным отражением всех собранных русской разведкой сведений о военном потенциале каждой изучаемой страны.

Дополнительной заботой военных агентов был уход за русскими воинскими некрополями, если таковые имелись в стране их пребывания⁷³³. Кроме того, им надлежало принимать участие в различных протокольных мероприятиях международного дипломатического корпуса. Наконец, положение обязывало военных агентов вести широкую светскую жизнь. Благодаря этому они всегда находились в самой гуще событий политической жизни страны своего пребывания, в непосредственном соприкосновении и общении с представителями ее военной и гражданской элиты — офицерами Военного министерства и Генерального штаба, свиты монарха и частей столичного гарнизона,

⁷³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1565. Л. 103–109 об., 114–125.

местными политиками, придворными и иностранными дипломатами. Эти контакты позволяли вдумчивому наблюдателю чувствовать тонкости текущей военной и политической обстановки и настроений местного руководства, что было не менее важным источником информации, чем самая ценная тайная внутренняя агентура.

В ряде случаев высшее руководство империи давало военным агентам ответственные и самостоятельные дипломатические поручения. Так, к примеру, в конце 1913 г. Николай II лично выбрал бывшего военного агента в Греции и Турции генерал-майора И.А. Хольмсена, в то время командовавшего гренадерской бригадой в России, на роль посредника при проведении линии сербо-болгарской границы после 2-й Балканской войны. Эта непростая миссия была выполнена Хольмсеном с полным успехом⁷³⁴. В те же самые дни русские военные агенты в Черногории и Греции Н.М. Потапов и П.П. Гудим-Левкович работали в качестве членов двух международных комиссий по проведению восточной и южной границ новорожденной независимой Албании.

Вопрос о негласной агентурной деятельности русских военных агентов является особо интересным, но сложным для изучения. Многие офицеры Генштаба на военно-агентских должностях в начале XX в. имели обширный опыт работы с тайной агентурой, хотя они и не проходили специальной теоретической подготовки и обучения этому виду деятельности. Как небезосновательно отмечает Альфред Вагтс, «судя по числу раскрытий и разоблачений, русские военные атташе были самыми беззастенчивыми скупщиками секретов накануне 1914 г.»⁷³⁵. За редкими исключениями, военные агенты умели хранить в строгой секретности имена своих тайных сотрудников. Те письма и доносения, в которых назывались подлинные имена агентов, было принято сжигать, и лишь в отдельных случаях отступление от этого правила позволило нам выявить личности ценных информаторов русской разведки. Служебными инструкциями ведение агентурной разведки не вменялось в обязанность военных агентов, однако практически все они имели свою тайную агентуру, сотрудничавшую как за деньги, так и из иных побуждений. Эта агентура состояла, по употреблявшейся в то время и военными разведчиками терминологии полицейского розыска, из внутренних агентов-информаторов и филеров, т.е. агентов наружного наблюдения. Некоторое число сотрудников последней категории за весьма небольшую плату содержали у себя на службе практически все официальные военные агенты России в балканских

⁷³⁴ Хольмсен И.А. На военной службе в России (1865–1914). Нью-Йорк, 1953 // Архивы русской эмиграции: материалы Российского военно-исторического архива в Париже: в 4 т. / под ред. А.А. Геринга. Fresno, CA, 1973. Т. 4. С. 61–63.

⁷³⁵ Vagts A. The Military Attaché. Princeton, NJ, 1967. P. 224.

странах. Филеры собирали сведения об интересующих русскую военную разведку людях и объектах; они высылались военными агентами в разные части страны для сбора и проверки на месте информации.

В 1909 г. состоялось специальное совещание руководителей русской военной разведки, на котором обсуждался вопрос о целесообразности участия официальных военных агентов в тайной агентурной работе. Во время дискуссии были высказаны противоположные мнения, но в итоге участники совещания пришли к заключению, что военные агенты по собственному усмотрению могли продолжать заниматься негласной агентурной разведкой⁷³⁶. Результативность этой работы зачастую была невысокой, а официальный статус военных агентов существенно ограничивал их возможности приобретения и ведения агентуры. В области сбора и проверки агентурной информации военная разведка отставала от Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов, обладавших большим практическим опытом в этой сфере. Часто происходившие провалы тайных осведомителей военных агентов России постоянно приводили к дипломатическим скандалам и их отозванию, но, не имея в то время равноценной замены институту военных агентов, русский Генштаб продолжал широко использовать их в области нелегальной агентурной разведки.

По смете расходов Генштаба на 1913 г. всем военным агентам, вместе взятым, выделялось «на ведение разведки и на приобретение мелких секретных документов» 85 тыс. руб. в год, из них военным агентам в Румынии, Болгарии и Черногории — по 2 тыс. руб., а военному агенту в Сербии — 3 тыс. руб. Отчетных документов об израсходовании этих сумм военными агентами на Балканах за предвоенный период пока обнаружено не было⁷³⁷. Известные источники позволяют утверждать, что тайная агентурная разведка не была важнейшим направлением деятельности военных агентов Российской империи в балканских столицах. Вообще на Балканах понятие «секретности» в военной сфере было достаточно расплывчатым. Состояние и развитие армий балканских государств не представляли особых тайн, которые требовали бы раскрытия из агентурных источников. Русские военные агенты в Болгарии (до 1913 г.) и Сербии находились в особо близких и доверительных от-

ношениях с руководством местных военных министерств и Генеральных штабов, откуда они получали вполне достоверную информацию, в том числе даже по их оперативным планам. Для военного агента в Черногории вообще не могло быть секретов относительно состояния черногорской армии, поскольку он был фактическим руководителем процесса ее реформирования и модернизации.

Большое значение для работы военного агента в балканских странах имел вопрос о его положении в составе дипломатической миссии и его отношениях с посланником и другими представителями МИД. В отличие от некоторых других европейских государств, «в России военные агенты, входя в состав дипломатического корпуса, не подчинены главам миссий, а остаются в непосредственном подчинении начальнику Генерального штаба. Среди дипломатического корпуса военные агенты занимают место за советниками посольств или первыми секретарями миссий» — отмечала статья «Военной энциклопедии» 1911 г.⁷³⁸ Американский офицер Томас Бентли Мотт, прошедший много лет на военно-дипломатической службе, вспоминал, что у русских само понятие «военный агент» указывало на особый статус занимавшего эту должность — он считался представителем своего монарха, а не просто «прикомандированным военным» при миссии⁷³⁹.

В балканских странах, с их особой культурой и психологией населения, не только вопрос подчиненности, но даже формальный статус военных агентов на разных официальных церемониях играл значимую роль. В 1911 г. Военное министерство возбудило вопрос о предоставлении военным агентам в балканских странах места на церемониях сразу после главы дипломатической миссии, а не после ее 1-го секретаря.

Начались консультации с МИД и с посланниками на Балканах. Мнения были высказаны различные. Так, М.Н. Гирс (Бухарест) и Н.Г. Гартвиг (Белград) выступили против, поясняя, что определение места на церемониях — это сложная процедура, затрагивающая весь дипломатический корпус, причем традиционно 1-е секретари стоят отдельно, по старшинству пребывания в должности между собою, а военные агенты — отдельно, и также по старшинству. Гартвиг справедливо отмечал при этом: «Престиж военного агента зависит исключительно от условий, в которые он себя поставит по отношению к местным военным сферам, а вовсе не от ранга, предоставленного ему в рядах дипломатического корпуса»⁷⁴⁰. Зато Д.К. Сементовский-Кури-

⁷³⁶ О спорах сотрудников русской разведки в связи с разработкой в 1909 г. «Указаний военным агентам по ведению нелегальной разведки» см.: Шелухин А.Ю. Русская военная разведка в начале XX века (1906–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 70–72.

⁷³⁷ Это позволило К.К. Звонарёву сделать довольно наивное заключение, что агентурная деятельность русских военных агентов в небольших государствах «была до того незначительной, что останавливаться на ней не стоит» (Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 145). Думается, отсутствие у историка документальных источников по этой теме еще не является достаточным основанием для подобных выводов.

⁷³⁸ Агент военный // Военная энциклопедия. 1-й полум. СПб., 1911. С. 128. Вероятно, эта статья была написана Н.А. Монкевицем.

⁷³⁹ Mott Th.B. Twenty Years as Military Attaché. N.Y., 1979. P. 148.

⁷⁴⁰ АВПИР. Ф. 146. Оп. 495. Ед. хр. 8452. Л. 10–11. Н.Г. Гартвиг — в МИД. 1 февраля 1911 г. № 69.

ло (София) полностью поддержал идею военных, отмечая, что ранее в Болгарии русский военный агент всегда шел прежде секретаря дипломатического агентства. При этом посланник подчеркивал, что военный агент в Софии должен быть обязательно чином не ниже полковника, так как это «удовлетворит честолюбивым стремлениям Фердинанда, столь чувствительного к внешним формам». С.В. Арсеньев (Цетинье) сказал, что реализация предложения не встретит никаких затруднений, однако военные агенты всегда должны уступать место императорским поверенным в делах, даже если бы они были младше чином и без разницы, в ранге 1-го или 2-го секретаря миссии. В итоге руководство МИД отклонило предложение Военного министерства, предложив в качестве компромисса, чтобы в отдельных случаях военные агенты, в чине не ниже полковника, могли вставать впереди 1-го секретаря, но непременно с согласия посланника⁷⁴¹.

Немаловажное значение имел даже вопрос об униформе военных агентов. В марте 1913 г. военный агент в Греции П.П. Гудим-Левкович отправил руководителю разведки Генштаба Н.А. Монкевицу целое письмо, в котором настоятельно рекомендовал не возвращать некрасивую азиатскую папаху в качестве головного убора для чинов Генштаба на смену недавно восстановленному киверу. Статья о проекте такого изменения формы одежды была напечатана в «Русском инвалиде». Левкович писал, что форма русских генштабистов проигрывала по красоте блестящим мундирам коллег из других стран, и только кивер вновь сделал ее привлекательной и даже вызывающей восторг. «Замена красивого кивера безобразной азиатской папахой вновь низведет нашу форму в ряды самых убогих иностранных форм», — писал Левкович⁷⁴². Папаха, по мнению военного агента, в глазах иностранцев сразу поставила бы русских генштабистов в один ряд с азиатами — турками, персами и др. При этом Левкович подчеркивал, что он заботится о представительности всего русского Генштаба, а не о своем личном удобстве, поскольку ему в южном климате Греции ношение кивера в жаркие летние месяцы было достаточно обременительно. Показательно, что полковник русского Генштаба считал возможным не только посвятить этому вопросу отдельное письмо, но и адресовать его непосредственно главе военной разведки Российской империи.

Взаимоотношения русских военных агентов и глав дипломатических миссий на Балканах в рассматриваемый период, как везде и всегда, были непростыми, в отдельных случаях становясь напряжен-

ными и являя во всех красках неприглядную картину межведомственной войны. Тем не менее иногда военные агенты и дипломатические представители плодотворно сотрудничали друг с другом, а их мнения и оценки текущей обстановки нередко совпадали, опровергая расхожие представления об извечном антагонизме военных и кадровых дипломатов. Пропать межведомственного непонимания и недоверия по-настоящему проявлялась на следующем, более высоком уровне, когда донесения заграничных представителей Генштаба и МИД, даже сходные по духу и содержанию, попадали в Петербург. Здесь в зданиях двух ключевых ведомств империи, разделенных, по выражению историка О.Р. Айрапетова, всего лишь аркой Главного штаба, но иногда бесконечно далеких друг от друга, в полной мере включались механизмы профессионально-корпоративного восприятия и анализа информации. Каждое ведомство исходило из незыблемой уверенности в своей правоте и необходимости стойкой защиты своих интересов, которые мыслились как общегосударственные. При этом оба ведомства абсолютизировали значимость своих целей и преимущества своих методов их достижения. В результате Генштаб и МИД, располагая схожей информацией, предлагали принципиально разные решения и варианты действий, зачастую пренебрегая точкой зрения другого ведомства.

Документы архивов обоих ведомств свидетельствуют, что Генштаб и МИД достаточно активно обменивались друг с другом своими разведывательными данными, хотя этот обмен еще отнюдь не означал настоящего сотрудничества. Зачастую направление своих материалов в соседнее ведомство было обусловлено не столько желанием информировать партнеров в интересах общего дела, сколько стремлением укрепить свою позицию в ожидавшихся спорах или снять с себя ответственность за предстоявшие неприятности. При чтении документов создается впечатление, что очень часто и дипломаты, и генштабисты были априори убеждены в неспособности противной стороны понять их доводы и в обреченности своих попыток быть услышанными друг другом. В то же время нельзя не отметить, что если военные агенты, как правило, весьма верно и глубоко судили о проблемах политической жизни стран Балканского полуострова, то кадровые дипломаты сплошь и рядом обнаруживали свою полную некомпетентность в области военных знаний, что, однако, не мешало им уверенно и безапелляционно высказываться по различным военным проблемам. При этом дипломаты традиционно любили обвинять представителей Генштаба в алармизме. «Надо заметить, что военные агенты всегда склонны преувеличивать воинственность той страны, в которой они находятся. Это — черта психологическая», — заявил на одном из межведомствен-

⁷⁴¹ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Ед. хр. 8452. Л. 1–13.

⁷⁴² РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 126–127. П.П. Гудим-Левкович — Н.А. Монкевицу. Март 1913 г. № 49.

ных совещаний министр иностранных дел А.П. Извольский⁷⁴³. Впрочем, бóльшая воинственность взглядов военных атташе, в сравнении с кадровыми дипломатами, была органически и генетически присуща всем представителям этого института⁷⁴⁴. Справедливо и наблюдение Альфреда Вагтса о том, что в эпоху Первой мировой войны большинство военных атташе разных стран были в штаб-офицерских чинах, чаще всего — подполковников и полковников. А значит, их возраст обыкновенно не превышал 40 лет, т.е. они почти всегда были ощути-мо младше главы дипломатической миссии, и это привносило в их рознь еще и черты конфликта поколений⁷⁴⁵. Тот же автор высказывает любопытную мысль о том, что именно военные атташе автократических государств, таких как Российская империя и Второй Германский рейх, были более склонны к полемике с линией МИД и конфликтам с главами своих дипломатических миссий, в сравнении с представителями парламентских демократий⁷⁴⁶. Однако, если даже допустить определенную правоту этого наблюдения, следует заметить, что это явление объяснялось точно не лучшей упорядоченностью военной и дипломатической служб при парламентском строе, а особо привилегированным статусом военных атташе как личных представителей автократов-главнокомандующих.

Сотрудники военной разведки постоянно выражали свое резкое недовольство как степенью содействия дипломатов их агентурной работе, так и общим уровнем пригодности людей с Певческого моста к решению задач защиты русских интересов за рубежом. Естественно, дипломаты, в соответствии с заповедями и традициями своего ведомства, имели полное право не желать связываться с делами тайной агентуры и наживать себе проблемы с местными властями. Однако и у разведчиков-генштабистов была своя правда, подчас неприятная для представителей МИД. Весьма показательна в этом отношении частное письмо бывшего военного агента в Болгарии (в 1902–1904 гг.) Генштаба генерал-майора Н.И. Протопопова начальнику Генштаба Ф.Ф. Палицыну, написанное 9 сентября 1905 г.⁷⁴⁷

В этом письме Протопопов, заранее оговорившись, что ни с одним его словом не согласятся дипломаты, обрушивался на представителей русского МИД в Болгарии с гневной критикой. Он пи-

⁷⁴³ Цит. по: Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 88.

⁷⁴⁴ Vagts A. The Military Attaché. P. XI.

⁷⁴⁵ Ibid. P. 212.

⁷⁴⁶ Ibid. P. 337–338.

⁷⁴⁷ Это послание стало ответом на письмо Палицына с вопросами о возможности облегчения русскому военному агенту в Софии получения сведений, закрытых для других держав.

сал: «Если проследить деятельность наших представителей при болгарских правительствах, то резко бросается в глаза полнейшая, по временам, нетактичность некоторых из них. Наши дипломаты, не ограничиваясь обязанностями посредника и наблюдателя, зачастую выражали стремление играть особую роль в княжестве и явно, а большею частью тайно вторгались во внутреннюю жизнь страны, в ее распорядки и партийную борьбу, явно и тайно своим положением поддерживали то одну, то другую партию, смотря по своему вкусу и личным взглядам, и роняли престиж представителя, теряли симпатии к себе, а в лице своем и к России, и наживали врагов русскому влиянию беспрограммной, изменчивой политикой. Каждый из них считал себя знатоком восточного вопроса, искусным политиком и вел политику личную, мало сообразную с интересами России. Впрочем, были и теперь есть такие, которые и не знали России, т.к. выросли, учились и окончили образование, начали службу и дослужились до больших чинов и никогда в России не жили, а следовательно, не могли знать ни ее жизни, ни ее потребностей. Бывали и такие, что всем и каждому, при случае, заявляли, что они не русские и даже не славяне. Можно ли требовать после этого, чтобы болгары относились к нам всегда искренно, как к братьям, когда они видят, что мы сами не желаем иметь посредниками истинно русских людей по рождению и по воспитанию. В Болгарии нам необходимо иметь истинно русских людей, не зараженных дипломатическим самомнением и не делающих карьеру на дипломатическом поприще, а потому и не имеющих надобности своими донесениями нравиться Министерству иностранных дел. Нам надо назначать туда людей, любящих славянство, способных усвоить демократический дух болгар, способных стать на их точку зрения и понимать их, отказавшись раз и навсегда от старых приемов и принципов нашей дипломатии. Туда нам нет нужды назначать, так сказать, присяжных дипломатов, а посылать лишь людей, способных войти в круг болгарской жизни, сблизиться с ними, а не изображать из себя что-то недоступное, стоящее выше тех людей, с которыми и среди которых приходится жить и работать. Задача нашего представителя в Болгарии так проста и ясна, что вовсе не требует какой-то специальной дипломатической подготовки и долговременной практики — чем проще и естественнее он будет себя держать, чем он доступнее будет для всех, тем будет лучше для дела. Для нашей политики в Болгарии не нужны хитрости, коварство и всякие дипломатические тонкости и подвохи, — искренность и правда всегда дадут лучшие плоды, т.к. устранят недоверие и подозрительность, а следовательно, и скрытое и явное противодействие нашим желаниям».

Продолжая свою филиппику, Протопопов бичевал снобизм и высокомерие кадровых дипломатов, многие из которых, по его словам, требовали к себе особого почета и уважения как представители Державы-Освободительницы, а сами при этом не стеснялись даже в официальных случаях появляться в нетрезвом виде.

«Присматриваясь к работе наших дипломатов и консулов, я пришел к заключению, что это дело не стоит у нас на должной высоте. Первые из них это просто передатчики новостей из Софии в Петербург, притом в таком освещении, при котором они уверены, что донесения их понравятся начальству. Вот это-то освещение, зачастую предвзятое, даваемое из личных расчетов, а иногда навязанное извне, и составляет собственную политику наших представителей, за которую их и упрекают болгары, говоря, что у нас что ни агент, то и другая политика. Вторые, т.е. наши консулы, по сравнению с австрийскими, германскими и даже итальянскими, являются просто чиновниками для визы паспортов и больше ничего. О каких-либо заботах, напр[имер], о развитии наших торговых сношений, и помину нет», — писал Протопопов.

По его словам, все помыслы таких консулов были направлены на получение места получше; они норовили уйти в отпуск на два месяца и негласно задержаться еще на три-четыре, а всех принимаемых в Софии они часами заставляли ждать в тесной писарской. Естественно, что они не пользовались никакой любовью свободлюбивого и демократического населения. Бывший военный агент подчеркивал, что это было особенно важно в текущий момент, когда поколение освобожденных болгар сменялось новым. Между прочим, низкое качество консульского состава признавали и сами представители МИД, один из высокопоставленных чиновников которого писал примерно в то же время: «Деятельность нашего теперешнего консула за границей — это деятельность главным образом нотариальная: свидетельствование документов, выдача паспортов и т.д. <...> Три четверти наших консулов никогда не осведомляют свое правительство о вопросах более важных»⁷⁴⁸.

Генерал-майор Протопопов небезосновательно замечал, что задачи русской политики в Болгарии могли успешно решаться и человеком не из числа выпускников Александровского лицея и Училища правоведения (основных кузниц дипломатических кадров империи). Он писал: «Наши дипломаты усвоили себе свой особый взгляд на свое положение и держатся своих традиций, не обращая внимание на окружающую обстановку, а потому очевидно, что там, где этот взгляд

⁷⁴⁸ Цит. по: *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961. С. 59.

и традиции приносят вред, надо присяжных дипломатов заменить другими лицами»⁷⁴⁹. Решение проблемы, предложенное Протопоповым, было простым, но радикальным — объединить должности военного и дипломатического агентов в Болгарии в одну, с назначением на нее военного человека. Естественно, подобный проект, весьма далекий от реальности, мог быть проведен в жизнь только ценой острого конфликта и разрыва между Генштабом и МИД и разрушения действовавшей межведомственной системы выработки внешней политики.

Многие офицеры Генштаба разделяли взгляды Протопопова на деятельность консулов из кадровых дипломатов и выдвигали предложения более широкого использования консульских постов в интересах военной разведки, как это уже делалось в Азиатской Турции и Персии. Генерал М.В. Грулёв посвятил этому вопросу отдельную статью под заглавием «Консульское дело и военная агентура», в которой обрушивался на МИД с обвинениями его в стойком нежелании допускать людей со стороны к консульским должностям, воспринимавшимся кадровыми дипломатами с позиций «ведомственного кормления». Он писал: «Унаследовав свое ведомство от Посольского приказа, где были свои выработанные традиции, наше Министерство иностранных дел смотрит на всякие места и должности просто как на свое хлебное достояние, которым должно кормиться только свое ведомство»⁷⁵⁰. Автор статьи утверждал, что офицеры-генштабисты могли с успехом выполнять несложные консульские обязанности в ряде азиатских стран и при этом вести ценную работу по разведке. По мнению Грулёва, это позволило бы впрыснуть «энергию и жизненный эликсир» в «затхлое ведомство» Певческого моста⁷⁵¹. Увы, все подобные предложения имели мало шансов воплотиться в жизнь, поскольку в МИД, в чем не приходится сомневаться, тоже очень «тепло» относились к военным, особенно к их попыткам вторгнуться в вековую вотчину дипломатического ведомства и забрать себе дополнительные заграничные должности.

Вопрос о замещении ряда консульских должностей офицерами-генштабистами или восточниками несколько раз становился предметом обсуждения начальника Генштаба Ф.Ф. Палицына и министра иностранных дел А.П. Извольского. В 1907 г. Генштаб поднял вопрос о назначении своего офицера на должность секретаря генерального консульства в Багдаде, однако МИД отвечал отказом, поскольку считал,

⁷⁴⁹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 188–197. Н.И. Протопопов — Ф.Ф. Палицыну. 9 сентября 1905 г. Б.н.

⁷⁵⁰ Грулёв М.В. Консульское дело и военная агентура // Грулёв М.В. Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911. С. 320.

⁷⁵¹ Там же. С. 321.

что данный пост должен занимать карьерный дипломат. Генштабу было предложено назначить своего человека на штатную должность второго секретаря, т.е. содержать его за свой счет, но ведомство Палицына не смогло этого сделать из-за нехватки средств и было вынуждено перевести вице-консула в Ване — негласного военного агента — на должность вице-консула в Мосуле, с разрешением ему проживать в Багдаде⁷⁵². В конце 1908 г. Палицын вновь просил МИД о содействии в увеличении числа резидентур военной разведки, поскольку собственные финансовые средства военного ведомства в то время этого не позволяли. Извольский отвечал, что его ведомство не возражает против прикомандирования военных секретарей к консульским учреждениям и назначения военных на должности вице-консулов, в тех местах Турции и Персии, где не требовались кадровые дипломаты⁷⁵³. Однако никто из людей Певческого моста никогда не дал бы военным согласия на назначение генштабистов на консульские должности в ущерб корпоративным и материальным интересам своего министерства.

Впрочем, живая действительность всегда многогранна, и сотрудничество военных агентов и дипломатов во многом зависело от индивидуальных качеств и личных взаимоотношений представителей двух ведомств в каждом отдельном случае. Так, русский военный агент в Австро-Венгрии М.И. Занкевич писал о после М.Н. Гирсе, что он «принадлежит к числу тех послов, которые не только не признают совместной работы с военным агентом, но и стараются облечь деятельность подведомственных им канцелярий и свою собственную покровом тайны от него»⁷⁵⁴. А в Белграде военный агент полковник В.А. Артамонов достаточно плодотворно сотрудничал с посланником Н.Г. Гартвигом. Они в одно время, в 1909 г., были назначены в Сербию, оба хорошо знали и любили эту страну и пользовались весомым авторитетом у ее руководства и народа⁷⁵⁵. Многие процессы и события внутренней и внешней политики Сербии оценивались ими различно, однако Артамонов

и Гартвиг, несомненно, признавали способности и заслуги друг друга и не пытались открыто вторгаться в область чужого ведения. Насколько позволяют судить документы, такой негласный раздел полномочий позволял им благополучно избегать трений и конфликтов. Эта традиция была продолжена при новом посланнике, князе Г.Н. Трубецком, сменившем Гартвига, который скоропостижно скончался 30 июня 1914 г., в разгар Сараевского кризиса.

Служивший в Болгарии полковник Ю.Д. Романовский с искренним уважением отзывался о прежнем посланнике Д.К. Семеновском-Курило, умершем в начале 1911 г., еще до прибытия Романовского в Софию. Однако та память, которую Семеновский оставил по себе в Болгарии, позволяла военному агенту называть его образцовым дипломатом, бескомпромиссным защитником русских интересов. А вот о служебных качествах А.В. Неклюдова, преемника Семеновского, полковник Романовский высказывался с откровенным презрением, как и о других чиновниках МИД, на которых он возлагал ответственность за неблагоприятное для России развитие событий накануне Балканских войн. В частном письме Н.А. Монкевицу от 20 сентября 1912 г. он писал: «С болью в сердце должен сознаться, что наша дипломатия сделала все, чтобы окончательно запутать и без того скверное для нас положение вещей. Вместо того чтобы вникнуть в положение вещей, Сазонов ограничивался советами благоразумия, подчас в весьма обидной для болгар форме. Это привело к тому, что Неклюдова, который и без этого престижем здесь не пользовался, окончательно перестали слушать и перестали с ним считаться, а затем начали держать нас в полном неведении, как будто русской миссии здесь не существовало»⁷⁵⁶. Австрийские дипломаты, с свою очередь, докладывали накануне Балканских войн, что русская политика в Софии «носила две маски» и что полковник Романовский, опираясь на свою высокую репутацию в Петербурге, игнорировал безынициативного и более миролюбивого посланника Неклюдова и проводил собственную политическую линию, непосредственно толкавшую Болгарию к войне с Турцией. Османский посланник в Софии и вовсе считал Романовского фактическим лидером «партии войны», сделавшим как никто много для начала болгарской мобилизации осенью 1912 г.⁷⁵⁷ Безусловно, эти оценки не соответствовали действительности, но они служат подтверждением как высокой активности Романовского, так и его полного разлада с Неклюдовым по служебным вопросам.

⁷⁵² Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 199.

⁷⁵³ Лебедев В.А. Поставщики секретной информации. Разведывательная деятельность МИДа Российской империи в начале XX века // Независимое военное обозрение. 2002. 30 августа. Автор статьи полагает, что приведенные факты говорят о готовности МИДа широко сотрудничать с Генштабом в деле разведки. Думается, это суждение преувеличено. Как общее правило, дипломаты были готовы помогать военным разведчикам лишь в той степени, в какой это не затрагивало узковедомственные интересы Певческого моста. По всей видимости, упомянутая статья Грулёва, опубликованная вначале в журнальном варианте, была написана именно в поддержку позиции Генштаба в споре о консульских должностях.

⁷⁵⁴ Цит. по: Звонарёв К.К. Агентурная разведка. Кн. 1. С. 121.

⁷⁵⁵ О личности и деятельности Н.Г. Гартвига подробнее см.: Писарев Ю.А. Российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг (1909–1914 гг.) // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 182–190.

⁷⁵⁶ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 64–67. Ю.Д. Романовский — Н.А. Монкевицу. 20 сентября 1912 г. Б.н.

⁷⁵⁷ Цит. по: Vagts A. The Military Attaché. P. 333–334.

Со сменившим Неклюдова в 1914 г. во главе русской миссии в Софии А.А. Савинским полковник Романовский прослужил совсем недолго; судя по донесениям обоим, отношения между ними были ровными и партнерскими. При обсуждении вопросов болгарской политики военный агент пользовался достаточным влиянием на Савинского, полное профессиональное ничтожество которого было очевидно для всех, кроме руководства ведомства Певческого моста. Прибывший на смену Романовскому Татаринов, по отзывам беспристрастных современников, в решении целого ряда вопросов русской политики в Болгарии играл первую скрипку, намного превосходя Савинского своим влиянием и предприимчивостью. Непререкаем был авторитет многолетнего военного агента в Черногории Н.М. Потапова.

Наиболее сложная, конфликтная ситуация между главой русской дипломатической миссии и военным агентом традиционно наблюдалась в Румынии. В первые годы XX в. французский посланник в Бухаресте докладывал в Париж, что русский военный агент полковник Е.А. Леонтович «открыто атакует политику главы миссии, власти которого, между прочим, его функции не подчинены. Он обращается с румынами с исключительной грубостью и без всякого рассуждения. Он никоим образом не скрывает свои самые угрожающие и агрессивные договоренности с сербами и болгарам. Он подчеркивает свои симпатии, которые направлены против Германии и в пользу Франции. Его антагонизм с г. Фонтоном (русский посланник в Румынии в 1891–1902 гг. — В.К.) достиг крайней степени, но кажется, что русское правительство сохраняет доверие к своим военным агентам, так как оно недавно направило его, совместно с адмиралом Бирилёвым, с дипломатической миссией в Белград и Софию и добавило Болгарию к числу стран, на которые распространяется его военное наблюдение»⁷⁵⁸.

Позднее, в 1914–1915 гг., в Бухаресте между военным агентом полковником Б.А. Семёновым и посланником С.А. Поклевским-Козелом в 1914–1915 гг. шла настоящая война, получившая в России отклик и продолжение на самом высоком уровне (подробнее см. в третьей части этой книги). После вступления Румынии в мировую войну схватку в декабре 1916 г. продолжили вновь назначенные в эту страну посланник А.А. Мосолов и военный агент полковник В.А. Палицын.

Примечательно, что Мосолов, возглавлявший прежде канцелярию Министерства императорского двора и уделов, имел военный чин генерал-лейтенанта. Ссылаясь именно на это, он стал добиваться от руководства, чтобы военный агент был «не только подведомственен, но прямо подчинен по отраслям его обязанностей посланнику»⁷⁵⁹.

Генштаб распорядился, чтобы полковник Палицын руководствовался в работе указаниями Мосолова. Однако военный агент не захотел подчиняться посланнику, даже носившему генеральские погоны. По версии самого Палицына, он был готов следовать инструкциям Мосолова, однако тот начал напрямую, через его голову, руководить действиями помощника военного агента штабс-капитана А. Можайского и требовать от Палицына безоговорочного подчинения по всем вопросам. Палицын начал открыто саботировать распоряжения посланника, утверждая, что в телеграмму Огенквара с разъяснениями вкралась ошибка. Затем он подал рапорт о болезни и сказал, что будет просить об освобождении от должности⁷⁶⁰. Этот случай свидетельствует, что борьба посланника и военного агента не всегда была межведомственным противостоянием кадрового дипломата и генштабиста; сплошь и рядом решающим фактором становились личные амбиции заинтересованных должностных лиц и их представления о пользе для дела. Порой это вело к настоящей грызне представителей России, что наносило непоправимый ущерб русским интересам в той стране, где это происходило.

Вплоть до мировой войны русские военные агенты на Балканах совершенно не имели штатных помощников по разведывательной работе. Впрочем, в марте 1908 г. император одобрил предложение Генштаба назначить в распоряжение военных агентов в Софии и Константинополе по два сверхсрочнослужащих унтер-офицера гвардейской кавалерии в качестве вестовых. Состоять при военном агенте в Болгарии М.Н. Леонтьеве были назначены старший урядник лейб-гвардии Атаманского полка Григорий Горячев и унтер-офицер лейб-гвардии Драгунского полка Егор Брыков; оба выехали из Петербурга к месту назначения в ноябре 1908 г.⁷⁶¹ Одновременно в распоряжение военного агента в Константинополе И.А. Хольмсена были командированы взводные унтер-офицеры лейб-гвардии Кирасирского ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны полка Григорий Сенчило и Алексей Шиман⁷⁶². Унтер-офицеры прикомандировывались к военным агентам «для охраны их канцелярий и архивов и возложения на них некоторых поручений секретного характера и в том числе для сопровождения агентов в некоторых служебных поездках»⁷⁶³.

Также с 1910 г. по 1911 или начало 1912 г. при военном агенте в Болгарии состоял корнет лейб-гвардии Конного полка Врангель фон

⁷⁶⁰ Там же. Л. 17–18, 24–30.

⁷⁶¹ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Ед.хр. 8446. Л. 1–4.

⁷⁶² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 1440. Л. 5–6.

⁷⁶³ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Ед. хр. 8446. Л. 1–2.

⁷⁵⁸ Ibid. P. 338–339.

⁷⁵⁹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 89. Л. 17.

Гюбенталь, но выяснить его статус и обязанности нам не удалось⁷⁶⁴. В одном из донесений Леонтьева от октября 1910 г. упоминается, что офицер должен был быть прикомандирован к нему временно, сроком на один год⁷⁶⁵. В 1912 г. при полковнике Ю.Д. Романовском в Софии продолжал оставаться старший урядник Горячев⁷⁶⁶. К сентябрю 1914 г. он числился в составе чинов русской миссии уже всего лишь как прислуга (т.е. денщик) Романовского, что шло вразрез с прежним указанием Генштаба⁷⁶⁷. Где находился второй унтер-офицер, предусмотренный штатами, неизвестно. Григорию Горячеву было суждено стать ветераном русской разведки на Балканах. Он остался служить при сменившем Романовского полковнике Татаринове; затем, как следует из документов, уже в чине урядника находился при нем после его назначения в Бухарест. В августе 1916 г. Татаринов взял его с собой в Ставку для охраны в пути особо секретных документов⁷⁶⁸. По словам В.А. Артамонова, летом 1914 г. он также имел денщиком солдата одного из гвардейских полков⁷⁶⁹. Известно, что в довоенный период русский Генштаб рекомендовал военным агентам заменить свою вольнонаемную прислугу на военнослужащих, лучше всего из нижних чинов полевой жандармерии. Однако военное ведомство России брало на себя только оплату их проезда к месту службы. Платить им жалованье должны были сами военные агенты, а далеко не у всех из них имелись для этого достаточные средства⁷⁷⁰.

Незнание местных языков заставляло военных агентов пользоваться услугами переводчиков (за исключением, пожалуй, Артамонова и Потапова, владевших сербским). Переводчиком полковника Татаринова был отставной подполковник болгарской армии Каракановский, известный своими русофильскими взглядами. Тотчас по выезде русской миссии из Софии осенью 1915 г. он был заключен властями в тюрьму вместе с рядом других болгар-русофилов⁷⁷¹. Полковник Семёнов в Румынии также содержал наемного переводчика, которому он платил 250 лей (примерно 100 руб.) в месяц. Разумеется, военные

⁷⁶⁴ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 212. Схема военных агентов, их помощников и состоящих при них лиц. Составлена в 1912 г.

⁷⁶⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3029. Л. 52–55. М.Н. Леонтьев — Н.А. Обручеву. 7 октября 1910 г. № 180.

⁷⁶⁶ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 62.

⁷⁶⁷ АВПРИ. Ф. 192. Оп. 527. 1914 г. Ед. хр. 234. Л. 81 об.

⁷⁶⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1130. Л. 740. А.А. Татаринов — в Огенквар. 10 августа 1916 г. № 336.

⁷⁶⁹ Artamonov V.A. Erinnerungen an meine Militärattachezeit in Belgrad // Berliner Monatshefte. 1938, Juli–August. S. 601.

⁷⁷⁰ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. С. 104.

⁷⁷¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1897. Л. 148. А.А. Татаринов — в Огенквар. 8 июня 1916 г. № 149.

агенты имели полную возможность разговаривать со старшими офицерами, гражданскими чиновниками и иностранными дипломатами на французском или немецком языках, но общение с представителями простого народа, включая агентов-информаторов, было для них затруднительно.

Отсутствие штатных помощников и заместителей сильно сковывало возможности русских военных агентов, вынужденных работать в одиночку, без подготовленных сотрудников. Особенно обременительной была работа по шифровке и расшифровке телеграфной переписки с Генштабом. Военный агент в Константинополе И.А. Хольмсен весной 1911 г. в частном письме Н.А. Монкевицу писал, что, не имея помощников, он был прикован к письменному столу и буквально изнемогал от бумажной работы, которая поглощала все его время без остатка. «Лично я не живу до такой степени, что не успеваю просматривать банковые отчеты и следить за своим разорением и без достаточного отпуска на жизнь от казны больше жить не могу!» — изливал душу Хольмсен в письме руководителю военной разведки⁷⁷². Как мы видим, ни материальные средства, ни высокое социальное положение не избавляли военных агентов от изнурительного труда.

Во время 1-й Балканской войны Ю.Д. Романовский, находившийся при болгарской Главной квартире, настойчиво просил Огенквар прислать ему помощника для обеспечения связи с русской миссией в Софии, а также для выполнения части работ с шифрами и телеграфной перепиской⁷⁷³. Эта просьба, по сути, так и не была удовлетворена, так что русский военный агент был вынужден сам подыскивать себе нештатных помощников. После окончания войны с Турцией 1912–1913 гг. один из русских офицеров-добровольцев в болгарской армии, поручик 1-го конно-горного артиллерийского дивизиона Николай Всеволодович Шинкаренко, получил продолжительный отпуск и остался в Софии для поправления расшатанного в войну здоровья. Он был привлечен русским военным агентом к работе по разведке и, по отзыву посланника А.А. Савинского, «оказался весьма полезным полковнику Романовскому как своей работоспособностью и скромностью характера, так и обширными, приобретенными за время кампании знакомствами среди молодых офицеров болгарской армии»⁷⁷⁴. Шинкаренко прекрасно владел болгарским языком, был популярен в обществе; военный агент аттестовал его как «весьма способного, серьезного и ис-

⁷⁷² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3033. Л. 67–75 об. И.А. Хольмсен — Н.А. Монкевицу. Весна 1911 г. Б.н.

⁷⁷³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 75. Ю.Д. Романовский — Н.А. Монкевицу. 27 сентября 1912 г. № 157.

⁷⁷⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1914 г. Ед. хр. 2221. Л. 2–2 об. А.А. Савинский — А.А. Нератову. 19 февраля 1914 г. № 10.

полнительного работника». Романовский даже возбудил перед своим начальством ходатайство о прикомандировании Шинкаренко к нему в качестве офицера, состоящего в его распоряжении. Савинский, познакомившись с Шинкаренко, полностью одобрил эту идею и поддержал ее перед руководством МИД. Вопрос о прикомандировании Шинкаренко был обсужден на самом высоком уровне, при докладе начальника Генштаба военному министру, но В.А. Сухомлинов не дал согласия⁷⁷⁵. Главной причиной отказа была названа невыслуга Шинкаренко положенного по закону числа лет в строевой части, за полученное в военном училище образование⁷⁷⁶.

Получив отказ из Генштаба, Романовский более не считал возможным просить о назначении ему помощника. Тогда инициативу взял на себя Савинский, который знал о предстоявшем отъезде Романовского из Болгарии для ценового командования батальоном и хорошо понимал всю опасность могущего возникнуть положения: «Мы будем совершенно лишены военно-осведомительной службы в течение нескольких месяцев, и это именно в то время, когда таковая может оказаться особенно необходимой»⁷⁷⁷. В письме на имя Сазонова он писал, что предстоящий отъезд Романовского лишит русскую миссию сведений о военной жизни Болгарии «как раз в момент, когда среди военных происходит отмеченное уже в моих депешах брожение в пользу развития военной лиги и попыток ее вмешательства в политическую жизнь государства»⁷⁷⁸.

Опасения Савинского сбылись. Из-за отсутствия у военного агента в Болгарии заместителей весной и летом 1914 г. в этой стране сложилось нелепое и опасное для русских интересов положение. В соответствии с обычным порядком прохождения службы офицерами Генштаба полковник Ю.Д. Романовский, по предписанию Н.А. Монкевица, в конце апреля 1914 г. прибыл в Петербург и 1 мая явился к лейб-гвардии 1-му стрелковому его величества полку для ценового четырехмесячного командования батальоном⁷⁷⁹. Иными словами, весной 1914 г. русский Генштаб посчитал возможным надолго прервать работу своей разведки в Болгарии, несмотря на открыто враждебный курс внешней политики софийского руководства и тревожную военно-политическую обстановку на Балканах и в Европе. Поступление информации о Болгарии по каналам военной разведки прекратилось. Сам Романовский в докладе от 4 мая высказывал искреннее сожаление, что отъезд

в Россию помешал ему собрать дополнительные сведения о шедших в те дни тайных австро-болгарских переговорах, о которых ему сообщали из достоверных агентурных источников⁷⁸⁰. В донесении в МИД от 16 июля (за три дня до начала европейской войны!) посланник в Софии А.А. Савинский писал: «Проверить со своей стороны сведения <...> о призыве запасных не имею возможности, так как уехавший уже три месяца назад отбывать строевой ценз военный агент никем не заменен. Стараюсь получать сведения через французского военного агента и другими имеющимися в моем распоряжении путями»⁷⁸¹.

Лишь 7 июля 1914 г. последовало высочайшее соизволение на прикомандирование Шинкаренко к миссии в Софии сроком на 4 месяца, без сохранения содержания и без возложения официальных обязанностей по военной агентуре⁷⁸². В первые дни мировой войны он получил аккредитацию при миссии в качестве атташе. К осени 1915 г. он состоял штатным переводчиком штаба 7-й армии, причем командование армии планировало направить его в Румынию, с прикомандированием к миссии в Бухаресте «с целью объединения разведки из Одессы»⁷⁸³. Эта командировка, по всей видимости, так и не состоялась, однако и в дальнейшем Шинкаренко имел возможность проявить свои выдающиеся разносторонние качества. С отличием пройдя через Великую войну, в Гражданскую он уже в чине генерал-майора командовал Туземной горской дивизией в Русской армии П.Н. Врангеля. В эмиграции Шинкаренко получил известность как литератор, писавший под псевдонимом Николай Белогорский. В 1936 г. он рядовым добровольцем вступил в армию генерала Франсиско Франко и отличился в боях гражданской войны в Испании⁷⁸⁴.

Полковник Романовский спешно вернулся к исполнению обязанностей военного агента в Болгарии лишь в последней декаде июля 1914 г., уже после начала войны. То, что Огенквар не позаботился заметить Романовского на его разведывательной должности в Болгарии, свидетельствует, по меньшей мере, о прискорбной недооценке руководством Генштаба значения работы разведки в этой балканской стране. В данном случае в полной мере сказалось несовершенство системы ведения зарубежной разведки, при которой военный агент Российской империи в иностранном государстве в одиночку нес всю тяжесть рабо-

⁷⁸⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 20–22. Ю.Д. Романовский — Ю.Н. Данилову. 4 мая 1914 г. № 85.

⁷⁸¹ Там же. Ед. хр. 3054. Л. 15.

⁷⁸² АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1914 г. Ед. хр. 2221. Л. 13.

⁷⁸³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 8159. Л. 17. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 25 декабря 1915 г. № 1014; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 2750. Л. 358–361 об., 372–373.

⁷⁸⁴ Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 274–275.

ты по сбору сведений военного характера о стране своего пребывания и вся агентурная сеть военной разведки была связана лично с ним. Такая система несла в себе угрозу серьезных перебоев в поступлении разведывательной информации.

Сходная ситуация наблюдалась и в Сербии. В конце мая 1914 г. полковник В.А. Артамонов, после трех лет непрерывной работы, по совету врачей и с разрешения начальства ушел в двухмесячный отпуск и 6 июня вместе с семьей выехал через Вену в Швейцарию. В его отсутствие единственным неофициальным представителем русского «мозга армии» в Белграде в роковых июне и июле 1914 г. стал Генштаба капитан Александр Иванович Верховский, старший адъютант штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады, командированный в Сербию с военно-научными целями.

Верховский был незаурядным представителем молодого поколения русского корпуса генштабистов⁷⁸⁵. Его бывший товарищ по Пажескому корпусу Б.А. Энгельгардт вспоминал: «Верховский был первым учеником в классе и был назначен фельдфебелем. Любовью товарищей он не пользовался. Был он, по-видимому, как и Игнатъев, полон самомнения, считал себя вправе смотреть на всех окружающих свысока. Время было революционное, но настроения такого порядка, конечно, не находили никакого отзвука в среде пажей. Вполне понятным является то возмущение, которое охватило товарищей Верховского, когда они обнаружили, что их фельдфебель ведет какие-то недопустимые политические разговоры с вестовыми манежа. На своем товарищеском совещании они решили не обращаться непосредственно к корпусному начальству, а изложить все дело старейшему бывшему пажу, как старшему пажу, не утратившему связи с корпусом. В то время старейшим пажем являлся генерал-адъютант Рихтер. Он отнесся ко всему чрезвычайно серьезно, придал делу официальный ход, наряжено было следствие, в результате чего Верховский был исключен из корпуса, разжалован в унтер-офицеры и отправлен на фронт в Маньчжурию»⁷⁸⁶.

В боях с японцами Верховский заслужил солдатский Георгиевский крест и офицерский чин, затем блестяще окончил в 1911 г. Императорскую Николаевскую военную академию⁷⁸⁷. Став первым по баллам в академическом выпуске, он получил право на заграничную военно-научную командировку и выбрал для себя поездку в Сербию «для изуче-

⁷⁸⁵ Подробные и информативные жизнеописания Верховского см. в новейших книгах: Сафронов Ю.И. Дневник Верховского. М., 2014; Полторак С.Н. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб., 2014.

⁷⁸⁶ ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 64–65. Энгельгардт Б.А. Воспоминания камерпажа выпуска 1896 года. Рукопись

⁷⁸⁷ *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 21; *Artamonov V.A.* Erinnerungen an meine Militärattachzeit in Belgrad. S. 592–595.

ния на месте сербо-турецкой и сербо-болгарской войн с точки зрения управления войсками»⁷⁸⁸. Инструкция командируемому на Балканы штабс-капитану Верховскому была утверждена конференцией академии в ноябре 1913 г.; она предоставляла ему полную свободу в выборе программы и объема изучения фактической стороны Балканских войн. Общей задачей ему ставилось изучение работы высшего военного управления в мирное и военное время, службы штабов войск и органов тыла, причем предписывалось «особенное внимание обратить на метод управления, приемы передачи воли начальников войскам и организацию связи»⁷⁸⁹.

Как следует из впервые опубликованного в 2014 г. небольшого по объему «Сербского дневника» Верховского, он прибыл в Белград 25 января 1914 г.⁷⁹⁰ Полковник Артамонов познакомил его с ключевыми лицами Военного министерства и Главного Генерального штаба Сербии и сам поделился с ним материалами по интересующей его теме. Полковник сербского Главного Генерального штаба Маркович подыскал Верховскому учителя сербского языка. В целом, молодому русскому генштабисту были созданы чрезвычайно благоприятные условия для выполнения его миссии — изучения Балканских войн. 24 февраля 1914 г. Верховский записал в дневнике: «Работал сегодня в Генеральном штабе. Ко мне был приставлен майор — окончивший нашу Академию, — для помощи. И мне были показаны бумаги разведывательного отделения перед самой войной (1-й Балканской 1912–1913 гг. — В.К.). Донесения военных и других агентов, которые установили очень много для моей работы»⁷⁹¹. Однако все известные документы русского Генштаба убеждают, что Верховский зимой и весной 1914 г. не занимался разведкой, тем более агентурной. А когда Артамонов уехал в отпуск, Верховский оставался в Белграде почти до самого дня начала европейской войны, однако он так и не получил никаких официальных полномочий для исполнения обязанностей военного агента. К тому же менее чем за полгода жизни в Белграде Верховский точно не успел приобрести достаточных знаний местных условий и текущей обстановки на Балканах, чтобы хоть немного успешно замещать Артамонова. Именно при Верховском произошло Сараевское убийство, что служит еще одним косвенным доводом в пользу непричастности полковника Артамонова к этому покушению⁷⁹².

⁷⁸⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Ед. хр. 1495. Л. 8–9.

⁷⁸⁹ Там же.

⁷⁹⁰ [Верховский А.И.] Сербский дневник Генерального штаба капитана Александра Верховского // Сафронов Ю.И. Дневник Верховского. М., 2014. С. 203.

⁷⁹¹ Там же.

⁷⁹² Впрочем, существует и миф о причастности самого А.И. Верховского к убийству в Сараеве. Эту версию рассматривает и опровергает в своем фундаментальном исследо-

Лишь в отдельных случаях руководство военного ведомства принимало, по соглашению с МИД, меры по назначению помощников военным агентам в те страны, где подобные должности не были предусмотрены штатами. Так, 25 ноября 1912 г. последовало высочайшее соизволение на командирование полковника Кавалергардского полка Д.Ф. Левшина в распоряжение военного агента в Румынии⁷⁹³. Левшин был причислен к русской миссии в Бухаресте в качестве почетного консула; сведений об обязанностях, целях и сроке его пребывания в румынской столице найти не удалось.

В совершенно иных условиях происходила работа русского военного агента в Черногории, где, помимо него самого, с конца 1910 г., после подписания русско-черногорской военной конвенции, действовала целая миссия офицеров русской армии. Руководителем военно-инструкторской работы в черногорских вооруженных силах был назначен военный агент Н.М. Потапов.

Также в Черногории еще с 1909 г. находился полковник В.Г. Рачинский, служивший прежде в Выборгском крепостном артиллерийском батальоне. Он был инструктором в черногорской артиллерии. С 22 декабря 1911 г. при вооруженных силах Черногории состояли еще два русских инструктора из числа офицеров Генштаба⁷⁹⁴. Подполковник А.П. Колосов, бывший штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками Московского военного округа, с 1911 г. занимал должность помощника военного министра Черногории и отвечал за подготовку черногорской пехоты. Тогда же директором открытого в Цетинье кадетского корпуса был назначен Генштаба полковник В.Н. Егорьев, также ставший близким сотрудником Потапова⁷⁹⁵.

Русские военные агенты в зарубежных странах были перегружены работой, в том числе и не связанной с агентурной разведкой, военным и политическим анализом. Известен эпизод, когда военному агенту во Франции начальство однажды приказало срочно выяснить вопрос о пригонке винтовки у барабанщиков французской армии, сфотографировать и прислать ее образцы⁷⁹⁶. Еще более курьезный и плачевный пример можно привести из опыта русского военного агента в Сербии. Однажды во время 1-й Балканской войны император Николай II прочи-

вани югославский историк Владимир Дедиер. Между прочим, он ошибочно полагает, что Верховский был помощником Артамонова еще в 1913 г. (*Дедиер В.* Сараево 1914. Београд, 1966).

⁷⁹³ АВПРИ. Ф. 169/2. Оп. 511а. 1912 г. Ед. хр. 216. Л. 2, 4.

⁷⁹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3032. Л. 110 об.

⁷⁹⁵ Жилинский Я.Г., Данилов Ю.Н. Доклад по ГУТШ. 14 июня 1911 г. // Н.М. Потапов: Русский военный агент в Черногории: в 2 т. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.; Подгорица, 2003. С. 506–509.

⁷⁹⁶ Звонарёв К.К. Агентурная разведка. Кн. 1. С. 107.

тал в английской газете «Дэйли миррор» от 14 (27) ноября 1912 г., будто ружейные патроны, изготовленные заводом «Дойче ваффен унд мунитионс фабрикен» в Карлсруэ и использованные турками в бою, имели деревянные пули, что якобы стало одной из причин поражения турецкой армии под Куманово. Уже через два дня эта глупая антигерманская утка была опровергнута по требованию немецкой фирмы⁷⁹⁷. Однако российский император высказал пожелание иметь экземпляры этих патронов, а воля монарха была законом для военной разведки. Ее начальник, помощник 1-го обер-квартирмейстера ГУТШ генерал-майор Н.А. Монкевиц, телеграфировал Артамонову: «Государю императору угодно иметь такие патроны. Вышлите две коробки и, если можно, несколько экземпляров стреляных гильз и выстрелянных пуль»⁷⁹⁸.

В ответном рапорте от 4 декабря 1912 г. полковник Артамонов был вынужден отправить подробный доклад по этому поводу. В действительности, сербами были найдены на турецких складах учебные патроны с деревянными пулями, не снаряженные порохом и выкрашенные в красный цвет; сам Артамонов видел среди трофеев в Скопье горы настоящих боевых маузеровских патронов. Однако выполнить каприз императора оказалось не так легко, поскольку поля сражений в Македонии покрыл снег. Для начала Артамонов выслал в Петербург взятые в Скопье коробку с 15 остроконечными турецкими патронами, коробку обыкновенных турецких патронов более раннего изготовления и коробку стреляных турецких гильз, в основном потрескавшихся. Хотя у русского военного агента при Главной квартире воюющей сербской армии, несомненно, имелись более важные дела, он был вынужден организовать поиск на заснеженных кумановских полях. 14 декабря Артамонов торжественно отправил в Генштаб в двух ящиках (!) свои находки, преимущественно металлический хлам — турецкие патроны учебные и боевые остроконечные, стреляные гильзы и стреляные пули от турецких и сербских винтовок, сербские шрапнельные пули и отломанную часть затвора турецкой скорострельной винтовки, стаканы от турецкой и сербской шрапнели. Думается, такая посылка должна была выглядеть как злая издевка. Однако при докладе военного министра В.А. Сухомлинова 12 января 1913 г. искомая пачка учебных патронов все же была представлена Николаю II, который пожелал оставить ее у себя⁷⁹⁹. Эта история наглядно показывает, что статус официально военного представителя российского императора был связан с несением его обладателями обременительных обязанностей, бесполезных и просто вредных для дела военной разведки.

⁷⁹⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3156. Л. 84, 92–93.

⁷⁹⁸ Там же. Л. 98. Н.А. Монкевиц — В.А. Артамонову. 22 ноября 1912 г. № 3105.

⁷⁹⁹ Там же. Л. 94–95.

Руководство Генштаба явно не пыталось хоть немного разгрузить военных агентов; напротив, на них постоянно возлагались новые непростые задачи. Так, 29 декабря 1910 г. генерал-квартирмейстер ГУТШ Ю.Н. Данилов утвердил «Программу военно-статистических работ по иностранным государствам», каковые в отношении ряда стран были возложены именно на военных агентов, в дополнение к их и без того немалой нагрузке. Согласно этой программе, 1-я часть описания должна была содержать общий обзор государства и населения, 2-я часть — военно-географический обзор исследуемого района, 3-я — статистический обзор. В качестве секретного дополнения к обзору районов должно было присоединяться описание укрепленных пунктов с оценкой их обороноспособности и рассмотрением средств, необходимых атакующему⁸⁰⁰. Издание подобных обзоров предписывалось начать с пограничных с Россией районов. Работы по составлению описания Прибосфорского района Турции были поручены военному агенту в Константинополе И.А. Хольмсену, в помощь которому был назначен военный агент в Афинах П.П. Гудим-Левкович. Объем работ оказался столь велик, а все имевшиеся прежде сведения столь неточны, что эти два офицера не уложились в отведенный срок. Естественно, военные агенты жаловались начальству на тяжесть условий, в которых им приходилось работать, причем предлагали поручить все работы по маршрутным съемкам Турции офицерам штаба Одесского военного округа, т.е., попросту, хотели свалить их со своих плеч⁸⁰¹. В мае 1911 г. было высочайше утверждено решение о командировании в распоряжение военного агента в Турции поручика лейб-гвардии Конного полка К.В. Кушелева 1-го, сроком на два года и без дополнительных расходов для казны; 14 августа 1911 г. Кушелев выехал в Константинополь⁸⁰². Подобные временные прикомандирования были вынужденной мерой, поскольку штатной должности помощника военного агента в Османской империи не существовало с 1902 г.

В соответствии с высочайше утвержденной 23 апреля 1906 г. «Штатной ведомостью распределения военных агентов и помощников военных агентов», страны Балканского полуострова (за исключением Турции) были отнесены к 4-му разряду иностранных государств, низшему по размерам денежного содержания военных агентов. Русские военные представители в Сербии, Болгарии, Румынии, Греции и Черногории получали в год, каждый, за всеми установленными вычетами, 1500 руб. жалованья, 2000 руб. столовых денег, 1200 руб. квартирных денег, 300 руб. на разъезды и 400 руб. на «служебные расходы»

(в полное и безотчетное распоряжение). Содержание выплачивалось золотом (рубль приравнивался к 4 франкам или 1/10 полуимперииала) и переводилось четыре раза в год, первого числа января, апреля, июля и октября⁸⁰³. Эти размеры содержания сохранялись вплоть до Первой мировой войны. Самими военными агентами их финансовое обеспечение воспринималось как весьма низкое и порой просто недостаточное, учитывая, что они должны были содержать семьи и тратить существенные суммы на представительские расходы. Именно поэтому при подборе кандидатов немаловажным для руководства Генштаба, как уже отмечалось, было соображение о наличии у них дополнительных денежных средств.

Большинство русских военных агентов, действующих на страницах этой книги, были семейными людьми, обремененными женами и детьми. Исключение составлял старый холостяк полковник Б.А. Семёнов. Позднее опыт его деятельности в Бухаресте полностью подтвердил то давнее правило секретных служб, что одинокое положение сотрудника разведки, равнодушного к женскому полу, является источником всевозможных затруднений и потенциальной опасности.

Русские военные агенты в балканских столицах жили на съемных квартирах. В более выигрышном положении находился лишь военный агент в Константинополе, резиденцией которого было Терапийское имение на Босфоре, содержавшееся за счет русского военного ведомства, по меньшей мере, со времен Н.Н. Обручева⁸⁰⁴. Также в ведении военного агента в Константинополе находилась станция голубиной почты в Буюк-Дере. Поскольку многие из военных агентов не имели других источников дохода, кроме содержания из казны, жизнь в балканских столицах была для них весьма обременительна. В соответствии с тамошними представлениями, военный представитель великой державы должен был обставлять свой быт и досуг достаточно богато, с известной долей роскоши, иначе это могло умалять престиж его страны в глазах местного населения. В 1906 г. М.Н. Леонтьев отмечал, что представительские расходы в Болгарии были выше, чем во многих крупных странах, хотя она была отнесена к государствам 4-го разряда⁸⁰⁵. Весьма обеспеченный материально русский военный агент в Греции П.П. Гудим-Левкович докладывал, что только наличие средств помимо жалованья позволило ему принять назначение на заграничную должность. В январе 1917 г. он писал генерал-квартирмейстеру Генштаба: «До войны я и моя жена могли себя считать более или менее обеспеченными в материальном отношении: только ввиду

⁸⁰⁰ Там же. Ед. хр. 3033. Л. 26–29 об.

⁸⁰¹ Там же. Л. 51, 67–75 об., 82–86.

⁸⁰² Там же. Оп. 2. Ед. хр. 1305. Л. 20–21.

⁸⁰³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 212–212 об.

⁸⁰⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 1548. Л. 9–18.

⁸⁰⁵ Там же. Л. 86–88.

этого я считал возможным занять должность военного агента, ибо Вашему превосходительству известно, что на скудное жалование военного агента трудно прожить даже в крупных центрах, где жизнь дешевле, а военный агент не на таком виду, как в Греции»⁸⁰⁶.

Проживание в балканских столицах для военных агентов было сопряжено с рядом трудностей. Наибольшие проблемы в этом отношении представляло черногорское Цетинье. Офицеры русской военно-инструкторской миссии, работавшей в Черногории, вообще не могли найти для себя жилье. 27 февраля 1911 г. военный агент в Черногории Н.М. Потапов писал военному министру В.А. Сухомлинову в неофициальном письме: «Как Вашему высокопревосходительству известно, Цетинье — это деревушка с 3 тыс. жителей, населенная сплошь простым народом, включая сюда и местных сановников, супруги коих, наравне со служанками (если еще таковые имеются), целые дни проводят в кухне за плитой. При подобных условиях рассчитывать здесь не только на какой-нибудь заурядный у нас комфорт в квартирах, но и просто на сколько-нибудь удовлетворительное помещение невозможно». «Если прибавить сюда, что вообще-то свободных квартир в Цетинье имеется всего 2–3, что за них дерут с нас невероятные цены <...> и что построены дома так скверно, что все мы страдаем ревматизмом (жена моя уже 5-й год лечится и сейчас даже уже более месяца берет серные ванны в Спалатто; в скором времени придется лечить от того же 12-тилетнюю дочь), то станет ясно, в каком отчаянном положении в смысле квартир мы все здесь находимся. <...> Я уже 8-й год высушиваю собственными костями черногорскую “кучу” (куча — по черногорски “дом”», — продолжал Потапов⁸⁰⁷.

В ноябре 1913 г. полковник Ю.Д. Романовский, который, несмотря на заслуги и высокие должности покойного отца, не имел материальных средств помимо жалования, был вынужден в рапорте обратиться к начальству с просьбой о выдаче ему денежного пособия. Уже с первых дней болгарской мобилизации 1912 г. жизнь в Болгарии резко вздорожала. Несмотря на угрозы властей предавать спекулянтов военно-полевым судам⁸⁰⁸, рост цен в стране невольно напоминал Романовскому условия жизни в осажденном Порт-Артуре, где за одно яйцо платили рубль, а за курицу 25–30 руб. Отправляясь на театры войны вместе с болгарской Главной квартирой, русский военный агент должен был приобрести лошадей для себя, своего урядника и под вьюк,

⁸⁰⁶ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 58. Л. 3–5. П.П. Гудим-Левкович — генерал-квартирмейстеру ГУГШ. 24 января 1917 г. № 927.

⁸⁰⁷ Н.М. Потапов — В.А. Сухомлинову. 14 февраля 1911 г. Б.н. // Н.М. Потапов: Русский военный агент в Черногории. Т. 1. С. 487–489.

⁸⁰⁸ *Жебокрицкий В.А.* Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961. С. 14.

а также необходимую экипировку⁸⁰⁹. Летом 1913 г. Болгария вообще оказалась отрезана от внешнего мира, что еще сильнее сказалось на ценах. Все чины русской миссии и консульств в Болгарии по ходатайству посланника получили от МИД пособие в размере 2–3-месячного содержания. Генштаб также возбудил переписку по этому вопросу, в которой отмечалось, что и предшественник Романовского, полковник М.Н. Леонтьев, обращал внимание на совершенно недостаточное материальное обеспечение военного агента в Болгарии. 24 января 1914 г. военный министр одобрил предложение выдать полковнику Романовскому пособие в размере 750 руб. из текущего счета части 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ⁸¹⁰. О выдаче дополнительного денежного пособия после Балканских войн был вынужден просить и русский военноморской агент в Константинополе А.Н. Щеглов⁸¹¹.

Недостаточность денежного содержания русских военных агентов за границей, особенно по сравнению с военными атташе других держав, была настолько очевидна, что даже бюджетная комиссия по военным и морским делам Государственной думы при рассмотрении сметы ГУГШ на 1913 г. высказала пожелание о пересмотре вопроса о материальном обеспечении военных агентов в сторону его увеличения. Ответ Генштаба гласил, что вопрос об увеличении содержания военных агентов был детально разработан и поставлен на очередь ГУГШ еще в 1912 г., но не получил дальнейшего движения ввиду невозможности уместить необходимый на это кредит в смету Военного министерства на 1913 г. Учитывая пожелания Госдумы, совещание под председательством помощника военного министра 22 мая 1913 г. постановило направить эту меру к осуществлению в законодательном порядке по общей формуле с 1 сентября 1914 г.⁸¹² Начавшаяся мировая война принесла огромные перемены в финансовом обеспечении деятельности русских военных агентов, однако проблемы с их личным денежным содержанием сохранились, а условия жизни заметно ухудшились вследствие боевых действий на Балканах и блокады ряда стран региона.

Империя Романовых обеспечила своим военным агентам весьма высокий и привилегированный статус в странах пребывания, в том числе и в их отношениях с русскими дипломатическими представителями. С одной стороны, это повышало авторитет разведки Генштаба и ее возможности по прямому и быстрому доведению своих сведений и оценок до высшего руководства государства. В то же время такое само-

⁸⁰⁹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 64–67. Ю.Д. Романовский — Н.А. Монкевицу. 20 сентября 1912 г. Б.н.

⁸¹⁰ Там же. Л. 17–20.

⁸¹¹ *Шеремет В.И.* Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М., 1995. С. 34.

⁸¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 2327. Л. 89.

стоятельное положение неизбежно становилось источником скрытых трений, а иногда и явных межведомственных войн между военными и дипломатами. Наконец, возвысив своих военных агентов, Российская империя не озаботилась вовремя тем, чтобы создать им мало-мальски комфортные условия несения службы. Главным пороком системы было одиночество военных агентов, лишенных штатных помощников и потому обремененных сверх всякой меры текущей бумажной, канцелярской, шифровальной работой. Отсутствие сотрудников лишило официальных представителей русского Генштаба возможности перекладывать на них часть служебной рутины и, благодаря этому, сосредотачиваться на ключевых военных, политических, агентурных вопросах. Одновременно это не позволяло военным агентам избегать личного участия в выполнении некоторых бессмысленных и подчас просто абсурдных распоряжений начальства, без которых вряд ли вообще может обходиться любая государственная и особенно армейская служба. Несмотря на все трудности, русские разведчики на Балканах накануне Первой мировой войны в целом успешно справлялись с выполнением своих обязанностей. Однако в те годы они и предвидеть не могли, с какими новыми вызовами столкнется их служба после начала общеевропейского конфликта и сколько мало подготовлена к ним она окажется.

Часть II
**НАБЛЮДАТЕЛИ
БАЛКАНСКОЙ БУРИ**

Глава 8

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ПЕРЕМЕНЫ: НОВОЕ В РАБОТЕ РУССКОЙ РАЗВЕДКИ НА БАЛКАНАХ

И никтоже вливает вина нова в мехи ветхи: аще ли же ни, расторгнет новое вино мехи, и само изливается, и меси погибнут. Но вино новое в мехи новы вливати: и обоя соблюдутся.

Св. Евангелие от Луки, 5:37, 38

В 1914 г. русская военная разведка в организационном отношении оказалась совершенно неприспособленной к условиям большой европейской войны. Как и секретные службы других воюющих стран, она столкнулась с рядом серьезных проблем, связанных с неготовностью ее аппарата к мобилизации и переходу на рельсы военного времени. Это ярко проявилось в процессе формирования разведывательных органов фронтовых и армейских полевых штабов из соответствующих подразделений центрального аппарата Генштаба и военно-окружных штабов⁸¹³.

Глубокие проблемы возникли при разделе ответственности и полномочий между Главным управлением Генерального штаба и образованным при мобилизации полевым штабом Верховного главнокомандующего (Ставкой), расположившимся в Барановичах. В это маленькое местечко Минской губернии, бывшее важным железнодорожным узлом, переместился центр стратегического руководства вооруженными силами, координирующий все военные усилия России. Ключевые должности в Ставке заняли офицеры ГУГШ. Начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен начальник Генштаба Н.Н. Янушкевич, однако единоличное, по сути, руководство стратегической работой Ставки сосредоточил в своих руках генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов. Прерогативой его управления были и планирование операций, и сбор и анализ сведений о противнике. Впрочем, за пределами Барановичей влияние Ставки и Данилова на управление операциями русских армий было ограничено широкой самостоятельностью и своевољством командования фронтов.

В России, как и в большинстве других стран — участниц войны, полевой штаб Верховного главнокомандующего формировался на основе центрального аппарата Генерального штаба мирного времени. В каждом случае наиболее сильные кадры последнего, в первую очередь из оперативных и разведывательных органов, переводились в

⁸¹³ См. об этом: *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 23–26, 302–305.

полевой штаб (Ставку), а Генштаб в столице вынужденно оставался ослаблен в кадровом отношении.

С этой трудностью столкнулись все воюющие страны, однако к решению этой проблемы они подошли по-разному. К примеру, обе Центральные державы, и Германия, и Австро-Венгрия, передали из Генерального штаба в полевой штаб Верховного главнокомандования основной личный состав целыми подразделениями, стараясь не нарушать ни их структуры, ни основных служебных функций. Об организации руководства германской разведкой К.К. Звонарёв, основываясь на работах полковника Вальтера Николаи, писал так: «Как только сформировалась Ставка Верховного главнокомандующего, в состав ее вошел почти весь Генеральный штаб мирного времени, в том числе и отдел ШБ Генерального штаба. В Берлине же остался заместитель начальника отдела ШБ с небольшим штатом сотрудников. Штат этот должен был поддерживать связь с другими ведомствами, получать от них сведения, добытые их агентурой за рубежом, передавать их в отдел ШБ Ставки Главковерха, оказывать последнему всякого рода поддержку и помощь в ведении агентурной разведки, руководить контрразведкой в самой Германии, а также отчасти военными бюро прессы и военной цензурой, обрабатывать агентурными способами тыловые лагеря военнопленных и т.д., и т.д. Вся же агентурная сеть, созданная еще в мирное время, перешла под непосредственное руководство отдела ШБ Ставки Главковерха»⁸¹⁴.

Аналогичным образом, основной костяк офицеров Эвиденцбюро австро-венгерского Генштаба был переведен в полевую квартиру Верховного главнокомандования, где и образовал сильный разведывательный отдел. В столичной Вене осталась меньшая группа офицеров, выполнявшая вспомогательные функции в отношении командования действующей армии. Естественным образом, в сфере руководства разведкой в условиях войны в Австро-Венгрии, как и в Германии, был введен строгий принцип централизма и единоначалия. Всеи заграничной агентурной работой руководили разведывательные отделения Главных квартир действующей армии, а оставшиеся в столицах структуры и кадры Генштаба играли подчиненную роль.

Военное ведомство Российской империи пошло другим и, как стало ясно только примерно через полтора года войны, гораздо менее удачным путем. Согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время», штаты штаба Верховного главнокомандующего даже не предусматривали создания собственного разведывательного отделения. В Ставке изучение сведений и составление сводок о германской

⁸¹⁴ Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 2: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 66–67.

и австро-венгерской армиях было поручено двум опытным разведчикам-аналитикам, Генштаба полковникам В.Е. Скалону и А.А. Самойло соответственно. Вскоре к кругу обязанностей последнего Данилов добавил и изучение Румынии. Самойло вспоминал: «На меня возлагалось составление военно-политических докладов по сношению с Румынией и военная оценка местности, главным образом Северной Буковины, бывшей предметом торга между министерствами иностранных дел»⁸¹⁵. Однако другими балканскими странами в даниловской Ставке вообще никто персонально не занимался, что является красноречивым показателем того значения, которое придавалось этому театру войны творцами русской военной стратегии. К осени 1915 г., когда руководство Ставки уже поменялось, обработкой сведений о противнике там занималось 5-е делопроизводство Управления генерал-квартирмейстера, в котором работали Генштаба полковники В.Е. Скалон, П.А. Базаров и Б.М. Стахович. В сферу ответственности этих трех офицеров входили все вооруженные силы Германии, Австро-Венгрии и Турции, а также ход боевых действий на Французском, Итальянском, Сербском фронтах и на Галлиполи⁸¹⁶. Очевидно, Балканами занимался Стахович, который делал это еще в предвоенном Генштабе.

Руководство стратегической зарубежной разведкой осталось в ведении Огенквара ГУГШ, кадры которого были существенно ослаблены в результате мобилизации. Поскольку ожидалась быстрая война, большинство новых назначений в центральном аппарате Генштаба рассматривались как временные. Так, генерал М.А. Беляев стал исполняющим должность начальника Генштаба, а должность генерал-квартирмейстера ГУГШ исполнял вернувшийся из Константинополя генерал-майор М.Н. Леонтьев. Он оставался на этом посту вплоть до 3 июля 1916 г., когда был назначен командующим 4-й Особой пехотной бригадой, предназначенной для Салоникского фронта. Как уже отмечалось, к началу войны Леонтьев был опытейшим знатоком Балкан во всем русском Генштабе, всегда придававшим особое значение балканскому направлению в русской политике и стратегии. Однако разработка стратегических решений была распределена между Ставкой и штабами фронтов; в вопросах планирования Огенквар оказался «бедным родственником», и ни в оперативных документах командования, ни в фактических действиях русских вооруженных сил невозможно обнаружить малейшие следы влияния генерал-квартирмейстера ГУГШ Леонтьева. Решения по ключевым вопросам ведения войны принимали люди, незнакомые с Балканами и резко враждебные идее

⁸¹⁵ Самойло А.А. Две жизни. Л., 1963. С. 170.

⁸¹⁶ Алексеев М. Военная разведка России... Кн. 3, ч. 1. С. 306.

расширения военных усилий России на любых театрах войны, кроме основного сухопутного австро-германского фронта.

Итак, главный орган стратегического руководства действующей армией и флотом — Ставка — оказался искусственно отделен от головного органа военной разведки, как в организационном, так и в географическом отношении. Еще более серьезным изъяном и источником трудностей было отсутствие единого руководства агентурной разведкой за пределами России.

Стратегической заграничной разведкой продолжал заниматься центральный аппарат Генштаба в Петрограде, однако его разведывательные подразделения были обескровлены и испытывали острую нехватку подготовленных кадров. В качестве яркого примера можно привести тот факт, что в 1916 г. должность делопроизводителя Разведывательного делопроизводства Огенквара ГУГШ некоторое время исполнял числившийся по армейской пехоте подполковник Владимир Николаевич Айваз-Оглу⁸¹⁷. В Разведывательном делопроизводстве, созданном в сентябре 1916 г. в части 1-го обер-квартирмейстера, было сосредоточено все руководство заграничной разведкой, как официальных военных агентов, так и негласной агентурой. Особое делопроизводство с этого времени занималось лишь вопросами интернирования больных военнопленных, правилами выезда гражданских лиц за границу для посещения родственников в плену и т.д.⁸¹⁸ В.Н. Айваз-Оглу до войны служил во Владивостокском крепостном артиллерийском полку и, окончив местный Восточный институт, в ноябре 1910 г. был прикомандирован к ГУГШ в качестве офицера-переводчика. Затем, в условиях острой нехватки кадров в ГУГШ, «в видах лучшего материального обеспечения» Айваз-Оглу был назначен временно исполняющим должность делопроизводителя Особого делопроизводства⁸¹⁹. Таким образом, прежнее кресло самого Монкевица оказалось занято офицером, который даже не был генштабистом. Как бы то ни было, центральной фигурой в разведывательной работе Генштаба в 1914–1916 гг. был генерал Леонтьев, а подчиненные ему офицеры связанных с разведкой делопроизводств Огенквара выполняли лишь технические функции.

В годы Первой мировой войны основой системы стратегической зарубежной разведки военного ведомства России оставался, как и прежде, институт военных агентов. Причиной тому была неподготовленность и слабость тайных резидентур Генерального штаба и территориальных органов разведки (разведывательных отделений штабов военных округов). В военное время, при сохранении прежних обр-

⁸¹⁷ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 90. Л. 16, 41.

⁸¹⁸ Там же. Ед. хр. 104. Л. 291–296.

⁸¹⁹ Там же. Л. 148.

менительных представительских обязанностей, объем добываемой и аналитической разведывательной работы военных агентов значительно вырос, а качественных изменений к лучшему в организации и условиях их службы не произошло.

В течение двух первых лет войны, до осени 1916 г., не было выработано четких механизмов подчиненности военных агентов и системы адресации их донесений. Формально военные агенты по-прежнему подчинялись генерал-квартирмейстеру ГУГШ; но в действительности инструкции по работе им зачастую давала Ставка, использовавшая Генштаб лишь как передаточную инстанцию. Мнение Ставки нередко было определяющим и по вопросу о назначениях и смещениях военных агентов. Некоторые исследователи полагают, что все донесения военных агентов из зарубежных стран поступали в Огенквар и лишь оттуда после вторичной зашифровки передавались в Ставку⁸²⁰. В действительности все было гораздо сложнее. Делопроизводственные материалы ГУГШ и Ставки свидетельствуют, что все донесения военных агентов, содержавшие особо важную информацию, передавались ими в форме секретных зашифрованных телеграмм как в Огенквар, так и напрямую в Ставку, иногда даже в штабы фронтов. Иногда это происходило в результате особой договоренности между высшими полевыми штабами и Генштабом; иногда — просто по просьбе заинтересованного штаба к тому или иному военному агенту.

К примеру, 14 мая 1915 г. Н.Н. Янушкевич телеграфировал В.А. Сухомлинову, что сам Главковерх просил, ввиду текущих политических событий, о разрешении полковнику Семёнову передавать свои донесения одновременно и напрямую как в Генштаб, так и в Ставку, для лучшего освещения обстановки и скорейшего принятия решений⁸²¹. Естественно, это разрешение было дано. С самого начала кампании 1914 г. копии донесений полковника В.А. Артамонова из сербской Верховной команды направлялись им, под отдельными номерами, напрямую в штаб Юго-Западного фронта, на имя генерала М.В. Алексева⁸²². Копии некоторых телеграмм Артамонова также посылались им прямо в Ставку. Осенью 1915 г., накануне нового вражеского наступления про-

⁸²⁰ Современный историк русской разведки М. Алексеев ошибочно полагает, что донесения военных агентов поступали в Ставку исключительно через ГУГШ, якобы «в целях своевременного составления сводок для Николая II, при этом интересы дела отодвигались на второй план» (Алексеев М. Военная разведка России... Кн. 3, ч. 1. С. 55). Представляется странным утверждение, что в условиях военного времени информирование верховного правителя государства, Державного вождя русской армии и флота, не должно было входить в круг приоритетных обязанностей Генерального штаба и его разведки.

⁸²¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 61. Н.Н. Янушкевич — В.А. Сухомлинову. 14 мая 1915 г. № 631.

⁸²² См.: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 2649 и др.

тив Сербии и вступления Болгарии в войну, донесения военных агентов в балканских странах вновь стали поступать в штаб Юго-Западного фронта, а также в штаб 7-й армии в Одессу.

В Огенкваре происходили дополнительная оценка и отбор донесений заграничной разведки, после чего наиболее важные и имевшие непосредственное значение для планирования и осуществления операций действующей армии донесения вновь зашифровывались и передавались в Ставку. В этом случае на копии документа, оставшейся в ГУГШ, ставился специальный штамп «В Ставку сообщено». Поступление данных зарубежной разведки из союзных и нейтральных стран в Генеральный штаб и оттуда — выборочно — в Главную квартиру действующей армии было в годы мировой войны обычной практикой во многих воюющих государствах. Такой порядок был обусловлен стремлением освободить штаб действующей армии от работы со всей массой донесений разведки, многие из которых не были напрямую связаны с проблемами, входившими в круг обязанностей Ставки. Вызывавшиеся этим задержки в поступлении разведывательной информации в Главную квартиру были неизбежным злом.

Балканский полуостров не был охвачен разведывательной деятельностью полевых штабов русских вооруженных сил, за исключением одной Румынии, которую изучала разведка штаба Юго-Западного фронта и штаба отдельной 7-й армии, сформированной в Одесском военном округе. Только в октябре 1915 г. штабом 7-й армии были предприняты лихорадочные попытки насаждения агентуры в Болгарии. Таким образом, в 1914–1915 гг. основное бремя работы по разведке на Балканах продолжали нести официальные военные агенты, которые столкнулись с большим ростом нагрузки и резко усилившимся противодействием неприятельских секретных служб, местной полиции и контрразведки. Несмотря на это, русские военные агенты продолжали с большим или меньшим успехом заниматься агентурной разведкой, наряду с выполнением традиционных представительских и наблюдательно-аналитических функций в военных, дипломатических и властных сферах. По крайней мере, военные агенты России на Балканах, в отличие от своих товарищей, несших службу в ряде западных стран, были практически свободны от работы по русским военным заказам иностранной промышленности. Эта деятельность отнимала у тех военных агентов, кто ею занимался, огромное количество времени и сил, а также предоставляла широкие возможности для злоупотреблений, соблазнам которых могли противостоять не все русские генштабисты.

По смете расходов Генштаба на разведку в балканских странах на 1914 г. было выделено, как и в прошлые годы, по 2 тыс. руб. — военным агентам в Болгарии, Румынии и Черногории и 3 тыс. руб. — во-

енному агенту в Сербии. Однако после начала войны денежные ассигнования на разведку существенно выросли. Так, на ведение разведки военный агент в Софии до конца 1914 г. получил 21 тыс. руб., военный агент в Цетинье — 31 тыс. руб., военный агент в Белграде — 32,5 тыс. руб.⁸²³ По сути дела, во время войны руководство стало отпускать военным агентам на цели разведки практически любые просимые ими денежные суммы. 28 апреля 1915 г. начальник Генштаба М.А. Беляев телеграфировал в Ставку Н.Н. Янушкевичу: «Считаю долгом довести до сведения Вашего высокопревосходительства, что по сие время Главное управление Генерального штаба не стесняло военных агентов в денежном отношении, снабжая их средствами в мере заявляемой потребности»⁸²⁴. Иными словами, на военных агентов в условиях войны начал изливаться золотой поток, и нехватка денег перестала ограничивать их возможности в области разведки. Как выяснилось, главная проблема заключалась отнюдь не столько в наличии финансовых средств, сколько в их целевом и эффективном использовании.

Исключительно остро стояла в годы войны проблема связи военных агентов на Балканах с центром. Доступа к имевшимся в балканских столицах радиостанциям русские агенты не имели; как и в довоенное время, краткие донесения посылались по телеграфу, почти все в зашифрованном виде, а развернутые рапорты — с дипломатическими курьерами или, при оказиях, с проезжающими офицерами и другими надежными людьми. Проложенный в 1908 г. подводный телеграфный кабель Севастополь–Варна был перерезан германо-турецким линейным крейсером «Гёбен» 28 октября (10 ноября) 1914 г., как только Турция вступила в мировую войну⁸²⁵. Русская миссия в Софии ходатайствовала о восстановлении подводного кабеля, однако команду-

⁸²³ Эти цифры, почерпнутые из документов ГУГШ, приводят в своей монографии Е.Ю. Сергеев и Ар.А. Улунян, однако они не объясняют причины такой существенной разницы между суммами запланированных и реальных расходов на разведку в 1914 г. (Сергеев Е.Ю., Улунян Ар.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. (информация — анализ — прогноз). М., 2003. С. 30–31). В действительности, столь существенное увеличение отпусков на разведку было произведено именно после начала войны, когда сама собой отпала прежняя необходимость экономии денег на военные расходы.

⁸²⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1872. Л. 67. М.А. Беляев — Н.Н. Янушкевичу. 28 апреля 1915 г. № 12678.

⁸²⁵ Идея проложения подводного телеграфного кабеля между Варной и Одессой была впервые выдвинута князем Александром Баттенбергом еще в 1881 г., однако воплотить ее в жизнь удалось только четверть века спустя, в 1908 г., а вместо изначально предполагавшейся Одессы кабель был протянут из Варны в Севастополь. В тот момент казалось, что это событие наконец-то позволило России преодолеть многолетнюю зависимость от Австро-Венгрии и Румынии в вопросе прямой связи с Болгарией. В 1911 г. была подготовлена конвенция о сотрудничестве Севастопольской и Варненской радиостанций (РГВИА. Ф. 401. Оп. 4/928. 1882 г. Ед. хр. 48. Л. 1–7 об.; Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7336.

щий Черноморским флотом отказался, говоря, что такая операция была бы технически сложной, а туркам ничто не мешало перерезать кабель вновь⁸²⁶. После этого практически все телеграммы с Балкан шли в Россию через сухопутную телеграфную сеть Румынии, чиновники которой, как замечалось не раз, всячески препятствовали нормальному сообщению, нарочно искажали текст шифрограмм, отказывались принимать телеграммы в ночное время (вопреки международным соглашениям). В результате передача срочных сообщений замедлялась. Кроме того, у русского руководства никогда не было уверенности в полной защищенности их каналов связи с представителями на Балканах. Чудовищно много времени у военных агентов отнимали шифровка и расшифровка телеграмм, чем они, не имея штатных помощников, были вынуждены заниматься собственноручно.

Огромной проблемой в годы войны продолжала оставаться численность и кадровая слабость органов русской военной разведки на Балканах. По сути дела, никаких изменений по сравнению с мирным временем не было осуществлено. Весь первый год войны русские военные агенты в балканских странах не имели штатных помощников. Лишь 20 июля 1915 г. в Особом делопроизводстве ГУГШ был составлен доклад на имя императора, в котором отмечалось: «Ввиду значительного увеличения в настоящее время работы по военной агентуре, по сравнению с условиями мирного времени, полагалось бы желательным командировать на время войны в распоряжение наших военных агентов офицеров, знающих иностранные языки и по состоянию своего здоровья являющихся неспособными к строевой службе»⁸²⁷. Для этого были намечены три офицера, прикомандированные к Шифровальному делопроизводству ГУГШ: подпоручик лейб-гвардии 1-го стрелкового его величества полка Александр Можайский (в Софию), прапорщики лейб-гвардии Измайловского полка Морголи (в Гаагу) и 58-го Прагского пехотного полка Даниель-бек (в Копенгаген). 21 июля последовало высочайшее согласие на эту командировку⁸²⁸. 1 сентября Можайский получил предписание отправиться в Софию, куда он и прибыл 6-го числа⁸²⁹. Всего через две недели после этого отношения между Россией и Болгарией были разорваны, и Можайский вместе с полковником Татариновым и всем составом русской миссии выехал в Румынию. Через десять дней Татаринов был вызван в Петроград и вы-

Л. 1–53). Однако телеграфный кабель в итоге был перерезан, а канал радиосвязи был фактически закрыт из-за враждебного политического курса властей Болгарии с 1913 г.

⁸²⁶ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Ед. хр. 3487. Л. 122, 142.

⁸²⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2638. Л. 66. Доклад по ГУГШ. Огенквар. Часть 1-го обер-квартирмейстера. Особое делопроизводство. 20 июля 1915 г. № 217.

⁸²⁸ Там же.

⁸²⁹ Там же. Л. 71, 80.

ехал туда 8 октября, а Можайский остался в Бухаресте и был назначен в распоряжение русского военного агента в Румынии⁸³⁰. После назначения полковника Татаринова военным агентом в эту страну подпоручик Можайский остался его помощником и вместе с ним принимал дела у Б.А. Семёнова⁸³¹. Много позже, после революции и Гражданской войны в России, Можайский вновь объявился в Румынии, где стал одним из главных осведомителей румынской секретной полиции и контрразведки⁸³².

В условиях военного времени отставание русской разведки на Балканах в численности кадров как от неприятельской стороны, так и от союзников по Антанте становилось просто угрожающим. 8 июня 1916 г., уже к исходу второго года войны, военный агент в Румынии полковник Татаринов телеграфировал на имя генерал-квартирмейстера Ставки генерала М.С. Пустовойтенко: «Доношу, что мною точно установлено наличие в Бухаресте десяти германских офицеров, частью действительной службы, частью призванных из резерва, из них один морской агент и его помощник, и затем семь офицеров, находящихся в распоряжении военного агента барона Гамерштейна. Из десяти человек пять атташированы при миссии официально в качестве офицеров, остальные — под видом секретарей и коммерсантов. <...> Полковник Гамерштейн в течение более месяца болен и потому особой деятельности не проявляет. На этих днях в Бухарест вернулся австрийский военный агент полковник [фон] Ранда, вызванный, видимо, ввиду последних событий. В его распоряжении находятся официально четыре офицера действительной службы и неофициально восемь офицеров, по большей части призванных из резерва. Все эти офицеры ведут главным образом шпионаж против России и отчасти против Румынии»⁸³³.

В продолжение этой телеграммы Татаринов докладывал: «Вчера в Бухарест прибыл капитан *Cartiem*, по счету третий помощник французского военного агента, кроме того, ожидается прибытие еще четвертого офицера — герцога *Lunina*. Как я уже доносил, у германского военного агента находятся в распоряжении семь офицеров, у австрийского — двенадцать офицеров. К румынскому военному агенту в Петрограде назначен официально помощник — майор Генерального штаба, помимо находящегося в его распоряжении офицера Джоржеску. Усердно ходатайствую о скорейшем командировании в мое распо-

⁸³⁰ Там же. Ед. хр. 2639. Л. 43–43 об.; Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1897. Л. 231.

⁸³¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 514. Л. 140.

⁸³² *Поквайлова Т.А.* Виктор Богомолец — агент румынских секретных служб // *Славяноведение*. 2006. № 4. С. 57.

⁸³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1156. Л. 81–81 об. А.А. Татаринов — М.С. Пустовойтенко. 8 июня 1916 г. № 150.

ряжение прапорщика Вересотского (иначе Верисоцкого, был командирован в Бухарест специально для работ по контрразведке⁸³⁴. — В.К.), так как с одним офицером (А. Можайским. — В.К.), находящимся в моем распоряжении, я не успеваю даже шифровать»⁸³⁵.

Другим предметом несбыточных профессиональных мечтаний многих русских военных агентов был, еще с довоенных времен, служебный автомобиль. К примеру, весной 1911 г. И.А. Хольмсен и П.П. Гудим-Левкович настойчиво просили свое начальство выделить им средства на покупку автомобиля для поездок с целью маршрутных съемок в Европейской Турции⁸³⁶. В ноябре 1911 г. ходатайство о выделении денег на служебный автомобиль отправил Ю.Н. Данилову и русский военный агент в Черногории. По его мысли, это транспортное средство позволило бы членам русской инструкторской миссии легко и быстро совершать инспекционные поездки в любой уголок Черногории. Однако руководство Генштаба отклонило ходатайство Потапова об автомобиле⁸³⁷. В разгар войны, в мае 1916 г., Татаринев докладывал в Огенквар о полном отсутствии в Бухаресте перевозочных средств, вызванном реквизицией лошадей и недостатком резиновых шин. Германское правительство прислало в распоряжение своего военного атташе целых три военных автомобиля, причем, как не без горечи писал Татаринев, на них стояли шины русской фабрики «Треугольник». Строки об этом были отчеркнуты штаверхом М.В. Алексеевым, который лично распорядился обратить внимание начальника Генштаба на данный вопиющий факт⁸³⁸. Дело в том, что постоянной темой донесений русской разведки из Румынии были попытки австро-германцев организовать контрабандный ввоз русских шин через румынские границы.

Даже наш Морской Генштаб, докладывал полковник Татаринев, приказал своему второму военно-морскому агенту в Бухаресте капитану 2-го ранга В.В. Яковлеву купить для разъездов автомобиль на суммы разведки, и лишь он, официальный представитель русской армии, оставался «безлошадным». Ввиду этого Татаринев просил прислать в его распоряжение хотя бы один военный автомобиль⁸³⁹. Из-за отсут-

⁸³⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед.хр. 631. Л. 9–9 об.

⁸³⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1897. Л. 160–160 об. А.А. Татаринев — в Огенквар. 8 июня 1916 г. № 170.

⁸³⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3033. Л. 67–75 об. И.А. Хольмсен — Н.А. Монкевицу. Весна 1911 г. Б.н.

⁸³⁷ Н.М. Потапов — Ю.Н. Данилову. 13 ноября 1911 г. № 740 // Н.М. Потапов: Русский военный агент в Черногории: в 2 т. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.; Подгорица, 2003. С. 539–543.

⁸³⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1156. Л. 48. А.А. Татаринев — М.С. Пустовойтенко. 9 мая 1916 г. № 82.

⁸³⁹ Там же. Ед. хр. 1897. Л. 116. А.А. Татаринев — в Огенквар. 26 мая 1916 г. № 111.

ствия собственного транспорта Татаринев в конце мая 1916 г. даже не смог выехать на место инцидента у Маморницы, где отряд русских войск случайно пересек границу тогда еще нейтральной Румынии.

Еще одним предметом серьезной и обоснованной тревоги русских военных агентов было обеспечение сохранности секретных служебных материалов. С довоенных времен не существовало четких правил хранения документов, как и общего порядка обеспечения военных агентур сейфами. К примеру, в 1905 г. М.К. Марченко в Вене для хранения секретных бумаг на счет казны купил несгораемый шкаф, а в 1906 г. И.А. Хольмсен ходатайствовал о возврате ему 260 турецких лир за приобретенные два железных несгораемых шкафа. В ответ на это, по приказанию начальника Генштаба, частью 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ секретным циркулярным предписанием № 9 от 3 января 1907 г. «было подтверждено военным агентам для неуклонного руководства, что шифры и секретные дела военной агентуры необходимо хранить в соответствующих помещениях наших посольств, миссий и генеральных консульств, а отнюдь не в своей квартире, хотя бы и в секретных несгораемых хранилищах»⁸⁴⁰. Это требование объяснялось, помимо прочего, и тем, что квартиры военных агентов не пользовались правом экстерриториальности.

4 ноября 1915 г. полковник Б.А. Семёнов телеграфировал в Огенквар: «Получил агентурным путем сведение из австро-венгерской миссии в Бухаресте, что в этой миссии уже получены ключи от секретных несгораемых шкафов нашей миссии, что возможно было сделать, ибо часть этих шкафов германского изготовления, в том числе и мой шкаф. Теперь австро-германцы хотят подкупить кого-либо из служащих в миссии курьеров для вскрытия шкафов. Миссия о том мною предупреждена, и будут сделаны дополнительные замки. Доношу о сем, с целью постановления в известность военных агентов, имеющих секретные шкафы германских фирм»⁸⁴¹. У Семёнова действительно были основания беспокоиться за сохранность документов в сейфах русской миссии, причем он не подозревал, что сам был одним из главных виновников утечки информации и что вражеские агенты находились в его ближайшем окружении. Как позже стало известно русской контрразведке, противник сумел подкупить лакея Семёнова, румына Марку, который похищал депеши своего хозяина и передавал их германцам⁸⁴².

⁸⁴⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 1548. Л. 19–19 об.

⁸⁴¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1915 г. Ед. хр. 4415. Л. 41. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 4 ноября 1915 г. Б.н.

⁸⁴² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 557. Л. 32–32 об.; Ед. хр. 1697. Л. 12 об.

Естественно, в таких условиях самые важные секреты трудно было уберечь от противника. К примеру, в сентябре 1915 г. разведка штаба Юго-Западного фронта получила сведения от высших чинов румынской полиции, что шифры русской миссии и военного агента на протяжении уже двух недель были известны германцам⁸⁴³.

Шли месяцы, а вопрос с сейфами в Бухаресте так и не был разрешен. 9 февраля 1916 г. полковник А.А. Татаринев, по принятии дел у Семёнова, телеграфировал в Огенквар: «Принятый мною несгораемый шкаф берлинской фирмы *Ostertag werke* не дает гарантии сохранного хранения секретных документов. Полковник Семёнов при сдаче мне должности передал мне о слухе, что от наших шкафов немецких систем у немцев имеются ключи, о чем он доносил Огенквару телеграммой номер 837 от 4-го ноября прошлого года. Посему ходатайствую о приобретении для меня большого несгораемого шкафа Суцевского завода и о высылке такового на станцию Унген[ы] на имя ротмистра Мандражи. Если это будет признано невозможным, то я буду принужден приобрести здесь в Бухаресте несгораемый шкаф английской фирмы, подобно тому как это сделано нашей миссией»⁸⁴⁴.

В условиях мировой войны существенно возросло влияние военных агентов в вопросах внешней политики и в работе русских миссий. Кадровый дипломат Ю.Я. Соловьёв не без горечи и пристрастности отмечал: «Скрытая борьба, которая и раньше велась в иностранных представительствах между послами и посланниками, с одной стороны, и военными агентами — с другой, во время войны закончилась решительным образом в пользу последних. Дипломатам с этого момента пришлось стать слепыми исполнителями указаний, исходящих из главных штабов. Конечно, вторжение военных в область внешней политики наблюдалось и до войны, но военная дипломатия как таковая окончательно оформилась лишь во время войны вместе с излюбленными методами последней: пропагандой и контрразведкой»⁸⁴⁵. В действительности все было не так просто, и в ряде случаев главы дипломатических миссий были готовы еще ожесточеннее, чем прежде, отстаивать свои ведомственные прерогативы в борьбе с военными.

После начала войны наметился ряд положительных перемен в разведывательном сотрудничестве русских военных агентов и консулов. Многие консульские чиновники начали активно, не за страх, а за совесть, заниматься сбором сведений, интересовавших военную разведку. Одним из близких сотрудников полковника Татаринова по

разведке стал русский вице-консул в Дедеагаче титулярный советник Василий Николаевич Гаджеев. Этот дипломат был внуком последнего владетельного князя черкесов-бжедугов, а отец его, Николай Николаевич Гаджеев, который до крещения звался Темтеч Хаджимуков, имел чин прапорщика милиции, служил в лейб-гвардии Кавказском эскадроне Собственного его императорского величества конвоя и Ахтырском гусарском полку, был участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.⁸⁴⁶ Однако Гаджееву-младшему на службе в МИД не разрешали именоваться князем, что его возмущало. До декабря 1914 г. В.Н. Гаджеев служил первым драгоманом русского генерального консульства в Константинополе⁸⁴⁷; следовательно, он был достаточно опытным знатоком Турции и Ближнего Востока. Во время пребывания в Дедеагаче Гаджеев имел неплохую агентуру на Эгейском побережье Фракии, в том числе в турецкой ее части. С согласия Татаринова, в руках вице-консула в Дедеагаче было фактически сосредоточено руководство агентурной разведкой в Турции с территории Болгарии⁸⁴⁸. Как пишет историк М. Алексеев, полковник Татаринев в начале 1914 г. завербовал агента в английском консульстве в Дедеагаче⁸⁴⁹. Напрашивается предположение, что помощь в этом ему должен был оказывать именно Гаджеев.

В своей служебной деятельности горец-вице-консул проявлял бурный кавказский темперамент, постоянно предлагая руководству проекты осуществления диверсий, взрывов, организации четнической борьбы против враждебных России сил. Гаджеев буквально горел жадной действительности. К примеру, 16 июня 1915 г., получив от агента в Адрианополе сведения об ожидавшемся перелете германских цеппелинов в Турцию, он обратился к своему начальству в МИД с просьбой: «Прошу разрешить принять без исключения все меры к уничтожению цеппелинов, если таковые окажутся на болгарской территории для Турции, при этом обещаю себя не компрометировать»⁸⁵⁰. Посланник Савинский поддержал просьбу Гаджеева. В итоге К.Н. Гулькевич телеграфировал вице-консулу: «Вам разрешается принять все меры к уничтожению цеппелинов, тщательно избегая всего, что могло бы компрометировать Вас»⁸⁵¹. Однако диверсия не состоялась — немецкие воздушные исполины

⁸⁴⁶ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. 1915 г. Ед. хр. 8461. Л. 3.

⁸⁴⁷ АВПРИ. Ф. 192. Оп. 527. 1914 г. Ед. хр. 234. Л. 64.

⁸⁴⁸ Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 208.

⁸⁴⁹ Алексеев М. Военная разведка России... Кн. 3, ч. 1. С. 128.

⁸⁵⁰ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1915 г. Ед. хр. 3787. Л. 22. В.Н. Гаджеев — в МИД, 16 июня 1915 г. Б.н.

⁸⁵¹ Там же. Л. 25. К.Н. Гулькевич — В.Н. Гаджееву, 17 июня 1915 г. № 3092.

⁸⁴³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 81–81 об.

⁸⁴⁴ Там же. Ед. хр. 514. Л. 77. А.А. Татаринев — в Огенквар, 9 февраля 1916 г. № 4004.

⁸⁴⁵ Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922. Минск, 2003. С. 355.

так и не прилетели. В апреле 1915 г. Гаджемуков выдвинул смелый проект организации вооруженных отрядов болгарской оппозиции для борьбы с режимом царя Фердинанда Кобурга, о чем подробнее будет рассказано в следующей книге нашего цикла. Вообще, в своих донесениях Гаджемуков неоднократно сообщал начальству об установленных им связях с некоей тайной противоправительственной «четнической организацией», представители которой не раз обсуждали с ним условия возможного присоединения Болгарии к лагерю Согласия после свержения правившего режима. Трудно сказать, с кем именно вел переговоры вице-консул в Дедеагаче; и вряд ли предложения этих загадочных «четников» были так уж серьезны. Как бы то ни было, обстоятельства не позволили русскому вице-консулу повторить в Болгарии успех своего коллеги Вильгельма Вассмуса, германского консула в Бушере, который в годы войны с помощью покорных ему местных племен держал под контролем большую часть Южной Персии и был ночным кошмаром для англичан.

Любопытно, что в мае 1915 г. Гаджемуков решил организовать разведывательную поездку людей из «четнической организации» в Турцию. Не имея средств, чтобы в одиночку оплатить их поездку, Гаджемуков пригласил к сотрудничеству английского и французского консулов. «Вскладчину» им удалось собрать 1200 левов, из которых 200 левов внес Гаджемуков⁸⁵². Конкретные результаты разведки «четников» в Турции неизвестны, но примечателен сам факт сотрудничества союзных консульских чиновников в болгарской Фракии в деле тайной разведки. Позднее русское военное ведомство выделило Гаджемукову еще 7000 левов на разведывательную работу⁸⁵³.

В результате своей сверхэнергичной деятельности вице-консул России в Дедеагаче добился того, что попал под пристальное наблюдение болгарской контрразведки, и его возможности плодотворно заниматься негласным сбором информации были резко ограничены. 17 июля 1915 г. он докладывал в русскую миссию в Софии, что болгарские власти, «несомненно состоя на службе у турок», произвели аресты среди его «четнической организации», а также окружили русское консульство «турецкими шпионами». По словам Гаджемукова, власти не имели конкретных улик против него, однако им были известны его сношения с членами организации; перехвачено было одно из писем с приложением турецкой карты. В этих условиях, докладывая вице-консулу, он не мог выполнить взятые на себя задачи по разведке, в силу чего просил миссию ходатайствовать перед болгарскими властями, чтобы

они оставили его в покое⁸⁵⁴. Фактически это было признанием полной неудачи.

Ценные сведения разведывательного характера сообщали военному агенту в Софии русский генконсул в Русуке действительный статский советник Н.П. Щелкунов, вице-консулы титулярный советник К.Л. Рагозин (Варна) и коллежский ассессор С.Г. Богоявленский (Филиппополь), управляющий вице-консульством в Бургасе Ю.Г. Удинцов (бывший секретарь консульства в Косовской Митровице). Этот последний самостоятельно занимался агентурной разведкой; агенты Удинцова действовали в Константинополе⁸⁵⁵.

В целом, после начала Первой мировой войны достаточно быстро вскрылась неподготовленность как центральных, так и заграничных органов военной разведки Российской империи к действиям в условиях глобального вооруженного конфликта. Недостатки и изъяны предвоенной подготовки было решено компенсировать единственным легко доступным способом — вливанием крупных денежных средств. Однако этой меры было явно недостаточно для восполнения нехватки опытных офицеров и заранее насажденных тайных агентов. В силу этого, большинство всех усилий руководства разведки военного ведомства в годы войны, в том числе и на Балканах, имело характер поспешной импровизации. И без того небольшие возможности этого порочного метода еще более ограничивались огромной инерционностью бюрократической машины Российской империи, что особенно ярко проявлялось в решении кадровых вопросов. В этих условиях личные служебные качества конкретных офицеров становились главным двигателем деятельности русской разведки в зарубежных странах, определявшим как нелегкие успехи, так и нередкие болезненные неудачи.

⁸⁵² Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 2. С. 157.

⁸⁵³ Там же.

⁸⁵⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1915 г. Ед. хр. 3780. Л. 8. В.Н. Гаджемуков — в миссию в Софии. 17 июля 1915 г. № 219.

⁸⁵⁵ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 205–206.

Глава 9

СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ:
В СТАНЕ СОЮЗНИКОВ

Основным и, по существу, единственным источником разведывательной информации русского Генштаба и Ставки о ходе боевых действий на австро-сербском фронте и о военно-политической обстановке в тыловых областях Сербии в 1914–1915 гг. был военный агент при сербской Верховной команде Генштаба полковник В.А. Артамонов. Некоторые историки русской разведки высказывают мнение о низкой эффективности разведывательной деятельности Артамонова, ставя ему в вину, что накануне и в годы мировой войны он недостаточно активно занимался негласной агентурной разведкой и не сумел создать надежную сеть агентов в Австро-Венгрии. К.К. Звонарёв обвиняет Артамонова в том, что тот искал оправдание своему бездействию в трудной обстановке, а выделенные на агентурные цели денежные средства предпочел просто передавать разведывательному отделению Верховной команды, взамен получая интересующую его информацию⁸⁵⁶.

Подобные суждения представляются не вполне справедливыми. Служебными инструкциями ведение агентурной разведки в стране пребывания и тем более в сопредельных государствах не вменялось в обязанность русским военным агентам. Отличительной чертой работы В.А. Артамонова в Сербии в довоенный период действительно было его широкое сотрудничество с сербским Генштабом и его разведывательным отделением. Русский военный агент был частым и желанным гостем в старой белградской крепости Калемегдан, где располагался сербский Генеральный штаб. В духе военно-политического партнерства между Россией и Сербией, сербская сторона делилась с Артамоновым своими сведениями, в том числе и агентурными, прежде всего по приграничным областям Австро-Венгрии — Боснии и Герцеговине, Сирмии, Банату. К примеру, в мае 1912 г. Артамонов по-

⁸⁵⁶ Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 200–201; Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 122–123. Характеризуя деятельность полковника В.А. Артамонова, М. Алексеев почти дословно повторяет доводы своего предшественника К.К. Звонарёва.

лучил из сербского Генштаба добытую совершенно негласным путем копию секретного «Проекта охраны границы», составленного в штабе австрийской 34-й пехотной дивизии. Особый интерес для русской разведки представляло то, что во второй линии охраны указывались войсковые части, прибывающие из Богемии (2-й батальон пражского 28-го пехотного полка, батальон 21-го полка, 22-й артиллерийский полк). Эти сведения стали подтверждением значительных изменений в прежнем боевом расписании австро-венгерской армии⁸⁵⁷.

Контакты Артамонова с сербской разведкой продолжились и после того, как разведывательное отделение Главного Генерального штаба в августе 1913 г. возглавил полковник Драгутин Димитриевич-Апис, прославленный вождь знаменитой «Черной руки». В мае 1914 г. Артамонов в одном из донесений писал о «весьма доверительных отношениях по вопросам разведки, существующих между мною и старшими чинами сербского Главного Генерального штаба»⁸⁵⁸. В исторической литературе встречаются упоминания о том, что накануне войны Артамонов в обмен на разведывательную информацию передавал Димитриевичу денежные суммы, выделявшиеся ему самому на ведение агентурной разведки. Отдельным фальсификаторам-конспирологам это позволило утверждать, что именно деньги русского военного агента помогли «Черной руке» и сербской разведке организовать Сараевское убийство.

В целом следует признать, что сотрудничество высокопоставленных сербских военных с Артамоновым обеспечивало поступление важной для российского руководства информации, но одновременно оказывало и сковывающее воздействие на работу русской разведки в Сербии. Доступность сведений, предоставлявшихся военным ведомством Белграда, привела к возникновению зависимости полковника Артамонова от сербских официальных источников. Впоследствии, в годы мировой войны, русские разведчики остро нуждались в информации из независимых агентурных источников в Сербском королевстве.

До начала Великой войны Артамонов пытался вести и самостоятельную разведывательную работу по приграничным областям Австро-Венгрии, однако добываемые им сведения, насколько позволяют судить архивные источники, носили случайный и отрывочный характер. И все же некоторые из приобретенных Артамоновым документов представляли высокий интерес для русского Генштаба. К примеру, в декабре 1912 г. он сумел агентурным путем добыть мобилизационное расписание боснийско-герцеговинских железных дорог, которое из

⁸⁵⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3143. Л. 10–10 об. В.А. Артамонов — в Огенквар. 7 мая 1912 г. № 84.

⁸⁵⁸ Там же. Ед. хр. 3152. Л. 57–57 об. В.А. Артамонов — в Огенквар. 19 мая 1914 г. № 82.

Петербург сразу было передано на экспертизу в штаб Варшавского военного округа. Скрупулезный анализ этого ценного документа позволил подполковнику П.Г. Амбургеру, начальнику службы движения Ковель-Владимир-Волынской железной дороги, прийти к важному выводу о том, что пропускная способность горных железных дорог Боснии и Герцеговины, несмотря на большую крутизну подъемов, оказалась значительно выше, чем принимавшаяся русскими генштабистами в расчетах по сосредоточению австро-венгерской армии по железнодорожным линиям в Карпатах средняя цифра в 14 пар поездов в сутки⁸⁵⁹. Эти сведения должны были всерьез встревожить русских специалистов-железнодорожников и сотрудников Австро-Венгерского оперативного делопроизводства Огенквара.

Главным предметом наблюдения полковника Артамонова за пределами Сербии была обстановка в приграничных австро-венгерских областях. Не существует никаких сведений о том, что Артамонов имел или пытался завести какую-либо агентуру в бывших турецких владениях — Косове, Македонии, Новопазарском санджаке, приобретенных Сербией в 1912–1913 гг.

С первых дней войны и сербская разведка, и русский военный агент в Сербии столкнулись с рядом серьезных проблем в деле сбора сведений о положении в неприятельском тылу. В донесении от 29 июля 1914 г. полковник Артамонов отмечал: «Сербская разведка чрезвычайно затруднена такими преградами, как Дунай и Сава»⁸⁶⁰. Одновременно Артамонов сообщал, что его собственная агентура на неприятельской территории «была совершенно парализована австрийцами, не останавливавшимися перед принятием таких мер, как поголовное заключение в тюрьму, а часто и расстрел всех более или менее видных народных деятелей южного славянства (священников, учителей, литераторов, журналистов и т.д.)»⁸⁶¹.

И действительно, австро-венгерской контрразведкой с самого начала кампании против Сербии были проведены широкомасштабные и весьма эффективные мероприятия в южнославянских областях. Последний глава военной разведки Дунайской монархии генерал-майор Макс Ронге вспоминал: «С большой жестокостью пришлось действовать на театрах военных действий, где национальное родство и усиленная агитация создали атмосферу худшую, чем даже снискавшая обычно пессимистически настроенным военным властям. В Боснии удалось предупредить опасность диверсионных актов путем изъятия

в качестве заложников всех ненадежных элементов и мероприятий по усилению охраны. Шпионаж со стороны противника был затруднен закрытием границ, цензурой почты и телеграфа и, наконец, эвакуацией населения из приграничных районов, занятых частями прикрытия. <...> Военное командование Темешвара, которому политики не мешали в такой сильной степени, как другим, арестовало все подозрительные элементы, запретило в 30-километровой полосе у границы всякий колокольный звон, пастьбу скота на склонах гор, спускающихся к Дунаю, и приказало тщательно занавешивать в той зоне все освещенные окна»⁸⁶².

Результаты борьбы разведок на Сербском фронте позволили Максиму Ронге с удовлетворением констатировать позднее: «Наша разведывательная служба на Балканах стояла значительно выше сербской. <...> Серб же имели совершенно неправильные сведения о наших силах. В результате на сербов сыпались неожиданность за неожиданностью. <...> Абсолютно убогой была черногорская разведывательная служба»⁸⁶³.

Как бы то ни было, после начала войны статус официального представителя при Верховном командовании страны-союзницы создавал непреодолимые препятствия на пути приобретения Артамоновым тайной агентуры в самой Сербии и тем более за линией фронта. Все внимание русского военного агента было сосредоточено на ходе операций на Балканском театре мировой войны. Внутреннее политическое положение в стране интересовало Артамонова в меньшей степени, а возможности его наблюдения за жизнью Сербии были достаточно ограничены. Эта задача целиком лежала на дипломатической миссии, с которой разведка русского Генштаба в Сербии давно и плодотворно сотрудничала. Для сравнения отметим, что британское военное ведомство даже в небольших балканских государствах всегда назначало отдельного военного представителя в штаб-квартиру действующей армии, в дополнение к оставшемуся на своей должности военному атташе при дипломатической миссии. Преимущества такой системы достаточно очевидны.

Главной задачей полковника Артамонова было поддержание связи между сербской Верховной командой, русским Генштабом и Ставкой. Те же обязанности при русской Ставке выполнял сербский военный представитель полковник Бранислав Лонткиевич, выпускник НАГШ. Во время официальных и личных разговоров с высшими чинами сербской Главной квартиры наш военный агент регулярно получал разведывательные и оперативные сводки сербского командования и иные

⁸⁵⁹ Там же. Ед. хр. 3143. Л. 57–72 об. В.А. Артамонов — Ю.Н. Данилову. 4 декабря 1912 г. № 311.

⁸⁶⁰ Там же. Ед. хр. 3174. Л. 99. В.А. Артамонов — в Огенквар. 29 августа 1914 г. № 191.

⁸⁶¹ Цит. по: Алексеев М. Военная разведка России... Кн. 3, ч. 1. С. 122.

⁸⁶² Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 73–74.

⁸⁶³ Там же. С. 93–94.

сведения о военной и политической обстановке на Балканах. Начальником разведывательного отделения Верховной команды до марта 1915 г. оставался давний знакомый Артамонова полковник Драгутин Димитриевич-Апис, охотно делившийся с ним своими сведениями. Кроме того, Артамонов регулярно общался и обменивался данными с другими союзными военными представителями при Верховной команде. Особо близкие дружеские отношения сложились у Артамонова с французским военным атташе полковником Пьером Виктором Фурнье⁸⁶⁴. Бок о бок с ним Артамонов проделал весь тяжелый поход через Албанию в конце 1915 г. Постоянно находясь в прямом общении с руководством Верховной команды, полковник Артамонов имел возможность делать важные наблюдения о настроениях и замыслах сербского военного руководства. Ценные сведения о положении на фронте и в тылу сообщали Артамонову сотрудники русской миссии Красного Креста в Сербии, морские офицеры старший лейтенант Ю.Ф. Волковицкий и лейтенант В.А. Григоренко, отвечавшие за поставку минных заграждений на Дунае и Саве, командир отряда понтонеров полковник П.И. Добров и др. Таким образом, вклад Артамонова в дело осведомления командования русской армии о ходе борьбы на Балканах отнюдь не измерялся уровнем его достижений на поприще агентурной разведки.

В течение первого года Великой войны, вплоть до своего отъезда из Черногории, русский военный агент в этой стране генерал-майор Н.М. Потапов находился преимущественно в Цетинье, где наблюдал за действиями черногорского военного и политического руководства, с самого начала вызывавшими обоснованные подозрения в Ставке и Петрограде. Об агентурной деятельности Потапова в тот период практически ничего не известно. Впрочем, он не был простым созерцателем, не сидел сложа руки и не ограничивался ролью военного представителя при союзной армии, посредника-передатчика между Россией и Черногорией. Так, уже 11 августа 1914 г. Потапов докладывал в Огенквар: «Восемь тысяч экземпляров составленных мною секретно и отпечатанных здесь воззваний на сербском, хорватском и немецком языках отправлены сегодня для распространения среди австрийских войск и населения Герцеговины, Боснии и Далмации. Для возмещения произведенных расходов и для командирования через Италию и Швейцарию агитаторов в Крoацию и Славонию необходимо пока около двух

тысяч рублей»⁸⁶⁵. О результатах этой деятельности сведений не обнаружено.

Так или иначе, в период борьбы на Сербском фронте в 1914–1915 гг. русская военная разведка в Сербии и Черногории, представленная официальными военными агентами Артамоновым и Потаповым, не могла плотно заниматься агентурной работой и успешно решать иные профессиональные задачи, кроме поддержания связи между главными квартирами армий стран своего пребывания и русским Генштабом и Ставкой. Русские разведчики в полной мере использовали имевшиеся возможности по наблюдению за настроениями, военными и политическими планами и приготовлениями высшего командования союзников. В этом отношении польза деятельности Артамонова и Потапова не вызывает сомнения. Возможностей же для ведения агентурной работы внутри стран своего пребывания или тем более в тылу австро-венгерской армии они практически не имели просто в силу своего служебного статуса, а отнюдь не из-за недостатка у них профессиональных качеств, энергии и предприимчивости.

⁸⁶⁴ *Спасић К.* Дневник и извештаји пуковника Фурнијеа, француског војног аташеа у Србији, о почетку првог светског рата и у великим биткама српске војске 1914. године // Колубарска битка. Ратни напори Србији 1914. године. Историјски институт. Зборник радова. Научни скуп. Београд, 1985. Књ. 3. С. 189–193.

⁸⁶⁵ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 4. Н.М. Потапов — в Огенквар. 11 августа 1914 г. Б.н.

Глава 10

БОЛГАРИЯ: ПОХИТИТЕЛИ СЕКРЕТОВ ЗОЛОТОГО ЛЬВА

Служивший в Софии с 1911 г. военный агент полковник Ю.Д. Романовский сумел приобрести в этой стране и значительный политический авторитет, и связи в кругах русофильски настроенного болгарского офицерства и чиновничества. Одновременно он занимался и агентурной работой. Как уже было рассказано выше, накануне 1-й Балканской войны руководство Болгарии практически прекратило осведомлять русскую миссию и военного агента о своих военных приготовлениях, и Романовский докладывал, что он был вынужден добывать недостающую информацию агентурным путем. В частности, ему пришлось прибегнуть к помощи сотрудника Департамента полиции П.А. Шварца; очевидно, собственная низовая агентура Романовского была не очень сильна.

После окончания Балканских войн и последовавшей чистки болгарской армии от русофильских элементов задачи Романовского усложнились, однако ему удалось найти ценные источники даже во враждебных России военных кругах Болгарии. Одним из его агентов стал секретарь генерала Михаила Савова, возглавившего тайную военную лигу русофобски настроенного офицерства болгарской армии. 30 сентября 1914 г. Романовский докладывал в Огеньвар: «В последнее время мне удалось вступить в сношения с одним из членов лиги, секретарем Савова и редактором газеты “Страж”. Через него я получил копии с весьма интересных протоколов и постановлений комитетов лиги и получил возможность следить за ее деятельностью. Равным образом, пользуясь услугами преданных нам запасных офицеров, я счел нужным и полезным осторожно начать пропаганду в нашу пользу среди офицерства и рассчитываю, что работа эта не останется совсем безрезультатной. Все это дело в настоящее время передано мной подполковнику Татариннову»⁸⁶⁶.

Прибыв в Болгарию 17 сентября 1914 г., А.А. Татариннов энергично включился в работу по агентурной разведке, но результаты были

⁸⁶⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3084. Л. 92–92 об. Ю.Д. Романовский — в Огеньвар. 30 сентября 1914. № 214.

достигнуты не сразу. Никакие контакты, переданные Романовским, не могли сами по себе восполнить нехватку страноведческих познаний, приобретать которые Татариннову пришлось в спешном порядке. В первые месяцы войны проблема с тайной агентурой была особенно острой. Важную помощь русской миссии и военному агенту в Софии по-прежнему оказывал агент Департамента полиции в Болгарии Петр Шварц («Каров»). После фактического бегства ротмистра Кречунеско из Константинополя и упразднения вверенной ему агентуры Шварц был переподчинен начальнику Жандармского управления Одессы полковнику П.П. Заварзину. В начале августа Шварц, по необъяснимому распоряжению Кречунеско, был вынужден прибыть в Одессу, где ему пришлось просить новых указаний⁸⁶⁷. Ему было разрешено вернуться обратно, однако от его дальнейших услуг Департамент полиции отказался. Сотрудничество Шварца и его подчиненных с представителями России в Софии оказалось под большим вопросом, и это вызвало немалое беспокойство в русской миссии. 19 сентября Савинский докладывал в МИД: «Если верны дошедшие сюда слухи о предстоящем уничтожении агентурной службы Министерства внутренних дел, то считаю своей обязанностью указать на крайнюю несвоевременность выбранного для этого момента. Эта служба оказывает нам весьма ценные услуги в области осведомления, являясь почти единственным его источником. В настоящее время она приобретает особенную ценность, так как румыны и особенно немцы содержат в Рушуке, Варне и других крупнейших центрах агентов, одна из главнейших целей которых — вызвать в стране военно-революционную деятельность (sic! — В.К.). Кроме того, увольнение заведывающего здесь разведочным делом Шварца, человека осведомленного и, насколько возможно, нам преданного, вызовет увольнение целой сети его агентов, которые очевидно предложат свои услуги нашим врагам и, что еще хуже, разгласив свою прежнюю деятельность, создадут нам огромные неприятности. Помимо политической стороны, уничтожение агентуры было бы весьма опасным и нежелательным и с точки зрения надзора за анархистами, которых на Балканах весьма много. Прошу уведомить меня, насколько вышеупомянутые слухи основательны»⁸⁶⁸.

Говоря об анархистах и используя выражение «военно-революционная деятельность», нелепое применительно к работе иностранных разведок в Болгарии, Савинский явно добивался, чтобы ведомство политической полиции продолжило содержать за свой счет агентуру Шварца, которая бесплатно осведомляла бы русскую миссию. 29 сен-

⁸⁶⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 1. Л. 181–182.

⁸⁶⁸ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. 1914 г. Ед. хр. 31. Л. 1. А.А. Савинский — в МИД. 19 сентября 1914 г. № 298.

тября русский посланник в Софии вновь сообщал, что Шварц и двое его агентов не получали жалованья уже три месяца, сидели без дела и роптали, тогда как начавшиеся события делали их услуги особенно необходимыми. Савинский указывал на «крайнюю желательность сохранения агентурной службы в прежнем виде, хотя бы до окончания настоящих событий», имея в виду, конечно, мировую войну⁸⁶⁹. Общая задолженность по жалованью Шварцу и его агентам с лета 1914 г. превышала 1522 руб.; агенты нуждались в средствах и настоятельно их требовали. Савинский был готов уплатить им из средств миссии, если бы в министерстве это признали желательным⁸⁷⁰. Однако МИД своего согласия не давал. В октябре 1914 г. подполковник Татаринев также ходатайствовал перед Огенкваром о восстановлении агентуры Шварца, который из Одессы оказывал ему и русской миссии большие услуги. Его агентов, сидевших без денег, Татаринев использовал для своих целей, оплачивая их расходы⁸⁷¹.

В ходе возникшей переписки между МИД и Департаментом полиции выяснилось, что на Фонтанке, 16 не имеют ничего против дальнейшей разведывательной работы своего бывшего агента «Карова» на русскую миссию в Софии⁸⁷². Савинский продолжал докладывать о необходимости сохранения Шварца именно в качестве агента Департамента полиции, притом с увеличением его денежных средств на агентуру⁸⁷³. Конечно, для дипломатов это был бы самый удобный вариант. Однако Департамент полиции отвечал решительным отказом. Все это лишний раз подтверждало, что после начала мировой войны и упразднения своего Константинопольского бюро русская охранка умыла руки и самоустранилась от дальнейшей работы на Балканах. С лета 1914 г. задача наблюдения за революционной деятельностью в Турции и на Балканском полуострове действительно отошла на третий план, и все же позиция Департамента полиции в данном вопросе являла пример ведомственного эгоизма и отсутствия всякой инициативы.

Дальнейшая судьба охранной агентуры Шварца неизвестна, однако документы свидетельствуют, что в скором времени полковник Татаринев сумел наладить агентурную разведку как в Болгарии, так и во враждебных Австро-Венгрии и Турции. Им было организовано наблюдение за контрабандой неприятельских военных грузов в Турцию по суше и по морю, за деятельностью македонских революционных кругов и приготовлениями болгарской армии. В поле его зрения на-

⁸⁶⁹ Там же. Л. 2. А.А. Савинский — в МИД. 29 сентября 1914 г. № 335.

⁸⁷⁰ Там же. Л. 3. А.А. Савинский — в МИД. 8 октября 1914 г. № 357.

⁸⁷¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1870. Л. 430. А.А. Татаринев — в Огенквар. 21 октября 1914 г. № 31.

⁸⁷² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 2. Л. 82–87.

⁸⁷³ Там же. Л. 99.

ходились и негласные контакты болгарских властей с австрийскими и турецкими дипломатами и тайными агентами.

Уже 10 октября 1914 г. посланник Савинский в телеграмме из Софии давал достаточно оптимистичную оценку текущего положения с разведкой в Болгарии, однако при этом подчеркивал необходимость привлечения дополнительных сил и материальных средств. Он докладывал: «Разведочная служба в Болгарии поставлена довольно удовлетворительно: я и военный агент имеем агентурным путем постоянные и подробные сведения о движении грузов через Болгарию. Для того чтобы эта служба не расстраивалась, а, наоборот, стала еще полезнее, нужно было бы не только сохранить агента Министерства внутренних дел, о чем я усиленно ходатайствовал в телеграммах №№ 298 и 331, но и увеличить имеющиеся в его распоряжении денежные средства. Миссии и консулам на разведочную службу не отпускается совершенно ничего, между тем как все иностранные дипломатические и консульские учреждения имеют для этого специальные и весьма значительные суммы. Необходимо, кроме того, увеличить суммы на разведки и военному агенту. Также желательно возложить наблюдение за Дунаем на агентов Русско-Дунайского общества, а за портами Варной и Бургасом на местных агентов РОПИТ»⁸⁷⁴.

Согласно денежному отчету Татаринев, обнаруженному К.К. Звонарёвым, в течение девяти месяцев 1915 г. русский военный агент в Болгарии имел в составе своей агентурной сети 48 агентов разного назначения, включая целые агентурные организации. Несомненно, в это число, как то было у всех прочих военных агентов, входили и тайные внутренние агенты-информаторы, и агенты наружного наблюдения, стационарного и передвижного. На содержание всей своей сети в этот период Татаринев израсходовал 163 347 болгарских левов⁸⁷⁵. Впрочем, самые ценные информаторы русского военного агента в Болгарии сотрудничали с ним не из корысти, а из искренних русофильских убеждений. Даже в 1915 г. частым гостем в доме полковника Татаринев был майор Стоичев, русский воспитанник, служивший в разведывательном отделении Штаба болгарской армии. В условиях жесткого преследования начальством офицеров-русофилов Стоичев оставался последним, кто не боялся открыто посещать русского военного агента

⁸⁷⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Ед. хр. 3487. Л. 88. А.А. Савинский — в МИД. 10 октября 1914 г. № 365.

⁸⁷⁵ Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 208. Невозможно согласиться с тенденциозным, голословным, но безапелляционным утверждением Звонарёва, что деятельность Татаринев по большей части не имела ничего общего с его непосредственными задачами и с агентурной разведкой, а также что результаты работы его агентуры «оставляли желать гораздо лучшего» (Там же).

и передавать ему часть служебной информации, за что, в конце концов, подвергся временному аресту⁸⁷⁶. Очевидно, именно через него Татаринов получал из Штаба болгарской армии ряд копий донесений болгарских военных атташе в Германии и Австро-Венгрии. Уже в декабре 1914 г. Татаринов агентурным путем получил из Министерства путей сообщения Болгарии копии ведомостей с указанием номеров вагонов и количества тонн военных припасов, тайно пропущенных Болгарией в Турцию под видом «машинных частей»⁸⁷⁷. И тогда же Татаринов упоминал о наличии у него агентов в Австрии⁸⁷⁸.

Еще одним агентом Татаринова был некий депутат Народного собрания Болгарии от правящей русофобской радославистской партии, в душе сочувствующий России. Он своевременно передал в русскую миссию 6 августа 1915 г. услышанную непосредственно от министра-председателя Болгарии Васи́ла Радославо́ва новость о предстоящем вступлении Болгарии в войну на стороне Центральных держав⁸⁷⁹.

Как показывают телеграммы Татаринова за летние месяцы и сентябрь 1915 г., к тому времени и вплоть до самого разрыва отношений с Болгарией он имел целый ряд агентов стационарного наблюдения и «маршрутников», которые информировали его о перевозках войск и грузов противника в Турции и южных районах Габсбургской монархии⁸⁸⁰.

Ценные услуги по разведке оказывали полковнику Татаринову представители армянского населения Болгарии и Турции. Если до начала мировой войны армянские революционные организации на Балканах и в Турции считались угрозой Российской империи и были первостепенным объектом наблюдения политической полиции России, то вступление в войну Турции резко все изменило, и многие дашнаки из вчерашних врагов стали надежными сотрудниками русской разведки, высоко мотивированными и непримиримыми к общему врагу. Полковник Вальтер Николаи вспоминал: «Армяне были в качестве шпионов очень решительны и страшны»⁸⁸¹. Есть данные, что полковник Татаринов имел агентуру в армянской колонии Константинополя⁸⁸². Тем не менее сам он трезво оценивал сложность задачи по ведению широкой агентурной разведки на территории Турции. 9 февраля

⁸⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1130. Л. 268. А.А. Татаринов — в Огенквар. 11 апреля 1915 г. № 653.

⁸⁷⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3085. Л. 5. А.А. Татаринов — М.Н. Леонтьеву. 13 декабря 1914 г. № 135.

⁸⁷⁸ Там же. Л. 10. А.А. Татаринов — М.Н. Леонтьеву. 31 декабря 1914 г. № 168.

⁸⁷⁹ Там же. Ед. хр. 3088. Л. 16. А.А. Татаринов — М.Н. Леонтьеву. 7 августа 1915 г. № 742.

⁸⁸⁰ См.: Там же. Ед. хр. 3088 и др.

⁸⁸¹ Николаи В. Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время / пер. с нем.; под ред. К.К. Звонарёва. М., 1925. С. 79.

⁸⁸² Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 129.

1915 г. Татаринов писал в весьма секретном письме Леонтьеву: «Сейчас получил телеграмму об усилении разведки в Турции — делаю все возможное. Но там ведь немцы, и ими приняты драконовские меры против шпионажа»⁸⁸³.

Следует отметить, что агентура Татаринова в 1915 г. сумела также осуществить ряд диверсионных мероприятий и акций саботажа с целью воспрепятствовать транзиту военных грузов в Турцию. В апреле 1915 г. Савинский сообщал в МИД, что агентами Татаринова в Бургасе был взорван груз бензина, который в противном случае был бы вывезен в Турцию⁸⁸⁴. Полковник Татаринов докладывал и о менее значительных своих достижениях в области борьбы с неприятельской контрабандой. К примеру, 27 августа 1915 г. он телеграфировал в Огенквар: «24-го августа из Рушук в Турцию отправлены еще десять вагонов, груженных санитарными автомобилями. Армяне-грузчики, среди которых были мои люди, порезали почти все резиновые шины и постарались попортить машины»⁸⁸⁵. В данном случае организаторы контрабанды в Турцию и их болгарские пособники явно сплеховали, допустив рабочих-армян к ценным предметам военного назначения для османской армии.

Докладывал Татаринов и о более серьезных диверсиях, совершенных его людьми на территории Турции. 15 сентября 1915 г., уже после начала болгарской мобилизации и за несколько дней до своего отъезда из Болгарии, он телеграфировал: «Мой курьер из Турции сообщает, что на Чатаддже войск нет. В Лозенградский округ введено около 700 жандармов для борьбы с болгарскими четами, причем моими людьми убит сын Адрианопольского вали (губернатора. — В.К.) около Лозенграда. Сам вали на автомобиле проскочил засаду»⁸⁸⁶. Впрочем, независимых подтверждений осуществления этого теракта нами найдено не было.

Непосредственное участие русского военного агента в организации диверсий против неприятельской стороны не было чем-то необычным в годы Первой мировой войны. Военные атташе неприятельских держав также широко занимались «активной разведкой». К примеру, австрийский военный атташе в Софии полковник Владимир Лакса в 1914–1915 гг. лично участвовал в подготовке диверсий в Македонии и на Дунае. Военный представитель Австро-Венгрии в Иране полковник Вольфганг Геллер занимался формированием банд и был взят в плен

⁸⁸³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 136. Л. 7–9. А.А. Татаринов — М.Н. Леонтьеву. 9 февраля 1915 г. № 230.

⁸⁸⁴ Алексеев М. Военная разведка России... Кн. 3, ч. 1. С. 129.

⁸⁸⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3088. Л. 38.

⁸⁸⁶ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1915 г. Ед. хр. 3786. Л. 213. А.А. Татаринов — в Огенквар. 15 сентября 1915 г.

русскими войсками Персидского корпуса Н.Н. Баратова. Наконец, германский военный атташе в Китае капитан Вернер Рабе фон Паппенгейм в конце 1914 г. организовал и лично возглавил целую экспедицию через монгольские степи для совершения диверсии на Китайско-Восточной железной дороге в Хинганских горах, но в результате вероломного нападения людей монгольского князя Бабучжаба погиб вместе со всей своей группой⁸⁸⁷.

Одним из самых ценных агентов-организаторов, сотрудничавших с полковником Татаринковым в 1914–1915 гг., стал председатель Центрального исполнительного совета чешских колоний в Болгарии инженер Франц Францевич Краль. Об этом энергичном агенте русской разведки, действовавшем в Болгарии и Румынии, стоит рассказать подробнее.

После освобождения Болгарии в 1878 г. чешская интеллигенция приняла активное участие в развитии этой страны. Масса чехов-специалистов отправилась в Болгарию, образовав там многочисленную чешскую колонию. Франц Краль в 1906–1910 гг. служил старшим инженером сербских государственных железных дорог, проектировал железнодорожную магистраль от Дуная до Адриатики, большие туннели у Соколовиц и Честобрадиц. С 1910 г. он строил железные дороги в Болгарии, причем болгарскими властями ему был нанесен ряд обид и чувствительных убытков. В январе 1910 г. Краль получил приглашение от генерала Рачо Петрова, председателя главного предприятия постройки железной дороги Мездра–Враца–Видин в Болгарии, — проектировать большие туннели и мосты этой дороги. Краль принял предложение. В 1910 г. он был избран председателем чешского общества в округе Видин. После начала Балканской войны в 1912 г. главное управление предприятия прекратило работы, задолжав Крालю 178 566 франков; кроме того, военное ведомство реквизировало весь узкоколейный материал стоимостью в 57 000 франков, так ничего и не уплатив. Когда разразилась 2-я Балканская война, болгарские чехи открыто встали на сторону Сербии и России. В сентябре 1913 г. прежний председатель исполкома чешских колоний, австрофил и сторонник болгарского правительства, был смещен, и на его место был избран инженер Краль. Ко времени его избрания в чешском союзе в Болгарии состояло 680⁸⁸⁸ платных членов, а именно: 48 профессоров, 68 учителей, 21 капельмейстер, 36 инженеров, 72 офицера действительной

⁸⁸⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 302. Л. 1–14; Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1897. Л. 61–64; Дробов М.А. Малая война. Партизанство и диверсии. М., 1931. С. 117–118; он же. Германская агрессия в Азии до и во время мировой войны. (Иллюстрации к “Die geheime Mächte” полк. Николаи). М., 1931. С. 54–71.

⁸⁸⁸ В источнике приведено неверное число — 678 членов (АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. 1916–1917 гг. Ед. хр. 228. Л. 5–8. Ф.Ф. Краль — М.М. Весёлкину. Доклад «О деятельности президиума чешских обществ и колоний в Болгарии». 7 февраля 1915 г. Б.н.).

службы (!), 18 заводчиков, 182 чиновника разных категорий и 235 «художественных ремесленников». Из них, по точным данным Краля, только 23 человека сочувствовали проавстрийской политике Софии, а остальные были русофилами.

После начала мировой войны чешский союз Краля всецело поддержал Россию и совершенно безвозмездно развернул агитацию в ее пользу. Что гораздо важнее, Краль наладил получение сведений военного и политического характера из Богемии и передачу их в русскую миссию полковнику Татаринкову. За это в Австро-Венгрии была арестована и позже интернирована в Меллерсдорфе семья Краля. Сам он был заочно приговорен к повешению. Примечательно, что генерал-майор Макс Ронге в своих мемуарах упоминает об инженере Крале как о «шпионе-двойнике», еще до войны передававшем сербам задания австрийского военного атташе полковника Владимира Лаксы. Это якобы было установлено австрийской разведкой из кассовых книг сербского Военного министерства за 1914 г.⁸⁸⁹

В годы войны Краль сумел добыть для России немало ценных секретных сведений. Фактически благодаря Кралу русская разведка смогла установить связь со знаменитой «чешской мафией», тайной национал-патриотической организацией, члены которой занимали ответственные должности в военном и государственном аппарате Дунайской монархии и передавали странам Антанты важную разведывательную информацию. В ряде документов русской разведки источниками сведений по Австро-Венгрии называются вожди чешского национального движения Томаш Гарриг Масарик и Эдвард Бенеш. От «одного из наших приятелей» (слова Краля) в австрийском МИД были своевременно получены документальные сведения, в том числе телеграмма австрийского посланника в Софии графа Адама Тарновского, о подписании союзного договора между Болгарией и Центральными державами и об обязательстве Болгарии вступить в войну. «Мне принадлежит также заслуга открытия и донесения, какими суммами подкуплены были министр [Димитр] Тончев (министр финансов в кабинете В. Радославова. — В.К.), Добрый Петков (Добри Петков, один из лидеров партии стамболовистов. — В.К.), товарищ председателя Собрания д-р [Иван] Момчилов, как и начальник греческого Генерального штаба [Виктор] Дусманис», — докладывал Краль в феврале 1916 г.⁸⁹⁰

17 августа 1915 г. Краль был арестован болгарскими властями по настоянию графа Тарновского, добивавшегося его выдачи Австро-Вен-

⁸⁸⁹ Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 168.

⁸⁹⁰ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. 1916–1917 гг. Ед. хр. 228. Л. 5–8. Ф.Ф. Краль — М.М. Весёлкину. Доклад «О деятельности президиума чешских обществ и колоний в Болгарии». 7 февраля 1915 г. Б.н.

грии за государственную измену. Глава болгарского правительства В. Радославов дал слово Тарновскому непременно выслать Краля из Болгарии, однако представители Чешского совета и председатель болгарского Народного собрания Димитр Вачов добились освобождения Краля, получившего одни сутки на выезд из Болгарии. Краль обратился к полковнику Татаринову с просьбой помочь ему получить русский паспорт, но тот по какой-то причине не смог или не захотел оказать ему содействие. Это пагубно повлияло на их дальнейшее сотрудничество, когда Татаринов зимой 1916 г. был назначен военным агентом в Румынии, а Краль, до того работавший с полковником Семёновым, отказался продолжать работать с Татариновым.

Агентурная деятельность русской военной разведки в Болгарии, как и в других странах, была полна вопиющих проявлений несогласованности и неразберихи между различными ведомствами, учреждениями и штабами, направлявшими в Болгарию множество собственных агентов, зачастую совершенно непригодных для разведывательной службы. Главным источником проблем была даже не столько слабость существовавшей организации разведки, сколько неумелые и неуклюжие попытки усилить ее путем импровизации. Посланник в Софии А.А. Савинский был вынужден регулярно жаловаться руководству в Петербурге на явные безобразия в организации тайной разведки. Как он докладывал в январе 1915 г., в миссию неоднократно обращались за материальным и служебным содействием лица, называвшие себя негласными агентами военного и морского ведомств. Проверка обычно подтверждавала их слова, но ответа на запросы приходилось ждать слишком долго. В ожидании новостей агенты чуть не каждый день являлись в миссию, что почти наверняка должно было их скомпрометировать. В этом отношении всех превзошел некий Карл Корнелиус, также обратившийся в миссию за помощью. Запрос о его принадлежности к военной разведке был направлен 1 января 1915 г., а подтверждение пришло только 8 января. Тогда Корнелиус, оставшись без средств к существованию, привел в русскую миссию своего хозяина гостиницы, немца (!), чтобы миссия поручилась за уплату им долга. Не могли бы ведомства, посылающие в Болгарию тайных агентов, заблаговременно предупреждать шифром об их прибытии, спрашивал Савинский у товарища министра А.А. Нератова⁸⁹¹.

В донесении от 2 февраля 1915 г. Савинский вновь жаловался советнику 2-го Политического отдела МИД К.Н. Гулькевичу на явную непригодность ряда присланных тайных агентов. Одним из таких агентов был некий Евгенопуло, который предназначался для разведки

⁸⁹¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1914–1916 гг. Ед. хр. 4348. Л. 4–4 об. А.А. Савинский — А.А. Нератову. 17 января 1915 г. № 5/с.

в Турции, однако не смог въехать в эту страну, будучи русским подданным. В Болгарии Евгенопуло допустил ряд грубых нарушений, несовместимых с требованиями тайной разведки; в частности, в публичных местах он говорил о своей миссии. Другой агент, некто Себряков, направленный в Болгарию Морским Генеральным штабом, видимо, для разведки Турции, имел столкновение с полковником Татариновым. Русская миссия прервала с ним отношения, тем более что его сведения были лишены серьезности и интереса. В декабре 1914 г. Генштабом был командирован в Софию для организации разведки по Турции агент Михран де Савалан (он же Михран Савалан-хан, бывший член-заседатель судебной комиссии при русском генконсульстве в Константинополе), получивший теперь псевдоним «Яковлев». Он был рекомендован послом в Константинополе М.Н. Гирсом; считалось, что он имеет хорошие связи в турецких и отчасти в болгарских дипломатических кругах⁸⁹². Генштаб просил МИД оказать «Яковлеву» содействие⁸⁹³. Однако вскоре Савинский докладывал, что Савалану наш военный агент «считает прямо недобросовестным выдавать ежемесячно столь большое жалование ввиду абсолютной скудости его осведомленности и полного незнания местных условий и лиц». В заключение Савинский от своего имени и имени полковника Татаринова просил, «чтобы нам не посылали такую массу лиц для разведывательной службы, а среди посылаемых делали бы выбор таких, которые действительно могли бы быть полезны»⁸⁹⁴. В итоге на Балканах «Яковлев» проработал лишь до середины февраля 1915 г.⁸⁹⁵

Исправить положение не удалось, коль скоро 28 апреля 1915 г. Савинский снова докладывал в МИД: «В последнее время в Софии появилось с десятков агентов, командированных штабам наших отдельных армий и корпусов для разведок в Турции. Почти все они — весьма несерьезные молодые люди, являющиеся в Софию без всяких средств, не знающие местных условий и языков, постоянно обращающиеся в миссию за деньгами, вызывающие подозрения со стороны властей и могущие скомпрометировать наших военного и морского агентов без всякой пользы для дела. Некоторые из них были арестованы болгарской полицией, состоящей на жаловании у агентов наших врагов, и мне стоило большого труда добиться их освобождения. Считал бы весьма желательным попросить Военное министерство не посылать

⁸⁹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 547. Л. 39–39 об. Н.К. Раша — М.Н. Леонтьеву. 7 декабря 1914 г. Б.н.

⁸⁹³ Алексеев М. Военная разведка России... Кн. 3, ч. 1. С. 150.

⁸⁹⁴ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1914–1916 гг. Ед. хр. 4348. Л. 5–6. А.А. Савинский — К.Н. Гулькевичу. 9 февраля 1915 г. № 72.

⁸⁹⁵ Алексеев М. Военная разведка России... Кн. 3, ч. 1. С. 150.

больше подобных разведчиков»⁸⁹⁶. Содержание этой телеграммы Савинского было передано военному ведомству, однако его просьбы так и остались гласом вопиющего в пустыне.

18 июня 1915 г. Савинский опять телеграфировал Нератову: «В свое время я и военный агент просили не присылать сюда для разведки лиц, по своим качествам для этой цели не только непригодных, но и опасных. Агенты штаба Кавказской армии Калиджар и Бедросов, из которых последний вел самую развратную и компрометирующую жизнь, были арестованы на днях в Бургасе, причем Бедросов обвинен в убийстве и краже со взломом. Следствие выяснило, кроме того, его сношения с турецким консулом. Нельзя упускать из виду того, что зачастую открыто называют их русскими шпионами, бывшими в сношениях с нашим местным консульством. Значение подобных агентов для имеемой в виду цели и для нашего интереса ясно само собой»⁸⁹⁷.

Помимо органов разведки военного ведомства, в годы войны на территории Болгарии активно действовала и русская морская разведка. Русское военно-морское ведомство активно готовилось к предстоявшим крупным событиям на южном стратегическом направлении, которые должны были привести, как оно считало, к решению исторических задач России на Проливах. К примеру, в середине августа 1914 г. капитан 2-го ранга В.В. фон Берг 1-й был направлен от Морского Генерального штаба в секретную командировку в Турцию по разведке мест высадки десантной армии, а также для осмотра портов посадки десанта в России, на что МГШ выделил ему 3 тыс. руб. из секретного фонда. Выполнить первую часть задачи, вследствие политических осложнений, оказалось невозможным⁸⁹⁸. С июля 1914 г. и особенно после вступления Турции в войну в октябре усилия германских и турецких секретных служб резко усложнили для русских разведчиков задачу наблюдения за укреплениями Босфора, выходами турецкого флота в Черное море и движением транспортных судов вдоль северного побережья Анатолии⁸⁹⁹.

Руководство работой русской военно-морской разведки в Турции на Черноморском театре военных действий осуществлял капитан

⁸⁹⁶ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1914–1916 гг. Ед. хр. 4348. Л. 8. А.А. Савинский — в МИД. 28 апреля 191 г. № 261.

⁸⁹⁷ Там же. Л. 10. А.А. Савинский — в МИД. 18 июня 1915 г. № 370.

⁸⁹⁸ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 6.

⁸⁹⁹ Подробнее об агентурной работе русской военно-морской разведки на Черноморском театре и в Турции см.: Военно-морская агентурная разведка в Первой мировой войне / ввод. ст., подгот. текста и коммент. В.А. Петрова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1998. Кн. 8. С. 165–202; Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Кн. 3, ч. 2. С. 59–75. Впрочем, деятельность русской морской разведки в Болгарии излагается Алексеевым бегло и с рядом неточностей.

2-го ранга Алексей Аркадьевич Нищенков, помощник флаг-капитана оперативной части штаба командующего Черноморским флотом. До войны он заведовал столом Черноморского театра Особого производства Морского Генерального штаба — центрального органа военно-морской разведки Российской империи. Еще в августе 1914 г., до вступления Турции в войну, Нищенкову удалось приобрести в Константинополе ряд ценных сотрудников и организовать несколько агентурных групп. В начале сентября 1914 г. в ходе второй своей поездки в Константинополь Нищенков привлек к сотрудничеству лицо, ранее намеченное им на роль главного агента-организатора. Он так характеризовал этого человека: «Константинопольский агент занимает на месте прочное положение, имеет обширнейшие связи и знакомства и вообще является одним из наиболее осведомленных в Константинополе лиц. Человек весьма интеллигентный и по всем данным очень энергичный, способный и смелый»⁹⁰⁰. Ему были выданы средства на организацию наблюдения за турецким флотом и сбор сведений о входе и выходе его кораблей из Босфора, о его предполагаемых действиях, о крупных авариях и потерях в судовом составе⁹⁰¹.

Главная проблема морской разведки в Турции заключалась в организации быстрой и надежной связи, поскольку сведения о выходе турецких кораблей из Босфора, увы, слишком недолго представляли оперативную ценность для Севастополя. Именно для налаживания лучшей связи с Константинополем Нищенков предпринял попытки насадить передаточных агентов в Болгарии. Важное содействие в этом ему оказывал управляющий Русским Дунайским пароходством полковник флота В.П. Ермаков, имевший своих агентов в Сулине, Галаце, Браилове, Турну-Северине, Силистрии, Туртукае и Констанце. В этих пунктах они вели наблюдение за контрабандой в Румынии, а также за австрийской и румынской флотилиями на Дунае. Телеграммы от основного агента Нищенкова в Константинополе шли на условные адреса в румынские Браилов и Констанцу, откуда передавались Ермакову в Одессу, а от него — также на условный адрес в Севастополь, для штаба флота. Ермаков также обещал Нищенкову разместить своего агента в Варне, где он должен был бы получать телеграммы из Константинополя и по телеграфному кабелю Варна–Севастополь передавать их в штаб Черноморского флота, используя фиктивный адрес «в Астрахань, Христо Панайотову»⁹⁰².

После вступления Турции в войну против России работа военно-морской разведки на турецкой территории была затруднена. 24 ноя-

⁹⁰⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 17–21.

⁹⁰¹ Там же.

⁹⁰² Там же.

бря 1914 г. глава Особого делопроизводства Морского Генерального штаба М.И. Дунин-Борковский телеграфировал флаг-капитану оперативной части штаба Черноморского флота К.Ф. Кетлинскому: «За последнее время, с начала войны с Турцией, произошла некоторая заминка в осведомлении Черноморского флота о противнике. В настоящее время возникшие препятствия по возможности устранены, и я могу надеяться, что дело агентурной разведки на Черноморском театре будет с течением времени крепнуть и развиваться»⁹⁰³.

В этих условиях исключительно большое значение для работы русской военно-морской разведки против Турции приобретала территория Болгарии, прежде всего ее черноморское побережье. Уже в первые месяцы 1915 г. разведка штаба Черноморского флота достигла в Болгарии весомых успехов, которым способствовал целый ряд обстоятельств. Население черноморского побережья Болгарии, в особенности жители Варны и Бургаса, имело давние и прочные связи с Россией; командный состав болгарского военного и торгового флота состоял преимущественно из русских воспитанников.

К сожалению, между русской военной и морской разведкой в Болгарии возникли определенные трения. 6 февраля 1915 г. Нищенков жаловался Кетлинскому, что полковник Татаринев не пошел ему навстречу в организации правильной и лучшей связи с агентурой в Турции⁹⁰⁴. В сложившейся обстановке стало особенно остро ощущаться отсутствие в Болгарии официального русского военно-морского агента. Первоначально предполагалось, что обязанности морского агента в Болгарии будет по совместительству нести капитан 1-го ранга А.Н. Щеглов, бывший морской агент в Константинополе, переведенный после вступления Турции в войну на аналогичную должность в Румынии. В Бухарест он отправился 15 ноября 1914 г., официально был утвержден в этой должности 17 ноября. Руководство ГУГШ высоко оценивало его опыт агентурной работы по турецкому флоту и вступило в сношения с Генмором на предмет организации сотрудничества Щеглова с военным агентом в Румынии в области разведки против Турции⁹⁰⁵. Однако этот талантливый и деятельный флотский офицер, один из главных идейных создателей Морского Генштаба, вскоре после приезда в Румынию, в канун 1915 г., при невыясненных обстоятельствах отравился в ресторане, что резко пошатнуло его здоровье. До 7 марта Щеглов был прикован к постели и до начала июня мог

⁹⁰³ Там же. Л. 69–70 об. М.И. Дунин-Борковский — К.Ф. Кетлинскому. 24 ноября 1914 г. № 165-с.

⁹⁰⁴ Там же. Л. 116–117. А.А. Нищенков — К.Ф. Кетлинскому. 6 февраля 1915 г. № 44-с.

⁹⁰⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 547. Л. 49. М.А. Беляев — Н.Н. Янушкевичу. 19 декабря 1914 г. № 15672.

заниматься лишь кабинетной работой⁹⁰⁶. Начальство сочло, что из-за своего самочувствия он не сможет вести работу сразу по двум странам. В ведении Щеглова была оставлена Румыния, а военно-морским агентом в Софии был назначен другой офицер. В июне 1915 г. руководство собиралось перевести Щеглова в Стокгольм⁹⁰⁷. Однако в итоге он остался на прежней должности в Бухаресте, по меньшей мере, до октября 1916 г.⁹⁰⁸ Авторитетный историк русской разведки М. Алексеев полагает, что, находясь в Румынии, Щеглов «так и не смог наладить сколько-нибудь эффективной разведывательной работы»⁹⁰⁹. Думается, здесь могли сказаться и последствия отравления, и женитьба Щеглова в мае 1915 г. на двадцатилетней англичанке Джесси Уискер, которая была вдвое моложе его⁹¹⁰. Между прочим, сам Щеглов не предполагал злоумышленного отравления со стороны неприятеля. В одном из писем к дочери в Петроград, в Екатерининский институт, он писал 1 сентября 1915 г., что вместе с женой больше года мыкался по отелям, где их кормили «всякой дрянью», из-за чего, как говорил Щеглов, «мы с ней теперь два инвалида». Впрочем, не исключено, что флотский офицер не хотел лишней раз тревожить свою дочь. То же письмо опровергает и версию об упорной и непрестанной работе Щеглова в Румынии. Он сообщал, что они с женой провели все лето 1915 г. в Синае, летней королевской резиденции в Карпатах, в 20 верстах от венгерской границы, и не хотели возвращаться в Бухарест с его «скверным воздухом», хотя все обитатели этого местечка давно разъехались⁹¹¹.

В конце января 1915 г. Нищенков добился у командования разрешения на отправку в Софию морского офицера в качестве представителя русского флота. 6 февраля начальство дало согласие назначить на эту должность старшего лейтенанта В.В. Яковлева. Нищенков от-

⁹⁰⁶ Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М., 1995. С. 51–55.

⁹⁰⁷ АВПРИ. Ф. 192. Оп. 527. Ед. хр. 235. Л. 5. А.И. Русин — А.А. Савинскому. 17 февраля 1915 г. № 2291/146.

⁹⁰⁸ В.И. Шеремет, автор ряда публикаций об А.Н. Щеглове, утверждает, что он был переведен в Стокгольм летом 1915 г. и оставался там до конца войны (см.: Шеремет В.И. Босфор... С. 56). Однако это не соответствует действительности. Целый ряд документов свидетельствует, что Щеглов оставался в прежней должности в Бухаресте, где он находился и в мае, и в октябре 1916 г. (см., например: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1889. Л. 85. А.Н. Щеглов — в Морской Генеральный штаб. 14 октября 1916 г. № 1732; Там же. Ед. хр. 1897. Л. 132–133. М.М. Веселкин — А.И. Русину. 30 мая 1916 г. № 0346).

⁹⁰⁹ Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 2. С. 69.

⁹¹⁰ В.И. Шеремет в своей книге рассказывает в романтическом тоне историю любви и брака Щеглова и мисс Уискер, однако он совершенно умалчивает о достижениях Щеглова на поприще агентурной разведки с территории Румынии (Шеремет В.И. Босфор... С. 54–55).

⁹¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 551. Л. 153–153 об. А.Н. Щеглов — К.А. Щегловой. 1 сентября 1915 г. Б.н.

мечал, что в результате создания должности морского агента в Болгарии разведка Черноморского флота получала своего резидента вблизи границ Турции, которая оставалась главным предметом интереса севастопольского штаба⁹¹². Василий Васильевич Яковлев 6-й, участник Русско-японской войны, накануне мировой войны служил делопроизводителем Генмора, а после ее начала работал в Военно-морском управлении Ставки. 15 февраля 1915 г. состоялось его официальное назначение на новоучрежденную должность военно-морского агента в Болгарии. Примечательно, что Яковлев в Болгарии и морской агент в Афинах капитан 1-го ранга А.А. Макалинский были подчинены напрямую Нищенкову в Севастополе, тогда как Щеглов в Бухаресте и все остальные военно-морские агенты в отношении своей разведывательной работы подчинялись начальнику Особого делопроизводства Генмора М.И. Дунину-Борковскому⁹¹³. Назначение Яковлева в Болгарию непосредственно совпало с активизацией подготовки России к десантной операции в районе Босфора весной 1915 г.

По словам самого Яковлева, прибыв в Софию и начав знакомиться с местными условиями, он получил самое широкое содействие со стороны русского посланника А.А. Савинского. Ценнейшую помощь русскому морскому агенту оказывали и представители высшего болгарского духовенства, которое традиционно было носителем искренних русофильских чувств и ревностным поборником идеи союза двух братских православных стран. Яковлев писал: «Мне удалось снискать расположение покойного экзарха (Иосифа I. — В.К.), неоднократно меня принимавшего. Такое любезное отношение главы Болгарской Церкви, естественно, облегчило мне создать близость с многими представителями духовенства, особенно же я сблизился с протосингелом экзарха архимандритом Стефаном. Духовенству именно я обязан теми полезными знакомствами, которые дали мне возможность уже в марте (1915 г. — В.К.) послать агентов в Турцию, а также и тем, что мне предоставлен был кабинет в Синоде, где я мог свободно принимать нужных людей»⁹¹⁴. Приобрести ценные знакомства в руководстве Болгарской экзархии Яковлеву помог священник русской миссии, архимандрит Николай, бывший морской офицер⁹¹⁵.

Прибыв в Софию, Яковлев незамедлительно развернул активную агентурную работу. По отзыву французского журналиста Марселя

⁹¹² РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 116–117. А.А. Нищенков — К.Ф. Кетлинскому. 6 февраля 1915 г. № 44-с.

⁹¹³ Там же. Л. 241–244.

⁹¹⁴ Цит. по: Военно-морская агентурная разведка... С. 190–193 (Памятная записка капитана 2 ранга В.В. Яковлева. 20 апреля 1916 г.).

⁹¹⁵ РГВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Ед. хр. 3493. Л. 13–14. В.В. Яковлев — А.И. Русину. 6 апреля 1915 г. № 5.

Дюнана, Яковлев был исключительно трудолюбив и все время проводил в своем служебном кабинете⁹¹⁶. В краткие сроки военно-морским агентом была создана разведывательная организация, целью которой было изучение западного побережья Черного моря, а также района Босфора и боевых действий под Константинополем. Главой агентурной организации и главным помощником Яковлева стал болгарин Недялко Зеленогоров, 45 лет, родом из Софии, адвокат и подполковник артиллерии в запасе. Он руководил группой агентов с первых месяцев 1915 г., вел шифрованную переписку, раздавал денежные средства, получал от Яковлева и передавал своим сотрудникам карты и задания для разведки.

Правой рукой Зеленогорова стал наш старый знакомый — Антон Макарович Прудкин, бывший агент охраны, в то время уже капитан «Бориса», крупнейшего парохода Болгарского торгового пароходного общества. Он был активным членом группы Зеленогорова с апреля 1915 г. Вся кают-компания парохода «Борис» состояла из убежденных русофилов, притом смелых людей. Еще в январе 1915 г. первый офицер «Бориса» Сотир Димитриев, окончивший в 1902 г. мореходные курсы в Николаеве и женатый на дочери русского полковника, обратился к вице-консулу России в Варне Рагозину с предложением произвести тайную постановку мин в самом Босфоре. Его были готовы поддержать второй и третий офицеры «Бориса» Александр Сахаров (37 лет, уроженец Тырнова, окончил Кронштадтские мореходные классы в 1901 г.) и Иван Панайотов (триестский воспитанник). Все они были мичманами запаса болгарского военного флота, умели снаряжать и ставить морские мины. Димитриев сообщил Рагозину, что «Борис», регулярно совершавший рейсы к Босфору, всегда выходил из пролива вечером, без всякого сопровождения. Болгарский моряк вызывался поставить в темноте десяток мин на якорях в самом узком месте Босфора. Для погрузки мин он просил отменить запрет на заход «Бориса» в Одессу; пароход мог зайти туда под предлогом закупки малярных материалов, а мины могли быть погружены без ведома остальной команды⁹¹⁷. Этот смелый проект, по всей видимости, не был осуществлен, однако вскоре именно пароход «Борис» стал главным передвижным наблюдательным пунктом русской разведки в самом сердце Османской империи.

В первых числах марта капитан Прудкин рассказал Рагозину, что болгарский военный атташе в Константинополе полковник Тодор Марков дал ему схему обороны Босфора, поручил нанести на нее все новые укрепления и сделать фотографии. 8 марта «Борис» вышел из Варны в очередной рейс к Босфору, причем Прудкин пообещал Ра-

⁹¹⁶ Дюнан М. Българското лято. Юли 1915 — октомври 1915. София, 1993. С. 52.

⁹¹⁷ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 97.

гозину дней через шесть вернуться и предоставить ему копию схемы со всеми пометками, фотографии и письменный доклад⁹¹⁸. Вскоре после этого Прудкин начал напрямую сотрудничать с В.В. Яковлевым и русской морской разведкой. Вместе с ним и Александром Сахаровым разведку берега от Константинополя до Бургаса с парохода «Борис» осуществлял еще один член организации Зеленогорова — болгарин Христо Силянов, 35 лет, публицист, родом из Константинополя, живший в Софии. Совместными трудами этих людей был составлен и передан Яковлеву подробный план побережья с обозначением береговых укреплений и их вооружения.

Моряки с «Бориса» не ограничивались разведкой одной лишь Турции. В мае 1915 г. Сахаров, кстати, работавший также тайным агентом русского консульства в Бухаресте, привез в Софию план обороны Варненского залива. В июле 1915 г. Прудкин договорился с Яковлевым о проведении разведки обороны Варны и Бургаса и с успехом выполнил это поручение. В Бургасе им было организовано наблюдение за шедшими в Константинополь судами с румынским керосином и бензином. Также Прудкин поддерживал связь с агентами в самом Константинополе. Наконец, не довольствуясь этим, неукротимый и отчаянный «бомбаджи» Прудкин предлагал организовать взрыв динамитом моста между Константинополем и Галатой. Планировал он и диверсии против прославленных германских крейсеров «Гёбен» и «Бреслау», составлявших главную ударную силу османского флота. В своей работе Прудкин использовал содействие русских консулов в Варне и Бургасе. К примеру, возвращаясь из очередного рейса в Константинополь, он 13 июня 1915 г. передал вице-консулу в Бургасе Удинцову снятый им план Босфора и текстовое донесение; Удинцов незамедлительно переправил их командующему морскими силами в Черном море⁹¹⁹.

Какие побуждения заставляли Антона Прудкина и его товарищей рисковать жизнью и передавать русской разведке военные секреты Болгарии? В документах нет ни одного указания на то, что он работал за материальное вознаграждение. Очевидно, остались в прошлом те времена, когда Прудкин за 420 франков в месяц выдавал охранке замыслы революционеров. Служа капитаном крупнейшего парохода Болгарии, он должен был быть обеспеченным человеком. После вступления Болгарии в войну бывший русский вице-консул в Варне К.Л. Рагозин докладывал, что Прудкин «сообщал мне безо всякого вознаграждения подробнейшие сведения о Босфоре, передал мне раз-

личный материал об австро-украинских агентах в Константинополе, а также полученную им от болгарского военного агента в Константинополе полковника Маркова карту Босфора, нанеся на нее дополнительные данные на основании собственных наблюдений»⁹²⁰. По словам Рагозина, Прудкин «утверждал, что он действует не из интереса (материального. — В.К.), но как русский (курсив мой. — В.К.)»⁹²¹.

Как представляется, Прудкин, его единомышленники и товарищи-моряки были движимы искренней любовью к России и верой в неразрывность исторических судеб братских русского и болгарского народов. Прудкин не скрывал свое русофильство. По словам его родного брата, в 1915 г. Прудкин участвовал в одном собрании своей партии (надо полагать, анархистов-коммунистов). Товарищи Прудкина по партии занимали русофобскую позицию и проголосовали за вступление Болгарии в войну на стороне Центральных держав. На вопрос Прудкина, что же следовало болгарам делать с оставшимися после Освободительной войны могилами двухсот тысяч русских солдат, глава партии отвечал кощунственной мерзостью. Тогда Прудкин, сын русского воина-освободителя, ударил его по лицу⁹²².

Не только любовь к России, но и ненависть к ее врагам могла быть весомым мотивом к сотрудничеству с русской разведкой. Так, в январе 1915 г. работать с Нищенковым и разведкой Черноморского флота предложил греческий подданный Михаил Лангусси, капитан греческого парохода «Барлетта», ходившего под итальянским флагом. Без всякого вознаграждения, из ненависти к туркам, он был готов давать сведения о турецком флоте, о движении транспортов от Босфора до Синопа, о минных заграждениях в Босфоре⁹²³.

Впрочем, иные из самоотверженных русофилов не забывали о материальной стороне вопроса. 31 января 1915 г. полковник Татаринцов докладывал, что бывший капитан Болгарского пароходного общества Савва Иванович Манолов, ходивший прежде на пароходе «Болгария» и женатый на русской, предложил свои услуги русскому флоту, вызвавшись вести подводную лодку в самый Босфор. 3 апреля того же года кавторанг Яковлев и Манолов заключили в Софии договор. Согласно этому документу, Манолов принимался на службу в русский императорский флот по вольному найму. Его жене должно было выплачиваться по 300 левов в месяц, с уплатой за шесть месяцев вперед. Содержание Манолову должно было быть определено распоряжени-

⁹¹⁸ Там же. Л. 128. К.Л. Рагозин — в МИД. 7 марта 1915 г. № 22 (то же: РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Ед. хр. 3492. Л. 53).

⁹¹⁹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 205–206. К.Л. Рагозин — в МИД. 21 января 1915 г. № 3 (то же: РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Ед. хр. 3492. Л. 4).

⁹²⁰ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 29.

⁹²¹ Там же.

⁹²² Майборода В. С французами // Архив русской революции: в 18 т. Т. 16. М., 1993. Т. 15–16. С. 157.

⁹²³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 85–86.

ем командующего Черноморским флотом. В случае гибели при исполнении задания жене и детям Манолова была обещана пенсия как семье капитана 1-го ранга русского флота, погибшего в ходе военных действий; дети должны были быть определены в русские учебные заведения за казенный счет. После войны, если бы Манолов выполнял все распоряжения начальства, ему обеспечивалась должность не ниже штурмана Добровольного флота или пенсия как отставному кавторангу русского флота⁹²⁴. Неизвестным остается, удалось ли русской военно-морской разведке хоть как-нибудь использовать услуги Манолова и какова была дальнейшая судьба этого человека. Документы переписки позволяют лишь предположить, что не все в морском ведомстве остались довольны инициативой Яковлева, без одобрения сверху давшего Манолову столь широкие обещания от имени России.

Кроме варненских моряков в состав агентурной группы Зеленогорова входили еще два человека. Болгарский журналист и бывший депутат Народного собрания Коста Списаревский, 36 лет, уроженец Добрича и житель Софии, в апреле 1915 г. выехал в Константинополь, получив шифр и инструкции по организации разведки османской столицы и Босфора. В этой поездке он пробыл 20 дней, до начала мая, и отправил за это время 10 телеграмм и 4 письма с разведывательными данными. Переписку он вел через квартиру болгарского консула, с которым был дружен. Наняв в Константинополе нескольких агентов и организовав получение сведений от них, он вернулся в Болгарию. Позднее Яковлев докладывал о Списаревском: «Одному из посланных мною агентов удалось поселиться в Константинополе у болгарского консула, что дало ему возможность беспрепятственно бывать повсюду и давать мне наиболее важные сведения — выходы судов по телеграфу. В течение тех двух месяцев, что этот агент смог там прожить, им дано было мне 13 сообщений о выходе судов, из коих некоторые были подтверждены потоплением транспорта в Черном море»⁹²⁵.

Наконец, с мая 1915 г. членом группы Недялко Зеленогорова был болгарин Владимир Ангел Цветков, 48 лет, родом из Систова, софийский торговец. Он передавал корреспонденцию от Яковлева Сахарову и служил последнему как случайный агент в Константинополе. Оттуда он сообщал сведения о передвижении войск, кораблей, подводных лодок⁹²⁶.

В первых числах октября 1915 г. вся агентурная группа Зеленогорова в полном составе была арестована болгарской контрразведкой и предана военно-полевому суду. Доказательствами вины послужили по-

павшее в руки властей письмо Сахарова Силянову от 28 мая 1915 г., в котором автор предлагал совместно с еще одним лицом нанести на карту новые прибрежные батареи и укрепления, а также показания троих свидетелей. Процесс начался в Софии в марте 1916 г. и вызвал широкий общественный резонанс как «дело против русофилов». Защитниками обвиняемых выступили лидеры русофильской партии цанковистов, бывшие министры Стоян Данев, Петр Абрашев и Александр Людсканов. Защита настаивала на том, что подсудимые вели разведку против Турции, а не против Болгарии, сведений по которой В.В. Яковлев у них якобы не просил (как мы знаем, это было не совсем так). Недялко Зеленогородов протестовал против пыток, которыми из него выбивали показания. Обвинение, в свою очередь, цинично заявляло, что Болгария во время деятельности группы уже находилась в тайном союзе с Турцией, а значит, шпионаж против нее был государственной изменой против Болгарии. Подсудимые также обвинялись в получении секретных инструкций от Яковлева и доношении об этом болгарским военным властям. Согласно показаниям свидетелей, моряка капитана Антона Георгиева и бомбардира береговой артиллерии Страшмира Куцарова, бывшего рулевого матроса с «Бориса», Антон Прудкин расспрашивал их о расстановке мин в заливе Бургаса и о расположении батарей близ Варны. Прокурор потребовал для первых четырех членов группы (Зеленогорова, Силянова, Прудкина и Сахарова) смертной казни, а для остальных (Списаревского и Цветкова) — пожизненной каторги. В итоге все шестеро были приговорены к пожизненному тюремному заключению, дальнейшая судьба их, за исключением Прудкина, неизвестна.

Кавторанг В.В. Яковлев после разрыва отношений с Болгарией выехал в Румынию и продолжил разведывательную деятельность там, в качестве неофициального второго морского агента. По его собственным словам, находясь в Бухаресте, он смог поддерживать регулярную, в том числе телеграфную, связь с обширной агентурной организацией в Болгарии и Турции, несмотря на все усилия местной контрразведки. Также услуги по разведке Яковлеву оказывали члены комитета партии Дашнакцутюн в Румынии, русские сектанты-скопцы. Яковлеву удалось привлечь к сотрудничеству драгомана, исполнявшего должность секретаря румынской миссии в Константинополе, который с дипломатической почтой регулярно передавал ему ценные сведения о положении в османской столице⁹²⁷.

Скажем пару слов о дальнейшей судьбе Антона Прудкина — бесспорно, самого яркого и незаурядного тайного агента русской разведки на Балканах того времени. Его пожизненное заключение продлилось

⁹²⁴ Там же. Л. 100, 159.

⁹²⁵ Цит. по: Военно-морская агентурная разведка... С. 190–193 (Памятная записка капитана 2 ранга В.В. Яковлева. 20 апреля 1916 г.).

⁹²⁶ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Ед. хр. 4348. Л. 20–39.

⁹²⁷ Военно-морская агентурная разведка... С. 190–193 (Памятная записка капитана 2 ранга В.В. Яковлева. 20 апреля 1916 г.).

всего лишь до поражения Болгарии в 1918 г. и падения режима Фердинанда Кобурга. Соседом Прудкина по тюремной камере оказался сам Александр Стамболийский — вождь леворадикальной аграрной партии «Болгарский земледельческий народный союз» (БЗНС), получивший пожизненный срок за угрозу в адрес царя Фердинанда. После окончания мировой войны партия Стамболийского пришла к власти и установила в Болгарии режим крестьянской «оранжевой диктатуры». Новый глава правительства не забыл своего сокамерника. Антон Прудкин стал градоначальником Софии. По некоторым сведениям, занимая эту должность, он был причастен к организации ряда убийств, диверсий и террористических актов в отношении противников режима Стамболийского. Самым громким из приписываемых Прудкину терактов стал взрыв адской машины в театре «Одеон» в Софии утром 3 марта 1920 г., во время лекции белоэмигранта-кадета П.Я. Рысса. Любопытно, что приглашение на эту лекцию получил И.А. Бунин, живший тогда в столице Болгарии; и лишь благодаря счастливому случаю великий русский писатель проспал начало лекции и избежал гибели (его место должно было быть в первом ряду).

Историк отечественной разведки В.Я. Кочик пишет: «Исполнители теракта в “Одеоне” были арестованы в Румынии и выданы Болгарии. На следствии они назвали Антона Прудкина организатором акции. В результате громкого скандала градоначальник в сентябре 1920 года был отрешен от должности и арестован, однако на допросах он отверг все обвинения и за недостатком улик в том же году освобожден.

Стамболийский отослал Антона подальше от столицы в Варну, на должность начальника морской полиции черноморского побережья страны. <...> В апреле–мае 1921 года по поручению премьер-министра Прудкин возглавлял болгарскую неофициальную миссию в Советскую Россию — изучалась возможность заключения торгового соглашения между двумя странами. По возвращении на родину делегация представила председателю Совета министров отчет, в котором говорилось о том, что при нынешнем положении в России торговля с ней не может быть сколько-нибудь значительной, но политический союз мог бы иметь для Болгарии огромное значение»⁹²⁸.

9 июня 1923 г. крестьянское правительство БЗНС было свергнуто в результате правого военного переворота; захваченный путчистами Стамболийский был выдан македонским комитадам, которые, имея к нему свои счеты, зверски убили его. Прудкин был арестован новыми властями и за взрыв в театре «Одеон» приговорен к смертной казни, которую ему заменили на пожизненное заключение. После приговора Прудкин провел в заключении 11 лет, с мая 1925 по апрель 1936 г. Вый-

дя на свободу и вернувшись в Варну, он сумел, несмотря на надзор полиции, вступить в контакт с советской военной разведкой. В дальнейшем Прудкин выполнял различные задания Разведупра Штаба РККА, в частности, занимаясь хорошо знакомым ему делом — им была составлена подробная карта черноморского побережья с обозначением береговых укреплений. После начала Второй мировой войны Прудкин в качестве капитана парохода «Рудничар» совершил два опасных рейса к берегам Палестины, спасая от гибели десятки евреев.

В июле 1941 г. Прудкин создал тайную группу для совершения диверсий против гитлеровцев. Как пишет болгарский историк Георгий Антонов, подготовивший второе издание мемуаров Прудкина, «при создании и руководстве ею (этой группой. — В.К.) старый заговорщик проявлял удивительную юношескую наивность и допускал нарушения элементарных требований конспирации»⁹²⁹. При непосредственной подготовке к взрыву немецких бензиновых резервуаров близ железнодорожной станции Варны в ночь с 22 на 23 июля 1941 г. диверсионная группа была арестована. После следствия с применением жестоких пыток Прудкин 10 октября 1941 г. был приговорен к смертной казни, его жена Мария Федоровна — к пожизненному заключению. Помощник Прудкина Петр Петров, механист-моторист с купленной им моторной яхты «Единство», также был приговорен к смерти, а еще один моряк с того же судна Иван Маринов — к 15 годам строгого тюремного заключения. 1 августа 1942 г. Антон Макарович был повешен в тюрьме в Варне. Так закончилось последнее плавание капитана Прудкина, который всю свою жизнь, на суше и на море, держал курс на бурю. Он был жестоким и двуличным, но неустрашимо смелым и по-своему благородным человеком, пытавшимся по мере сил служить благу обеих своих родин, Болгарии и России, судьбы которых столь трагически разошлись в первой половине XX в. 8 августа 1969 г. Президиум Верховного Совета СССР посмертно наградил Антона Макаровича Прудкина орденом Отечественной войны 2-й степени⁹³⁰.

Но вернемся обратно в осень 1915 г. Произошедшее тогда вступление Болгарии в Первую мировую войну на стороне врагов России не стало неожиданностью для русской разведки, однако в организационном отношении она оказалась совершенно не подготовлена к ведению работы на болгарской территории в изменившихся условиях. Это потребовало новых экстренных и далеко не во всем успешных мер.

Вместе с другими чинами русской миссии полковник Татаринов покинул Софию и вскоре, как уже было сказано, получил назначе-

⁹²⁹ Антонов Г. Предговор // Прудкин А.М. Записки на моряка: в 2 т. Стара Загора, 1997. Т. 1. С. 11.

⁹³⁰ Там же.

⁹²⁸ Кочик В.Я. Разведчики и резиденты ГРУ за пределами отчизны. М., 2004. С. 421–422.

ние в штаб 7-й армии, которая в октябре и ноябре 1915 г. готовилась к вторжению в пределы Болгарии. Русский военно-морской агент в Софии кавторанг В.В. Яковлев, переведенный в Румынию с оставлением в прежней штатной должности, сохранил свою агентуру на болгарской и турецкой территории. Сведения о положении в Болгарии он получал от своих агентов, регулярно посылавшихся им на болгарскую границу, а также от приезжавших в Румынию болгарских и турецких купцов. С разрешения посланника в Бухаресте С.А. Поклевского, Яковлев привлекал к своей работе по разведке русских консулов в Журжево и Констанце⁹³¹. После вступления Румынии в войну Яковлев 19 октября 1916 г. вступил в исполнение обязанностей представителя флота при румынском Верховном командовании⁹³².

Штаб 7-й армии, сформированный в начале войны на основе штаба Одесского военного округа, имел налаженную еще в мирное время агентурную сеть в Румынии, однако разведывательное освещение Болгарии никогда прежде не вменялось ему в обязанность. Впоследствии руководство Одесского округа возлагало на высшее командование ответственность за слишком позднее разрешение начать разведку в Болгарии. В июле 1917 г. начальник штаба округа генерал Н.А. Маркс докладывал: «В разведывательном отделении штаба округа в мирное время велась агентурная разведка в Румынии; дружественные отношения с Болгарией не давали нам основания и права вести в этом государстве агентурной разведки. Слишком большая наша щепетильность была причиной того, что с возникновением войны воспрещено было, несмотря на неоднократные предложения штаба VII армии, организовать агентуру в Болгарии до ее выступления, и делать это пришлось уже после того, как Болгария стала в число наших противников»⁹³³. По словам Маркса, в данном случае полностью повторилась ситуация с разведкой в Турции, начать которую Ставка поручила штабу 7-й армии накануне самого вступления этой страны в войну.

Неизвестно, сковывало ли на самом деле высшее руководство руки одесским разведчикам в отношении работы по Болгарии. Так или иначе, ко времени начала разработки плана экспедиции на Балканы у штаба армии в Одессе не было собственных надежных источников разведывательной информации об этой стране. В ответ на запрос Алексеева

⁹³¹ Военно-морская агентурная разведка... С. 190–193 (Памятная записка капитана 2 ранга В.В. Яковлева. 20 апреля 1916 г.).

⁹³² РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Ед. хр. 3522. Л. 106. В.В. Яковлев — А.И. Русину. 19 октября 1916 г. № 271.

⁹³³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 1–4. Н.А. Маркс — генерал-квартирмейстеру штаба помощника августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта. 9 июля 1917 г. № 2042.

о данных разведки по обороне причерноморских областей Болгарии командующий 7-й армией генерал В.Н. Никитин докладывал в Ставку:

«Производство разведок болгарского побережья путем командирования на места особо подготовленных разведчиков представляется ныне почти невыполнимым, во всяком случае, потребует продолжительного времени и не обещает дать достаточных материалов ввиду особо строгих мер наблюдения, принятых Болгарией, а также затруднительности доставки донесений из Болгарии в Румынию. Вообще сбор материалов о болгарском побережье может быть организован путем учреждения в указанном районе агентурной сети, каковой в настоящее время штаб армии в Болгарии не имеет. К организации ее принимаются все меры, но получения более или менее удовлетворительных сведений можно ожидать лишь через несколько месяцев ввиду крайней затруднительности насаждения агентуры и установления связи при нынешних условиях надзора в Болгарии»⁹³⁴.

Работа русской разведки в Болгарии осенью 1915 г. действительно была серьезно затруднена широкомасштабными репрессивными мерами болгарских властей, эффективными усилиями местной полиции и контрразведки. Один из отчетов полковника Татарина, составленный им во второй половине ноября 1915 г., гласил: «Что касается выяснения положения на болгарском берегу Дуная, то это является делом в высшей степени трудным. Болгары сумели не только почти совершенно закрыть свои границы для въезда всех сколько-нибудь подозрительных лиц, но и настолько изолировать свои войска от общения с населением, что даже лица, живущие в Болгарии, не имеют почти никаких сведений о расположении войск. Вызванная политической необходимостью, эта мера сделала военную разведку в Болгарии делом чрезвычайно трудным, тем более что в связи с царящим там террором возможность при малейшем подозрении в шпионаже попасть на виселицу является очень и очень большой. Ввиду этого, все сведения о расположении войск, полученные с болгарского берега, бывают или явно ложны, или же представляют собой только слухи, степень достоверности коих очень невелика»⁹³⁵.

В этих сложных условиях, уже после начала подготовки к вторжению в Болгарию штаб 7-й армии предпринял попытку наладить агентурную разведку в этой стране. 18 октября начальник штаба 7-й армии генерал Н.П. Стремоухов докладывал в Ставку: «Отправлено пять лиц для учреждения агентурной сети в Болгарии и подготавливается еще несколько агентов, предназначенных для организации дополнительной агентурной сети и для кратковременных поездок в Болгарию с целью сбора сведений по

⁹³⁴ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 53.

⁹³⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3061. Л. 39 об.–40.

разведке»⁹³⁶. 25 октября Стремоухов доложил о состоявшейся отправке в Румынию еще трех человек для создания агентурной сети в Болгарии⁹³⁷.

Специально для ведения разведывательной деятельности на румынско-болгарской границе в последних числах октября 1915 г. было создано русское вице-консульство в городе Журжево на румынском берегу Дуная, напротив Рушук. Исполняющим обязанности вице-консула в Журжево был назначен титулярный советник Владимир Евгеньевич Беланович, выпускник Лазаревского института восточных языков, находившийся в 1914 г. в прикомандировании к посольству в Константинополе⁹³⁸, затем секретарь консульства в Битлисе. После вступления Турции в войну он исполнял обязанности секретаря вице-консульства в Дедеагаче (откуда его начальник В.Н. Гаджемуков активно вел разведку на турецкой и болгарской территории)⁹³⁹. С 27 марта 1915 г. Беланович был командирован на усиление состава консульства в Рушук, где также находился один из центров русской разведки в Болгарии⁹⁴⁰. Кроме того, с разведывательными целями в Журжево после вступления Болгарии в войну были командированы поручик Александр Анастасьевич Пичахчи из дунайской Экспедиции особого назначения и агент Русского Дунайского пароходства Карадимов⁹⁴¹. На болгарском берегу Дуная сохранилась агентура русской разведки; в частности, сведения об обороне Рушук и перевозках неприятельских войск доставлял оставшийся в этом городе драгоман русского генконсульства Николай Григорьевич Гарнаульт, канцелярский служащий 2-го Политического отдела МИД⁹⁴². Покидая Рушук, русский генконсул Щелкунов оставил Гарнаульту в прикомандировании к румынскому генконсульству. Он имел большой опыт сотрудничества с русской разведкой; так, известен случай, когда, еще служа в Видине, он выехал с детьми на загородную прогулку и изучал лагерное расположение болгарских войск, пока его дети «невиннейшим образом собирали полевые цветы»⁹⁴³. Впрочем, после вступления Болгарии в мировую войну работа Гарнаульту продолжалась недолго. В декабре 1915 г. он был интернирован, затем выслен вместе с семьей из Рушук и отдан под надзор властей⁹⁴⁴. Также властями Болгарии был

интернирован вместе со своей семьей и Кириаки Вазонов, агент Русского Дунайского пароходства в болгарском Рушук и румынском Турну-Северине⁹⁴⁵. Между прочим, этот хорошо разбиравшийся в местных делах человек был с детства знаком с Александру Авереску, одним из наиболее влиятельных румынских генералов, уроженцем села Бабеле (Озерное) под Измаилом. От него Вазонов получал некоторые важные сведения «из первых уст», что делало его особо ценным сотрудником для русской разведки.

Как мы видим, насаждение русской агентуры было затруднено достаточно суровыми репрессиями болгарских властей в отношении русско-подданных, застигнутых войной на территории Болгарии. По данным МИД России, 154 русских подданных были задержаны и интернированы в Ловче, еще 10 человек — в Севлиево⁹⁴⁶. Имелись сведения, что они были интернированы после бомбардировки русским флотом Варны⁹⁴⁷. Позже выяснилось, что русские подданные в Болгарии не были заключены в лагеря, однако они подверглись административной высылке из мест проживания и оказались лишены средств к существованию. Русское дипломатическое ведомство, при посредничестве голландского посланника в Софии, начало переговоры об их освобождении, для чего было вынуждено прибегнуть к угрозе санкций против болгар в России. Тогда 4 декабря 1915 г. правительство Болгарии разрешило выезд из страны русским подданным в числе свыше 60 человек⁹⁴⁸.

Болгарские источники подтверждают, что после вступления Болгарии в войну наиболее сильные центры русского шпионажа против нее находились в румынских портах на Дунае. Болгарский историк Светлозар Елдыров пишет, что у русского вице-консула Белановича в Журжево имелись специальные агенты для работы по Болгарии и более всего — по Рушук, лежащему на противоположном берегу Дуная. Там же, в Журжево, располагался штаб особой организации, предназначенной для диверсий против австро-германских речных транспортов и болгарских военных объектов в Рушук. Она состояла из 30 секретных агентов, а руководил ею местный начальник полиции Ант Антиманеску. В Турну-Северине русская военная разведка была представлена генштабистом-полковником Ратмановым (в действительности С.М. Ратманов был флотским лейтенантом, о нем см. ниже), агентурная сеть которого насчитывала 27 человек, включая и болгар. В Галаце шпионажем, пропагандой и подрывной деятельностью против Болгарии, по данным болгарской контрразведки, занималась груп-

⁹³⁶ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 116а–117.

⁹³⁷ Там же. Л. 246.

⁹³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1. Лит. Д. Т. 1. Л. 36 об.

⁹³⁹ АВПРИ. Ф. 192. Оп. 527. 1914 г. Ед. хр. 234. Л. 61.

⁹⁴⁰ Там же. 1915 г. Ед. хр. 235. Л. 12.

⁹⁴¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3061. Л. 38–40.

⁹⁴² Там же. Ед. хр. 3021. Л. 24.

⁹⁴³ Лебедев В.А. Поставщики секретной информации. Разведывательная деятельность МИДа Российской империи в начале XX века // Независимое военное обозрение. 2002. 30 августа.

⁹⁴⁴ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. 1916 г. Ед. хр. 2450. Л. 4–5; Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1915 г. Ед. хр. 4415. Л. 36–49.

⁹⁴⁵ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. 1917 г. Ед. хр. 5630. Л. 1–4.

⁹⁴⁶ Там же. 1916 г. Ед. хр. 8219. Л. 6.

⁹⁴⁷ Там же. 1915 г. Ед. хр. 8213. Л. 15.

⁹⁴⁸ Там же. Л. 4, 14, 20

па из 12 человек под руководством русского генконсула Картамышева и директора Русского Дунайского пароходства Владовича⁹⁴⁹.

И действительно, русская разведка на Дунае, и в первую очередь поручик Пичахчи, работала в высшей мере энергично, занимаясь не только агентурной разведкой, но и диверсионной деятельностью на ставшем вражеским болгарском берегу Дуная. 3 февраля 1916 г. Пичахчи докладывал командующему ЭОН контр-адмиралу М.М. Весёлкину: «Доношу, что командированные мною в Болгарию и возвратившиеся оттуда 2 агента Вучетич и Ламбрино[с] донесли мне, что 22-го сего января ими сожжен склад керосина, бензина и смазочных материалов, находящийся в г. Рущуке. Один из агентов, Марко Вучетич, был арестован болгарскими властями г. Рущука по подозрению в поджоге указанного склада, но по недостатку улик был освобожден. При сем прилагаю № издающейся в г. Рущуке болгарской газеты “Ратник” от 24-го января за № 1448 с описанием указанного пожара»⁹⁵⁰. Согласно газетному сообщению, пожар начался в 4 1/2 часа пополудни. Запасы бензина были складированы прямо на берегу Дуная, около пристани. По одной из версий властей, горючие материалы, сложенные всего в 2–3 метрах от железной дороги, могли быть подожжены паровозными искрами. Пожар бушевал до 8 часов вечера; участие в тушении принимал и австрийский военный монитор со своей машиной. К 10 часам вечера, когда пожар был окончательно потушен, сгорело около 20 000 бочек бензина⁹⁵¹.

Действия агентов, которых поручик Пичахчи отправлял в Болгарию, были сопряжены с огромными трудностями и риском, а сведения от них поступали с неизбежными задержками. Так, 17 декабря болгарин Петков (агент № 7) отправился в Горную Ореховицу, небольшой болгарский город в долине Дуная. Оттуда он выехал в Эски-Джумаю, где обнаружил в казармах Силистрийского полка 6–7 тыс. германских солдат, затем в Попово, где находился штаб 4-й болгарской пехотной дивизии, и в Разград. 23 декабря Петков выехал на поезде в Шумлу, 24 — в Варну. Увидеть что-то ценное в пути ему не удалось, так как стекла в вагонах были покрашены. 26 декабря агент № 7 прибыл в Разград. Там он был арестован на 5 суток, поскольку у него не оказалось разрешительных документов. Местный градоначальник и начальник тюрьмы допрашива-

⁹⁴⁹ Елдров С. Шпионаж, контрашпионаж и шпиономания в България през световната война 1914–1918 г. // Сборник в памет на ст.н.с. I ст. д.и.н. Радослав Попов / съст. Е. Стателова. София, 2005. С. 48.

⁹⁵⁰ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 1004. Л. 3–5. А.А. Пичахчи — М.М. Весёлкину. 3 февраля 1916 г. № 31. Об этом же эпизоде упоминает М. Алексеев (см.: Алексеев М. Военная разведка России... Кн. 3, ч. 2. С. 75).

⁹⁵¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 1004. Л. 3–5. А.А. Пичахчи — М.М. Весёлкину. 3 февраля 1916 г. № 31.

ли его с побоями. После допросов Петков пролежал 18 дней, затем был переведен в больницу, откуда ему удалось выписаться лишь 28 января. Для освобождения ему пришлось дать рушукскому градоначальнику взятку в 200 левов. Подчиненный Петкову агент Иван Илиев 15 декабря отправился на разведку по маршруту Тырново–Габрово–Стара Загора и 17 декабря встретился с Петковым в Горной Ореховице. Составленные по итогам поездки донесения обоих агентов Пичахчи в целом содержали достаточно ценные, хотя и фрагментарные сведения о диспозиции неприятельских войск в Северной Болгарии. Разведка методом маршрутного наблюдения вряд ли могла дать более подробные данные. Тем не менее Петкову и Илиеву удалось составить схемы болгарских окопов на берегу Дуная у Систова и Сомовита⁹⁵². В конце декабря 1915 г. в Болгарию по торговым делам отправился другой сотрудник Пичахчи — Контушев (агент № 9), живший в окрестностях Силистрии. Ему удалось осмотреть сухопутную румыно-болгарскую границу в Добрудже, где он обнаружил укрепления в виде пяти рядов окопов, усиленных колючей проволокой, фугасами и волчьими ямами⁹⁵³.

Присутствие в маленьком Журжево сразу двух резидентов русской разведки — Белановича и Пичахчи — ощутимо стесняло их обоих. 4 февраля 1916 г. Беланович докладывал своему начальству в МИД, что военная разведка в Журжевском округе была полностью налажена и перешла в ведение ЭОН и ее офицера-специалиста, живущего в Журжево (т.е. Пичахчи). В связи с этим Беланович свое дальнейшее пребывание в этом городке называл бесполезным⁹⁵⁴. В ответ на это второй неофициальный морской агент в Румынии кавторанг В.В. Яковлев сообщил 18 февраля, что, по словам представителя ЭОН капитана Найдёнова, их офицер из Журжево должен был быть переведен в Бухарест для продолжения там своей работы. Ожидалось, что после этого Беланович будет менее стеснен в организации работы и сможет, используя свое служебное положение, приносить несомненную пользу делу⁹⁵⁵.

Вполне естественно, что русские власти предпринимали попытки использовать в целях разведки и представителей весьма многочисленной болгарской общины в России. После вступления Болгарии в мировую войну всем болгарским подданным был запрещен выезд из Российской империи, однако, по постановлению Совета министров от 13 ноября 1915 г., всем болгарским подданным-христианам было разрешено оставаться на местах постоянного жительства на тех же льгот-

⁹⁵² Там же. Л. 6–11. А.А. Пичахчи — М.М. Весёлкину. 4 февраля 1916 г. № 32.

⁹⁵³ Там же. Л. 12–14.

⁹⁵⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1915 г. Ед. хр. 4348. Л. 14. В.Е. Беланович — в МИД. 4 февраля 1916 г. № 31.

⁹⁵⁵ Там же. Л. 15. В.В. Яковлев — в МИД. 18 февраля 1916 г. № 697.

ных условиях, какими тогда пользовались в России христиане Османской империи. За ними были оставлены все права; никто из них не был выслан в другие губернии⁹⁵⁶. Те болгары, кто считался особо преданными России, вообще были освобождены от всяких ограничений⁹⁵⁷. Руководство МВД империи было недовольно таким решением и в январе 1916 г. подняло перед Сазоновым вопрос об отмене поправок для болгарских подданных в России, мотивируя это благоприятными условиями для их шпионской деятельности в пользу противника и репрессиями против русских в Болгарии⁹⁵⁸. Любопытно, что «болгарский вопрос» непосредственно затронул даже высший эшелон политической полиции Российской империи — так вышло, что с 6 сентября по 23 ноября 1915 г. директором Департамента полиции был этнический болгарин — Русчу (Гавриил) Георгиевич Моллов, однако вскоре после начала войны с Болгарией он был освобожден от должности.

Несмотря на обоснованные возражения МВД, в решении имперского руководства не применять санкций в отношении болгарских подданных было разумное зерно. Русское военное командование справедливо надеялось найти естественных добровольных помощников среди представителей 60-тысячной болгарской диаспоры, проживавшей на Юге России с конца XVIII в. и особенно после войн России с Турцией 1828–1829 и 1853–1856 гг. Организационным центром этой диаспоры было Одесское болгарское настоятельство, созданное с разрешения Николая I во время Крымской войны, в 1854 г. Находясь под покровительством русских церковных властей, настоятельство стало мощным источником просветительской и пропагандистской работы среди болгар по обе стороны Дуная и сыграло огромную роль в болгарском национальном пробуждении и освобождении.

В 1915 г. многие представители болгарской общины были готовы сотрудничать с русскими властями, причем большинство — не из отвлеченных побуждений бескорыстного русофильства. Как это бывало всегда в мировой истории, начало войны между двумя государствами, в данном случае между Россией и Болгарией, создало огромную угрозу благополучию и всему укладу жизни представителей этнической общины на территории чужой страны. Поэтому главным побудительным мотивом для болгарской диаспоры на Юге России стало стремление любой ценой избежать репрессий со стороны властей.

Председателем Одесского настоятельства был богатый болгарский купец Иван Дмитриев Рашеев, подданный Болгарии. Он был женат на русской и содержал в Одессе посредническую контору с годовым оборо-

том в 20 тыс. руб. и доходом в 10 тыс. руб., а также владел складским помещением для хранения кож. Как отзывался о нем начальник Одесской контрразведки, Рашеев «выдает себя за большого русофила»⁹⁵⁹. После вступления Болгарии в войну на стороне врагов России Рашеев начал активно сотрудничать с русской военной разведкой. Год спустя, в августе 1916 г., начальник штаба Одесского военного округа генерал Н.А. Маркс сообщил в Генштаб: «Болгарско-подданный Иван Дмитриевич Рашеев проживает в Одессе более 20-ти лет и оказывает услуги разведывательному отделению с момента выступления Болгарии. По поручению бывшего командующего 7-й армией, генерала Никитина, Рашеев организовал в Болгарии разведывательное звено и несколько раз командировался в течение войны в Румынию для осведомления настроений Болгарии и распространения наших воззваний к болгарскому народу. Рашеев оказывал и продолжает оказывать штабу округа ценные услуги»⁹⁶⁰.

Сложно судить, насколько полезной для русской разведки была в действительности работа Рашеева, однако ему самому она точно принесла то, что он хотел. 7 мая 1916 г. император утвердил положение Совета министров об установлении ограничительных мер в отношении болгарских подданных. Но в июле 1916 г. штаб Одесского округа возбудил перед Особым комитетом по борьбе с немецким засильем ходатайство об освобождении комиссионной конторы Рашеева от ликвидации, мотивируя это пользой, которую ее хозяин приносил России своей службой. Подчеркивалось, что эта контора была необходима ему для его заграничной разведывательной деятельности. В итоге Рашеев получил искомое послабление, однако лишь на время его работы на русскую разведку.

Другим активным сотрудником русской разведки из числа этнических болгар стал поручик 9-го Кавказского стрелкового полка Георгий Иванов Капчев, представитель известной в Болгарии русофильской семьи и член бюро Одесского настоятельства. Его отец был одним из командиров болгарского Ополчения и сражался на Шипке, а дядя, Георгий Капчев-старший, уроженец македонского Охрида, видный болгарский революционер и общественный деятель, в свое время был близким соратником и семейным врачом Джузеппе Гарибальди. Семейство Капчевых имело тесные связи с Россией и было обласкано российскими властями. Осенью 1915 г. Георгий Капчев-младший находился в прикомандировании к штабу Одесского военного округа, в качестве переводчика. Вместе с Рашеевым он выполнял ряд конфиденциальных поручений разведывательного отделения штаба. Жена Капчева оставалась в Болгарии и избежала ареста, однако имелись сведения, что

⁹⁵⁶ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. 1915 г. Ед. хр. 8213. Л. 23.

⁹⁵⁷ Там же. 1916 г. Ед. хр. 8219. Л. 8–9.

⁹⁵⁸ Там же. Ед. хр. 8218. Л. 8–10 об.

⁹⁵⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 1442. Л. 7. М.И. Занкевич — П.И. Аверьянову. 22 августа 1916 г. Б.н.

⁹⁶⁰ Там же. Л. 5. Н.А. Маркс — в Огеньвар. 19 августа 1916 г. № 2993/Р.

у нее было отобрано все имущество и она находилась в большой нужде. Взрослый сын Капчева воевал на фронте в рядах русской армии⁹⁶¹.

Купец Иван Рашеев и поручик Георгий Капчев проявляли кипучую энергию, стремясь помочь русскому делу в Болгарии и подчас выходя в своих замыслах за пределы реального. Так, 10 октября 1915 г. они представили военному министру А.А. Поливанову проект формирования в южных русских губерниях добровольческого легиона из болгарских эмигрантов, численностью от 20 до 30 тыс. человек, с помощью которого авторы плана рассчитывали свергнуть кобурский режим в Софии и затем захватить Константинополь. Современный российский исследователь Г.Д. Шкундин справедливо оценивает данный проект как «химический»⁹⁶². Также Рашеев и Капчев, при поддержке и одобрении директора Департамента полиции Р.Г. Моллова, 2-го Политического отдела МИД и военного министра, организовали 11 октября и 22 ноября многочисленные собрания болгар, проживавших в Одессе и ее окрестностях. Были приняты резолюции, в которых подчеркивалась верность болгарской общины Российской империи, и воззвания к народу Болгарии с призывом бороться против режима Фердинанда Кобурга. Однако практической пользы все эти речи и обращения принести не могли⁹⁶³. В январе 1916 г. Рашеев и Капчев возбудили перед ГУГШ ходатайство об отпуске им денег на издание в Бухаресте газеты на болгарском языке, с целью распространения ее в Болгарии. Начальство Генштаба переадресовало их в штаб Одесского округа, и, насколько можно судить, этот проект так и не был реализован⁹⁶⁴.

В январе 1916 г. Капчев получил направление в 413-й Порховский пехотный полк, однако уже совсем скоро он был прикомандирован к ГУГШ⁹⁶⁵. С 7 марта 1916 г. поручик Капчев работал в Огенкваре (официальный приказ о прикомандировании состоялся 16 апреля)⁹⁶⁶. По службе в ГУГШ Капчев характеризовался как «серьезный и добросовестный работник, которому поручалась самостоятельная и ответственная деятельность»; он владел балканскими языками, в том числе основательно знал румынский и турецкий. Капчев занимался переводами газетных статей, составлял аналитические очерки «Современное положение Болгарии» и «Современное положение Румынии»⁹⁶⁷.

В сентябре 1916 г., после вступления Румынии в войну на стороне Антанты и в разгар ожесточенных боев русских экспедиционных сил в Добрудже, Генштаб принял решение направить Рашеева и Капчева в Румынию с «серьезным совершенно секретного характера поручением» — для организации, под контролем штаба Одесского военного округа, русофильской пропаганды у себя на родине в Болгарии⁹⁶⁸. Из секретных сумм ГУГШ они получили 1186 руб. 42 коп. подъемных и прогонных (на обоих), суточных на 30 дней по 50 франков и еще по 3 тыс. франков каждому. Кроме того, для их нужд в Румынию было переведено дополнительно 5 тыс. рублей. 7 октября Капчеву и Рашееву было предписано немедленно отправляться в Бухарест и начать работать там под руководством военного агента В.А. Палицына. Однако тот, узнав по телеграфу об их командировке, начал возражать: «Доношу, что поручик Капчев известен в Румынии как лицо, занимавшееся здесь тайной разведкой, вообще неблагонадежное, и посему появление его в Бухаресте с русским паспортом может вызвать неприятности; до получения указаний денег полагал бы не выдавать»⁹⁶⁹.

И вновь руководство Генштаба проявило безвольность и непоследовательность в своих действиях. 25 октября командированные болгары прибыли в Бухарест и явились к Палицыну, а тот, по новому распоряжению руководства ГУГШ, выдал им 3 тыс. леев и предложил продолжить свою работу из Кишинёва или Одессы. Иными словами, Капчеву и Рашееву было предложено убраться несолоно хлебавши. 27 октября они покинули Бухарест⁹⁷⁰. В дальнейшем Капчев и Рашеев продолжали заниматься аналитической и пропагандистской работой по Болгарии, однако никаких серьезных успехов они добиться были не в состоянии, да и не могла их деятельность хоть немного ослабить последствия той катастрофы, которая уже произошла в русской политике и стратегии на болгарском направлении.

В общем, можно заключить, что, несмотря на все описанные трудности в организации и ведении разведки в Болгарии накануне и особенно после ее вступления в мировую войну на стороне вражеской коалиции, руководство Российской империи получало достаточные объемы качественной разведывательной информации по этой стране, в том числе и агентурного происхождения. Иными словами, добывающие органы русской разведки не могут считаться ответственными за трагические неудачи России на болгарском направлении в годы Первой мировой войны.

⁹⁶¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 875. Л. 29.

⁹⁶² Шкундин Г.Д. Болгарская дилемма в дипломатической стратегии Антанты (октябрь 1915 года) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1999. С. 170–171.

⁹⁶³ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. 1915 г. Ед. хр. 8201. Л. 1–1 об.; Ед. хр. 8202. Л. 1–2, 26–27.

⁹⁶⁴ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 977. Л. 5–5 об. М.Н. Леонтьев — Н.А. Марксу. 22 января 1916 г. № 150.

⁹⁶⁵ Там же. Ед. хр. 885. Л. 346–351.

⁹⁶⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 8232. Л. 2.

⁹⁶⁷ Там же. Л. 10–12 об.

⁹⁶⁸ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 1442. Л. 8–15; Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 885. Л. 354–372.

⁹⁶⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 8232. Л. 16. В.А. Палицын — М.И. Занкевичу. 11 октября 1916 г. № 1648.

⁹⁷⁰ Там же. Л. 18, 23, 24, 32, 35–36 об.

Глава 11
ГРЕЦИЯ:
МАЛОЛЮДЬЕ
И АГЕНТУРНОЕ БЕССИЛИЕ

Деятельность русского военного агента в Греции полковника П.П. Гудим-Левковича на поприще тайной агентурной разведки не была увенчана заметными достижениями, хотя в 1914–1916 гг. он потратил на это 81 848 драхм⁹⁷¹. В круг его обязанностей входило разведывательное изучение как самой Греции, так и Османской империи, прежде всего района Константинополя и Проливов. Разведку в Турции Левкович пытался вести через посылаемых туда наемных агентов, из числа случайных людей, в основном греческого происхождения⁹⁷². Как отмечает историк М. Алексеев, «в поле зрения Гудим-Левковича попадали, судя по всему, перспективные для разведки лица, но правильно организовать работу с ними он не смог»⁹⁷³. В подтверждение этого он приводит следующий фрагмент из донесения Левковича в ГУГШ: «На месте, в Афинах, мне удалось заполучить на службе доверенное лицо турецкого военного агента, бывшего турецкого офицера. Он сообщил мне довольно интересные сведения, я ему платил 200–250 драхм в месяц, плюс наградные, и по отъезде в Салоники передал его морскому агенту. Большинство его сведений получалось от этого агента»⁹⁷⁴.

Руководство Огенквара было готово всемерно поддерживать разведку из Афин против Турции. 26 декабря 1914 г. генерал Леонтьев телеграфировал военному агенту в Греции: «Ввиду крайней желательности установить прочную связь с Турцией, благоволите войти в

⁹⁷¹ Отчет П.П. Гудим-Левковича о результатах его работы в Греции в годы войны был найден К.К. Звонарёвым, который счел возможным, в свойственной ему необъективной и некорректной манере, вдоволь поиздеваться над «этим совершенно безграмотным в отношении разведки полковником Генерального штаба», попавшим на военно-агентский пост, по бесосновательной догадке Звонарёва, благодаря чьей-то протекции. Комментарий Звонарёва к отчету Левковича можно назвать образцом тенденциозного по сути и некорректного по форме подхода к документальному источнику (см.: *Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 201–205).*

⁹⁷² Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 123–126.

⁹⁷³ Там же. С. 126.

⁹⁷⁴ Там же.

сношения с нашим консулом в Смирне, любезно предложившим во время моего пребывания в Афинах свое полное содействие в организации этой связи через посредство островов и Смирнского побережья. Необходимые средства Вам переводятся, и в случае надобности будут сделаны дальнейшие ассигнования»⁹⁷⁵.

Однако успешно решать такие задачи было непросто. Подобно прочим военным агентам, Гудим-Левкович жаловался на отсутствие помощников и на огромное бремя канцелярской работы. После начала Дарданелльской операции военные представители западных союзников в Греции получили в свое распоряжение обширные штаты помощников, а Левкович оставался один как перст. 27 мая 1915 г. он писал Леонтьеву: «Позволю себе доложить следующее: у моего английского коллеги есть особая организация службы разведки по Турции; другая будет по наблюдению за Пиреем; у французского коллеги есть помощник капитан и секретарь. Мне приходится вести разведку по Турции и наблюдать за Грецией, быть — писарем. Одна регистрация и подбор сведений, а главное, наше сложное шифрование берет массу времени; все это в ущерб деятельности вне письменного стола. Не найдете ли Ваше превосходительство возможным перевести сюда из Каира Шелковникова, у коего есть уже своя организация разведки и который, разгрузив меня, дал бы мне возможность больше работать вне дома для пользы дела. Одно просматривание турецких и греческих [газет] берет несколько часов. Военные агенты обмениваются сведениями; им это легко: это делают писаря; мне приходится самому все писать, переводя по-французски. Казне обойдется недорого перевести Шелковникова из Египта сюда»⁹⁷⁶. Двумя днями позже Левкович докладывал в развитие мысли предыдущей телеграммы: «Мне приходится быть и регистратором, и писарем; особенно много времени отнимает наше сложное шифрование, где надо шифровать каждую букву; оно особенно затруднилось теперь, когда показатель простого шифра, бывший до сих пор один, ныне разный для Огенквара и других агентов; приходится употреблять всегда сложный шифр, когда надо послать депешу в Огенквар с копиями в РОШКВО (разведывательное отделение штаба Кавказского военного округа. — В.К.) и Батомар (разведывательное отделение штаба 7-й армии. — В.К.)»⁹⁷⁷. Здесь же военный агент опять просил сделать его помощником по канцелярской работе Шелковникова, на отзывании которого из Каира в те

⁹⁷⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 547. Л. 56. М.Н. Леонтьев — П.П. Гудим-Левковичу. 26 декабря 1914 г. № 16200.

⁹⁷⁶ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 3804. Л. 41. П.П. Гудим-Левкович — М.Н. Леонтьеву. 27 мая 1915 г. № 559.

⁹⁷⁷ Там же. Л. 48–49. П.П. Гудим-Левкович — М.Н. Леонтьеву. 29 мая 1915 г. № 176.

дни настаивал штаб Кавказской армии. Левкович писал: «Мелочи, писарская работа и т.п. приковывает меня к письменному столу в ущерб столь необходимой деятельности вне дома»⁹⁷⁸.

Борис Иванович Шелковников⁹⁷⁹, о котором просил военный агент, был интересной личностью. История его жизни и службы представляется достаточно симптоматичной для ряда проблем русской военной разведки того времени. В 1902 г. Шелковников, будучи штабс-капитаном 7-й артиллерийской бригады, окончил офицерские курсы восточных языков и был рекомендован тогдашним главой военной разведки В.П. Целебровским штабу Кавказского военного округа. В 1902–1903 гг. он совершил разведывательную поездку по району VI корпуса турецкой армии. Ряд печатных работ Шелковникова, в одной из которых в апреле 1904 г. он впервые дал верный прогноз будущего младотурецкого переворота, привлекли внимание начальства. 9 марта 1905 г. Шелковников по докладу Главного штаба был назначен на должность вице-консула в Хаме (Турция), с переименованием в гражданский чин титулярного советника. Сохраняя все права и преимущества военной службы и состоя в ведении штаба Кавказского военного округа, Шелковников выполнял функции негласного военного агента в районе V турецкого корпуса. Не будучи генштабистом, он находился, однако, на хорошем счету у руководства палицынского ГУГШ, которое, по его словам, даже обещало ему в будущем должность военного агента в одном из балканских государств⁹⁸⁰.

23 октября 1914 г. Шелковников, вместе с другими русскими консулами, был арестован турками в Бейруте и лишь 12 декабря, после множества перенесенных издевательств и лишений, смог вернуться в Одессу через Болгарию. Там он получил предписание ехать в Египет, куда и выехал 21 декабря через Сербию и Салоники. В Афинах он договорился с полковником Гудим-Левковичем, что будет отсылать свои телеграммы в Россию через него. Прибыв в Каир, Шелковников восстановил связь со своим прежним бейрутским агентом, который еженедельно с итальянским пароходом передавал ему сведения. При содействии МИД Шелковников был представлен английскому командующему в Египте генералу Джону Максвеллу и получил полный доступ к сведениям разведывательного отделения его штаба, с которым он также делился своими данными об обстановке в Сирии⁹⁸¹.

⁹⁷⁸ Там же.

⁹⁷⁹ В справочнике М.К. Басханова «Русские военные востоковеды до 1917 года» и других работах его отчество ошибочно указано как «Алексеевич».

⁹⁸⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 169–171. Б.И. Шелковников — В.П. Целебровскому. 3 мая 1909 г. Б.н.

⁹⁸¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3804. Б.И. Шелковников — генерал-квартирмейстеру полевого штаба Кавказской армии. 4 апреля 1915 г. № 39.

Однако «русского Лоуренса» из вице-консула не вышло. У него возник серьезный конфликт со штабом Кавказской армии, который обвинил Шелковникова в том, что, хотя с августа 1914 по май 1915 г. ему было переведено 13 675 руб., он не представил ни одного серьезного сведения о Турции и турецкой армии⁹⁸². Данилов-«черный» также заявил, что всегда считал деятельность Шелковникова малополезной. Сам титулярный советник неоднократно просил о возвращении на военную службу и об отправке на фронт, где у него служили два брата и все товарищи. Шелковников считал, что в действующей армии сможет быть полезен родине своими обширными знаниями Турции и ее вооруженных сил. Однако генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии Л.М. Болховитинов, непримиримо относившийся к Шелковникову, категорически заявил о невозможности любого его назначения на Кавказ⁹⁸³. Позднее Болховитинов дал убийственный и, думается, пристрастный отзыв о работе Шелковникова в Египте. Он писал: «Подполковник Шелковников, когда работал в начале войны по агентуре для Кавказа, то более всего заботился о своих личных интересах, а не о деле. Порученную ему крайне важную и ответственную работу вел лениво, небрежно недопустимо и был лишь трудолюбив по части испрашивания денежных авансов. Это обстоятельство заставило усердно просить изъять штаб Кавказской армии от подобного агента. Мое заключение об этом агенте: он вреден, раз во время войны ленив и небрежен»⁹⁸⁴.

В мае 1915 г. генерал Леонтьев рассматривал возможность назначения Шелковникова переводчиком в штаб отряда, который предполагалось начать формировать во Владивостоке для отправки на Балканы и Галлиполи; также не исключалось зачисление бывшего вице-консула в резерв чинов при штабе Одесского военного округа, где он мог пригодиться при подготовке десантного отряда для высадки на Босфоре. Однако Данилов был против, считая Шелковникова не подходящим для этих должностей⁹⁸⁵. Полковник Гудим-Левкович заступился за Шелковникова, подтвердив, что включал получаемые от того сведения из Каира в свои донесения в Огенквар. Военного агента удивляло недовольство работой Шелковникова со стороны Тифлиса, тем более что сами чины штаба Кавказской армии признавали огромную трудность ведения глубокой разведки в Турции⁹⁸⁶. В итоге начальство удовлетворило ходатайство Левковича, и, после согласования с МИД, по

⁹⁸² Там же. Л. 11–12. Ю.Н. Данилов — М.Н. Леонтьеву. 12 мая 1915 г. № 551.

⁹⁸³ Там же. Л. 13–14, 24.

⁹⁸⁴ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 27. Л.М. Болховитинов — генкварверху. 9 декабря 1916 г. № 3346.

⁹⁸⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3804. Л. 34–34 об., 43.

⁹⁸⁶ Там же. Л. 22. П.П. Гудим-Левкович — в Огенквар. 19 мая 1915 г. № 552.

высочайшему приказу от 17 июля 1915 г., Шелковников был переведен на военную службу, с назначением в резерв чинов при управлении дежурного генерала штаба 7-й армии, с переименованием в подполковники и зачислением по полевой легкой артиллерии⁹⁸⁷. По пути из Египта в Одессу Шелковников был задержан в Афинах и получил временное назначение в распоряжение военного агента в Греции. Разведывательный пункт в Каире был ликвидирован.

В качестве помощника полковника Гудим-Левковича Шелковников больше не занимался разведкой самостоятельно, а выполнял канцелярскую работу. Военный агент характеризовал его как усердного и добросовестного сотрудника, ценного помощника⁹⁸⁸. При этом Шелковников получал скудное, по местным ценам и валютному курсу, денежное содержание, которое даже не покрывало стоимости его проживания с женой в дешевой афинской гостинице. Левкович признавал, что из-за этого Шелковников попал в «безвыходное положение»⁹⁸⁹.

Наконец, 19 июня 1916 г. Шелковников выехал из Афин и отправился в Россию кружным путем через Европу, предполагая вернуться на строевую службу. Однако во Франции он, с разрешения руководства Генштаба, был временно оставлен в распоряжении русского военного агента генерала А.А. Игнатьева и, по просьбе французского Главного командования, направлен во французское географическое бюро, где выполнял работу по Сирии⁹⁹⁰. Очевидно, французские специалисты гораздо выше оценили профессиональные знания и опыт Шелковникова, чем его собственное начальство. В ноябре 1916 г. русский Генштаб рассматривал вопрос о повторном прикомандировании Шелковникова к новому военному агенту в Греции полковнику Г.А. Муханову, который должен был сменить Гудим-Левковича. Однако запрошенный штаб Кавказской армии вновь дал резко отрицательный отзыв о целесообразности командировки Шелковникова за границу⁹⁹¹. По всей видимости, в Грецию он так больше и не вернулся.

В лице Б.И. Шелковникова русский Генштаб и военная разведка имели многоопытного знатока турецкого Ближнего Востока, однако в условиях мировой войны они начали ставить ему трудновыполнимые задачи по агентурной разведке. Судя по всему, справлялся он с ними неблестяще, и собственное начальство поставило на нем крест. В итоге Шелковников вынужден был заниматься канцелярской и переводческой работой. Вряд ли это можно назвать примером вдумчивого и

⁹⁸⁷ Там же. Л. 53, 57–58, 63, 72.

⁹⁸⁸ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 61–61 об. П.П. Гудим-Левкович — М.Н. Леонтьеву. 1 марта 1916 г. № 785.

⁹⁸⁹ Там же. Л. 45. П.П. Гудим-Левкович — в Огенквар. 26 января 1916 г. № 766.

⁹⁹⁰ Там же. Л. 42–44, 55.

⁹⁹¹ Там же. Л. 26.

рационального использования ценных кадров со специальной военно-востоковедческой подготовкой.

Сам военный агент в Афинах полковник Гудим-Левкович тоже не мог похвастаться большим опытом или особыми способностями к тайной агентурной разведке. Самое крупное его достижение в этой области обернулось плачевным провалом, вновь продемонстрировавшим недостаток опыта агентурной работы у официальных представителей русского Генштаба. В августе 1915 г. в Греции разгорелся огромный скандал, когда выяснилось, что нанятые Гудим-Левковичем сотрудники местного телеграфа занимались кражей секретных телеграмм германской миссии. Дело сложилось так. Русский военный агент привлек к сотрудничеству афинского корреспондента информационного агентства «Гавас» некоего Мартона, которому он крайне неосторожно выплачивал вознаграждения чеками Ионического банка за своей собственной подписью. Мартоном, в свою очередь, были подкуплены греческие телеграфисты, которые передавали ему для русского военного агента подлинники телеграмм германской миссии. На телеграфе оставались переписанные копии, что также было явной неосторожностью. К делу о покупке телеграмм оказались причастны корреспонденты суворинского «Нового времени» Мануилов (скорее всего, это был знаменитый «русский Рокамболь» И.Ф. Манасевич-Мануйлов, мошенник-авантюрист на службе политического сыска) и Семёнов, которые при проезде через Афины по поручению полковника Гудим-Левковича вошли в сношение с неким Папасом, корреспондентом «Эко де Пари». Дело получило огласку. Четверо причастных к нему лиц, включая Мартона и Папаса, были арестованы и преданы суду. Причастность русского военного агента была выяснена показаниями подсудимых, а также простым сопоставлением дат на чеках, времени выплаты денег телеграфистам и пропажи телеграмм⁹⁹².

Германофильская пресса активно раздувала скандал, особо подчеркивая факт пропажи одной личной телеграммы греческого короля кайзеру Вильгельму. Русский военный агент в разговоре с посланником Е.П. Демидовым признался в участии в деле с телеграммами, но отрицал приобретение королевской телеграммы и настаивал на умышленном сокрытии ее германцами для увеличения скандала. Сведения о причастности Гудим-Левковича, русской миссии и приезжих журналистов попали на страницы печати. Правительственная и проантантовская венизелитская пресса пыталась замять скандал, делая акцент на продажности греческих чиновников и на том, что все военные агенты действуют во благо своего отечества. Тем не менее Гудим-Левкович оказался глубоко скомпрометирован и попал под при-

⁹⁹² АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Ед. хр. 78. Л. 56–57.

стальное наблюдение местной полиции и контрразведки. Он сам докладывал, что его возможности собирать разведывательные сведения о Греции и ее армии были практически парализованы. Произошло это как раз в тот судьбоносный момент, когда в сентябре 1915 г. начиналось наступление группы армий генерал-фельдмаршала Августа фон Макензена против Сербии, войска союзников высаживались в Салониках и как никогда остро стоял вопрос о планах и намерениях греческого руководства. Несмотря на это, в сентябре 1915 г. начальник русского Генштаба настаивал перед С.Д. Сазоновым на необходимости оставления Гудим-Левковича на должности военного агента. Тот продолжал занимать этот пост до ноября 1916 г., однако в итоге все же воспринял свое последовавшее смещение как результат скандала с телеграммами и «предательства» со стороны своего начальства в ГУГШ, которое, как он писал, «спокойно отвернулось от меня и доставило столько радости германофильствующим элементам здесь». «Ведь я не виноват, что понадобились копии шифрованных германских депеш и что посланник раболепствует перед греческим королем», — утверждал Левкович⁹⁹³. Однако не подлежит сомнению, что сам русский военный агент в Афинах проявил легкомыслие и непрофессионализм в области агентурной работы. «Очень уж тяжело на душе за незаслуженное увольнение в угоду враждебных нам элементов», — жаловался Левкович⁹⁹⁴, и начальство было вынуждено неоднократно уверять его, что замена никак не была связана со скандалом вокруг похищенных телеграмм.

Уже весной 1916 г. вопрос об отозвании Левковича с поста военного агента в Греции стоял в Генштабе на повестке дня. Касаясь этого в своей докладной записке, Леонтьев писал: «Со своей стороны, признавая в работе полковника Гудим-Левковича некоторые недостатки, отчасти объясняемые некоторыми личными особенностями, я все же полагал бы, что означенная работа имеет и много хороших сторон, причем прежде всего необходимо отметить особенно отличающую полковника Гудим-Левковича правдивость, искренность и благородство побуждений, которые не могут не отражаться в хорошем смысле и на его донесениях»⁹⁹⁵. Если со стороны главы Огенквара это была попытка заступиться за своего подчиненного, то, надо признать, выглядела она довольно беспомощно.

27 мая 1916 г. император Николай II дал согласие на назначение Гудим-Левковича представителем русской армии при Главной квартире

⁹⁹³ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 58. Л. 3–5. П.П. Гудим-Левкович — генерал-квартирмейстеру ГУГШ. 24 января 1917 г. № 927.

⁹⁹⁴ Там же. Ед. хр. 97. Л. 145. П.П. Гудим-Левкович — генерал-квартирмейстеру ГУГШ. 25 октября 1916 г. № 25085.

⁹⁹⁵ Там же. Ед. хр. 87. Л. 63–64 об. Леонтьев М.Н. Докладная записка по ГУГШ. 26 апреля 1916 г. № 12024.

англо-французской армии в Салониках, с оставлением его в должности военного агента в Афинах. Сам Левкович убеждал начальство, что сможет беспрепятственно продолжать свою работу по военной агентуре и из Салоник. Однако очень скоро выяснилось, что успешно совмещать два поста он был не в состоянии. Летом 1916 г. военное ведомство рассматривало вопрос о возложении части прежних обязанностей Левковича на русского военно-морского агента в Греции капитана 1-го ранга А.А. Макалинского. Морской Генштаб согласился на такое совмещение, но лишь на короткий срок, и просил скорее прислать в Афины заместителя Левковича, ибо Макалинский был перегружен своей работой⁹⁹⁶. Но лишь 13 ноября 1916 г. император утвердил предложенную Генштабом кандидатуру нового военного агента в Греции; им стал начальник штаба 2-й Сибирской стрелковой дивизии полковник Г.А. Муханов, 42-летний уроженец Петроградской губернии, ветеран Маньчжурской кампании, в течение полутора лет командовавший полком на фронтах мировой войны⁹⁹⁷.

Однако опыта военно-дипломатической или агентурной работы Муханов не имел, а время для развертывания в Греции эффективной разведывательной организации было уже упущено. К чести Муханова, он достаточно быстро это осознал и откровенно докладывал начальству о своей неспособности добиться успехов в сложившихся условиях. В середине апреля 1917 г. он отправил в Огенквар подробный рапорт, в котором писал:

«Попытки мои организовать разведку по Турции и Болгарии здесь дают ничтожные результаты. Какой бы то ни было организации разведки здесь я не нашел, а создавать ее теперь вновь не представляется возможным. До крайности затрудненные сношения с Турецким побережьем заставляют нас довольствоваться, главным образом, случайными сведениями, которые проникают на острова.

Ввиду незнакомства моего с греческим языком и недостатка людей, годных для службы агентами, я счел полезным работать по разведке вместе с нашим морским агентом капитаном 1 ранга Макалинским. Работа у нас общая. Совместно мы ищем агентов, даем задачи, отправляем куда нужно и вместе платим за услуги их. Непосредственную работу по сбору сведений, подысканию агентов и все переговоры ведет лицо, которое работало и для Гудим-Левковича. Донесения наши поэтому тождественны.

Попытки Гудим-Левковича посылки людей в Турцию не увенчались успехом, и он совершенно отказался от повторения их. Не видя

⁹⁹⁶ Там же. Ед. хр. 88. Л. 5–12.

⁹⁹⁷ Там же. Л. 47–48. Д.С. Шуваев — Николаю II. Доклад по ГУГШ. 10 ноября 1916 г. № 52173.

другого способа получения сколько-нибудь надежных сведений, мы решили вновь заняться этим. В данное время у нас командировано в Турцию 3 агента, толковых и, нужно думать, надежных. Два уже выехали отсюда, направляясь через Италию и Швейцарию. Я получил известие от нашего военного агента в Швейцарии, что один из них уже прибыл туда и направляется дальше. Третий агент направляется на Самос, откуда постарается пробраться в Смирну. Задача последнему дана изучить вопрос о возможных сношениях между Турецким побережьем и островами и, буде возможно, установить таковое. В Смирне у него живет отец, куда будут поступать сведения от первых двух и передаваться на острова. Задача сложная, и у меня нет уверенности в том, что она выполнена будет гладко. Если не удастся установить сношения через острова, первым двум агентам указано возвращаться через Швейцарию, и тогда придется удовольствоваться теми сведениями, какие они привезут с собою.

Для разведки болгар пока ничего не удалось сделать.

Принимая во внимание: 1) создавшиеся условия для разведки здесь и в связи с этим ничтожность результатов работы; 2) необходимость работать вместе с морским агентом; 3) опытность капитана 1 ранга Макалинского, не могу не чувствовать свое пребывание здесь совершенно излишним. Полагаю, что делу никакого ущерба не будет, если разведку эту будет вести капитан 1 ранга Макалинский один, а для переписки оставлен будет ему мой теперешний помощник прапорщик Пречан.

Что касается вооруженных сил Греции, то они в настоящее время представляют слишком малый интерес, да к тому же находятся под наблюдением комиссии контроля генерала Кобу.

Отсутствие работы здесь меня очень тяготит, и я убедительно прошу ходатайствовать, если возможно, о назначении меня на какую-либо другую должность, не считаясь с моим чином, но туда, где я могу быть хоть сколько-нибудь полезен. Если здесь уместно заявить о своем желании, то я бы хотел вернуться в строй, откуда ушел по недоразумению, совершенно не представляя себе будущего положения, и с другой стороны, полагая неправильным отказываться в военное время от какого бы то ни было предложения.

Если признано будет все-таки необходимым иметь здесь военного агента, то более естественным полагал бы назначить сюда кого-либо из раненых или больных офицеров, которые в отличных климатических условиях могли бы восстановить свое здоровье»⁹⁹⁸.

⁹⁹⁸ Там же. Ед. хр. 58. Л. 134–136. Г.А. Муханов — в Огенквар. 17 апреля 1917 г. № 24.

А два месяца спустя Муханов и вовсе обратился в Огенквар с настоятельной просьбой дать ему какое-нибудь назначение в России, так как пребывание свое в Греции он считал совершенно излишним⁹⁹⁹.

Гораздо больший, чем у Муханова, опыт заграничной разведывательной работы имел генерал В.А. Артамонов, назначенный представителем России при Главной квартире командования Салоникской армии союзников. Однако и он констатировал, что разведка и контрразведка англичан настолько плотно контролировали оперативное пространство Салоникского фронта, что это практически не оставляло ему места для самостоятельной агентурной деятельности. 9 июля 1917 г. Артамонов докладывал в Огенквар:

«С прибытием в Салоники в мае прошлого года для меня выяснилась бесполезность и почти невозможность моя в данных условиях организации здесь особой русской разведывательной сети, ввиду наличия здесь разведывательных и охранных организаций французской и английской армий, располагающих значительным личным составом и неограниченными средствами. Все получаемые разными штабами подробности и проверенные сведения о противнике представляются в мое распоряжение. Отдельная русская разведка бесполезна, ибо все источники осведомления названными штабами использованы, серьезных предложений не поступает, покупать же фабрикуемые сведения нежелательно. Мне уже дважды приходилось предупреждать генерала Муханова, что сообщаемые им из местных источников сведения о противнике сплошь не верны. Вместе с тем русская агентурная разведка была бы крайне затруднена недоверием французского командования здесь к славянам вообще, а к русским после революции в особенности, и опасением наших сношений с противником. Да и трудно было бы при наличности французской и английской армейских организаций доказать названным штабам необходимость русской организации, между тем, во избежание немедленного ареста посылаемых агентов, пришлось бы входить со штабами в сношение и давать объяснения, как это потребовалось мне сделать для капитана Сурина, посланного Одесским округом в Грецию для связи с агентами в южной Малой Азии, каковую деятельность я считаю безуспешной. Недоверие французского штаба и препятствия с его стороны затруднили сербскому штабу разведку до такой степени, что за год пребывания здесь сербы израсходовали на это дело менее 5000 франков. По приведенным причинам <...> секретные суммы не расходовались, и новой высылки пока не потребуется. С прибытием помощника и предстоящим сложением с себя обязанностей коменданта Салоник и по изданию русской газеты, принятых мною по просьбе командиров бригад, надеюсь иметь

⁹⁹⁹ Там же. Л. 13. Г.А. Муханов — в Огенквар. 14 июня 1917 г. № 80008.

возможность сообщать телеграммами и почтой большее количество проверенных сведений о противнике»¹⁰⁰⁰.

Итак, Артамонов прямо отказывался разворачивать агентурную разведку, объясняя это фактической невозможностью плодотворной работы в существующей обстановке. Данную позицию Артамонова ведомственные историографы военной разведки Звонарёв и Алексеев толковали как проявление пассивности, лени и непрофессионализма этого офицера. Нам же представляется, что Артамонов не заслуживает столь резкой отрицательной оценки. Не вызывает сомнения, что высшие штабы и спецслужбы союзников имели значительное преимущество и по времени, и по силам и средствам для развертывания разведывательной и контрразведывательной работы на Салоникском фронте. Очевидно также, что Артамонову, как и всем прочим русским офицерам, не приходилось рассчитывать на искреннее широкое сотрудничество англичан и французов в области разведки.

Во всяком случае, и Артамонов, и Муханов имели мужество честно докладывать начальству о препятствиях, которые не позволяли им выполнять поставленные задачи. Как мы убедимся, гораздо более опасной и пагубной была противоположная ситуация — когда сотрудники разведки раздували или просто измышляли свои достижения, иногда вообще вступая на путь авантюризма и фабрикаций сведений, ущерб от чего армии и государству был намного больше. В любом случае, в целом агентурная работа русской военной разведки в Греции в годы Первой мировой войны не может быть признана сколько-нибудь удачной или содержательной, что в полной мере соотносилось с размером изначально недостаточных сил и средств, которые выделяло для этого руководство военного ведомства.

Глава 12

РАЗВЕДЧИКИ С ПИРОГОВСКОЙ УЛИЦЫ

В годы Первой мировой войны важным руководящим центром разведки на Балканах, как и прежде, была Одесса. По мобилизации в пределах Одесского военного округа была развернута отдельная 7-я армия; на основе окружного штаба был сформирован штаб этой армии. Позднее, в июле 1917 г., руководство окружного штаба докладывало: «С началом текущей войны при штабе округа был сформирован штаб VII армии, в разведывательное отделение которого целиком перешел весь личный состав разведывательного отделения штаба округа, и работа фактически не прерывалась»¹⁰⁰¹. Вплоть до осени 1915 г. штабы Одесского округа и 7-й армии продолжали существовать и работать параллельно, занимая одни и те же помещения, в прежнем здании окружного штаба по адресу Пироговская улица, 6. Однако увеличение штабных структур не прибавило подходящих сотрудников, так что штабы округа и армии постоянно страдали от нехватки опытных офицеров, в том числе пригодных для разведки. Впрочем, разведывательное отделение штаба Одесского военного округа, по крайней мере, избежало того кадрового и организационного разгрома, какому в результате мобилизации подверглись аналогичные подразделения других приграничных военных округов. Их опытные офицеры-разведчики были направлены на укомплектование штабов фронтов и армий, в результате чего вся связь с агентурой и даже учет документов были полностью нарушены¹⁰⁰².

С начала войны до 6 апреля 1915 г. должность начальника разведывательного отделения штаба 7-й армии занимал многолетний старший адъютант штаба Одесского военного округа полковник Г.Н. Ростовский. Затем его сменил Генштаба полковник О.В. Меньшов. Оба они были опытными офицерами разведки, глубокими специалистами

¹⁰⁰¹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 1–4. Н.А. Маркс — генерал-квартирмейстеру штаба помощника августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта. 9 июля 1917 г. № 2042.

¹⁰⁰² Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 25.

¹⁰⁰⁰ Там же. Л. 133–133 об. В.А. Артамонов — в Огеньвар. 9 июля 1917 г. № 606.

ми в разведывательном изучении Румынии. К осени 1915 г. в составе разведывательного отделения штаба 7-й армии значились 24 офицера и чиновника. В это число входили сотрудники КРО, организационно подчинявшегося начальнику разведывательного отделения. Всего в подчинении начальника разведки 7-й армии находились 5 штатных и 3 нештатных помощника в офицерских чинах и 15 переводчиков, из которых лишь двое вольнонаемных не были офицерами. Кроме самого Меньшова, из числа чинов разведывательного отделения штаба 7-й армии офицерами Генштаба были капитаны В.М. Васильев и Б.П. Тарло¹⁰⁰³. Несмотря на постоянное стремление вышестоящего командования забирать из Одессы всех мало-мальски ценных офицеров на австро-германский фронт, разведывательным органам Одессы удалось одновременно добиться привлечения на службу или перевода целого ряда выдающихся, разносторонне подготовленных к работе по Балканам и Турции сотрудников.

К примеру, 24 октября 1915 г. начальник штаба 7-й армии генерал Н.П. Стремоухов обратился к штабу 8-й армии Юго-Западного фронта с просьбой дать согласие на назначение на должность переводчика эвакуированного в Одессу по ранению капитана 407-го Саранского пехотного полка Николая Ильича Сурина, окончившего в прошлом два курса НАГШ, в совершенстве владевшего болгарским, знавшего французский, турецкий и греческий языки. Его послужной список отражал впечатляющий опыт деятельности в Балканском регионе. Так, в 1904–1908 гг. Сурин находился на службе по реорганизации жандармерии в Македонии, затем вышел в отставку, поселился на Балканах и в течение 5 лет работал представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Софии, Константинополе и Салониках; завел там обширные знакомства; в 1912 г. в качестве военного корреспондента участвовал в походах болгарской армии в Македонии и Фракии; вполне основательно ознакомился с Болгарией, армией, бытом и условиями жизни. «Ввиду намечающейся десантной операции, капитан Сурин является чрезвычайно ценным офицером для десантного отряда и может оказать таковому весьма значительные услуги, почему усиленно прошу не отказать в согласии на просимое назначение», — подчеркивал Стремоухов. В итоге согласие было получено, и с декабря 1915 г. Сурин начал службу в штабе Одесского военного округа¹⁰⁰⁴.

С начала войны вольнонаемным переводчиком разведывательного отделения штаба 7-й армии, затем — Одесского военного округа служил надворный советник И.С. Спафарис, ученый-востоковед. В тече-

ние восьми лет (1896–1904) он окончил три высших учебных заведения, в том числе факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду, с дипломом 1-й степени, отлично владел турецким, персидским, арабским, татарским, греческим и французским языками, отчасти английским и немецким. В своем формуляре он имел 12 лет беспорочной службы и научные работы по востоковедению. Начальство аттестовало его как энергичного и добросовестного работника. Помимо обязанностей по переводу документов и опросу военнопленных, Спафарис читал лекции по турецкому литературному и народному языкам и военной терминологии на офицерских курсах иностранных языков, открытых при штабе округа. До марта 1917 г. он одновременно служил в местных учреждениях Главного управления по делам печати, где занимался военной цензурой; затем, после революционной ликвидации управления, 10 марта просил зачислить себя штатным переводчиком разведки окружного штаба¹⁰⁰⁵.

Еще одним переводчиком разведывательного отделения штаба Одесского военного округа был прапорщик Иосиф Маврикиевич Стифсон, 38 лет, окончивший Антверпенскую коммерческую академию и перед войной занимавший высокую должность помощника начальника коммерческой службы Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ). Он в совершенстве владел французским, немецким и английским языками. По службе в штабе Стифсон аттестовался самым лучшим образом — как человек из хорошего общества и с отличным воспитанием, «безукоризненный работник» и «ответственный исполнитель серьезных поручений, связанных с организацией разведки штаба, требовавших большого знания людей, громадного такта, находчивости и организаторского таланта»¹⁰⁰⁶.

Крупный коммерсант на должности офицера разведки — явление во все времена не самое обычное. Некоторое время спустя у Стифсона нашлись недоброжелатели среди сослуживцев, главным из которых стал возглавивший контрразведку Одесского округа ротмистр ОКЖ А.Ф. Белавин. Зимой 1917 г. он бездоказательно обвинил Стифсона в шпионаже в пользу Болгарии, рапорт о чем был направлен контрразведчиком в Генштаб, в обход прямого начальства. Однако руководство штаба Одесского военного округа вступилось за Стифсона. Начальник штаба округа генерал Н.А. Маркс докладывал: «За время почти трехлетней службы в разведывательном отделении прапорщик Стифсон зарекомендовал себя с наилучшей стороны, бывал командиром за границу и выполнял самого секретного и щепетильного характера по-

¹⁰⁰³ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 885. Л. 3–3 об. Список г.г. офицеров разведывательного отделения штаба 7-й армии.

¹⁰⁰⁴ Там же. Л. 586–587; Ед. хр. 2359. Л. 39–39 об.

¹⁰⁰⁵ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 885. Л. 570–571.

¹⁰⁰⁶ Там же. Л. 576–576 об.

речения; решительно никаких поводов к заподозрению его в чем-либо неблаговидном, а тем более преступном он не подал»¹⁰⁰⁷. Доводы Белавина были охарактеризованы как тенденциозные, клеветнические и ничем не подкрепленные. В противном случае, указывал генерал Маркс, ничто не могло бы помешать Белавину начать разработку Стифсона и наблюдение за ним, чего сделано не было. По мнению начальника штаба округа, и до, и во время войны Стифсон имел право поддерживать самые разные знакомства в коммерческой среде, связанные с его профессиональной деятельностью. Основанием для обвинения в шпионаже это служить не могло¹⁰⁰⁸.

Особо ценные услуги в годы войны продолжал оказывать разведке штаба Одесского военного округа исполняющий должность заведующего главной конторой РДП С.М. Андрианов, сотрудничавший с русской разведкой еще с довоенных времен. В 1915 г. он был высочайше пожалован званием потомственного почетного гражданина. В докладе главы разведывательного отделения на имя начальника окружного штаба от 26 декабря 1915 г. отмечалось: «И.д. заведующего главной конторой Русского Дунайского пароходства в г. Одессе потомственный почетный гражданин Сергей Маркович Андрианов с самого начала настоящей войны оказывает разведывательному отделению большие услуги, всеми мерами содействуя получению отделением через агентов названного пароходства в Черновода, Галаце, Руцуке и Журжево секретных ценных сведений от турецкой и румынской агентур. Постоянная готовность Сергея Марковича Андрианова идти навстречу интересам разведки содействовала разведывательному отделению в организации надежной связи со всеми агентствами штаба, для поддержания коей г-н Андрианов не жалел ни труда, ни времени»¹⁰⁰⁹. Передавая ходатайство о награждении Андрианова главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генералу Н.И. Иванову, главный начальник Одесского военного округа генерал М.И. Эбелов подчеркивал, что «благодаря его активной помощи в этом деле, крайне внимательному и осторожному подбору служащих агентства и постоянному личному участию и наблюдению за немедленной и аккуратной пересылкой донесений, все важные и ценные для армии сведения доставляются всегда с необычною скоростью», причем все свои услуги Андрианов оказывал совершенно безвозмездно¹⁰¹⁰. Впрочем, командование Юго-Западного фронта поспешило на награду и вместо искомого ордена

¹⁰⁰⁷ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 130. Л. 24–25. Н.А. Маркс — Н.М. Потапову. 5 мая 1917 г. № 1407.

¹⁰⁰⁸ Там же.

¹⁰⁰⁹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 885. Л. 18–18 об. В.М. Васильев — Н.А. Марксу. 26 декабря 1915 г. Б.н.

¹⁰¹⁰ Там же. Л. 12–12 об. М.И. Эбелов — Н.И. Иванову. 3 января 1916 г. № 30.

Св. Станислава 3-й степени наградило Андрианова золотой медалью «За усердие» для ношения на шее на Андреевской ленте¹⁰¹¹. Отметим, что другим негласным сотрудникам и агентам военной разведки везло еще меньше.

К примеру, в апреле 1916 г. глава разведки штаба Одесского военного округа капитан Васильев строго указывал поручику Мацкому, командиру Унгенского отряда 21-й бригады пограничной стражи: «Разведчики не могут быть награждены орденами. Впредь с подобного рода ходатайствами прошу не входить. Единовременных денежных наград разведчикам не полагается. Вознаграждение разведчики получают за каждое доставленное ими донесение, для каковой цели Вам выдан аванс»¹⁰¹². И добавлял: «Разведчики, подлежащие призыву в войска по мобилизации, не могут быть освобождены от названной повинности»¹⁰¹³.

В ноябре 1915 г. 7-я армия после подготовки к несостоявшейся экспедиции в Болгарию была вместо этого направлена на Юго-Западный фронт. В итоге распался своеобразный и не всегда полезный для дела симбиоз штабов 7-й армии и Одесского военного округа. Однако для разведывательного отделения штаба армии это имело болезненные последствия, поскольку его сложившийся коллектив был буквально по живому разрезан на две части. Большая часть личного состава отделения, 14 человек во главе с многоопытным Генштаба полковником О.В. Меньшовым, выступила в поход в Галицию со штабом армии. При штабе Одесского округа было вновь сформировано разведывательное отделение, «в каковое перешел весь штат лиц, руководивших агентурной разведкой в штабе VII армии»¹⁰¹⁴. Так позднее изображало ситуацию руководство окружного штаба. Однако на самом деле кадровые потери были велики. Разведывательное отделение штаба Одесского военного округа, которое теперь насчитывало всего 12 человек, возглавил Генштаба капитан Виктор Михайлович Васильев, до того помощник Меньшова. В свое время он был вызван в Одессу с фронта, из штаба 3-й армии, и согласился поехать на юг ввиду своего болезненного состояния и предписанного врачами серьезного лиманного лечения. Также при отделении в Одессе осталось всего 3 штатных писаря, и лишь к маю 1916 г. их число было доведено до минимально необходимых 7 человек¹⁰¹⁵. Штаб округа в декабре 1915 г. ставил вопрос о необходимости увеличения числа штатных

¹⁰¹¹ Там же. Л. 14.

¹⁰¹² Там же. Ед. хр. 977. Л. 43.

¹⁰¹³ Там же. Л. 52.

¹⁰¹⁴ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 1–4. Н.А. Маркс — генерал-квартирмейстеру штаба помощника августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта. 9 июля 1917 г. № 2042.

¹⁰¹⁵ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 885. Л. 4, 5, 7, 8–8 об.

должностей в разведывательном отделении, которое обрабатывало информацию по пяти государствам: Турции, Болгарии, Румынии, Австро-Венгрии и Греции. Для одной лишь систематизации сведений признавалось необходимым иметь не менее пяти офицеров и такого же числа переводчиков. Однако по штату в отделении было положено всего три офицерские должности — начальника и двух его помощников, причем один помощник должен был заведовать контрразведкой. Кроме переводчиков, на разведывательной службе в штабе округа находилось всего два офицера. В связи с этим казалось настоятельно необходимым иметь при начальнике отделения двух-трех постоянных нештатных помощников¹⁰¹⁶.

Помощником начальника разведки Одесского окружного штаба стал штабс-капитан 59-го Люблинского пехотного полка Петр Васильевич Вишневский. Скажем несколько слов об этом незаурядном офицере. В 1914 г., по окончании двух курсов геодезического отделения Императорской Николаевской военной академии, Вишневский был откомандирован с началом войны в свой полк, в VIII армейский корпус 8-й армии А.А. Брусилова. Командуя 7-й ротой полка, 17 августа 1914 г. он был ранен под Галичем и эвакуирован. Не имея возможности свободно двигаться и нуждаясь в перевязках, Вишневский, тем не менее, возвратился в полк и через десять дней после ранения вновь принял участие в боях 27, 28, 29 и 30 августа. 29 августа под Гродеком он был контужен в голову, но остался в строю; участвовал во всех следующих боях полка. 3 ноября 1914 г. у деревни Радошице в знаменитом Лупковском проходе в Карпатах, где шли тяжелые бои с австрийцами, Вишневский получил ранение в левую ногу выше колена, остался на поле сражения, был подобран противником и взят в плен. По выздоровлении, 7 апреля 1915 г. он вместе с поручиком 49-го Брестского пехотного полка Монигетти, состоявшим перед войной на младшем курсе академии, попытался совершить побег из замка Вассерберг у Книттельфельда в Штирии. Попытка окончилась неудачей — штабс-капитан Вишневский сломал берцовую кость правой ноги при прыжке через ограду. Стража обнаружила его в бессознательном состоянии и едва не заколола штыками. Оправившись, Вишневский 17 сентября 1915 г. вместе с прапорщиком 46-го Днепровского пехотного полка Гуштюком совершил новый побег из Эстергома (Грана) у Будапешта и после 29 дней испытаний и лишений попал в Румынию, затем в Россию. За боевые отличия, проявленные до плена, Вишневский был награжден орденами Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени с мечами, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Георгиевским оружием. За бой 3 но-

¹⁰¹⁶ Там же. Ед. хр. 2359. Л. 7–7 об.

ября, когда он попал в плен, Вишневский был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени. Вскоре он получил эту высокую награду, а также был награжден чином капитана. Согласно характеристике начальства, это был «полный энергии, обладающий духом инициативы, мужественный и преданный своему долгу офицер, <...> ответственный исполнитель серьезных боевых задач, проявлявший прекрасное понимание боевой обстановки»¹⁰¹⁷. С 12 декабря 1915 г. Вишневский приступил к исполнению обязанностей помощника старшего адъютанта разведывательного отделения штаба Одесского военного округа. Факт этого назначения крайне примечателен, поскольку в данном случае ответственная должность в подразделении стратегической военной разведки была замещена лицом, проведшим почти год в неприятельском плену. Для секретных служб позднейших времен такое назначение было бы просто невозможным, из-за резко возросших требований предосторожности.

Капитан Вишневский свободно владел немецким и французским языками и характеризовался по службе в разведке как «незаменимый работник». Некоторое время спустя, 31 декабря 1916 г., он, как окончивший два курса Императорской Николаевской военной академии, был причислен к корпусу офицеров Генштаба. Очень скоро это сказалось на его служебном положении. Увы, взгляд вышестоящего начальства на проблему подготовки и специализации кадров в органах военной разведки был преступно близоруким. В феврале 1917 г. генквартирмейстер А.С. Лукомский обратил внимание на недопустимость оставления Вишневского при штабе Одесского военного округа, в условиях громадного некомплекта офицеров Генштаба на фронте. Он был предназначен на должность обер-офицера для поручений при помощнике главнокомандующего армиями Румынского фронта, где ему предстояло работать в разведывательном отделении. По «соломонову решению» начальства в Одессу в качестве его преемника был назначен Генштаба капитан В.М. Гуков, хотя Одесский штаб и предлагал направить Гукова сразу в штаб Румынского фронта и оставить незаменимого Вишневского на месте. 1 марта 1917 г. Вишневский выехал на Румынский фронт¹⁰¹⁸.

Более того, в том же марте 1917 г. штаб Румынского фронта начал требовать перевода самого руководителя разведки Одесского окружного штаба Васильева на должность начальника штаба дивизии на фронт. Штаб округа был вынужден возражать, что вся разведывательная работа держалась на Васильеве, которым были созданы новые аген-

¹⁰¹⁷ Там же. Ед. хр. 885. Л. 71–72 об., 108–108 об.; Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1157. Л. 128–129. Показания П.В. Вишневского о пребывании в австрийском плену.

¹⁰¹⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 885. Л. 85, 89–89 об., 92–93, 99, 101, 105, 110.

турные сети в Румынии и Турции, организована обширная агентурная разведка в Австрии и Болгарии, налажена работа в Греции. Кроме того, сам он все еще нуждался в лечении¹⁰¹⁹. Любопытно, что происходило все это в первые дни после Февральского переворота, когда уже начинались революционный разгром контрразведки и чистка высшего командного состава. Однако описанная выше попытка фактического уничтожения разведки Одесского военного округа как сплоченного коллектива не была результатом действий революционных властей и лежала целиком на совести военного руководства. Впрочем, в тот раз Васильева удалось отстоять, и летом 1917 г. он по-прежнему возглавлял разведку Одесского военного округа.

Вместе с расколом в конце 1915 г. существовавшей единой структуры разведывательных органов штабов 7-й армии и Одесского военного округа, уход 7-й армии на фронт повлек за собой и вынужденный раздел областей ответственности и направлений дальнейшей работы по разведке. Новый начальник штаба 7-й армии генерал Н.Н. Головин предложил передать штабу Одесского военного округа, в его вновь формируемое разведывательное отделение, всю глубокую разведку в Австрии, Румынии, Болгарии и Турции, которую к тому времени вел штаб армии. Ведение последнего ограничилось бы лишь разведкой на той полосе фронта, которую заняла бы армия¹⁰²⁰. Однако командование штаба Юго-Западного фронта выступило с идеей оставить Одессе разведку во всех балканских государствах, а за штабом 7-й армии оставить и глубокую разведку Австро-Венгрии. Одновременно генерал-квартирмейстер штаба М.К. Дитерихс предписал штабу Одесского округа наладить агентурную разведку в Греции, в дополнение к существующей агентуре по Румынии, Болгарии и Турции¹⁰²¹.

Генерал Головин, со своей стороны, возбудил 26 ноября 1915 г. ходатайство о прикомандировании к русской миссии в Бухаресте штатного переводчика штаба армии штабс-капитана Н.В. Шинкаренко, бывшего негласного помощника военного агента в Софии. Головин рассчитывал командировать его в Румынию с оставлением в подчинении штабу 7-й армии, чтобы он руководил всей его заграничной агентурой по Австрии и в то же самое время «содействовал дальнейшему развитию разведки штаба Одесского военного округа в Румынии, Болгарии и Турции»¹⁰²². Дитерихс возражал против командирования в Румынию офицера из штаба армии, участок фронта которой даже

¹⁰¹⁹ Там же. Л. 158–165.

¹⁰²⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 2750. Л. 298. М.С. Пустовойтенко — М.К. Дитерихсу. 30 ноября 1915 г. № 6245.

¹⁰²¹ Там же. Л. 303, 320.

¹⁰²² Там же. Л. 361 об.

не примыкал к румынской границе. Он подчеркивал, что в Бухаресте в прикомандировании к русской миссии уже около года состоит офицер разведки штаба (штабс-капитан Б.А. Юрьев, о котором будет рассказано ниже). В свете этого Дитерихс говорил, что посылка еще одного агента-офицера была не нужна, поскольку вызвала бы двойственность и параллелизм в организации¹⁰²³.

В этом споре штаб Одесского военного округа солидаризировался с родным ему штабом 7-й армии. 26 декабря 1915 г. начальник окружного штаба генерал Н.А. Маркс сообщил Дитерихсу, что окружной штаб, по соглашению со штабом 7-й армии, рассчитывал также пользоваться услугами офицера, командироваемого в Бухарест, т.е. штабс-капитана Шинкаренко. Исходя из этого, штабом округа уже была налажена организация трех агентурных звеньев в Болгарии и двух в Румынии; агентам были даны соответствующие инструкции. «Штабс-капитан Шинкаренко посвящен в эти организации, руководил ими, инструктировал агентов, вырабатывал с ними детали связи», — подчеркивал Н.А. Маркс. Несмотря на известный ему отказ Дитерихса на просьбу Головина, начальник окружного штаба усиленно просил разрешить командировку Шинкаренко хотя бы на 2–3 месяца, для налаживания работы новых звеньев и изменения организации связи. По его мнению, передавать всю агентурную сеть офицеру штаба фронта в Бухаресте было нежелательно, так как это обременило бы его и усложнило задачи конспирации¹⁰²⁴.

В ответ Дитерихс был вынужден напомнить генералу Марксу об очевидной пагубности нагромождения негласных резидентур под дипломатическим прикрытием, но все же дал принципиальное согласие на командировку Шинкаренко в Бухарест. Генкварюз писал: «Самое вредное в разведке за границей — это наслоение организаций разных наших штабов и управлений около миссии. Поэтому при личном свидании с Вами мы договорились, что представитель фронта будет в Бухаресте, а Ваш — в Афинах. Против неофициального командирования офицера в Бухарест не возражаю, считаю нежелательным лишь официальное командирование в миссию»¹⁰²⁵. Состоялась ли в итоге поездка Шинкаренко в Бухарест — осталось для нас неизвестным.

Исполняя решение командования, 8 февраля 1916 г. генерал Н.А. Маркс распорядился о направлении в Грецию для организации там агентурной разведки переводчика окружного штаба капитана Георгия Сергеевича Милеанта, числившегося по армейской пехоте, адъютанта штаба 4-й стрелковой дивизии. Милеант владел греческим

¹⁰²³ Там же. Л. 358–361 об., 372–373.

¹⁰²⁴ Там же. Л. 394. Н.А. Маркс — М.К. Дитерихсу. 26 декабря 1915 г. № 343.

¹⁰²⁵ Там же. Л. 393. М.К. Дитерихс — Н.А. Марксу. 30 декабря 1915 г. № 14517.

и французским языками, был знаком с Грецией, служил в оккупационном отряде на Крите; начальством характеризовался как общительный, коммуникабельный и интеллигентный офицер. Согласно проекту, который был составлен еще 10 декабря 1915 г. и утвержден генералом Эбеловым 24 декабря, в Афинах Милеант должен был взять на себя общее руководство и наблюдение за существующей в Греции и Турции агентурой сотрудника «И» (Г.А. Фарди, см. о нем ниже), а также создать свою собственную новую агентуру «М» на территории Греции и в западной части Азиатской Турции. Предполагалось, что эту агентурную сеть составят резиденты в Афинах, Смирне, Салониках, Янине, Ускюбе, Битоли, Ларисе. Ежемесячный расход на агентуру, телеграфную связь и непредвиденные надобности должен был составить 9045 руб.¹⁰²⁶

В целях конспирации было решено не прикомандировывать его к русской миссии в Афинах, однако Одесский штаб обратился к полковнику Гудим-Левковичу с просьбой оказывать Милеанту содействие. Благополучно прибыв в Лондон через Скандинавию, Милеант 10 марта 1916 г. выехал в Париж. Увы, злой рок помешал этому офицеру прибыть к месту назначения. В военное время гибель иногда настигает разведчиков не только близ линии фронта или в неприятельском тылу. 12 марта пароход «Суссекс», на котором Милеант плыл через Ла-Манш, был потоплен германской подлодкой. Русский офицер получил ранение в голову и сильнейший нервный шок; от продолжительного пребывания в воде у него возникла пневмония. Несмотря на благоприятные прогнозы врачей, его состояние 10 апреля внезапно резко ухудшилось и стало безнадежным. 26 апреля капитан Милеант скончался в лондонском госпитале и был похоронен со всеми почестями от британской армии¹⁰²⁷.

После его трагической смерти штаб Одесского округа был вынужден начать поиски замены ему и здесь столкнулся с острым кадровым голодом. У самого штаба подходящих кандидатов просто не было, и ему пришлось предлагать лиц, находившихся в подчинении у других органов. Таким кандидатом был выдвинут бывший драгоман русского посольства в Константинополе коллежский асессор Борис Саввич Серафимов. После вступления Турции в войну он остался в османской столице при посольстве нейтральной тогда Италии и играл роль неофициального представителя России во враждебном государстве. Через него поступала ценнейшая разведывательная информация, а также велись негласные переговоры с некоторыми представителями турецких властей. Серафимов был особо рекомендован одесской раз-

ведке бывшим послом в Турции сенатором Н.В. Чарыковым. Однако к весне 1916 г. Серафимов находился в прикомандировании к штабу Черноморского флота, руководство которого категорически отказывалось передавать столь ценного сотрудника Одесскому штабу. Другим кандидатом был назван служивший в разведке штаба 7-й армии унтер-офицер из вольноопределяющихся Маврокордато, крупный коммерсант из Константинополя, отлично знакомый с Ближним Востоком, владевший французским, немецким, английским и греческим языками, знакомый с делом разведки по своей службе в Одессе более года. Окружной штаб просил, в случае одобрения, перевести его из штаба армии в Одессу, откуда он, с переименованием в зауряд-военные чиновники, был бы отправлен в Афины¹⁰²⁸. Эти идеи не получили одобрения, и штаб Одесского округа был вынужден тогда направить в Грецию одного из самых ценных своих специалистов по Балканам — капитана Сурина, штатного переводчика штаба. Решение об этом было принято 10 июля 1916 г.¹⁰²⁹

При всех неизбежных задержках, Сурин сумел прибыть на место лишь в конце 1916 г. После непродолжительного пребывания в Афинах он в середине декабря переместился в Салоники, где находились штаб союзной армии и Ставка греческих антантофилов-визелистов. Здесь же трудился генерал Артамонов, который был знаком с Суриным еще по Николаевской академии Генштаба и теперь оказывал ему содействие по службе¹⁰³⁰. В частности, телеграммы Сурина в штаб Одесского военного округа отправлялись за подписью Артамонова. В Салониках Сурин начал свою работу; им был отправлен в Одессу ряд весьма содержательных донесений с описанием и анализом военно-политической обстановки в Греции и на Салоникском фронте. Увы, эта деятельность Сурина была начата слишком поздно для того, чтобы принести практическую пользу воюющей России. Полностью провалена была и предписанная Сурину конспирация, которая должна была позволить ему работать в качестве негласного резидента разведки. Сурин докладывал: «Ввиду всевозможных фантастических слухов, которые начали распространяться в Салониках обо мне, я, с одобрения генерала Артамонова и штаба Саррайля, ношу здесь военную форму. Все эти слухи и сплетни существенного значения не имеют и работе моей не мешают»¹⁰³¹. Естественно, при таких условиях о конспирации не могло быть и речи. Фактически Сурин действовал в качестве своего

¹⁰²⁶ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 2359. Л. 30–30 об., 35–36.

¹⁰²⁷ Там же. Ед. хр. 885. Л. 412–448.

¹⁰²⁸ Там же. Л. 612. Н.А. Маркс — генкварюзу. Май 1916 г. № 1728-Р.

¹⁰²⁹ Там же. Ед. хр. 2359. Л. 39–39 об.

¹⁰³⁰ Там же. Ед. хр. 661. Л. 104. Н.И. Сурин — в штаб Одесского военного округа. 19 декабря 1916 г. № 291.

¹⁰³¹ Там же. Л. 114а. Н.И. Сурин — в штаб Одесского военного округа. Б.д. № 13291.

рода «военного атташе» штаба Одесского военного округа при командовании Салоникской армии.

Благодаря описанным усилиям, Одесский окружной штаб впоследствии мог говорить, что уже в разгар войны им, по указанию штабюза, была налажена агентурная разведка в Греции и Австро-Венгрии¹⁰³². Однако достигнутые практические результаты все равно оставляли желать много лучшего.

Отметим, что в Одессе также не сложились и отношения между представителями двух видов секретной службы — разведки и контрразведки. С 5 июня 1914 г. КРО штаба Одесского военного округа возглавлял подполковник В.М. Якубов, прикомандированный к Жандармскому управлению Одессы. С 1 июля 1915 г. он был назначен начальником КРО штаба 7-й армии¹⁰³³.

Это был один из опытейших офицеров военной контрразведки империи. Владимир Михайлович Якубов, православный, из потомственных дворян Московской губернии, родился 17 февраля 1868 г.¹⁰³⁴ Он воспитывался в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе и окончил по 1-му разряду курс в 3-м Александровском училище, откуда был выпущен хорунжим в 5-й Кубанский пластунский батальон в 1888 г. 10 апреля 1895 г. Якубов перешел в Отдельный корпус жандармов в чине поручика; в 1895–1911 гг. находился на службе на различных должностях в жандармских управлениях Донской области, Полтавской, Подольской, Санкт-Петербургской губерний¹⁰³⁵.

С конца 1911 г. по июнь 1914 г. Якубов состоял в распоряжении генерал-квартирмейстера Генерального штаба, в должности заведывающего центральным регистрационным отделением при Особом

¹⁰³² РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 1–4. Н.А. Маркс — генерал-квартирмейстеру штаба помощника августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта. 9 июля 1917 г. № 2042.

¹⁰³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 829. Л. 22.

¹⁰³⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Ед. хр. 298. Л. 134–138 об.

¹⁰³⁵ Справка о прохождении Якубовым службы в ОКЖ: назначен адъютантом Рязанского ГЖУ — 11 апреля 1895 г.; и.д. помощника начальника Донского областного ЖУ в Усть-Медведицком и Хопёрском округах — 7 апреля 1897 г.; штабс-ротмистр — 6 декабря 1897 г.; помощником начальника Донского областного ЖУ в Черкасском и Донецком округах — 13 января 1898 г.; ротмистр — 6 декабря 1898 г.; помощником начальника Подольского ГЖУ в Балтском уезде — 28 января 1900 г.; помощником начальника Полтавского ГЖУ в Лубенском и Миргородском уездах — 7 января 1902 г.; помощником начальника Полтавского ГЖУ в г. Полтаве — 17 мая 1903 г.; помощником начальника Полтавского ГЖУ в Константиноградском, Кобылякском и Миргородском уездах — 6 октября 1906 г.; зачислен в резерв с прикомандированием к Петроградскому ГЖУ — 28 июля 1908 г.; подполковник — 26 февраля 1909 г.; исключен из резерва с прикомандированием к Петроградскому ГЖУ — 7 октября 1911 г. Был женат первым браком на вдове старшего врача Надежде Николаевне Бальмашевой. Имеет сына Михаила, родившегося 1 февраля 1900 г. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 829. Л. 19–19 об.).

делопроизводстве ГУТШ, т.е. фактически являлся одним из руководителей центрального аппарата военной контрразведки Российской империи¹⁰³⁶.

В начале лета 1914 г. Якубов был переведен в штаб Одесского округа, где его и застала война. Вначале отношения на новом месте службы выстраивались нормально. Исполняющий должность начальника штаба Одесского округа генерал В.А. Соковнин так аттестовал Якубова в общем и служебном отношении: «Хорошего здоровья, по внешности достаточно представительен. Умственно развит очень хорошо, прекрасных нравственных качеств. Характера ровного, спокойного и достаточно настойчивого. В своих взглядах и убеждениях постоянен. Воспитанный, сдержанный, скромный. Владеет французским языком. <...> В высшей степени корректный и дисциплинированный; служебным тактом обладает в полной мере. Работает по своей должности начальника контрразведывательного отделения с полным рвением и усердием. Порученное ему дело знает, ведет его умело и достаточно настойчиво, достигая нередко положительных результатов. Инициативой обладает, работает самостоятельно и в мелочных указаниях не нуждается. К подчиненным в достаточной мере строг и требователен. Отделение ведет в полном порядке. <...> В общем штаб-офицер отличный, вполне соответствующий занимаемой им должности»¹⁰³⁷.

Однако после смены руководства штаба 7-й армии новое начальство стало относиться к Якубову совершенно иначе. 17 июля 1915 г. генерал Н.П. Стремоухов докладывал, что не согласен с аттестацией, данной Якубову его предшественником генералом Соковниным. Он писал: «Инициативой подполковник Якубов не обладает в должной мере; в докладах своих, отвлекаясь незначительными фактами, часто упускает из вида главную суть дела; при исполнении возлагаемых на него поручений чрезвычайно медлителен и постоянно нуждается в мелочных указаниях и напоминаниях; обращает несоразмерно большое внимание на письменную часть, что свидетельствует о неправильном направлении, данном работе отделения; к своему делу прилагает много усердия, но специальными качествами, необходимыми для него, судя по незначительности результатов его деятельности за годовой срок заведывания отделением, он, по-видимому, не обладает.

На основании вышеизложенного, по составившемуся у меня убеждению, полагаю, что подполковник Якубов, как честный, деятельный и усердный офицер, мог бы быть полезен на других должностях, но к

¹⁰³⁶ Там же. Л. 32; Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 50–51.

¹⁰³⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 829. Л. 20 об.

порученному ему в настоящее время делу, требующему специальных качеств, он, по-видимому, мало способен»¹⁰³⁸.

Шли военные месяцы, Якубов продолжал работу, занимаясь в том числе и агентурной разведкой на территории Румынии, но его отношения с начальством так и не поправились. 25 октября 1915 г. глава разведки штаба 7-й армии полковник О.В. Меньшов так характеризовал Якубова: «Хорошего здоровья. Умственно развит хорошо. Отличных нравственных качеств. Характера спокойного, выдержанного; скромен. Безусловно честен». Однако далее отмечалось, что хотя Якубов и усерден по службе, однако не обладает специальными качествами, лишен инициативы и отвлекается на мелочи. К примеру, только через 9 месяцев после начала войны им было возбуждено ходатайство об усилении надзора на румынской границе. Меньшов подчеркивал, что Якубов «организаторскими способностями не обладает» и нуждается в постоянных мелочных указаниях. Как следствие, на должность начальника КРО он не годился¹⁰³⁹.

Старшие чины штаба 7-й армии согласились с такой характеристикой. В тот же день начальник штаба армии отправил эту аттестацию в Ставку, докладывая при этом, что непригодность Якубова к занимаемой должности выяснилась вполне и что «в настоящее время является крайне необходимым заменить названного штаб-офицера другим, более соответствующим»¹⁰⁴⁰. Естественно, после этого Якубов не задержался в Одессе, однако он получил перевод с повышением, на должность начальника КРО штаба Петроградского военного округа, в столицу. Невольно возникает вопрос, насколько целесообразно было назначать на ответственный пост, в столицу, офицера контрразведки, которого прежде начальство аттестовало абсолютно непригодным к службе на этом поприще. Как бы то ни было, Якубов продолжал служить в Петрограде до Февральской революции, после которой был арестован новыми властями и, по имеющимся данным, позже расстрелян во время «красного террора».

Важно отметить, что, несмотря на все описанные кадровые и организационные трудности и трения, на протяжении большей части войны органы военной разведки в Одессе имели подходящих и даже выдающихся сотрудников для работы по чтению, переводу, анализу документов, опросу пленных и иностранцев, изучению открытых источников и т.п. Но главная и непоправимая слабость одесской разведки заключалась в области работы с агентурой.

¹⁰³⁸ Там же. Л. 32–33.

¹⁰³⁹ Там же. Л. 54.

¹⁰⁴⁰ Там же. Л. 55–55 об.

Сразу после начала мировой войны штаб 7-й армии предпринял попытки активизировать свою разведывательную деятельность в Турции и на Балканах. По довоенному распределению областей ответственности штаб Одесского военного округа не должен был заниматься разведкой ни в Турции, которая находилась в ведении штаба Кавказского военного округа, ни в Болгарии, которую не изучал ни один окружной штаб. Если на самом рубеже XIX–XX вв. Одесский штаб практически не имел агентуры в Румынии, поскольку был сосредоточен на подготовке к Босфорской экспедиции, то к началу мировой войны он больше не вел разведки в Турции, что само по себе красноречиво говорит об изменении приоритетов в стратегических планах русского Генштаба.

В октябре 1914 г., перед самым вступлением Турции в войну, по распоряжению Ставки Одесса предприняла попытку начать агентурную разведку на турецкой территории. Тогда полковник Ростовский представил начальнику штаба армии доклад о предполагаемой организации агентуры в Европейской Турции. В этом докладе отмечалось, что, ввиду возможного десанта русских войск на турецком побережье, особо важно было иметь надежную агентуру в Константинополе и в районе пролива Босфор.

На роль резидента в столице Турции Ростовским был намечен предложивший свои услуги штабу армии австрийско-подданный чех Франц Вячеславович Косина. Он родился в 1866 г. в городе Ракитно в Богемии, окончил 6-классное городское училище в Праге и техническое училище в Кёниггреце. После действительной военной службы в крепости Йозефштадт Косина служил на механическом машиностроительном заводе, потом был командирован в Тифлис, служил механиком на фабриках и заводах в Баку, Екатеринодаре, Майкопе. Последние три года он жил в Харбине, где содержал пивоваренный завод, пока дела его не пошли плохо. Оставив там свою семью — жену-чешку и пятерых детей, Косина перебрался в Одессу и предложил свои услуги штабу армии, предоставив при этом сведения о крепости Йозефштадт. По проекту Ростовского, Косина должен был поселиться в Константинополе, завести там агентуру и наладить связь с Одессой через Болгарию, где ему требовалось найти агентов связи в Софии или Филиппополе. Помочь обосноваться в столице Турции Косине должны были его австрийское подданство и профессия техника, удобная для конспирации. Его донесения должны были доставляться в Рущук, а оттуда, с агентом Русского Дунайского пароходства, — в Одессу. По предварительной смете, все расходы на содержание агентуры в Константинополе должны были составить 410 руб. в месяц¹⁰⁴¹. Однако

¹⁰⁴¹ Там же. Ед. хр. 540. Л. 1–1 об., 3.

в дальнейшем Косина в документах русской разведки не упоминался; очевидно, его сотрудничество с ней так и не состоялось или же очень быстро закончилось.

В августе и октябре 1914 г. разведывательным отделением штаба 7-й армии были завербованы и подготовлены для сбора сведений о турецкой армии еще два агента. 15 августа на службу поступил Михаил Антонович Шмит, русский, подданный России, ополченец 2-го разряда. Он родился в 1864 г. в местечке Поливец Ковенской губернии, окончил четыре курса Института инженеров путей сообщения. Женат был на русско-подданной, проживавшей в Одессе. По профессии Шмит был городским архитектором, однако сидел без работы. Он владел русским, польским, немного немецким языками. Прежде Шмит был судим за растрату, приговорен и отбыл наказание в виде полтора лет арестантских рот¹⁰⁴².

По рекомендации Шмита 18 декабря разведкой штаба 7-й армии был принят турецко-подданный армянин Арутюн Кеворкович Андриян, 1880 г. рождения, уроженец города Орду Трапезундского вилайета. Он окончил 6-классное училище в Орду, 20 лет жил в России, служил на обойной фабрике Мангикиан, затем сидел без работы. Андриян владел русским, армянским, турецким, персидским и арабским языками, знал Турцию, особенно Анатолию, и Болгарию¹⁰⁴³. В докладе начальника разведки полевого штаба 7-й армии полковника Г.Н. Ростковского оба сотрудника, Шмит и Андриян, назывались «лучшими агентами-разведчиками, <...> уже подготовленными специально к разведке о турецкой армии». Предполагалось, что Шмит и Андриян, действуя с территории Болгарии, должны будут найти агентов, прежде всего среди болгарского населения Турции, и организовать агентурные звенья на берегу Мраморного моря (в Сан-Стефано, Беюк-Чекмедже), для наблюдения, помимо прочего, за выходом турецких военных кораблей и транспортов в Черное море. Предполагалось, что сами Шмит (под видом немца-колониста, уехавшего из России от притеснений) и Андриян (имевший турецкое подданство и потому менее подозрительный) останутся на территории Болгарии и будут выполнять там роль посредников и агентов связи¹⁰⁴⁴.

К декабрю 1914 г. на разведывательной службе у штаба 7-й армии числились два агентурных звена — «О» и «С», возглавляемые Шмитом и Андрияном соответственно. Однако уже летом 1915 г. в Одессе были вынуждены признать, что работа обоих этих звеньев оказалась совершенно неэффективной. Их руководители и сотрудники не позд-

нее 18 июля были с позором отозваны назад, причем сопровождалось это громким скандалом и межведомственными жалобами. 4 июля посланник в Болгарии А.А. Савинский писал своему начальству в МИД, что сотрудник агента штаба 7-й армии Шмита турецкий подданный армянин Арутюн Андриян был арестован болгарской полицией, и Савинскому пришлось принять меры для его освобождения. Посланник докладывал: «По этому неприятному поводу повторю свою принципиальную просьбу не посылать сюда негодных агентов и, в частности, немедленно отозвать Шмита, своей бестактностью компрометирующего работу нашего военного и морского агентов и легко могущего компрометировать их личность»¹⁰⁴⁵. Все это говорило об одном — руководство разведки штаба 7-й армии привлекало на службу и первоначально давало высокие аттестации случайным и совершенно непригодным к агентурной работе людям.

После этого начальник разведывательного отделения штаба 7-й армии полковник О.В. Меньшов принял оказавшееся еще более плачевным решение всецело замкнуть всю заграничную разведку штаба армии на сотрудника Фарди¹⁰⁴⁶.

Русско-подданный грек Георгий Александрович Фарди родился 9 декабря 1873 г. в Константинополе, окончил 2-ю Петербургскую гимназию и юридический факультет Санкт-Петербургского университета, затем три года состоял вольнослушателем в Гейдельбергском университете и один год — в Высшей школе политических наук в Лондоне, наконец, с медалью окончил Парижский университет. Фарди в совершенстве знал русский, французский, немецкий и английский языки, говорил по-гречески и по-турецки, понимал румынский, болгарский, итальянский и испанский языки. До поступления на службу он занимался научным трудом, а с 1912 г. состоял юрисконсультом судебной комиссии русского императорского консульства в Константинополе. Доход ему приносила собственная юридическая контора в османской столице; также он получал проценты с имевшегося капитала и гонорары за юридическую практику. Фарди был женат на русско-подданной, имел двоих детей. Как отмечала справка о нем, под судом и следствием он никогда не был.

По собственным словам Фарди, ему были хорошо знакомы вся Европейская и Азиатская Турция, а также города Бухарест, Констанца, Яссы, Галац, София, Бургас, Варна, Филиппополь, Мустафа-паша, Де-

¹⁰⁴⁵ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. 1915 г. Ед. хр. 78. Л. 40. А.А. Савинский — А.А. Нератову. 4 июля 1915 г. № 418.

¹⁰⁴⁶ История его агентурной организации уже рассказывалась в трудах историков разведки К.К. Звонарёва и М. Алексева, поэтому мы ограничимся ее кратким изложением, добавив к ней некоторые детали из найденных нами новых документов.

¹⁰⁴² Там же. Л. 6.

¹⁰⁴³ Там же. Л. 7.

¹⁰⁴⁴ Там же. Л. 4–8.

деагач, Салоники, Афины и Эгейские острова. Фарди утверждал, что имеет связи и знакомства с политическими и юридическими деятелями, а также с высшими военными кругами в Турции, Румынии, Болгарии и Греции. Хорошие рекомендации ему давало русское консульство в Константинополе¹⁰⁴⁷. Казалось бы, в лице Фарди русская военная разведка имела дело с человеком проверенным и благонадежным, обладавшим уникальными академическими и жизненными знаниями, бесценным практическим опытом и связями. Очевидно, именно так и решили в штабе 7-й армии, на службу которого Фарди поступил в декабре 1914 г. Так открылась самая мрачная страница в истории работы заграничной разведки, руководимой из Одессы в годы Великой войны.

В октябре 1914 г. Фарди вернулся из Константинополя в Одессу, а затем, после подготовки, 11 января 1915 г. отбыл в Румынию. Известно, что в марте 1915 г. он снимал квартиру в Констанце, а с ноября 1915 г. проживал в Бухаресте на улице Кантакузино, 27¹⁰⁴⁸.

Проживая попеременно в Румынии и Одессе, Фарди представлял своему начальству составляемые им проекты новых агентурных сетей и их разноцветные схемы с обозначением агентов-информаторов и «почтальонов», т.е. агентов связи. И, конечно же, сметы расходов на агентуру, составлявшие весьма крупные даже для военного времени суммы.

Первоначально предложенная Фарди схема организации разведки в Турции предусматривала наличие агентов-резидентов, ни много ни мало, при Генеральном штабе, штабе военно-морских сил, при коммерческой конторе транспортов, а также агентов связи в Констанце и Свиленграде, младших агентов в Зунгулдаке, Керасунде или Трапезунде и на Мраморном море — в Измиде, Силиври или Родосто. Ежемесячный расход на всю эту сеть предполагался в размере всего-навсего 1500 руб. По словам Фарди, которые одесские разведчики сразу же включали в свои доклады и отчеты, его агентами были: турецкий капитан-генштабист, бывший атташе при османском посольстве в Петербурге, ныне преподаватель морской школы на острове Хальки (Принцезы острова в Мраморном море); некий полковник-комендант укрепления Таш-Табия на Босфоре; 1-й секретарь бывшего министра юстиции, обладающий обширными связями во всех министерствах; некий перс, влиятельный член младотурецкого комитета; юрисконсульт итальянского, греческого и пр. пароходных обществ в Константинополе; некий греческо-подданный, заведующий транспортной конторой по перевозке грузов между портами Черного моря. Агенты-связники имелись в Констанце и Свиленграде, связь которых с Кон-

стантинополем предполагалось поддерживать соответственно через нейтральные румынские пароходы и по железной дороге с почтальоном. Получаемые сведения связники должны были по телеграфу передавать в Одессу через русские миссии в Болгарии и Румынии, шифром разведывательного отделения и на условном языке, а также с пароходами РДП¹⁰⁴⁹.

Словно по какому-то волшебству, тайными информаторами грека-юрисконсульта сразу же оказались некие люди, стоявшие на важных постах и имевшие доступ к самым ценным для русской разведки секретам Османской империи. В штабе 7-й армии в Одессе могли бы заподозрить что-то неладное, но этого не произошло.

Как явствует из документов и позднейших событий, Фарди занимался преимущественно тем, что постоянно совершенствовал свое искусство фабриковать «агентурные донесения» и с помощью красивой отчетности оправдывать всё возрастающие денежные траты на несуществующие звенья и целые сети агентуры. В штабе в Одессе предпочитали не замечать этого, и прежде всего потому, что цветистые отчеты и прилагавшиеся к ним схемы Фарди позволяли им самим отчитываться перед вышестоящим командованием о ведении и расширении агентурной разведки в трудной военной обстановке. В итоге Фарди лично и через свою жену Анжелину Николаевну получал из штаба 7-й армии (затем Одесского военного округа) все более и более крупные суммы денег в свое полное и, по сути, бесконтрольное ведение.

К 18 июля 1915 г. в штабе 7-й армии был составлен совершенно секретный доклад «Об организации дополнительной агентуры в Турции сотрудника Фарди». В этом документе говорилось: «Восьмимесячный опыт разведки штабом армии в Турции показал, что из всех организаций таковой успешно функционирует только агентура Фарди, каковая была насажена им еще в мирное время, правда, не для целей разведки, а для получения сведений газетного характера». Автор доклада полковник Меньшов утверждал, что Фарди давал ценные сведения, в том числе данные о провозе контрабанды и движении турецких кораблей, которые были использованы русским флотом. Все агенты звеньев «О» и «S» уже были отозваны, а насаждать новых агентов в условиях войны представлялось делом трудным и долгим. Из этого Меньшов делал вывод, что следовало всемерно развивать агентуру «Ф» («Примус»), т.е. сеть Фарди. Во время его последнего приезда в Одессу им и Меньшовым был разработан проект учреждения дополнительной агентуры, согласно которому следовало завести одного агента в Чорлу для наблюдения за Южной Фракией и железнодорожными перевозками;

¹⁰⁴⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 540. Л. 9.

¹⁰⁴⁸ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 31 об.

¹⁰⁴⁹ Там же. Оп. 15. Ед. хр. 540. Л. 10–17. Доклад разведывательного отделения полевого штаба 7-й армии. 14 января 1915 г. Б.н.

в Азиатской Турции — насадить резидентов в Пандерме и Смирне и агентов связи в Хиосе и Салониках. Эта новая агентура требовала расхода в 1050 руб. одновременно на ее создание, 2815 руб. ежемесячно, а общая стоимость новой и старой агентуры Фарди теперь должна была составить 6615 руб. в месяц¹⁰⁵⁰.

Доклад и сметы Менъшова были утверждены начальником штаба 7-й армии Н.П. Стремоуховым, и ручеек казенных денег в карманы грека-юрисконсульта потек еще сильнее. Что вообще никак не оговаривалось в этом и во всех прочих проектах одесской разведки — так это способы контроля целевого расходования денег на агентурную разведку, а также методы перепроверки получаемых данных. Возлагая всю агентурную разведку безраздельно на одного Фарди, штаб Одесского округа тем самым обязался верить ему безоговорочно. Агент «Ф» не мог не воспользоваться таким подарком судьбы, щедро оплачиваемым из казны Российской империи.

На любой запрос начальства из Одессы Фарди был готов представить план работ, столь же многообещающий на словах, сколь не обеспеченный на деле. Так, к 21 июля 1915 г., в ходе подготовки к возможной десантной операции в районе Босфора, в штабе 7-й армии был составлен и утвержден его начальником генералом Стремоуховым доклад «Соображения об организации агентурной разведки сотрудника г-на Ф. при высадке и операциях нашего десантного отряда в Европейской Турции». Согласно этому проекту, в случае десантной операции предполагалось использовать для сбора сведений как уже существующие резидентуры в Иниаде, Мидии, Деркосе, Чаталдже и Чорлу, так и прежних ценных агентов в Константинополе и вновь насаждаемых в Страндже, Белграде и Килии. Резиденты на малоазийском побережье Черного моря должны были освещать возможную переброску турецких войск в район проливов с Кавказского фронта, из Сирии и Палестины. Собранные данные должны были передаваться в штаб десантного отряда с помощью средств оптической сигнализации и множества связников-«почталыонов», преимущественно из местных жителей и «четников», а также в Одессу через промежуточные пункты в Мустафа-паше, Дедеагаче, Салониках, Хиосе, Бухаресте и Констанце. Авторам доклада даже казалось возможным подкупить каких-то служащих турецких радиостанций, чтобы они передавали зашифрованные радиограммы для Одесской искровой станции. Также главе агентурной сети Фарди поручалось подготовить кадр проводников для частей десантного отряда. Впрочем, для Фарди весь труд по созданию новых

¹⁰⁵⁰ Там же. Л. 18–24. Об организации дополнительной агентуры в Турции сотрудника Фарди. Доклад по управлению генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. 18 июля 1915 г. Б.н.

резидентур на турецкой территории заключался, как и раньше, в написании об этом на бумаге. По прилагавшейся смете, расходы на разведку десантного отряда должны были составить 14 625 руб. ежемесячно, а также 5000 для одновременной выдачи¹⁰⁵¹.

Одним словом, весь проект вновь представлял собой редкое по своей наглости мошенничество со стороны Фарди, которое поощрялось его руководством в штабах 7-й армии и Одесского округа. К счастью, десант на Босфоре так и не состоялся. В противном случае высадившиеся во Фракии русские войска дорого заплатили бы своей кровью за расчеты штабов на разведывательное обеспечение со стороны вымышленной агентуры Фарди.

В сентябре начальник штаба 7-й армии утвердил новую общую смету расходов на разведку, согласно которой агент «И» (так теперь был обозначен Фарди) курировал все агентурные организации на территории Турции, Румынии и Австро-Венгрии, а также в Бессарабии. Расходы на них должны были составить 23 247 руб. в месяц, при общей сумме расходов на разведку штаба 7-й армии в 27 387 руб. в месяц. Для сравнения, до этого на агентурные сети штаба армии ежемесячно тратилось 8175 руб.¹⁰⁵², т.е. финансирование Фарди увеличилось в три раза. Показательно также, что, по той же общей смете, командирам 21-й и 22-й пограничных бригад и временного отдела 21-й бригады выдавалось в месяц на разведку по 350 руб. каждому, штаб-офицеру пограничной стражи при штабе армии — 165 руб., жандармскому офицеру на пограничной станции в Унгенах — 200 руб. в месяц¹⁰⁵³. Впрочем, как показывают документы, даже скромная сумма в 350 руб. на разведку в 1915–1916 гг. ежемесячно осваивалась штабом 22-й Измаильской бригады лишь примерно наполовину. Судя по распискам, большинство агентов представляло собой малограмотных крестьян, которые отправлялись в качестве «ходовков» в Сулину, Галац и Тульчу¹⁰⁵⁴.

Одновременно в сентябре 1915 г. штаб 7-й армии разработал проект развертывания агентурной разведки в Бессарабии на случай занятия ее австро-германскими войсками. Как и прежде, руководство всей бессарабской сетью предполагалось поручить Фарди. Он предлагал

¹⁰⁵¹ Там же. Л. 25–32. Соображения об организации агентурной разведки сотрудника г-на Ф. при высадке и операциях нашего десантного отряда в Европейской Турции. 21 июля 1915 г.; Там же. Ед. хр. 684. Л. 1–11 об. То же. Черновики, проект сметы.

¹⁰⁵² РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 431. Л. 23–23 об. Сравнительная ведомость расходов на разведку штаба 7-й армии по смете, действовавшей до 15 сентября 1915 г., и по вновь вводимой с указанного времени смете.

¹⁰⁵³ Там же. Л. 19–21 об. Смета штаба 7-й армии по расходам на разведку с 15 сентября 1915 г.

¹⁰⁵⁴ Там же. Ед. хр. 751. Л. 2–2 об.; Ед. хр. 1053. Л. 2–3.

насадить агентурные звенья (в каждом один резидент, два его помощника, один почтальон, ходоки помощников) в Кишинёве, Бельцах и Бендерах, а также звено связи — не где-нибудь, а в Копенгагене. Содержание этой сети должно было стоить 10 890 руб. в месяц. Также предполагалось насадить сеть «низших резидентов», из людей неинтеллигентных, невоеннообязанных, для стационарного наблюдения в местах их проживания, с жалованьем каждому по 50–55 руб. в месяц. К февралю 1916 г. этих «низших резидентов», подбор которых был доверен офицерам ОКПС, числилось на службе 19 человек. По утверждению начальника штаба 7-й армии докладу от 7 сентября 1915 г. о развертывании агентуры в Бессарабии, общие расходы на всю агентурную разведку в случае занятия этой губернии австро-германцами должны были составить 14 925 руб. в месяц¹⁰⁵⁵.

Заблаговременная подготовка агентуры в Бессарабии на случай ее оккупации противником, с одной стороны, говорит о начавшем появляться у руководителей русской военной разведки стремлении просчитывать возможное развитие ситуации хотя бы на несколько шагов вперед и заранее принимать необходимые меры. С другой стороны, это же свидетельствует о крайне пессимистической оценке положения на юго-западном стратегическом направлении в конце 1915 г. И, конечно, нельзя не удивиться тому, что насаждение и этой новой бессарабской агентуры начальство в Одессе решило доверить все тому же Фарди, словно он обладал сверхчеловеческими способностями или кроме него никто вообще не мог заниматься агентурной разведкой.

Некоторые проекты новых агентурных организаций, исходившие от Фарди, просто поражают своей дерзостью. Так, 20 ноября 1915 г. начальник штаба 7-й армии Н.Н. Головин утвердил проект получения через сотрудника «И» агентурных сведений из структуры под условным обозначением «Боденмар». В проекте говорилось, что представляется возможным через сотрудника «И» завербовать трех лиц в офицерском звании, состоящих на службе в трех отделах «Боденмара»: 1) разведывательном, 2) историко-архивном, 3) топографическом. Отмечалось, что принятие на службу этих лиц дало бы штабу 7-й армии возможность получать весьма разнообразные сведения и карты, имеющиеся в этих отделах, и, кроме того, воспользоваться результатами ведущейся «Боденмаром» разведки в Австрии и Болгарии, а также материалами донесений военных агентов в Берлине, Вене, Софии и Константинополе. Таким образом, не вызывает сомнения, что под «Боденмаром» подразумевался Большой Генеральный штаб Румынии. Естественно,

¹⁰⁵⁵ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1 доп. Ед. хр. 627. Л. 7–21, 28–37; Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 684. Л. 21–22, 27–28.

разовая вербовка трех офицеров румынского Генштаба была абсолютно невыполнимой задачей. Тем не менее штаб 7-й армии утвердил предложенную смету по «Боденмару» в размере 4200 руб. в месяц¹⁰⁵⁶. Нужно ли добавлять, что все расчеты с агентами должны были вестись через сотрудника «И»?

В декабре 1915 г., после ухода 7-й армии на Юго-Западный фронт, Фарди и его агентура остались в ведении штаба Одесского военного округа, который продолжал доверять бывшему юрисконсульту руководство всей своей заграничной агентурой. Тогда же, на фоне острых проблем в разведывательной работе на территории Румынии, было решено реорганизовать прежние агентурные сети. Однако сделано это было своеобразно.

Прежняя агентура «Ф» упразднялась с 1 января 1916 г., а вместо нее с того же числа вводилась в действие новая агентура «И». Все донесения теперь должны были поступать через Афины и Салоники, минуя Бухарест. Во главе этой сети стоял тот же самый Фарди. Теперь его агентура включала в себя (естественно, только на бумаге) резидентов в Зунгулдаке, Афьон-Карахиссаре, Смирне, Шиле, Иниаде, Мидии, Деркесе, Константинополе (те прежние ценные информаторы в Морском штабе и Военном министерстве), Чаталдже и Чорлу, а также агентов связи в Хиосе, Афинах, Ксанти, Салониках. При некоторых резидентах предусматривалось наличие агентов-«почтальонов». Расходы на агентуру Фарди возросли: теперь на плату агентам, телеграфные и непредвиденные расходы предполагалось тратить 11 500 руб. в месяц. Наибольший смысл во всем этом проекте имело то его положение, согласно которому все денежные расчеты с агентурой разведка штаба округа производила через организатора и руководителя сети г-на «И»¹⁰⁵⁷.

Важно отметить, что 11 500 руб. выделялось Фарди только лишь на тайную разведку в Турции, помимо которой штаб округа доверил ему создание и курирование агентурных организаций в Румынии, Болгарии, Австро-Венгрии и Греции. Так, был разработан план, что, в случае выступления Румынии против России, сотрудник «И», сохраняя прежнюю агентуру «Боденмар», разворачивал новую агентурную сеть «Р», общая смета расходов на содержание которой была утверждена в размере 7875 руб. в месяц. В эту сеть должны были входить агенты-ре-

¹⁰⁵⁶ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 869. Л. 2–3. Доклад управления генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. По разведывательному отделению. 20 ноября 1915 г. Б.н.; Смета по «Боденмару». 19 ноября 1915 г.

¹⁰⁵⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 540. Л. 33–36. Об организации в Турции новой агентурной сети сотрудника «И». Доклад штаба Одесского военного округа по разведывательному отделению. 16 декабря 1915 г. Б.н.

зиденты в Бухаресте (в Военном министерстве и в МИД), в Констанце, Бузео, Галаце, Романе, Яссах, Журжево, Предяле¹⁰⁵⁸.

В случае вступления Румынии в войну предполагалось поддерживать связь со всеми этими странами через территорию Швейцарии, где должна была быть создана еще одна агентура¹⁰⁵⁹. Общая смета разведывательного отделения штаба Одесского военного округа, утвержденная генералом Эбеловым 29 ноября 1915 г. и вступившая в силу с 1 декабря, предполагала расходование 52 272 руб. в месяц, или 627 264 руб. в год. Из этой суммы на агентурные организации штаба округа (все — созданы Фарди и подчинены ему!) выделялось в общей сложности 48 132 руб. в месяц¹⁰⁶⁰.

По личной смете сотрудника «И», официально он с декабря 1915 г. получал 1000 руб. в месяц жалованья, его главный помощник — 250 руб.; а также выделялось 150 руб. трем посольским курьерам в Бухаресте (по 50 каждому) за отправку телеграмм и 600 руб. — на конспиративные квартиры, разъезды, канцелярские и мелкие расходы; в общей сложности — 2000 руб. ежемесячно¹⁰⁶¹. Однако эти законные выплаты были сущей мелочью в сравнении с десятками тысяч рублей, которые сотрудник «И» получал в полное и безотчетное распоряжение.

Выделяя Фарди эти огромные средства, штаб округа в то же время был весьма скуп в отношении всех прочих расходов на разведывательные цели. В проекте сметы предлагалось, как и ранее, выдавать командирам 21-й и 22-й пограничных бригад и временного отдела 21-й бригады на ведение разведки по 900 руб. в месяц каждому; им же — по 50 руб. в месяц на вознаграждение передатчиков сведений из-за границы; а также состоящему в распоряжении штаба округа штаб-офицеру пограничной стражи на ведение разведки 125 руб. и добавочного содержания на разъезды — 40 руб. в месяц; жандармскому офицеру в Унгенах на ведение разведки — 200 руб. в месяц. Однако эта статья сметы была перечеркнута карандашом, с резолюцией: «По этому отделу пока расходов не предвидится»¹⁰⁶².

Шли месяцы, но ситуация вокруг деятельности агента Фарди оставалась прежней. В августе 1916 г. Румыния вступила в войну, что потребовало изменить всю схему ведения стратегической разведки за гра-

¹⁰⁵⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 869. Л. 4–6. Доклад штаба Одесского военного округа на театре военных действий. По разведывательному отделению. Б.д. Б.н. Утвержден главным начальником Одесского военного округа генералом от инфантерии Н.А. Марксом 16 декабря 1915 г.

¹⁰⁵⁹ Там же. Ед. хр. 895. Л. 1–6.

¹⁰⁶⁰ Там же. Ед. хр. 2359. Л. 2–2 об., 4–5 об.

¹⁰⁶¹ Там же. Л. 12.

¹⁰⁶² Там же. Л. 4–5 об.

ницей из Одессы. Однако в докладе штаба Одесского военного округа от 14 сентября 1916 г. отмечалось, что «главным организатором и руководителем всех агентур остается наш прежний сотрудник “И”»¹⁰⁶³. По бумагам, Фарди значился руководителем агентурных сетей «Тета», «Дзета» (Австро-Венгрия), «Дельта» (Сербия и Болгария), «Гамма» (Болгария), «Альфа», «Бета» и «Сигма» (Турция). Содержание всех его агентурных организаций обходилось в 159 000 франков в месяц¹⁰⁶⁴. Однако, при всей пространнысти и сложности схем этих организаций, на практике дело сводилось к чудовищному мошенничеству и воровству.

Как оценивали в штабе Одесского округа способности и достижения Фарди в области агентурной разведки? Сомнения в добросовестности Фарди и в ценности его агентуры появились у руководителей окружной разведки не позднее весны 1916 г. К примеру, 13 апреля В.М. Васильев писал Фарди в Бухарест: «При весьма интенсивной по количеству отправляемых телеграмм работе Вашей организации, качество их зачастую ниже черпаемых из печати сведений; нередко десяток шифрованных листов не дает двух строчек материала для нашей ежедневной сводки. Получается работа впустую — шифрование и расшифрование никому не нужных, непроверенных общих сведений»¹⁰⁶⁵. Там же Васильев указывал, что болгарская агентура «Ф» работает совершенно неудовлетворительно, тогда как сведения о Болгарии были особенно необходимы. Вся австрийская агентура, за исключением агентов в Темешваре и Черновицах, была признана полностью непригодной; от ее услуг решили отказаться. Наконец, начальник разведывательного отделения штаба округа требовал от Фарди немедленно положить конец параллельной работе его агентов и на штаб Черноморского флота, выявленной из целого ряда тождественных донесений. Одновременно Васильев спрашивал, прекратила ли организация Фарди передавать свои данные также и штабу Дунайской Экспедиции особого назначения. И, несмотря на все это, в том же самом письме Васильев сообщал Фарди, что выдал его жене Анжелине Николаевне под расписку 32 392 руб. — месячное содержание агентуры «Ф» за период с 15 апреля по 15 мая¹⁰⁶⁶. Иными словами, огромные деньги продолжали течь в руки Фарди, при очевидных изъянах в работе его агентуры.

Штаб округа или продолжал питать иллюзии относительно способностей Фарди, или понимал, что у него уже не было иного выбора, кроме как продолжать доверять этому сотруднику. Размах деятельно-

¹⁰⁶³ Там же. Оп. 1 доп. Ед. хр. 635. Л. 1–12. Доклад штаба Одесского военного округа. 14 сентября 1916 г. Б.н.

¹⁰⁶⁴ Там же.

¹⁰⁶⁵ Там же. Оп. 10. Ед. хр. 959. Л. 36–37. В.М. Васильев — Г.А. Фарди. 13 апреля 1916 г. Б.н.

¹⁰⁶⁶ Там же.

сти Фарди все увеличивался. В начале 1916 г. он предложил штабу амбициозный проект организации в Турции пропагандистской работы среди арабов и курдов, направленной против германцев и младотурок. Проект был доложен помощнику генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта Н.Н. Духонину, опытному разведчику. Тот одобрил идею и просил представить подробный письменный план и смету расходов.

Фарди, давно ждавший случая развернуть во всю ширь свои таланты афериста, сразу же рьяно приступил к работе и начал регулярно докладывать об успехах своих людей, однако представление плана и сметы оттягивал до августа 1916 г. До этого времени, по донесениям самого бывшего юрисконсульта, его организации удалось добиться головокружительных успехов. Фарди докладывал, что через своих агентов он установил контакты с некоторыми русофильски настроенными принцами и сановниками Османской империи, готовых якобы бороться против германо-младотурецкого режима. Также Фарди сообщал, что им были «заагентурены» или намечены к вербовке многие турецкие офицеры, представители духовных сект, представительницы Лиги эмансипации турецких женщин, чиновники почты, телеграфа, телефонной связи и железных дорог.

Наконец, хитрый грек докладывал о развернутой его людьми широкой диверсионной борьбе. К.К. Звонарёв, в 1929 г. первым рассказавший эту историю по документам русской разведки, пишет: «Через некоторое время Фарди донес Марксу, что его организация убила фон дер Гольц-пашу, Абдул-пашу, фон Мюнцнер-пашу, Ахмед-Заде-Селим-бея; совершила покушения на Энвер-пашу и Сандерс-пашу, устроила 15 июня 1916 г. массовое убийство германо-турецких офицеров в Сивасе и пр. и пр. Фарди доносил, что революционная пропаганда велась его организацией, главным образом, на фронте в районах Эрзинджана, Гюмушхане, Байбурта и Опваса и лишь благодаря ей русские войска имели успех на Кавказском фронте. Кроме того, этой пропагандой якобы были вызваны беспорядки в прибрежных городах Эгейского моря, например в Смирне, в районе Бруссы и др., куда германо-турки для водворения порядка вынуждены были послать значительное количество войск»¹⁰⁶⁷.

Разумеется, при этом Фарди опять не представлял никаких документальных подтверждений того, что эти акции имели место на самом деле или что к ним действительно были причастны его агенты. Только в августе 1916 г. Фарди представил начальству смету и потребовал, чтобы ему возместили уже потраченную на диверсионную

борьбу в Турции огромную сумму в 86 900 руб. Генквартирмейстер согласился выплатить эти деньги только в том случае, если Фарди и его агенты в течение трех месяцев выполнят поставленные им новые задания и предъявят тому твердые доказательства. Фарди отвечал, что не может этого сделать, так как у него больше нет средств на содержание агентурной сети. В то же время один из подчиненных Фарди, прибывший из Константинополя в Бухарест с идеей развития этой сети, сообщил, что на ее содержание Фарди не потратил ни копейки, а все инициативы оставались в области проектов. Начинала вырисовываться картина крупномасштабного и злостного мошенничества, но в Одессе не решались окончательно порвать со своим агентом, столь ценным ранее. Впрочем, в штабе округа осознали необходимость покончить с бесконтрольностью Фарди и поставить во главе его агентурных организаций человека с офицерским чином, против чего он ранее резко возражал¹⁰⁶⁸. Это осуществилось лишь осенью 1916 г., когда после вступления Румынии в войну было решено перенести все руководство зарубежной агентурой штаба Одесского военного округа в нейтральную страну, а именно в Данию, в Копенгаген.

Офицером-руководителем был избран штатный переводчик разведотделения штаба округа подполковник Владимир Иванович Андреев (в некоторых документах — Андреев-Стерн). Этот человек ранее уже упоминался на страницах нашей книги, в связи с его прежней службой по Балканской агентуре Департамента полиции. Расскажем в двух словах о его интересной и непростой судьбе. Владимир Андреев в 1896 г. окончил по 1-му разряду два курса НАГШ, в 1898 г. был переведен в Отдельный корпус жандармов, где занимал различные должности, в том числе и связанные с заграничным сыском. В свою бытность помощником начальника Одесского охранного отделения он некоторое время заведовал Балканской агентурой. Перед самой войной, в 1913 г., Андреев вышел в отставку, но в мае 1915 г. по мобилизации был вновь призван на службу и прикомандирован для занятий к ГУГШ, при КРО которого он числился в 1915 г.¹⁰⁶⁹

Позднее Андреев по собственному желанию получил назначение на фронт, в 10-й Заамурский пограничный пехотный полк. Командуя батальоном полка, 23 мая 1916 г. в бою под местечком Окна в Буковине он был контужен тяжелым снарядом и отправлен в тыл для лечения. Там Андреева зачислили во 2-й разряд 3-й категории эвакуированных и назначили на штатную должность переводчика при разведывательном

¹⁰⁶⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 2076. Л. 56–60. Н.А. Маркс — генерал-квартирмейстеру штаба Румынского фронта. 19 мая 1917. № 1544.

¹⁰⁶⁹ Там же. Ед. хр. 23. Л. 77. Список г.г. офицеров, состоящих при контрразведывательном отделении Главного управления Генерального штаба. 7 августа 1915 г.

¹⁰⁶⁷ Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 272.

отделении штаба Одесского военного округа¹⁰⁷⁰. Он владел немецким, французским и шведским языками¹⁰⁷¹. С согласия министра торговли и промышленности князя В.Н. Шаховского Андреев для легализации его пребывания в Дании был назначен на нештатную должность при российском торговом представительстве в норвежской Христиании (ныне Осло). Прибыв в Копенгаген в начале ноября 1916 г., Андреев выяснил полную непригодность всех агентов, направленных туда Фарди, за исключением одного под псевдонимом «Рюрик», а также «в высшей степени хищнический способ расплаты Фарди с агентами»¹⁰⁷². Тогда новый куратор организации начал самостоятельно налаживать агентурную работу. А посланник в Дании К.Н. Гулькевич отмечал, что Андреев трудился усердно и вел себя осторожно и скромно, в полную противоположность Фарди, который менял фамилию при переезде из одной гостиницы в другую, что в маленьком городе привлекло внимание полиции¹⁰⁷³. По словам генерала Маркса, Андреев, взяв все дело в свои руки, сберег для государства десятки тысяч рублей, которые иначе попали бы в карман Фарди¹⁰⁷⁴. При этом, однако, Маркс не заострял внимание на том, что именно благодаря преступному попустительству и халатности штаба 7-й армии и Одесского военного округа в 1914–1916 гг. в руки Фарди из казны воюющей России утекли многократно большие суммы денег.

Сам Фарди, вопреки предписаниям начальства, так и не прибыл в Копенгаген; вместо этого он находился в Стокгольме и слал оттуда телеграммы с требованием отозвать Андреева, которому, по его словам, он не доверял. И лишь когда донесения Андреева из Копенгагена вскрыли поведение Фарди, а сам последний так и не отчитался в выданном ему месячном авансе в 30 тыс. руб., штаб Одесского округа принял решение избавиться от услуг Фарди¹⁰⁷⁵.

Кляузы хитрого грека едва не погубили всю командировку Андреева. После беседы с князем Шаховским в январе 1917 г. военный министр М.А. Беляев указал штабу Одесского военного округа на желательность безотлагательного отзыва Андреева в Россию, что и было исполнено. Однако своим подробнейшим личным докладом Андреев

сумел полностью оправдаться, доказав правильность всех своих действий. Служебное расследование не выявило ничего предосудительного. О скорейшем возвращении Андреева в Данию для «дальнейшего руководства многочисленными разведывательными организациями» ходатайствовал и военный агент полковник С.Н. Потоцкий. Андреев был в итоге командирован обратно в Данию «для продолжения своей безусловно полезной и продуктивной деятельности»¹⁰⁷⁶. Однако в конце апреля 1917 г. Андреев начал просить перевода из Копенгагена, мотивировав это тем, что из-за происков Фарди пребывание на прежнем месте стало для него небезопасным¹⁰⁷⁷. В итоге он был переведен в Стокгольм¹⁰⁷⁸.

А вот для Фарди все сложилось гораздо менее благоприятно. В начале января он прибыл в Одессу, где ему и было приказано оставаться. 27 января 1917 г. одесские власти наложили секвестр на все его имущество, включая дом стоимостью 100 тыс. руб. Благодаря Февральскому перевороту Фарди смог выехать из Одессы в Петроград, чтобы доложить свое дело и продолжить борьбу. В столице он составил ряд жалоб против руководящих лиц штаба Одесского военного округа, обвиняя их во всех смертных грехах¹⁰⁷⁹. При этом бывший агент «И» настаивал, что целый чемодан с его оправдательными финансовыми документами, поступивший из МИД в Генштаб, был отправлен в Одессу, к врагам и гонителям Фарди, которых эти документы якобы и уличали¹⁰⁸⁰. Ввиду высокого положения фигурантов дела, оно было передано Чрезвычайной следственной комиссии, его рассмотрением занимались поочередно сенаторы В.А. Бальц и С.Н. Трегубов.

В своих письмах на имя военного министра Фарди рассказывал, что им были налажены отличные агентурные организации «И», «Ф», «Примус», «Секундус», «Сигма», «Рюрик», добывавшие бесценные сведения. Именно этот успех якобы возбудил против Фарди многих; его начали травить, оттирать в сторону от дела, урезать финансирование, требовать вернуть уже истраченные на разведку деньги. С октября

¹⁰⁷⁶ Там же. Л. 1–2. Доклад по ГУГШ. Огенквар. Разведывательное делопроизводство. 14 марта 1917 г. № 47952.

¹⁰⁷⁷ Там же. Л. 56–60. Н.А. Маркс — генерал-квартирмейстеру штаба Румынского фронта. 19 мая 1917. № 1544.

¹⁰⁷⁸ Там же. Л. 64.

¹⁰⁷⁹ В марте 1917 г. в в КРО штаба Петроградского округа от некоей Марии Кормиловой, жившей в Петрограде и близко знакомой с Фарди, поступали письма с доносами на Маркса и чинов штаба Одесского военного округа. По этим письмам, Маркс якобы содействовал вражеским шпионам и через свою сожительницу немку Резгольц сообщал им военные тайны. Именно при ее посредстве германская разведка натравила Маркса на организацию «И», т.е. на Фарди, против которых Маркс действовал с самого своего назначения (Там же. Л. 13–16).

¹⁰⁸⁰ Там же. Л. 20–22.

¹⁰⁷⁰ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 2076. Л. 66–68. Н.А. Маркс — обер-квартирмейстеру ГУГШ. 24 июня 1917 г. № 1949.

¹⁰⁷¹ Там же. Л. 56–60. Н.А. Маркс — генерал-квартирмейстеру штаба Румынского фронта. 19 мая 1917 г. № 1544.

¹⁰⁷² Там же. Л. 66–68. Н.А. Маркс — обер-квартирмейстеру ГУГШ. 24 июня 1917 г. № 1949.

¹⁰⁷³ Там же. Л. 9.

¹⁰⁷⁴ Там же.

¹⁰⁷⁵ Там же. Л. 56–60. Н.А. Маркс — генерал-квартирмейстеру штаба Румынского фронта. 19 мая 1917 г. № 1544.

1916 г., по словам Фарди, ему вообще не выдавали денег по сметам. Он жаловался, что подполковник Андреев-Стерн, прибыв в Копенгаген, начал возбуждать против него агентов, старался всячески его скомпрометировать, причем ему удалось склонить на свою сторону русского военного агента Потоцкого. В итоге, писал Фарди, все его агентурные сети были развалены, а в вину ему начали ставить те суммы, которые были потрачены на разведку уже помимо него¹⁰⁸¹.

В штабе Одесского военного округа не могли быть довольны той войной, которую развязал против них Фарди. Были предприняты ответные шаги. 19 апреля 1917 г. генерал Маркс телеграфировал в Огенквар: «Фарди состоял организатором по разведке, не оправдал крупных денежных выдач, обязался словом не выезжать из Одессы без разрешения; это слово нарушил, принимал меры к разрушению агентурной организации, что могло принести существенный вред нашему делу разведки, в его деятельности обнаружено весьма недобросовестное отношение к агентам по разведке; по всем этим причинам считаю оставление Фарди на свободе опасным и вредным для наших заграничных организаций, зная которые он может принять меры к разрушению дорогостоящего и с большим трудом налаженного дела агентурной разведки»¹⁰⁸².

25 сентября 1917 г. главный начальник Одесского военного округа П.Г. Фелицын писал начальнику Генерального штаба: «Руководитель заграничных агентур Оштаба (штаба Одесского военного округа. — В.К.), находящийся в Скандинавии, доносит, что 19-го сентября два главных агента Оштаба, находящиеся в Константинополе, были арестованы, в течение 10-ти дней подвергнуты зверским насилиям, но дела не выдали. Константинопольский резидент Оштаба определенно указывает на находящегося в Петрограде и известного Огенквару Георгия Александровича Фарди как на источник доноса турецким властям. Неоднократные ходатайства НаОштаб (начальника штаба округа. — В.К.) об обезврежении Фарди оставлены без последствий. Фарди продолжает оставаться на свободе, и уже есть результаты его деятельности, направленной во вред государству. Дальнейшее оставление Фарди на свободе приведет к полной гибели с большим трудом организованных, в течение трех лет войны налаженных и дорого стоящих государству агентурных сетей Оштаба. Убедительно прошу Ваших срочных распоряжений и о последующем прошу не отказать приказать меня уведомить, дабы успокоить органы агентуры»¹⁰⁸³.

¹⁰⁸¹ Там же. Л. 17–19.

¹⁰⁸² Там же. Л. 11. Н.А. Маркс — в Огенквар. 19 апреля 1917 г. № 1231.

¹⁰⁸³ Там же. Оп. 13. Ед. хр. 152. Л. 1. П.Г. Фелицын — начальнику Генштаба. 25 сентября 1917 г. № 2703-Р.

В делах Центрального военно-регистрационного бюро также имелись некие сведения о том, что Фарди был военным шпионом турецкого правительства. 4 октября 1917 г. Центральное контрразведывательное отделение ГУТШ приняло решение об обыске и аресте Фарди. 6 октября он был арестован и заключен в Петроградскую одиночную тюрьму¹⁰⁸⁴. Сидя в «Крестах», Фарди активно жаловался в разные судебные и военные инстанции, называл себя жертвой клеветников и завистников. При этом он настаивал, чтобы его дело расследовала контрразведка Петроградского военного округа, и умолял не высылать его в Одессу, где его жизнь была бы под угрозой. Бывший агент прямо утверждал, что в Одессе он будет убит или отравлен, ибо он был слишком хорошо осведомлен о делах разведки Одесского военного округа¹⁰⁸⁵. В ГУТШ согласились не выдавать Фарди в Одессу; вместо этого рассматривался курьезный вариант передачи его контрразведке Румынского фронта, не имевшей никакого отношения к данному делу. Из Одессы телеграфировали, что сам Фарди им совершенно не нужен, однако просили прислать изъятые у него документы¹⁰⁸⁶.

Фарди продолжал доказывать свою правоту и опровергать возводимые на него обвинения. Он писал, что в конце лета 1916 г. его заграничная контрразведывательная агентура была закрыта, а на его место был назначен известный австро-румынский шпион Абрамович. Главу одесской военной контрразведки В.М. Якубова сменил «гонитель невинных» (по выражению Фарди) ротмистр ОКЖ А.Ф. Белавин. Он, а также начальник штаба Одесского военного округа Н.А. Маркс и начальник разведки окружного штаба В.М. Васильев были личными врагами Фарди, которые фальсифицировали его донесения и запрещали ему передавать правильные сведения (sic!). Главным своим недругом бывший руководитель всей агентуры Одесского округа называл генерала Маркса¹⁰⁸⁷. По версии Фарди, причиной гонений на него стало то, что в конце 1915 г. он разоблачил группу лиц, связанных с разведкой Одесского военного округа, но работавших на германцев¹⁰⁸⁸. В результате с ним якобы стали сводить счеты. В частности, была задержана выдача 82 тыс. руб., потраченных им и его друзьями на ведение пропаганды в Турции в пользу России¹⁰⁸⁹.

14 ноября 1917 г. Фарди, по его ходатайству, был переведен в Николаевский военный госпиталь, в отделение для арестованных, поскольку он был тяжело болен, а в тюрьме царили холод и голод. 29 ноября

¹⁰⁸⁴ Там же. Л. 4, 5–5 об., 9; Оп. 16. Ед. хр. 2076. Л. 91 об.

¹⁰⁸⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Ед. хр. 152. Л. 7–8, 14, 22–25, 28–29.

¹⁰⁸⁶ Там же. Л. 18–20.

¹⁰⁸⁷ Там же. Л. 90–90 об., 92–96 об.

¹⁰⁸⁸ Там же. Л. 11–12.

¹⁰⁸⁹ Там же. Л. 31–33 об.

руководство контрразведки приняло решение освободить Фарди из-под стражи ввиду плохого состояния его здоровья. Штаб Одесского военного округа не возражал¹⁰⁹⁰. К тому моменту Фарди, считая себя освобожденным, самовольно ушел (фактически — бежал) из госпиталя, и на этом его следы теряются в документах тех бурных времен¹⁰⁹¹.

Итак, до самой гибели Российской империи организация тайной заграничной агентурной разведки из Одессы оставалась ниже всякой критики, и руководство ничего не могло поделать с этим. Опыт разведывательной работы русских военных агентов в Сербии, Черногории, Греции и Болгарии, а также штабов Одесского военного округа и 7-й армии на Балканах свидетельствует, что заграничная деятельность русской разведки в годы Великой войны страдала целым рядом болезней, как унаследованных от довоенного времени, так и новоприобретенных. Главными изъянами системы были острая нехватка подготовленных кадров, отсутствие материальной базы работы в широком смысле этого слова (связь, транспорт, хранилища документации и т.д.). В условиях большой войны, когда каждый день был на счету и время стоило дороже денег, русское военное руководство стало выделять на ведение разведки, в том числе и на Балканах, обширные денежные средства. Однако события показали, что никакие потоки золота, никакие спешные «вбрасывания» денежной массы не были способны заменить планомерной работы по подготовке кадров, созданию тайных резидентур и агентурных сетей разведки. Непонимание или пренебрежение этим со стороны руководства вели к неоправданным тратам огромных денег, нехватке достоверных агентурных данных, болезненным и скандальным провалам и, что было хуже всего, к падению доверия высшего военного командования к донесениям и суждениям разведки. Все это, как нигде, проявилось в работе русской разведки в Румынии, речь о которой пойдет в заключительной части нашей книги.

Часть III

«ШПИОНСКИЙ РОМАН»: РУМЫНСКИЕ БУДНИ РУССКОЙ РАЗВЕДКИ

¹⁰⁹⁰ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 2076. Л. 92.

¹⁰⁹¹ Там же. Оп. 13. Ед. хр. 152. Л. 72, 88, 123.

Глава 13

КАРТИНА ПОЛЯ БИТВЫ

Сдается мне, эта забава будет продолжаться до тех пор, пока его ветхая сеть не порвется окончательно.

Джек Лондон. Деметриос Контос

Избегать сношений с румынами, так как это народ предательский и продажный.

*П.И. Рачковский, руководитель русского политического сыска за границей*¹⁰⁹²

В годы Первой мировой войны территория Румынии была ареной энергичной деятельности разведывательных и контрразведывательных органов различных ведомств Российской империи, которые вели здесь напряженную борьбу против секретных служб вражеских государств, а иногда — и друг против друга. Вплоть до августа 1916 г. румынское руководство последовательно и искусно проводило политику выжидательного нейтралитета, что позволяло разведкам обоих воюющих лагерей активно работать в этой придунайской стране. «Шпионаж и контршпионаж, конечно, процветал за эту войну. В Румынии им особенно упорно занимались русские», — вспоминал австро-венгерский посланник в Бухаресте (1913–1916) граф Оттокар фон Чернин¹⁰⁹³.

Главные задачи, стоявшие перед разведывательными службами Российской империи в Румынии, заключались в изучении состояния румынских вооруженных сил и настроений их командного состава, в наблюдении за политическими, экономическими и военными мероприятиями правительства Иона Брэтиану-младшего, в ведении пропаганды в румынском обществе и среди офицерства, в сборе сведений о неприятельской деятельности на Балканах, в частности, о контрабандном провозе австро-германских военных грузов в Турцию и Болгарию через территорию Румынии. Русская разведка должна была противодействовать этому транзиту, а также диверсиям вражеской агентуры против судов дунайской Экспедиции особого назначения, которая обеспечивала связь России с Сербией и западными союзниками. Наконец, исключительно важной задачей русской разведки в Румынии в военное время стали сбор разведывательной информации по Австро-Венгрии, Турции и Болгарии (с октября 1915 г.), а также борьба с неприятельским шпионажем против России с румынской территории.

Весьма лестный отзыв о работе русской разведки в Румынии оставил выдающийся деятель секретных служб, глава германской разведки в Великую войну полковник Вальтер Николаи. Он вспоминал:

¹⁰⁹² ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 3–3 об. Инструкции ротмистру ОКЖ В.В. Тржецяку перед назначением его руководителем Балканской агентуры, пункт 8. Начало 1902 г.

¹⁰⁹³ Чернин О. В дни мировой войны. Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел. М.; Пг., 1923. С. 110.

«В Румынии Россия руководила совместной разведкой Антанты. После оккупации страны германскими войсками удалось установить, что уже до войны русская разведка успешно работала отсюда против срединных держав, в особенности — против Австрии. Ее поддерживала при этом румынская полиция. Во время войны, пока Румыния была нейтральной, русская разведка, в сотрудничестве с английскими и французскими консульствами, была направлена прежде всего против соединительных путей между Турцией и Германией в целях наблюдения за снабжением Турции боевыми припасами и за переброской германских войск в Турцию»¹⁰⁹⁴.

Если о главных целях русской разведки в Румынии Николай был осведомлен совершенно верно, то его суждения о результативности ее работы и взаимоотношениях с местной политической полицией, сигуранцей, вызывают много возражений. Именно в Румынии в условиях большой европейской войны ярче всего проявились болевые точки и родимые пятна организации заграничной работы секретных служб старорежимной России. Попытаемся выяснить в подробностях, кем, каким образом и в какой обстановке добывались те разведанные, на которых в годы войны русское руководство было вынуждено строить свою стратегию на румынском направлении. Сохранившиеся документы, большей части которых ни разу не касалась рука историка, дают нам уникальную возможность погрузиться в ту среду, в которой протекала повседневная жизнь и работа русских разведчиков и их противников в этой части Балкан. На пути к этой цели нам придется, помимо прочего, опуститься на довольно грязное дно бухарестского полусвета и познакомиться с его обитателями — контрабандистами, проститутками, сутенерами, шантажистами, гешефтмахерами всех мастей, узнать о слабостях и пороках некоторых внешне достойных представителей секретных служб России, об их междоусобных интригах и доносах. Но... обо всем по порядку.

Никто из исследователей до сих пор не сумел показать, как же на самом деле протекала повседневная работа агентов русской разведки в зарубежных странах в период Великой войны, на что в действительности ими расходовались значительные денежные суммы, отпускаемые на агентурную разведку, в оправдании которых многие агенты достигли изрядных высот. Большинство историков русской военной разведки всегда черпали основной набор фактических сведений из руководящих и отчетных документов разведывательных органов; по ним делались и выводы о результатах их работы. Ущербность и ограниченность этого подхода достаточно очевидны, но трудно преодолимы.

¹⁰⁹⁴ Николай В. Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время / пер. с нем.; под ред. К.К. Звонарева. М., 1925. С. 63–64.

Во все времена разведывательные органы и их агенты имели склонность к преувеличению успехов своей работы и преподнесению ее результатов начальству в благоприятном свете, иногда путем умолчания, иногда путем искажения фактов. В эпоху Первой мировой войны эти явления процветали, поскольку практически отсутствовали контроль за агентурной работой сотрудников, а также реальная оценка достоверности их донесений и целесообразности расходования выделенных средств. Зачастую по отчетным документам все выглядело достаточно гладко, тогда как в действительности в работе разведки на отдельных участках творилось нечто неопишное, невыразимое на бумаге, напоминающее гротескный сюжет замечательного сатирического романа Грэма Грина «Наш человек в Гаване».

Единственным путем к преодолению недомолвок и прямой лжи официальных отчетов является сплошное исследование текущей служебной документации тех ведомств и разведывательных органов, которые занимались разведкой в интересующем нас отдельно взятом регионе. Сопоставление этих материалов позволяет прийти к некоторым интересным выводам. Дело в том, что, несмотря на острую нехватку контроля со стороны прямого начальства, деятельность агентов одних ведомств получала достаточно подробное освещение в документации других, нередко конкурирующих служб и органов. Иногда это приобретало ярко выраженный характер межведомственных войн, взаимных интриг, подкопов и подсиживаний. Немалую ценность имеют также материалы русской контрразведки, которая в годы войны активно действовала в зарубежных странах, в данном случае в Румынии. В поле ее зрения постоянно находились и различные агенты русской разведки, деятельность которых, увы, слишком часто требовала внимательного изучения собственной контрразведкой и дальнейших карательных мер. Собиравшийся русскими разведчиками и контрразведчиками компромат друг на друга является ценным источником, хотя получаемая таким путем картина имеет мало общего с теми исполненными пафоса героическими лубками, которые так часто предлагают читателю авторы научно-популярных книг по истории разведки и шпионажа, а также некоторых трудов ведомственной историографии, всегда стремящейся к возвеличению прошлого своей службы.

Задолго до 1914 г. в Румынии действовали различные ведомства и органы военной и политической разведки Российской империи, но после начала мировой войны эта страна подверглась настоящему наплыву агентов русских секретных служб. На румынской территории работали официальный военный агент России, сотрудники Особого делопроизводства Огенквара, Контрразведывательного отделения ГУГШ (затем Центрального военно-регистрационного бюро

при ГУТШ), штаба Юго-Западного фронта, штаба Одесского военного округа и сформированного на его основе штаба отдельной 7-й армии, штабов 21-й и 22-й бригад пограничной стражи, Департамента полиции, Бессарабского губернского и Одесского городского жандармских управлений, в частности, начальник жандармского пограничного пункта в Унгенах на русско-румынской границе. Сбором агентурных сведений военно-политического характера активно занимались сотрудники дипломатического ведомства — русской миссии в Бухаресте и консульских учреждений в разных городах Румынии (в Яссах, Галаце, Сулине, Констанце, с осени 1915 г. в Журжево на Дунае). Кроме того, осенью 1914 г. была учреждена должность военно-морского агента в Румынии, которую занял бывший морской агент в Константинополе А.Н. Щеглов. Наконец, вскоре после начала войны была сформирована дунайская Экспедиция особого назначения (ЭОН), которую возглавил капитан 1-го ранга флигель-адъютант М.М. Весёлкин. Задача флотилии заключалась в поддержании связи России с Сербией по Дунаю. Довольно скоро штаб ЭОН превратился в еще один центр русской разведки на Дунае; его офицеры стали резидентами в различных румынских дунайских портах. Казалось бы, на разведку в Румынии были брошены значительные силы и большие денежные средства, и это должно было дать положительные результаты, даже с учетом неизбежных межведомственных трений и недоразумений. Однако в действительности все оказалось не так. Интересы общего дела требовали координации и согласования усилий агентурных организаций русской разведки, что оказалось непосильной задачей.

Наряду с агентами русской разведки в Бухаресте не менее активно работали представители противного лагеря — сотрудники секретных служб Австро-Венгрии, Германии, Турции и Болгарии. Как и с российской стороны, тайной разведкой активно занимались официальные военные атташе и дипломаты этих стран. Кроме того, русская разведка регулярно получала сведения о деятельности нелегальных резидентур противника под прикрытием коммерческих фирм, магазинов и т.п. Главными руководителями австро-германской разведки в стране были германский и австрийский военные атташе, полковник Гюнтер Бронзарт фон Шеллендорф и подполковник Максимилиан фон Ранда, а также помощник последнего вице-консул князь Турн унд Таксис, лейтенант инженерных войск, причисленный к австрийскому Генеральному штабу¹⁰⁹⁵. Бухарест и другие города Румынии были переполнены вражеской агентурой. По данным штаба Юго-Западного фронта на 1 сентября 1915 г., в одной лишь столице румынской по-

лицей было зарегистрировано более 700 австрийских и германских тайных агентов¹⁰⁹⁶.

Вначале дадим краткую характеристику той среде, в которой разворачивалась борьба секретных служб на территории Румынии. Главным местом их действия был Бухарест, в то время — город с 250-тысячным населением, претендовавший на звание «балканского Парижа» и ставший в 1914–1916 гг. столицей международного шпионажа в Юго-Восточной Европе. Кстати, для русских наблюдателей Бухарест далеко не дотягивал до уровня своих «парижских» амбиций. Вот каким он представился русскому военному корреспонденту Н.П. Мамонтову в 1912 г.: «“Новый Париж” оказался несравненно ниже многих из русских губернских городов, не говоря уже о Киеве или Одессе; против скромного на вид королевского палаццо лежали небурные кучи мусора и щепня; жалкие клячи волокли, надрываясь, тяжелые и переполненные донельзя коночные вагоны; только несколько зданий на улице Виктория да памятник Братиано напоминали европейские города»¹⁰⁹⁷.

Русские наблюдатели, военные и гражданские, из поколения в поколение проявляли изрядное постоянство в своем скептическом восприятии Бухареста, его политических и общественных нравов. Так, полковник русского Генштаба П.Д. Паренсов, выполнявший разведывательную миссию в Бухаресте накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., вспоминал: «Бухарест, по словам румын — маленький Париж; они очень гордятся своей столицей. Гордятся они почему-то и собой, уверяя, что играют большую роль в Европе, находясь на аванпостах цивилизации против варварства, грозящего с двух сторон: с востока — России, с юга — Турции. <...> Как во всякой вновь явившейся на сцену политической жизни стране, самомнение, бахвальство, фразерство и фанфаронство достигают здесь невероятных размеров. Огромное количество газет, служивших орудием партий и лиц, наводняли страну, проводя свои взгляды, часто противоположные внутренним делам, но по большей части единодушные в проповедывании вражды к России. <...> Выдающейся особенностью румынской интеллигенции было чванство и непрочность семейных уз; титулы, служебные отличия и названия играли большую роль. <...> Я сказал выше, что семейные узы были в Румынии непрочны. Не знаю, что тут влияло: южное ли солнце или склонность к любви и роскоши, пылкий темперамент — наследие римлян, может быть, всё вместе. Несомненно также, что развраща-

¹⁰⁹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 39. Л. 126. Сводка агентурных сведений об организации шпионажа в Австрии против России по данным контрразведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. К 1-му сентября 1915 г.

¹⁰⁹⁷ Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками от Балкан до Чатаалджи. Записки военного корреспондента. М., 1913. С. 16.

¹⁰⁹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 35 об.

ющее и тлетворное влияние на все слои общества производило жидовство, весьма распространенное и прочно укрепившееся в Румынии»¹⁰⁹⁸.

Интересен и отзыв о румынском обществе кануна Первой мировой войны австрийского дипломата графа Оттокара фон Чернина, который писал: «Румыны в общем мало интересуются спортом и избегают физической усталости. При первой возможности они уезжают в Париж или на Ривьеру. Эта тяга к путешествиям у них так сильна, что несмотря на то, что они сопровождаются уплатой довольно тяжелого налога, был создан особый закон, принуждающий всякого румына прожить часть года у себя на родине. Крестьянское население живет в ужасной нищете и представляет собою резкую противоположность многим почти неслыханно богатым боярам. Несмотря на то, что в смысле культурности румынский крестьянин чрезвычайно отстал, класс этот трудолюбивый, тихий и покорный своей судьбе. Нетребовательность его положительно умиляет и является резким контрастом по сравнению с высшими классами. Светские отношения высших десяти тысяч осложнены тем, что со времени уничтожения дворянства вопрос о титуле имеет такое значение, как нигде в мире. Почти все члены высшего общества приписывают себе какой-нибудь дворянский титул, выдумывают ему соответствующую генеалогию и обижаются, если какой-нибудь иностранец оказывается недостаточно осведомленным в этой науке. В общем вернее всего называть каждого из них "mon prince"¹⁰⁹⁹. Помимо того, бесконечные разводы и вторичные браки очень затрудняют иностранцу усвоение внутренней связи бухарестского общества. Почти каждая дама разводилась, а затем выходила замуж по крайней мере один раз; отсюда вытекает, с одной стороны, так много сложных родственных отношений, а с другой стороны, такое громадное количество скверных личных отношений, что нет ничего труднее, как пригласить двадцать румын, а тем более румынок, не покоробив при этом кого-нибудь из них»¹¹⁰⁰.

Для передачи яркой и образной картины Бухареста того времени дадим слово еще одному бесспорно умному и тонкому наблюдателю — Льву Троцкому, посетившему столицу Румынии в качестве корреспондента ряда российских газет в июле 1913 г., во время 2-й Балканской войны. Будущий глава Вооруженных сил Советской России писал:

«В Болгарии все до последней степени экономны, вернее — скупы, — страна чисто крестьянская, буржуазия проходит лишь скаредную стадию первоначального накопления, нет никаких традиций роскоши и мотовства. В Румынии наоборот: хоть крестьянство здесь несравненно

беднее, чем в Болгарии, а индустрия, как и в Болгарии, только в зародыше, однако же городская жизнь на центральных улицах создает впечатление роскоши, пышности и мотовства. <...> На центральных улицах Бухареста можно поймать если не веяние галльского гения, то влияние парижских бульваров. Румынские бояры, может быть, в еще большей мере, чем аристократы других стран, искони привыкли считать Париж, преимущественно ночной, своей второй родиной. Были эпохи, когда молодые румынские помещики приобщались и к революционным идеям Парижа, переводя их затем на беспомощный язык своей отсталой общечужбинности. В 80-х и 90-х годах социализм имел немало приверженцев среди молодого румынского дворянства. Некоторые из них принимали активное участие во внутренней жизни французского и бельгийского социализма, поддерживая его левое, марксистское крыло. Но эта болезнь молодости теперь уже прошла окончательно и безвозвратно. Остался только вкус к парижскому языку, парижскому платью и парижскому жесту. В Бухаресте выходят три ежедневные газеты на французском языке. В политическом отделе они дают элегантно выраженное олигархическим идеям трех правящих здесь партий, а в морально-бытовой сфере они поддерживают непрерывную связь просвещенного Бухареста с последними завоеваниями Больших бульваров и Монмартра. <...> По узкому тротуару скользят женские фигуры, вытянутые в длину — *grâce à la mode*¹¹⁰¹ — до последней степени, со стильным видом удавленниц, которых не успели еще вынуть из петли. В полном соответствии с этим линия брюк у бухарестских джентльменов безукоризненна, как пробор дипломата. Достаточно бросить один взгляд на эти брюки, чтобы почувствовать себя человеком низшей расы. Офицеры так великолепны отделкой всех своих частей, что с трудом представляешь себе, как это можно таких грациозных людей подвергать грубым и грязным испытаниям военного похода. Впрочем, надо предположить, что в Бухаресте сумели остаться именно те, которые лучше других умеют одеваться. Чистка сапог здесь представляет сложный и высокий культ. Вывески списаны с парижских, точно так же — коготки. Про муниципалитет Бухареста говорят много дурного, но я должен здесь констатировать, что на некоторых перекрестках он соорудил жестяные учреждения совершенно такие же, как в Париже. Но за всем тем Восток глядит на вас здесь изо всех углов. С одной стороны, слишком нарядны для улицы бухарестские дамы и явно ориентальный характер носит ритуальная чистка сапог. А с другой — большая половина населения ходит босиком; меж великолепных лакированных офицеров и великолепных дам об одном измерении шмыгают тощие, оборванные, грязные крестьянские дети со свежими орехами и сливами или полунагие шивые цыганята с протянутыми ручонками. Неуверен-

¹⁰⁹⁸ Паренсов П.Д. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба[: в 5 ч]. Ч. 1: На войне. СПб., 1901. С. 79–81.

¹⁰⁹⁹ «Мой князь» (фр.).

¹¹⁰⁰ Чернин О. В дни мировой войны. С. 97–98.

¹¹⁰¹ По моде (фр.).

но ступают босыми ногами по асфальту смуглые крестьяне в длинных до пят белых рубахах — с капустой или с утками, и когда вы с этими белыми фигурами сталкиваетесь у порога отеля, они смиренно снимают перед вами шапки. О веках голода, унижения, беспросветного рабства говорит этот безмолвный поклон»¹¹⁰².

Представители чуждого Троцкому чиновного и военного мира Российской империи сходным образом воспринимали румынскую столицу. По их отзывам, в те годы Бухарест отличался пышной, кричащей роскошью, шикарнейшей светской и ночной жизнью и чрезвычайно низким уровнем общественной морали и нравственности, прежде всего в высших кругах. Русский посланник в Сербии князь Г.Н. Трубецкой вспоминал о своих поездках через столицу Румынии в годы мировой войны: «Бухарест произвел на меня впечатление шумной и веселой ярмарки <...> В общем в Бухаресте была все та же картина: веселого беспечного города, сброда аферистов, шпионов, кокоток, шумной ярмарки с распродажей оптом и в розницу муки, керосина, чести и всего вообще, за что можно сорвать деньги»¹¹⁰³. Приезжавший в Ставку для доклада военный агент в Румынии полковник А.А. Татаринцов поделился со штабными офицерами своим впечатлением о том, что «разврат при румынском дворе гораздо больше нашего; там не делают разницы между королевой и ослицей»¹¹⁰⁴.

Полковник А.А. Самойло, в июне 1915 г. командированный из Ставки в Румынию великим князем Николаем Николаевичем, чтобы подарить золотой портсигар премьер-министру И. Брэттиану, вспоминал: «Вечером Семёнов нанял экипаж и повез меня на Киселёвское шоссе — излюбленное место катаний бухарестской аристократии. Я был удивлен, с каким бесстыдством фешенебельное общество столицы и в особенности генералитет вместе со своими метрессами открыто предаются пустым развлечениям, считая это особым рода шиком во время войны. “Зря, — подумал я, — великий князь жертвует своим золотым портсигаром: никакого проку от армии, возглавляемой такими полководцами, ждать нельзя”»¹¹⁰⁵. Уже после вступления Румынии в войну, когда в Бухаресте была слышна канонада орудий наступающего неприятеля, веселая жизнь румынской столицы кипела по-прежнему. Член русской военной миссии А.И. Верховский записал в своем дневнике 17 ноября 1916 г.: «Бой идет за Бухарест. Орудия гремят около города, не переставая. Сегодня поздно ночью я проезжал через город

на автомобиле. Как это ни странно, но город продолжает жить своей повседневной жизнью, как будто ничего не происходит. Веселье, смех на улицах, свет в окнах ресторанов. Румыны и румынки гуляют по Калеа-Викториа, как в самый обычный повседневный вечер»¹¹⁰⁶.

Представители русской разведки хорошо понимали, какие выгоды для их работы могли представлять такие привычки и настроения румынского общества. Военно-морской агент в Болгарии капитан 2-го ранга В.В. Яковлев, переведенный осенью 1915 г. в Бухарест, докладывал: «Опытом я пришел к заключению, что серьезных работников нельзя искать среди тех полуголодных личностей, которые во множестве предлагают всегда свои услуги. Агент должен сам занимать известное положение и должен быть рекомендован вполне солидными лицами. Румыния, как центр для развития разведочной деятельности, представляет весьма удобную почву. Верхние слои чрезвычайно падки к роскоши, к легкой наживе, при отсутствии какой-либо щепетильности в способе получения денег. Удобная маска франкофильства прикрывает принятие платы за всевозможные услуги»¹¹⁰⁷.

С другой стороны, атмосфера безудержного веселья и разврата накладывала свой отпечаток и на работу агентов русской разведки в Бухаресте. Зачастую их моральный облик был весьма невысок, вне зависимости от их чинов и ведомственной принадлежности, и это непосредственно сказывалось на результатах их деятельности.

Своеобразие условий работы секретных служб в Бухаресте в годы войны заключалось и в том, что сотрудники дипломатических миссий, военные агенты и резиденты обеих сторон, как правило, хорошо знакомые друг с другом, постоянно сталкивались на улицах и в официальных учреждениях, посещали одни рестораны и театры, вместе приходили на чаепития и танцы в миссию нейтральных Соединенных Штатов (хотя и сидели в разных комнатах)¹¹⁰⁸.

¹¹⁰⁶ Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 г.). Пг., 1918. С. 58. А в изданных позднее воспоминаниях Верховского рассказ об этом впечатлении звучал так: «Немцы обстреливали форты Бухареста из тяжелых орудий. Пехота румын брала ружья на плечо и уходила на восток. Столица же Румынии продолжала жить своей обычной мирной жизнью, не интересуясь тем, кто через несколько часов будет хозяином города. Кафе были открыты и полны посетителей. Очаровательные женщины фланировали по Калеа-Виктории, флиртуя с бесчисленными молодыми людьми, черноглазыми, смуглокожими, весело смеющимися. Город сверкал огнями» (Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 137).

¹¹⁰⁷ Цит. по: Военно-морская агентурная разведка в Первой мировой войне / ввод. ст., подгот. текста и коммент. В.А. Петрова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1998. Кн. 8. С. 190–193 (Памятная записка капитана 2 ранга В.В. Яковлева. 20 апреля 1916 г.).

¹¹⁰⁸ Vopicka Ch.J. Secrets of the Balkans: Seven Years of a Diplomatist's Life in the Storm Centre of Europe. Chicago, 1921. P. 79.

¹¹⁰² Цит. по: Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 263–266.

¹¹⁰³ Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия 1914–1917 г.г. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 72, 135.

¹¹⁰⁴ Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. 1916. Минск, 2003. С. 507.

¹¹⁰⁵ Самойло А.А. Две жизни. Л., 1963. С. 171.

Через Дунайские княжества, расположенные в зоне соприкосновения Востока и Запада, на стыке границ трех могучих империй — Российской, Османской и Австрийской, — издревле пролегали важные наземные и водные торговые пути. В городах Молдавии и Валахии с давних времен существовали многочисленные еврейские, греческие и армянские диаспоры, имевшие обширные связи на всем пространстве Восточной Европы и Балкан и традиционно занимавшиеся торговлей, контрабандой и, как естественным дополнением этих профессий, шпионажем в пользу любой силы, готовой платить за их услуги. Самой многочисленной была еврейская диаспора; в одной лишь Молдавии проживало около 300 тыс. евреев. Действовавшее в Румынии ограничительное законодательство запрещало евреям жить в сельской местности, вследствие чего основная масса еврейского населения была сосредоточена в городах, в том числе в столичном Бухаресте. Румынские евреи имели тесные связи со своими соплеменниками в русской приграничной полосе. Контрабанда была исторически сложившимся укладом жизни приграничного еврейства, которое имело свои отлаженные каналы переправки грузов и источники информации по обе стороны границы.

В рассматриваемый нами период еврейский вопрос часто возникал на страницах служебной переписки органов русской военной разведки и контрразведки. В годы Первой мировой войны подавляющее большинство еврейского населения Восточной Европы симпатизировало Центральным державам, а не России, в которой действовали дискриминационные в отношении евреев законы. Представители секретных служб враждебного России лагеря хорошо понимали, как это обстоятельство можно было использовать в борьбе. К примеру, бывший глава австро-венгерской военной разведки генерал-майор Макс Ронге вспоминал: «В интересах разведки можно было использовать настроения среди евреев, созданные русскими погромами. Мне было рекомендовано привлечь к разведывательной работе раввинов из Садагора и Белжеча. Еврейская религиозная община в Будапеште предложила использовать в разведывательных целях ее связи с раввинами из русской Польши. Позже предложила свои услуги еще одна еврейская организация. Однако этой доброй воле мало отвечали ничтожные результаты, которые эти организации дали»¹¹⁰⁹. В то же время для специалистов-разведчиков было ясно, что большинство евреев, причастных к шпионской деятельности в Восточной Европе в годы Первой мировой войны, было движимо не идейной враждебностью к Российской империи и ее строю, а прозаическими, но важными в деле разведки соображениями материальной корысти. Полковник Вальтер Николаи отмечал, что «русские евреи и во время войны смотрели на

шпионаж в первую очередь как на гешефт»¹¹¹⁰. Документы отражают множество случаев именно такой шпионской деятельности.

В свою очередь, в годы мировой войны русские секретные службы в Румынии и иных местах многократно пытались привлечь представителей местной еврейской диаспоры к тайному сотрудничеству, но практически все эти попытки оканчивались провалами, зачастую с плачевными последствиями. Полученный отрицательный опыт, наряду с многочисленными фактами шпионажа евреев в пользу Центральных держав, укреплял представителей русской разведки и контрразведки в мыслях о необходимости строгих мер в отношении приграничного еврейского населения. В октябре 1915 г., в связи со вступлением Болгарии в войну и активизацией болгарской разведки против России, полковник Семёнов предлагал также запретить въезд на российскую территорию всем итальянцам, испанцам, грекам и армянам, проживавшим последнее время в Болгарии и Румынии¹¹¹¹. В другом рапорте он писал: «Еще более действительным средством, если бы таковое было возможно, было бы очищение 200-верстной полосы за нашим фронтом от всех евреев, а также запрещение каким бы то ни было евреям въезда и выезда из России»¹¹¹².

Пересечение русско-румынской границы в начале XX в. вообще было делом достаточно простым. Еще в 1898 г. МВД России установило практику выдачи так называемых легитимационных билетов для перехода в Румынию жителям 21-верстной приграничной полосы (для поисков скота, приобретения леса и камыша). Однако местные полицейские власти выдавали такие билеты совершенно посторонним лицам, даже жителям Кишинёва и Бельц, совершавшим поездки в Яссы и Бухарест. И только в феврале 1915 г. русские власти постарались ограничить эту порочную практику¹¹¹³.

В самом начале мировой войны была мобилизована и отправлена на австрийский фронт 20-я Хотинская бригада пограничной стражи, в результате чего полностью обнаженным остался участок русско-румынской границы протяженностью свыше 116 верст. Этим подарком судьбы и русских властей не замедлили воспользоваться контрабандисты, начавшие в широких размерах ввозить в Россию из Австрии водку и спирт; не теряли время и неприятельские агенты¹¹¹⁴. Ронге

¹¹¹⁰ Николаи В. Тайные силы... С. 72.

¹¹¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 607. Л. 1. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 16 октября 1915 г. № 223.

¹¹¹² Там же. Ед. хр. 514. Л. 154–161. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 3 апреля 1916 г. № 25.

¹¹¹³ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 667. Л. 69–69 об.

¹¹¹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 1947. Л. 9–13 об. Главном начальствующий над Отдельным корпусом пограничной стражи — В.А. Сухомлинову. 4 декабря 1914 г. № 763.

¹¹⁰⁹ Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 71.

вспоминал, что разведывательный пункт в Черновицах доставлял множество сведений, так как «Румыния благоприветствовала проходу разведчиков»¹¹¹⁵. Лишь некоторое время спустя зияющая дыра в пограничной линии империи была закрыта силами других пограничных бригад. 12 июня 1915 г. командир 21-й Скулянской бригады полковник М.А. Нарбут докладывал в штаб 7-й армии, что охрана границы во вверенной ему части была доведена до высшего напряжения сил, но все же нельзя было исключить случаев ее нелегального перехода. «Борьба с евреями за последнее время становится все труднее, и сеть их агентов по контрабанде и по тайной перевозке в Румынию и обратно разных лиц все увеличивается», — писал Нарбут. В качестве желательной меры он предлагал выселение всех евреев из 50-верстной приграничной полосы вглубь страны и запрещение им перемещаться внутри этой полосы¹¹¹⁶.

Русский посланник в Румынии С.А. Поклевский и переведенный из Софии в Бухарест полковник Татаринев также настаивали на ограничении движения евреев через румынскую границу. 28 мая 1916 г. Поклевский телеграфировал в МИД: «Продолжение германской шпионской деятельности в России, причем во главе некоторых здешних шпионских организаций стоят евреи, бывшие агенты наших же ведущих в Румынии помянутую разведку учреждений и особенно жандармских властей, приводит полковника Татаринова и меня к заключению о необходимости полного запрещения здешним агентам-евреям помянутых учреждений ездить в Россию, откуда они в лучшем случае привозят сюда контрабанду, а в худшем — разные полезные о нас сведения. Желательно также, елико возможно, стеснить въезд евреев в Россию и сосредоточить все наблюдение за въезжающими в Россию лицами в Унген[ах], (совсем на время) закрыв как для официального, так же и для неофициального пропуска проезжающих Рени. Татаринев телеграфирует в этом же смысле в Ставку»¹¹¹⁷.

Отметим, что не только русские офицеры и чиновники отмечали отрицательную роль румынского еврейства с точки зрения интересов России. Так, многоопытный агент русской разведки, чех инженер Франц Краль, в мае 1916 г. докладывал, что румынские евреи представляли собой враждебный России фактор. Он подчеркивал, что запрет проживать в сельской местности привел к концентрации евреев в городах Румынии, где у них не было политических прав, но они все равно сосредоточили в своих руках банковское дело и торговлю. «Ими

заполнены города, где они политический воздух зачумили», — писал Краль¹¹¹⁸. Он подчеркивал, что среди румынских евреев встречались франкофилы, но не было ни одного русофила.

Значительное препятствие для работы разведки в Бухаресте представляла Дирекция полиции и всеобщей безопасности (*Direcția Poliției și Siguranței Generale*) — знаменитая впоследствии сигуранца¹¹¹⁹. Русская разведка была уверена в продажности значительного числа ее служащих и неоднократно докладывала об успешной вербовке ее бывших и действующих сотрудников, однако ряд документов заставляет предположить, что руководство сигуранцы во главе с ее выдающимся шефом Ионом Панаитеску достаточно ловко проводило свою линию, используя борьбу русских и австро-германских секретных служб в собственных интересах, умело внедряло своих людей в состав агентурных организаций обеих сторон и получало от них ценные сведения. Вообще, из донесений русской разведки на Балканах того времени явствует, что молодые балканские государства достигли особенных успехов в создании служб тайной политической полиции, при очевидных недостатках в других важнейших отраслях государственного управления. «В Румынии, где всех работающих по шпионажу лиц румынская полиция отлично знала, [она] допускала их работу почти в открытую и доходами с этих лиц питалась» — говорилось в более позднем докладе начальника штаба Одесского военного округа¹¹²⁰.

Иностранные дипломаты находились под плотным и эффективным надзором сигуранцы, которая подчас не стеснялась действовать активно и напористо. Граф Чернин вспоминал: «В октябре 1914 разыгрался весьма печальный для меня инцидент. Я ехал в автомобиле из Бухареста в Синаю, и моя васиза (нечто среднее между папкой и портфелем. — В.К.), полная документов политического значения, не была, по ошибке моего слуги, положена внутри автомобиля, а привязана сзади. По дороге она была отрезана и украдена. Я немедленно приложил все старания вернуть ее, но это удалось мне только спустя приблизительно три недели и стоило больших денег. Ее нашли в амбаре одного крестьянина, и из нее, по-видимому, не пропало ничего, кроме папирос. Но после занятия Бухареста нашими войсками в квартире Братиану были найдены копии и фотографические снимки всех

¹¹¹⁸ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. 1916–1917 гг. Ед. хр. 228. Л. 9–16 об. Ф.Ф. Краль — М.М. Ве-сёлкину. Доклад о положении Румынии. 10 мая 1916 г. Б.н.

¹¹¹⁹ Подробнее об организации и деятельности спецслужб Румынии в эпоху Первой мировой войны см.: *Spânii A. Serviciul de informații al României în Războiul de Întregire Națională (1916–1920)*. București, 2012.

¹¹²⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 1–4. Н.А. Маркс — генерал-квартирмейстеру штаба помощника августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта. 9 июля 1917 г. № 2042.

¹¹¹⁵ Ронге М. Разведка и контрразведка. С. 80.

¹¹¹⁶ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 583. Л. 6–7.

¹¹¹⁷ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. 1915–1916 гг. Ед. хр. 15. Л. 156. С.А. Поклевский — в МИД. 28 мая 1916 г. № 333.

моих бумаг. Сейчас же после утери васисы я предложил уйти в отставку, но император отклонил мою просьбу»¹¹²¹.

Примечательно, что подобные методы знакомства с багажом иностранных представителей вообще были типичны для румынского сыска. В сентябре 1911 г. русский военный агент полковник Е.А. Искрицкий докладывал, что в июле, при его переезде из Бухареста в горное местечко Синайю в Карпатах, летнюю резиденцию румынского короля и курорт всего высшего света страны, в 3 1/2 часа пути по железной дороге, из багажа пропал сундук с вещами русского военного агента, со всей его одеждой, форменной и гражданской. Однако Искрицкий оказался удачливее и дальновиднее, чем Чернин три года спустя; все служебные документы он вез с собой в вагоне. В итоге сундук нашелся только через 13 дней; начальник станции лично привез его с извинениями и объяснил, что багаж русского полковника по ошибке отправили в Вену. Конечно, сам Искрицкий ни на секунду не усомнился, что эта «случайность» была мероприятием румынской контрразведки¹¹²².

Его преемник полковник Семёнов высоко оценивал деятельность, по его выражению, «довольно хорошей» местной тайной полиции и ее шефа Иона Панаитеску. Этот последний с 1903 г. бессменно руководил сигуранцей и фактически являлся отцом-основателем румынского политического сыска, который он возглавил, будучи всего 28 лет от роду. В своем итоговом отчете Семёнов писал: «Личность начальника румынской тайной полиции Панаитеску — довольно незаурядная. Это крупный карьерист, который метит далеко, так как ему известны прегрешения многих из видных политических деятелей Румынии из различных партий, чем он, по румынскому обычаю, конечно, не замедлит при случае воспользоваться при выставлении своей кандидатуры, напр[имер], на пост министра внутренних дел. Панаитеску человек очень хитрый, умный и совершенно ненадежный, однако личность его следует принять во внимание и, если представится случай, — ее использовать в наших интересах, так как ему известны румынские политические и военные интриги — больше, чем кому-либо другому. Однако при этом следует считать, что он, несомненно, уже основательно закуплен немцами»¹¹²³. О весьма высокой служебной репутации Панаитеску на Балканах говорит и следующий факт. По сведениям заведующего Константинопольским бюро ротмистра К.Д. Кречунеско от декабря 1913 г., после Балканских войн младотурецкое руководство

и лично Талаат-бей приступили к коренной реорганизации общей и охранной полиции и с этой целью специально пригласили для консультаций шефа румынской сигуранцы Панаитеску¹¹²⁴.

Гораздо ниже полковник Семёнов оценивал разведывательную работу румынского Генштаба. В том же итоговом рапорте он докладывал: «Секретная разведка румынского Генерального штаба, не в пример прочим государствам, ведется исключительно через посредство румынской тайной полиции и ее шефа — Панаитеску, который играл важную роль при покойном румынском короле Карле, служа ему также для политического филерства. Румынский Генеральный штаб несколько раз пытался кончить подобный неестественный порядок вещей и взять в свое непосредственное ведение дело секретной разведки — но напрасно, и одной из жертв этой борьбы даже пал бывший начальник Генерального штаба, один из самых талантливых генералов румынской армии генерал Авереско, получивший потом пост командира I-го армейского корпуса. Секретная разведка производится следующим образом: начальник разведывательного отделения (теперь полковник Никулеано) встречает своих секретных агентов исключительно в помещении румынской тайной полиции. Агентов этих достает для Генерального штаба начальник тайной полиции. Таким образом, румынский Генштаб находится в полной зависимости в деле военной разведки от начальника тайной полиции или, что то же, от его главного начальника — министра внутренних дел. Офицеры Генерального штаба этим порядком вещей очень недовольны, разведка их продолжает быть весьма неудовлетворительной, и одно учреждение слагает свою ответственность в этом трудном деле — на другое»¹¹²⁵.

Сведения, передававшиеся румынским Генштабом русскому и союзным военным агентам, служили для них важным источником информации о действиях противника на территории Австро-Венгрии и на Балканах. Однако после некоторых наблюдений полковник Семёнов пришел к выводу о крайне низкой достоверности этих сведений, передачу которых румыны использовали исключительно в своих корыстных интересах. Так, осенью 1915 г. румынский Генштаб регулярно сообщал Семёнову о якобы происходивших крупных перевозках германских войск в Буковину. Неудачное декабрьское наступление русского Юго-Западного фронта полностью опровергло эту информацию, которая передавалась румынами с целью оправдания их собственной выжидательной позиции и для привлечения дополнительных русских войск на крайний левый фланг фронта, ближе к границам

¹¹²¹ Чернин О. В дни мировой войны. С. 110.

¹¹²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 75. Л. 21–22 об. Е.А. Искрицкий — в Огенквар. 1 сентября 1911 г. № 122.

¹¹²³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — генерал-квартирмейстеру ГУТШ. 14 апреля 1916 г. № 33.

¹¹²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1914 г. Ед. хр. 300. Л. 1–3.

¹¹²⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 14 апреля 1916 г. № 33.

Румынии. «На сообщаемые рум[ынским] Ген[еральным] шт[абом] сведения — совершенно нельзя полагаться. Секретная разведка других наших союзных военных агентов — совершенно никуда не годится, и ее можно признать несуществующей», — докладывал Семёнов¹¹²⁶. О последнем ему позволяли судить еженедельные встречи для обмена информацией и мнениями военных атташе Антанты в Румынии, в которых участвовал и представитель России. Большинство иностранных военных атташе в Бухаресте располагали лишь сведениями, получаемыми от представителей румынского Генштаба, которые весьма скупо и выборочно делились с ними донесениями своих атташе в странах Четверного союза. К тому же, в чем был убежден Семёнов, точно так же сведения от румынских военных атташе в державах Согласия передавались румынами представителям противоположной стороны.

В дальнейшем, уже после вступления Румынии в войну на стороне Антанты, русская разведка окончательно удостоверилась во враждебной интересам России деятельности Панаитеску. Генштаба полковник В.А. Палицын, занявший должность военного агента в Румынии осенью 1916 г., 28 февраля 1917 г. представил русскому посланнику специальный доклад о румынской политической полиции, в котором, приводя конкретные факты, доказывал враждебную России сущность сигуранцы¹¹²⁷.

Автор доклада писал: «Перед войной Главная дирекция румынской полиции, под предлогом, что Румыния — страна нейтральная, что ее персонал плохо оплачивался, что страна должна поддерживать тесные торговые связи с австро-германцами, не считала нужным запрещать своим служащим жить в самых интимных сношениях с агентами Центральных держав и быть даже соучастниками их темных дел. Это, разумеется, не оставалось без соответствующего денежного вознаграждения. Вследствие этого “Сигуранца”, мало-помалу, стала настоящим орудием германского шпионажа. Чины “Сигуранцы”, будучи обязаны теперь следить за агентами Центральных держав, фактически должны были работать против тех, кто их кормил накануне. Вполне понятно, что охранная полиция почти ничего и не сделала»¹¹²⁸. Далее Палицын добавлял: «Несомненно, что среди персонала румынской “Сигуранцы” есть лица с не запятнанной еще репутацией, однако число их крайне незначительно, почему можно сказать, что охранная полиция в Румынии представляет банду мошенников, из коих, весь-

ма вероятно, многие находятся в сношениях с агентами Центральных держав»¹¹²⁹.

О главе сигуранцы Палицын писал так: «До 1906 г. Панаитеску был мелким полицейским чиновником полиции (так в источнике. — В.К.). Замеченный покойным королем Карлом и оцененный по достоинству, Панаитеску при создании в 1907 г. Главной дирекции охранной полиции был поставлен во главе этого учреждения. Лыстивый и исполнительный, услужливый и весьма честолюбивый, считающий более выгодным оказывать мелкие услуги какому-нибудь депутату, чем важные услуги государству, Панаитеску, ставши директором “Сигуранцы”, сумел поставить себя самым выгодным образом. Первым делом он постарался так или иначе связать себя со всеми наиболее выдающимися людьми государства и приобрести если и не большие симпатии, то, во всяком случае, значительное влияние. Будучи в курсе всех событий, он стал обладателем многих секретов, знание коих ему обеспечивало возможность держать в руках членов правительства и гарантировало полную безнаказанность в самых темных делах. Еще в 1906 году Панаитеску был ничтожеством, теперь — это человек, занимающий один из самых важных постов в королевстве, которого все боятся, за исключением германских шпионов. В 1906 году Панаитеску был почти нищий, теперь же он очень богат (состояние Панаитеску, по агентурным данным, не менее 2 000 000 лей)»¹¹³⁰.

В еще одном своем донесении Палицын характеризовал шефа сигуранцы как «лицо чрезвычайно вредное для общих интересов» и прямо говорил, что тот — «отъявленный германofil и покровитель германских шпионов, а может быть, и сам шпион»¹¹³¹. Несмотря на свои трения с Палицыным, посланник А.А. Мосолов всецело согласился с доводами его доклада о сигуранце. Готовилось совместное выступление посланников стран Антанты о необходимости устранения Панаитеску. Однако как раз тогда, в марте 1917 г., Панаитеску сумел добиться вотирования парламентом бюджета сигуранцы и путем шантажа запугал некоторых членов правительства, гарантировав себе сохранение должности. Момент для его смещения был упущен.

В то время, по сведениям Палицына, Панаитеску сохранял свой пост с помощью прямого шантажа некоторых членов кабинета министров, на которых у него имелись компрометирующие материалы¹¹³².

¹¹²⁶ Там же.

¹¹²⁷ Оpubл.: *Заславский Д.* Румынская сигуранца // Красный архив. 1933. Т. 2 (57). С. 10–42.

¹¹²⁸ Там же. С. 14.

¹¹²⁹ Там же. С. 16.

¹¹³⁰ Цит. по: Там же. С. 14–15.

¹¹³¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 818. Л. 7–8 об. В.А. Палицын — генерал-квартирмейстеру Ставки. 15 апреля 1917. № 307.

¹¹³² Там же.

В мае на смену Мосолову в Яссы на должность посланника России вновь вернулся С.А. Поклевский-Козелл. Палицын попытался донести до него свое мнение насчет шефа сигуранцы. Однако дипломат категорически не согласился с доводами военного агента и утверждал, что несомненное русофильство Панаитеску было якобы полностью доказано во время визита Николая II в Констанцу в июне 1914 г., за что шеф сигуранцы был награжден орденом Св. Анны 1-й степени (в дополнение к имевшемуся у него ряду других русских орденов). Все же русский посланник заговорил с главой румынского правительства о необходимости удаления Панаитеску; Брэтиану отрицал его виновность и направил Панаитеску к Поклевскому для объяснений. Дипломат зачитал тому доклад Палицына (!) о румынской сигуранце; естественно, Панаитеску все отрицал и оправдывался, и Поклевский счел его объяснения удовлетворительными. На самом деле, в чем был убежден полковник Палицын, посланник, в духе ведомства Певческого моста тех лет, просто не желал трений с правительством страны его аккредитации. Палицын писал: «Опасность со стороны г. Панаитеску заключается, однако, не только в том, что он оказывает покровительство германским агентам. Есть данные, указывающие, что он пользуется своими негласными агентами, переодетыми зачастую в русскую военную форму, для разных провокационных целей, но, к сожалению, этот вопрос еще не разработан. Так или иначе, но можно быть уверенным, что при равнодушии дипломатического представителя России к интересам нашей армии, что бы Панаитеску ни делал, какой бы вред он ни приносил, он всегда окажется безнаказанным»¹¹³³.

Вообще, проблемы с представителями русского дипломатического ведомства в Румынии, прежде всего с посланником С.А. Поклевским-Козелл, были для офицеров русской разведки не меньшим затруднением, чем самое жесткое противодействие сигуранцы. Полковник Семёнов и другие русские военные были вынуждены вести с Поклевским настоящую войну. Расскажем кратко об этом часто упоминаемом на страницах нашего исследования человеке, который из всех кадровых русских дипломатов старшего звена в годы Первой мировой войны снискал себе наиболее скандальную репутацию.

Польский род Поклевских-Козелл известен с XVI в. Неизвестно, были ли Поклевские сосланы в Сибирь или они попали туда добровольно. Однако Альфонс Фомич Поклевский (1809–1890) стал одним из крупнейших сибирских промышленников и купцов. Он принял участие в основании первого пароходства на реках Обь-Иртышского бассейна. К 1860-м гг. ему принадлежали три парохода. А.Ф. Поклевский

занимался зерноторговлей, золотопромышленностью, но наибольших успехов он достиг в организации пищевой промышленности и торговли. На этом его семья нажила огромное состояние, а начальные буквы фамилии «Поклевские-Козелл» люди расшифровывали как «питейные короли». Также Альфонс Поклевский имел золотые и асбестовые прииски, серебряные и медные рудники, химический завод, мельницы, два стекольных и два конных завода, земельные угодья и лесные дачи, недвижимость в разных городах и селах. В 70-х гг. Поклевские приобрели несколько железодельных и чугуноплавильных заводов в Холуницком горном округе Вятской губернии. По отзывам современников, состояние Поклевских достигало 30 млн руб. Широко занимались они и благотворительностью. После смерти Альфонса Фомича в 1890 г. торговый дом «Наследники А.Ф. Поклевского-Козелл» возглавил его старший сын Викентий Альфонсович. В 1907 г. он был избран членом Государственного совета от торговли.

Другой сын магната, Станислав Альфонсович, родился в 1867 г. в селе Талица Пермской губернии. Он окончил элитный Александровский лицей и поступил на службу в МИД, где сделал блестящую карьеру. Не достигнув 40 лет, он уже стал действительным статским советником и камергером высочайшего двора. Службу Станислав Поклевский проходил в дипломатической миссии в Японии, был 1-м секретарем посольства в Лондоне, активно участвовал в подготовке русско-английского соглашения 1907 г. о разделе сфер влияния в Персии, затем с 1908 г. занимал должность посланника в Тегеране, а в 1914 г. был назначен посланником в Бухаресте. Одновременно он состоял членом-пайщиком торгового дома «Наследники А.Ф. Поклевского-Козелл»¹¹³⁴.

Несмотря на весьма успешную карьеру, патриотизм и лояльность С.А. Поклевского вызвали большие сомнения у знавших его людей. Для характеристики политических взглядов и моральных качеств Поклевского достаточно сказать, что в начале Первой мировой войны он не стеснялся в присутствии нескольких чинов русской миссии в Бухаресте говорить: «Это мальчишество думать, что мы победим немцев». Чинам русского военного ведомства Поклевский открыто выказывал свое пренебрежение. Генштаба полковника А.А. Самойло, прибывшего в Бухарест летом 1915 г. из Ставки и дважды пытавшегося нанести официальный визит посланнику, Поклевский оба раза отказался принять, через лакея сообщая о своем отсутствии дома и о принятии ванны. Корреспонденту «Русского слова» Черногорчевичу, выполнявшему в Бухаресте задания русской разведки и обратившемуся в миссию

¹¹³³ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 2230. Л. 2–3 об. В.А. Палицын — генерал-квартирмейстеру ГУТШ. 9 августа 1917 г. № 733.

¹¹³⁴ Мосунова Т.П. Поклевские-Козелл — выдающиеся представители польской диаспоры Сибири и Урала // Поляки в России: история ссылки и депортации: тезисы докладов и материалы. СПб., 1995. С. 25–28.

с жалобой на работу румынского телеграфа, Поклевский пригрозил высылкой из Румынии в 24 часа, после чего разговор кончился скандалом. В другой раз некое лицо, пользующееся большим влиянием в бухарестской университетской среде, безвозмездно предложило миссии свои услуги по пропаганде в пользу России. Поклевский в очень резкой форме предложил ему убраться. Эти сведения агенту КРО штаба Одесского военного округа сообщил хорошо информированный человек — священник русской миссии отец Иоанн Политов¹¹³⁵.

По линии контрразведки поступали и тревожные сигналы о личной жизни Поклевского. Агент «Бобров» 21 мая 1915 г. сообщал начальнику КРО штаба Одесского военного округа подполковнику В.М. Якубову: «16-го или 17-го мая были украдены из нашего посольства письмо и бумаги, посланные из здешнего американского посольства, предполагают, что это было сделано содержанкой лица, стоящего во главе нашей миссии»¹¹³⁶.

В первые же месяцы войны у Поклевского возник острый конфликт с его подчиненным, 1-м секретарем миссии камергером Б.К. Арсеньевым. Последний прямо обвинял посланника в пассивности, в нежелании отстаивать русские интересы, бороться с вывозом нефтепродуктов и пшеницы из Румынии в Центральные державы и говорить неприятные вещи Иону Брэтиану. В частности, в вину Поклевскому Арсеньев ставил его отказ обнародовать сделанное Россией 3 сентября 1914 г. предложение Румынии занять Трансильванию и Буковину. Поклевский заявил 1-му секретарю, что это предложение уже ни для кого не секрет. Тогда Арсеньев сообщил об этом предложении своему товарищу по лицу М.М. Весёлкину, который опубликовал его через влиятельного румынского журналиста Стурдзу. Это вызвало острую полемику в прессе Румынии и опровержения в официозах бухарестского правительства. Поклевский обвинил Арсеньева в разглашении дипломатической тайны, и тот был вынужден оставить свой пост, получив взамен должность бессарабского вице-губернатора. По мнению самого Арсеньева, отказ русской миссии подтвердить подлинность этого предложения стал упущенным шансом для политики России в Румынии¹¹³⁷.

В сентябре и ноябре 1914 г. Арсеньев дважды передавал в МИД подробные записки с критикой деятельности русской миссии в Бухаресте; это делалось без разрешения Поклевского, однако 1-й секретарь неизменно предоставлял посланнику копии своих бумаг в Петербург¹¹³⁸.

¹¹³⁵ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 495. Л. 14–15.

¹¹³⁶ Там же. Л. 6.

¹¹³⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7424. Л. 1–4 об. Б.А. Семёнов — М.А. Беляеву. 24 февраля 1916 г. № 5.

¹¹³⁸ Подробное письмо Арсеньева к Сазонову от 8 февраля 1915 г. с изложением истории его полемики с Поклевским было опубликовано В.П. Семенниковым в сборнике

По некоторым данным, к жалобам на Поклевского присоединился и консул в Яссах К.П. Пустошкин. В МИД и Ставке возлагали большие надежды на скорое выступление Румынии на стороне России, однако донесения полковника Семёнова доказывали, что правительство Брэтиану по политическим, а не военно-техническим причинам откладывает окончательное решение. Как следствие, над Поклевским стусились тучи. Самой же большой угрозой для него стал флигель-адъютант, капитан 1-го ранга М.М. Весёлкин, начальник дунайской Экспедиции особого назначения, личный друг и доверенное лицо императора. Подробнее о нем и его деятельности будет рассказано ниже.

Для Поклевского выступление против него Весёлкина стало попаданием из орудия главного калибра.

В середине января 1915 г. штаверх Н.Н. Янушкевич писал военному министру В.А. Сухомлинову: «Приехал фл[игель]-ад[ъютант] Весёлкин с Дуная. Рассказывал “ужасы” про двух негодяев дипломатов: Козелл-Поклев[ского] и Савинского. Виселицы мало. Верх[овный] задержал, чтобы лично доложить е[го] в[еличеству], и хочет просить выгнать и предать суду»¹¹³⁹. Сухомлинов в ответ писал 24 января: «О “Козле”-Поклевск[ом] я Вам говорил еще до войны, что это человек негодный и наш враг»¹¹⁴⁰.

В итоге Весёлкин сделал доклад о Поклевском самому императору, и 25 января 1915 г. Николай II писал Сазонову: «Сергей Дмитриевич! Сегодня¹¹⁴¹ мне представлялся флигель-адъютант Весёлкин, который доложил мне весьма прискорбные подробности о деятельности посланника в Румынии Поклевского-Козелл. Они оба товарищи по Лицею, и поэтому о предвзятости или о пристрастии не может быть и речи. Из всего сказанного мне для меня совершенно очевидно, что при настоящих условиях военного времени Поклевский не может быть долее терпим на занимаемом им месте. Я нахожу необходимым, чтобы он был немедленно отозван. На его место мог быть временно командирован Шебеко, если Вы находите, что пост посланника не должен теперь оставаться вакантным. Верховный главнокомандующий настаивает, со своей стороны, на отзывании Поклевского, считая его деятельность в Румынии вредной России. Уверен, что Вы исполните мою волю тотчас же. Николай»¹¹⁴².

ке «Монархия перед крушением» (М.; Л., 1927). В переиздании см.: Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск, 2003. С. 282–301.

¹¹³⁹ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 168.

¹¹⁴⁰ Там же. С. 172.

¹¹⁴¹ Согласно дневнику Николая II, доклад ему Весёлкина, прибывшего из Сербии, состоялся в пятницу 23 января 1915 г.

¹¹⁴² Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке... С. 334–335.

Казалось бы, судьба Поклевского была решена бесповоротно, и ничто уже не могло спасти его должность и карьеру. Сазонов доложил императору, что он немедленно телеграфировал Поклевскому распоряжение прибыть в Петербург, но, во избежание скандала, пока объяснить свой отъезд из Румынии срочными личными причинами¹¹⁴³. 1 февраля 1915 г. директор Дипломатической канцелярии Ставки князь Н.А. Кудашев писал Сазонову: «Ген. Янушкевич мне сказал, что вопрос об отозвании Поклевского государем решен. При этом он делал такие инсинуации по поводу Поклевского, что я только руками разводил. Я постарался защитить Поклевского, указывая, по каким простым логическим причинам не могу допустить (даже не упоминая о личном моем знакомстве с ним) действий, будто прямо направленных против его отечества. На это генерал ответил: “Если бы только один Весёлкин это говорил, то я бы склонен был признать, что тут или неверная оценка, или личные счеты. Но меня предупреждали дважды, притом чины вашего же министерства, в декабре 1913 г. и в марте 1914 г., что Поклевский человек ненадежный и... опасный” (он только не сказал слова предатель)»¹¹⁴⁴.

Военные торжествовали победу. «Ваше желание исполнилось, хотя и поздно. Пошло повеление немедленно убрать изменника-поляка Коз[елл]-Покл[евского] из Бухар[еста]. Государь возмущен его поведением. Лучше поздно, чем никогда», — писал Янушкевич из Ставки Сухомлинову¹¹⁴⁵. Однако дальнейшее вновь показало, что, несмотря на известное упрямство Николая II, его сановники могли легко заставлять его пересматривать свои решения. За опального посланника лично вступились С.Д. Сазонов, а также посол Англии в России Дж. Бьюкенен, который от имени Э. Грея просил оставить Поклевского в Бухаресте¹¹⁴⁶.

Сухомлинов писал 26 января: «Сазонов говорит, что Покл[евский]-Коз[елл] отличный дипломат на своем месте и что против него просто интрига и неправильный доклад. Он его вызвал в Петроград»¹¹⁴⁷. Защищая своего подчиненного, Сазонов заходил так далеко, что даже угрожал сам подать в отставку. 15 февраля Сухомлинов писал Янушкевичу: «О Поклевском я говорил с мин[истром] ин[остранных] дел — он и слышать не хочет никаких доводов, — говорит, что если уберут Коз-

¹¹⁴³ С.Д. Сазонов — Николаю II. 25 января 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. III: 1914–1917 гг. М.; Л., 1935. Т. 7, ч. 1. С. 199.

¹¹⁴⁴ Ставка и министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 2 (27). С. 4.

¹¹⁴⁵ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 171.

¹¹⁴⁶ Памятная записка британского посольства в Петрограде министру иностранных дел. 31 января 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма... С. 247–248; Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке... С. 335.

¹¹⁴⁷ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 172.

ла, то и он уйдет. Государю я все это доложил, и его величество прочитал показание Пустошкина. Совершенно непонятное отстаивание этого господина, которого якобы и в[еликий] к[нязь] Сергей Михайлович защищает, зная его по Лицею»¹¹⁴⁸.

В итоге Поклевский получил шанс приехать в Россию и оправдаться при личном докладе императору. Содержание последнего неизвестно, но в итоге посланник был прощен и оставлен на посту в Румынии. У высших чинов военного ведомства весть об этом вызвала изумление и бешенство. Янушкевич писал Сухомлинову: «С ужасом узнал, что Коз[елл]-Покл[евский] оправдался и едет продолжать свое гнусное дело измены России. Неужели это упрямство С.Д. (Сазонова)? Ведь и Пустошкин это утверждает, а теперь и Весёлкин, ex-товарищ по Лицею этого “Козла” в огороде»¹¹⁴⁹.

Великий князь-Главковерх пытался вновь переубедить императора. 8 февраля он писал ему из Ставки: «Я только что узнал, что посланник наш в Румынии Козело-Поклевский, по-видимому, успел оправдать себя и возвращается на свой пост. То, чего я так боялся, — значит, случилось. Виновником, как кажется, является первый секретарь Арсеньев. К тем данным, которые известны Вашему величеству по обвинению Козело-Поклевского в государственной измене, я имею много данных, которые подтверждают это. На основании этого не только я один, но все, знающие это дело, уверены, что пока Козело-Поклевский будет в Бухаресте, Румыния не выступит, и, кроме вреда для России, ничего не будет. Мне неизвестно, как было обставлено выяснение виновности Козело-Поклевского, но из того, что до меня дошло, формального, законно обставленного расследования не было. Только расследование, в той форме, как закон это требует, может пролить истинный свет на это дело. Колоссальнейшая важность полного выяснения деятельности Козело-Поклевского заставила меня взять смелость беспокоить Ваше величество чтением мною излагаемого. Я не имею возможности, в полной мере, организовать наблюдение за его деятельностью»¹¹⁵⁰.

Парадоксально, но еще в ноябре 1914 г. сам Николай II открыто говорил, что не верит Поклевскому и фактически считает его изменником русскому делу. Об этом он сообщил князю Г.Н. Трубецкому на аудиенции перед его отъездом на пост посланника в Белград. Тот вспоминал: «“Совсем между нами,” сказал мне государь, “не говорите этого Сазонову, я не доверяю Поклевскому, он не русский человек”.

¹¹⁴⁸ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 31.

¹¹⁴⁹ Там же. С. 30.

¹¹⁵⁰ Николай Николаевич — Николаю II. 8 февраля 1915 г. // Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю / предисл. В.И. Невского; вступ. ст. В.П. Семенникова. М.; Л., 1925. С. 31–32.

Я выразил большое изумление этим словам. “А вы хорошо знаете Поклевского?”, спросил меня государь. Я ответил, что близко не знаю его, но все же меня удивляет, что ему можно не доверять. “Я имею основания так думать”, сказал государь. “Поклевский ошибся, ибо был уверен, что Россия будет разбита. Этим он руководствовался в своей политике. Всем случается ошибаться, но я скажу про себя, что когда я ошибаюсь, мне не стыдно в этом признаться. Хуже всего упорствовать в своих ошибках”»¹¹⁵¹. Самое удивительное в этой истории то, что, придя к убеждению о нелояльности Поклевского интересам Российского государства, Николай II все же согласился еще на два года оставить его на ответственном посту главы миссии в Румынии. Этот факт симптоматичен и для характеристики личности последнего императора Романова, и для понимания бюрократических механизмов Российской империи периода ее упадка и крушения.

Итак, в начале 1915 г. карьера Поклевского испытала очень серьезный кризис, и с того времени враждебность посланника была нацелена на полковника Семёнова, о дружбе которого с Арсеньевым и Весёлкиным он знал. Вообще чины МИД полагали, что за недружественным отношением военного ведомства к Поклевскому должен стоять Семёнов. Князь Кудашев писал Сазонову из Ставки 26 января: «Теперь для меня стало ясным, что причиною такого отношения к Поклевскому может быть какая-нибудь несогласованность работы посланника с представителями военного и морского ведомств в Румынии»¹¹⁵².

Осведомленные люди небезосновательно полагали, что за текущей рознью конкретных лиц стояли расхождения по принципиально важному вопросу о целесообразности для России вовлечения Румынии в мировую войну. Позднее в эмиграции генерал-майор А.А. фон Лампе записал в своем дневнике: «Небезынтересны и рассказы Кононова о Румынии, где он был военно-морским агентом»¹¹⁵³. По его словам, наш военный агент Семёнов совершенно справедливо уверял, что иметь Румынию в рядах врагов куда выгоднее, чем в рядах друзей. Но Поклевский-Козелл забил себе в голову, что нам нужна дружба Румынии, и, в конце концов, настолько на своем настоял, несмотря на то, что Весёлкин (генерал свиты) добился согласия Николая II на удаление Поклевского как определенного германофила, — Сазонов добился в свою очередь отмены этого, и Поклевский, оседлав нового военного агента Татаринова, успел добиться

выступления Румынии с нами на погибель нам же. Все это типично для старого (а может и нового) режима. Всюду личности, всюду закулисные влияния. А в результате идет игра судьбами народа»¹¹⁵⁴.

Как позднее объяснял сам Семёнов, Поклевский, обладая «крайне подозрительным характером», предполагал критику своей политической деятельности со стороны военного агента. Семёнов категорически отрицал это обвинение, заявляя, что всегда принципиально избегал вмешиваться в сферу политики. Ни одно из изученных нами донесений Семёнова не содержит никаких обвинений в адрес Поклевского, однако его оценка военно-политического курса Румынии и ее готовности примкнуть к лагерю Антанты точно отличалась от гораздо более оптимистического мнения посланника. Возможно, когда затевалась кампания против Поклевского, к ней были привлечены и донесения Семёнова, опровергающие позицию главы миссии.

20 февраля 1915 г. князь Кудашев писал из Ставки директору канцелярии МИД барону М.Ф. Шиллингу, что начальник штаба Н.Н. Янушкевич в разговоре с ним, высказываясь против Поклевского, ссылаясь, помимо прочего, и на мнение Семёнова. А когда Кудашев, в свою очередь, сказал, что в МИД недовольны Семёновым, Янушкевич сильно разгорячился («даже уши налились кровью») и начал говорить, что «Семёнова он одобряет, что он получит не в очередь награду, что его из Бухареста никогда не выкурят...» В письме Кудашев признавался Шиллингу, что глава МИД был намерен требовать отозвания Семёнова из Бухареста, что воспринималось самими дипломатами как мера шантажа военных. Кудашев писал: «К требованию отозвания Семёнова здесь готовятся и всё пустят в ход, чтобы оно не увенчалось успехом. По-моему, благоразумнее не затевать этого дела. И без того удивительно, что С[ергею] Д[митриевичу] удалось отстоять Поклевского. Раздражать еще больше Ставку — значит идти на открытую борьбу с ней. Это и нежелательно с точки зрения пользы дела, и может быть фатально для С[ергея] Д[митриевича], так как с великим князем совладать нелегко»¹¹⁵⁵. Кудашев был прав в том, что руководство военного ведомства действительно рассматривало свою поддержку и поощрение полковника Семёнова как инструмент борьбы с дипломатами. Янушкевич писал Сухомлинову: «За Коз[елл]-Покл[евского] не откажите дать отпор Саз[онову] в виде награды Семёнову. Этим он подбодрится, и К[озелл]-П[оклевский] будет осторожнее измену творить»¹¹⁵⁶.

¹¹⁵¹ Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия 1914–1917 г.г. и война на Балканах. С. 71.

¹¹⁵² Ставка и министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 49.

¹¹⁵³ В действительности будущий контр-адмирал И.А. Кононов не был военно-морским агентом в Румынии, но с октября 1916 г. находился на различных должностях при штабах русских сухопутных и речных сил в Добрудже и на нижнем Дунае: в штабе Добруджанской армией, затем при штабе Экспедиции особого назначения и при штабе 6-й армии, везде занимаясь обеспечением связи с русским Черноморским флотом.

¹¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 71. Данная выдержка из архивного источника предоставлена мне моим другом д.и.н. А.В. Ганиным, за что я ему признателен.

¹¹⁵⁵ Н.А. Кудашев — М.Ф. Шиллингу. 20 февраля 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма... С. 412–414.

¹¹⁵⁶ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 43.

Во всяком случае, после январской истории 1915 г. у Поклевского были основания возненавидеть все военное ведомство вместе взятое, в том числе и представителя русского Генштаба в Румынии. По мнению Семёнова, враждебность Поклевского к нему была вызвана позицией его, Семёнова, по вопросам о вывозе бензина и меди из Румынии в Центральные державы, о германской военной контрабанде в Турцию в 1915 г. и о различных румынских военных заказах в России. Поклевский проявлял вообще присущие русским кадровым дипломатам желание нравиться властям страны своей аккредитации и боязнь вызвать их недовольство.

Семёнов докладывал: «Однако г. Поклевский каждый раз, когда по возбужденным мною вопросам ему приходилось делать соответствующие представления перед правительством г. Братиану и просить его о соблюдении по отношению к России строгого нейтралитета, делал эти шаги с крайней неохотой, не желая, по-видимому, причинить своими заявлениями неприятность правительству, при котором он аккредитован, и предпочитая лучше замять совершенно дело и тем, быть может, причинить существенный вред нашим военным интересам, чем выступить в роли изобличителя двойственной политики Румынии, которая особенно давала себя знать в первый год настоящей войны»¹¹⁵⁷. А когда Поклевскому все же приходилось поднимать острые вопросы, то в качестве источника неудобных для Бухареста сведений он неизменно называл полковника Семёнова, чем нарушал служебную секретность и навлекал враждебность румын на русского военного агента. В итоге эта вражда с Поклевским стала одной из причин скандального отозвания Семёнова из Бухареста в феврале 1916 г., о чем пойдет речь ниже. Поклевский же оставался во главе русской миссии в Румынии до конца 1916 г., затем был вновь назначен туда же после Февральской революции и позднее жил в Румынии в эмиграции, будучи представителем Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций («Нансеновского комитета») в этой стране.

Помимо конфликтов с посланником Поклевским, у русской военной разведки в Румынии случались проблемы и с некоторыми чинами консульской службы, иной раз — совершенно причудливые и просто безумные, в полном смысле этого слова. К примеру, 11 декабря 1915 г. Семёнов докладывал в Генштаб: «По имеющимся сведениям, впавший в умопомешательство около трех недель тому назад и помещенный в госпиталь в Яссах, наш консул Менделеев, находясь в невменяемом состоянии, сообщает посещающим его румынам подробности наших секретных организаций в Румынии, указывая им имена известных ему работающих в Румынии наших агентов. О вышеизложенном наш посланник был по

телеграфу поставлен в известность неделю тому назад исполняющим обязанности консула в Яссах, но, несмотря на это, Менделеев продолжает оставаться в Румынии, что не исключает возможности дальнейших нежелательных для нас разоблачений. Для вторичного доклада о сем посланнику в Бухаресте прибыл исполняющий обязанности консула в Яссах. Ходатайствую о распоряжении о направлении Менделеева в один из госпиталей России»¹¹⁵⁸. Причины скандального умопомешательства Менделеева объяснил в письме к подполковнику Якубову ротмистр ОКЖ В.Ю. Мандражи: «Не знаю, известно, ли Вам, что наш консул Менделеев сошел с ума на почве того, что прибыл новый вице-консул Удинцов, который якобы желает занять его место, вследствие чего якобы увлек Менделеева в клуб, а в это время приехал в Яссы я с помощником и произвели у него обыск, подбросили ему прокламации и что теперь при выезде из Румынии его, Менделеева, арестуют»¹¹⁵⁹. В итоге, как и просил Семёнов, посланник командировал одного из чинов русской миссии для препровождения Менделеева в госпиталь в Россию¹¹⁶⁰.

Даже до своего умопомешательства консул Менделеев предпочитал избегать любой активной деятельности по службе, так что у него, очевидно, были основания опасаться смещения с должности. Согласно донесению одного из агентов контрразведки Генштаба в румынской Молдавии, русское консульство в Яссах при Менделееве находилось в «полной степени упадка». Агент докладывал: «По словам и горьким жалобам местных русских людей, консул д[ействительный] с[татский] с[оветник] Менделеев не проявляет никакой деятельности, опасаясь каких-либо конфликтов и трений; если его и видят на вокзале и в городе, то лишь при проходах и встречах высокопоставленных особ»¹¹⁶¹. Полную противоположность представляла энергичная и кипучая деятельность германского консула в Яссах.

Таковы, в общих чертах, были те условия, в которых разворачивалась работа русской разведки в Румынии в период Первой мировой войны. Обстановка была непростой и требовала от русских разведчиков, помимо профессиональных навыков, особой психической устойчивости, чтобы противостоять как давлению недружественных сил, так и соблазнам местной жизни. В дальнейшем мы увидим, что далеко не все из них соответствовали этим требованиям и вызовам военного времени.

¹¹⁵⁸ Там же. Оп. 15. Ед. хр. 683. Л. 136. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 11 декабря 1915 г. № 984.

¹¹⁵⁹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 454. Л. 74–75 об. В.Ю. Мандражи — В.М. Якубову. 5 декабря 1915 г. Б.н.

¹¹⁶⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3135. Л. 17. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 12 декабря 1915 г. № 989.

¹¹⁶¹ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 352. Л. 1–4.

¹¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 8159. Л. 1–4. Б.А. Семёнов — М.А. Беляеву. 24 февраля 1916 г. № 5.

Глава 14

АГЕНТУРА ПОЛКОВНИКА СЕМЁНОВА

С начала 1914-го вплоть до февраля 1916 г. русским военным агентом в Бухаресте был уже знакомый читателю Генштаба полковник Борис Анатольевич Семёнов — бывший Ольвиопольский драгун, мастер конного спорта, ветеран Маньчжурской кампании, опытный разведчик-японист и старый холостяк. На протяжении двух лет в этой должности он был вынужден в одиночку нести огромное бремя, не имея ни одного штатного помощника. Тем не менее в своей работе Семёнов проявлял и энергию, и предприимчивость. Помимо обычных для его должности военно-дипломатических обязанностей, он активно занимался агентурной разведкой и даже лично проводил рекогносцировки на местности. Генерал-майор Макс Ронге вспоминал: «В мае 1914 г. в одном туристе, проезжавшем по Семиградии (т.е. по Трансильвании. — В.К.), признали русского военного атташе в Бухаресте, полковника Семёнова. Мы тогда полагали, что ему было поручено обследовать юго-восточную часть государства. Во время войны наши предположения подтвердились»¹¹⁶².

За время своего пребывания в Бухаресте Семёнов добился и вполне осязаемых результатов на поприще агентурной деятельности, которую он пытался вести в том числе и на территории Австро-Венгрии и Турции. Однако ряд неудач при подборе агентов заставил его постепенно разочароваться в возможностях получения секретных сведений с территории неприятельских держав. В итоге русский военный агент пошел по наиболее легкому пути и начал заниматься «контршпионажем», т.е. наблюдением за различными формами тайной и явной деятельности враждебных сил в Румынии. Именно на это уходила львиная доля его служебного времени, физических сил и денежных средств, выделявшихся на агентурную разведку.

Любопытно, что неприятельская сторона в Бухаресте занималась, главным образом, тем же самым. В итоге секретные службы обоих лагерей были очень хорошо осведомлены о делах и замыслах своих противников и, по сути, взаимно обездвигивали друг друга, причем

¹¹⁶² Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 50. Впрочем, в русских источниках сведений об этой поездке Семёнова обнаружить не удалось.

большая часть их энергии тратилась впустую. Реальные достижения, которые секретные службы могли положить на чашу своей страны на весах победы, были, как мы увидим, весьма невысоки, а подчас просто жалки. При этом обе стороны были убеждены в значительном превосходстве своих противников в размере отпускаемых на разведку и пропаганду в Румынии денежных средств. Так, русский военный агент видел значительное преимущество австро-германских секретных служб в их способности платить «сумасшедшие цены» для подкупа интересующих их лиц, в том числе и людей русской разведки¹¹⁶³.

Думается, в данном случае русский разведчик завывал финансовые возможности противника. Представители Центральных держав в Румынии были, в свою очередь, убеждены, что Россия существенно опережала их в области подкупа румынских деятелей. Граф Чернин вспоминал: «С первого же дня войны Россия еще шире раскрыла свои золотые шлюзы, и Румыния была затоплена рублями»¹¹⁶⁴. Обе стороны охотно использовали доводы финансового превосходства противника для объяснения собственных поражений; очевидно, это была своего рода болезнь ведомственной психологии разведывательных служб и дипломатии того времени.

Какими же средствами реально располагал русский военный агент в Бухаресте и чего он смог добиться с ними? В фонде Разведупра Штаба РККА хранится итоговый отчет Семёнова о денежных средствах, израсходованных им на свою агентурную сеть. В целом из отчета следует, что в 1914 г. Семёнов потратил на нее в общей сложности 47 034 румынских лея, а в 1915 г. — 130 392 румынских лея и 4944 болгарских лева (курс обеих валют был привязан к французскому франку, который торговался к рублю примерно в соотношении 3 к 1)¹¹⁶⁵. Ранее с этим документом уже работали К.К. Звонарёв и М. Алексеев, которые пытались по нему подсчитать общее число агентов Семёнова в разные периоды его пребывания в Румынии¹¹⁶⁶. В действительности, сделать это в точности — довольно сложно. В рукописной ведомости платежей агентам за каждый месяц Семёнов обозначал некоторых из них инициалами, некоторых агентурными псевдонимами, прочих — только по должностям, причем некоторым производилось по несколько выплат за разные услуги.

¹¹⁶³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — генерал-квартирмейстеру ГУГШ. 14 апреля 1916 г. № 33.

¹¹⁶⁴ Чернин О. В дни мировой войны. М., Пг., 1923. С. 123.

¹¹⁶⁵ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 3–4. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. Рапорт о расходовании секретных и прочих сумм за все время нахождения в должности военного агента в Румынии, с января 1914 г. по 1 февраля 1916 г. № 32.

¹¹⁶⁶ Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 199; Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 131.

Можно уверенно утверждать, что, прибыв в Румынию в январе 1914 г., Семёнов за первые полгода службы в этой стране приобрел двух агентов «И» и «Л», которые давали ему разные сведения по Румынии, первый за 250 леев в месяц, второй — за переменный гонорар в 100–200 леев. После начала мировой войны агентурная работа Семёнова активизировалась. С августа 1914 г. у него на службе появилось семь новых агентов — «К» (в Оршове), «К-н», «З» («Зейлер») в Брашове, «Леандр», «Венгерский», «Стеф. Чез.» и «Ришард», в следующие месяцы появились «О-р» (в Будапеште), «Т», «А-дт» (в Вене), «С» (в Прерау), «А» (в Рамадане). Согласно отчету Семёнова, почти все они работали по Австро-Венгрии, регулярно совершали туда поездки или жили там постоянно. Затем в декабре 1914 г. появились агенты «Талаат» и «Джавид», очевидно, работавшие по Турции. В итоге, к концу 1914 г. на службе Семёнова состояло около дюжины агентов¹¹⁶⁷.

Согласно тому же денежному отчету и другим документам, в течение 1915 г. в агентурной сети Семёнова происходила постоянная ротация, в том числе связанная с провалами агентов или же появлением сомнений в их лояльности. Тем не менее Семёнов не снижал своей вербовочной активности, и к августу 1915 г. общая численность его агентов достигала примерно трех десятков человек. Затем к началу 1916 г. их число вновь несколько снизилось.

Агентура Семёнова была весьма пестра по своему составу и ориентирована на решение разнообразных задач. Прежде всего, в нее входили так называемые «агенты-организаторы», т.е. посредники-подрядчики, руководители агентурных звеньев. Кроме того, Семёновым была создана и содержалась достаточно эффективная сеть «агентов-филеров» для наружного наблюдения за интересовавшими его людьми. Сотрудники этой категории в качестве агентов-«ходовок» командировались Семёновым к австро-венгерской границе в Карпаты, в румынские дунайские города, а также в Добруджу и в Болгарию, для сбора и проверки на местах сведений о военных приготовлениях румынской, австро-венгерской и болгарской армий.

Начиная с октября 1914 г., когда велика была вероятность совершения диверсий вражеской агентуры и рейдерских операций австро-венгерских мониторов и вооруженных пароходов против судов дунайской Экспедиции особого назначения, полковник Семёнов по распоряжению Огенквара занимался обеспечением безопасности их плавания. Для наблюдения за вражеской деятельностью им были командированы агенты в дунайские города Турну-Северин и Калафат. Кроме того, «Леандру», лучшему агенту Семёнова, по оценке послед-

него, было поручено следовать впереди каравана судов М.М. Весёлкина под видом охотника на румынской военной лодке, с капитаном которой этот агент был хорошо знаком¹¹⁶⁸. Позже, в ноябре 1914 г., для сопровождения третьего каравана судов ЭОН Семёнов нанял для «Леандра» целый буксирный пароход за 500 леев¹¹⁶⁹.

Работать Семёнову приходилось в неимоверно трудных условиях, в одиночку, без штатных помощников, находясь под пристальным и несусыпным наблюдением неприятельских секретных служб и румынской сигуранцы. Возможность его прямых контактов с агентами была крайне ограничена. Свидания со своими тайными информаторами и филерами Семёнов проводил на конспиративных квартирах, которые ему приходилось регулярно менять. Но даже это не всегда предохраняло агентов от провала. К примеру, некоторое время с Семёновым сотрудничал румынский офицер-топограф в запасе Иоанид, которого русский военный агент посылал на разведку дунайских берегов и предместных укреплений у Силистрии. «Очень добросовестный работник, но недалекий человек», — характеризовал его Семёнов¹¹⁷⁰. Вскоре Иоанид был выслежен румынской полицией посещающим Семёнова и с трудом избежал ареста.

В 1914–1915 гг., несмотря на помехи со стороны румынской полиции и русской дипломатии, полковник Семёнов достиг определенных успехов в своей агентурной работе на территории Румынии; в частности, ему удалось завербовать ряд офицеров действительной службы и запаса румынской армии. В итоговом отчете Семёнов назвал имя своего информатора в штабе румынского IV армейского корпуса — капитана Генерального штаба Илье Партения. Этот офицер неоднократно посылался своим начальством на разведку в Буковину, а по возвращении частным образом делился с русским военным агентом копиями своих докладов¹¹⁷¹. Инструкции капитану Партения Семёнов посылал через своего агента Каменского на условный почтовый адрес на станцию Бурдужени в Молдавии¹¹⁷². Весьма вероятно, что именно Партения и был тем самым генштабистом из штаба IV корпуса в Яссах, который еще до начала войны работал на разведку штаба Одесского военного округа и регулярно снабжал ее ценнейшими сведениями.

¹¹⁶⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3130. Л. 218–221б.

¹¹⁶⁹ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 15 об.–16. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. Рапорт о расходовании секретных и прочих сумм за все время нахождения в должности военного агента в Румынии, с января 1914 г. по 1 февраля 1916 г. № 32.

¹¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — генерал-квартирмейстеру ГУТШ. 14 апреля 1916 г. № 33.

¹¹⁷¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1156. Л. 150–150 об. Б.А. Семёнов — М.С. Пустовойтенко. 17 декабря 1915 г. № 999.

¹¹⁷² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 14 апреля 1916 г. № 33.

¹¹⁶⁷ По подсчетам Звонарёва, их было 18 человек, но, судя по документальному первоисточнику, исследователь неправильно посчитал их.

Кроме того, с полковником Семёновым сотрудничали румынские офицеры-авиаторы — поручик стрелкового батальона Кантакузен и лейтенант флота Михайлеску. Они давали Семёнову важную информацию, но военный агент избегал часто пользоваться их услугами, из опасения скомпрометировать этих людей¹¹⁷³. Упомянул Семёнов и о наличии у него ценного агента-информатора из числа служащих румынской тайной полиции. Также полковнику Семёнову удалось завербовать одного из служащих Бухарестского арсенала, который в декабре 1914 г. предоставил ему точные данные о количестве патронов и артиллерийских снарядов, хранившихся там. Эта ценная информация позволила Семёнову прийти к выводу о намеренном занижении румынскими властями количества имевшихся в Румынии боеприпасов с целью ввести в заблуждение общественное мнение и оттянуть вступление Румынии в войну на стороне Антанты¹¹⁷⁴.

Ко времени завершения своей деятельности в Румынии зимой 1916 г. Семёнов располагал двумя достаточно эффективными, по его собственной оценке, агентурными организациями. Одну из них возглавлял уже знакомый нам инженер Франц Краль, начавший сотрудничать с Семёновым после своего вынужденного отъезда из Болгарии. Русский военный агент не скупился на похвалы этому человеку: «По моему личному опыту, инженер Краль является незаменимым сотрудником-организатором в таком ответственном деле, как секретная разведка в военное время, и, кроме того, отличаясь громадной трудоспособностью, ловкостью и надёжностью, агент этот обладает столь редкими, специальными талантами по секретной разведке. Я полагаю бы более целесообразным использовать его в более широком смысле, а именно поставить его во главе наших организаций в Северной Европе»¹¹⁷⁵. В Болгарии Краль сотрудничал с полковником Татариновым безвозмездно, но в Бухаресте он брал у Семёнова некоторое вознаграждение, поскольку местная чешская колония была маленькой и бедной и на ее бесплатное содействие рассчитывать было нельзя.

Любопытно, что и румынские секретные службы высоко ценили качества Краля как агента-разведчика. Так, в один из декабрьских дней 1915 г. инженер был вызван в сигуранцу, где в присутствии Панаитеску глава румынской военной разведки полковник Эракле Николаю дал ему поручение по организации разведки в Болгарии. Как докладывал Семёнов, Краль был вынужден согласиться, чтобы избежать репрессий румын-

ских властей, однако составленный им доклад о Болгарии он представил русскому военному агенту на три дня раньше, чем заказчикам-румынам. «Из сего можно опять-таки заключить, насколько плохо организована в румынском Генеральном штабе служба секретной разведки, что ему приходится отбирать для сей цели агентов у русского военного агента. Причиной столь плохой организации секретной разведки в рум[ынском] Генштабе служит, главным образом, нежелание покойного рум[ынского] короля Карла заниматься этим делом в мирное время, так как покойный король не допускал возможности войны с Австро-Венгрией — его союзницей. Поэтому рум[ынский] Генштаб всегда был чрезвычайно плохо осведомлен обо всем том, что делается в глубоком тылу австро-венгерского фронта», — писал Семёнов¹¹⁷⁶. Есть также данные, что Краль работал и на французского военного атташе в Бухаресте Ж. Пишона¹¹⁷⁷.

Инженер Краль имел собственную широкую сеть агентов из числа проживавших в Румынии чехов и словаков. Главным из них был чех Фрейсбергер, бывший главный контролер Международного общества спальных вагонов. Он обеспечивал связь между полковником Семёновым и агентами Краля по всей Румынии, находившимися в пограничных с Австро-Венгрией областях — в Турну-Северине, Верчиорове, Кыйнени, Предяле, Гимеше, Бурдужени и румынских дунайских портах. В своей работе Фрейсбергер для передачи агентурных донесений в Бухарест использовал услуги нескольких контролеров и кондукторов Общества спальных вагонов. Агентом связи и помощником Краля был австро-венгерский подданный словак Година, бывший журналист, одно время служивший кондуктором Общества спальных вагонов, человек, по отзыву Семёнова, интеллигентный и надёжный, но требовавший опытного руководства¹¹⁷⁸. Сам полковник Семёнов с полным правом считал, что именно представители славянских народов Австро-Венгрии могли стать самыми надёжными идейными сотрудниками русской разведки.

На пограничной станции Предял в Трансильванских Альпах Семёнов имел агента в лице железнодорожного служащего Дюранда, наполовину француза по происхождению. Семёнов так отзывался о нем: «Очень скромный, но толковый человек. Работал для меня по наблюдению за пограничными гарнизонами австро-венгерцев, а также по определению румынских военных мероприятий на венгерской границе. Давал очень правдивые и точные сведения. Его следует непременно поощрить»¹¹⁷⁹.

¹¹⁷³ Там же.

¹¹⁷⁴ Там же. Ед. хр. 3130. Л. 276–276 об. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 3 декабря 1914 г. № 334.

¹¹⁷⁵ Там же. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 14 апреля 1916 г. № 33.

¹¹⁷⁶ Там же.

¹¹⁷⁷ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 33 об.

¹¹⁷⁸ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 14 апреля 1916 г. № 33.

¹¹⁷⁹ Там же.

Обширную сеть агентов на румынских железных дорогах и в портах на Дунае Семёнов развернул к лету 1915 г. В его денежном отчете в списке агентов значатся железнодорожники на станциях Преद्याл, Кыйнени, Плоешти, Базарджик, портовые служащие в Корабии, Рамадане и Зимнице, а также полицейские чиновники (точное число последних установить сложно)¹¹⁸⁰.

Сеть агентов на румынских транспортных узлах была для русской разведки особо ценным инструментом, поскольку с ее помощью можно было эффективно наблюдать за транзитом военной контрабанды из Австро-Венгрии и Германии в Турцию и вывозом из Румынии стратегических грузов (зерна и нефтепродуктов) в Центральные державы и Турцию. В годы войны это было одной из важных задач русской разведки в Румынии. Начальство особо ставило Семёнову задачи наблюдать за вывозом из Румынии бензина и резины в разных видах. Однако законченную и эффективную организацию агентурная сеть Семёнова на железных дорогах получила, по всей видимости, лишь ближе к концу 1915 г., когда разгром Сербии и установление прямой связи Центральных держав с Константинополем сняли с повестки дня вопрос о неприятельской военной контрабанде через румынскую территорию.

Любопытно, что под прикрытием Международного общества спальных вагонов активно действовали и вражеские агенты. Путем наружного наблюдения за домом австро-венгерского военного атташе полковник Семёнов смог установить, что того часто посещал инспектор этого общества в Румынии Винцент Слобода, посылавший кондукторов общества на русскую границу в Унгенах для связи с австрийскими агентами в России¹¹⁸¹.

Одним из самых ценных агентов Краля, сотрудничавшим с полковником Семёновым, был французский еврей Гольдберг, служащий бухарестского отделения венской транспортной фирмы «Шенкер и К^о»,¹¹⁸². В годы Первой мировой войны эта контора была крупнейшим организатором провоза через Балканы военной контрабанды из Австро-Венгрии и Германии в Турцию и выполняла, помимо того, иные негласные поручения секретных служб Центральных держав¹¹⁸³. Семёнов не без основания называл фирму «Шенкер» «главным австро-

¹¹⁸⁰ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 26 об.–29. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. Рапорт о расходовании секретных и прочих сумм за все время нахождения в должности военного агента в Румынии, с января 1914 г. по 1 февраля 1916 г. № 32.

¹¹⁸¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 650. Л. 1, 7. Б.А. Семёнов — в Огеньквар. 10, 23 ноября 1915 г. № 909, 938.

¹¹⁸² Там же. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 14 апреля 1916 г. № 33.

¹¹⁸³ Подробнее о торговом доме «Шенкер и К^о» см.: *Pethő A. Agenten für den Doppeladler: Österreich-Ungarns Geheimer Dienst im I. Weltkrieg.* Graz, 1998. S. 74–77.

германским шпионским бюро». Агента Гольдберга он первоначально использовал для борьбы с германской военной контрабандой, потом полностью переключил его на работу по контрразведке. Благодаря «неоцененным услугам» Гольдберга Семёнов зимой 1915/16 г. смог составить полный список корреспондентов «Шенкера» в России, частных лиц и компаний. В условиях войны корреспонденция на адрес «Шенкера» задерживалась на русской границе в Унгенах, так что бухарестское отделение этой фирмы вело свою переписку через подставную контору — экспедиционную фирму «Сартия» в Бухаресте. Все письма на адрес этой фирмы полковник Семёнов рекомендовал не перехватывать, а тайно вскрывать и фотографировать¹¹⁸⁴.

С помощью Гольдберга Семёнов получил перечень личных корреспондентов г-на Якоби, главы бухарестской конторы «Шенкера», хранившего его в ящике своего письменного стола. Письма от частных лиц и компаний из этого списка Якоби вскрывал всегда сам и лично перепечатывал на машинке, тогда как всю прочую деловую переписку вскрывал служебный персонал фирмы. Семёнов с полным основанием утверждал, что эти личные корреспонденты Якоби были агентами неприятельской разведки, за которыми следовало установить наблюдение. Ячейки этой сети находились в Петрограде, Москве, Варшаве, Одессе, Херсоне и Харькове. Кроме того, Якоби вел секретную переписку по шести адресам в Италии и одному во Франции¹¹⁸⁵. Из конторы «Шенкера» Семёнов агентурным путем получил также список имен и адресов 16 главных агентов новой германской шпионской организации в Бухаресте, переданной Якоби на связь из германской миссии¹¹⁸⁶. По другим данным, сотрудника русской разведки в фирме «Шенкер» звали Артур Гольдштейн; он был евреем по национальности и румынским подданным. Участвуя в контрабандистской деятельности бухарестского отделения фирмы, Гольдштейн лично занимался организацией тайной перевозки патронов и пороха в пивных бочках. В феврале 1917 г. он работал в Яссах на полковника Выжуева из русской контрразведки¹¹⁸⁷.

Еще одним из ключевых членов организации инженера Краля был 45-летний граф Карл Потоцкий, представитель высшей польской аристократии и бывший гусарский офицер австро-венгерской армии. Его отец граф Иосиф Потоцкий, бывший генерал-адъютант злосчастного императора Мексики Максимилиана I, был одним из богатейших

¹¹⁸⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 739. Л. 44–47 об. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 30 марта 1916 г. № 19.

¹¹⁸⁵ Там же.

¹¹⁸⁶ Там же. Л. 24–24 об. Б.А. Семёнов — в Огеньквар. 23 декабря 1915 г. № 1011.

¹¹⁸⁷ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 752. Л. 36.

галицийских помещиков. Кроме того, по иронии судьбы, Потоцкий был родным племянником графа Адама Тарновского — выдающегося австро-венгерского дипломата, посланника в Софии в годы мировой войны, принимавшего личное участие в организации диверсионных операций македонских комитаджей против сербских железнодорожных коммуникаций. Тарновский устроил своего племянника служащим в банк в болгарском Рушцуке, однако тот, вслед за Краем, выехал в Румынию и предложил свои услуги полковнику Семёнову. Располагая большим состоянием, граф Потоцкий сотрудничал с русской разведкой по идейным соображениям. Выполняя задание Семёнова, Потоцкий поехал в Болгарию, был заподозрен местными властями и арестован, однако Тарновский добился его освобождения и выезда из страны. Семёнов высоко оценивал способности Потоцкого как разведчика, имевшего к тому же военную подготовку, и предлагал начальству использовать его для тайной деятельности под вымышленным именем на оккупированных австро-германцами польских землях. Он докладывал: «Гр[аф] К. Потоцкий весьма интеллигентный и развитый человек, обладающий особыми способностями по секретной разведке и достаточной, как офицер, специальной подготовкой. Владеет в совершенстве греческим языком, кроме других европейских (франц[узского], англ[ийского] и немецк[ого]), отлично знает греческую армию, в которой, кажется, даже служил добровольцем. Гр[аф] Потоцкий — главный и самый деятельный помощник инженера Краля»¹¹⁸⁸. В то же время русский военный агент признавал, что Карл Потоцкий уже был серьезно скомпрометирован в глазах австрийских секретных служб. Это неизбежно должно было весьма затруднить его работу. Симптоматично и удивительное признание Семёнова в том, что, желая проверить надежность инженера Краля и графа Потоцкого как своих возможных агентов, он навел справки о них у шефа сигуранцы Панаитеску. Последний якобы очень удивился расспросам, результаты которых были сочтены русским военным агентом весьма благоприятными для двух изучаемых лиц¹¹⁸⁹.

Второй своей агентурной организацией Семёнов называл агентуру Каменского, помощника штабс-капитана Б.А. Юрьева, командированного в Бухарест штабом Юго-Западного фронта. Из отчетного рапорта Семёнова следует, что он получил разрешение Юрьева использовать людей Каменского специально для контрразведывательной работы. Наиболее надежными Семёнов считал агентов Каменского из числа трансильванских румын, антиавстрийские убеждения которых позво-

ляли рассчитывать на их преданность. Агенты-евреи, к числу которых, кстати, принадлежал и сам Каменский, казались Семёнову не заслуживающими никакого доверия. В своем итоговом отчете Семёнов писал, что он перестал доверять Каменскому, хотя и рекомендовал своему преемнику использовать ряд его агентов.

Как уже отмечалось, полковник Семёнов придавал большое значение сбору сведений о деятельности в Румынии секретных служб враждебных России государств, т.е. «контршпионажу». Еще в декабре 1914 г. он докладывал в Огенквар: «Благодаря соседству к России и нейтральному положению Румынии и сравнительной легкости перехода границы австро-германский шпионаж, направляемый против России, свил себе в Бухаресте прочное гнездо»¹¹⁹⁰.

В деле изучения австро-германского шпионажа в Румынии полковник Семёнов добился определенных успехов, о чем свидетельствует составленный им в апреле 1916 г. специальный подробный доклад генерал-квартирмейстеру ГУГШ. В этом докладе Семёнов перечислял все основные тайные агентурные организации вражеских разведок в Румынии, поименно называл основных агентов германских и австро-венгерских секретных служб в Бухаресте и других крупных румынских городах, обстоятельно описывал механизмы их работы¹¹⁹¹. При сдаче должности военного агента полковнику А.А. Татарину 1 февраля 1916 г. Семёнов передал ему алфавитный список из 100 имен агентов германской, австрийской и болгарской разведок в Бухаресте; позже в Петрограде им был составлен дополнительный список, в который вошло еще 150 имен лиц, причастных к неприятельскому шпионажу¹¹⁹². Важно отметить, что данные Семёнова по личностям и адресам неприятельских агентов в Бухаресте в значительной степени подтверждаются материалами сигуранцы, введенными в научный оборот румынским историком Алином Спыну¹¹⁹³.

С помощью своих агентов-филеров, и прежде всего — трансильванского румына по фамилии Пулька, Семёнов сумел наладить эффективную систему наружного наблюдения за австрийским и германским военными атташе в Румынии подполковником Максимилианом фон Ранда и подполковником Бронзартом фон Шеллендорфом. Их дома, расположенные соответственно на улице Комета, 49 и улице Пуцул де Пьятрэ, 10, находились под неусыпным надзором людей Семёнова, что

¹¹⁹⁰ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 136. Л. 2. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 20 декабря 1914 г. № 387.

¹¹⁹¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 141–149.

¹¹⁹² Там же. Оп. 16. Ед. хр. 514. Л. 111–136. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 18 апреля 1916 г. № 34 и приложение.

¹¹⁹³ См.: *Spănu A. Serviciul de informații al României în Războiul de Întregire Națională (1916–1920)*. București, 2012. P. 54–57.

¹¹⁸⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 14 апреля 1916 г. № 33.

¹¹⁸⁹ Там же.

давало ценные сведения о деятельности и замыслах противника. Неприятельская сторона демонстрировала явное несовершенство методов агентурной работы: некоторые тайные агенты австро-венгерского военного атташе подполковника фон Ранды являлись непосредственно к нему в дом, за которым вели наблюдение филеры полковника Семёнова. Кстати, последнее было отлучено известно австрийской разведке. Макс Ронге признавал: «Полковник Семёнов работал для России как бы у себя дома: он не только сделал послушной себе румынскую полицию и органы таможен, но организовал напротив жилища нашего военного атташе особую наблюдательную комнату для детективов (т.е. агентов-филеров. — В.К.), чтобы вести постоянное наблюдение за его деятельностью»¹¹⁹⁴. Основная конспиративная квартира австрийской разведки находилась по адресу улица Попа Русу, 22, куда ежедневно приходил подполковник фон Ранда. За этим домом Семёновым также было установлено наблюдение¹¹⁹⁵.

Впрочем, противник платил русскому военному агенту той же монетой, а содействие ему румынской сигуранцы было далеко не безграничным. 7 апреля 1915 г. Семёнов докладывал: «Несмотря на мои настойчивые просьбы перед румынскими властями охранить неприкосновенность моего дома и меня лично от бесцеремонной назойливости австро-германских агентов и сыщиков, все остается по-старому. Каждого человека, приходящего ко мне, эти агенты фотографируют у входа в мой дом. Несмотря на все меры предосторожности, в Венгрии арестованы двое из моих лучших людей. Пришлось снять особую конспиративную квартиру и нанять особых контр-агентов»¹¹⁹⁶. Эта конспиративная квартира Семёнова была расположена по адресу улица Ромус, 9¹¹⁹⁷.

Вообще полковник Семёнов как разведчик проявлял широкую инициативу и особую склонность к различным мероприятиям по дезинформации неприятельских военных атташе, срыву их операций, внедрению на службу к ним двойных агентов и т.п. Так, в декабре 1914 г. он сообщал в штаб 7-й армии в Одессу, что подосланный им к германскому военному атташе в Румынии агент получил от того предложение отправиться за 5 тыс. франков в Россию в Николаев с целью узнать о времени спуска русского дредноута «Императрица Мария». В распоряжении Семёнова оказалось даже письменное предложение подполковника Бронзарту фон Шеллендорфа по этому поводу. В связи с этим русский военный агент запрашивал у Одессы инструкций,

¹¹⁹⁴ Ронге М. Разведка и контрразведка. С. 71.

¹¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 136. Л. 10–10 об. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 18 марта 1915 г. № 540.

¹¹⁹⁶ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 3133. Л. 89. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 7 апреля 1915 г. № 558.

¹¹⁹⁷ Там же. Л. 71. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 26 апреля 1915 г. № 579.

следовало ли ему продолжить игру по дезинформации противника и какие указания надо было дать своему сотруднику¹¹⁹⁸. К сожалению, продолжение этой истории выяснить не удалось.

Важным органом неприятельского шпионажа с конца 1914 г. было бюро Альберта Вернера, проживавшего в Бухаресте по адресу Каля Викторией¹¹⁹⁹, 159. Как удалось выяснить Семёнову, Вернер был офицером рейхсвера и не входил в состав германской миссии, но подчинялся ее военному атташе Бронзарту фон Шеллендорфу и служил его главным негласным агентом. По другим данным, Вернер в прошлом работал бухгалтером берлинского торгового дома «Ульштейн и К^о» и корреспондентом торгового дома «Жак Гольд» в Бухаресте; затем он занял пост директора конторы «Иверсен и К^о»¹²⁰⁰.

По наружным приметам, сообщенным Семёновым, Вернер был мужчиной лет 35 от роду, невысокого роста, с длинными светлыми усами и плешью. С Бронзартом Вернер регулярно встречался в доме 86 по той же Каля Викторией. Семёнов установил постоянное наружное наблюдение за ним, несмотря на то, что Вернера повсюду сопровождали два его собственных агента. Русский военный агент, называвший Вернера едва ли не самым опасным своим противником, докладывал: «Вернеру отпущены весьма значительные денежные средства, коими он пользуется широко, вербуя лучших международных агентов для шпионажа как в Румынии, так особенно в России. Обширная германская шпионская организация в Бухаресте, помимо трудности борьбы с ней, представляет для моей деятельности по разведке на двух фронтах значительные затруднения, установив за мною самый широкий и неослабный надзор, против которого я, однако, успешно до сих пор действовал, парализуя работы надзора за мною своими агентами и имея конспиративную квартиру для встречи с моими людьми»¹²⁰¹. Любопытно, что в особую вину Семёнов ставил Вернеру то, что он взвинтил цены на услуги тайных агентов в Бухаресте. Эти последние рассматривались как некий товар, за право покупки которого противоборствующим разведкам нужно было состязаться.

Русский военный агент не ограничивался одним лишь наблюдением за Вернером, но и предпринимал активные и довольно авантюрные действия против него. Так, им было выяснено, что германский резидент совершает поездки на станцию Кыйинени на венгерской границе, где контрабандным путем получает какие-то тюки. Вскоре после этого

¹¹⁹⁸ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 81–82.

¹¹⁹⁹ Каля Викторией (рум. *Calea Victoriei*) — Дорога Победы, главная улица румынской столицы.

¹²⁰⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 171–171 об.

¹²⁰¹ Там же. Ед. хр. 136. Л. 30–30 об. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 20 апреля 1915 г. № 575.

полковник Семёнов докладывал: «Предполагая возможность тайного провоза в Россию динамита и желая пресечь хоть на время вредную деятельность Вернера, я был вынужден прибегнуть к крайним мерам для овладения багажом Вернера, направлявшегося из Кыйнени в Галац. Приняв все меры крайней предосторожности, дабы не быть замешанным в это, мне с полным успехом удалось организовать симулированную покражу багажа Вернера из поезда между станциями Бухарест и Китила в ночь на 19-е апреля. На ходу поезда в окошко был выброшен чемодан и пальто Вернера, который сидел в вагоне-ресторане. Один из моих людей, прыгая с поезда, сильно разбился. Следов и улик нет никаких. В чемодане Вернера, весом около двух с половиной пудов, оказалось около 100 000 прокламаций для нашей армии самого возмутительного содержания»¹²⁰². Естественно, о своей пропаже в полицию Вернер предпочел не заявлять.

Полковник Семёнов продолжал наблюдать за главой германского шпионского бюро. В поле зрения русской военной разведки попала и фигура его основного помощника немца Гебеля, по некоторым данным, также офицера германской армии. Гебель содержал в Бухаресте хлебную контору. Именно им был завербован для Вернера итальянский подданный еврей Герман (Эрман) Иосифов Шварц, 50 лет, разорившийся хозяин магазина одежды в Александрии. В марте 1915 г. Гебель и Вернер направили Шварца в Россию для сбора сведений о количестве войск в Одесском военном округе и о числе пароходов в Одессе. В то время эта информация имела особое значение для Центральных держав, ожидавших начала операций русских сил против Босфора. В России за Шварцем сразу было установлено наружное наблюдение. В течение своей поездки Шварц, якобы с целью покупки сухих кишков и гороха, посещал Киев и Одессу. 21 марта на обратном пути был арестован русской контрразведкой на Унгенской таможне. При нем были обнаружены инструкция по шпионажу на немецком языке и отчет на 28 листах, написанный невидимыми чернилами¹²⁰³. Шварц дал признательные показания и 19 ноября 1915 г. был повешен по приговору Одесского военного суда¹²⁰⁴. Ходатайство итальянского посла маркиза А. Карлотти о замене Шварцу смертной казни пожизненной каторгой запоздало.

Вскоре после ареста Шварца агентурное бюро Вернера в Бухаресте постигла новая неудача. Им была командирована в Россию с целью шпионажа Францишка (Ванда) Быковская, польская крестьянка

из-под Лодзи. Сведения о Быковской из протокола ее допроса показывают, насколько жалким людям руководство германской разведки давало ответственные задания. Ванда Антонова Быковская, 21 года, католичка, была крестьянкой гмины Грабицы Лодзинского уезда Петровской губернии. Отец ее умер; мать до войны работала на суконной фабрике Барчинского. Брата Леона, 18 лет, немцы после занятия ими Лодзи забрали в польский легион. Определенных занятий Быковская не имела, два года назад ушла с фабрики «Новые французы», занималась проституцией. За месяц до ареста она познакомилась с неким поляком Перкитным, который завербовал ее для майора Фридриха Гемпа, корифея германской разведки и заместителя самого ее шефа, полковника Вальтера Николаи¹²⁰⁵. В Инстербурге Быковская получила лично от Гемпа инструкции. Тот поручил ей знакомиться на любовной почве с русскими офицерами и собирать у них следующие сведения: количество войск, соотношение родов оружия и номера частей, расположенных в Одессе, много ли там солдат «с бородами» (т.е. старших возрастов, из запасных или ополченских частей), сколько пароходов находится в Одесском порту, кто будет командующим десанта на турецкий берег. В Бухаресте Быковская явилась к Вернеру, затем при помощи служащего австрийского консульства Блюменфельда получила в русском консульстве в Яссах документы на въезд в Россию¹²⁰⁶. 21 апреля 1915 г. она была задержана на пограничном пункте в русских Унгенах; у нее были изъяты химический порошок для изготовления невидимых чернил и бумажки с двумя адресами. После допроса в Бессарабском ГЖУ Быковская была заключена в Кишинёвскую тюрьму¹²⁰⁷.

Через три дня после ареста Быковской, 24 апреля 1915 г., через Унгены в Россию въехал румынский подданный Нику Орешану, директор галацкого завода германского акционерного общества по эксплуатации лесов и паровых лесопилен П.К. Гетца. Наблюдение за ним установило его контакты с подозреваемыми в шпионаже лицами, попытки осмотра казарм, строевых учений русских войск и Одесского порта¹²⁰⁸. При попытке выехать из России 7 мая Орешану был аресто-

¹²⁰⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 339. Л. 39–42.

¹²⁰⁶ Руководство Огенквара особенно заинтересовалось именно этим обстоятельством. В ходе переписки с МИД выяснилось следующее: бумаги на въезд в Россию были выданы Быковской при содействии Шейвы Табер, дочери покойного Сруля Табера, местного жителя, который в течение 40 лет оказывал русскому правительству услуги по надзору за въезжающими евреями. Быковская получила документ, не имевший силы паспорта. Лица с такими бумагами на въезде подвергались допросу, что и стало причиной задержания Быковской. И все же, ввиду явного злоупотребления со стороны Шейвы Табер, правила получения въездных документов были ужесточены (Там же. Л. 6–10).

¹²⁰⁷ Там же. Л. 1–2 об., 29–30, 39–42.

¹²⁰⁸ Русской контрразведкой были установлены следующие факты. По прибытии на станцию Одесса Орешану был встречен представителем германской лесопромышлен-

¹²⁰² Там же.

¹²⁰³ Там же. Л. 27–27 об., 32–33 об., 49–52.

¹²⁰⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1915 г. Ед. хр. 4415. Л. 48. М.В. Алексеев — С.Д. Сазонову. 20 ноября 1915 г. № 16323.

ван в Рени и доставлен в Одессу. Произведенный у него обыск не дал никаких результатов.

Арест и обвинение в шпионаже крупного румынского предпринимателя Орешану вызвали оживленную дипломатическую переписку. За арестованного ходатайствовали влиятельнейшие люди Румынии — министр финансов Эмиль Костинеску, министр общественных работ Константин Ангелеску, вождь антантофильской оппозиции Таке Ионеску, шеф сигуранцы Панаитеску, бывший префект Бухареста¹²⁰⁹. Однако русские власти были неуступчивы. Одним из доказательств вины Орешану стала изъятая у Ванды Быковской бумажка с его именем и адресом в гостинице «Палас» в Одессе. Впрочем, позже на суде Быковская говорила, что немцы специально отправили ее в Россию, чтобы «утопить», т.е. скомпрометировать, Орешану¹²¹⁰. В феврале 1916 г. Ванда Быковская и Нику Орешану были осуждены Одесским окружным военным судом за шпионаж и приговорены к 4 и 12 годам каторги соответственно¹²¹¹. Вскоре, по личной просьбе румынской королевы, для Орешану каторга была заменена высылкой на время войны в Тюмень Тобольской губернии¹²¹².

Русская разведка считала аресты Шварца, Быковской и Орешану чувствительными ударами по центру вражеского шпионажа в Румынии; имелись сведения, что из-за этих провалов над Вернером нависла угроза отозвания, а также что они заставили немецких агентов настроиться¹²¹³. В сентябре 1915 г. Вернер вместе с семьей действительно выехал из Румынии, не оставив за собой квартиры¹²¹⁴. Еще одной не-

ной фирмы «Вольф Герман» купцом Юлием Осиповичем Энгелем, известным Одесскому КРО как подозрительное по шпионству лицо. С ним румынский предприниматель проследовал в гостиницу «Пассаж», где остановился в заранее нанятом для него Энгелем номере. Позже Орешану ежедневно посещал квартиру Энгеля, имел встречи с гражданином г. Пернова Лифляндской губернии Джоном-Георгом Винтером, в квартире которого проживал германский подданный Конрад Арльт, привлекавшийся к ответственности по делу германского флотского союза и дважды содержавшийся в тюрьме. 26 апреля в гостинице «Пассаж» об Орешану справлялся австрийский подданный Евгений Феликсов Теодорович, за которым со стороны КРО имелось наблюдение. 26 апреля Энгель возил Орешану в загородную местность Аркадию и указывал ему расположенные по пути туда казармы, возле которых в это время проводились частями войск занятия. 29 апреля они оба по пути за город осматривали казармы, артиллерийское училище и лагеря, а затем, вернувшись в город, осматривали издали порт. 6 мая Орешану в сопровождении агентов наружного наблюдения выехал из Одессы в Рени (Там же. Л. 17–17а. Начальник штаба Одесского военного округа (и.д. генерал-майор Дубравинский) — в Особое дело-производство Огенквара. 30 мая 1915 г. № 1571).

¹²⁰⁹ Там же. Л. 33.

¹²¹⁰ Там же. Л. 51.

¹²¹¹ Там же. Л. 49.

¹²¹² Там же. Л. 73–73 об.

¹²¹³ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 352. Л. 1–4.

¹²¹⁴ Там же. Ед. хр. 602. Л. 5.

удачей неприятельских секретных служб в Бухаресте стала ликвидация румынскими властями ссудной конторы Дьяконовича, открытой в январе 1915 г.; часть ее сотрудников, занимавшихся шпионажем против Румынии, были арестованы в марте, остальные успели бежать¹²¹⁵. Германские источники подтверждают, что из-за бездействия военно-разведывательный пункт в Бухаресте был закрыт летом 1915 г.¹²¹⁶

Итоги работы Вернера приводят к выводу, что или он был не столь опытным руководителем шпионажа, или все его усилия были сведены на нет противодействием русских секретных служб. Однако последним было рано торжествовать победу в Румынии. На смену Вернеру прибыл новый резидент германской разведки Вильгельм Бок, по некоторым данным — лейтенант рейхсвера, раненный под Танненбергом¹²¹⁷. Он возглавил шпионскую контору «Бокбюро». Вскоре деятельность неприятельской стороны, а также чудовищные изъятия в организации собственной работы принесли русской разведке трудные дни.

Несомненно, полковник Семёнов добился определенных успехов в выявлении вражеских агентов и противодействии им. Столкнувшись с рядом сложных проблем в деле агентурной разведки, Семёнов пошел по пути наименьшего сопротивления и целиком переключился на работу по «контршпионажу», что на практике вылилось в наблюдение за множеством жителей Бухареста и сбор сведений о них. Некоторые из них действительно работали на неприятельскую разведку и, со своей стороны, занимались тем же самым — следили за Семёновым и его людьми. В итоге поступление от Семёнова в русский Генштаб агентурных сведений о военно-политической жизни Румынии и неприятельских стран сильно сократилось.

Донесения Семёнова показывают, что он охотно ввязывался в различные затеи авантюрно-криминального характера, вроде описанной выше операции по краже багажа германского резидента Вернера в апреле 1915 г. 8 мая Семёнов докладывал в Генштаб о новой проделке. Он узнал, что через румынский порт Рамадан на болгарский Руцук ежедневно проходит около двух вагонов с военной контрабандой для Турции. Семёнов писал: «Чтобы убедиться в содержании ящиков этих курьеров, я был вновь вынужден организовать покражу из одного из вагонов. Обнаружено было винт для подводной лодки и сухая батарея большой силы. В этом случае я действовал через подкупленных мною агентов румынской тайной полиции, которым был сделан строгий вы-

¹²¹⁵ Там же. Ед. хр. 136. Л. 53–54 об. Сводка КРО Огенквара об организации австро-германского шпионажа в Румынии. 27 мая 1915 г.

¹²¹⁶ Александров В. България и тайната война. Австро-унгарското и германското разузнаване в България 1914–1944. София, 1992. С. 42.

¹²¹⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 171–171 об.

говор за излишнее старание их начальством; нашли подставного вора и дело объяснили простою кражей»¹²¹⁸. После этого русская миссия заявила правительству Румынии протест. Затем был официально задержан один из ящиков, который был якобы разбит при разгрузке. В нем оказалось около 200 кг капсулей. Груз был арестован. Семёнов считал, что, при попустительстве румынских властей вражеской контрабанде, он был должен вести широкое наблюдение в этой области, чтобы подкреплять фактическими аргументами позицию правительства России¹²¹⁹. А Семёнов и дальше продолжал неумолимо охотиться за вражеской военной контрабандой. 14 октября 1915 г. он докладывал: «Германский майор Рудольф Кляпс, живший в Гранд Отеле в Бухаресте, выехал недавно в пограничный пункт Prisecan, где получает каждую ночь триста килограммов капсулей из Германии и отправляет их на автомобиле в Бухарест, откуда их направляет в дунайский порт Турну-Магуреле и далее в Никополь. По открытии склада сей контрабанды будут приняты меры для ее задержания»¹²²⁰.

Вся эта работа, несомненно, была полезна для Российской империи, однако, как представляется, подобные операции были слишком мелким занятием для официального представителя русского Генштаба. Иными словами, остается открытым вопрос, насколько необходимо было официальному военному агенту, к тому же не имеющему штатных помощников, столь усердно заниматься этим, в ущерб более важным задачам стратегической разведки и военной дипломатии в Румынии. В любом случае, Семёнову явно не доставало опыта сыскной и агентурной деятельности. Один из агентов русской контрразведки докладывал: «Деятельность пол[ковни]ка Семёнова при всей его доброй воле носит временный и случайный характер, и кроме того крайне опасный для русского представительства в стране с правительством, явно покровительствующим немцам. Помимо всего, пол[ковни]к Семёнов дипломат и по существу — не контрразведчик, по своему положению пол[ковни]к Семёнов — лицо для города с населением в 250 000 человек слишком заметное»¹²²¹.

Еще одним примером неоправданных трат полковником Семёновым своего времени и сил может считаться и следующая история. На протяжении нескольких недель в июне и июле 1915 г. Семёнов докладывал в Генштаб о наблюдении и затем о развитии плана захвата парохода «Антон». Эта история настолько увлекла его, что тридцать

¹²¹⁸ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2662. Л. 33–33 об. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 8 мая 1915 г. № 609.

¹²¹⁹ Там же.

¹²²⁰ Там же. Оп. 15. Ед. хр. 648. Л. 16. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 14 октября 1915 г. № 813.

¹²²¹ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 352. Л. 3.

лет спустя, в 1947 г., именно о ней (и ни об одном другом эпизоде своей работы в Румынии) он написал короткие мемуары в форме остро сюжетного рассказа. Суть дела была такова. К Семёнову, следившему за движением военной контрабанды по Черному морю из Румынии в Турцию, обратился представитель афинско-черноморского пароходного общества «Паллас» некто П. Кантакудис. Он предложил русскому военному агенту сделку. Везить контрабандный бензин морем из Констанцы в Константинополь было слишком рискованно, из-за угрозы быть захваченным русскими кораблями. Поэтому Кантакудис вызвался сам привести пароход на встречу с русскими кораблями и сдать им груз, в обмен на выплату ему примерно половины стоимости (200 тыс. франков, при общей стоимости 350 тыс. франков). Семёнов договорился, чтобы «Антон» двигался к Одессе, где его и должны были встретить корабли Черноморского флота. Однако от своих агентов наружного наблюдения Семёнов узнал, что, кроме бензина, на «Антон» грузились странные ящики. Тогда он путем подкупа устроил падение и разбитие одного ящика, внутри которого оказалась германская морская мина. По версии Семёнова-мемуариста, так вскрылся и был сорван вражеский замысел устроить крупную диверсию — минировать Одессу, куда был бы отведен «Антон» с конфискованным грузом. В итоге сделка не состоялась, а пароход скрылся из Констанцы¹²²². В служебных телеграммах Семёнова такой финал истории с пароходом отражен не был. И в любом случае остается непонятным, каков был итог нескольких недель наружного наблюдения, переговоров с капитаном и переписки Семёнова с русскими штабами по этому вопросу.

Сам Семёнов был убежден и уверял свое начальство в необходимости организации в Румынии широкой службы контрразведки, которую следовало, по его мнению, объединить под общим руководством со службой военной разведки. Это он называл необходимым условием для обеспечения контроля за надежностью собственной секретной агентуры. Именно поэтому Семёнов указывал Огенквару на «настоятельную необходимость правильно организованного контршпионажа, так как только при наличии налаженности этой службы можно быть сколько-нибудь уверенным, что наши собственные секретные агенты не будут переловлены в пределах наших врагов, а, кроме сего, принимая во внимание громадный соблазн перехода на сторону наших врагов, платящих сумасшедшие цены за услуги своих агентов и старающихся перекупить на свою сторону наших людей, —

¹²²² Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2693. Л. 13. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 20 июля 1915 г. № 666; Там же. Ед. хр. 3133. Л. 19, 21, 22, 23, 25. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 20, 25, 26, 27 июля 1915 г. № 658, 668, 669, 670, 672; Семёнов-Мерлин Б.А. Кантакудис: из воспоминаний военного агента в Румынии // Новое русское слово. 1947. № 12734–12736.

можно быть уверенным в лояльности состава нашей собственной организации»¹²²³.

Полковник Семёнов продолжал работать с тайной агентурой вплоть до самого конца своего пребывания в Бухаресте. Только после отозвания, находясь в Петрограде и подводя итоги своей деятельности, он пришел к выводу о необходимости в будущем положить конец непосредственным контактам военного агента в Румынии с его негласными источниками информации. Главной причиной Семёнов называл враждебную русским интересам работу румынской сигуранцы. По его мнению, все агентурные контакты было необходимо передать в ведение особого лица. Этого человека следовало тайно командировать в Кишинёв, откуда им могли бы совершаться поездки в румынские Яссы для встреч с агентами. Таким образом, Семёнов предлагал создать тайную резидентуру военной разведки для работы в Румынии.

В результате смены Семёнова полковником Татариновым в феврале 1916 г. поступление информации от обеих агентурных организаций русского военного агента в Бухаресте было нарушено. Инженер Краль по личным мотивам не желал более сотрудничать с Татариновым, в свое время не предоставившим ему русского паспорта. Каменский также не захотел продолжать работать одновременно для штабс-капитана Юрьева и нового военного агента; к тому же руководство русской разведки получало все больше данных о том, что этот «сотрудник-организатор» работал на обе стороны и занимался собственными темными делами¹²²⁴.

Что касается Франца Краля, то Семёнов не зря превозносил его качества как разведчика. С весны 1916 г. чех-инженер работал на штаб дунайской Экспедиции особого назначения и снабжал русское командование ценнейшей фактической информацией и аналитическими материалами о перспективах вступления Румынии в войну и о театре боевых действий на Добруджанском театре войны. В частности, к 1 июля он составил доклад «Состояние шоссе и иных дорог, водоснабжение, расположение лагерей и оборонительных позиций в Старой и Новой Добрудже в отношении наступления русской армии против Болгарии»¹²²⁵.

Из-за традиционной неразберихи между разными ветвями секретных служб Российской империи Франц Краль попал в число неблагонадежных. 11 июня 1916 г. глава одесской контрразведки подполков-

ник В.М. Якубов циркулярно разослал на все пограничные пункты на румынской границе распоряжение о досмотре инженера Краля в случае его попытки въехать в Россию и о выдворении его обратно, если бы обыск не дал никаких результатов¹²²⁶.

Осенью 1916 г. Краль все же сумел въехать в Россию, где начал играть видную роль в кругах, занимавшихся формированием чехословацких частей, причем находился в оппозиции к линии Т.Г. Масарика и его сторонников. В апреле 1917 г. он был арестован КРО штаба Киевского военного округа по доносу о его шпионской деятельности, однако вскоре был отпущен¹²²⁷. Позднее, в начале Гражданской войны в России, инженер Краль оказался в Добровольческой армии и принял участие в знаменитом 1-м Кубанском (Ледяном) походе, в котором он, даже не будучи военным человеком, командовал чехословацким батальоном. Осенью 1918 г. он погиб при невыясненных обстоятельствах¹²²⁸.

О другом бывшем агенте полковника Семёнова графе Карле Потцком известно лишь, что он так и не был послан в опасную разведывательную поездку в оккупированную немцами Польшу. К декабрю 1916 г. он находился в ставшем прифронтовым городом Галаце, где именовал себя представителем Экспедиции особого назначения «в полицейском отношении» и требовал, чтобы все агенты русской разведки и контрразведки сообщали ему о своей деятельности. Естественно, такое превышение любых мыслимых полномочий вызывало недоумение и раздражение у русских секретных служб¹²²⁹.

После вынужденного завершения своей деятельности в Румынии зимой 1916 г. полковник Семёнов фактически так и не смог передать своему преемнику использовавшуюся им, с грехом пополам, агентурную сеть. Все вышеизложенное заставляет оценить итоги двухлетней агентурной работы Семёнова в Бухаресте в целом как не слишком удачные. Однако достижения других офицеров и органов секретных служб России на этом направлении были гораздо более скромными, а в некоторых случаях — плачевными.

¹²²³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 14 апреля 1916 г. № 33.

¹²²⁴ Там же.

¹²²⁵ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. 1916–1917 гг. Ед. хр. 228. Л. 17–20 об.

¹²²⁶ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Ед. хр. 1433. Л. 1. В.М. Якубов — на пограничные пункты Рени, Измаил, Унген[ы], Скуляны, Липканы, Кагул. 11 июня 1916 г. № 5799.

¹²²⁷ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. 1916–1917 гг. Ед. хр. 228. Л. 38–38 об.

¹²²⁸ Эти сведения мне сообщил мой друг д.и.н. А.В. Ганин, за что я ему благодарен.

¹²²⁹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 1815. Л. 1–2.

Глава 15

НА ПРЕКРАСНОМ ГОЛУБОМ ДУНАЕ:
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДУНАЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Самостоятельным и весьма влиятельным органом русской разведки, политики и дипломатии на Балканах стал штаб дунайской Экспедиции особого назначения (ЭОН) во главе с капитаном 1-го ранга флигель-адъютантом, позже контр-адмиралом свиты, М.М. Весёлкиным. Михаил Михайлович Весёлкин (1871–1919) был незаурядным деятелем времен Первой мировой войны, в личности которого соединились многие лучшие и худшие черты старшего морского офицерства и придворных кругов России эпохи Николая II. Воспитанник Александровского лицея, он поступил на флот, служил в штабе начальника эскадры Тихого океана, принимал участие в подавлении восстания ихэтуаней в Китае в 1900–1901 гг., затем служил на Балтике, занимал ряд штабных и командных должностей. Перед войной флигель-адъютант (с 1908 г.) Весёлкин был командиром строившегося линейного крейсера «Бородино».

Один из офицеров русского императорского флота так отзывался о Весёлкине: «Баловень судьбы, полностью оправдывающий свою фамилию весельчак и остроумец, желанный гость всех кают-компаний, гурман и сам первоклассный повар, по части же вина могущий быть председателем жюри на любой винной выставке. Он недаром был столько лет адъютантом у такого большого знатока по части питий и яствий, каким был великий князь Алексей Александрович»¹²³⁰.

Вскоре после начала войны Весёлкин в качестве доверенного лица самого императора был назначен руководить движением караванов с военными грузами из России в Сербию по Дунаю и обеспечивать их безопасность. Возглавив образованную в сентябре 1914 г. Экспедицию особого назначения, Весёлкин получил права «флагмана, отдельно командующего», а также возможность непосредственно сноситься с руководителями центральных органов правительства¹²³¹. Начальник

¹²³⁰ Туманов Я.К. Контрабандисты // Морские записки. Издание Общества бывших русских морских офицеров в Америке, Инк. (Нью-Йорк). 1945. Т. 3, № 2. С. 85–86.

¹²³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1913 г. Ед. хр. 51. Ч. 8. Л. 112–113. М.М. Весёлкин — В.Ф. Джунковскому. 17 декабря 1914 г. № 1712.

дворцовой охранной агентуры генерал А.И. Спиридович вспоминал: «В Рени, по инициативе морских кругов, была устроена так называемая “Экспедиция особого назначения на Дунае”, своеобразная организация из разного рода войск, чинов и учреждений, во главе которой стоял капитан 1-го ранга, флигель-адъютант Весёлкин, энергичный и неглупый, человек, умевший выпить и пожить, большой весельчак и хороший рассказчик анекдотов. Его знал и любил Государь и называл толстяком. Он состоял в каком-то подчинении у ближайшего командующего армией, но вел себя самостоятельно и прославился лютой борьбой с Министерством иностранных дел и его представителем в Румынии. Экспедиция имела назначением снабжать Сербию необходимыми жизненными и военными запасами, но через нее приходило и к нам кое-что существенное из Греции. Экспедиция состояла из 3 пассажирских и 11 буксирных пароходов, 130 больших шаланд, 15 брандеров с большим штатом чинов разных специальностей, солдат и офицеров. В нее входили и возводимые невдалеке укрепления для защиты реки Прута. У Весёлкина было три помощника, а адъютантом состоял лейтенант Самарский, которого Государь знал по службе его в Балтийском флоте. Тоже большой весельчак, нарядный, как все моряки, офицер, победитель сердец дамского общества Рени»¹²³².

Сходный отзыв дал в своих воспоминаниях и офицер Морского штаба Главковерха А.Д. Бубнов: «Помимо нашего посланника в Бухаресте А.С. Паклевского-Козела (так в тексте. — В.К.), пользовавшегося в Румынии большим влиянием, другим деятельным “агентом” в этом вопросе был начальник Дунайской речной флотилии свиты его величества контр-адмирал М.М. Весёлкин, сделавший из выступления Румынии свой “*point d'honneur*” (вопрос чести). Дунайская флотилия, непосредственно подчиненная верховному командованию, была в начале войны образована из судов Русско-Дунайского пароходного общества с присоединением к ним нескольких канонерских лодок Черноморского флота; первоначальная задача этой флотилии состояла в военном снабжении Сербии по Дунаю, а после занятия Сербии противником деятельность ее личного состава и в первую очередь ее начальника адмирала Весёлкина сосредоточилась на побуждении Румынии к выступлению. М.М. Весёлкин — любимец Государя и всего флота, “истинно русский человек”, душа нараспашку, остряк, решительно никому спуска не дававший и в карман за словом не лазивший, гуляка-весельчак и хлебосольный барин — был как нельзя более подходящим к такой деятельности. В его распоряжение было дано на 2 миллиона рублей различных роскошных ювелирных изделий, которые он широкой рукой

¹²³² Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Минск, 2004. С. 213–214.

раздавал в виде “подарков” разным румынским деятелям и их женам, имевшим “право голоса” в вопросе выступления Румынии»¹²³³.

Весёлкин был давним и близким другом последнего российского императора, в отношении которого он мог позволить себе немислимые для других фамильярности. К примеру, тот же Бубнов вспоминал, что во время его поездки в Румынию летом 1916 г. Весёлкин, провоя его до вокзала в Рени, вручил ему объемистый пакет со словами: «На, возьми и передай это Государю. Здесь копченая колбаса и пармезан, которые он любит. Только смотри, дай слово, что передашь ему лично, а то иначе все слопают придворные лакеи и до него ничего не дойдет»¹²³⁴. Бубнов писал: «Признаться, такое поручение меня озадачило едва ли не больше, чем вся моя дипломатическая миссия, ибо вот так за здорово живешь вручить императору и самодержцу Всероссийскому кусок колбасы и сыра — дело не простое»¹²³⁵. В другой раз, во время приезда Николая II в Рени в ноябре 1915 г., Весёлкин за обедом угощал наследника-цесаревича пивом¹²³⁶. В тот раз император имел возможность лично убедиться в организаторских способностях Весёлкина. 12 ноября он писал императрице: «Наш толстый приятель Весёлкин встретил нас ранним утром (9 ноября. — В.К.), чтобы заранее все хорошенько объяснить. То, что мы видели, было в высшей степени интересно. Я должен сознаться, что он обладает даром хорошей организации и умеет заставить людей разных положений усердно работать в полном согласии друг с другом. Описывать все это в письме было бы слишком долго!»¹²³⁷

«Мой наместник на Дунае» — называл его Николай II¹²³⁸, и это говорило о многом. Современники отмечали недюжинные организаторские способности Весёлкина, его искреннее рвание за русские интересы и заботу о подчиненных. Лидер правых в Госдуме В.М. Пуришкевич, посетивший нижний Дунай в конце 1916 г., вспоминал: «Весёлкин работал здесь не покладая рук и днем и ночью, вникая решительно во все, чуждый буквредства, формализма и канцелярщины; и не один десяток тысяч русских солдат, приехавших сюда в изможденном от голода виде, был обязан ему духовной и физической поддержкой. Невероятный ругатель и сквернослов, как большинство русских моряков, но человек бесконечно доброй души и отзывчивый, Весёлкин принимал героические

¹²³³ Бубнов А.Д. В царской Ставке. Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955. С. 208.

¹²³⁴ Там же. С. 212.

¹²³⁵ Там же.

¹²³⁶ Спиридович А.И. Великая война... С. 215.

¹²³⁷ Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1915 гг. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 452.

¹²³⁸ Там же. С. 214.

меры к снабжению наших армий всем необходимым»¹²³⁹. Положение личного друга Николая II позволяло Весёлкину широко и бесцеремонно вмешиваться в вопросы балканской политики и совершенно не считаться с мнением кадровых русских дипломатов и военных представителей в Бухаресте, деятельность которых он резко критиковал. Сам Весёлкин, по отзыву Бубнова, был «ярким сторонником выступления Румынии»¹²⁴⁰. Широкою свободой в действиях Весёлкин имел благодаря выделенным в его распоряжение огромным денежным средствам. К примеру, в августе 1916 г. по повелению императора Весёлкину был открыт чрезвычайным сверхсметный кредит «на не подлежащую оглашению надобность» на сумму в 2 млн руб. из средств государственного казначейства, с причислением к смете МИД¹²⁴¹.

При всех своих положительных качествах, Весёлкин был человеком самоуверенным, грубым и резким, злоупотреблял спиртным. Офицер Ставки штабс-капитан М.К. Лемке записал о нем в своем дневнике: «Это большой, грузный человек, гурман, забулдыга, рассказчик похабщины, очень любимой Николаем. Ему ничего не стоит, глядя на своего собеседника, сказать ему, прищурив правый глаз: “И всё вы... врете, совсем вы не то... думаете, финтите и ломаетесь...” Все, изображенное точками, заменяется им бранью самого русского происхождения»¹²⁴². Именно в таком ключе Весёлкин подчас общался с румынскими деятелями и представителями русской миссии, что вскоре привело к скандальным столкновениям и уже упоминавшейся «лютотой борьбе» Весёлкина с посланником С.А. Поклевским.

Как было рассказано выше, в январе 1915 г. личный доклад Весёлкина императору о Поклевском чуть не похоронил дипломатическую карьеру последнего. Однако благодаря деятельному заступничеству Сазонова посланник не только сумел усидеть в Бухаресте, но и год спустя даже перешел в контрнаступление против адмирала. 12 февраля 1916 г. Поклевский телеграфировал Сазонову из Бухареста: «На днях Весёлкин посетил двух румынских генералов и нескольких румынских министров и, находясь в повышенном (просто — в обычном нетрезвом. — Примеч. М.К. Лемке) настроении, заявил им, что я как поляк и католик не пользуюсь никаким доверием в России, а что он сам является личным другом государя императора. Сообщив затем некоторые несуразные вещи о своем происхождении, он переходил на политические темы. Между прочим, спрашивал, что сделает румынское правительство в случае

¹²³⁹ Пуришкевич В.М. Дневник // Григорий Распутин: сборник исторических материалов. М., 1997. Т. 4. С. 73.

¹²⁴⁰ Бубнов А.Д. В царской Ставке... С. 212.

¹²⁴¹ АВГРИ. Ф. 146. Оп. 495. 1916 г. Ед. хр. 8760. Л. 2–2 об.

¹²⁴² Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. 1916. Минск, 2003. С. 440–441.

вступления русских войск в Добруджу, высказывая при этом уверенность, что при такой обстановке румынам не останется другого выхода, как немедленно к нам присоединиться»¹²⁴³. Посланник продолжал: «Как чисто болезненное желание Весёлкина вмешиваться в дела, вовсе его не касающиеся и которых он зачастую вовсе не понимает, так и довольно частые его личные более или менее дикие выходы заставляют меня серьезно сомневаться в нормальности общего его состояния»¹²⁴⁴.

На сей раз удача была на стороне Поклевского, который сумел поквитаться с Весёлкиным за прошлые обиды. Сазонов переслал его телеграмму в Ставку, Алексеев доложил ее императору и затем 18 февраля телеграфировал Весёлкину в Рени: «Ввиду постановки вопроса соглашения с румынами на деловую почву, государь император повелел Вам в последующем не посещать румынских министров, командиров корпусов и других высших офицеров, не вести с ними переговоров о необходимости соглашения и избегать разговоров о каких-либо Ваших особых полномочиях, дабы этим не затруднять работу лиц, на коих официально она возложена»¹²⁴⁵. Для «наместника на Дунае» это, несомненно, была громкая и болезненная оплеуха.

В тот же самый день, 18 февраля, Поклевский докладывал о новых фактах безобразного поведения Весёлкина в Бухаресте. Он сообщал: «В бытность свою здесь Весёлкин просил отца Политова передать от имени русской церкви икону митрополиту примасу, панагию любому расположенному к нам епископу, одну маленькую икону кому-либо из духовных и серебряный золоченый ковш кому-либо из светских лиц — “для блага русского дела в Румынии”. Батюшка затрудняется исполнить такого рода поручения без благословения митрополита Петроградского и просит указаний. Кроме того, батюшка доложил мне, что Весёлкин, находясь в повышенном настроении и войдя после вечера в алтарь для передачи упомянутых выше предметов и заметив дьякона, стал его ругать за то, что он иногда носит светское платье, назвал его “шантрапой”, грозил донести государю императору, “сгноить” дьякона в 24 часа, после чего, обращаясь к батюшке, сказал: “Да и вас за компанию”. После этого Весёлкин объявил дьякону, что если у него нет денег для покупки рясы, то он отпустит ему сто рублей, и поставил дьякона тут же положить земной поклон в обещание, что он более светского платья носить не будет. Вышеизложенное почитаю долгом довести до сведения Вашего превосходительства в подтверждение высказанного мной предположения о ненормальности Весёлкина»¹²⁴⁶.

¹²⁴³ Цит. по: Там же. С. 333–334.

¹²⁴⁴ Там же.

¹²⁴⁵ Там же. С. 334.

¹²⁴⁶ Там же. С. 336–337.

Развивая успех, 25 февраля Поклевский, ссылаясь на мнение румынских властей, просил прекратить вмешательство Весёлкина в политику или вообще удалить его из страны. На последнее Ставка пойти была не готова. И Весёлкин, и Поклевский оставались на своих постах, один на Дунае, а второй на Дымбовице, до осени 1916 г. 10 ноября Весёлкин был назначен комендантом Севастопольской крепости. После Февральской революции он не долго задержался на службе. Согласно дневниковой записи А.И. Верховского, 2 марта 1917 г. толпа матросов на митинге в резкой форме потребовала у Весёлкина снять императорские вензеля со своих погонов¹²⁴⁷. 4 апреля 1917 г. он был отчислен от должности с зачислением в резерв чинов Морского министерства, а 20 августа уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. Бывший императорский «наместник на Дунае» не пережил красного террора. Адмирал Весёлкин был арестован по делу «Русско-Мурманского ремонтного и судостроительного товарищества», организации, поставившей себе целью вербовку бывших офицеров для отправки на Мурман и раскрытой Архангельской ЧК в январе 1919 г. По постановлению Петроградской ЧК Весёлкин был расстрелян.

Таковы были судьба, служебный и человеческий облик начальника дунайской Экспедиции особого назначения. Что же нам известно о разведывательной деятельности его подчиненных?

Штаб ЭОН, работавший в Рени и на флагманском пароходе «Русь», вел агентурную разведку в придунайских областях Румынии и Болгарии. Офицеры-резиденты штаба ЭОН действовали в нескольких румынских дунайских портах, где они занимались обеспечением безопасности плавания судов экспедиции и наблюдением за обстановкой. К примеру, в Турну-Северине работали офицеры ЭОН старшие лейтенанты Н.Е. Драшусов и С.М. Ратманов. Резидентом штаба экспедиции в Бухаресте зимой 1916 г. являлся флота подполковник И.И. Найдёнов, проживавший по адресу улица Романа, 40-бис. До назначения в Бухарест военно-морской следователь капитан Найдёнов служил в штабе ЭОН в Рени, где исполнял должность обер-аудитора¹²⁴⁸. Именно с ним, после отъезда из Румынии полковника Семёнова, стал сотрудничать инженер Краль, получая за это 5000 франков в месяц¹²⁴⁹. Кроме того, в штабе ЭОН составлялись сводки австро-германской прессы, велись допросы бежавших русских военнопленных; одним словом, круг обязанностей и ведения штаба ЭОН не был четко очерчен, что оставляло

¹²⁴⁷ Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 г.). Пг., 1918. С. 68.

¹²⁴⁸ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1.

¹²⁴⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 14 апреля 1916 г. № 33.

широкий простор для инициативы, иногда принимавшей вид бесполозной самодеятельности. Вторжения Весёлкина в сферу политики были систематическими и очевидными. Так, 3 февраля 1916 г. итальянский посланник в Бухаресте доносил в Рим, что премьер-министр Брэтгиану жаловался на агитационную деятельность инспирируемой Весёлкиным печати, указав, что русский адмирал организовал особое информационное бюро и вводит царя в заблуждение¹²⁵⁰.

В конечном счете, в Ставке Главковерха были глубоко разочарованы разведывательной деятельностью штаба экспедиции Весёлкина. В ответ на запрос Ставки об оценке данных разведки ЭОН, штаб Юго-Западного фронта докладывал 11 марта 1916 г.: «Донесения Экспедиции представляют полную ерунду. Очень было бы желательно воздействие с Вашей стороны, так как постоянное муссирование слухов, сплетен и сведений в районах Буковины, Венгрии и Трансильвании, собираемых, вероятно, в ресторанах и кофейнях Бухареста, не считая непроизводительных расходов казны, сбивают только те сведения, которые могли бы казаться действительными»¹²⁵¹. На следующий день после этого генерал-квартирмейстер Ставки М.С. Пустовойтенко отправил в Морской штаб Главковерха резкую отповедь. Он писал:

«Изучение передаваемых Морским штабом Верховного командующего донесений Экспедиции особого назначения приводит к убеждению, что большая часть многочисленных сведений об армиях наших противников, сообщаемых агентами этой экспедиции, не соответствует действительности.

Некоторое сравнительно правдоподобие еще имеют сведения о болгарских войсках; все же сведения о частях германских и австро-венгерских армий, во 1-х, обнаруживают совершенное незнание агентов с нынешней организацией этих армий, а во 2-х, почти все без исключения опровергаются другими достоверными данными разведки. Последнее главным образом имеет место в тех случаях, когда агенты Экспедиции начинают точно указывать номера полков и дивизий, якобы ими обнаруженных. Большею частью все таким образом обнаруженные части в действительности оказываются на других фронтах, а приводимый состав дивизий не соответствует нынешнему боевому расписанию армий наших противников.

Наконец, в числе сообщаемых данных встречаются и такие, полная невероятность которых бросается в глаза и лицам, мало знакомым с организацией иностранных армий, как, например: сосредоточение в Будапеште 500 000 баварских, австрийских и турецких войск (теле-

грамма свиты его величества контр-адмирала Весёлкина от 9 марта за № 175), прибытие в Константинополь 1000 бронированных автомобилей (телеграмма его же от 10 марта за № 178); столь же невероятные данные попадают и среди сведений общего характера: расстрел бывшего болгарского министра-президента Данева (сводка сведений, переданная Морским штабом при надписи от 6 марта за № 45), продолжающего, судя по телеграммам Петроградского агентства, в качестве адвоката выступать на идущем в Софии процессе (суд над болгарамифиломи из агентурной группы Н. Зеленогорова. — В.К.).

Все вышеизложенное заставляет с большим недоверием относиться ко всем вообще сведениям, сообщаемым агентами Экспедиции особого назначения; между тем среди них могут случайно оказаться и важные верные сведения, на которые ввиду сказанного не будет обращено должного внимания.

Вследствие этого казалось бы крайне желательным обратить внимание начальника Экспедиции особого назначения на необходимость более тщательного выбора агентов и совершенного прекращения пользования теми агентами, которые своими фантастическими донесениями могут только сбивать разведку и лишь вызывают совершенно непроизводительный расход казенных денег»¹²⁵².

Армейские офицеры-разведчики и сотрудники контрразведки резко отрицательно оценивали работу агентов военно-морской разведки, и основания для этого имелись. По агентурным сведениям начальника одесской контрразведки подполковника В.М. Якубова, одним из агентов переведенного из Болгарии в Румынию кавторанга В.В. Яковлева был греческий подданный албанец Перикл Петрович Зисис, одновременно состоявший на службе у вражеского резидента Берга. Этот последний, по некоторым данным, лейтенант германского 20-го драгунского полка, был организатором шпионажа против России с территории Румынии. Зисис несколько раз бывал в Одессе, хорошо знал Юг России. Наконец, особенно ценилась Бергом служба Зисиса у русского 2-го военно-морского агента в Бухаресте, так как это очень облегчало ему выполнение разведывательных заданий в России.

По данным Якубова, Берг выделил Зисису на поездку в Россию 800 руб., дав задание наблюдать за обстановкой и деятельностью военных в Унгенах, Кишинёве, Бендерах, Одессе, Ялте, Симферополе и Севастополе, выяснять номера расположенных там полков, местонахождение русских подводных лодок. В случае успеха ему было обещано крупное вознаграждение. По сведениям контрразведки штаба Черноморского флота, Перикл Зисис, 28 лет, был корреспондентом

¹²⁵⁰ Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке... С. 336.

¹²⁵¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1521. Л. 13. М.К. Дитерихс — В.Е. Скалону. 11 марта 1916 г. № 17352.

¹²⁵² Там же. Л. 11–11 об. М.С. Пустовойтенко — в Морской штаб Главковерха. 12 марта 1916 г. № 1455.

пирейской газеты «Имера» и имел сношения с немцами. Контрразведка штабу также располагала данными, что Зисис работал на немцев. 20 февраля 1916 г. Зисис и еще один двойной агент флотской разведки Иосиф Ламбринос прибыли из Румынии в Унгены. По их словам, они ехали к А.А. Нищенкову по поручению Яковлева. Однако по секретному письму самого Яковлева они были взяты под наблюдение, и 24 февраля по запросу контрразведки Черноморского флота на имя ротмистра Мандражи — выдворены из России¹²⁵³.

Эта и подобные ей истории, становясь известными высокопоставленным военным руководителям в России, не могли не вызывать у них сильного раздражения. Как вспоминал имевший доступ к секретным документам Ставки М.К. Лемке, в рапорте от 15 апреля 1916 г. генерал В.Н. Клембовский сообщал наштаверху, что подчиненные адмирала Весёлкина, капитан 2-го ранга Яковлев, бывший морской агент в Болгарии, и капитан 2-го ранга Нищенков, пользуются двойными агентами — Периклом Зисисом и Иосифом Ламбриносом, чему давно следовало положить конец. На этом докладе Алексеев написал: «Адмирал Весёлкин пользуется агентами самого скверного, подозрительного типа, врущими ему беззастенчиво и пользующимися, надо думать, удобствами сбора сведений у нас. Это нужно прекратить»¹²⁵⁴.

Судя по некоторым данным, личные слабости Весёлкина самым отвратительным образом отражались и на поведении его подчиненных. Так, доклад по КРО Огенквара от 27 мая 1915 г. сообщал: «По поступившим ко мне агентурным сведениям, на русском военном пароходе “Болгарии”, крейсирующем по р. Дунаю между пограничными пунктами — Рени и румынским городом Галатцом, а также и других наших пароходах, входящих в состав Дунайской флотилии, командный состав таковых ведет себя крайне распущенно, что весьма деморализующе отражается и на команде нижних чинов. Так, например, офицеры этих судов часто приглашают из Румынии к себе на пароход женщин легкого поведения, с которыми устраивают целые оргии, заставляют их донага раздетыми танцевать или ложиться на стол в общей столовой. На другой день женщины эти обыкновенно уходят прогуливаться по городу Рени, в порту которого грузятся военные пароходы, отправляющиеся затем по Дунаю, так что имеют полную возможность узнавать, куда и какой груз отправляется. Рассказывают, что во время очистки Дуная от мин, с октября месяца 1914 по февраль текущего года, кутежи и оргии с женщинами разных наций дошли до

таких размеров, что было истрачено около ста тысяч рублей казенных денег исключительно на эти кутежи и оргии»¹²⁵⁵.

Некоторое время спустя сотрудник контрразведки штаба Одесского военного округа «Альфред» сообщал, что одним из тайных агентов германского бухарестского «Бокбюро» был некий Янкель Серпер, русский подданный, 12 лет живший в Галаце. Серпер имел близкое сношение с кельнером по имени Илья с большого русского парохода «Адмирал Кашерининов», прежде называвшегося «Болгария». По сведениям «Альфреда», при каждом приходе парохода в Галац Серпер тайно встречался с этим Ильей, который был, по всей видимости, агентом-связником неприятельской разведки¹²⁵⁶. По данным штабу, Янкель Серпер подчинялся проживавшему в Бухаресте Аристиду Элиасу, который, в свою очередь, был сотрудником буковинского бюро полковника Эдуарда Фишера (бывшего жандармского ротмистра в Черновицах, которого Ронге называл в своих воспоминаниях «опорой нашей разведывательной службы») ¹²⁵⁷. Еще в начале войны Эвиденц-бюро венского Генштаба поручило Фишеру главное руководство разведкой в России через территорию Румынии, и тот достиг в этом деле значительных успехов¹²⁵⁸. Его бюро, по данным русской разведки, располагалось в Черновицах в ткацкой школе на улице Зибенбюргер¹²⁵⁹. Элиас руководил целой группой евреев, жителей Галаца, которые вели корреспонденцию с Россией при помощи русских пароходных служащих. Одним из агентов Элиаса был служащий РДП Павел Ставро, проживавший в Галаце¹²⁶⁰. Очевидно, бдительность руководства ЭОН оставляла желать много лучшего, раз вражеские агенты успешно действовали под самым его носом.

При этом сам Весёлкин проявлял большую заботу об обеспечении безопасности экспедиции, для чего он считал необходимым увеличить силы жандармско-полицейского надзора. По его мнению, именно нехватка последних была главным источником угрозы для экспедиции, хотя на самом деле работе неприятельских агентов по ЭОН

¹²⁵⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 352. Л. 17. Доклад по КРО Огенквара ГУГШ. 27 мая 1915 г. № 4314.

¹²⁵⁶ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 875. Л. 63–65 об.

¹²⁵⁷ Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 33.

¹²⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1916 г. Ед. хр. 39. Л. 163а. Сводка агентурных сведений об организации шпионажа в Австрии против России по данным контрразведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. К 1 января 1916 г. № 3.

¹²⁵⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 3964. 375–375 об.

¹²⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 39. Л. 175–186. Сводка агентурных сведений об организации шпионажа в Австрии против России по данным контрразведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. К 1 ноября 1915 г. № 2.

¹²⁵³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 438. Л. 100–101 об. Якубов В.М. Доклад штаба Одесского военного округа. 29 марта 1916 г. № 3139.

¹²⁵⁴ Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке... С. 576.

во многом благоприятствовали неразборчивость в агентурных связях и низкая дисциплина подчиненных Весёлкина. 17 декабря 1914 г. Весёлкин писал на имя В.Ф. Джунковского: «Для осуществления возложенной на меня задачи по Дунаю, окаймленному с одной стороны берегами враждебной нам Болгарии, [с другой стороны берегами] нейтральной Румынии и вытекающему из неприятельской Австрии, мне пришлось создать суррогат военного флота, для чего я вооружил несколько речных пароходов, снабдив их военно-морским личным составом. Чрезвычайные меры военной предосторожности, при постоянной боевой готовности нашей флотилии, дали возможность до сего времени исполнить нашу задачу вполне успешно. Но ясно, что работа Экспедиции очень не по нутру как Австрии, так и Болгарии, явно сочувствующей Тройственному союзу и Турции. Работа наша с каждым днем все более и более осложняется неоднократными покушениями на потопление судов Экспедиции лицами, нанимаемыми австро-германской организацией, а также поступлением сведений о том, что таковые предполагаются в большем размере. Рени является базой и складом грузов. В особенности теперь значение Рени сильно увеличилось. Рени является пограничным пунктом, через который следует на Балканы и в Западную Европу и обратно масса разнообразного и темного люда. Постоянное общение с соседним румынским городом Галацем и вообще с Румынией, где ютятся бесчисленные представители европейских государств и разные темные дельцы, превратило Рени в шпионское гнездо, к сожалению, никем не охраняемое и без всякого фактически действительного наблюдения. Пять-шесть жандармов, по комплекту мирного времени, когда значение Рени ничтожно, не в силах ничего сделать. Между тем с точки зрения государственной пользы и насущной необходимости для успеха моей работы было бы крайне желательно усилить в Рени мундирный жандармский надзор. Вместе с тем беру на себя смелость высказать мое усердное желание, буде сие возможно, учредить в гор. Рени, для пользы дела, отдельный летучий отряд во главе с опытным розыскным офицером или чиновником, в штатском платье, из двух опытных надзирателей в штатском платье и шести филеров. Желательно, чтобы эти лица, по возможности, знали бы молдавский, новогреческий и французский языки.

Отряд этот имел бы целью агентурное освещение среды злоумышленников и шпионов и фактическое наблюдение за подозрительными лицами, прибывающими в Рени и внушающими сомнение в своей лояльности. Приобретение и разработку агентурных сведений, систематизацию материала, поступающего по почте, наблюдение за преступным элементом, на предмет его задержания и поступления с ним в дальнейшем в зависимости от результатов розыскной работы и т.п., вот вкратце

как я представляю себе работу летучего отряда. При этом полагал бы желательным, чтобы этот летучий отряд, подчиняясь мне, находился бы под непосредственным руководством полковника Заварзина, находящегося в Одессе, где ему, между прочим, поручена и военная цензура почтовой корреспонденции с Балканскими государствами и где находится Ставка Главного начальника Одесского военного округа»¹²⁶¹.

Отказать наместнику императора на Дунае было невозможно. Уже 23 декабря Джунковский распорядился срочно назначить в Рени одного надзирателя и шестерых филеров из Жандармского управления Одессы. В итоге переговоров между Весёлкиным и Нордбергом было решено, что заведование розыском и охраной в Рени будет поручено помощнику Нордберга подполковнику Ральцевичу, в распоряжение которого командировалось пять унтер-офицеров из Бессарабского ГЖУ и двое филеров¹²⁶². Известные нам источники не позволяют судить о степени эффективности их борьбы с неприятельским шпионажем против ЭОН. По крайней мере, диверсий или крупных акций саботажа на Дунае противником осуществлено не было, что в то непростое время уже можно было приравнять к успеху русской стороны.

Разведывательная же деятельность чинов ЭОН, на основании всего изложенного, не может расцениваться иначе, чем как весьма неудачная. Морские офицеры Весёлкина в целом справлялись с работой по сбору сведений, необходимых для обеспечения безопасного плавания судов экспедиции по Дунаю. Для этого их профессиональные качества и ресурсы были вполне достаточны. Однако при попытке сбора военных и политических сведений о Балканах в целом и тем более о вооруженных силах и планах противника сотрудники штаба ЭОН неизбежно сталкивались с проблемами, общими для всех агентов русской разведки в регионе. А опыта для правильной оценки обстановки и получаемой информации у моряков Весёлкина было еще меньше, чем, скажем, у военных агентов в балканских столицах. Штаб экспедиции был альтернативным центром сбора и анализа данных о Балканах, а личность Весёлкина обеспечивала удобный канал их доставки императору. Однако на практике в сфере политики это вылилось в безобразную войну главы ЭОН с посланником в Бухаресте С.А. Поклевским, а в области разведки — в переманивание тайных агентов у других разведывательных органов и в сотрудничество с заведомо ненадежными и недобросовестными лицами. Так что резко отрицательное заключение Ставки о разведанных дунайской Экспедиции особого назначения представляется вполне закономерным и оправданным.

¹²⁶¹ Там же. 1913 г. Ед. хр. 51. Ч. 8. Л. 112–113. М.М. Весёлкин — В.Ф. Джунковскому. 17 декабря 1914 г. № 1712.

¹²⁶² Там же. Л. 114–116.

Глава 16

ЖУРНАЛИСТЫ НА СЛУЖБЕ
ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ:
ВАСИЛИЙ ЯНЧЕВЕЦКИЙ
И АГЕНТСТВО «НОРДЗЮД»

В первые месяцы войны русское командование еще не придавало особого значения организации и ведению агентурной разведки в Румынии, как и всему балканскому стратегическому направлению в целом. В конце 1914 г., после вступления в войну Турции, ситуация изменилась, поскольку стало понятно, что война приобретает затяжной характер и что у русской Ставки и Генштаба не хватает разведанных о военно-политической обстановке на Балканах и в сопредельных с этим регионом странах. Директива русского Главковерха предписала максимально усилить разведку по Турции и Австро-Венгрии. Телеграмма из Ставки в Огенквар, на имя генерала Леонтьева, от 2 декабря 1914 г. гласила: «Верховный главнокомандующий повелел просить Огенквар: первое — усилить разведку с целью своевременно обнаружить переброску австрийцами части их сил на сербский театр, второе — при помощи военных агентов и других средств разведки непрерывно следить за настроением в Италии и Румынии и за всеми признаками усиления боевой готовности армий этих государств, третье — потребовать от агентов выяснения австрийских сил на границах Италии и Румынии»¹²⁶³. Три дня спустя Ставка повторила свой запрос: «Верховный главнокомандующий повелел еще подтвердить его настойчивую просьбу относительно наблюдения за переброской австрийских сил на сербский театр»¹²⁶⁴. 18 декабря Данилов вновь напомнил Генштабу о необходимости следить за перевозками австрийских войск с одного фронта на другой¹²⁶⁵. Повеление Главковерха было предписано к исполнению военным агентам в Италии, Швейцарии, Черногории, Болгарии и Румынии; также Генштаб обещал применить «все возможные меры» к усилению разведки своими собственными средствами¹²⁶⁶.

¹²⁶³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 547. Л. 40. За генкварверха В.Е. Скалон из Ставки — М.Н. Леонтьеву. 2 декабря 1914 г. № 6552.

¹²⁶⁴ Там же. Л. 43. За генкварверха В.Е. Скалон из Ставки — М.Н. Леонтьеву. 2 декабря 1914 г. № 6568.

¹²⁶⁵ Там же. Л. 55. В.Е. Скалон — М.Н. Леонтьеву. 18 декабря 1914 г. № 6947.

¹²⁶⁶ Там же. Л. 45. М.Н. Леонтьев — В.Е. Скалону. 6 декабря 1914 г. № 14684.

Одновременно Ставка требовала от Генштаба усилить разведку против Турции. Как раз в те дни русская Кавказская армия вела напряженную борьбу с наступающей османской 3-й армией под личным водительством Энвер-паши; близилась развязка решающей Сарыкамышской операции. В этих условиях особо остро чувствовалась нехватка агентурных сведений о передвижениях турецких войск, прежде всего об их перебросках по Черному морю на Кавказский театр войны. 16 декабря наштаверх Н.Н. Янушкевич телеграфировал в Генштаб: «Считая это (отсутствие разведанных. — В.К.) совершенно ненормальным, Верховный главнокомандующий повелел мне просить распоряжения Вашего высокопревосходительства по Главному управлению Генерального штаба о принятии самых энергичных мер, не считаясь с расходами, к безотлагательной организации агентурной разведки как в Константинополе, так и в других важнейших городах Турции, а равно к установлению необходимой связи с этими пунктами, с целью своевременного получения сведений о всех предполагаемых перевозках турецких войск и запасов, а также действиях и передвижениях турецкого флота»¹²⁶⁷.

Выполняя эти приказания Ставки, Огенквар попытался путем спешной и, как оказалось, неуклюжей импровизации подстегнуть и расширить деятельность агентурной разведки на Балканах и в Турции, в частности, с территории Румынии. Именно в те дни к сотрудничеству с военной разведкой был привлечен журналист В.Г. Янчевецкий (1874–1954), прославившийся много позже под литературным псевдонимом Василий Ян как автор замечательных и горячо любимых в России исторических романов. Расскажем здесь об этом незаурядном человеке, ни в одной биографии которого не упоминается эпизод его работы на русскую разведку.

Василий Григорьевич Янчевецкий родился в Киеве 22 декабря 1874 г. Его отец Г.А. Янчевецкий (1846–1903), происходивший из рода волынских священников, был известным преподавателем латыни и древнегреческого, крупным переводчиком античных авторов и деятелем ведомства народного просвещения. Окончив Ревельскую Николаевскую гимназию и историко-филологический факультет Петербургского университета (1897), Василий Янчевецкий два года пешеходом путешествовал по России, в 1901–1904 гг. служил инспектором колодезев в Туркестане, изучал восточные языки и жизнь местного населения¹²⁶⁸. Будучи астматиком и «белобилетником» по здоровью, во время Русско-японской войны он служил в военно-госпитальном управлении 1-й Маньчжурской армии, а с начала 1905 г. работал фронтовым кор-

¹²⁶⁷ Там же. Л. 46–47. Н.Н. Янушкевич — М.А. Беляеву. 16 декабря 1914 г. № 6865.

¹²⁶⁸ Янчевецкий М.В. Писатель-историк В. Ян. Очерк творчества. М., 1977. С. 11, 16, 22.

респондентом Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПТА), затем в 1906–1913 г. преподавал латинский язык в 1-й петербургской гимназии¹²⁶⁹. В.Г. Янчевецкий стал одним из основателей бойскаутского движения в России; в 1910 г. из числа гимназистов он создал 1-й Легион юных разведчиков, с осени 1910 г. выпускал журнал «Ученик». Из-под его же пера вышла книга под ницшеанским названием «Воспитание сверхчеловека»¹²⁷⁰. В конце 1912 г., в разгар 1-й Балканской войны, Василий Янчевецкий был назначен специальным корреспондентом СПТА в Турции и на Балканах, с местопребыванием в Константинополе, а после вступления Турции в мировую войну стал представителем того же агентства в Бухаресте¹²⁷¹.

В ноябре 1914 г. титулярный советник В.Г. Янчевецкий, неутомный энтузиаст движения юных «разведчиков», предложил свои услуги русской военной разведке¹²⁷². Помимо искренних патриотических побуждений, у него были и личные мотивы вражды к странам лагеря Центральных держав. Его старший брат Дмитрий Янчевецкий, известный русский журналист и востоковед-китаист, один из видных идеологов воссоединения Червонной Руси с Россией, в начале войны был арестован в Австро-Венгрии и, вместе с группой русинских деятелей, приговорен к смертной казни, замененной на заключение в крепости¹²⁷³. Лишь в конце декабря 1916 г. Дмитрий Янчевецкий был освобожден и выехал в Россию через нейтральную Швецию¹²⁷⁴.

10 ноября 1914 г. Василий Янчевецкий представил в Огенквар подробную записку с проектом развертывания тайной агентурной разведки и диверсионной деятельности в Турции и на Балканах. Эта записка отразила горячий энтузиазм ее автора, хотя большинство его предложений носило отпечаток безграничной увлеченности и наивных мечтаний. Мы посчитали возможным привести основную часть текста этого документа, который любопытен отнюдь не только тем, что вышел из-под пера молодого Василия Яна. Итак, Янчевецкий писал:

«Наши помощники на Балканах. Таковыми являются христиане, беглецы из Турции, главным образом от воинской повинности, после мобилизации этого года. В значительном количестве эти греки, армя-

¹²⁶⁹ Там же. С. 26, 29.

¹²⁷⁰ Там же. С. 32.

¹²⁷¹ Там же. С. 34.

¹²⁷² Историю сотрудничества В.Г. Янчевецкого с военной разведкой также излагает в своем труде М. Алексеев, использовавший рукопись полковника А.Г. Королёва (см.: Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 146–150).

¹²⁷³ См. об этом: Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 123; Хохлов А. Д.Г. Янчевецкий: в австрийском плену // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918): материалы научной конференции. М., 1994. Ч. 1. С. 65–79.

¹²⁷⁴ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Ед. хр. 183. Л. 13–14.

не обращались и продолжают обращаться в русск[ую] миссию, прося отправить их для борьбы с турками.

Кроме беглецов имеются бывшие македонские четники (греки, болгары, куцовлахи¹²⁷⁵), переселившиеся в Болгарию и Румынию, частью пристроившиеся в полиции, в таможене, сторожами и т.д. Эти четники связаны дружбой и старыми воспоминаниями и являются самыми отчаянными и готовыми на все, в то же время достаточно благонадежными нравственно, так как они боролись в четах ради идеи, а не грабежа.

Один из главарей македонских четников, известный в Румынии Пучерее, раньше бывший в Салониках и Монастыре и знавший Талаата, Энвера, Джавида и др. нынешних турецких деятелей, когда те еще подготавливали заговор 1908 года, готов проехать раз или два в Константинополь, чтобы повидать разных лиц и в то же время установить связи с несколькими людьми, которые раньше мне доставляли сведения, и организовать возможную разведку. Пучерее в настоящее время аптекарь в Силистрии и получил звание офицера резерва (лейтенанта) румынской армии, и виделся я с ним совершенно секретно, вызвав его через посредство моего помощника, оттоманского грека. Пучерее спросил за поездку 300 франков путевых и по 40 франков суточных. Поездка его продолжалась бы 10–14 дней.

Пучерее имеет связи со своими бывшими товарищами, сам изготавливает бомбы в своей аптеке и на меня произвел впечатление человека спокойной, неустранимой смелости.

Связи с Константинополем. В К[онстантинопо]ле у меня были информаторами один араб (кажется, христианин), дававший ценные сведения из Военного министерства, и морской офицер, мусульманин из Боснии, служивший на миноноске, уверявший, что он славянин. Кроме того, были случайные лица. Драгоманы голландской миссии (грек) и шведской (левантинец), как я полагаю, будут в состоянии пересылать мне сведения через дипломатические вализы, если только не будут прерваны железнодорожные сообщения, и, быть может, и шифрованно. За последнее пока не могу ручаться. Кроме того, проводник одного wagon-lits¹²⁷⁶, ходящего между Софией и Константинополем, итальянский подданный, но по матери грек, тоже согласен перевозить записки.

¹²⁷⁵ Куцовлахи, иначе арумыны — родственный румынам малый народ романской группы, проживающий рассеяно на Балканах к югу от Дуная, в Северной Греции, Македонии, Албании, Болгарии. — В.К.

¹²⁷⁶ Фирменные вагоны компании Compagnie Internationale des Wagons-Lits (также CIWL), оператора «Восточного экспресса». — В.К.

Курьер оттоманской миссии в Бухаресте, турок, женившийся на румынке, уже оказывает некоторые услуги и будет оказывать более ценные в будущем.

Секретарь оттоманской миссии в Бухаресте, мой старый приятель по Константинополю, враждебный нынешнему комитету “Единение и прогресс”, судя по его разговорам, быть может, окажется полезен, но сейчас еще ручаться не могу, т.к. остаюсь только при общем впечатлении.

Телеграф Константинополь–Берлин проходит через Болгарию и Румынию, и пока Румыния не объявила войны, можно или получать копии телеграмм, так как румынские чиновники отличаются значительной уступчивостью, или в нужную минуту можно портить телеграфную линию с помощью македонских четников.

Наблюдение за поездами между К[онстантинопо]лем и Берлином вполне доступно на протяжении между турецкой и австрийской границами. Здесь желательно не только наблюдение, но похищение почтовых сумок в Берлин и из Берлина, что легче всего устроить на Дунае, когда почта перевозится на пароходе с болгарского на румынский берег. Здесь сумки переносятся носильщиками с парохода опять в поезд, и похищение возможно организовать с помощью оплачиваемого уже румынского чиновника, подмены сумки и автомобиля, который провезет сумку прямо в Бухарест. Пучерее предложил мне этот план и взялся выполнить это так, что даже в случае неудачи неизвестно будет, кто руководил. Все будет сделано четниками.

Взрыв экстренного поезда с золотом (обыкновенно 1 вагон I класса, 1 товарный, 1 второго класса), сопровождаемого немецкими офицерами, посылаемого в Константинополь.

Австрийские пароходы свободно бродят по Дунаю близ болгарских берегов, принимают какие-то тюки с поездов, проходящих из Болгарии, и сами передают какие-то тюки. Взрыв этих пароходов вполне возможен, т.к. они часто стоят группой на якорях.

Румынские волонтеры записываются в довольно большом количестве в “Общество национального движения”, имеющее во главе бывшего министра Таке Ионеску и профес[сора] [С.] Мандринеску. Это общество искало возможности получить несколько сот ружей и по 500 патронов на ружье, а также несколько ручных гранат, чтобы несколькими четами вторгнуться в Трансильванию, взрывая мосты и дороги по пути отступления австрийской армии, чтобы провоцировать этим начало войны Румынии. Румынское правительство отказалось дать казенные ружья современного образца, но, кажется, соглашалось дать ружья старые, Мартини, на что не согласились волонтеры. Полагаю, что было бы весьма желательным передать этому обществу не-

сколько сот австрийских ружей с достаточным количеством патронов и ручных гранат, из числа взятых от плененных австрийцев. Эти ружья и амуницию можно доставить в Рени и далее на румынском пароходе или же на русскую границу в безлюдном месте, где румынские волонтеры примут груз, приехав на нескольких автомобилях. В день моего отъезда, 2 ноября, у председателя общества проф. Мандринеску происходило совещание с ближайшими членами совета относительно вооружения волонтеров.

Турецкие шпионы приехали в Бухарест, где 2 из них были замечены. Полагаю, что, быть может, эти лица пошли бы на работу в русских интересах. Переговоры с ними, разумеется, будут вести румынские агенты, как будто бы надобны сведения для Румынии.

Снабжение оружием греческих добровольцев в Малой Азии и доставка оружия на Малоазиатское побережье возможны и необходимы, но этот вопрос требует серьезного обдумывания и подготовки, о чем я буду иметь честь сообщить впоследствии, после переговоров с греческими деятелями.

Кружок освобождения христиан необходимо организовать в Бухаресте, по образцу братства “Тетерии”, сто лет назад уже бывшего в Бухаресте, имевшего целью освобождение греков. Этот кружок должен быть совершенно конспиративный, имея связи с Афинами, Нишем, русофильскими болгарскими и армянской партией “Дашнакцутюн” и ставя задачей единение народов Ближнего Востока под верховным покровительством России.

Осведомление печати на Балканах о событиях Ближнего Востока и о положении дел в Турции, печатание памфлетов и воззваний на разных языках, в том числе на турецком, для распространения идей, желательных России.

Приблизительная смета расходов довольно трудно исчислима, но полагаю, что в этом деле, где требуются быстрота действий, сообразительность, инициатива и немедленные решения, — нужно предоставить самую широкую свободу действий, при самом строгом контроле расходовемых денег»¹²⁷⁷.

Далее в документе шел расчет необходимых денежных средств. На осуществление всей намеченной им широкой программы деятельности Янчевецкий просил выделить ему, по примерной смете, 36 400 франков ежемесячно. На эти деньги он планировал приобрести по три агента из числа таможенников, полицейских и частных лиц на станциях Журжево (на Дунае) и Предрял (на венгерской границе), двух

¹²⁷⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 547. Л. 1–3 об. Янчевецкий В.Г. Докладная записка. 10 ноября 1914 г. Б.н.

резидентов и двух связников в Константинополе, а также содержать четырех своих помощников в Бухаресте.

Предложение воссоздать «Гетерию» времен однорукого князя Александра Ипсиланти, притом из представителей всех христианских народов Балкан и Ближнего Востока, выглядело фантастично, и все же в Особом делопроизводстве Огенквара заинтересовались проектом Янчевецкого, тем более что он имел очень хорошие рекомендации К.Н. Гулькевича, советника 2-го Политического департамента МИД. Тот отзывался о нем как о человеке «вполне заслуживающем доверия своей высокой порядочностью, весьма энергичном, глубоко преданном России и идее славянского объединения под ее главенством, ко всему вышеизложенному еще отлично знакомом с Турцией»¹²⁷⁸. После встречи с журналистом начальник Особого делопроизводства полковник Н.К. Раша представил руководству доклад, в котором писал: «Личный разговор с г. Янчевецким на темы о Турции и о возможности организовать в ней разведку оставил впечатление о способности названного лица выполнить ряд задач, которые ему были бы поставлены, и несомненного наличия у него уже в настоящее время связей в разных кругах, могущих дать или добыть ответы на вопросы, касающиеся Турции и ее армии, а равно и той связи, экономической и военной, которая, как известно, существует между Турцией и Германией и проходит через Австрию, Румынию и Болгарию. Попутно с разведкой по Турции г. Янчевецким, насколько удалось выяснить из разговора с ним, могли бы быть организованы и периодические разрывы этой связи или же перехват идущих между Турцией и Германией сношений»¹²⁷⁹.

Сам генерал Леонтьев, в бытность свою военным агентом в Турции, был знаком с Янчевецким. В записке от 5 декабря 1914 г. он писал: «Г-н Янчевецкий мне известен по службе в Константинополе. Характеристика, данная ему в представляемом при сем докладе, на основании заключения нашего бывшего советника в Константинополе, представляется мне несколько повышенной. Но тем не менее каких-либо противопоказаний в отношении его нравственных и вообще личных качеств у меня не имеется. Г. Янчевецкий, по-видимому, действительно желает работать и принести посильную пользу в области разведки. Принимая во внимание условия минуты, полагал бы желательным принять предложение г. Янчевецкого»¹²⁸⁰. Итак, руководство разведки Генштаба дало «добро» на сотрудничество, не в последнюю очередь потому, что Ставка требовала срочной активизации работы по Тур-

ции и Балканам. В этих обстоятельствах приходилось хвататься за любую возможность. С предельной ясностью это проявилось в пометке Леонтьева на докладе от 7 декабря об инициативе Янчевецкого: «Ввиду условий времени н[ачальник] Г[енерального] ш[таба] не нашел желательным отказать от предложения, хотя, лично зная г. Я[нчевецкого] по Японской войне, его высокопр[евосходитель]ство не возлагает на него больших надежд»¹²⁸¹. Первоначально в Огенкваре планировали использовать Янчевецкого и его агентов для работы против Турции, затем, под воздействием требований Ставки, было принято решение перенацелить их основное внимание на разведку против Австрии и Румынии. Хотя Ставка разрешала «не считаться с расходами», в Генштабе на сей раз предпочли придерживаться экономии. Предложенную Янчевецким и полковником Раша смету в 35 тыс. рублей (на трехмесячный срок) Леонтьев сократил почти в семь раз, до 5250 руб.¹²⁸²

С самого начала было решено, что Янчевецкий станет работать под контролем военного агента в Бухаресте, который будет отпускать ему деньги по мере получения определенных результатов работы его агентуры. Полковнику Семёнову было доверено по своему усмотрению уменьшать выдаваемые суммы, если эти результаты не будут удовлетворительными.

Отношения Янчевецкого с Семёновым не сложились с самого начала. 7 декабря 1914 г. военный агент с холодным скепсисом докладывал: «Вернувшийся из Петрограда корреспондент сообщил мне о возложенном на него Огенкваром поручении и просит меня впредь до открытия особого кредита выдать ему 500 франков на разъезды. Не получив особых инструкций на сей случай, прошу указаний, причем доношу, что, несмотря на намерение сего лица сохранить поручение в тайне, ему вряд ли это удастся, так как сегодня меня уведомили агентурным путем, что начальник тайной полиции Панайотеско установил за ним негласный надзор, считая его русским шпионом. Мною приняты меры для снятия с корреспондента вышеуказанного подозрения и предложено ему отнюдь не заниматься военной разведкой касательно Румынии.

Лицо это имеет большие долги в России, стеснен[о] в средствах, что и явилось истинным предлогом его предложения Огенквару. По-видимому, он намерен работать в другой стране с помощью состоящего при нем помощником журналиста турецкого грека.

¹²⁷⁸ Там же. Л. 5–7. Н.К. Раша — М.Н. Леонтьеву. Докладная записка по ГУГШ. Особое делопроизводство. 11 ноября 1914 г. № 8982.

¹²⁷⁹ Там же.

¹²⁸⁰ Там же. Л. 11–11 об.

¹²⁸¹ Там же. Л. 39–39 об. Н.К. Раша. — М.Н. Леонтьеву. 7 декабря 1914 г. Б.н.

¹²⁸² Там же. Л. 5–7, 9–10 об. Н.К. Раша — М.Н. Леонтьеву. Докладные записки по Особому делопроизводству ГУГШ от 11 и 30 ноября 1914 г. № 8982.

Корреспондент производит на меня впечатление порядочного человека, но о его специальных способностях по разведке я судить не берусь. Полагал бы, что можно его испробовать.

Готов был бы взять организацию этого дела на себя, но затрудняюсь по массе работы как по должности, так и в особенности по организации разведки Австрии, Трансильвании и контршпионажу. Положенное ему содержание, 1000 франков, дает возможность потребовать от него хороших результатов»¹²⁸³.

Полковник Семёнов явно был не в восторге от навязываемого ему Огенкваром подчиненного, работа с которым означала для него дополнительные хлопоты. Янчевецкий, в свою очередь, докладывал полковнику Раша, что он не встретил никакого содействия со стороны военного агента и был вынужден начать работать самостоятельно. Под предлогом газетной работы он нанял грека Яни Грамматикоса, прежде сотрудничавшего с русским посольством в Константинополе. Тот из Констанцы через своего знакомого капитана итальянского парохода, грека по национальности, отправил несколько писем знакомым Янчевецкого в османской столице; затем Грамматикос выехал в Журжево, где он и должен был находиться постоянно для наблюдения за проходящими поездами. Янчевецкий докладывал: «Связь с К[онстантинопо]лем сейчас очень затруднительна, — туда турки впускают (напр[имер], греч[еских] подданных), но оттуда выбраться очень трудно. Свободно ездят македонцы, болгары, австрийцы и немцы. Даже американцам и итальянцам делаются затруднения. Группа украинцев-мазепинцев, теперь находящаяся в Софии и ведущая переговоры с болгарам, тоже часто ездит в К[онстантинопо]ль. Один такой украинец, с русским паспортом, свободно проехал недавно в Одессу. Из К[онстантинопо]ля только что проехал в Италию долго бывший арестованным Салих-Гурджи, директор “Оттоманск[ого] телегр[афного] агентства”. Я с ним беседовал в Бухаресте, и он хотел работать для России. Сейчас он едет с особой миссией, снабженный средствами. Часть из его беседы мною передана по телеграфу»¹²⁸⁴.

Янчевецкий был очень недоволен своей зависимостью от Семёнова, прежде всего финансовой, и делал упор на свое лучшее, чем у того, знание Турции. Естественно, корреспонденту ПТА не могло нравиться, что Семёнов должен был определять размеры его личного содержания. По предложению полковника Раша, жалованье Янчевецкого не должно было превышать довольно скромной суммы в 500 франков в месяц, что было намного меньше предварительных расчетов¹²⁸⁵.

В письме 8 января 1915 г. из Бухареста Янчевецкий писал на имя Н.К. Раша:

«Многоуважаемый
г[осподин] полковник,

Полк[овник] С[емёнов] сообщил мне о новой смете, крайне уменьшенной, сравнительно с первоначальной. И нельзя об этом не пожалеть, так как это лишает возможности выполнить ту программу, которую я изложил, и приводит даже в сомнение, можно ли сделать что-либо значительное. П[олковник] С[емёнов] сообщил мне также, что я всецело должен ему подчиниться в смысле исполнения его инструкций. Последнее также меня смущает, так как п[олковник] С[емёнов] ни Турция, ни условия работы в ней не известны, и едва ли это решение лучше первого плана, дававшего мне инициативу действий. Сумма, назначенная лично на мои расходы, уменьшена также вдвое сравнительно с разговором с Вами, что также ослабляет свободу моей деятельности, так как я не смотрю на эту сумму как на мое вознаграждение, выразив готовность бороться с германской и турецкой работой на Балканах только потому, что, к сожалению, вижу, что с русской стороны здесь так мало делается, что становится грустно за наши интересы. Германцами и австрийцами тратятся на Балканах миллионы, и рядом с ними кажутся ничтожными те средства, которые должны явиться противовесом германской силе. В Бухаресте имеется особый немецкий комитет, прибывший из Берлина, снабженный крупными суммами для германофильской пропаганды и для шпионства; им между прочим печатаются брошюры и книги, враждебные России, которые бесплатно рассылаются и развозятся на собственном автомобиле по румынским селениям. Множество немцев в Румынии все действуют солидарно, помогают друг другу и следят за лицами из Тройственного соглашения и особенно за немногими здесь русскими. Ту же роль наших врагов в Болгарии исполняют стамбуловисты, македонцы и группа украинцев.

Для борьбы с этим немецким натиском нужно иметь достаточно средств, сил, ловкости и находчивости. Поэтому такое сокращение кредитов (более чем в пять раз) только уменьшает успешность и возможность борьбы. Между тем способы разведки, как в Турции, так и по железнодорожной линии между Т[урцией] и Австрией, теперь должны значительно измениться, сравнительно с теми условиями, какие были два месяца тому назад. В Константинополе началось подзревание всех и каждого, не только христиан, но и самих турок; происходят аресты и обыски даже известных по своему убеждению турок. Из писем, посылаемых из Турции, 90% уничтожается из предосторожности. Пассажиры поезда по несколько дней не отправляются

¹²⁸³ Там же. Л. 14–14 об. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 7 декабря 1914 г. № 341.

¹²⁸⁴ Там же. Л. 26–27 об. В.Г. Янчевецкий — М.Н. Леонтьеву. 20 декабря 1914 г. Б.Н.

¹²⁸⁵ Там же. Л. 16–20. Н.К. Раша — Б.А. Семёнову. 18 декабря 1914 г. № 770.

из Турции и пассажирам не продают билетов на выезд. Иностранцев турки свободно впускают в Константинополь, но выпускают с громадными затруднениями, а греческих подданных большею частью вовсе не выпускают. Таким образом, иметь агентов в Турции сейчас чрезвычайно трудно, и они должны быть оплачиваемы в несколько раз дороже против условий мирного времени.

Полагаю также следующее. Довольствоваться мелкими агентами в настоящее время нецелесообразно, они не сумеют сообщить вовремя, и их сведения — мелкие факты или непроверенные слухи. Необходимо привлечь агентов первого разряда, стоящих у первоисточников, например, кого-либо из членов комитета “Единение и прогресс”, турецких дипломатических миссий, турецких офицеров, австрийцев или болгар, причем придется не остановиться перед крупными расходами, зато получаемые сведения будут действительно серьезны.

Лейтенант П[учерее], о котором я уже писал, в настоящее время состоит членом комитета по сбору пожертвований в пользу Турецкого Красного Полумесяца, и, вероятно, на него будет возложена миссия отвезти эти пожертвования в Константинополь. Это ему открывает двери в турецкие официальные круги, где, кроме того, у него имеются старые связи. На эту поездку и для уплаты вперед агентам в Констан[тинополе] потребуется сразу ему выдать 3000 франков. Это составит три четверти месячного ассигнования. Между тем необходимо послать еще кого-либо в Констан[тинополе], и я имею уже в виду подходящих лиц. Какая же сумма остается на другие задачи, изложенные в моей программе? Будучи сам много лет чиновником, я отлично знаю, как экономно нужно расходовать казенные средства, но вышеприведенные соображения приводят к заключению, что необходимо вернуться к более широкой смете. В противном случае будет даром потеряно время, как это видно до сих пор по работе других лиц.

Я прошу предоставить мне полную свободу инициативы и деятельности и возможность доносить непосредственно в Петроград, так как п[олковник] С[емёнов], по его словам, так занят, что он будет крайне затруднен шифровать мои донесения. Для этого мне необходимо пользоваться своим шифром, хотя бы “Петр[оградского] телеграф[ного] агентства”, и предоставлять полк[овнику] С[емёнову] уже готовые зашифрованные депеши»¹²⁸⁶.

Вскоре после этого сотрудничество Василия Янчевецкого с военной разведкой завершилось, так и не успев по-настоящему начаться. Намеченная им полудантаслическая программа действий осталась лишь на бумаге. В феврале 1915 г. Огенквар рекомендовал полковнику Семёнову «прекратить деятельность агента Янчевецкого по разведке

¹²⁸⁶ Там же. Л. 30–31 об. В.Г. Янчевецкий — Н.К. Раша. 8 января 1915 г. Б.н.

в Турции из-за его полной неподготовленности»¹²⁸⁷. Руководство разведки Генштаба сыграло в этой истории довольно неприглядную роль. Сначала оно одобрило планы журналиста, несмотря на всю их невероятность, однако затем сразу же посадило его будущую агентуру на скудный денежный паек и всего через несколько недель прекратило сотрудничество с ним. Каковы бы ни были профессиональные способности и навыки Янчевецкого, никто бы не смог добиться лучших результатов в непосильном деле создания «с чистого листа» новой агентурной сети на Балканах и в Турции в условиях мировой войны. Генерал Леонтьев предпочел признать бухарестского корреспондента ПТА «неподготовленным» и сделать вид, что он изначально не ожидал ничего хорошего от сотрудничества с ним и согласился на это лишь под давлением обстоятельств.

Работа будущего писателя Василия Яна на военную разведку на этом прекратилась, однако он оставался в Бухаресте в качестве корреспондента ПТА почти до самого занятия его немцами в конце 1916 г., причем активно сотрудничал с русской дипломатической миссией. В дальнейшем его ждали другие приключения, опасности, утраты, тяжкие труды и заслуженная на литературном поприще слава¹²⁸⁸.

Другим любопытным эпизодом работы русских секретных служб в Румынии стала попытка развернуть в Бухаресте деятельность специального разведывательно-пропагандистского органа — агентства «Нордзюд». Впервые идею создания «Особого осведомительного агентства» выдвинул ординарец Главковерха великого князя Николая Николаевича-младшего корнет лейб-гвардии Уланского полка граф Адам Станиславович Замойский. В начале войны этот представитель польского магнатского рода поступил в русскую армию вольноопределяющимся, состоял ординарцем у главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, затем был произведен в офицеры и находился при Ставке¹²⁸⁹. В мае 1915 г. Замойский побывал в Бухаресте и, по его словам, был поражен «отсутствием какого бы то ни было влияния со стороны агентов русской власти на местную румынскую печать,

¹²⁸⁷ Цит. по: Алексеев М. Военная разведка России... Кн. 3, ч. 1. С. 150.

¹²⁸⁸ Февраль и Октябрь 1917 г. В.Г. Янчевецкий встретил в Яссах. В 1918 г. он оказался у белых в Сибири, издавал газету в Омске у адмирала А.В. Колчака, затем учительствовал в Урянхайском крае, работал газетным редактором в Минусинске. В 1923 г. переехал в Москву, начал писать художественную прозу и печататься под псевдонимом Василий Ян. Широкую популярность ему принесли исторические повести «Финикийский корабль» (1931), «Огни на курганах» (1932), «Молотобойцы» (1933). Главным сочинением писателя стала историческая трилогия «Нашествие монголов» — романы «Чингисхан» (1939), «Батый» (1942), «К последнему морю» (1955, посмертное издание). В 1942 г. он был удостоен Сталинской премии 1-й степени за роман «Чингисхан». Скончался В.Г. Янчевецкий 5 августа 1954 г. в Звенигороде..

¹²⁸⁹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М.; Жуковский, 2006. С. 241.

как равно и на печать других нейтральных балканских государств»¹²⁹⁰. Единственным органом, ведущим информационную работу в пользу России, было Петроградское телеграфное агентство (его представлял уже известный нам В.Г. Янчевецкий). Оно ограничивалось передачей официальных сообщений Ставки, и лишь в случаях особо наглой, из ряда вон выходящей лжи и клеветы германфильской прессы и ее хозяев следовало, дней через десять, ее опровержение. Органы проантантовской прессы в Румынии высказывали сожаление по поводу отсутствия у них сведений с русской стороны. В то же время, отмечал Замойский, противник вел в Румынии кипучую информационно-пропагандистскую деятельность. Помимо сообщений официальных неприятельских агентств Вольфа, «Корреспонденцбюро», Оттоманского агентства, румынские газеты печатали много других сообщаемых неприятелем данных о ходе военных действий. Вражеские осведомительные бюро не ограничивались работой с прессой и рассылали также информационные телеграммы всем видным местным деятелям¹²⁹¹.

Для противодействия австро-германцам Замойский предложил создать «Особое осведомительное агентство» под названием «Нордзюд» («Агентство Севера и Юга»). В его состав должны были войти два отделения — в Бухаресте, для работы на всем Балканском полуострове, и в Стокгольме или Копенгагене, по усмотрению Ставки, для работы на севере Европы и снабжения сведениями Англии, Франции и Америки. Координировать работу агентства из Ставки должны были два редактора, владеющие иностранными языками. На них возлагались редактирование и рассылка сведений заграничным отделениям, каждое из которых должно было состоять из редактора, назначаемого Ставкой, и наемных сотрудников — секретаря, машиниста и курьера, подбиравшихся самим редактором. Глав отделений «Нордзюда» на местах Замойский предлагал сделать независимыми от русских посланников, но обеспечить их широким содействием военных агентов. Вся телеграфная корреспонденция агентства должна была вестись на французском языке. Общие расходы на работу агентства определялись в 15 тыс. руб. ежемесячно. Замойский зашел так далеко, что даже предложил конкретных людей на должности в агентстве. В Ставку он рекомендовал назначить доктора Владислава Рабского и Владислава Залесского, в Бухарест — Сигизмунда-Иосифа Наимского, в Копенгаген или Стокгольм — Густава Олеховского¹²⁹². По странному стечению обстоятельств, все они были поляками, как и сам автор проекта. Одна-

¹²⁹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 827. Л. 1–3. Замойский А.С. Проект особого осведомительного агентства. Б.д.

¹²⁹¹ Там же.

¹²⁹² Там же.

ко в аристократической великокняжеской Ставке статус личного ординарца Главковерха значил много — и проект Замойского получил полное одобрение.

Это была в чистом виде вневедомственная инициатива неответственного и малоопытного лица, однако ее утверждение было вполне закономерно в условиях, когда ключевые ведомства империи предпочитали уклоняться от дополнительных трудов и хлопот. К примеру, в июне 1915 г. наштаверх Н.Н. Янушкевич обратился в МИД к С.Д. Сазонову с напоминанием, что во время одного из приездов того в Ставку состоялось обсуждение планов широкого осведомления зарубежной прессы в интересах России. Было предположено поручить руководство этим делом бывшему послу в Вене Н.Н. Шебеко¹²⁹³.

Ответ Сазонова сообщал, что с начала войны для указанных целей было решено пользоваться услугами Петроградского телеграфного агентства, которым и было организовано как можно более полное осведомление зарубежной прессы. В США был командирован публицист Н.С. Сыромятников, в Италию и Швейцарию — бывший агент Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене, искусный В.П. Сватковский. Наконец, в распоряжение русских миссий в Бухаресте и Софии были отпущены особые суммы для расходов на печать. Однако далее Сазонов писал: «Не предполагая останавливаться на одних этих мерах воздействия на общественное мнение за границей, я вместе с тем не усматриваю необходимости в создании для этой цели обширной организации по образцу немецкой. Подобная организация потребовала бы весьма значительных средств, успех же деятельности ее весьма гадателен. Такой вывод подтверждается примером немцев, которые, несмотря на громадные усилия и расходы, ни в одной нейтральной стране не достигли значительных результатов». При этом, писал Сазонов, на стороне немцев было многолетнее экономическое проникновение в другие страны, многочисленные и сплоченные немецкие колонии в ряде стран, к примеру, на Балканах. «В противность нашим врагам у нас также не имеется контингента подходящих для агитаторской деятельности за границей элементов», — жаловался министр. В заключение Сазонов подчеркивал, что осведомлением по военным вопросам могла заниматься только Ставка¹²⁹⁴.

Штабу Главковерха пришлось дать добро на проект Замойского и привлечь к сотрудничеству предложенных им польских журналистов. Впрочем, некоторые из выдвинутых им людей имели рекомендации от разведывательного отделения штаба 2-й армии и лично от

¹²⁹³ Там же. Л. 8–8 об. Н.Н. Янушкевич — С.Д. Сазонову. 29 июня 1915 г. № 2869.

¹²⁹⁴ Там же. Л. 9–11. С.Д. Сазонов — Н.Н. Янушкевичу. Июль 1915 г. Б.н.

его начальника, многоопытного военного разведчика П.Ф. Рябикова¹²⁹⁵. Вскоре он перешел в штаб Северного фронта, и его люди остались на связи у штаба армии. К числу агентов штаба 2-й армии принадлежал назначенный Ставкой для работы в Бухаресте Сигизмунд-Иосиф Александрович Наимский, русский подданный, журналист, редактор и корреспондент варшавской газеты «Курьер поранный». Вместе с ним, в качестве его помощника, в Одессу прибыл Феликс Викентьевич Ковальский. 13 августа начальник КРО штаба 2-й армии подполковник ОКЖ С.В. Муев телеграфировал в Одессу Якубову: «Наимский командирован в Румынию для разведки штабами второй армии и Ставкой. Ковальский служит передаточной инстанцией для Наимского. Люди вполне надежны»¹²⁹⁶.

Насчет «надежности» людей все было не столь однозначно, но, как это происходило часто, сведения о кандидатах на ответственные задания по разведке были получены слишком поздно. 31 декабря 1916 г. начальник КРО штаба Московского военного округа подполковник В.В. Тишевский доложил начальнику окружного штаба важную информацию о Наимском. По агентурным сведениям, Сигизмунд Наимский, репортер польских газет «Курьер поранный», «Курьер Варшавский» и др., до войны много лет проживал в Варшаве, где имел любовницу-еврейку, связь с которой стоила ему больших денег. Она долго жила в Берлине, а сам Наимский сотрудничал с рядом берлинских газет. Во время революционных событий 1905–1906 гг. Наимский при помощи чиновника телеграфа Варшавско-Венской железной дороги А.П. Гольдгаара негласно пересылал в Торн телеграммы, в том числе с цифровым шифром. Этот человек, Александр-Иван Павлович Гольдгаар, мещанин городе Варшавы, 42 лет, во время Первой русской революции принимал деятельное участие в организации забастовки на железной дороге. При его содействии Наимский передавал телеграммы за границу до самой Великой войны, затем при эвакуации переехал в Минск, побывал в Москве и, наконец, поселился в Бухаресте. Гольдгаар после эвакуации занимал должность заведывающего кладовой службы телеграфа Северных железных дорог, причем усиленно интересовался перевозкой военных грузов и распространял в Москве слухи о слабости русской армии. Он был отстранен от должности; начальник Сергиевского отделения Московско-Архангельского жандармского полицейского управления железных дорог установил

за ним негласное наблюдение. Также наблюдала за ним и агентура КРО штаба Московского военного округа¹²⁹⁷.

Если бы эти сведения вовремя оказались в Ставке или в штабе 2-й армии, там по-иному оценили бы благонадежность польского журналиста. Тем не менее Наимский был отправлен в Бухарест, куда и прибыл благополучно, причем с поручениями сразу от двух разных органов разведки, по сути, в качестве младенца сразу у двух кормилиц. Зайдя по пути в Одессе к Якубову, он сообщил, что направлен Ставкой в Румынию для организации работы «Нордзюд» и что «вместе с тем штабом 2-й армии, для установления связи г. Варшавы с нашими армиями, на него же возложена также и организация “Артистического салона Франсуа Компани” (“*Salon d’art François Compagnie*”）」¹²⁹⁸. Лишь позднее, судя по всему, было проведено разделение обязанностей, и представлять интересы штаба 2-й армии в Бухаресте было поручено Ковальскому и Вржесневскому¹²⁹⁹.

28 июля 1915 г. Данилов сообщил Семёнову об учреждении агентства «Нордзюд» и о предстоявшем в скором времени прибытии в Бухарест Иосифа-Сигизмунда Александровича Наимского, на которого наштаверхом было возложено поручение широкого осведомления о ходе военных действий. Особо подчеркивалось, что, кроме официальной миссии, Наимскому было поручено ведение разведки в Австро-Венгрии и воздействие путем печати на общественное мнение нейтральных стран. Наштаверх поручал военному агенту оказать Наимскому полное содействие¹³⁰⁰. Бухарестская контора агентства «Нордзюд» разместились по адресу улица Кампиняну, 6¹³⁰¹. Бюро «Нордзюда» в Петрограде, осуществлявшее связь между его зарубежными органами и Ставкой, возглавил русский подданный Владислав Петрович Залесский, прежде работавший более десяти лет для штаба Варшавского военного округа¹³⁰². По состоянию на ноябрь 1915 г. на содержание четырех отделений агентства «Нордзюд» расходовалось по 9000 руб. в месяц: отделениям в Бухаресте, Копенгагене и Стокгольме по 2500 руб., в Петрограде — 1500 руб.¹³⁰³

¹²⁹⁷ Там же. Л. 62–62 об. Начальник КРО штаба Московского военного округа подполковник ОКЖ В.В. Тишевский — начальнику штаба Московского военного округа. 31 декабря 1916 г. № 10052/213.

¹²⁹⁸ Там же. Л. 11–11 об. В.М. Якубов — начальнику КРО штаба 7-й армии. 7 августа 1915 г. № 4391.

¹²⁹⁹ Там же. Л. 24, 34.

¹³⁰⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 827. Л. 72. Ю.Н. Данилов — Б.А. Семёнову. 28 июля 1915 г. № 3199.

¹³⁰¹ Там же. Л. 85.

¹³⁰² Там же. Л. 454.

¹³⁰³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 8168. Л. 64–64 об.

¹²⁹⁵ Там же. Л. 71.

¹²⁹⁶ РГВИА. Ф. 2129. Оп. 8. Ед. хр. 4. Л. 21. С.В. Муев — В.М. Якубову. 13 августа 1915 г. № 3523.

8 ноября 1915 г. генералом М.В. Алексеевым было утверждено специальное «Наставление для телеграфных агентств Севера и Юга», главившее:

«Телеграфное агентство Севера и Юга учреждается с двойкою целью:

А) Для точного и спешного осведомления заграничной прессы нейтральных государств с ходом боевых действий нашей армии в желательном для пользы русского дела освещении и одновременно для существенного противодействия враждебной агитации со стороны давно и специально организованных агентств в тех же нейтральных государствах германцами и австрийцами. Точно так же с целью настраивать общественное мнение в этих странах в пользу русских государственных интересов.

Б) Одновременно доставлять возможно обширный и всесторонний обзор военной, политической и экономической обстановки воюющих с нами держав в виде сообщений телеграфных и письменных, специально и периодически посылаемых»¹³⁰⁴.

Согласно «Наставлению», в дополнение к трем уже существующим отделениям агентства в Петрограде, Бухаресте и Копенгагене предполагалось открыть четвертое в Стокгольме, ввиду текущих тревожных событий в Швеции. Отделение в Петрограде служило для связи между Ставкой и отделениями, которым оно обязалось один-два раза в день передавать телеграммы в среднем по 100 слов для освещения военных действий по сообщениям из Ставки. Агентству в Бухаресте поручалось передавать телеграммы и для газет в Афинах и Салониках (первоначально планировалось также в Ниш и Болгарию, но при изменившейся обстановке на Балканах это стало невозможно), а кроме того, еженедельно высылать в Ставку отчет о состоянии дел на Балканах вообще и в Румынии специально, равно как и вырезки из прессы враждебных государств. Помимо этого, бухарестский «Нордзюд» должен был добывать военные сведения об армиях враждебных государств, за исключением германской. Отделение агентства в Копенгагене занималось аналогичной деятельностью по Дании и Норвегии, а также изучением германской армии. Отделение в Стокгольме намечалось нацелить на работу по Швеции. Отделения в Бухаресте и Копенгагене поддерживали связь с Варшавой и Царством Польским, через проверенных поляков. Все действия заграничных агентств «Нордзюда» должны были находиться под контролем военных агентов в странах пребывания, которым предписывалось оказывать им полное содействие и возможными способами ограждать их от неприятельского шпионажа¹³⁰⁵.

¹³⁰⁴ Там же. Оп. 15. Ед. хр. 827. Л. 172–174. Наставление для телеграфных агентств Севера и Юга. 8 ноября 1915 г. (то же: Там же. Оп. 1. Ед. хр. 8168. Л. 66–68 об.).

¹³⁰⁵ Там же.

По утвержденной смете расходов, на все агентство в целом выделялось ежемесячно 19 200 руб., из них отделение в Бухаресте получало 4000 руб. и аванс в 1500 руб. на телеграфные расходы¹³⁰⁶.

9 января 1916 г. в Ставке были составлены дополнительные указания «Нордзюду». К ближайшей весне агентству предписывалось развить свою деятельность с наибольшей интенсивностью, причем подчеркивалось, что «главная задача его — своевременное, полное и точное осведомление о намерениях, планах, силах и средствах австро-германцев и их союзников». Журналистская деятельность агентства определялась как второстепенная по значимости и как прикрытие его основной работы по разведке. В то же время она должна была вестись с полным напряжением для благоприятного воздействия на нейтральные страны и для борьбы с вражеской пропагандой. Сотрудникам «Нордзюда» рекомендовалось не увлекаться сенсационными и непроверенными слухами, исходящими из ненадежных источников. Им следовало завязать сношения с австрийцами и германцами, прибывающими в нейтральные страны, а также с персоналом консульств и миссий, добывать сведения о происходящем в Австрии и Германии. Отделению агентства в Бухаресте особо указывалось избегать поощрения непроверенных сведений, которые в столице Румынии легко могли фабриковаться многочисленными германскими агентами. В качестве основных задач Наимскому ставилось завязать и поддерживать самую тесную связь с Галицией и занятой неприятелем частью Польши, следить за происходящим на Балканах и за подготовкой румынской армии. «Журнальная деятельность должна продолжаться так же хорошо, как она сейчас налажена»¹³⁰⁷.

Бухарестское отделение «Нордзюда» работало по разведке интенсивнее, чем прочие. Так, за январь и февраль 1916 г. Наимским было отправлено 39 донесений по телеграфу и 9 по почте, тогда как из Копенгагена — 9 и 2, из Стокгольма 6 и 2 соответственно. Начальство отмечало, что в большинстве случаев донесения агентства были своевременны, достоверны и интересны, но их было мало, особенно из Копенгагена и Стокгольма. «Особенно выдающихся не было ни одного»¹³⁰⁸. Руководителям бюро предписывалось напрячь все силы, чтобы оправдать доверие.

Любопытно, что в русской миссии Наимский называл себя главой некоей польской партии и агентом Департамента полиции, а также тратил много денег. Естественно, все это казалось странным и навлекло на Наимского подозрения в том, что он — германский агент¹³⁰⁹.

¹³⁰⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 827. Л. 176.

¹³⁰⁷ Там же. Л. 259–260.

¹³⁰⁸ Там же. Л. 333–333 об.

¹³⁰⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 300. Лит. С. Л. 127.

С течением времени оценка Ставкой разведывательной деятельности бухарестского бюро «Нордзюда» снижалась, по сравнению с его журналистской работой. В руководящем письме к Наимскому от 10 марта 1916 г. говорилось, что его сведения о вражеских странах и вооруженных силах признаются полезными, хотя и дорогостоящими. Был замечен перекок внимания бюро в сторону Турции, которая интересовала Ставку в меньшей степени. Мало сведений давалось по Австро-Венгрии и почти ничего по Германии. Наимскому ставилось на вид: «Следует отметить, что контора в Бухаресте проявляет большую деятельность и по количеству представляет материала очень много. К сожалению, нельзя сказать, чтобы качество этого материала всегда было важным и интересным. По-видимому, собираются всевозможные случайные сведения, а между тем желательна по сбору сведений планомерная, систематическая и очень вдумчивая работа»¹³¹⁰.

В архивном фонде Ставки Главковерха сохранилось несколько дел с телеграммами «Нордзюда». Чтение их убеждает в том, что разведывательные донесения агентства по большей части не представляли ничего серьезного и содержали в основном всевозможные слухи, сплетни, сообщения иностранной прессы, в том числе сомнительные. Иногда эти сведения не имели ничего общего с действительностью. Так, 13 марта 1916 г. «Нордзюд» передавал из Бухареста, что болгарские силы на границе Румынии достигали пяти дивизий, хотя в действительности их там было не более двух¹³¹¹. Примечательно, что все телеграммы «Нордзюда» лично изучал М.В. Алексеев, оставивший на многих из них свои скептические пометки¹³¹². В тех редких случаях, когда «Нордзюд» передавал точные и важные данные, никто в Ставке уже не был склонен им верить. Так было, к примеру, накануне начала неприятельского наступления на Сербию осенью 1915 г.

Появлялись и новые основания сомневаться в благонадежности сотрудников «Нордзюда». Так, в Стокгольм был командирован Владислав Максимилианович Рабский, 51 года, уроженец Познани, германский подданный и профессор Берлинского университета, также многолетний сотрудник «Курьера Варшавского». До командировки он жил в Киеве, где составлял тексты воззваний к солдатам неприятельских армий¹³¹³. Его работа в столице Швеции вскоре стала вызывать серьезные нарекания у русского военного агента в Скандинавии полковника Д.Л. Кандаурова. Он обвинял Рабского в связях с евреями и

поляками дурной репутации, в постоянном телеграфном общении с Германией¹³¹⁴.

Довольно скоро руководство Ставки окончательно разочаровалось в результатах разведывательной деятельности агентства «Нордзюд». 2 мая 1916 г. Пустовойтенко представил Алексееву докладную записку о работе «Нордзюда». В ней отмечалось, что работа по осведомлению печати выполняется агентством достаточно удовлетворительно, но результаты работы по разведке невелики и не окупают значительных расходов (от 12 до 15 тыс. руб. в месяц). На это неоднократно обращалось внимание представителей агентства, и надежды на их исправление больше не было. Исключение, по мнению Пустовойтенко, составлял агент «Нордзюда» в Стокгольме, дававший редкие, но более ценные сведения по Швеции, которая была в тот период особо интересна для Ставки. Генкварверх предложил упразднить «Нордзюд», оставив лишь его представителя в Швеции. Остальным предлагалось выдать вперед месячное жалованье и сказать, что если не последует резкого улучшения в их работе, то этим все закончится. Имеющиеся связи «Нордзюда» с газетными редакциями в Румынии и Скандинавии можно было предложить передать в ведение МИД или ГУГШ. 3 мая Алексеев написал на докладе Пустовойтенко: «Согласен», и участь «Нордзюда» как разведывательного органа была решена¹³¹⁵.

Тогда же Ставка сообщила главе бюро «Нордзюда» в Копенгагене Густаву Олеховскому, что, ввиду трудности работы и его утомления, он может прекратить дело и вернуться в Россию с отчетом за весь период¹³¹⁶. Впрочем, несколько дней спустя полковник Татаринев сообщил из Бухареста, что он не имеет ничего против журналистской деятельности Наимского, даже в расширенном виде, но с немедленным прекращением его работы по разведке¹³¹⁷. В итоге 27 мая 1916 г. «Нордзюд» был передан из Ставки в ведение ГУГШ, с полным прекращением агентурной разведки и оставлением лишь журналистской деятельности. Совокупный расход на жалованье четырем представителям был урезан и составлял теперь всего 1350 руб. в месяц¹³¹⁸.

Отметим, что румынские власти были хорошо осведомлены о подозрительной, на их взгляд, деятельности Наимского. В самый день объявления Румынией войны Наимский был арестован в Бухаресте, так как в румынском Генштабе имелись сведения о его сношениях с Германией. По представлению Татаринова он был сразу освобожден,

¹³¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 827. Л. 337–338.

¹³¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1144. Л. 6.

¹³¹² См., например: Там же. Ед. хр. 1144, 1148.

¹³¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 827. Л. 86.

¹³¹⁴ Там же. Л. 261–261 об.

¹³¹⁵ Там же. Л. 402–403 об. Пустовойтенко М.С. Докладная записка по Управлению генерал-квартирмейстера Ставки. 2 мая 1916 г. Б.н.

¹³¹⁶ Там же. Л. 400.

¹³¹⁷ Там же. Л. 409.

¹³¹⁸ Там же. Л. 415–416.

однако отношение к нему румын оставалось подозрительным. Татаринов ходатайствовал о прекращении деятельности «Нордзюда» в Румынии и отозвании Наимского и его помощника Гвяздовского (иначе Гвоздецкого) в Россию, тем более что задача агитационной работы в Румынии теперь отпала¹³¹⁹. 24 августа генерал-квартирмейстер ГУГШ М.И. Занкевич телеграфировал в Ставку: «Агентство Норд-Сюд в Бухаресте ликвидируется. Наимский и Гвоздецкий отзываются»¹³²⁰.

Опыт сотрудничества русской военной разведки на Балканах с представителями российского журналистского сообщества в годы Первой мировой войны весьма поучителен. Он показывает, что разведывательная служба, пусть и вынужденно, импровизационным путем, пришла к достаточно очевидной в более поздние времена мысли о целесообразности привлечения сотрудников прессы к делу сбора и первичного анализа информации. Однако здесь, как и в других подобных случаях, в полной мере сказались отсутствие тщательного заблаговременного подбора и подготовки кандидатов из числа представителей журналистского цеха. Поэтому эксперименты русской военной разведки ни с В.Г. Янчевецким, ни с агентством «Нордзюд» не принесли крупных плодов.

Глава 17

ЭМИССАРЫ ШТАЮЗА: КАПИТАН ЮРЬЕВ И ДРУГИЕ

В 1914–1915 гг. разведывательной деятельностью на румынской территории активно занимался штаб русского Юго-Западного фронта. Однако неизвестные прежде документы позволяют сейчас судить со всей ясностью о том, что практические результаты, достигнутые разведкой этого штаба в Румынии, были ничтожными, усилия и траты значительных средств — напрасными, а общая роль — дезорганизующей и отрицательной. До Великой войны штаб Киевского военного округа, на основе которого был сформирован штаб Юго-Западного фронта, вел разведку лишь в Северной Молдавии, будучи сосредоточен на изучении своего будущего главного противника — Австро-Венгерской монархии и ее армии. После начала войны разведывательное отделение Киевского окружного штаба явило пример особо трудного и малоудачного перехода на рельсы военного времени, утратив в ходе мобилизации связи со своей и без того немногочисленной тайной агентурой в Галиции и в глубине Австро-Венгрии.

В отличие от Ставки Верховного главнокомандующего, штабы фронтов, согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время» 1914 г., должны были включать в себя штатные разведывательные отделения. Укомплектование разведывательного отделения штаба Юго-Западного фронта личным составом началось с первых же дней войны и продолжалось чуть ли не до конца 1914 г. Штаб фронта сразу же начал обращаться к командованию различных воинских частей с именными заявками о прикомандировании к нему определенных обер-офицеров. Будущие сотрудники разведки штаба фронта вызывались из пехотных и кавалерийских полков разных военных округов, подразделений пограничной стражи, жандармских управлений¹³²¹. Очевидно, главными критериями отбора были личное знакомство или прежняя совместная служба с кем-то из чинов штаба. Иными словами, разведка штаюза укомплектовывалась буквально «с бору по сосенке». К примеру, в ноябре 1914 г. генерал-квартирмейстер штаюза

¹³¹⁹ Там же. Л. 443. А.А. Татаринов — М.С. Пустовойтенко. 21 августа 1916 г. № 337.

¹³²⁰ Там же. Л. 445. М.И. Занкевич — М.С. Пустовойтенко. 24 августа 1916 г. № 4579.

¹³²¹ Об укомплектовании личным составом разведывательного отделения штаба Юго-Западного фронта см. дела: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 2758, 2759.

М.С. Пустовойтенко просил коменданта Брест-Литовской крепости о немедленном командировании в штаб фронта в Холм унтер-офицера крепостной жандармской команды Андрея Шлыка — для службы в разведывательном отделении¹³²².

Кадровая чехарда во фронтовой разведке продолжалась и в дальнейшем. Достаточно сказать, что за первые полгода войны трижды менялись начальники разведки штаба Юго-Западного фронта; эту должность последовательно занимали С.Л. Марков, А.-Э.Г. фон Нидермиллер, А.А. Носков и В.А. Брендель. Первым начальником разведывательного отделения штаюза стал Генштаба полковник С.Л. Марков, ветеран военной разведки, давний сотрудник Особого департамента и штатный преподаватель Императорской Николаевской военной академии, впоследствии — легендарный герой и кумир Добровольческой армии. Однако уже 1 сентября 1914 г. Марков обратился к генерал-квартирмейстеру штаба фронта М.С. Пустовойтенко с просьбой об откомандировании его в строй, на должность начальника штаба дивизии. Одной из главных причин своего стремления Марков называл «сознание того, что достигнуть больших результатов в деле разведки, при полном отсутствии налаженности таковой в мирное время, я в настоящее время и при моих способностях в этой области деятельности не могу»¹³²³. Вскоре настойчивое желание Маркова было

¹³²² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 2758. Л. 44, 47.

¹³²³ В этом интересном для характеристики его личности рапорте Марков писал: «При первых слухах о возможности войны я обратился с просьбой назначить меня в действующую армию, уклонившись от должности начальника штаба второстепенной дивизии, ибо боялся вместе с этой дивизией остаться где-либо в центре империи для несения тыловой службы. Вместе с тем я просил предоставить мне любую должность в штабе корпуса или дивизии первой очереди. Волею начальства я был назначен на ныне занимаемую должность. В настоящее время я вновь усиленно ходатайствую о предоставлении мне должности начальника штаба одной из дивизий армий Юго-Западного фронта. Мотивами к этому ходатайству служат: 1) Мое искреннее желание служить там, где я могу принести больше пользы, чем на занимаемой мною должности. 2) Сознание того, что достигнуть больших результатов в деле разведки, при полном отсутствии налаженности таковой в мирное время, я в настоящее время и при моих способностях в этой области деятельности не могу. 3) Законченность, насколько это возможно, организации самого отделения и постановки его деятельности, что позволит каждому продолжать начатую мною работу. 4) Состояние на должностях начальников штабов дивизий офицеров Генерального штаба моложе меня (есть даже подполковники). 5) Ложное положение после войны, когда я, как преподаватель академии, должен буду читать г.г. офицерам — участникам боев лекции о боях, в которых я не принимал даже отдаленного участия. <...> В крайнем случае, если для пользы дела и службы, ввиду большой убыли офицеров в строевых частях, будет признано возможным предоставить мне командование батальоном в одном из пехотных полков, ходатайствую об исключении меня из списков офицеров Генерального штаба и о переводе в один из пехотных полков, в частности в 13-й стрелковый полк, которым командует мой ближайший родственник, или л[ейб]-гв[ардии] Финляндский (потерявший уже всех штаб-офицеров), как полк, в котором я отбывал ценовое командование ротой» (Там же. Л. 13–14 об. С.Л. Марков — М.С. Пустовойтенко. 1 сентября 1914 г. № 53).

удовлетворено, и, получив назначение в действующую часть, 22 октября 1914 г. он отбыл к новому месту службы.

Несмотря на серьезные изъяны в своей работе, проявившиеся в течение первого года войны, чины разведки штаюза отличались самоинициативой и своеволием. Исследователь М. Алексеев справедливо отмечает, что в своей разведывательной деятельности штаб Юго-Западного фронта проявлял упорный сепаратизм, отказываясь сообщать наверх сведения о своих агентах и не желая подчиняться общим инструкциям и указаниям вышестоящих органов¹³²⁴. Во время обсуждения проектов централизации руководства глубокой зарубежной разведкой штаюз оспаривал соображения Ставки, ссылаясь на свой опыт работы по разведке и ее мнимые успехи. Однако результаты деятельности агентов штаюза в Румынии свидетельствовали о полной непригодности сотрудников разведки штаба фронта для решения поставленных задач. Примечательно, что полемика между штаюзом и Ставкой развернулась осенью 1915 г., т.е. именно тогда, когда со всей рельефностью обозначились вопиющие изъяны в работе разведчиков штаба фронта в Румынии, что даже привело к серьезным столкновениям между командованием фронта, руководством Ставки и Генштаба. Но — обо всем по порядку...

Начальником штаба Юго-Западного фронта с начала войны был генерал М.В. Алексеев, опытный работник Генерального штаба и один из главных разработчиков стратегических планов России в предвоенный период. Он быстро и правильно оценил низкий уровень осведомленности русской стратегической разведки о неприятельских странах и решил принять меры, чтобы поправить положение. Именно Алексеев 17 августа 1914 г., в разгар Галицийской битвы, составил «общие основания» для ведения разведки штабом Юго-Западного фронта. Ключевое место в них занимала идея развертывания разведывательной деятельности по Австро-Венгрии с территории Румынии, где требовалось насадить агентурные сети в районах Ботошаны–Яссы–Нямц, Окна–Фокшаны и Бухарест–Плоешти. По замыслу Алексева, через территорию Румынии штаб фронта должен был поддерживать связь и разведывательное взаимодействие с Главной квартирой сербской армии¹³²⁵. Именно с этого момента берет отсчет история активных усилий штаба Юго-Западного фронта по развертыванию заграничной агентурной разведки. Как будет видно из дальнейшего, генерал Алексеев должен был сильно пожалеть о том, что в итоге вышло из его замысла.

¹³²⁴ Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 2. С. 11–12.

¹³²⁵ Там же. Кн. 3, ч. 1. С. 170–171.

Несмотря на слабость разведки фронтового штаба, в кампанию 1914 г. оружие войск Юго-Западного фронта было увенчано победами над австрийцами. К зиме русские армии заняли всю Восточную и часть Западной Галиции, Буковину, угрожали Кракову, блокировали Перемышль и овладели важными горными перевалами в Карпатах. Затем армиями фронта было отражено зимнее наступление австрийских сил — отчаянная, но обреченная попытка сбросить русских с господствующих позиций на Карпатском хребте. В штабе Юго-Западного фронта начали вызревать планы глубокого вторжения на Венгерскую равнину. Для выяснения обстановки в тылу противника, за стеной Карпат, штаб фронта решил активизировать глубокую разведку Австро-Венгрии, наиболее удобным плацдармом для чего казалась нейтральная Румыния. Однако при отсутствии какой бы то ни было заблаговременной организационной подготовки к деятельности в этой стране сотрудникам разведывательного отделения штаба фронта предстояло импровизировать, с целью добиться результата в предельно сжатые сроки. Это привело к плачевным последствиям.

19 января 1915 г. в Бухарест был командирован агент штаюза штабс-капитан Б.А. Юрьев, «для выполнения возложенных на него особо важных поручений по агентурной разведке»¹³²⁶.

Борис Александрович Юрьев, сын капитана, православный, родился 25 августа 1886 г. в Бессарабской губернии. Воспитанник 3-го Московского кадетского корпуса, он учился сначала в Константиновском артиллерийском училище, но затем перешел в Николаевское инженерное училище, которое и окончил по 1-му разряду, старшим портупей-юнкером, в 1908 г. Он был выпущен подпоручиком в 3-й понтонный батальон, а на следующий год переведен в 4-й понтонный батальон, стоявший в Киеве. В 1912 г. Юрьев поступил в Императорскую Николаевскую военную академию и к началу мировой войны уже стал слушателем ее дополнительного класса, однако по мобилизации был вынужден вернуться в строй и получил назначение в 6-й понтонный батальон. Лишь позже, в 1916 г., он, по новым правилам, был переведен в корпус офицеров Генерального штаба¹³²⁷.

Уже 28 июля 1914 г. по приказанию начальника штаба Юго-Западного фронта М.В. Алексеева поручик Юрьев был вызван в штаб для прикомандирования к нему¹³²⁸. Неизвестно почему, но офицер-понтонер оказался на службе в разведывательном отделении штаба фрон-

та¹³²⁹. Можно предположить, что Юрьев, как слушатель академии в предвоенные месяцы, был лично известен ее преподавателю С.Л. Маркову, который и решил вызвать его на службу во вверенное ему разведотделение. А полгода спустя именно Юрьев, уже в чине штабс-капитана, был выбран для ответственной командировки в Румынию. Возможно, решающую роль здесь сыграло то, что он был уроженцем Бессарабии.

До войны Юрьев не обладал никаким опытом в области военной разведки, тайного розыска или агентурной работы. Впрочем, не было и речи, чтобы в своей командировке в Румынию Юрьев действовал в качестве нелегального резидента. В Бухаресте эмиссар штаба Юго-Западного фронта получил официальную аккредитацию при русской императорской миссии, поселился у полковника Семёнова¹³³⁰, и очень скоро все в столице Румынии знали Юрьева как русского офицера-разведчика. Военному агенту он совершенно не был подчинен, но советовался с ним по служебным вопросам. Иногда Семёнов и Юрьев сотрудничали друг с другом, иногда — напротив.

По сути дела, штабс-капитан Юрьев стал своего рода «военным атташе» штаюза в Бухаресте, что можно расценивать лишь как неоправданное и непрактичное дублирование поста официального военного представителя России, неспособное принести значительной пользы ни в области тайной агентурной разведки, ни в развитии военно-дипломатических связей России и Румынии. Донесения Юрьева шли в штаб Юго-Западного фронта, но, что любопытно, он также вел служебную переписку с главой КРО штаба Одесского военного округа подполковником В.М. Якубовым. Впрочем, для работы русской разведки того времени вообще было характерно, что она строилась на личных контактах и связях представителей самых разных ее органов и ведомств, а не на четких принципах институциональной и структурной организации. Вскоре, однако, по настоянию полковника Семёнова и русского посланника Юрьев был вынужден отказаться от контрразведывательной работы, чтобы не раздражать местные власти, считавшие его причастным к аресту ряда румынских подданных в России¹³³¹. Одесскую контрразведку в Румынии весной и летом 1915 г. пред-

¹³²⁹ Историк М. Алексеев полагает, что назначение Юрьева в штаб фронта состоялось по воле генерал-квартирмейстера М.С. Пустовойтенко, который якобы видел, что Марков не намерен продолжать службу в разведывательном отделении, и потому стремился усилить его другими офицерами (*Алексеев М.* Военная разведка России... Кн. 3, ч. 1. С. 172). Однако фактических доводов в пользу этой версии он не приводит.

¹³³⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 325. Л. 2. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 2 мая 1915 г. № 587.

¹³³¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 566. Л. 21–22. Б.А. Юрьев — В.М. Якубову. 10 июля 1915 г. Б.н.

¹³²⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 2759. Л. 3–3 об.

¹³²⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 170576. Л. 314–316 об. Послужной список Б.А. Юрьева. 1916 г.

¹³²⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 2758. Л. 8. М.С. Пустовойтенко — командиру 6-го понтонного батальона. 28 июля 1914 г. № 160.

ставлял всего один агент подполковника Якубова — некто «Бобров», он же «Тон»; он занимался наружным наблюдением за интересовавшими его начальника людьми, и вскоре румынские власти выслали его¹³³². Штабс-капитан Юрьев в одном из писем к Якубову обращал его внимание на то, что в Бухаресте русской контрразведке следовало бы иметь не одного агента, а «целую бригаду филеров»¹³³³. Вскоре число сотрудников русской контрразведки в Румынии существенно выросло, но проблем от этого не убавилось.

Очень скоро в штаб Юго-Западного фронта и даже в Ставку стали поступать сведения о полном несоответствии служебных и личных качеств Юрьева возложенным на него задачам. 24 июня 1915 г. генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов телеграфировал начальнику штаба Юго-Западного фронта генералу С.С. Саввичу: «За последнее время из различных источников ко мне поступают достоверные сведения о том, что командированный от вверенного Вашему превосходительству штаба в Бухарест, для ведения негласной разведки, штабс-капитан Юрьев не обнаруживает в своих делах достаточной осторожности и скрытности, столь необходимых для лица с названным поручением»¹³³⁴. По мнению Данилова, в этих условиях для Юрьева было невозможно не только вести в Румынии плодотворную разведывательную деятельность, но и даже обеспечить сохранность известных ему секретных сведений. Генерал-квартирмейстер Ставки предписывал напомнить Юрьеву о необходимости особых мер осторожности и скрытности как в личной жизни, так и особенно в сношениях с военным агентом полковником Семёновым, находившимся, как отмечал Данилов, под особо пристальным наблюдением негласной агентуры противника¹³³⁵.

В ответном донесении генерал Саввич был вынужден полностью признать правоту резких замечаний Ставки. Он писал: «Отсутствие у штабс-капитана Юрьева, командированного от вверенного мне штаба в Бухарест для ведения негласной разведки, качеств, необходимых для лица с названным поручением, выяснилось в штабе фронта около месяца тому назад, и для агентурной работы через Румынию уже командирован туда другой офицер, который в данное время занят установлением новой организации. Отозвание штабс-капитана Юрьева задерживается желанием избежать перерыва в работе разведки и должно состояться в самом непродолжительном времени, когда нач-

нется работа новой организации. Указанный офицер командирован в Румынию под видом частного лица и в совершенной независимости от военного агента»¹³³⁶.

Также Саввич называл желательным для штаба фронта иметь в Бухаресте, помимо назначенного тайного резидента-офицера, еще одного офицера, на легальном положении, для выполнения функций связи, с использованием агентского шифра, и свободного от контактов с агентурой. На эту должность штабом фронта рекомендовался штабс-ротмистр барон П.И. Менгден, 50 лет, служивший в цензурном отделении штаба Киевского военного округа и отлично владевший немецким, французским, английским и итальянским языками¹³³⁷. Говоря о тайно командированном в Румынию для организации разведки другом офицере штаюза, генерал Саввич имел в виду графа П.А. Игнатьева 2-го, однако и его деятельность имела плачевные результаты.

Итак, штабс-капитан Юрьев должен был лишь временно оставаться в Бухаресте. Однако дальнейшие события подтвердили ту старую истину, что ничто не бывает столь постоянным, как временные меры и решения. По непонятным причинам Юрьев оставался в Бухаресте до осени 1916 г., продолжая активно заниматься разведкой вплоть до вступления Румынии в войну. Более того, высочайшим приказом 4 июля 1916 г. он был причислен к Генштабу и через некоторое время произведен в капитаны¹³³⁸.

После начала экспедиции русского отдельного XLVII армейского корпуса в Добруджу Юрьев в сентябре 1916 г. был назначен на должность старшего адъютанта корпусного штаба. Затем в октябре, после формирования Дунайской армии, он стал исполнять должность помощника начальника оперативного отделения. С декабря 1916 г. Юрьев находился на службе уже в штабе Румынского фронта¹³³⁹. Наконец, в июне 1917 г. Юрьев получил должность начальника КРО штаба помощника августейшего главнокомандующего Румынского фронта¹³⁴⁰.

Неизвестно, из каких источников генерал-квартирмейстер Ставки Данилов летом 1915 г. получил сведения о неосторожности и сомнительных контактах штабс-капитана Юрьева. Однако документы действительно говорят о неразборчивости и просто распущенности этого офицера не только в служебных, но и в личных связях. Уже позднее в распоряжение русской контрразведки поступили сведения, что любов-

¹³³² Там же. Ед. хр. 495. Л. 50–54.

¹³³³ Там же. Ед. хр. 566. Л. 1–2 об.

¹³³⁴ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 59. Л. 67–67 об. Ю.Н. Данилов — С.С. Савичу. 24 июня 1915 г. № 2808.

¹³³⁵ Там же.

¹³³⁶ Там же. Л. 66. С.С. Савич — Ю.Н. Данилову. 28 июня 1915 г. № 7946.

¹³³⁷ Там же. Л. 68–68 об.

¹³³⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 3909. Л. 428.

¹³³⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 170576. Л. 312. Послужной список Б.А. Юрьева (дополнение). 5 февраля 1917 г.

¹³⁴⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 196. Л. 114.

ницей Юрьева в Бухаресте стала некая Этта Шафран, подруга Алексея Отта — австрийско-подданного еврея, исполнителя танго, имевшего американский паспорт, заведовавшего несколькими дамами полусвета и находившегося в прямом подчинении германскому военному атташе Бронзарту фон Шеллендорфу¹³⁴¹. По тем же сведениям, Шафран была также любовницей Александра Черногорчевича, русского агента, служившего в банковском представительстве в Константинополе, а потом командированного штабом 7-й армии с разведывательными целями в Бухарест.

Естественно, Этта Шафран оказалась под пристальным вниманием русской контрразведки. 1 июня 1915 г. она въехала из Румынии в пределы России, и с этого момента на протяжении почти целого года находилась под наружным наблюдением. Жандармским властям было предписано установить за ней самое строгое наблюдение и арестовать в случае попытки ее выехать за границу. Всю отобранную у нее при обыске корреспонденцию следовало препроводить главе одесской контрразведки подполковнику В.М. Якубову. В итоге об этой женщине было выяснено следующее. По агентурным сведениям Одесского КРО, Этта Беркова Шафран, 26 лет (в 1915 г.), мещанка Херсонской губернии, в 1913–1914 гг. проживала в «Северной гостинице» в Одессе, служила в кафешантане артисткой, выдавая себя за испанку и работая в «испанском жанре». Накануне войны она также выступала во Франции и Италии. По внешним приметам, это была полная, жгучая брюнетка с прямым носом, лет 32, очень элегантно одевавшаяся и носившая бриллианты, державшаяся смело и с большим апломбом. Филеры, давшие Шафран кличку наблюдения «Кокетка», выяснили, что она «посещает публичные места — кофейни, шантаны, где знакомится с мужчинами, с целью разврата и добывания этим путем средств»¹³⁴². Также она постоянно посещала дорогие модные и ювелирные магазины, шляпные мастерские, кондитерские и доктора-венеролога. В деньгах Шафран была не стеснена, имела много бриллиантов; в Одессе у нее жили старуха-мать и шестилетняя дочь. До сентября 1916 г. она проживала в Одессе, затем переехала в Киев. Наконец, 8 декабря 1916 г. Этта Шафран была арестована, но обыск у нее ничего не дал¹³⁴³. Предполагаемая опасная шпионка оказалась обычной дамой полусвета, однако на то, чтобы выяснить это, у русской контрразведки ушел целый год кропотливого и дорогостоящего наружного наблюдения.

Список сомнительных знакомств штабс-капитана Юрьева можно продолжить. В мае 1915 г. агент КРО Одесского военного округа «Бо-

бров» докладывал, что в Бухаресте тот ухаживал за некоей Амалией Приллингер (иначе Амелией Прелингер), обещая помочь ей после войны получить русское подданство. По данным «Боброва», Амалия и ее старая мать много времени проводили в обществе Симона Альперна, известного агента австрийской разведки, выступавшего в качестве театрального агента и вращавшегося среди шантаных див¹³⁴⁴. Полковник Семёнов имел данные, что именно Альперн осуществлял почтовую связь между австрийской организацией в Бухаресте и Россией¹³⁴⁵. К февралю 1917 г. русская контрразведка установила, что британская подданная Амелия Прелингер (сценический псевдоним Гузарда) была агентом германского правительства и имела связь с американским гражданином негром Бобом Гопкинсом, арестованным сигуранцей за шпионаж в пользу Центральных держав, а также была в постоянных сношениях с австрийским поручиком Вильгельмом Гроссом (он же Шпанбауэр) и находилась в связи с неким агентом русской охраны Рахманиновым¹³⁴⁶.

Судя по всему, именно штабс-капитану Юрьеву принадлежала сомнительная честь привлечения к сотрудничеству с русской военной разведкой упоминавшегося выше Мечеслава Каменского (Каминского). Последний, русско-подданный еврей, представлял собой незаурядного международного авантюриста, профессионально занимавшегося шпионажем и создавшего целую сеть агентов, что позволяло ему ловить крупную рыбу в мутной воде борьбы секретных служб на Балканах. По некоторым сведениям, прежде он служил агентом Русско-Дунайского пароходства в Галаце¹³⁴⁷. Через Юрьева сотрудничать с организацией Каменского начал и военный агент полковник Семёнов. По документам разных органов русской разведки и контрразведки, Каменский работал и на Россию, и на австро-германские секретные службы. Сам он выдавал себя за агента сигуранцы, хотя в действительности румынская полиция желала выслать его из страны. Помимо прочего, Каменский занимался поборами со всех евреев, приезжавших из России в Бухарест, вымогая по 25 процентов с суммы ввозимых или вывозимых ими товаров. Пользуясь положением агента русской разведки, он также беспрепятственно вывозил из России большие сум-

¹³⁴⁴ Там же. Ед. хр. 495. Л. 4, 13.

¹³⁴⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 136. Л. 10–10 об. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 18 марта 1915 г. № 540

¹³⁴⁶ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 752. Л. 38.

¹³⁴⁷ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 671. Л. 186 об. Скорее всего, Каменский, служивший в РДП в Галаце, и Каменский — сотрудник нескольких спецслужб — одно и то же лицо. Относительно Каменского из Галаца начальник Бессарабского ГЖУ имел сведения, что в 1915 г. тот был несколько раз замечен посещающим австрийское пароходное агентство (Там же. Оп. 10. Ед. хр. 590. Л. 138–138 об.).

¹³⁴¹ Там же. Ед. хр. 990. Л. 34, 35.

¹³⁴² РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 599. Л. 25.

¹³⁴³ Там же. Л. 2–36.

мы наличных денег для третьих лиц, беря за эту услугу по десять процентов. По доносу Каменского в Венгрии были арестованы три агента, посланные туда Юрьевым¹³⁴⁸.

Сотрудниками Каменского являлись, в числе других, бывший агент сигуранцы Николае Вэрворяну и некто Доди Григореску. Примечательно, что Вэрворяну, работая на Каменского, выполнял задания полковника Семёнова, и тот до самого конца считал его ценным агентом. Позднее он писал в своем итоговом отчете об агентурной разведке: «Варвореану — трансильванский румын. Очень способный разведчик, который опирается в своей работе на массу румын-трансильванцев, проживающих в Бухаресте. Имеет брата — служащего в тайной полиции»¹³⁴⁹. На самом деле эти двое, Вэрворяну и Григореску, были связаны с Игнациу Банди, венгерским евреем, агентом германского бюро Вернера и «Бокбюро» — главных центров неприятельского шпионажа в Бухаресте. Сотрудник КРО штаба Одесского военного округа «Альфред» докладывал, что Банди, полный блондин среднего роста, проживал в Румынии уже 14 лет, работал агентом в кожевенной торговле и был малообразован, однако «благодаря своей полноте производит хорошее впечатление и хорошо умеет представляться»¹³⁵⁰. При всем этом Банди был, по оценке русской контрразведки, изрядным обманщиком, плохо исполнял поручения своего начальства и занимался мелкими делами. Одновременно с этим Банди, как стало позже известно полковнику Семёнову, был агентом шпионского бюро турецкого подданного Бен Айджи в Бухаресте.

Ближайшим сотрудником Каменского и доверенным лицом штабс-капитана Юрьева был некий Ахмед Дживарджилеску, по прозвищу Ахмед-бей или Зади-бей, также типичная фигура для тогдашней игры секретных служб в Бухаресте. Вот что сам Юрьев в январе 1916 г. писал о нем подполковнику В.М. Якубову:

«Ахмед Заде состоял у меня на службе почти с самого начала моей работы в Бухаресте. Первоначально я был очень доволен его работой и его качествами как агента. Но затем пришлось убедиться, что его недостатки настолько превосходят его положительные качества, что его сотрудничество приносит только вред. Ахмед Заде по природе человек не глупый, достаточно интеллигентный для агента; но страсть к хорошей жизни, к кутежам и женщинам легко толкает его на путь преступлений. Попав под влияние одного француза, состоящего на

службе у немцев, но прикидывающегося другом русских, Ахмед вначале в состоянии опьянения выдавал ему некоторые служебные секреты, затем окончательно попал в руки этого француза и начал систематически продавать все, что ему было известно. Я принял меры, дабы устранить его от источника сведений, и последнее время давал самые незначительные поручения. Не желая ему отказывать от службы, так как боялся, что немцы его используют в качестве агента для наблюдения за мной, я искал возможность выслать его из Румынии»¹³⁵¹. В заключение Юрьев добавлял, что отныне никакой работы по шпионажу и контршпионажу давать Ахмеду было нельзя, но все же следовало, по возможности, обеспечить его куском хлеба. Этим докладом Юрьев фактически признавался, что он оказался в зависимости от своего никудышного и небезопасного агента.

Под «одним французом», взявшим в свои руки Ахмеда, подразумевался некий Анри де Жененвиль, непосредственным начальником которого был сотрудник коммерческого отдела австрийской миссии в Бухаресте Карл Тишлер. В свое время Тишлер представил Анри германскому военному атташе Бронзарту фон Шеллендорфу, который послал его в поездку по России. Также Анри находился в сношениях с доктором Х. Небелем, спецкором берлинской газеты «Локаль Анцейгер»¹³⁵².

Еще более колоритным персонажем разыгрывавшегося в Бухаресте шпионского романа был другой агент Каменского — Вилли Давидович, еврей греческого происхождения, румынский подданный, 21 года от роду. По словесному портрету, это был худой шатен изящной наружности, роста выше среднего, с карими глазами и маленькими, едва пробивавшимися усами. Один из агентов русской разведки так характеризовал его: «Сомнительной нравственности, без принципов, лгун по болезни, воображение пыльное, но неосновательный. Довольно умный»¹³⁵³. Работая швейцаром при ночном ресторане «Кафе де Пари» в Бухаресте, Давидович служил агентом штабс-капитана Юрьева, от которого получал, по данным одесской контрразведки, 150 франков в месяц. По тем же сведениям, немцы перекупили его, предложив намного лучшую цену — 2000 франков ежемесячно. Давидович забросил работу швейцара, поселился в гостинице «Принчар» и начал вести широкую жизнь. Как писал агент подполковника В.М. Якубова «Тон», «его (Давидовича. — В.К.) обязанности состоят в слежке наших разведчиков, отправляющихся или отправляющих своих агентов в Австрию. Тип этот человек неспособный и ленивый, днем

¹³⁴⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 514. Л. 92–93 об. А.А. Татаринов — в Огеньвар. 27 марта 1916 г. № 567.

¹³⁴⁹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — генерал-квартирмейстеру ГУТШ. 14 апреля 1916 г. № 33.

¹³⁵⁰ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 875. Л. 30.

¹³⁵¹ Там же. Ед. хр. 566. Л. 26–27.

¹³⁵² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 8.

¹³⁵³ Там же. Л. 148.

спит, а ночью кутит с женщинами»¹³⁵⁴. По другим данным, Давидович стал одним из ключевых агентов германского бюро Вернера¹³⁵⁵. В шпионской работе Давидовича участвовала и его любовница Елена Маржиль¹³⁵⁶. Документы румынских спецслужб отмечают, что Давидович «занимался шпионажем в пользу Австрии, Германии, России, наконец, для кого угодно, лишь бы ему платили»¹³⁵⁷.

Личность Давидовича попала и в поле зрения полковника Семёнова; по некоторым сведениям, одно время бывший швейцар даже работал на русского военного агента через Каменского. Однако 10 декабря 1915 г. Семёнов докладывал в Огенквар о Вилли Давидовиче следующее: «Деятельность сего последнего за время войны настолько была опасной, что я принужден был обратиться лично с просьбой к начальнику румынской секретной полиции о его высылке из Румынии или об его обезоружении иным путем. Однако Панаитеско заявил мне, что он ничего сделать не может. Причиной служит, по моим сведениям, то, что этот шпион также работает для румынской секретной полиции»¹³⁵⁸. Позднее Семёнов докладывал, что Давидович «был замешан в деле покушения на ограбление нашего посланника в Бухаресте, арестован и заключен в тюрьму, но почему-то вновь выпущен на свободу. С ним никакого дела нам иметь нельзя»¹³⁵⁹.

Полковник Семёнов не объяснял, в чем, по его мнению, заключалась особая опасность со стороны Давидовича, который по своим личным качествам и общественному положению вряд ли был способен серьезно угрожать интересам России и русской разведки. Возможно, это было всего лишь странным совпадением, однако, о чем будет сказано в дальнейшем, Давидович занимался сбором компрометирующих сведений личного характера о русском военном агенте и преуспевал в этом. Не исключено, что именно поэтому Семёнов так болезненно относился к деятельности Давидовича и настаивал на ее прекращении.

В конце концов, Вилли Давидович сумел нанести урон русской разведке, но произошло это отнюдь не из-за его выдающихся талантов двойного агента, а из-за грубых промахов и несогласованности работы русских разведчиков. В начале марта 1916 г. разведке штаба Одесского военного округа стало известно, что примерно двумя неделями ра-

нее в румынской столице был арестован Вилли Давидович, «главный агент известного организатора и руководителя австро-германского шпионажа в Бухаресте, направленного во вред России, австрийского офицера Вильгельма Гросса», причем у арестованного были найдены телеграммы, тайно полученные им от подкупленного чиновника румынской почты¹³⁶⁰. Одесская контрразведка выяснила, что при задержании у Давидовича было обнаружено 7000 леев и чек венского банка на 15 000 крон за подписью австро-венгерского посланника О. фон Чернина и военного атташе М. фон Ранды. Контрразведчики докладывали: «Документально доказано, что Вилли Давидович эти деньги получил на организацию шпионажа против Румынии и за выдачу двух агентов, работавших в Австрии в пользу России, посланных туда из Бухареста агентом Вейнбаумом. По сведениям агентуры, этих агентов Вилли Давидовичу указал названный выше Вейнбаум, и полученные Давидовичем за выдачу их из австрийского посольства деньги они поделили между собою»¹³⁶¹.

Участвовавший в этом деле Юлиан-Иосиф-Иуда Рахмилов Вейнбаум, 37 лет, также был одним из агентов Каменского — правой руки штабс-капитана Юрьева. С целью заманить Вейнбаума в русские Унгены и арестовать его на российской территории, ему через доверенное лицо была предложена выгодная сделка по покупке двух вагонов хлопкового масла. Эта западня была выдана Вейнбауму самим Каменским. Позднее русская контрразведка все же сумела арестовать Вейнбаума; ему было предъявлено обвинение в руководстве неприятельской шпионской организацией. По этому же делу в начале 1917 г. был арестован и бывший агент контрразведки Одесского военного округа Михель Хаймов Гинесин, 50 лет, херсонский мещанин, портовый маклер. Однако революционная весна 1917 г. благоприятствовала освобождению от цепей не только «угнетенных рабов самодержавия», но и арестованных вражеских шпионов. 21 апреля в Одессе, при переводе из Каменец-Подольской губернской в Одесскую тюрьму, Вейнбаум и Гинесин бежали от конвоя и скрылись¹³⁶².

Другим агентом Юрьева, работавшим также на австрийцев, был некий Аурелиан Молдовяну, о котором один из сотрудников русской разведки отзывался так: «Беженец из Буковины, бывший школьный учитель; характер и нравственность сомнительные. Пьяница, гуляка и буян. Начал шпионскую деятельность для отделения генерала Лаврентьева, затем у Максимова и в настоящее время у Юрьева. Очень грубый и смелый. Румынские власти не высылают его, потому что он

¹³⁵⁴ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 495. Л. 47–49 об.

¹³⁵⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 148.

¹³⁵⁶ Там же. Ед. хр. 563. Л. 6.

¹³⁵⁷ *Spânul A. Serviciul de informații al României în Războiul de Întregire Națională (1916–1920)*. București, 2012. P. 55.

¹³⁵⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 5. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 10 декабря 1915 г. № 981.

¹³⁵⁹ Там же. Ед. хр. 514. Л. 121–122. Б.А. Семенов — М.Н. Леонтьеву. 18 апреля 1916 г. № 34.

¹³⁶⁰ Там же. Л. 9–9 об.

¹³⁶¹ Там же. Л. 11.

¹³⁶² Там же. Ед. хр. 900. Л. 2–28 об.

работает для России»¹³⁶³. Однако по данным агента КРО штаба Одесского военного округа, этот Молдовяну одновременно работал и на румынский Генштаб, и на сигуранцу¹³⁶⁴. Якобы от Юрьева он получал 2000 франков, от румынского Генштаба — 600 франков и от Панаитеску — еще 200 франков в месяц, причем наниматели это знали и вполне с этим мирились¹³⁶⁵.

Также на службе разведки штаба Юго-Западного фронта находились австро-германские агенты мадьяр Николаус Сиклосси, занимавшийся пропагандой, и некий Давила. Последний, торговец медикаментами из Австрии, был хорошо известен полковнику Семёнову как агент австрийского шпионского бюро в Бухаресте, расположенного на улице Косма, 10¹³⁶⁶. По сведениям Огенквара, Давила состоял агентом князя Турн унд Таксиса, помощника австрийского военного атташе¹³⁶⁷.

К заключению о полной непригодности Юрьева в итоге пришли и в разведывательном отделении штаба Одесского военного округа. В марте 1916 г. начальник окружной разведки докладывал, что, по сообщению его заграничного источника, главный сотрудник капитана Юрьева Макс Каминский работал на неприятеля. Так, он поручил Вэрворяну передать Вильгельму Гроссу, главе австрийской агентурной организации, донесение со сведениями о русских войсках, лично составленное Каминским. В итоге двойной агент русской и австро-венгерской разведок Иосиф Абрамович (см. о нем ниже) купил это донесение у Вэрворяну за 200 руб. и представил его полковнику Семёнову. Начальник одесской разведки докладывал: «Кроме того, агентура указывает, что Макс Каминский, пользуясь своим служебным положением, часто бывает в России, откуда безнаказанно привозит военно-шпионские сведения для немецких организаций. Докладывая об изложенном, присовокупляю, что, по имеющимся у меня сведениям, капитан Юрьев подпал всецело под влияние названного Каминского, сумевшего войти в доверие названного офицера, благодаря чему Каминский шантажирует других служащих»¹³⁶⁸.

Итак, штабс-капитан Б.А. Юрьев совершенно не подходил для разведывательной работы в Румынии; и этот случай был далеко не единственным, ибо разведывательное отделение штаюза вообще не умело выбирать сотрудников для выполнения ответственных заданий за границей. Так, в помощь Юрьеву в Бухарест был командирован подпрапорщик Лейша под псевдонимом «прапорщик Иван Карлович фон

Шмидт». Затем по поручению капитана Глебова из разведки штаба фронта 1 сентября 1915 г. Лейша открыл в румынских Яссах пивной ресторан «Флора», которым сам и управлял. Уже в конце ноября ресторан было решено закрыть за его бесполезностью. В результате агенты русской разведки остались должны крупную сумму в 15 тыс. руб. ясскому купцу Егору Иванову Ларину, который вложил в ресторан свои деньги. Вместо денег Шмидт выдал Ларину вексель, сказав, что уплатить по нему должен штаб фронта¹³⁶⁹.

Затем Лейша работал по разведке в Кишинёве и лишь тогда был признан совершенно непригодным к разведывательной службе и отправлен в 10-й Сибирский стрелковый полк на фронт. Впоследствии он подчистил и подделал документы, чтобы убедить начальство в своем производстве в чин прапорщика. Характеризовался Лейша как человек болтливый, бестактный, небезупречный в денежных делах и просто как аферист, стремившийся уклониться от службы в окопах¹³⁷⁰. Таким вырисовывается перед нами образ еще одного «достойного» представителя разведки штаюза на территории Румынии.

В годы Первой мировой войны фронтовые штабы русской действующей армии были мощными руководящими центрами вооруженных сил, обладавшими большими полномочиями и проявлявшими несомненные устремления к самостоятельности и в оперативно-стратегических вопросах вождения войск, и в административной сфере, и в деле заграничной разведки. Ставка и Генштаб хорошо видели и понимали порочность этой практики, но их власти и авторитета зачастую было недостаточно для эффективного сдерживания и ограничения самостоятельного творчества штабов фронтов. Одним из следствий такого положения вещей и стало то, что в разведывательной области штаб Юго-Западного фронта пытался действовать как своего рода Генштаб в уменьшенном виде, вплоть до гласной посылки в Румынию собственного «военного атташе» в лице капитана Б.А. Юрьева. Неудивительно, что при таких условиях разведка штаюза не только повторяла все ошибки деятельности разведки ГУГШ, но и, в силу меньших кадровых возможностей, совершала свои собственные.

¹³⁶³ Там же. Л. 33 об.

¹³⁶⁴ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 495. Л. 50–54.

¹³⁶⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 98–99 об.

¹³⁶⁶ Там же. Ед. хр. 495. Л. 157. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 11 ноября 1915 г. № 913.

¹³⁶⁷ Там же. Л. 156. М.Н. Леонтьев — Б.А. Семёнову. 6 ноября 1915 г. № 36037.

¹³⁶⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 746. Л. 39–39 об.

¹³⁶⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 3909. Л. 222–223.

¹³⁷⁰ Там же. Л. 212–221 об.

Глава 18

БУХАРЕСТСКИЕ ГАСТРОЛИ
РУССКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ:
КОМАНДИРОВКА ГРУППЫ СМЕРНОВА

Военный агент полковник Семёнов и представители штаба Юго-Западного фронта были не одиноки в своем стремлении развернуть контрразведывательную работу в Румынии. В мае 1915 г. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич лично распорядился организовать в Румынии и Швеции, прежде всего в их столицах, резидентуры контрразведки, каждую во главе с офицером, «для борьбы с принявшим громадные размеры шпионажем, направляемым из этих пунктов против России»¹³⁷¹. Августейший Главковерх подчеркнул, что этому делу он придает «чрезвычайное значение» и что «осуществлено оно должно быть в самом ближайшем времени»¹³⁷². Задача эта была поручена Генштабу и его службе контрразведки.

Молодые в институциональном отношении органы военной контрразведки России оказались подготовлены к работе в условиях большой и затяжной войны еще меньше, чем разведывательная служба¹³⁷³. К примеру, только 6 июня 1915 г. Главковерхом было утверждено «Наставление по контрразведке в военное время». Примерно тогда же, к исходу первого года войны, русская военная контрразведка попыталась развернуть заграничную деятельность¹³⁷⁴. В рамках этой работы была предпринята попытка создания контрразведывательного пункта в Бухаресте, который казался одной из наиболее удобных площадок для наблюдения за вражеской шпионской и подрывной деятельностью. Органы службы военной контрразведки к тому времени не имели ни опыта заграничной работы, ни подготовленных для этого кадров, ни, тем более, знатоков местной обстановки на Балканах. Все

¹³⁷¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 495. Л. 26.

¹³⁷² Там же.

¹³⁷³ Подробнее см.: Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 2. С. 167–225; Зданович А.А. Отечественная контрразведка 1914–1920: организационное строительство. М., 2004.

¹³⁷⁴ Еще в довоенный период КРО штаба Виленского военного округа имело агентов на территории Восточной Пруссии (см.: Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 51). Однако в тот период речь не шла о создании целой резидентуры контрразведки на иностранной территории.

это не помешало контрразведчикам Генштаба смело и самоуверенно взяться за освоение нового участка работы.

В соответствии с традициями всех прочих секретных служб империи, центральный орган военной контрразведки — Контрразведывательное отделение (КРО) Отенквара ГУТШ, подчиненное Особому делопроизводству, — попытался наладить работу в Румынии самостоятельно и решил командировать в эту страну своих сотрудников, никого не предупреждая и избегая взаимодействия с другими ведомствами и подразделениями разведки. Закономерным результатом стали чудовищная неразбериха и болезненные провалы, главным виновником которых следует признать тогдашнего главу КРО Отенквара полковника В.А. Ерандакова. Некоторые исследователи не скупятся на хвалебные отзывы о втором по счету руководителе русской контрразведки¹³⁷⁵, однако выявленные нами факты заставляют более критично оценивать его личность и работу.

Василий Андреевич Ерандаков был ветераном политического сыска. Потомственный казак, сын есаула Войска Донского, Новочеркасской станицы, он родился 24 февраля 1875 г., окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище, был выпущен в 16-й Донской казачий (позже Грекова 8-го) полк, служил в различных частях Донского и Семиреченского казачьих войск. В 1902 г. Ерандаков был переведен в Отдельный корпус жандармов, затем занимал должности адъютанта Тульского губернского жандармского управления (ГЖУ), помощника начальника Киевского ГЖУ и, состоя в резерве, заведовал розыскным пунктом в городе Николаеве¹³⁷⁶. Позже Ерандаков был назначен начальником Нижегородского охранного отделения, откуда был прикомандирован к Петербургскому ГЖУ для службы по контрразведке. По карьерной лестнице Ерандаков двигался с отличием. Успешная розыскная деятельность в Николаеве вызвала покушение на его жизнь со стороны эсеров, которые стреляли в жандармского офицера из револьверов в декабре 1907 г. Справка о его службе отмечала: «В бытность ротмистра Ерандакова начальником Нижегородского охранного отделения произведен отделением ряд весьма удачных ликвидаций (т.е. арестов. — В.К.), причем отмечено, что названный офицер за это время зарекомендовал себя в розыском деле с самой лучшей стороны»¹³⁷⁷.

Руководство политического сыска было осведомлено и о резко отрицательных служебных и личных чертах Ерандакова. В сентябре

¹³⁷⁵ Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006. С. 9, 179–180.

¹³⁷⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Ед. хр. 315. Л. 909–917. Послужной список В.А. Ерандакова. 1909 г.

¹³⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Ед. хр. 1307. Л. 3–4 об. Справка о В.А. Ерандакове.

1906 г. начальник Киевского ГЖУ докладывал директору Департамента полиции М.И. Трусевичу, что Ерандаков «за последнее кратковременное пребывание свое в Киеве обратил на себя мое внимание некоторою странностью своего поведения и подозрительными сношениями. Принятыми мною по этому случаю мерами установлено, что он у себя на дому занимается производством каких-то химических опытов, ни малейшей склонности к чему ранее у него не было, для которых приобретал через знакомых концентрированную серную и азотную кислоты, причем в одном случае проговорился, что таковые ему нужны для составления себе карьеры»¹³⁷⁸.

Это давало основания подозревать Ерандакова в подготовке к устройству подпольной мастерской взрывных снарядов, с целью имитации ее обнаружения. Автор доклада писал: «При достаточной беспринципности Ерандакова, сильно развитом в нем честолюбии и проявленной им, за последнее время в особенности, сильной зависти к лицам, отличившимся в деле политического розыска, я не могу считать его на это неспособным»¹³⁷⁹. В бытность Ерандакова в Нижнем Новгороде начальство получало жалобы о содержании им подпольного игорного дома и о его шулерстве.

Тем не менее вскоре Ерандаков возглавил Петроградское городское контрразведывательное отделение — головной орган военной контрразведки Российской империи, подчинявшийся непосредственно Огенквару ГУГШ. Письмом № 1215 от 20 июля 1910 г. военный министр просил министра внутренних дел командировать состоящего при Нижегородском ГЖУ ротмистра Ерандакова в распоряжение начальника Главного штаба «для наблюдения за деятельностью иностранных военных атташе в Петрограде и для организации в этом городе борьбы с иностранным военным шпионством, для чего ротмистр Ерандаков был прикомандирован к Петроградскому губернскому жандармскому управлению»¹³⁸⁰. Высочайшим приказом от 15 июня 1913 г. Ерандаков был зачислен в запас по Донскому казачьему войску с переименованием в войсковые старшины и с оставлением при исполнении возложенных на него обязанностей по контрразведке. Вскоре он был вновь определен на действительную военную службу, затем, по собственному ходатайству № 629 от 7 апреля 1913 г., переведен из Отдельного корпуса жандармов и назначен состоять в распоряжении начальника Главного штаба, с зачислением по армейской кавалерии¹³⁸¹. В апреле

1914 г. возглавляемое им Петроградское городское КРО было переименовано в КРО ГУГШ.

В то время Ерандаков, помимо прочего, поддерживал тесные связи с руководством политического сыска. В июне 1913 г. директор Департамента полиции С.П. Белецкий отмечал: «Заведующий С[анкт]-Петербургским контрразведывательным бюро подполковник Ерандаков настолько умело и широко организовал в обслуживаемом им районе дело борьбы с военным шпионством, что при содействии своей агентуры располагает возможностью попутно добывать совершенно секретные документы, касающиеся международной политики. Документы этой последней категории от времени до времени доставляются подполковником Ерандаковым мне, для ознакомления, причем в представляемом при сем отдельном докладе изложено вкратце содержание целого ряда присланных в последний раз таких документов»¹³⁸². Было ли руководство военного ведомства в курсе подобного сотрудничества Ерандакова с политической полицией — неизвестно.

В июне 1915 г. полковник Ерандаков командировал в Бухарест зауряд-капитана (чин военного времени) КРО ГУГШ П.В. Смирнова с целой группой сотрудников. На Смирнова была возложена задача организации заграничного «розыскного пункта» контрразведки в Бухаресте, однако его непродолжительная работа там окончилась полным провалом. В октябре 1915 г., сразу после смены руководства и преобразования центрального аппарата контрразведки, Смирнова отозвали из Румынии. В.А. Ерандаков был освобожден от должности, а вместо упраздненного КРО ГУГШ создано Центральное военно-регистрационное бюро (ЦВРБ), выделенное из состава Особого делопроизводства Огенквара¹³⁸³. Назначенный начальником нового органа контрразведки подполковник князь В.Г. Туркистанов в своем докладе 29 октября сообщал, что ему пришлось отозвать Смирнова и бывших с ним служащих «по причине нецелесообразности, при сложившейся обстановке, оставления этого штата для работы в Бухаресте». «Создалось такое положение, — писал Туркистанов, — как мне кажется, в силу того, что капитан Смирнов был поставлен в совершенно ненормальную зависимость от рекомендованного ему полковником Ерандаковым секретного агента Жоржа Боцана, убеждение в искренности которого и преданности нашим интересам у полковника Ерандакова едва ли было не ошибочное»¹³⁸⁴.

¹³⁷⁸ Там же. Л. 1–2. Начальник Киевского ГЖУ — директору Департамента полиции. 20 сентября 1906 г. № 16457.

¹³⁷⁹ Там же.

¹³⁸⁰ Там же. Л. 3–4 об. Справка о В.А. Ерандакове.

¹³⁸¹ Там же. Л. 3–8.

¹³⁸² ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1913 г. Ед. хр. 300. Л. 144–144 об. С.П. Белецкий — неуказанному адресату. 21 июня 1913 г. № 101303.

¹³⁸³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 426. Л. 47–47 об.; см. также: Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 170–171.

¹³⁸⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 495. Л. 81–81 об. Туркистанов В.Г. Доклад по ЦВРБ. 29 октября 1915 г. № 7295.

Несмотря на полное отсутствие у Смирнова опыта работы за границей, Туркистанов признавал за ним определенные способности и возлагал главную ответственность за провал в Бухаресте на неудачный подбор членов группы. «Несомненно, капитан Смирнов не являлся лицом, подготовленным с технической стороны к заведыванию заграничным розыскным пунктом, но даже и те сведения, которые были им добыты, и притом в неблагоприятной служебной обстановке, свидетельствуют, что он обладает необходимыми качествами для этой работы и при более соответствующих помощниках сумел бы наладить и вести это дело»¹³⁸⁵. Говоря о составе группы, Туркистанов избегал прямых обвинений в адрес своего предшественника полковника Ерандакова, хотя именно тот отвечал за назначение чинов контрразведки для командировки в Румынию. Туркистанов докладывал: «Подбор служащих, командированных с капитаном Смирновым, едва ли можно назвать удачным. Часть из них, как Тарасевич и Гольмстрем, по своим служебным качествам, мало соответствовали столь серьезной командировке, а Ларетей и Гнутова все время находились в оппозиции капитану Смирнову, держась больше взглядов и планов Жоржа Боцана»¹³⁸⁶.

Сохранившиеся документы о личном составе КРО ГУГШ позволяют нам выяснить, кто же именно был включен Ерандаковым в состав группы, которая должна была создать бюро русской контрразведки в Бухаресте. Руководителем группы был избран зауряд-капитан 341-й Петроградской пешей дружины Петр Викторович Смирнов. В 1894 г. он был выпущен подпоручиком в 50-й Белостокский пехотный полк из юнкеров Павловского училища, в 1900 г. переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк, в 1902 г. зачислен в запас гвардейской пехоты, в 1913 г. уволен в отставку. До командировки начальство характеризовало его так: «По своему широкому умственному развитию, отличным способностям, вдумчивости представляется вполне желательным лицом для руководства агентурой в Румынии»¹³⁸⁷.

Также в состав группы вошел старший наблюдательный агент КРО Кир Иванович Тарасевич, 1887 г. рождения, из крестьян Минской губернии, прежде писарь старшего разряда Главного военно-судного управления. Тарасевич явно не принадлежал к числу лучших филеров контрразведки; к примеру, в декабре 1914 г. он был подвергнут взысканию и денежному штрафу за небрежное отношение к проверке личности одного бывшего германского подданного¹³⁸⁸. Остальные члены группы были женщинами. Анна Юрьевна Ларетей (лютеранка, из го-

рода Юрьева Лифляндской губернии, вдова, 40 лет) и Таисия Васильевна Гнутова (православная, «дочь торгового казака» из Новочеркасска, девица, 22 лет) занимали в канцелярии КРО штатную должность «фотограф и переписчица». Обе были давними сотрудницами подполковника В.А. Ерандакова. Ларетей работала на него еще в Нижнем Новгороде, где прожила большую часть жизни; на службе контрразведки она состояла с 1911 г. Она в совершенстве говорила на русском и немецком языках, знала также французский, владела машинописью и фотографией, была «знакома со всевозможными работами по нашей части», «неоднократно исполняла секретные поручения как внутри империи, так и за границей», бывала до войны в Бельгии и Швейцарии, после начала войны выполняла поручение в Стокгольме. Помимо прочего, Ларетей была хозяйкой одной из конспиративных квартир в Петрограде¹³⁸⁹. Донская казачка Таисия Гнутова работала в Петрограде домашней учительницей и состояла секретной сотрудницей Ерандакова с 1912 г. Она тоже владела фотографическим делом; перед командировкой ей был выдан чемодан с казенными фотоаппаратами¹³⁹⁰. Третьей женщиной в группе Смирнова, насколько позволяют судить именные списки сотрудников КРО ГУГШ, была переводчица отделения девица Лидия Александровна Гольмстрем, 52 лет, дочь действительного статского советника¹³⁹¹.

В этом, как и в других подобных случаях, документы не позволяют судить, была ли хоть какая-то служебная необходимость в командировании за границу женщин-сотрудниц, или же все объяснялось прозаическими личными мотивами командироваемых офицеров. Обращает на себя внимание низкая дисциплина среди подчиненных Смирнова. Как докладывал Туркистанов, входившие в состав группы Смирнова женщины — Гнутова и Ларетей — постоянно позволяли себе спорить со своим прямым начальником-офицером. Примечательно, что при отъезде в пределы России 6 сентября 1915 г. Гнутова была задержана румынскими пограничными властями и обыскана; князь Туркистанов был убежден, что это могло произойти только по наводке Боцана. По возвращении из Бухареста все члены группы обратились к Туркистанову с жалобами и доносами на своего непосредственного начальника капитана Смирнова, однако изложенные ими факты не подтвердились. Все это красноречиво характеризует уровень дисциплины и порядка в «Бухарестском отделении» контрразведки ГУГШ.

С самого момента прибытия в Бухарест работа группы Смирнова привлекала к себе повышенное внимание представителей других ор-

¹³⁸⁵ Там же.¹³⁸⁶ Там же.¹³⁸⁷ Там же. Ед. хр. 356. Л. 14–15.¹³⁸⁸ Там же. Ед. хр. 23. Л. 25–26, 37–37 об., 56 об.¹³⁸⁹ Там же. Оп. 14. Ед. хр. 50. Л. 1–20 об. Личное дело А.Ю. Ларетей.¹³⁹⁰ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 33. Л. 1–11. Личное дело Т.В. Гнутовой.¹³⁹¹ Там же. Ед. хр. 23. Л. 59.

ганов русской военной разведки, а также румынских и неприятельских секретных служб. Ни о какой конспирации в таких условиях не могло быть и речи. Документы, сохранившиеся в делах русской контрразведки, позволяють судить о том, как выглядела со стороны работа в Бухаресте группы сотрудников КРО ГУТШ.

Смирнов, имевший документы на имя негоцианта Петра Савицкого, прибыл в Румынию через Унгены 21 июня 1915 г. Сопровождали его спутник по имени Федор Штрейс и две женщины, по документам — Матильда Росс и Таиса Гвиди. Смирнов-Савицкий поселился в Бухаресте по адресу улица Диенисия, 22. Его спутницы заняли квартиру по адресу улица Тудор Владимиреску, 24¹³⁹². Одна из этих квартир, по отчетным денежным документам контрразведки, считалась конспиративной, но, судя по всему, таковой она не являлась, раз ее адрес был хорошо известен заинтересованным лицам. В полном соответствии с нравами бухарестского общества, Таиса Гвиди (предположительно, Таисия Гнутова) вступила в связь с неким Якобеску, сыном чиновника архива Верховного суда, работавшим в магазине восточных ковров Джабурова и бывшим, по совместительству, агентом бюро Вернера¹³⁹³. Знающие люди отзывались о нем как о «пьянице и гуляке, известном во всех ночных ресторанах и кафе»; к тому же он подозревался в провозе контрабанды из Австро-Венгрии и Германии через пограничную станцию Предья¹³⁹⁴. Гвиди рассказала Якобеску, что ее начальник Савицкий является полковником Минского полка (или гарнизона города Минска) и что она работает для него по шпионажу. Впрочем, подобные странные сведения не могли сбить с толку шефа сигуранцы Панаитеску, который был сильно заинтересован группой Петра Савицкого. Он полагал — и совершенно верно, отдадим должное его осведомленности, — что Савицкий был агентом полковника Ерандакова из петроградской контрразведки¹³⁹⁵.

Как следует из итогового отчета капитана Смирнова, его основными агентами в Бухаресте стали Георгий Боцан, Доди Григореску, Николае Вэрворяну, Игнациу Банди, Иоганн Орел¹³⁹⁶. Это означает, что на службе у Смирнова оказались все агенты авантюриста Каменского, связанные с немцами. Однако эмиссар полковника Ерандакова не знал об этом, да и не мог знать, поскольку важнейшее в разведке и контрразведке дело регистрации и учета сотрудников и иных лиц было поставлено из рук вон плохо, как и вообще обмен сведениями между различными ведомствами и органами секретных служб Российской

империи. Кроме того, Смирновым был привлечен к сотрудничеству некто Василиу, агент сигуранцы, работавший по «Гранд-Отелю». Он дал Смирнову ряд полезных сведений, но по какой-то причине ему так и не было уплачено жалованье за все время его работы. В итоге его связь со Смирновым и факты передачи ему писем вскрылись; он был уволен из полиции и предан суду¹³⁹⁷.

По данным других представителей русской разведки, сотрудник Смирнова Иоганн Орел (он же Хохберг), чех по национальности, хорошо владевший русским языком, был австрийским офицером. Получив ранение на Восточном фронте, он продолжал лечение в Бухаресте и попутно занимался шпионажем в пользу Австрии. Орел предлагал свои услуги полковнику Семёнову, но получил отказ как лицо явно подозрительное. Однако петроградские контрразведчики оказались менее разборчивы. От Смирнова Орел получил 500 франков, но вскоре отказался продолжать с ним сотрудничать, так как ему не было уплачено за выданного им австрийского агента Абрамовича. Орел и две певички, находившиеся с ним в связи, поддерживали сношения с жившим в Бухаресте неким Антоном Аласоном (Алассани), который в июле 1915 г. был выслан из Румынии после того, как начал в пьяном виде хвастаться, что он германский морской офицер. Некоторое время спустя он снова появился в румынской столице и встречался с Орелом; были сведения, что за него активно хлопотал германский посланник¹³⁹⁸. Как видно, и неприятельские секретные службы на Балканах не были свободны от проявлений непрофессионализма и распушенности отдельных сотрудников.

Вражеским агентом, выданным Орелом, оказался русский подданный Иосиф-Нафтул Дувидов Абрамович, 28–30 лет, бывший хлебный экспортер, агент конторы «Шиммельпфениг» в Измаиле¹³⁹⁹. Полковник Семёнов позже отзывался о нем как об «одном из самых опасных австро-германских шпионов, работающих в Бухаресте против России»¹⁴⁰⁰. «Абрамовичу удалось в самое короткое время создать в Бухаресте такую шпионскую организацию против России, какой не удавалось пока ни одному из других германских агентов», — докладывал русский военный агент¹⁴⁰¹. Румынская сигуранца также знала, что Абрамович сообщал австрийцам данные о русских войсках в Бессарабии¹⁴⁰².

¹³⁹⁷ Там же.

¹³⁹⁸ Там же. Л. 132, 134.

¹³⁹⁹ Там же. Оп. 15. Ед. хр. 683. Л. 112.

¹⁴⁰⁰ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 514. Л. 154–161. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 3 апреля 1916 г. № 25.

¹⁴⁰¹ Там же.

¹⁴⁰² Spănu A. Serviciul de informații al României în Războiul de Întregire Națională (1916–1920). București, 2012. P. 56.

¹³⁹² Там же. Ед. хр. 990. Л. 32 об., 35.

¹³⁹³ Там же. Л. 164.

¹³⁹⁴ Там же. Л. 176–176 об.

¹³⁹⁵ Там же. Л. 164.

¹³⁹⁶ Там же. Ед. хр. 495. Л. 86–87.

Семёнов поднимал перед румынскими властями вопрос о высылке Абрамовича из страны, однако тот избежал этой угрозы путем подкупа полиции взяткой в 1000 франков. Путем длительного наблюдения и применения секретных агентов Семёнову удалось выяснить методы работы Абрамовича. Тот писал свою корреспонденцию раствором сульфата хинина на светочувствительной бумаге. Каждые две или три недели к нему прибывал курьер из России, который всякий раз увозил с собой 20–25 тыс. руб. Через других курьеров Абрамович передавал свои донесения в германскую миссию¹⁴⁰³.

В делах ЦВРБ имелись сведения, что контрразведка штаба Одесского военного округа еще с 1912 г. подозревала Абрамовича в шпионаже¹⁴⁰⁴. По другим данным, летом 1915 г. Абрамович занимался контрабандным ввозом в Россию опиума¹⁴⁰⁵. Называвшая себя его невестой болгарка Елена Матеева, как было установлено русской разведкой, регулярно встречалась с полковником фон Рандой в бюро австрийского шпионажа на улице Комета¹⁴⁰⁶. Любопытно, что Абрамович был знаком с подполковником В.М. Якубовым; в феврале 1916 г. он жаловался ему в письме, что стал жертвой клеветников и шантажистов. По словам Абрамовича, в августе 1915 г. он был завербован русскими жандармскими офицерами Квинтовским и Мандражи, которые, в обмен на обещание сотрудничать, помогли ему ввезти в Россию контрабандную партию брусничного листа (так называемый «кавказский чай», иначе «кавказская брусника»). Затем Абрамовича начал шантажировать пресловутый Каменский, который требовал 1000 руб. на «русские организации», угрожая виселицей в России в случае отказа¹⁴⁰⁷.

Осенью 1916 г., уже после вступления Румынии в войну, Абрамович как опасный вражеский шпион был арестован румынскими властями по запросу русского командования. После эвакуации Бухареста русская сторона добивалась, чтобы Абрамович был выдан ей. Однако румынская сигуранца сообщила, что 31 декабря 1916 г. поезд, на котором Абрамовича конвоировали в город Дорохой, потерпел крушение у станции Чуря, причем сам арестованный пропал, а трупы погибших так обуглились, что неясно было, оказался ли он в их числе или нет. Русский военный агент в Румынии вскоре получил сведения, что Абрамович жив, и это позволяло сделать заключение о прямой причастности сигуранцы к его исчезновению¹⁴⁰⁸.

¹⁴⁰³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 514. Л. 154–161. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 3 апреля 1916 г. № 25.

¹⁴⁰⁴ Там же. Л. 165 об.

¹⁴⁰⁵ Там же. Ед. хр. 495. Л. 104–104 об.

¹⁴⁰⁶ Там же. Л. 94–95 об.

¹⁴⁰⁷ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 454. Л. 90–95 об.

¹⁴⁰⁸ Заславский Д. Румынская сигуранца // Красный архив. 1933. Т. 2 (57). С. 40–41.

Однако самым заметным из сотрудников Смирнова, безусловно, был упомянутый выше румынский подданный инженер Георгий (Жорж) Петров Боцан (Ботцан, Боцану). Даже в самые бурные времена немногие могли похвастаться такой богатой уголовно-шпионской биографией, какую имел этот человек. В апреле 1916 г. отозванный из Румынии военный агент полковник Семёнов отмечал в своем докладе, что Боцан был «опаснейшим германским шпионом»¹⁴⁰⁹. Некогда он учился в Московском сельскохозяйственном институте (ныне Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева); по сведениям румынской сигуранцы, принадлежал к партии социалистов-революционеров и обвинялся в России в вооруженной экспроприации. Когда позже (в сентябре 1915 г. — слишком поздно!) были подняты дела Департамента полиции, выяснилось, что русскому уголовному сыску Боцан был «известен за человека, прошедшего полжизни в тюрьме» и что «крайне неблагоприятные сведения» о нем имелись уже с 1904–1905 гг.¹⁴¹⁰ В то время Боцан арендовал имение у одного помещика Тульской губернии, в котором устроил притон для скрывавшихся политических и уголовных преступников. В имении случился пожар, и Боцан восемь месяцев провел в тюрьме по обвинению в поджоге. Затем в Москве, Туле, Орле и Харькове этот дипломированный инженер занимался шантажом, кражами, подделкой документов, сбытом резаной бумаги под видом фальшивых кредиток, доставкой оружия на Кавказ и прочими аферами; проживал он под чужими именами и имел сношения с революционерами¹⁴¹¹. Последние, однако, считали, что «Боцан не политик, а аферист», а шайка его соратников — «обычные каторжные типы»¹⁴¹². По собственным словам Боцана, он был в близких отношениях с анархистом-коммунистом Дмитрием Прокудиным, членом группы «Черный ворон»¹⁴¹³. Огенквар получил даже сведения, что за участие в «экспроприациях», т.е. вооруженных грабежах, в России Боцан был приговорен к смертной казни¹⁴¹⁴. Кроме всего прочего, Боцан организовал изготовление фальшивых денег оригинальным способом — подлинные купюры смачивались особыми химикатами, затем с них делались оттиски на бумаге¹⁴¹⁵. В июне 1909 г. за новые аферы он был арестован в Ялте, бежал из-под стражи, вновь был арестован в имении Массандра. В январе 1910 г. Боцан сидел в Симфе-

¹⁴⁰⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 514. Л. 111–136. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 18 апреля 1916 г. № 34.

¹⁴¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1909 г. Ед. хр. 57. Л. 45–46 об.

¹⁴¹¹ Там же. Л. 3–4.

¹⁴¹² Там же. Л. 1.

¹⁴¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 557. Л. 7–7 об.

¹⁴¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁴¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1909 г. Ед. хр. 57. Л. 13–14 об.

ропольской губернской тюрьме, однако ему ничего не стоило симулировать душевную болезнь и бежать из лечебницы¹⁴¹⁶. Вскоре затем он объявился в Румынии.

Несмотря на свое «блестящее» прошлое, после начала мировой войны Боцан был рекомендован полковнику Б.А. Семёнову письмом делопроизводителя Особого делопроизводства ГУТШ Генштаба полковника Н.К. Раша (!), переданным через князя П.В. Долгорукова, двоюродного брата Боцана. Целых семь месяцев Боцан проработал у Семёнова по разведке в Австро-Венгрии, пока тот в мае 1915 г. не поймал и уличил его в связях с известным германским шпионом доктором Мариусом (иначе Марианом) фон Линде, бывшим владельцем фирмы «Блау Газ»¹⁴¹⁷, а также в сотрудничестве со шпионским бюро Альберта Вернера. Русский военный агент перехватил собственноручное письмо Боцана в австрийскую миссию с предложением услуг по шпионажу против России¹⁴¹⁸. Отношения Семёнова с Боцаном, попытавшимся шантажировать его, были прерваны, однако, как оказалось, шпионская карьера инженера-экспроприатора только начиналась.

Уже тогда Боцан активно сотрудничал с румынской сигуранцей. В феврале 1915 г. военная цензура при Жандармском управлении Одессы вскрыла письмо от Боцана из Браилова на имя Петра Долгорукова в Петроград. В этом письме Боцан писал, что он часто видится с «Полковником» (т.е. Семёновым) и в настоящее время работает над поимкой транспорта прокламаций на польском языке, которые немцы через Румынию завозили в Россию. Далее беглый инженер писал: «Я поссорился с Панаитеско, потому что через меня он поймал два австрийских офицера, которые хотели перевозить через Рум[ынию] мины в Болгарию, чтобы взорвать русский транспорт на Дунае для Сербии; при их задержании нашли у них мины и динамит, после того как их продержали три дня, они были освобождены, вследствие старания немецкого посланника, который начал уже приказывать нашим министрам и которые исполняют все желания»¹⁴¹⁹.

Позднее русские секретные службы установили, что за время сотрудничества с нашим военным агентом Боцан успел принести ре-

альный ущерб русским интересам, получив доступ к переписке Семёнова. Хотя тот всегда докладывал начальству, что его служебные документы хранились им в полной и неприкосновенной безопасности, Боцан сумел подкупить румына Марку, лакея Семёнова, который похищал и передавал немцам зашифрованные депеши русского военного агента. Впоследствии Марку был арестован румынскими властями¹⁴²⁰. По данным русской разведки, именно Боцан инсценировал для Семёнова кражу из поезда 10 пудов листовок у германского агента Вернера. В действительности эти листовки были напечатаны Вернером в Румынии, а не ввезены из Германии¹⁴²¹.

Упомянутый Марку (иначе Марки), судя по всему, также был незаурядным авантюристом, широко пользовавшимся беспечностью и слабой осведомленностью представителей русской разведки. 27 марта 1916 г. подполковник Якубов докладывал: «По полученным мною из заграничного агентурного источника сведениям, служащий у представителя телеграфного агентства “Nord-Sud” в Бухаресте, Наимского, некий Джузеппе Де-Марки, служивший ранее курьером у бывшего нашего военного агента в Бухаресте, полковника Семёнова, — предложил агенту германского шпионажа, Калиману Пападопуло доставлять ему телеграммы из агентства “Nord-Sud” за 5000 лей в месяц. Пападопуло согласился, но потребовал доставлять еще зашифрованные телеграммы и ключ к ним»¹⁴²².

Также с немислимим запозданием русские секретные службы выяснили личность того человека, при посредничестве которого Боцан был привлечен к работе на русскую разведку. Это был князь Петр Владимирович Долгоруков, 45 лет (в 1915 г.), потомственный дворянин Тульской губернии, бывший помощник пристава города Тулы, привлеченный в октябре 1909 г. к уголовной ответственности за растрату вверенных ему вещественных доказательств из ценных золотых и серебряных изделий. При участии своей любовницы, бывшей содержательницы публичного дома Татьяны Алифановой, он распродал ценности и затем бежал в Бухарест, тайно перейдя румынскую границу. Затем Долгоруков жил в Париже, работал фельетонистом, вращался в кругах русской революционной эмиграции¹⁴²³. Вернувшись в Россию, в 1910 г. он был задержан в Туле, однако судебное дело против него было прекращено по высочайшему указу 23 февраля 1913 г.¹⁴²⁴ В том же году

¹⁴¹⁶ Там же. Л. 17–17 об., 27, 38–38 об.

¹⁴¹⁷ По данным контрразведки штаба Юго-Западного фронта, доктор Мариан фон Линде, австрийский артиллерийский офицер из Кракова, состоял директором бухарестского филиала некоей псевдокоммерческой компании «Виктория» в трансильванском Араде. Главой последней был Савва Райку, отставной офицер полиции Вены, румын по происхождению (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 39. Брошюра об организации шпионажа в Австрии против России. С. 28).

¹⁴¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 557. Л. 5–5 об. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 18 сентября 1915 г. № 755.

¹⁴¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 300. Л. 19–20 об.

¹⁴²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 557. Л. 32–32 об.

¹⁴²¹ Там же. Л. 17.

¹⁴²² Там же. Ед. хр. 438. Л. 95–95 об. Якубов В.М. Доклад штаба Одесского военного округа. 27 марта 1916 г. № 3077.

¹⁴²³ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1910 г. Ед. хр. 348. Л. 1, 36–37 об., 47–48.

¹⁴²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 8159. Л. 47–48. Справка Департамента полиции о князе П.В. Долгоруком. 23 июля 1915 г.

Долгоруков в Санкт-Петербурге предлагал свои услуги по контрразведке, получил закономерно неблагоприятный отзыв Департамента полиции... и все же оказался в 1913 г. на службе в КРО ГУГШ, в непосредственном соприкосновении с чинами Особого делопроизводства, «святая святых» русской военной разведки, которую Н.А. Монкевиц некогда пытался окутать завесой непроницаемой секретности! Летом 1915 г. Долгоруков находился в Бухаресте, называя себя чиновником Департамента полиции и в то же время, по данным департамента, работая на русскую контрразведку и австрийскую разведку. Вместе с ним тем же самым занимались его кузены — братья Жорж и Павел Боцан. Последний был сотрудником влиятельной газеты «Адевърул» и главным редактором субсидируемого германцами бухарестского журнала «Минерва»¹⁴²⁵. На службе в русской контрразведке Долгоруков оставался до августа 1915 г., т.е. до момента преобразования КРО ГУГШ в ЦВРБ и смены его руководства; все это время он числился чиновником для поручений, с жалованьем 150 руб. в месяц¹⁴²⁶. Его службе в контрразведке даже не помешал вопиющий случай — 29 июня 1915 г. на станции Киев Долгоруков оставил чемодан с документами «исключительной секретности», который был затем украден ратником 133-й Курской пешей дружины Кузьмой Гребенюком. Вор был задержан полицией две недели спустя, а Долгоруков отделался всего лишь уменьшением жалованья наполовину, сроком на два месяца. Покинув службу в контрразведке в августе 1915 г., Долгоруков даже получил от нового главы ЦВРБ князя В.Г. Туркистанова материальную помощь в размере 100 руб. на дорогу¹⁴²⁷.

Поступив на службу к капитану Смирнову-Савицкому, инженер Боцан сумел стать его доверенным лицом и главным агентом, фактически руководившим всей деятельностью бухарестской группы КРО ГУГШ. Сам Смирнов даже не подозревал, что Боцан прежде состоял на службе у полковника Семёнова и был изгнан им за предательство и шантаж. Об измене Боцана и прекращении своих контактов с ним Семёнов своевременно доложил в Генштаб, однако командировка группы Смирнова была осуществлена втайне от военного агента, и последний лишь с запозданием узнал, что Смирнов-Савицкий принял Боцана к себе на службу. Также Боцан ввел в доверие к Савицкому некоего Хачатура Москофьяна, бывшего священника армянской церкви в Бухаресте, авантюриста с отчаянной репутацией, работавшего на немцев. В сентябре 1915 г. Семёнов с горечью докладывал генералу Леонтьеву: «К сожалению, несмотря на мои предупреждения о

Боцане, бывший в Бухаресте тайно от меня жандармский ротмистр¹⁴²⁸ пользовался его услугами. Вся организация Савицкого выдана немцам, и Савицкий про это узнал слишком поздно. Подобные случаи будут повторяться, благодаря необъединенности нашей секретной организации»¹⁴²⁹. Между прочим, Смирнову было известно, что Боцан получает деньги от германцев, однако этот матерый авантюрист убедил своего начальника в том, что он нарочно продолжает сношения с немцами, в интересах русской разведки.

В условиях мировой войны инженер Жорж Боцан и ему подобные типы чувствовали себя как рыба в воде и всюду занимались привычными авантюрами. В сентябре 1915 г. Семёнов докладывал Леонтьеву, что, по личному сообщению Панаитеску, Боцан был помощником Вернера. Румынская сигуранца собиралась привлечь Боцана к ответственности за то, что он попытался скомпрометировать с целью шантажа некоего румынского майора Жреанга. Для этого он устроил целый спектакль с переодеванием в офицерскую форму и гримированием своего товарища, которого он свел затем с германскими агентами¹⁴³⁰.

После вступления Румынии в войну и занятия немецкими войсками Валахии Боцан остался в Бухаресте и был принят на службу переводчиком в штаб 11-й баварской дивизии. Получив, по всей видимости, разведывательное задание от немцев, в декабре 1916 г. он перешел линию фронта и был взят в плен русскими у местечка Визиру. Впрочем, сам Боцан заявил, что стал добровольным перебежчиком, и ему была предоставлена свобода. Сам шеф сигуранцы заступался за Боцана, уверяя, что ему удалось бежать из оккупированного Бухареста, однако русское командование было не склонно в это верить¹⁴³¹. 3 января 1917 г. он явился в Яссы и предложил штабу Румынского фронта услуги разведывательного характера¹⁴³². Военный агент в Румынии В.А. Палицын установил за ним наблюдение, предполагая, что Боцан искал случая вернуться к немцам. Штаб фронта запросил Генштаб, когда и при каких обстоятельствах Боцан начал сотрудничать с Особым делопроизводством ГУГШ. Ответ из Петрограда сообщал: «Рауль Жорж Боцан — бывший агент нашей контрразведки в Бухаресте, провалившийся всю нашу организацию. Особенно опасен близостью к тайной полиции в Бухаресте»¹⁴³³. Естественно, сотрудничать с Боцаном русская

¹⁴²⁸ Т.е. зауряд-капитан Смирнов; его чин соответствовал чину жандармского ротмистра, а большинство офицеров контрразведки числились именно по ОКЖ.

¹⁴²⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 557. Л. 5–5 об. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 18 сентября 1915 г. № 755.

¹⁴³⁰ Там же.

¹⁴³¹ Там же. Ед. хр. 1697. Л. 12 об.

¹⁴³² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1180. Л. 36–43.

¹⁴³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 557. Л. 14.

¹⁴²⁵ Там же.

¹⁴²⁶ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 577. Л. 5.

¹⁴²⁷ Там же. Ед. хр. 23. Л. 65–65 об., 88–90, 92–92 об., 94–97 об.

разведка больше не стала, однако покарать неприятельского агента ей также не удалось. Совсем немного времени спустя, в марте 1917 г., Боцан уже состоял переводчиком у претора (начальника судебной части) румынской Главной квартиры полковника Стеря. Контрразведка русского штаба Румынского фронта начала переписку с союзниками, настойчиво требуя ареста Боцана. Румынская сторона отвечала, что все обвинения против инженера Георгия-Рауля Боцана неосновательны, а в поведении его не было ничего предосудительного. Более того, еще до вступления в войну Боцан состоял на службе в Управлении охраны государства (т.е. в сигуранце), где и остался после мобилизации. Это должно было открыть русской контрразведке глаза на многое, однако штаб Румынского фронта повторно просил румын изолировать Боцана, обращая особое внимание на его уголовное прошлое в России и службу у немцев. Ответом вновь был оскорбительный отказ; впрочем, румынские союзники пообещали, что Боцан не будет иметь доступа к секретным оперативным документам¹⁴³⁴. По всей видимости, этот человек давно был сотрудником сигуранцы и уже в этом качестве предлагал свои услуги немецкой и русской разведкам.

Летом 1917 г. Боцан вновь привлек внимание русских секретных служб. На сей раз он оказался не где-нибудь, а в самом Петрограде. После революционного разгрома русской контрразведки риск для него в столице «освобожденной» России был невелик. В Петроград Боцан прибыл в качестве переводчика румынской судебной комиссии, направленной для приема уголовного преступника Филотти, совершившего в Румынии хищение крупной суммы денег¹⁴³⁵.

26 июня на петроградской улице Боцана случайно встретил и узнал капитан контрразведки Смирнов. Боцан также узнал своего бывшего начальника в Бухаресте, поздоровался и сообщил, что на следующий день он уезжает в Киев следить за одним человеком¹⁴³⁶. Нельзя не удивиться той дерзкой наглости, с которой этот матерый уголовник и шпион действовал на русской территории. Штаб Петроградского военного округа вновь связался с румынскими властями, которые на сей раз признали, что Боцан кажется им подозрительным, и обещали за-

держать его на границе¹⁴³⁷. После этого эпизода следы деятельности инженера Боцана теряются в документах секретных служб старой России. Однако думается, что человека его способностей впереди ждало еще много приключений и трудов на ниве международного шпионажа и тайного сыска.

К началу ноября 1915 г. зауряд-капитан Смирнов-Савицкий и его сотрудники, полностью провалившие свою миссию, ставшие игрушками в руках противника и начавшие грызться между собою, уже покинули Румынию. Помимо прочего, их напрасная командировка обошлась казне в немалую сумму денег. Так, общие расходы за октябрь 1915 г. на «бывший Бухарестский пункт» достигли 3887 руб. 41 коп.¹⁴³⁸, что составило четвертую часть всех расходов центрального органа военной контрразведки Российской империи за этот месяц¹⁴³⁹. На секретную агентуру Смирнов потратил в общей сложности 905 руб. 21 коп. Как ни прискорбно, все эти деньги достались вражеским шпионам и проходимцам: Банди получил 347 руб. 62 коп., Рауль (т.е. Боцан) — 414 руб. 74 коп., Орел — 142 руб. 85 коп.¹⁴⁴⁰ Лишь в декабре 1915 г. была закрыта заведенная для группы Смирнова и оказавшаяся совершенно ненужной конспиративная квартира в Кишинёве, которую содержала Н.А. Васильева¹⁴⁴¹.

Постыдная неудача группы Смирнова означала полный провал попытки русской контрразведки организовать работу в Румынии в условиях войны. По времени с этим практически совпала смена руководства головного органа военной контрразведки, переименованного в августе 1915 г. в Центральное военно-регистрационное бюро. В начале сентября 1915 г. полковник Ерандаков был освобожден от обязанностей начальника КРО ГУГШ. Как отмечала служебная справка, это было вызвано «не вполне удовлетворительной постановкою им специальной отрасли вверенной названному штаб-офицеру контрразведывательной службы, что с особою рельефностью сказалось во время настоящей войны, когда работа означенного контрразведывательного отделения за двенадцать месяцев не дала достаточно осязательных результатов. Малая продуктивность деятельности названного штаб-офицера неоднократно отмечалась начальством Отдельного корпуса жандармов и не удовлетворяла также штаб Верховного главнокомандующего, что, в связи с другими данными, и поставило на очередь

¹⁴³⁴ Там же. Л. 32–35.

¹⁴³⁵ Виктор Филотти, бывший кавалерийский офицер и бывший депутат, был председателем Биржевого комитета Бухареста и во время германского наступления на столицу Румынии бежал в Россию, присвоив себе 6 млн казенных денег. 9 марта 1917 г. он был случайно встречен на улице Петрограда и опознан одним румыном. В результате операции русской контрразведки Филотти, живший под именем греческого подданного Спиридона Флоратоса и заготовивший полный комплект поддельных документов, был арестован 4 апреля, полностью уличен и выдан румынской стороне (Там же. Ед. хр. 1989. Л. 1–16).

¹⁴³⁶ Там же. Ед. хр. 557. Л. 23–23 об.

¹⁴³⁷ Там же. Л. 19–20.

¹⁴³⁸ Там же. Л. 35–35 об.

¹⁴³⁹ Там же. Л. 20.

¹⁴⁴⁰ Там же. Л. 18–19 об.

¹⁴⁴¹ Там же.

вопрос о замене полковника Ерандакова другим лицом»¹⁴⁴². По сути, руководство признало факт полного развала центрального органа военной контрразведки под управлением Ерандакова. Что ж, в то время военное ведомство России, по крайней мере, еще могло по достоинству оценивать результаты работы своей контрразведки и принимать соответствующие кадровые меры. В 1916 г. Ерандаков получил назначение в 10-й Донской казачий генерала Луковкина полк и отбыл в действующую армию¹⁴⁴³. Любопытно, что за неудовлетворительную работу в 1915 г. глава контрразведки Ерандаков был смещен, а вот провалившийся миссию в Бухаресте П.В. Смирнов, как следует из отчетных денежных документов, и в 1916 г. продолжал свою службу в ЦВРБ в Петрограде¹⁴⁴⁴.

Военная контрразведка России ведет официальный отчет своей ведомственной истории с 1903 г., однако только к началу Первой мировой войны эта служба приобрела относительно сложившуюся структуру, состоявшую из центрального и местных органов. Институционально контрразведывательная служба была намного моложе разведки военного ведомства, а в кадровом и материальном отношении — существенно слабее и беднее. Тем не менее центральный орган контрразведки летом 1915 г. предпринял достаточно амбициозную попытку впервые развернуть деятельность постоянного бюро за пределами России, в Румынии. То, что это предприятие провалилось, само по себе не может служить приговором военной контрразведке империи. Однако изложенные случаи свободного и легкого проникновения авантюристов и уголовных преступников непосредственно в центральный аппарат военной контрразведки должны быть признаны вопиющими. Призванием этой службы было обеспечение безопасности вооруженных сил государства и самых устоев его жизни, а она сама даже не имела иммунитета против проникновения враждебной заразы в самое сердце ее организма. Естественно, такая контрразведка не могла уберечь империю Романовых от крушения, и не приходится удивляться, что вскоре на смену ей пришла новая служба государственной безопасности — гораздо более жесткая и эффективная.

¹⁴⁴² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Ед. хр. 1307. Л. 12–12 об. М.А. Беляев — С.П. Белецкому. 5 ноября 1915 г. № 2879.

¹⁴⁴³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 23. Л. 110.

¹⁴⁴⁴ Там же. Ед. хр. 577. Л. 141, 183, 201, 219, 236, 253, 271, 289.

Глава 19

«ГОЛУБЫЕ МУНДИРЫ» И ИХ АГЕНТЫ: БЕССАРАБСКИЕ ЖАНДАРМЫ

После начала мировой войны свою работу на территории Румынии продолжали и органы политической полиции Российской империи. Самостоятельную и немаловажную роль на этом направлении играл начальник жандармского пограничного пункта в Унгенах на русско-румынской границе ротмистр ОКЖ Владимир Юрьевич Мандражи. Официально его должность именовалась «помощник начальника Бессарабского отделения Одесского жандармского полицейского управления железных дорог на пограничном пункте в м. Унгены». Через станции Унгены Русские и Унгены Румынские, расположенные на противоположных берегах пограничной реки Прут, проходила единственная линия железной дороги, напрямую связывавшая Россию и Румынию. Все путешественники, пересекавшие границу на поезде, ехали через Унгены, и это делало ротмистра Мандражи весьма осведомленным и потому довольно влиятельным человеком в сфере разведки и контрразведки на румынском направлении.

Служебное местоположение Мандражи было весьма удобным для сбора сведений о сопредельном государстве, однако имевшиеся у него силы и средства были весьма ограничены и явно недостаточны для ведения глубокой разведки в Румынии. Весной 1915 г. у Мандражи было два агента — «Пограничный» и «Михаил». Ранее его агентом в Пределе на румынско-венгерской границе был некто Феликс Чернецкий, который к маю 1915 г. переехал в Унгены, где у него начались конкуренция и взаимное недоброжелательство с «Пограничным». Также на службе у Мандражи состояли два филера: один, Попович, был обучен им самим; другой ранее служил при Киевском ГЖУ¹⁴⁴⁵. В дальнейшем Мандражи предпринимал попытки приобрести новых агентов. К примеру, в начале июня 1915 г. к нему обратился чиновник румынского почтового вагона Дмитрий Димитреску, предложивший услуги по разоблачению шпионской деятельности разных лиц, в первую очередь, русских евреев, посещающих Бухарест и Яссы. Димитреску был принят на службу под

¹⁴⁴⁵ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 454. Л. 5–8 об. В.Ю. Мандражи — В.М. Якубову. 22 мая 1915 г. Б.н.

псевдонимом «Дмитриев», ему было выдано вознаграждение в 25 руб. Знакомство Мандражи с ним устроил почтальон Унгенской почтовой конторы Борицкий, сестра которого была замужем за румынским почтовым чиновником у австрийской границы. Этот Борицкий оказывал Мандражи услуги по разведке в Румынии¹⁴⁴⁶.

Штаб 7-й армии, по крайней мере, с сентября по декабрь 1915 г. выделял Мандражи 200 руб. в месяц на разведку¹⁴⁴⁷. Ресурсов у Мандражи было немного, однако он имел широкие возможности для наблюдения и вмешательства в работу различных органов русской разведки и контрразведки на румынской территории.

Как следует из документов, свои донесения по разведке и контрразведке в Румынии Мандражи адресовал в Одессу, начальнику КРО окружного штаба (затем 7-й армии), уже известному нам подполковнику В.М. Якубову. По собственным словам Мандражи, он активно сотрудничал и со штабс-капитаном Б.А. Юрьевым в деле вербовки и поддержания связи с некоторыми агентами¹⁴⁴⁸. В октябре 1915 г. Юрьев рекомендовал Мандражи вновь назначенного в Унгены румынского инспектора полиции 1-го класса Дашкевича, якобы всецело симпатизирующего России¹⁴⁴⁹. Тот явился к Мандражи с рекомендательным письмом и предложил свои услуги в деле выявления и задержания неприятельских шпионов. Однако уже через три недели русский жандарм пришел к выводу, что Дашкевич был ненадежным лицом и очень интересовался русскими агентами, выезжающими за границу¹⁴⁵⁰.

Помимо взаимодействия с военной разведкой в лице Юрьева и военной контрразведкой в лице Якубова, Мандражи пытался наладить взаимодействие с вице-консулом в Яссах Ю.Г. Удинцовым. В декабре 1915 г. жандармский ротмистр писал: «Новый вице-консул Удинцов очень симпатичный господин и желает принять участие в работе. По моему поручению он осматривал австрийское и германское консульства в Яссах с целью установления за ними наблюдения, но места их избраны так удачно, что осуществить наблюдение не представляется возможным, единственно, что возможно, это осуществлять наблюдение посредством извозчиков-скопцов (больших патриотов), привлечь к работе и условиться с ними взял на себя Удинцов. Помимо сего

¹⁴⁴⁶ Там же. Л. 14–15 об. В.Ю. Мандражи — В.М. Якубову. 8 июня 1915 г. № 7.

¹⁴⁴⁷ Там же. Ед. хр. 431. Л. 19–21 об. Смета штаба 7-й армии по расходам на разведку с 15 сентября 1915 г.

¹⁴⁴⁸ Там же. Ед. хр. 454. Л. 42–44 об. В.Ю. Мандражи — В.М. Якубову. 12 сентября 1915 г. Б.н.

¹⁴⁴⁹ Там же. Л. 58–59 об. Б.А. Юрьев — В.Ю. Мандражи. 2 октября 1915 г. Б.н.

¹⁴⁵⁰ Там же. Л. 54–57 об. В.Ю. Мандражи — В.М. Якубову. 4 октября 1915 г. Б.н.; Там же. Л. 70–70 об. В.Ю. Мандражи — В.М. Якубову. 22 октября 1915 г. Б.н.

он предлагает принять нашего человека на должность третьего курьера, так как имеется штат, желательно знающего румынский язык»¹⁴⁵¹.

Зато военного агента в Бухаресте полковника Семёнова жандармский ротмистр воспринимал как своего соперника и, сколь ни дико звучит, докладывал о своих попытках мешать ему, путем перебивания цены на услуги агентов в приграничной полосе. Мандражи писал Якубову в Одессу: «Помимо сего мне стало известно, что наш военный агент в Румынии полковник Семёнов, испытав неудачу на поприще разведки, имеет намерение заняться контрразведкой, для чего хочет насадить агентуру и в Унгенах. За каждую голову предполагает платить 100 руб. Его агенту-организатору, некоему Каминеру (т.е. Каминскому. — В.К.), я предложил за голову 500 рублей и получил обещание первую голову дать мне. Что касается Семёнова, то я уверен, что это ему известно не будет и он будет ограничен лишь посылкой всевозможных сенсационных телеграмм, чем удовлетворится»¹⁴⁵².

В целом, изучение разведывательных донесений Мандражи показывает, что большинство из них основывалось на сведениях, полученных от контрабандистов, и содержало преимущественно всякий незначительный вздор.

Помимо ротмистра Мандражи, в годы мировой войны на территории Румынии продолжала действовать агентура Бессарабского губернского жандармского управления, во главе которого стоял полковник ОКЖ К.Ф. Нордберг. На всю агентуру этого управления, как на территории Бессарабии, так и закордонную, выделялось всего 400 руб. в месяц¹⁴⁵³. До войны данная сумма считалась достаточной, но в условиях военного времени этих денег стало не хватать. Острый недостаток ассигнований отчасти восполнялся благодаря денежным суммам, которые отпускал Нордбергу штаб Одесского военного округа¹⁴⁵⁴. В свою очередь, начальник Бессарабского ГЖУ отправлял начальнику штаба округа свои донесения по Румынии. Лишь 5 января 1916 г. С.П. Белецкий по ходатайству Нордберга дал согласие на увеличение отпуска на агентурные расходы (на пограничных пунктах в Рени, Килии и Скулянах) на 300 руб. в месяц¹⁴⁵⁵.

Острым был и вопрос с нехваткой личного состава. Всего в Бессарабском ГЖУ состояло на службе 6 офицеров, 5 вахмистров и 42 унтер-офицера и прикомандировано было еще 5 офицеров и 46 унтер-офицеров. Однако эта достаточно большая группа жандармских

¹⁴⁵¹ Там же. Л. 74–75 об. В.Ю. Мандражи — В.М. Якубову. 5 декабря 1915 г. Б.н.

¹⁴⁵² Там же. Л. 54–57 об. В.Ю. Мандражи — В.М. Якубову. 4 октября 1915 г. Б.н.

¹⁴⁵³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 57.

¹⁴⁵⁴ Там же. Л. 59–60. К.Ф. Нордберг — директору Департамента полиции. 31 мая 1916 г. № 69.

¹⁴⁵⁵ Там же. 1916 г. Ед. хр. 50. Ч. 8. Л. 1.

чинов была распределена по многим участкам работы. Начальник управления имел двух помощников-офицеров — одного по Кишинёвскому, Бендерскому и Аккерманскому уездам, другого по Бельцкому, Хотинскому, Сорокскому и Ортевскому уездам. У каждого из них в подчинении была группа унтер-офицеров. Также постоянный и прикомандированный личный состав Бессарабского ГЖУ нес службу на постоянных и временных пограничных пунктах в Измаиле, Рени, Скулянах, Липканах, Килии¹⁴⁵⁶.

1 июля 1915 г. Нордберг пожаловался в Департамент полиции, что он оказался практически лишен возможности вести наблюдение за подозреваемыми в шпионаже, так как из восьми филеров вверенного ему управления двое были направлены в Рени для охраны грузов ЭОН, двое находились на постоянном дежурстве на станции Кишинёв и только четверо могли вести текущее наружное наблюдение¹⁴⁵⁷. Жалоба осталась без внимания, и 30 октября 1915 г. Нордберг писал уже в штаб ОКЖ о том, что на службе по секретной и строевой части у него в подчинении находились всего 1 вахмистр и 7 унтер-офицеров, «перетомление коих уже отражается на успехе работы». Нордберг просил прикомандировать к его управлению еще одного офицера и двух унтер-офицеров¹⁴⁵⁸.

В военное время главная задача бессарабских жандармов заключалась в борьбе с угрозой из-за кордона. Революционная деятельность в самой Бессарабии, по оценке Нордберга, после начала войны замерла, что позволяло его подчиненным более активно работать по ту сторону румынской границы. Но в Департаменте полиции были не вполне довольны агентурной работой Нордберга: в апреле 1916 г. ему было поставлено на вид, что по отчетности у него числилось 16 секретных сотрудников, тогда как сведения поступали только от 5 из них¹⁴⁵⁹.

Главная задача закордонной работы Бессарабского ГЖУ заключалась в наблюдении за контактами русской революционной эмиграции с неприятельскими секретными службами, а также в борьбе с попытками тайного ввоза в Россию с территории Румынии динамита и подрывной литературы. Ценным агентом Нордберга стал Григорий Васильевич Калюжный, из крестьян Херсонской губернии, бывший кочегар, ходивший на судах РОПИТ. До войны он под кличкой «Крюк» работал на начальника Жандармского управления Одессы П.П. Заварзина, давая тому сведения по Союзу черноморских моряков, в котором

¹⁴⁵⁶ Там же. Л. 26–27 об.

¹⁴⁵⁷ Там же. Л. 9–9 об. К.Ф. Нордберг — в Департамент полиции. 1 июля 1915 г. № 2085.

¹⁴⁵⁸ Там же. Л. 21–21 об. К.Ф. Нордберг — в штаб ОКЖ. 30 октября 1915 г. № 983

¹⁴⁵⁹ Там же. 1915 г. Ед. хр. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 56–56 об.

имел партийную кличку «Григорий Сова» (или «Григорий Лоза»). Согласно правилам, сотрудничество охранки с ним прервалось, когда Калюжный был призван на срочную службу в русскую армию. В августе 1913 г. он дезертировал из домашнего отпуска и с тех пор проживал с женой в румынском Галаце, столярничал, позднее сидел без работы¹⁴⁶⁰. В апреле 1915 г. Калюжный предложил Одесскому охранному отделению свои услуги по осведомлению о деятельности «Союза вызволения Украины» — националистической организации мазепинского толка, содержащейся австро-германскими секретными службами. Предложение Калюжного было принято.

«Союз вызволения Украины» был образован в Австро-Венгрии в конце 1914 г.; к следующей весне его представители вступили в контакт с проживавшими в Румынии матросами-потёмкинцами. Посредниками в их сношениях выступили Замфирий Арборе-Ралли, патриарх российской революционной эмиграции в Румынии, и один из вождей румынской социал-демократии доктор Христиан Раковский. Они вошли в контакт с жившим в Галаце бывшим потёмкинцем Даниилом Пустяковым, который согласился за деньги переправлять через Прут подрывную литературу и взрывчатку. Динамит предполагалось использовать для диверсий против железнодорожных сооружений и верфей в Николаеве. Кроме Пустякова, игравшего ключевую роль в организации переправки динамита, к этому делу были причастны потёмкинцы Николай Рыжков и Петр Блохин, живший в Бухаресте, в доме 10 по улице Чаршия. Там находился пункт временного хранения динамита, который планировалось переправлять через Прут в окрестностях Слободзеи, позже — в районе Рени или Измаила¹⁴⁶¹.

Первая попытка ввезти в Россию партию динамита провалилась; исполнители Александр Клочко и Торос Торосов («Марк», в прошлом активист революционного Союза черноморских моряков) были задержаны и депортированы румынскими властями; вскоре они уже сидели в одесской тюрьме¹⁴⁶². После этого на связь с потёмкинцами в январе 1915 г. вышел прибывший в Галац неизвестный, назвавшийся эмиссаром «Союза вызволения Украины». Русская полиция предполагала, что им мог быть Израиль Гельфанд (он же Александр Парвус) или малороссийский социал-демократ Микола Железняк. Этот неизвестный располагал крупными денежными средствами и огромными запасами подрывной литературы, особенно «Вестника Союза вызволения Украины». Григорий Сова, он же агент «Крюк», согласился помочь с доставкой этих предметов на русский берег. Всю зиму 1915 г. взрыв-

¹⁴⁶⁰ Там же. 1914 г. Ед. хр. 200. Л. 4–5, 32.

¹⁴⁶¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 590. Л. 3–4, 12–12 об., 14 об.

¹⁴⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 11–12 об.

чатка и литература переправлялись, по сведениям других агентов, в огромном количестве. Грузы перевозились на специально купленных лодках в Рени, затем по железной дороге в Одессу, откуда растекались по всему Югу России. Весной уполномоченный «Союза вызволения Украины» был арестован румынскими властями и выслан из Галаца, однако переправка грузов продолжалась¹⁴⁶³. 7 августа 1915 г. в Галац для переговоров о переправке динамита приезжал германский подданный Прест¹⁴⁶⁴.

Начиная с мая 1915 г. деятельность группы потёмкинцев на румынском берегу Прута была предметом внимания различных органов русских секретных служб — контрразведки штаба 7-й армии и ГУГШ, Бессарабского ГЖУ и Департамента полиции. Непосредственное наблюдение за потёмкинцами в Галаце вел помощник начальника Бессарабского ГЖУ на пограничном пункте в городе Измаиле и в Измаильском уезде подполковник ОКЖ М.С. Афанасьев¹⁴⁶⁵.

Берег Дуная в окрестностях Измаила и Рени был, пожалуй, самым трудным участком работы для бессарабских жандармов. В Рени располагалась главная промежуточная база экспедиции Весёлкина, которая была объектом особых усилий вражеских агентов. Румынская граница в этих местах охранялась достаточно слабо. К примеру, в 3–4 верстах от Рени находился Усть-Прутский пограничный пункт, который не входил в ведение жандармского надзора из Рени, а обслуживался всего двумя таможенными чиновниками. Этой дорогой издавна пользовались революционеры; она даже получила название «эсеровского пути». Многие другие участки границы из-за слабого контроля также были удобны для нелегального перехода¹⁴⁶⁶.

В июне 1915 г. Жандармское управление Одессы передало агента «Крюка» управлению полковника Нордберга, поскольку сама Одесса не была местом активной деятельности украинских революционеров. С июля «Крюк» состоял на службе Бессарабского ГЖУ, получая 50 руб. в месяц¹⁴⁶⁷. После передачи Калюжный практически перестал давать ценную информацию. Жандармские органы полагали, что причина могла заключаться в неумелом руководстве им со стороны помощника Нордберга, ротмистра Васильева. Впрочем, 24 января 1916 г. Калюжный дал точные сведения о подготовке неприятельскими агентами диверсии на русской территории. По его данным, 21 января в Галац

¹⁴⁶³ Там же. Л. 10–10 об. И.о. вице-директора Департамента полиции А.Т. Васильев — начальникам Бессарабского ГЖУ и Жандармского управления Одессы. 2 ноября 1915 г. № 174810, 174811.

¹⁴⁶⁴ Там же. Л. 31–32.

¹⁴⁶⁵ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 590. Л. 23–23 об.

¹⁴⁶⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1913 г. Ед. хр. 51. Ч. 8. Л. 16–17 об.

¹⁴⁶⁷ Там же. 1916 г. Ед. хр. 50. Ч. 8. Л. 7–7 об.

прибыли Рудольф Финклер (временно находившийся во главе австрийского разведывательного бюро в Бухаресте), его сожительница Аннета Бухольцан и Мечислав Славинский, бежавший из Варшавы. Они привезли с собой взрывчатку с целью взрыва трех транспортов в Одесском порту, железнодорожного моста через Днестр у Бендер, станционных сооружений Жмеринки, Троянова Вала и других станций, а также двух подводных лодок и стоявших в Рени пароходов. Для предотвращения этого ротмистр Васильев, временно исполнявший должность начальника Бессарабского ГЖУ, лично выехал в Галац и при помощи русского консульства передал сведения румынским властям. 31 января австрийская диверсионная группа была арестована; у них обнаружили в двух чемоданах 32 кг экразита (австрийское название пикриновой кислоты, или тринитрофенола, мощного бризантного взрывчатого вещества). Выяснилась причастность австрийского и германского консульств, однако власти Румынии приняли все меры к сохранению дела в тайне и недопущению публикаций о нем в прессе¹⁴⁶⁸. Тем не менее этот эпизод может считаться несомненным и заслуженным успехом бессарабских жандармов, достигнутым ими в результате длительного и кропотливого агентурного наблюдения за вражеской диверсионной подготовкой.

И все же к весне 1916 г. у Нордберга практически не осталось сомнений в двурушничестве сотрудника «Крюка». Было установлено, что он рассказывал Васильеву далеко не обо всех своих контактах со служащими австрийского и германского консульств в Галаце и Бухаресте. Материальное положение Калюжного резко и без видимых причин улучшилось, хотя от русских жандармов он получал всего 50 руб. в месяц. Этим небольшим заработком он явно не дорожил и тратил намного больше. Считая вероятным подкуп Калюжного немцами, Нордберг принял решение о его аресте в случае попытки въехать в Россию¹⁴⁶⁹.

Это решение было оправдано, так как агентурные сведения, которые имела военная контрразведка, подтверждали, что Калюжный широко и энергично занимался организацией военного шпионажа против России, ввозом динамита и подрывной литературы. Одновременно с Бессарабским ГЖУ за деятельностью потёмкинцев в Галаце наблюдала и контрразведка штаба 7-й армии, которой помогали в этом местные пограничники. Особую энергию проявлял командир Колибашского отряда (пост Колибаши) 1-го отдела Измаильской бригады 5-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи ротмистр Лев Филиппович Курганов. К августу 1915 г. в группу потёмкинцев был

¹⁴⁶⁸ Там же. 1915 г. Ед. хр. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 25–27, 53; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 337. Л. 32–32 об.

¹⁴⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 29–29 об.

внедрен агент Курганова — болгарин Георгий Константинов Бритков, владевший бакалейной лавкой в селе Брынзы Измаильского уезда и домом в Болграде. Ему удалось узнать, что немцы поручили Пустякову и Калюжному организовать взрыв железнодорожного моста между станциями Жмеринка и Винница, для чего требовалось заблаговременно поселить там своего человека и устроить ему знакомство с охраной моста. Для диверсии было заготовлено 50 кг динамита. Его переправку заговорщики предполагали поручить Парамону Лефтерову, он же Матвеев, русскому старообрядцу, старшему над рыбаками в правительственных плавнях в районе Колибаши–Брынза. Этот последний на самом деле также был агентом ротмистра Курганова¹⁴⁷⁰.

В конце августа потёмкинцы в Галаце познакомили Бриткова с евреем Адамом Шмидтом, который предложил ему добывать для немцев сведения военного характера по составленной им программе. Довольно скоро Бритков вошел в доверие к потёмкинцам, стал регулярно встречаться с ними на румынском берегу Прута и передавать им дезинформационные сведения, которые готовились в штабе 7-й армии. Выяснились интересные подробности отношений между потёмкинцами и заказчиками их шпионской работы. Еврей Шмидт обманывал бывших моряков; те, в свою очередь, дурачили Бриткова, говоря, что немецкие хозяева были недовольны качеством его информации. Сам Бритков заметил, что Пустяков и Калюжный неплохо наживались на его донесениях — они хорошо приоделись со времени их последней встречи. При этом бывшие моряки боялись ходить для разведки на русский берег Прута и предпочитали давать поручения другим лицам. Бриткову они советовали сообщать больше конкретных сведений, пусть даже вымышленных, лишь бы это приносило деньги. Главное — «замазать жиду глаза» и получить более важную и высокооплачиваемую работу по переправке в Россию динамита и нелегальной литературы, говорили Пустяков и Калюжный Бриткову¹⁴⁷¹.

Вскоре бывшие моряки решили прекратить сотрудничать со Шмидтом и установить связь непосредственно с австро-венгерской разведкой. На встречу с ними в Сучаву на автомобиле специально приехал из Черновиц капитан австрийской армии. Он сообщил, что все сведения от Бриткова были весьма хороши и что Шмидт передал ему фальшивую расписку от Калюжного в получении 600 руб. для Бриткова. Также австрийский разведчик дал задание по организации взрывов адских машин на железнодорожном узле в Жмеринке¹⁴⁷². То, что австрийцы высоко оценили сведения от Бриткова, было хорошим

знаком для русской контрразведки, которая с сентября 1915 г. развернула целую операцию по дезинформации противника и прикрытию истинных планов Ставки на черноморско-балканском направлении.

Однако вскоре над работой агентуры ротмистра Курганова на румынском берегу Прута нависла угроза. В январе 1916 г. Бриткова призвали в армию, хотя прежде он был освобожден от призыва как сотрудник разведки. Пришлось обратиться за содействием к подполковнику Якубову в Одессу, которому удалось отстоять Бриткова¹⁴⁷³. А в марте 1916 г. 22-ю Измаильскую пограничную бригаду, в которой служил Курганов, отправили на переформирование, и ему пришлось отправиться с ней. В письме к Якубову он высказывал сожаление о том, что ему приходилось бросить оперативную работу по группе потёмкинцев. Ротмистр-пограничник сообщал также, что у него возникли подозрения в отношении собственного агента Парамона Лефтерова, который, вероятно, брал деньги и у Курганова, и у Калюжного, помогая ему водить за нос агента Бриткова. Тем не менее именно Бриткову ротмистр Курганов был вынужден поручить все начатое им агентурное дело, перспективы которого теперь были более чем туманны¹⁴⁷⁴.

Любопытно, что Григорий Калюжный, который, как вражеский агент, был одним из главных объектов наблюдения и разработки ротмистра Курганова, докладывал своему начальству в Бессарабское ГЖУ о явно непрофессиональных и притом провокационных действиях самого Курганова. Так, Калюжный сообщил, что однажды в его присутствии совершенно незнакомый человек сделал Пустякову предложение переправлять динамит из Румынии в Россию. Это предложение от неизвестного человека показалось настолько странным, что в нем сразу же заподозрили русского агента, а позже выяснилось, что этим человеком был сам ротмистр Курганов¹⁴⁷⁵.

Несмотря на убежденность Курганова, что ему удастся полностью отслеживать работу бывших моряков по ввозу динамита, последние успешно продолжали эту деятельность. В целом, история Пустякова и Калюжного и их попыток доставить динамит в Россию могла бы стать сюжетом отдельного авантюрного романа. Здесь мы скажем лишь, что операция эта так и не была осуществлена, хотя разговоры об этом длились около полугода, и в течение этого времени все действующие лица продолжали обманывать друг друга и наживаться за счет австрийской разведки. И за всем этим пристально следили секретные службы России.

¹⁴⁷⁰ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 590. Л. 25–26 об.

¹⁴⁷¹ Там же. Л. 30–32, 39, 52–53 об., 66–68 об.

¹⁴⁷² Там же. Л. 75–79, 90–93.

¹⁴⁷³ Там же. Л. 145–147.

¹⁴⁷⁴ Там же. Л. 181–182 об.

¹⁴⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 25–27.

Как докладывала в декабре 1915 г. агентура Бессарабского ГЖУ в Румынии, потёмкинец Пустяков вместе с товарищем периодически, примерно один раз в неделю, доставляли из Бухареста на станцию Барбош близ Галаца небольшие партии динамита, шпионскую корреспонденцию и революционную литературу. Затем они на лодках перевозили свой груз в деревню Азаклыу, близ Галаца, к двум братьям Герасиму и Трофиму Григоровым, занимавшимся рыболовством и содержавшим в этой деревне чайную лавку, где все привезенное хранилось до дальнейшей отправки. Все эти лица получали жалованье из германской миссии. Их пособниками были румынские рыбаки-липоване, которые при помощи товарищей-рыбаков с русского берега переправляли груз в Россию. По данным агентуры, в перевозке динамита и мазепинской литературы участвовали румынский подданный Григорий Сова (т.е. тот самый Калюжный), проживавший в Рени и содержавший там кузнечную лавку, а также семья шорных мастеров Ивановых — отец Григорий, сыновья Иван и Петр, проживавшие в Рени и Галаце¹⁴⁷⁶.

Именно в приграничном дунайском порту Галаце располагался главный центр подготовки вражеских диверсий. Одну из групп возглавлял содержатель шинка Маки Мелисаратос, в нее входили также два рыбака и несколько рабочих с фабрики «Гетц». Вскоре из-за возникших денежных недоразумений рыбаки донесли на Мелисаратоса. В конце ноября 1915 г. он был подвергнут обыску; у него обнаружили склад динамита и «аппараты для производства взрывов». Мелисаратос и несколько его сообщников были арестованы¹⁴⁷⁷. Однако работа врагов в Галаце продолжалась. В марте 1916 г. в штабе Одесского военного округа были получены сведения, что главным местом сбора мелких агентов австрийского шпионажа была пекарня грека Элефтерия Ставро, расположенная по адресу площадь Ризер, 19. Там собиралась «шайка» из 25 человек разных национальностей, в том числе все тот же Григорий Калюжный. Сам пекарь Ставро почти каждую неделю приезжал парходом в Рени, где проживал его зять, шорный мастер Иванов¹⁴⁷⁸.

Как видим, бессарабские жандармы были неплохо осведомлены о неприятельской шпионской и подрывной деятельности близ русской границы на нижнем Дунае. Ценную информацию об этом сообщал еще один агент Бессарабского ГЖУ в Румынии — конторщик Русского Дунайского пароходства в Галаце Антон Зимос, он же «Григорий

¹⁴⁷⁶ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 590. Л. 115–115 об.; Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 337. Л. 27–27 об.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 31–32.

¹⁴⁷⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 337. Л. 26–26 об.

¹⁴⁷⁸ Там же. Л. 35.

Парфенти». Также сведения о контрабанде динамита передавали другие агенты — «Рыбаков», «Окунь», «Ёрш», по всей видимости, из числа местных рыбаков¹⁴⁷⁹. Антон Зимос состоял на службе с 1 апреля 1913 г.; как и Калюжный, до войны он освещал деятельность Союза черноморских моряков, затем был перенацелен на наблюдение за контрабандой динамита и революционной литературы. Он подчинялся помощнику Нордберга в Измаиле подполковнику Афанасьеву, который вел переписку с этим агентом через лоцмана парохода «Адмирал Кашерининов» Афанасия Бенитатоса¹⁴⁸⁰. Также Зимос сотрудничал с ротмистром пограничной стражи С.М. Пайзанским, которому передавал данные о передвижениях румынских войск в Галацком корпусном округе¹⁴⁸¹.

У агента «Парфенти» не сложились отношения с помощником Нордберга на пограничном пункте в Рени подполковником Ральцевичем, который обвинял его в передаче ложных сведений и финансовых махинациях. Также Зимосу ставилось в вину, что он присвоил себе несколько тысяч франков выручки за партию пресловутого брусничного листа, принадлежавшего его родственнику. Затем Зимос якобы начал запугивать потерпевшего обвинением в шпионаже; также он оговаривал других невиновных людей. Наконец, «Парфенти» обвинялся в бесцензурной доставке писем через границу для австрийской экспортной конторы «Блау и Ко», подозревавшейся в шпионаже; были и анонимные сведения о его работе в пользу сигуранцы¹⁴⁸². Сложно сказать, насколько эти сведения соответствовали действительности. Как показывает опыт деятельности русского политического сыска того времени, среди его тайных осведомителей практически не было идейных и чистоплотных в делах людей. Однако даже в этом случае такие агенты могли поставлять ценную информацию, при условии хоть скольконибудь эффективного кураторства, а с этим у секретных служб России были большие проблемы.

Вопреки мнению Нордберга, его подчиненный Ральцевич добился от адмирала Весёлкина перевода агента «Парфенти» из Галаца в главную контору РДП в Одессе с 1 января 1916 г. В результате Бессарабское ГЖУ лишилось своей агентуры в Галаце. По следам этих неудач жандармские офицеры начали грызться между собой. С 15 декабря 1915 г. деятельность всех чинов Бессарабского ГЖУ в Измаильском уезде была, по приказу главного начальника Одесского военного округа генерала М.И. Эбелова, объединена в руках полковника ОКЖ

¹⁴⁷⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 32 об.

¹⁴⁸⁰ Там же. Л. 36–37 об., 40–43.

¹⁴⁸¹ Там же. Л. 36–37 об.

¹⁴⁸² Там же. Л. 19–22 об., 40–48.

Н.И. Шамшева, бывшего начальника Гродненского ГЖУ, назначенного помощником Нордберга в Рени¹⁴⁸³. Очевидно, Шамшев, как чужак, пришелся не ко двору у местных жандармов. В мае 1916 г. Нордберг обвинил его в отказе поддерживать связь с агентурой в Галаце (до которого из Рени было всего два часа пути на пароходе по Дунаю). Шамшев отвечал, что был вовсе не против работать с галацкой агентурой, но при эвакуации его управления из Гродно он потерял все имущество, включая штатское платье. На обзаведение им он просил деньги у Нордберга, но тот отказал¹⁴⁸⁴. В конце концов, приказом М.М. Весёлкина № 1987 от 11 октября 1916 г. Шамшев был назначен заведующим контрразведкой ЭОН¹⁴⁸⁵. К сентябрю 1916 г. Нордберг был переведен в Одессу, а на смену ему в Кишинёв был назначен его прежний оппонент Ральцевич.

Старая Россия и ее органы политического сыска близились к своему трагическому и бесславному концу, и заграничная деятельность Бессарабского ГЖУ так и не была увенчана сколько-нибудь значительными достижениями. Впрочем, она изначально была ориентирована лишь на относительно неширокую полосу вдоль границы Румынии, а ее цели в основном не выходили за рамки традиционной для политической полиции деятельности по предупреждению проникновения в Россию враждебных лиц и опасных грузов. Для нас важно прежде всего то, что при такой организации и довольно скромных масштабах работы жандармской агентуры на территории Румынии русское военное ведомство и его разведка не могли рассчитывать ни на какое весомое содействие политической полиции на этом направлении.

Глава 20

АПОГЕЙ БЕСПОРЯДКА: АГЕНТ ИЛЬЯ КЮРЦ

На предыдущих страницах этой книги мы познакомились с достаточным числом незаурядных и колоритных персонажей, авантюристов по складу жизни и двойных агентов по призванию, которые всегда существуют в человеческом обществе, но лишь в благоприятные для них эпохи войн, смут и потрясений полностью разворачиваются в своей деятельности. Обстановка в Бухаресте в годы Первой мировой войны максимально благоприятствовала им, а секретные службы противоборствующих сторон, благодаря отпускаемым им в военное время огромным денежным средствам и собственной неорганизованности и непрофессионализму, были неиссякаемым источником, питавшим и поддерживавшим их. Размах махинаций этих людей был велик, однако он меркнет на фоне деятельности человека, о котором пойдет речь далее. Его жизнь и приключения достойны удивления, а историю его работы на русскую разведку нельзя рассматривать иначе, чем как беспощадный диагноз тяжелой болезни разведывательных органов различных ведомств и, если взглянуть шире, всего бюрократического механизма Российской империи.

Этот человек появился в Бухаресте в мае 1915 г. Лишь впоследствии, много позже, когда русская контрразведка и другие ведомства были всерьез обеспокоены его деятельностью, они начали по крупицам и из разных источников собирать информацию о нем. Мы же расскажем ее всю сразу и целиком, в той мере, насколько она отразилась в документах различных архивов¹⁴⁸⁶.

Настоящее имя этого человека было Илья Романович (Илларион Ромуальдович) Кюрц. Родился он 1 августа 1873 г. в Париже, следовательно, весной 1915 г., когда он прибыл в Румынию, ему был 41 полный год. Кюрц был католиком и сам называл себя незаконным сыном по-

¹⁴⁸³ Там же. Ед. хр. 50. Ч. 8. Л. 30–31.

¹⁴⁸⁴ Там же. Ед. хр. 1. Ч. 8. Лит. Д. Л. 59–60, 66–66 об.

¹⁴⁸⁵ Там же. 1916 г. Ед. хр. 50. Ч. 8. Л. 33.

¹⁴⁸⁶ До сих пор никто из историков русской разведки не попытался рассказать о деятельности агента Кюрца. М. Алексеев в своей фундаментальной монографии без малейших на то оснований характеризует Кюрца как ценного сотрудника русской разведки, явно не зная никаких деталей его истории (см.: Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 179–183).

койного князя Ромуальда Гедройца, представителя старинной литовской княжеской фамилии, и венгерки, умершей при родах. Однако все сотрудники русской разведки, хоть немного узнавшие его, однозначно считали Кюрца венгерским или галицийским евреем. По сведениям бывшего управляющего князя Гедройца г-на Стемповского, Кюрц служил у князя простым егерем. Вырос Кюрц в Париже, по-русски говорил очень плохо, с сильным немецким акцентом, писать и читать по-русски практически не умел, зато владел разговорным венгерским языком¹⁴⁸⁷. В Россию Илья Кюрц прибыл в 1896 г. В анкетных данных отмечалось, что он получил высшее образование, но где и какое — неизвестно. Избрав для себя профессию журналиста, Кюрц некоторое время работал в Париже, затем был представителем нескольких французских газет в Петербурге, преподавал французский язык в нескольких учебных заведениях обеих российских столиц¹⁴⁸⁸. Впрочем, как отмечали многие, по-французски он говорил тоже плохо.

Судя по всему, в том числе и по собственным словам Кюрца, он оказывал определенные услуги Департаменту полиции, а именно — знаменитому главе Заграничной агентуры Петру Ивановичу Рачковскому, однако официально никогда в штате его сотрудников не числился. Находясь в Париже, Кюрц бедствовал, и Рачковский давал ему небольшие приработки по журналистской части. Сам Кюрц писал, что в 1903 г. генерал Д.Ф. Трепов прикомандировал его к себе, после того как он выполнил ряд деликатных поручений, касающихся безопасности его величества. В 1907 г. он был представлен русскому военному министру генералу А.Ф. Редигеру, как писал Кюрц, в связи с одним «щекотливым делом, касающимся национальной обороны»¹⁴⁸⁹. Однако Редигер упоминает Кюрца в своих мемуарах всего однажды. Дело в том, что в начале Русско-японской войны французская газета «Эко де Пари» по подписке своих читателей приобрела золотое оружие для защитника Порт-Артура генерала А.М. Стесселя. Однако Порт-Артур капитулировал, Стессель был отдан под суд, и восторги в его адрес в дружественной Франции испарились. Тогда-то Кюрцу и было поручено деликатно завершить неудобную историю с вручением Стесселю золотого оружия. Министр Редигер якобы рекомендовал Кюрца Сухомлинову, покидая свой пост. Кюрц находился в сношениях с Сухомлиновым до 1914 г. Также в числе своих поручителей и покровителей сам Кюрц называл сенаторов Н.П. Гарина и В.А. Брюн-де-сент-Ипполита, высокопоставленных чиновников Департамента полиции А.Т. Васильева и Н.П. Харламова, министра финансов В.Н. Коковцова,

председателя Совета министров И.Л. Горемыкина. С 1907 г. он состоял преподавателем французского языка в Императорском коммерческом училище; с 1911 г. вошел в его штат. Проживал Кюрц в Петербурге, на 5-й линии Васильевского острова, вместе с женой Селиной Юзефовной, католичкой, и тремя малолетними детьми. Занятия в училище он посещал нерегулярно, часто отлучался из города, но директору было приказано не увольнять его. Кюрц постоянно вращался среди очень подозрительных личностей. Наблюдением контрразведки были установлены его связи с германским капитаном Зигфридом Геом, руководившим германской тайной разведкой в Петербурге. Имя Кюрца было найдено в записной книжке арестованного в 1911 г. по подозрению в шпионаже британского подданного журналиста Гаральда Вильямса. Ряд лиц, имена которых также находились в этой книжке, позже были осуждены за государственную измену¹⁴⁹⁰.

Наблюдением за Кюрцем было выяснено, что он, занимаясь какими-то темными делами, в то же время старался войти в доверие к лицам, имеющим видное служебное положение: так, по негласным сведениям, он был лично известен генерал-лейтенанту П.Г. Курлову, действительному статскому советнику А.Т. Васильеву и свиты его величества генерал-майору В.Ф. Джунковскому. Васильев писал в своих воспоминаниях, что в Департаменте полиции Кюрца ценили как агента, имевшего обширные связи в высшем обществе и свободно владевшего венгерским языком¹⁴⁹¹. В составленной позднее записке о деятельности Кюрца говорилось, что он создавал себе знакомства и связи, постоянно прибегая к грубому блефу и проявляя большую настойчивость и нахальство. Как мы убедимся, это было фирменным почерком Кюрца и органической чертой его характера. На всех приемах и торжествах он предлагал свои услуги и покровительство представителям иностранной прессы. Пытался завязать связи с французским посольством, но Теофиль Делькассе, познакомившись с ним, перестал его принимать. Морис Палеолог, поймав Кюрца на лжи, сделал то же самое. Французскому послу Кюрц предлагал свои услуги по добыванию секретных сведений¹⁴⁹². Кюрц также был неплохо знаком с лидерами российской оппозиции А.И. Гучковым и П.Н. Милюковым.

В августе 1914 г. имя Кюрца было в списке тех, кого надлежало выслать из Петербурга, однако в то время его не оказалось в столице. Он был арестован военной контрразведкой в сентябре и провел

¹⁴⁸⁷ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. 1915 г. Ед. хр. 95. Л. 13–15.

¹⁴⁸⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 174–175 об.

¹⁴⁸⁹ Там же. Л. 174–175 об., 225–227.

¹⁴⁹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 8159. Л. 45–46.

¹⁴⁹¹ Васильев А.Т. Охрана. Русская секретная полиция // «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перугодовой. М., 2004. Т. 2. С. 402.

¹⁴⁹² АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. 1915 г. Ед. хр. 95. Л. 16–16 об.

в тюрьме неделю, а затем по оперативным сообщениям его выпустили на свободу, но подозрения с него сняты не были. Еще 30 июля в письме на имя Сухомлинова Кюрц предложил свои услуги по разведке; затем с той же просьбой он обратился к Главковерху великому князю Николаю Николаевичу¹⁴⁹³. В декабре он был вызван в Холм в штаб Юго-Западного фронта телеграммой начальника разведотделения штаба Юго-Западного фронта полковника А.А. Носкова и 20 декабря 1914 г. принят им на службу. Зимой 1914/15 г. Кюрц отправился в поездку в Венгрию с паспортом швейцарского гражданина, под легендой представителя крупной фирмы-производителя шоколада. О результатах этой поездки никаких сведений обнаружить не удалось, однако начальство представило их как успешные и наградило Кюрца высоким орденом Св. Владимира 4-й степени¹⁴⁹⁴. Своим знакомым в Петрограде он рассказывал, что получил орден за вклад в победу русских армий в Галиции в 1914 г.¹⁴⁹⁵ Вообще, этому человеку были свойственны удивительное хвастовство и патологическая склонность ко лжи.

После возвращения из Венгрии в апреле 1915 г. Кюрц был передан в ведение ротмистра графа Павла Игнатъева, офицера разведки штаба Юго-Западного фронта. Тот не имел ранее никакого опыта разведывательной деятельности и тем более работы с тайной агентурой. И все же именно Игнатъеву было поручено организовать агентурную сеть в Румынии, и он возложил это на Кюрца¹⁴⁹⁶. В конце апреля Кюрц получил заграничный паспорт и, предварительно назвав себя в румынской миссии полковником, отправился в Бухарест. В документах русской разведки он был обозначен под агентурным псевдонимом «Короленко».

В столице Румынии сразу же заметили прибытие необычного гостя из России, поселившегося в номере 50 отеля «Сплендид». В денежных средствах Кюрц был не стеснен, тратил большие суммы, имел крупный текущий счет в одном из банков Бухареста. В разговорах со всеми своими новыми знакомыми он называл себя агентом то великого князя Николая Николаевича, то следователя по особо важным делам при Ставке В.Г. Орлова. При этом Кюрц постоянно подчеркивал, что послан высокими лицами для расследования поведения русского посланника и военного агента и что его миссия выше компетенции Поклевского¹⁴⁹⁷. Никто из официальных русских представителей в Румынии не был осведомлен о личности и о полномочиях гостя из Петрограда. Это вызывало огромное любопытство и обеспокоенность

заинтересованных лиц, поскольку слухи о том, что Кюрц послан расследовать конфликт между полковником Семёновым и посланником Поклевским, выглядели весьма правдоподобно.

Уже 17 июня С.А. Поклевский-Козелл обратился в свое министерство с запросом, что за личность представлял собой Кюрц, имевший, как казалось, рекомендательные письма ко многим румынским политическим деятелям и иностранным дипломатам¹⁴⁹⁸. «К названному лицу следует относиться с большой осторожностью», — телеграфировал в ответ товарищ министра Нератов¹⁴⁹⁹. 8 июля тот же Нератов общал Поклевскому, что в МИД дошли слухи о вредной деятельности в Румынии журналиста еврея Кюрца. Товарищ министра предлагал главе русской миссии просить Брэттиану о высылке этого человека в Россию или же, если бы тот оказался французским гражданином, обратиться с аналогичным ходатайством через посланника Франции Блонделя¹⁵⁰⁰. 12 июля Поклевский докладывал в МИД о деятельности Кюрца, который незадолго до того пробыл в Бухаресте около двух недель, не появлялся в миссии, но общался со многими румынскими деятелями. Поклевский высказывал предположение, что Кюрцу было поручено проверить местные настроения и, возможно, деятельность самой русской миссии. За несколько дней перед этим Кюрц вернулся в Бухарест, причем ехавший с ним в одном поезде русский посланник в Сербии князь Г.Н. Трубецкой сообщил Поклевскому, что по России Кюрц путешествовал одетым в полувоенную форму и что на станциях его встречали офицеры и жандармы. Вскоре сам Кюрц посетил Поклевского и представился как бывший агент Рачковского, присланный в Румынию штабом Юго-Западного фронта для работы по контршпионажу, при содействии румынской тайной полиции и под прикрытием журналистской профессии. Затем Кюрц предложил себя в распоряжение миссии, попутно выражая свою с ней солидарность в вопросе об имевших место арестах румын в России и задержании на границе в Унгенах военных грузов, закупленных Румынией. Поклевский был совершенно обескуражен и просил МИД сообщить ему хоть какие-нибудь сведения о Кюрце, о котором ему ничего не было известно; тем более что о нем постоянно расспрашивали румыны¹⁵⁰¹.

С Певческого моста запросы Поклевского были перенаправлены в Ставку. Директор Дипломатической канцелярии при Главковерхе князь Н.А. Кудашев спросил о Кюрце самого наштаверха Н.Н. Януш-

¹⁴⁹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 72–72 об.

¹⁴⁹⁴ Там же. Ед. хр. 113. Л. 174–175 об., 225–227.

¹⁴⁹⁵ Там же. Л. 181.

¹⁴⁹⁶ Беллетризованную и полную вымысла версию этого см. в книге: *Игнатъев П.А. Моя миссия в Париже*. М., 1999. С. 22–29.

¹⁴⁹⁷ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. 1915 г. Ед. хр. 95. Л. 13–15.

¹⁴⁹⁸ Там же. Л. 2. С.А. Поклевский — в МИД. 17 июня 1915 г. № 366.

¹⁴⁹⁹ Там же. Л. 3. А.А. Нератов — С.А. Поклевскому. 20 июня 1915 г. № 3158.

¹⁵⁰⁰ Там же. Л. 4. А.А. Нератов — С.А. Поклевскому. 8 июля 1915 г. № 3504.

¹⁵⁰¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 5–5 об. С.А. Поклевский — в МИД. 12 июля 1915 г. № 404.

кевича. Тот ответил, что смутно помнит эту фамилию, а впечатление от нее — нехорошее, и посоветовал обратиться к В.Г. Орлову, знаменитому следователю Ставки по делам о шпионаже. Орлов, недавно сыгравший видную роль в позорной фабрикации висельного дела полковника С.Н. Мясоедова и оставивший себе его шашку в память об этой группно смердевшей «победе», пользовался неоспоримым авторитетом в вопросах шпионажа и работы секретных служб. Однако он ничего не знал о личности Кюрца и предположил, что тот — агент штаба Одесского военного округа; обещал справиться о нем в Генштабе и в Одессе. Озадаченный Кудашев писал К.Н. Гулькевичу в МИД: «Оказывается, что каждая армия имеет своих агентов, иногда одно и то же лицо является агентом 2-х или более начальств, орудуя для каждого под особым именем»¹⁵⁰². Директор Дипломатической канцелярии Ставки пришел к убеждению, что с Кюрцем в любом случае надо было соблюдать осторожность.

В чем Кюрцу никак нельзя было отказать, так это в кипучей активности, умении общаться с людьми и, в полном смысле этого русского выражения, «пудрить им мозги». Позднее сам Кюрц писал, что по прибытии в Бухарест при помощи русофильски настроенного депутата Константина Коста-Фору он начал завязывать политические связи и вскоре уже имел широкий круг знакомых в румынском высшем обществе, во влиятельных административных, газетных и военных кругах. В частности, Кюрц поддерживал постоянные отношения с шефом сигуранцы Ионом Панаитеску (в донесениях Кюрца этот источник сведений обозначался как «Иванович»¹⁵⁰³), префектом бухарестской полиции Михаилом Кантуниари, генеральным секретарем Военного министерства генералом Думитру Илиеску (фактическим главой военного ведомства) и начальником военной разведки полковником Эракле Николаю. Сам себе Кюрц ставил в заслугу, что ему удавалось регулярно публиковать информационные сообщения штаба Юго-Западного фронта в местных газетах «Адевърул», «Эпока», «Диминяца», «Универсул», «Ромыния», «Журналь де Балкан», «Ландапанданс румэн» и даже в органе германофильской партии Карпа и Маргиломана «Политика»¹⁵⁰⁴. В разговорах с румынскими деятелями Кюрц часто очень резко высказывался о жизни в России, о состоянии русской армии и о революционных беспорядках в разных местах, вдобавок выражал англофобские настроения.

Высокопоставленные бухарестские чиновники проявляли поразительное благорасположение к агенту «Короленко». Документы про-

изводят впечатление, будто румыны искренне верили (или же делали вид, что верят) в его статус русского чиновника высокого ранга, присланного с тайной миссией и имевшего самые обширные полномочия. Местные должностные лица предпочитали иметь дело именно с Кюрцем, а не с официальными представителями России. Даже его невысокий статский чин «надворного советника» в румынских газетах по ошибке или недоразумению переводили как «тайный секретарь императорского двора». Кюрцу давали интервью сам премьер Ион Брэтиану, обычно избегавший общения с журналистами; его родной брат Винтилэ Брэтиану, влиятельнейший в стране финансист и предприниматель; министр путей сообщения Константин Ангелеску. Во время этих бесед румынские деятели уверяли Кюрца в своем неизменном русофильстве, говорили о неизбежном выступлении Румынии на стороне Антанты, об ожидании русского наступления и снабжения Румынии военными припасами. Встречи Кюрца с И. Брэтиану проходили в обстановке секретности; о них не знал никто, кроме Панаитеску и Илиеску¹⁵⁰⁵.

Румынские власти оказывали Кюрцу любезности, а он в ответ хлопотал об ответных с российской стороны. В декабре 1915 г. агент «Короленко» ходатайствовал о награждении российскими орденами префекта полиции Михаила Кантуниари, заместителя главы сигуранцы Стана Эмануэля и ряда других румынских должностных лиц¹⁵⁰⁶. А 5 января 1916 г. Кюрц писал Белецкому, что при помощи одного из своих друзей, г-на Флореско, сына бывшего военного министра, ему удалось задержать 200 тыс. прокламаций, шедших из Австрии в Россию. Благодаря хорошему отношению Панаитеску эти прокламации были захвачены и сожжены 26 декабря во дворе казарм 10-го артиллерийского полка. Одновременно Кюрц передал просьбу заместителя министра внутренних дел Румынии: достать пять фунтов семян капусты 1-го сорта для сиротского института детей чиновников МВД, по каталогу торгового дома «Мейер» в Москве¹⁵⁰⁷. И с ходатайством об этом Кюрц обращался напрямую к товарищу министра внутренних дел огромной и воюющей Российской империи, фактическому куратору ее политической полиции.

С точки зрения работы по сбору информации военного характера гораздо важнее было то, что Кюрц находился в постоянном общении с начальником разведывательного отделения румынского Генштаба полковником Николаю, причем тот, часто и охотно беседуя с Кюрцем, передавал ему свои сведения по австро-венгерской и болгарской

¹⁵⁰² АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. 1915 г. Ед. хр. 95. Л. 9–10 об. Н.А. Кудашев — К.Н. Гулькевичу. 17 июля 1915 г. Б.н.

¹⁵⁰³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 300. Лит. С. Л. 73.

¹⁵⁰⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 231–232.

¹⁵⁰⁵ Там же. Ед. хр. 990. Л. 60.

¹⁵⁰⁶ Там же. Л. 46–47 об.

¹⁵⁰⁷ Там же. Л. 52–52 об.

армиям. В разговорах с Кюрцем полковник Николаю неизменно заверял его, что он сам, как и подавляющее большинство румынского офицерства, горячо симпатизирует России. Также глава румынской разведки через Кюрца просил русскую сторону давать своим агентам официальную аккредитацию или рекомендательные письма, а не присылать сомнительных евреев, большая часть которых, по его данным, работали на австрийцев¹⁵⁰⁸. Иными словами, большие места русской разведки в Румынии были очевидны для представителей чужих секретных служб, но русское руководство не имело ни воли, ни способностей для коренного изменения нетерпимого положения вещей.

Постоянно общаясь с Кюрцем, Николаю практически прервал свои контакты с официальным русским военным агентом. Полковник Семёнов был безмерно возмущен тем, что на протяжении нескольких месяцев глава румынской военной разведки регулярно передавал свои сведения Кюрцу, совершенно в обход самого Семёнова. Связь Кюрца и Николаю была общеизвестной и носила демонстративный характер. Так, во время торжественного приема в русской миссии 6 декабря 1915 г. Кюрц вошел в залу под руку с полковником Николаю. Семёнов, долгое время также ничего не знавший о Кюрце, был убежден, что Кюрц служит агентом Департамента полиции и что его собственные прежние контакты с Николаю были переданы Кюрцу посланником С.А. Поклевским, с которым у Семёнова сложились враждебные отношения¹⁵⁰⁹. Последнее суждение представляло собой явную нелепость, ибо русский посланник никак не мог решать за Семёнова и за главу военной разведки Румынии, с кем им общаться, а с кем нет. Как мы знаем, на самом деле Поклевский также пребывал в неведении о ведомственной принадлежности, должности и миссии Кюрца.

Казалось бы, Кюрцу удалось получить доступ к первым лицам военного и политического руководства Румынии, которые могли стать источниками ценнейшей информации. Однако трудно было найти человека, менее пригодного для сбора и анализа сведений военного и политического характера, чем Кюрц. Как следствие, и результаты этой его деятельности были ничтожны. Впрочем, сам он докладывал начальству, что располагает обширной агентурной сетью. В своих донесениях на имя Павла Игнатьева Кюрц ссылался на агентов в Австрии, Венгрии, Болгарии, Буковине, даже в самой Германии. В зеленой записной книжке Кюрца, которая позже была изъята русской контрразведкой, содержалось много записей с условными именами или инициалами его агентов. Некоторые из них были обозначены как офицеры

румынской, болгарской и австро-венгерской армии — «Капитан А.», «Капитан Ш.», «Капитан Х.», «Шандор», «Новый», «Александр», офицер-австриец «Руди» и др. Но неизвестно, кем были все эти люди на самом деле и существовали ли они вообще.

Большинство военно-политических сведений, передававшихся Кюрцем, было абсолютно недостоверно, причем он был даже не в состоянии критически оценивать их содержание. Знакомые с Кюрцем высокопоставленные румынские офицеры и полицейские чиновники откровенно, в глаза, смеялись над его дилетантизмом в военных вопросах¹⁵¹⁰. Неудивительно, что многие донесения Кюрца, основанные на сведениях от его информаторов, не имели ничего общего с действительностью. К примеру, после начала болгарской мобилизации в сентябре 1915 г., когда неизбежность вступления Болгарии в войну была уже очевидна, «Иванович» (Панаитеску) убеждал Кюрца в обратном, и тот 14 сентября информировал в этом смысле штаб Юго-Западного фронта¹⁵¹¹. А 23 сентября Кюрц докладывал Игнатьеву, что два старших офицера румынского Генштаба подтвердили ему верность сведений о переброске австрийцами крупных сил в Буковину, где к 20 сентября они якобы имели уже 180 тыс. человек¹⁵¹². Эти сведения представляли собой грубую дезинформацию, в распространении которой румыны были заинтересованы даже больше, чем австрийцы.

Сам Игнатьев и руководство разведки штаба Юго-Западного фронта с самого начала и неоднократно выражали недовольство качеством и точностью информации Кюрца. К примеру, в письме от 24 июля Игнатьев писал Кюрцу, что его сведения о составе австрийских войск на Итальянском фронте полностью опровергались другими документальными данными и пленными¹⁵¹³. В дальнейшем Игнатьев еще не раз упрекал своего подчиненного, что получаемые им от главы румынской военной разведки полковника Николаю сведения о расположении и численности частей австро-венгерской армии были очень неточны. В конце декабря 1915 г. Кюрц пожаловался на это Николаю, но тот, оправдываясь, начал говорить, что эти сведения взяты из официальных австрийских списков, что номера частей там зашифрованы, и обещал разобраться¹⁵¹⁴.

Еще одним направлением работы агента «Короленко» стала подготовка широкой диверсионной деятельности в венгерской Трансильвании. Для этого он вступил в контакт с виднейшими вождями румын-

¹⁵⁰⁸ Там же. Л. 160–161.

¹⁵⁰⁹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128–140. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 14 апреля 1916 г. № 33.

¹⁵¹⁰ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 155–156.

¹⁵¹¹ Там же. Ед. хр. 990. Л. 82.

¹⁵¹² Там же. Л. 83–87 об.

¹⁵¹³ Там же. Л. 73–73 об.

¹⁵¹⁴ Там же. Л. 138–139.

ского трансильванского движения — священником Василе Люкачиу и поэтом Октавианом Гога. Эти двое были весьма заметными фигурами в политической жизни Румынии. Священник греко-католической церкви Люкачиу, уроженец Трансильвании, являлся видным деятелем румынского национального объединения. В 1914 г. он эмигрировал в Румынию и в декабре того же года был избран председателем «Лиги культурного объединения всех румын». Люкачиу пользовался репутацией яркого активиста движения за вступление Румынии в войну на стороне Антанты. В мае 1916 г. он был избран депутатом румынского парламента от города Галац. Столь же пылким сторонником освобождения Трансильвании от мадьярского господства являлся и Октавиан Гога, поэт и политический деятель трансильванского происхождения, которому впоследствии, в 1937–1938 гг., было суждено занимать пост премьер-министра Румынии. В ноябре 1915 г. Гога предложил Кюрцу план организации в России широкой работы с военнопленными из австро-венгерской армии, румынами по национальности, число которых в русских лагерях в то время, по его данным, достигало 50 тыс. человек. Трансильванский деятель предложил собрать их в отдельных лагерях и отправить к ним представительную миссию из румынских учителей, врачей, священников, офицеров. Затем следовало добиться у русских властей освобождения 10 тыс. пленных румын и отправки их в Румынию, что, по мнению автора проекта, должно было произвести колоссальный пропагандистский эффект¹⁵¹⁵.

17 июля 1915 г. Кюрц писал Павлу Игнатьеву: «Отец Лукач начал свою работу, Вы можете в этом сами убедиться по сообщениям в печати, говорящим о беспорядках в венгерской Трансильвании»¹⁵¹⁶. Это донесение сопровождалось просьбой прислать больше денег. Штаб Юго-Западного фронта не скупился на денежные средства для своих агентов, даже если успехи их работы существовали лишь на бумаге. 24 октября 1915 г. Кюрц встречался с Люкачиу и обсуждал с ним создание группы диверсантов для организации взрывов складов боеприпасов и пороховых заводов в Трансильвании¹⁵¹⁷. По рекомендации некоего влиятельного румынского политика, Кюрц нашел еще одного трансильванца, который обещал в течение первой половины ноября 1915 г. взорвать склад боеприпасов в Борше, конечном пункте Мармарош-Сигетской железной дороги, на южном склоне Карпатского хребта. Будущий диверсант запросил часть денег вперед, но Кюрц решил заплатить только после получения доказательств¹⁵¹⁸. Другому

своему агенту по имени Михали Кюрц приписывал совершение взрыва в первых числах августа; венгерские газеты, по его данным, писали о происшествии как о пожаре на спичечной фабрике. Однако Кюрц был убежден, что речь шла о взрыве военного объекта. Сам Михали погиб в ходе своей акции (или был казнен); Кюрц выплатил пособие его вдове, обещав ей пенсию после войны¹⁵¹⁹. Судя по всему, вся диверсионная деятельность трансильванских румын, щедро оплаченная из средств штабуза и приписанная Кюрцем своим организаторским талантам, не имела сколько-нибудь значительных последствий. Никаких точных подтверждений проведенных диверсий получено не было, однако и сам Кюрц, и его начальник П.А. Игнатьев, и руководство штаба фронта предпочитали верить «на слово», поскольку это давало возможность писать отчеты о не зря потраченных значительных суммах казенных денег.

Наряду со своей сомнительной работой на пользу России, Кюрц занимался устройством собственных личных дел. Совместно с бельгийским консулом в Одессе Оттоном Миллером он организовал продажу в Румынию крупной партии лошадей (20 тыс. голов), вывоз которых из России в военное время был запрещен. Миллер же просил Кюрца хлопотать за заключенных в тюрьму представителей дирекции завода Шодуар в Екатеринославе¹⁵²⁰. Также Кюрц по просьбе влиятельных румынских деятелей выступал с ходатайствами перед различными русскими ведомствами и даже перед самим И.Л. Горемыкиным об освобождении Нику Орешану и других арестованных за шпионаж лиц¹⁵²¹. Русский Генштаб позже получил сведения, что Кюрц находился в постоянных сношениях с упоминавшимися выше неприятельскими агентами Николаусом Сиклосси и Давилой¹⁵²².

А уже упомянутый авантюрист и двойной агент князь Петр Долгоруков в письме своему сослуживцу по ЦВРБ подполковнику И.П. Васильеву позднее писал, что Кюрц, как только прибыл в Бухарест, сразу же сообщил сигуранце, что он, Долгоруков, является агентом полковника Ерандакова. По словам Долгорукова, ротмистр Мандражи из Унген просил у него содействия против Кюрца, так как тот якобы предлагал ему взятку в 20 тыс. руб. за пропуск 20 вагонов с шинами, которые должны были проследовать через румынский Предрял в Австро-Венгрию. Мандражи был убежден, что Кюрц имеет большое влияние в Департаменте полиции и близок к Джунковскому¹⁵²³.

¹⁵¹⁵ Там же. 990. Л. 57–58 об.

¹⁵¹⁶ Там же. Л. 72–72 об.

¹⁵¹⁷ Там же. Л. 179.

¹⁵¹⁸ Там же. Л. 88.

¹⁵¹⁹ Там же. Л. 83–87 об.

¹⁵²⁰ Там же. Л. 107–114 об.

¹⁵²¹ Там же. Л. 43–44 об., 121, 192–193.

¹⁵²² Там же. Ед. хр. 495. Л. 55–57. Туркистанов В.Г. Доклад по ЦВРБ. 24 октября 1915 г. № 7272; Там же. Л. 156. М.Н. Леонтьев — Б.А. Семёнову. 6 ноября 1915 г. № 36037.

¹⁵²³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 115–116 об.

Свои периодические отъезды в Россию Кюрц обставлял в собственном неповторимом стиле. На пограничной станции в Унгенах он поднимался в канцелярию местного жандармского начальника ротмистра Мандражи, где хранился чемодан с его вещами, и переодевался в свою тужурку полужоформенного образца. «После одной из поездок в Унген[ы] г. Кюрца директор полиции общественной безопасности Панаитеску говорил, что у него полиция так хорошо поставлена, что имеет агента даже в кабинете жандармского офицера на пограничном пункте в Унген[ах]» — отмечалось в одном из докладов русской контрразведки¹⁵²⁴. Даже если Панаитеску в тот раз имел в виду не Кюрца, у него и других румынских чиновников были все основания рассматривать «Короленко» как своего бесплатного осведомителя.

В Бухаресте Кюрц работал не в одиночку. Его ближайшими помощниками были Андрей Петрович Рачковский, сын покойного шефа Заграничной агентуры Департамента полиции и благодетеля Кюрца, а также вице-консул Аргентины в Москве Жан-Андре Мюраур, 31 года, католик. Мюраур и Рачковский регулярно ездили из Румынии в Россию и обратно в качестве курьеров Кюрца. Коллежский секретарь А.П. Рачковский был причислен к Государственной канцелярии и состоял в распоряжении товарищей министра внутренних дел Джунковского, затем С.П. Белецкого. В ноябре 1915 г. руководство Департамента полиции просило Генштаб об освобождении ратника ополчения 2-го разряда Рачковского от воинской службы как человека, «выполняющего в настоящее время за границей крайне серьезные поручения, связанные с военными нуждами и интересами армии, и являющегося лицом в этом отношении почти незаменимым»¹⁵²⁵. Без Рачковского Кюрц был даже не в состоянии читать и писать по-русски, т.е. нормально вести служебную переписку¹⁵²⁶. Про Мюраура сам агент «Короленко» писал: «Это человек, которому я вполне доверяю и от которого у меня нет никаких тайн»¹⁵²⁷. Однако позднее, в ноябре 1915 г., Мюраур перед отъездом в Петроград был замечен агентами Семёнова посещающим австрийского военного атташе подполковника фон Ранду¹⁵²⁸.

Историк русской разведки М. Алексеев полагает, что одним из информаторов Кюрца был болгарский посланник в Румынии; якобы именно его Павел Игнатъев описал в своей книге под видом консула одной из стран Южной Америки¹⁵²⁹. Однако эта точка зрения иссле-

дователя основана на домысле и противоречит фактам. Южноамериканским консулом, о котором писал Игнатъев, без сомнения, был именно подручный Кюрца Жан-Андре Мюраур. Пост болгарского посланника в Бухаресте в 1915 г. занимал Симеон Радев, влиятельный деятель македонского освободительного движения, революционер и опытный конспиратор, очень опасный и русофобски настроенный человек. Этот орех был явно не по зубам русской разведке, тем более представляемой жалкими Кюрцем и Павлом Игнатьевым. Абсолютно бездоказательны и слова о том, что агентом Кюрца был некий офицер австрийского Генштаба Штенберг, якобы обозначенный как «полковник П.»¹⁵³⁰.

И все же на кого работал Кюрц, кому он адресовал свои донесения? Ответ на этот интересный вопрос проливает больше света на самую суть проблемы. Копии своих отчетов Кюрц рассылал в штаб Юго-Западного фронта, в Огеньвар, в штаб Одесского военного округа, начальнику Жандармского управления Одессы П.П. Заварзину и, наконец, в Департамент полиции, к руководителям которого он обращался почтительно, но как к своим старым знакомым. Вице-директора департамента А.Т. Васильева Кюрц называл «своим другом»¹⁵³¹. В Департамент полиции агент «Короленко» направлял копии своих донесений в Генштаб и штабуз¹⁵³².

Еще в феврале 1915 г. Джунковский разослал предписание всем жандармским офицерам на пограничных пунктах с Румынией: «Пропустите беспрепятственно [через] границу без досмотра Илью Романовича Кюрца. Деньги хотя бы более пятисот рублей и золото у него не отбирайте»¹⁵³³. В апреле 1915 г. было отдано аналогичное распоряжение пропустить Кюрца в Россию без всякого досмотра¹⁵³⁴.

Наконец, 5 мая 1915 г., перед большой командировкой Кюрца в Румынию, директор Департамента полиции Брюн-де-сент-Ипполит просил начальника Бессарабского ГЖУ К.Ф. Нордберга оказать Кюрцу всяческое содействие, если тот обратится, и особенно — подыскать для него надежное лицо, знающее румынский язык¹⁵³⁵. За период своей деятельности в Румынии в 1915 г. Кюрц успел отослать в Департамент полиции не менее 184 донесений, судя по их номерам¹⁵³⁶.

Сам Кюрц утверждал, что товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский выразил желание лично получать копии его рапор-

¹⁵²⁴ Там же. Л. 60–60 об. *Туркистанов В.Г.* Доклад по ЦВРБ. 31 октября 1915 г. № 7314.

¹⁵²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 321. Л. 1, 3, 6–6 об.

¹⁵²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 69.

¹⁵²⁷ Там же. Л. 43–43 об.

¹⁵²⁸ Там же. Ед. хр. 113. Л. 91. Б.А. Семёнов — в Огеньвар. 10 января 1916 г. № 16.

¹⁵²⁹ *Алексеев М.* Военная разведка России... Кн. 3, ч. 1. С. 182.

¹⁵³⁰ Там же.

¹⁵³¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 44–44 об., 81–81 об.

¹⁵³² Там же. Л. 46, 49–50.

¹⁵³³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 300. Лит. С. Л. 1.

¹⁵³⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵³⁵ Там же. Л. 6.

¹⁵³⁶ Там же. Л. 417.

тов¹⁵³⁷. Более того, некоторые свои рапорты Кюрц посылал в виде частных писем самому председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, если они касались общеполитических и финансовых вопросов. Удивительно, но далеко не все из его адресатов догадывались, что Кюрц имеет дело с кем-то еще. В конце концов, когда военное ведомство узнало, что Кюрц работает и на Департамент полиции, это стало одной из главных причин ярости, которая обрушилась на него.

Кюрц находился в доверительных отношениях с другим бухарестским резидентом штабюза — штабс-капитаном Юрьевым. Они часто встречались и обменивались сведениями. В декабре 1915 г. Юрьев даже просил Кюрца о помощи, с использованием его связей в сигуранце. Дело в том, что некий Жан Киндлер дважды посылался Юрьевым на разведку в Австро-Венгрию и оба раза докладывал полный вздор, что обошлось штабюзу в 2 тыс. франков. Затем Киндлер начал шантажировать Юрьева, и тот был вынужден обратиться за помощью к Кюрцу. «Прошу поговорить с Панаитеско, дабы этого молодца немного успокоить», — писал Юрьев¹⁵³⁸.

Были случаи, когда штаб Одесского округа через жандармского ротмистра Мандражи посылал Кюрцу свои запросы. К примеру, в декабре 1915 г. окружному штабу потребовалось срочно выяснить, правдивы ли слухи о начале румынами окопных работ в Молдавии близ русской границы. Генерал Илиеску в ответ на вопрос Кюрца заверил его 21 декабря, что эти слухи были полным вымыслом, и предложил дать офицера румынского Генштаба в качестве проводника для русского офицера, который мог бы лично посетить те места¹⁵³⁹. Как видим, определенную пользу Кюрц мог приносить, однако вреда от него было гораздо больше. Далеко не случайна была в те дни и подчеркнутая любезность румынских чиновников, желавших добиться гораздо большего в свою пользу путем заигрывания с Кюрцем и интриг против полковника Семёнова.

Помимо агентурной разведки, диверсий, светского общения, интервьюирования румынских политических деятелей и гешефтов, Кюрц занялся сбором компромата, в том числе на представителей России. Он завел себе картотеку личных данных, в которую попало множество жителей Бухареста и приезжих, так или иначе причастных к шпионажу. Особое внимание Кюрц уделял сбору сведений, относящихся к полковнику Семёнову. Агенты русской контрразведки докладывали князю Туркистанову в Петроград, что Кюрц всегда проявлял большой интерес, когда ему предлагали любые дела против Семёнова.

При этом Кюрц делал вид, что желает лишь проверить степень серьезности источника информации. Агенты Туркистанова докладывали, что Кюрц очень уважает полковника Семёнова, что он знает многие секреты последнего, но не хочет использовать их ему во вред¹⁵⁴⁰.

В действительности Кюрц развернул настоящую кампанию против военного агента. В частности, он пытался противопоставить Семёнова штабс-капитану Юрьеву, представлявшему, как и сам агент «Короленко», разведку штаба Юго-Западного фронта. 3 сентября Кюрц писал Игнатьеву: «Впрочем, Юрьев мне сказал, что он не уезжает, что ему увеличили его полномочия и что он теперь будет официально признан в своей должности. Это было бы хорошо, но никогда он не сможет работать с полковником Симоновым (Семёновым. — В.К.). Я держусь того мнения, что если бы можно было заменить полковника Симонова (Семёнова. — В.К.), то Юрьева заменять не надо, так как он более или менее находится в курсе своего дела, и никто не будет лучше исполнять то, что он делает. Он заслуживает того, чтобы быть известным, он молод, но, к сожалению, слишком подпадает под чужое влияние»¹⁵⁴¹.

В своих донесениях Игнатьеву Кюрц упорно твердил, что русские интересы требуют удаления Семёнова из Румынии. При этом ссылаясь он, прежде всего, на мнение представителей румынских властей. Жалобы и наговоры этих последних на русского военного агента объяснялись чрезвычайно просто. Полковник Семёнов занимал неуступчивую позицию в отношении ряда заказов румынского военного ведомства в России, в особенности таких, которые могли быть использованы для ввоза стратегических материалов через Румынию во враждебные государства. Этим он нажил целый ряд врагов в румынских властных кругах, которые стали охотно использовать Кюрца как передаточное звено для дискредитации Семёнова в глазах его начальства.

К примеру, летом 1915 г. генерал Илиеску жаловался Кюрцу, что недавно его ведомство отправило человека в Одессу для закупки палаточного полотна, для изготовления солдатских торб. Первая партия в 30 тыс. аршин была благополучно вывезена; румыны купили еще 80 тыс. аршин, однако одесские власти издали приказ, запрещающий вывоз полотна. Илиеску обратился к полковнику Семёнову за содействием. Тот якобы обещал сделать все возможное, но в течение трех недель ничего не предпринял. При этом Семёнов публично, в знаменитом бухарестском кафе «Капша», говорил, что полотно предназначено для Австрии. Илиеску говорил Кюрцу: «Я ему написал, и он ответил

¹⁵³⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 120.

¹⁵³⁸ Там же. Л. 130.

¹⁵³⁹ Там же. Л. 104–105.

¹⁵⁴⁰ Там же. Ед. хр. 113. Л. 6–6 об. Доди Григореску, Нику Вэрворяну — В.Г. Туркистанову. 3 октября 1915 г. Б.н.

¹⁵⁴¹ Там же. Ед. хр. 990. Л. 76–78.

мне письмом, по прочтении которого я спросил себя — идиот он или смеется надо мной. <...> Уверяю вас, что наше терпение приходит к концу, если бы он не являлся представителем русской армии, к которой мы питаем искренние дружеские чувства, — то мы давно бы уже нашли поводы отделаться от него». Далее Кюрц писал: «Я пообещал генералу Илиеску сделать все возможное, чтобы быть ему приятным в этом деле. Должен Вам сказать, что русский посланник уже предпринял некоторые шаги»¹⁵⁴².

Агент «Короленко» бесперебойно продолжал выступать передатчиком посланий генерального секретаря военного ведомства Румынии. Тот убеждал Кюрца, что Румыния усиленно готовится выступить на стороне России, однако для этого у нее не хватает боеприпасов, румынские заводы не справляются, а поставки через Салоники идут слишком медленно. Подготовке же соглашения между Румынией и Россией мешает русский военный агент, делающий это, по словам Илиеску, «неумело и не без злобы».

И вновь Кюрц цитировал своего высокопоставленного собеседника: «Мы не особенно любим этого последнего (Семёнова. — В.К.), впрочем, об этом у вас должно быть известно, так как я помню, что во время посещения их величествами Констанцы (1 июня 1914 г. — В.К.) я высказал о нем мое мнение его превосходительству г. Сазонову в присутствии директора канцелярии барона Шиллинга. Несмотря на то что в начале кампании я отдал моим подчиненным приказание быть в распоряжении полковника Семёнова, сообщать ему всевозможные имеющиеся у нас сведения, которые могут быть полезными для России, однако его поведение и образ действий до такой степени возмутили весь состав министерства, что все его избегают и не хотят с ним иметь дело. <...> Однажды я сам не мог удержаться, чтобы не сказать ему, как трудно нам иметь сношения с человеком, так явно враждебно относящимся к нам, хотя лично я высказал ему уверенность в наших симпатиях к России. Тем не менее полковник Семёнов говорит и пишет о нас нелестные и часто ложные сведения. <...> У него мания видеть, будто бы на всех наших железных дорогах пропускают военную контрабанду. Я отдал приказание всем подлежащим властям быть в распоряжении полковника Семенова каждый раз, как он к ним обратится, чтобы произвести обыск или расследование в вагонах, которые по его подозрению заключают военную контрабанду. Мы убедились, что его агенты очень часто его обманывают, и его подозрения не основательны»¹⁵⁴³.

¹⁵⁴² Там же. Л. 76–78.

¹⁵⁴³ Там же. Л. 200–201 об.

При этом фактический глава военного ведомства Румынии полностью отрицал существование широкого потока контрабанды через территорию страны. Он говорил, что на тот момент в Румынии находилось 350 задержанных вагонов с контрабандными грузами. Конечно, признавал румынский генерал, отдельные партии контрабанды могли проходить, остановить их полностью было бы невозможно. И все же Семёнов поступил некорректно, когда фактически запретил вывоз в Румынию закупленного румынами в России каучука. Илиеску якобы лично давал ему гарантии относительно предназначения этого груза и даже предлагал ключи от складов, чтобы проверить правоту его слов. «Скажите в России всем кому следует, что не надо нами пренебрегать. Наша армия хорошая, сильная, прекрасно снаряженная, она могла бы сделаться ужасной, когда у нее будет достаточно военных припасов, чтобы сражаться с неприятелем, могущим изготавливать ежедневно более 325 000 (Так в тексте. — В.К.) взрывчатых веществ и снарядов всех родов и более 100 миллионов патронов»¹⁵⁴⁴. Катастрофическая для Румынии военная кампания 1916 г. показала, сколько истины было в словах Илиеску о грозной силе румынской армии. А изложенные его беседы с Кюрцем отлично дают понять, почему именно генерал не выносил русского военного агента. Тем не менее «Короленко» исправно обслуживал интересы военного ведомства Румынии. 19 августа он писал Игнатьеву: «Обратите Ваше внимание на донесение, касающееся разговора с генералом Илиеску. Я сделаю все возможное, чтобы помочь этому положению в отношении полковника Симонова (Семёнова. — В.К.). Здесь этого нельзя чувствовать, и, следовательно, он не может делать никакой полезной работы. Он окружен непорядочными людьми, эксплуатирующими его или, скорее, его положение, компрометируя даже его честь»¹⁵⁴⁵.

В письме от 11 сентября 1915 г. Кюрц сообщал: «Я завтракал сегодня в придворной среде, у адъютанта короля подполковника Флореско. Я составляю для Вас особое донесение относительно того, что я там слышал. Вы сделаете из него какое угодно применение, но по нему Вы сами можете судить, какое жалкое мнение сложилось в этой среде о полковнике Симонове (Семёнове. — В.К.). Я, право, не понимаю, почему его не заменяют. Я собираю все истории и анекдоты, которые слышу о нем, чтобы передать их военному министру, когда буду в Петрограде, если бы Вы не были противоположного мнения»¹⁵⁴⁶.

Интригуя против Семёнова, Кюрц совершал подчас невероятные глупости. К примеру, в отсутствие Павла Игнатьева он направил свой

¹⁵⁴⁴ Там же.

¹⁵⁴⁵ Там же. Л. 75.

¹⁵⁴⁶ Там же. Л. 79–80.

отчет о разговоре с Илиеску про Семёнова — в Огенквар, т.е. непосредственному начальству военного агента. «Я признаюсь, что сделал промах: я недостаточно подумал» — так позже в письме к Игнатьеву сам Кюрц оценивал свой нелепый поступок¹⁵⁴⁷.

Полковник Семёнов, судя по разным данным о нем, был далеко не свободен от человеческих слабостей и грехов. Один из осведомителей Кюрца сообщил ему 13 ноября 1915 г. любопытные подробности частной жизни Семёнова в Бухаресте. Некоторое время русский военный агент в Румынии был в связи с сербкой по имени Иванка Глунич, муж которой, офицер австрийской армии, служил где-то под Землином. Эту даму Семёнов неоднократно пытался использовать для добывания документов у ее родственников и знакомых в дипломатических кругах, но в итоге она была уличена в этом, и румынская сигуранца выслала ее из страны. После этого полковник Семёнов имел связь с румынкой Женни Иоанин, которая проживала у вдовы Маргаритезен и ее дочери Констанцы, по адресу улица Александра Лаговари, 41. Семёнов даже уплатил долг вдовы в 13 тыс. франков за мебель некоему торговцу Саид-аге, улица Вердей, 27. Уплату этого долга Женни поставила Семёнову обязательным условием. Особенно интересно, что Саид-ага получил вознаграждение от германской миссии за то, чтобы свести Семёнова и Женни и с помощью этой женщины выкрасть у него документы. Как опытный разведчик, Семёнов назначил людей для наблюдения за домом, где жила его любовница. В итоге Констанца и Женни стали жаловаться на это румынскому министру иностранных дел Эманоилу Порумбару, и тот был вынужден передать это Поклевскому и Семёнову¹⁵⁴⁸.

К моменту составления донесения полковник Семёнов находился в связи с француженкой Жанной Ламбрей (Ламбрехт), бывшей танцовщицей ресторана «Модерн», которой он давал ежемесячно по 5 тыс. франков, оплачивал туалеты, содержание виллы и автомобиля. Всего на женщин Семёнов расходовал от 9 до 10 тыс. франков в месяц. Согласно данным персональной картотеки Кюрца, во время дебюта госпожи Ламбрей в горном местечке Синайя, где располагалась летняя королевская резиденция, в любовных приключениях Семёнова ему помогал его агент Лазареску. Одновременно этот бывший служащий магазина работал с Игнациу Банди; также им было сделано предложение о сотрудничестве агентству Вернера. Вполне в духе бухарестских нравов, г-жа Ламбрей на деньги Семёнова содержала любовника, не-

коего Макса Ревезарда, который был посредником между ней и германскими агентами¹⁵⁴⁹.

Источником некоторых из этих сведений был вражеский агент Вилли Давидович — лгун, авантюрист, двойной агент. Казалось бы, перед нами явная клевета и грязный вымысел, направленные на очернение полковника русского Генштаба. Однако, к сожалению, по крайней мере ряд сообщенных Давидовичем сведений подтверждался данными из других источников. К примеру, в делах Огенквара сохранилось переданное генералу Леонтьеву из МИД письмо на имя министра С.Д. Сазонова от румынки Женни Иоанин, в котором она жаловалась на полковника Семёнова, обвиняла его в пьянстве и насилии¹⁵⁵⁰.

Рассказывая эту и подобные ей истории, мы вступаем на довольно зыбкую и неверную почву, ибо почти наверняка такого рода сведения представляли собой гремучую смесь из правды и вымысла. Принимать их на веру безоговорочно мы не можем и не имеем права. Однако целый букет подобных слухов не рождается на пустом месте, и это позволяет нам сделать определенные выводы. Деятельность полковника Семёнова и ряда других агентов русской разведки в Румынии, при отсутствии надлежаще строгого контроля со стороны руководства, протекала в атмосфере вседозволенности, под лозунгом — «война спишет всё». Вряд ли беспорядочная личная жизнь и любовные похождения холостого полковника Семёнова могли подорвать престиж России в глазах развращенного высшего света Бухареста. И все же своим поведением русский военный агент, по меньшей мере, создавал почву для распространения о нем сведений скандального характера и дискредитации его в глазах собственного начальства. Вскоре это сыграло на руку враждебным России силам.

Наряду с деятельностью Кюрца, еще одной одиозной страницей истории работы агентов штаба Юго-Западного фронта в Румынии стали бухарестские гастроли Великорусского оркестра балалаечников. Летом 1915 г., в разгар тяжелейших боев Великого отступления, разведывательное отделение штаба Юго-Западного фронта продолжало выдумывать новые изощренные способы расширения своей агентурной работы в Румынии. Как вспоминал офицер разведки штабуза, в то время ротмистр, граф П.А. Игнатьев, в штабе фронта много раз обсуждалась идея необходимости «придумать что-нибудь сенсационное» для противодействия усилиям неприятельской стороны в Румынии¹⁵⁵¹.

¹⁵⁴⁷ Там же.

¹⁵⁴⁸ Там же. Л. 182–182 об.

¹⁵⁴⁹ Там же. Л. 33 об., 34 об.

¹⁵⁵⁰ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 8159. Л. 38–40.

¹⁵⁵¹ Игнатьев П.А. Моя миссия в Париже. С. 39.

«Сенсация» не замедлила родиться — в штабе возникла и получила общую поддержку одна «блестящая» идея, которая, как вспоминал Игнатъев, «позволяла нам проникнуть в высшее румынское общество, включая окружение самой королевы Марии, и, благодаря этому, организовать контрразведывательную службу для противодействия интригам наших врагов. Эта, по существу, простая идея заключалась в том, чтобы создать в Бухаресте Русский артистический центр, который позволил бы румынам оценить наше искусство и, в частности, красоту русской народной музыки»¹⁵⁵². Искать подходящих людей долго не пришлось. В одном петроградском салоне Игнатъеву представили Бориса Мезенцова, «казацкого унтера, награжденного Георгиевским крестом, красивого парня с великолепной выправкой, в безупречно сидящем военном мундире, что так характерно для всех казаков»¹⁵⁵³. Он якобы находился в бессрочном отпуску после тяжелого ранения и сразу согласился принять участие в «артистической пропаганде» в Румынии.

Такова была версия графа Павла Игнатъева. Увы, этот офицер безудержно сочинял и фантазировал на страницах своих мемуаров, изданных на французском языке в 1933 г., уже после смерти их автора.

Борис Александрович Мезенцов (Мезенцев), 1877 г. рождения, родом из деревни Песочное Княгининского уезда Нижегородской губернии, был профессиональным оперным певцом-баритоном, солистом Императорских театров. Ценителям музыки тех лет он был хорошо известен как обладатель редкого по красоте голоса широкого диапазона (от нижнего фа до верхнего си-бемоль)¹⁵⁵⁴. На военной службе он состоял не «казацким унтер-офицером», а прапорщиком 1-го Дагестанского конного полка и числился переводчиком при штабе Юго-Западного фронта. 8 августа Мезенцов был командирован штабом фронта в Бухарест вместе с Великорусским оркестром балалаечников, состоящим под покровительством его величества императора¹⁵⁵⁵. Руководителем оркестра был известный виртуоз-балалаечник Борис Сергеевич Трояновский (1883–1951); женской звездой труппы стала певица г-жа Невтонова.

Встречу артистов в Бухаресте организовал агент Кюрц, на сей раз выступивший в качестве импресарио. По этому поводу 18 сентября он устроил званый обед на двадцать человек и чай на шестьдесят гостей, среди которых было четыре члена правительства, несколько быв-

¹⁵⁵² Там же.

¹⁵⁵³ Там же. С. 40.

¹⁵⁵⁴ *Эйнарович Л.А.* Борис Александрович Мезенцев. (Драматический баритон). Исполнитель произведений М.П. Мусоргского и русской народной старинной и современной песни. К концертной поездке по России. СПб., 1914.

¹⁵⁵⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 2759. Л. 102.

ших министров, иностранных посланников, лидеры оппозиции Таке Ионеску и Николае Филипеску, генерал-адъютант Иоан Ману, господа Ксенополь¹⁵⁵⁶ и Димитриу¹⁵⁵⁷. Мезенцов выступал в кавказско-горской форме Дагестанского полка и был неотразим. «Мезенцов имел большой успех и как артист, и как человек; первое впечатление совершенно изгладилось. Я нахожу его умным, хорошо воспитанным, с достаточным природным тактом», — писал Кюрц Павлу Игнатъеву¹⁵⁵⁸. На том концерте родилась и легенда о боевых отличиях Мезенцова. Кюрц докладывал Игнатъеву: «Русский посланник, желая сделать Мезенцова более интересным в глазах слушателей, рассказал, будто он очень храбрый офицер, отличившийся на войне и уволенный в запас из-за ран»¹⁵⁵⁹. Кюрцу эта история показалась сначала неприятной, но в итоге он оказался доволен результатом вымысла. Мезенцов немедленно получил приглашение петь в трех спектаклях бухарестской оперы. Остальная русская труппа, по мнению «Короленко», не имела и четвертой части ценности одного Мезенцова¹⁵⁶⁰.

Итак, бухарестские гастроли Мезенцова начались сценическим успехом, но каковы были их результаты для русской разведки и сражающейся армии — остается величайшей загадкой. К достижениям группы Мезенцова, насколько позволяют судить документы, можно отнести лишь организацию показа в Бухаресте нескольких русских кинолент патриотического характера, в целях пророссийской пропаганды. Этим специально занимался человек Мезенцова, некто Стоянов¹⁵⁶¹. Между прочим, в отчетной схеме разведки штаба Юго-Западного фронта к ноябрю 1915 г. именно в подчинении Мезенцова значился вышеупомянутый Юлиан Вейнбаум, который выдал австрийцам русских агентов, отправленных в Австрию из Румынии¹⁵⁶².

Встречи Мезенцова с Кюрцем обычно происходили в номере последнего в гостинице «Спленид», по два-три раза на день. Как докладывали агенты контрразведки ГУГШ, вечером 3 октября 1916 г. Мезенцов, Кюрц и вся труппа Трояновского в полном составе собрались на квартире Павла Боцана, присутствовал там и Георгий Боцан. Послед-

¹⁵⁵⁶ Очевидно, имелся в виду выдающийся румынский историк, профессор Александру Димитрие Ксенополь.

¹⁵⁵⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 66.

¹⁵⁵⁸ Там же. Л. 83–87 об.

¹⁵⁵⁹ Там же.

¹⁵⁶⁰ Там же.

¹⁵⁶¹ Там же. Л. 140–140 об.

¹⁵⁶² *Звоначалов К.К.* Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 296.

ний во всеуслышание заявлял, что вся труппа Трояновского состоит из русских шпионов¹⁵⁶³.

Финал «опасных гастролей» Мезенцова был в некотором смысле закономерен. Как вспоминал П.А. Игнатъев, у «казачьего баритона» завязался роман с некоей прелестной румынкой, которая оказалась агентом австрийской разведки. Игнатъев рекомендовал своему подчиненному порвать с этой женщиной, но тот продолжал до последнего верить возлюбленной, пока не уличил ее в краже письма к нему от Игнатьева. Тогда солист Императорских театров Мезенцов поступил вполне в духе оперных страстей — выстрелил себе в сердце. Однако рана оказалась несмертельной¹⁵⁶⁴. На следующий день полковник Семёнов телеграфировал в Огеньквар: «21-го января прапорщик Дагестанского конного полка Мезенцов, командированный штабом Юго-Западного фронта для разведки в Бухарест, покушался на самоубийство выстрелом из револьвера. Жизнь его вне опасности. Приняты меры для избежания огласки. Бумаги и шифры нами опечатаны»¹⁵⁶⁵. Кто-то из руководства Генштаба с понятным едким сарказмом написал на этой телеграмме: «Хорошо организована разведка в Ю[го]-З[ападном] фронте, и надежные лица привлекаются к ней»¹⁵⁶⁶.

Любопытно, что начальник разведки штабуза подполковник В.А. Брендель, узнав о выходе Мезенцова, попытался сделать вид, что ситуация является «штатной» и находится под его полным контролем. 26 января он телеграфировал в Ставку: «Происшествие известно, но не от полковника Семёнова. Все необходимые меры своевременно были приняты, и инцидент не получил нежелательной огласки и носит характер обыденного происшествия»¹⁵⁶⁷. По некоторым данным, румынские власти все же извлекли из произошедшего максимум пользы для себя. 27 января генерал Маркс сообщал в штаб Юго-Западного фронта: «Свиты контр-адмирал Весёлкин телеграфирует: “По дошедшим до меня сведениям, цель пребывания в Бухаресте командированного от Юго-Западного фронта прапорщика Мезенцева стала известна румынскому правительству. Прапорщик Мезенцев на днях якобы на романической почве стрелялся, но остался жив. Румынская полиция произвела обыск на его квартире и в течение двадцати четырех часов держала у себя его переписку и имевшийся у Мезенцева шифр. Про-

шу об изложенном поставить в известность начальников штабов Юго-Западного фронта и седьмой армии”»¹⁵⁶⁸.

В делах разведывательного отделения штабуза сохранились некоторые документы, проливающие свет на дальнейшую судьбу Мезенцова. С мая по август 1916 г. разведчик-баритон вел переписку с начальником разведки штаба фронта полковником Е.Е. Шишковским, в которой слезно умолял его ходатайствовать перед начальством о разрешении его невесте Марии Статеску, бедной «оклеветанной» девушке, въехать в пределы России¹⁵⁶⁹. Очевидно, это и была та роковая женщина, из-за которой Мезенцов в свое время пытался свести счеты с жизнью. Начальство неизменно отвечало отказом. В июне 1916 г. в штаб фронта поступила жалоба на Мезенцова от портнихи Гогосовой, которой этот офицер-разведчик не уплатил 50 руб. за пошив разных вещей¹⁵⁷⁰. В январе 1917 г. самого Мезенцова уже разыскивала контрразведка штаба Румынского фронта, поскольку имелись сведения, что с ним могла находиться его новая сожительница, некая венгерка Ятилли, полная шатенка 20 лет, беженка из Бухареста, подозревавшаяся в связи с вражеской разведкой¹⁵⁷¹. Неделю спустя оба разыскиваемых лица были обнаружены в Киеве, хотя с сентября 1916 г. Мезенцов числился выехавшим из Одессы в действующую армию¹⁵⁷².

Бывшая любовница Мезенцова Мария Статеску, 27 лет, православная, была задержана русской контрразведкой в Одессе в феврале 1917 г. и выдворена из пределов России, въезд в которую ей так никто и не разрешил¹⁵⁷³. Чем закончились похождения «казачьего баритона» в годы мировой войны — неизвестно. На этом агент-певец из штаба Юго-Западного фронта навсегда покидает страницы нашего повествования. Скажем лишь, что, по данным списков жертв политических репрессий в СССР, Мезенцов Борис Александрович, 1877 г. рождения, русский, беспартийный, образование среднее, артист оперы, проживавший в Медвежьем переулке в Москве, 15 января 1931 г. был арестован и приговорен к высшей мере наказания «тройкой» Полномочного представительства ОГПУ по Московской области, по обвинению в антисоветской агитации. 23 февраля 1931 г. он был расстрелян, а 21 мая 1962 г. — реабилитирован.

¹⁵⁶³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 6–6 об. Доди Григореску, Нику Вэрвореану — В.Г. Туркистанову. 3 октября 1915 г. Б.н.

¹⁵⁶⁴ Игнатъев П.А. Моя миссия в Париже. С. 48.

¹⁵⁶⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 514. Л. 96. Б.А. Семёнов — в Огеньквар. 22 января 1916 г. № 27.

¹⁵⁶⁶ Там же.

¹⁵⁶⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1870. Л. 1196. В.А. Брендель — Б.М. Стаховичу. 26 января 1916 г. № 162.

¹⁵⁶⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 977. Л. 4. Н.А. Маркс — М.К. Дитерихсу. 27 января 1916 г. № 298 Р.

¹⁵⁶⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 3909. Л. 16, 230–231, 543, 546–549.

¹⁵⁷⁰ Там же. Л. 175.

¹⁵⁷¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 1866. Л. 1. Ротмистр Н.И. Кирпотенко (КРО штаба Румынского фронта) — ротмистру А.Ф. Белавину. 18 января 1917 г. № 288.

¹⁵⁷² Там же. Л. 3–6.

¹⁵⁷³ Там же. Л. 7–18.

Агитационная деятельность агента Кюрца в Бухаресте не ограничивалась организацией гастролей Великорусского оркестра балалаечников. Вместе с П.А. Игнатьевым они планировали организовать поездку в Румынию и выступления перед местной публикой кого-нибудь из видных политических деятелей России. Совет устроить приезд в Бухарест такого лектора дал сам министр иностранных дел Румынии Порумбару¹⁵⁷⁴. Поразительно, но граф Игнатьев предложил на эту роль не кого иного, как самого П.Н. Милюкова, признанного вождя либеральной оппозиции, который как раз в то время не покладая рук работал над расшатыванием устоев российского государства и к тому же всегда был убежденным и пристрастным болгарофилом. На это удивительное предложение Кюрц отвечал в своем духе, напыщенно, хотя в данном случае не без некоторого смысла: «Я знаком с ним (Милюковым. — В.К.) лично очень хорошо. Это не такой человек, какого нужно для Румынии. Он слишком теоретик, слишком человек науки, слишком серьезен для публики, которая его не поймет, с другой стороны, он находится в сношениях с партией оппозиции (подразумевается румынская интервенционистская оппозиция. — В.К.), которая приветствовала бы его более демонстративно, чем следует, результатом чего явилось бы противоположное тому, чего мы ожидаем. Я нахожу, что в настоящий момент не следует давать никакого повода, могущего считаться возражением против действий правительства, которое, я убежден, стоит за нас»¹⁵⁷⁵. В итоге штаб Юго-Западного фронта так и не организовал агитационную поездку в Румынию русского политического лектора.

Похождения секретного сотрудника «Короленко» в Румынии в 1915 г. являются, на наш взгляд, самым вопиющим примером неспособности секретных служб Российской империи периода Великой войны осуществлять надлежащий контроль в области подбора людей для ответственных поручений по разведке и, что особенно важно, обеспечивать минимально необходимое межведомственное взаимодействие. Так возникали исключительно благоприятные условия для предприимчивых авантюристов, а бессилие официальных органов своевременно пресекать их деятельность было системным явлением, которое свидетельствовало о реальном, а не мнимом разложении бюрократических институтов государства еще до февраля 1917 г.

¹⁵⁷⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 76–78. И.Р. Кюрц — П.А. Игнатьеву. 3 сентября 1915 г. Б.н.

¹⁵⁷⁵ Там же. Л. 83–87 об.

Глава 21

ШЕЛЬМОВАНИЕ ПОЛКОВНИКА СЕМЁНОВА

Своеобразным венцом деятельности агента Кюрца в Бухаресте стало его участие в кампании по дискредитации русского военного агента полковника Семёнова, закончившейся отозванием последнего. Семёнов допускал очевидные и серьезные провалы в своей агентурной работе, а его небезупречная и, видимо, довольно беспорядочная личная жизнь могла оказывать отрицательное влияние на служебные дела. При всем этом Семёнов оставался опытным военным аналитиком, твердо и бескомпромиссно отстаивавшим государственные интересы России, прежде всего в вопросах оценки мощи и боеспособности румынских вооруженных сил, а также неприятельской военной контрабанды через территорию Румынии и вывоза из России в Румынию запрещенных грузов. Из-за этого Семёнов стал костью в горле у Брэтиану и Илиеску. Именно по этой причине первые лица румынского военного ведомства предпочитали общению с Семёновым контакты с агентом «Короленко», которому они систематически внушали мысль о непригодности Семёнова для решения задач по сближению России и Румынии. Более того, румынские руководители не стеснялись прямо заявлять, что присутствие полковника Семёнова мешает выступлению Румынии на стороне Антанты. 29 октября 1915 г. Кюрц докладывал, что сам И. Брэтиану сказал ему: «Я готов начать переговоры о нашем выступлении, когда русское правительство поймет, что присутствие его военного агента полковника Семёнова может лишь вредить нашим добрым отношениям»¹⁵⁷⁶.

Итак, деятельность полковника Семёнова в Румынии создала ему множество непримиримых врагов среди румынских военных и гражданских чиновников. Как мы помним, еще зимой 1915 г. руководство МИД России пыталось ставить вопрос об отозвании Семёнова, что было частью кампании по защите посланника С.А. Поклевского. Тогда военное ведомство всецело поддержало и поощрило представителя Генштаба в Румынии. Затем весной 1915 г. последовали новые попытки дискредитации Семёнова. Именно тогда в петроградский Генштаб

¹⁵⁷⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 229 об.–230.

поступил нелепый донос о его общении с бывшим главой Константинопольской агентуры Департамента полиции ротмистром Кречунеско, давно покончившим с собой¹⁵⁷⁷. В донесении с опровержением этого навета Семёнов писал: «Считаю долгом предупредить, что, имея дело в Бухаресте с многочисленными тайными агентами, я могу ожидать дальнейших нелепых доносов на меня тех из них, кои почему-либо мною были уволены со службы или мною недовольны»¹⁵⁷⁸.

Семёнов вскоре отправил в Генштаб на имя М.Н. Леонтьева подробный рапорт, в котором он подробно объяснял причины появления доносов на него. Приведем целиком текст этого любопытного и содержательного документа:

«Доношу, что с переездом за город (шоссе Киселев № 10) с целью затруднения наблюдения за мной враждебных австро-германских организаций в Бухаресте, вместе с сим мною приняты согласно инструкции меры крайней осторожности в хранении шифров и секретной переписки, которые теперь хранятся в помещении нашей миссии в моем несгораемом шкафу.

Работаю я исключительно в миссии, и ни одной деловой бумаги у меня на дому не хранится.

В выборе моих личных знакомых я руководствуюсь моим личным природным тактом и почти девятилетним опытом заграничной службы. Все мои знакомые принадлежат к избранному обществу города Бухареста и известны как друзья России и Франции. Приемов дома я не делаю, и личная моя жизнь никоим образом не может отражаться вредно на успехе моей работы, а, наоборот, как я думаю, вполне соответствует несколько своеобразным нравам и обычаям столицы Румынии, что дает мне возможность иметь широкий круг знакомства и быть осведомленным во всем, что происходит в стране.

Деловые секретные свидания я произвожу на особых конспиративных квартирах, которые приходится часто менять. Вся моя прислуга в доме, кроме помощника шофера и кухарки — румын, — вся исключительно русская, служит у меня 1 1/2 года и ни в чем подозрительном не замечена. Соображение это, впрочем, отпадает, так как мой дом представляет собой только мое частное жилище и со служебными моими обязанностями ничего общего не имеет. Такие меры мною были приняты после наглого и открытого преследования меня и всех моих знакомых со стороны австро-германской шпионской организации, с которой я боролся и продолжаю бороться с начала войны. Организация эта не останавливается ни перед чем, чтобы скомпрометировать

¹⁵⁷⁷ Там же. Ед. хр. 325. Л. 1. В.П. Никольский — М.Н. Леонтьеву. 24 апреля 1915 г. № 776.

¹⁵⁷⁸ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 8159. Л. 55. Б.А. Семёнов — в Огенквар. 6 мая 1915 г. № 600.

меня и затруднить мою для них неприятную деятельность по разведке в Австрии и контршпионажу.

Деятельность моя в Румынии в военное время по необходимости далеко выходит из пределов прямых моих обязанностей по должности военного агента, охватывая собой большое число особых отделов, а именно: 1) секретная разведка румынских вооруженных сил, 2) секретная разведка в Австро-Венгрии, 3) секретная разведка в Турции, 4) контршпионаж, 5) обеспечение свободного плавания нашей Дунайской флотилии, 6) борьба с контрабандой в Турцию и экспортом запрещенных товаров из Румынии к нашим врагам и, наконец, особо секретные сношения с румынским Военным министерством по вопросам о военных заказах в России, сущность коих мною донесена в Ставку Верховного главнокомандующего и Гл[авное] упр[авление] Ген[ерального] штаба телеграммой № 651 с[его]г[ода] и одобрена телеграммой генерала Данилова с[его]г[ода] № 1864.

Я предвижу, что исполнение этого поручения повлечет, если уже не повлекло, за собой целый ряд инсинуирующих на меня доносов, так как затрагивает интересы многих лиц.

Естественно, что я, преследуя поставленные мне свыше задачи, должен неизбежно по характеру моей деятельности и по условиям работы в Бухаресте — центре австро-германского шпионажа, подкупов и разного рода совращений продажных румынских чиновников — сталкиваться с людьми самого разнообразного общественного положения, порою даже служащими на обе стороны, и людьми сомнительной нравственности, ставящими себе целью только одну наживу.

О возможных на меня самых разнообразных доносах я уже предупреждал Гл[авное] упр[авление] Ген[ерального] штаба телеграммой моей от 6 мая с[его]г[ода] № 600, когда одновременно я опроверг нелепость доноса на меня, сообщенного Гл[авному] упр[авлению] Ген[ерального] штаба [за №] 13139.

Считаю способными следующих секретных агентов, уволенных мною за неспособность или нечестность, на доносы и пасквили: Янчевецкий (на полях рапорта надпись Леонтьева: «Лицо не серьезное. Против полк[овника] Семёнова могут быть личные счеты». — В.К.) (моя телеграмма о нем с[его]г[ода] № 56), Боцан — рекомендованный моему вниманию письмом полковника Раша и ныне уволенный мною со службы за предательство и обманы. Боцан около 1 1/2 месяцев тому назад был пойман мною в сношениях с австрийской миссией, документ о чем я представляю. Двоюродный брат этого Боцана — кн[язь] Долгорукий, служивший тайным агентом Гл[авного] упр[авления] Ген[ерального] штаба. Это лицо в последнее свое пребывание в Бухаресте выдавало себя за личного адъютанта Верховного главнокоманду-

ющего и неоднократно вело себя крайне несдержанно в общественных местах Бухареста. Близость его с Боцаном тоже не может его рекомендовать. Агент Одесского военного округа некто Фарди, вздорный и беспорядочный грек, с лживыми донесениями которого мне непрестанно приходится бороться. Уволенный мной за недобросовестность и теперь работающий вместе с указанным Фарди — грек Теодоссиадес. Неизвестная до последнего времени ни нашему посланнику, ни мне личность по фамилии Кюрц, занимающаяся, будто бы по поручению нашей полиции, каким-то сыском в Бухаресте. Наконец, целый ряд других наших мелких жандармских и полицейских агентов, высылаемых для набора секретных разведчиков в Австрии для штабов различных наших армий, — также должны неизбежно, для оправдания получаемых ими денег, заниматься самым легким делом — доносами на должностных русских лиц в Бухаресте и Румынии, что они, несомненно, и делают.

Ввиду сложности моей разнообразной деятельности в Румынии, полной моей изолированности и невозможности своевременно защититься и опровергнуть возводимые на меня клевету и доносы, я осмеливаюсь просить Ваше превосходительство оказать мне моральную поддержку и доверие к моему способу работы и деятельности в Румынии, дабы безответственные лица, пытающиеся опорочить меня в глазах моего начальства, не достигли бы желаемой ими цели — подорвав ко мне доверие, устранить из Румынии невыгодного и беспокойного для них военного агента»¹⁵⁷⁹.

В то время полковник Семёнов пользовался полным доверием и всемерной поддержкой Ставки, что делало его практически «непотопляемым». 14 мая Янушкевич телеграфировал Сухомлинову: «Деятельность полковника Семёнова отнюдь не вызывает каких бы то ни было нареканий, и в случае возможности совместных действий с Румынией [Семёнов] является желательным представителем в штабе [румынской] армии»¹⁵⁸⁰.

В июне 1915 г. генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов вновь сообщил в Генштаб Леонтьеву: «За последнее время из различных источников ко мне поступают сведения о том, что полковник Семёнов, наш военный агент в Бухаресте, не обнаруживает достаточной осторожности и скрытности в служебных делах, в качестве военного агента. Особенно же упорно передается мнение, что среди знакомых полковника Семёнова, принимаемых им даже у себя на дому, есть люди подозрительные и даже будто бы состоящие негласными агентами

наших противников». Признавая, что у него нет «неоспоримых доказательств», Данилов, тем не менее, обращал внимание Леонтьева на то, что в таких условиях русский военный агент не мог успешно работать в государстве, «которое при нынешнем политическом положении является чуть ли не главным центром враждебной нам агитации», и рекомендовал предписать Семёнову особую осторожность¹⁵⁸¹. Леонтьев заступился за своего подчиненного и в своем ответе Данилову подчеркивал, что компетентно судить о деятельности полковника Семёнова мог лишь посланник Поклевский, однако его отношение к военному агенту было предвзятым. Источником же отрицательных сведений о Семёнове могли быть крайне неблагонадежные лица — Кюрц, Боцан, Долгоруков. Служебные донесения Семёнова, по оценке Огенквара, обнаруживали в нем «большую энергию и выдающиеся усердие и работоспособность»; нареканий к ним не было¹⁵⁸².

Однако военная и политическая ситуация на Балканах развивалась неблагоприятно для России; задачи, стоявшие перед полковником Семёновым, все усложнялись, а недоброжелатели и враги не сидели сложа руки и продолжали собирать компрометирующие его сведения. Любопытно, что в эти интриги ввязался и штаб 7-й армии, причем его высшие чины избрали своей мишенью как военного агента Семёнова, так и посланника Поклевского.

29 сентября 1915 г. начальник штаба 7-й армии Н.П. Стремоухов обратился к начальнику Бессарабского ГЖУ К.Ф. Нордбергу с совершенно секретным и доверительным запросом. Он писал: «Во вверенный мне штаб в настоящее время поступает целый ряд материалов, указывающих на направленную во вред интересам России деятельность нашего посланника в Румынии г. Поклевского-Козелл и на недостаточно добросовестное выполнение нашим военным агентом в Румынии полковником Семёновым порученного ему дела»¹⁵⁸³. В свое время Нордберг, находясь в штабе 7-й армии, в разговоре с начальником разведывательного отделения полковником Меньшовым упомянул, что у него имелись сведения на этот счет. Меньшов доложил об этом, и теперь Стремоухов просил Нордберга представить ему соответствующие материалы, дабы он мог собрать все данные воедино и довести их до сведения самого генерала Алексея в Ставке.

Нордберг отвечал, что его сведения о русском посланнике и военном агенте в Бухаресте носили случайный характер. И все же они рисо-

¹⁵⁸¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 8159. Л. 41–41 об. Ю.Н. Данилов — М.Н. Леонтьеву. Июнь 1915 г. № 2807.

¹⁵⁸² Там же. Л. 42–43 об. М.Н. Леонтьев — Ю.Н. Данилову. Июль 1915 г. № 2222.

¹⁵⁸³ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1915 г. Ед. хр. 331. Л. 2. Н.П. Стремоухов — К.Ф. Нордбергу. 29 сентября 1915 г. № 2013.

¹⁵⁷⁹ Там же. Л. 50–51 об. Б.А. Семёнов — М.Н. Леонтьеву. 11 июля 1915 г. № 31.

¹⁵⁸⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 61. Н.Н. Янушкевич — В.А. Сухомлинову. 14 мая 1915 г. № 631.

вали служебный облик и Поклевского, и Семёнова в неблагоприятном свете.

О главе русской миссии источники Нордберга сообщали, что с начала мировой войны посланник проникся убеждением в неизбежности поражения России и неоднократно высказывался об этом. Также Поклевский якобы не верил в возможность выступления Румынии на стороне Антанты и считал задачей-максимум добиваться от Бухареста лишь благожелательного нейтралитета. На первый план русский посланник ставил свои личные отношения с представителями высшего румынского руководства. Он изо всех сил заискивал перед королем и Брэтиану и крайне дорожил приглашениями «на чашку чаю» к королевскому двору, чего, впрочем, редко удаивался. Чтобы не портить отношения с Брэтиану, Поклевский долго закрывал глаза на военную контрабанду. Он даже тормозил дело о назначении в Румынию осолого чиновника,пустить которого предложила сама румынская сторона, чтобы снять обвинения в контрабанде. Когда же, по настоянию военного ведомства, этот чиновник был назначен — его поставили на одной железнодорожной станции на границе с Австро-Венгрией, без права перемещения. Движение контрабанды прекратилось, но лишь через одну эту станцию.

Кроме того, из-за боязни Поклевского испортить отношения с королем и Брэтиану русская миссия отклоняла все попытки сотрудничества со стороны антантофильских партий и газет. Когда осенью 1914 г. в Бухаресте шли массовые манифестации против Австрии и Германии, огромные толпы населения столицы во главе с профессорами Бухарестского университета и крупными политиками приходили к русской миссии с приветствиями. Однако окна и двери миссии были плотно закрыты. Прогерманские агитаторы, ссылаясь на это, говорили, что Россия сама не заинтересована в выступлении Румынии. Для сравнения, немцы в Румынии действовали совсем иначе: за организацию последней прогерманской демонстрации в Галаце, помимо крупных сумм организаторам, они выплатили каждому рядовому участнику по три франка, т.е. не стеснялись действовать активно и тратить большие деньги.

Большую часть своего времени Поклевский проводил в клубе. В Бухаресте ходило множество сплетен о его любовных похождениях, в частности, о том, что немцы подсунули ему шансонетную певицу-немку. По многим отзывам, заключал полковник Нордберг, в правящих кругах Румынии Поклевский не пользовался репутацией посланника великой державы.

Что касается фигуры полковника Семёнова, то до начальника Бесарабского ГЖУ, как и до многих других, доходили сведения о его не-

достаточной осторожности в делах и о наличии вражеских агентов в его окружении. Нордберг писал: «Мне известен случай, когда полковник Семёнов поехал на свидание с сотрудником на конспиративную квартиру в глухой части г. Бухареста на своем автомобиле, известном всей полиции г. Бухареста и обращающем на себя внимание даже на центральных улицах. И пока он говорил с сотрудником, около его автомобиля собрались зеваки. Свидание это могло стоить головы сотруднику. Знаю случай провала сотрудника, неоднократно приезжавшего из Австрии для личного доклада к полковнику Семёнову. Засим, точно так же, как и о посланнике, в Бухаресте циркулирует много разговоров о широкой и веселой жизни полковника Семёнова»¹⁵⁸⁴. Все эти сведения позднее были доложены на самый верх: управляющий МВД А.Н. Хвостов сообщил их в письме на имя И.Л. Горемыкина от 16 ноября 1915 г.¹⁵⁸⁵

К тому времени была начата уже по-настоящему широкая работа по устранению полковника Семёнова. Румыны решили действовать через агентов разведки штаба Юго-Западного фронта. Командированному в Бухарест П.А. Игнатьеву целый ряд румынских деятелей, включая Брэтиану и Илиеску, жаловались на Семёнова, говоря, что тот мешает русско-румынскому сближению. В вину Семёнову особенно ставился саботаж военных заказов Румынии в России и транзита румынских военных грузов из Архангельска в Унгены. Через Игнатьева эти сведения были доведены до руководства Генштаба в Петрограде и Ставки.

И вновь опытный разведчик-балканист генерал Леонтьев счел долгом вступить за своего подчиненного. В докладе М.А. Беляеву он сообщил, что против полковника Семёнова работала целая группа лиц. Леонтьев признавал, что во время своего проезда из Турции в Россию через Бухарест он сам остался под впечатлением от нервности русско-го военного агента. К докладу он приложил и письмо румынки Жени Иоанин на имя К.Н. Гулькевича, переданное в Генштаб из МИД, в котором эта женщина обвиняла Семёнова в пьянстве и насилии. И все же генерал-майор Леонтьев стоял на стороне Семёнова: «Материалы, собирающиеся вокруг личности нашего военного агента в Румынии, производят на меня впечатление широко задуманной и последовательно проводимой интриги, преследующей, по-видимому, цели, имеющие мало общего с русскими интересами»¹⁵⁸⁶.

¹⁵⁸⁴ Там же. Л. 3–4 об. К.Ф. Нордберг — Н.П. Стремоухову. 7 октября 1915 г. Б.н.

¹⁵⁸⁵ Там же. Л. 12–13 об. А.Н. Хвостов — И.Л. Горемыкину. 16 ноября 1915 г. № 175241.

¹⁵⁸⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 8159. Л. 35–36 об. М.Н. Леонтьев — М.А. Беляеву. Ноябрь 1915 г. Б.н.

Точка зрения Леонтьева легла в основу подробного доклада начальника Генштаба М.А. Беляева, который 24 ноября 1915 г. был представлен императору военным министром А.А. Поливановым. Авторы этого доклада постарались заступиться за военного агента: «С самого начала войны деятельность полковника Семёнова в должности военного агента в Румынии обратила на себя внимание своей интенсивностью и ценностью получаемых результатов, как в области военно-агентурной работы по Румынии, так и в отношении разведки по Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Эта деятельность была особо оценена штабом Верховного главнокомандующего, который, желая отметить исключительно полезную работу нашего военного агента в Румынии, просил срочно о награждении названного штаб-офицера, не ожидая очередного представления ко дню Святой Пасхи. В соответствии с сим, в марте текущего года было испрошено высочайшее пожалование военному агенту в Румынии ордена Святого Равноапостольного и Великого Князя Владимира 4-й степени. Интенсивная и полезная деятельность полковника Семёнова, поскольку можно судить о ней по официальным донесениям, продолжается и поныне»¹⁵⁸⁷.

Далее авторы доклада обращали внимание Главковерха на то, что уже с конца прошедшего 1914 г. заинтересованными лицами начал собираться негласный материал против Семёнова, касающийся в основном его частной жизни. В докладе это напрямую связывалось с прежними разногласиями полковника Семёнова и посланника Поклевского в вопросах оценки румынской политики. Однако авторы документа были вынуждены признать: «Возможно, что сам полковник Семёнов дал повод к неблагоприятному суждению о его работе и личных отношениях, так как есть основание считать, что названный офицер отличается большой нервностью и *ведет жизнь не вполне нормального уклада* (курсив мой. — В.К.). Работа в военное время, при отсутствии помощников и при условии повышенных запросов со стороны Главного управления Генерального штаба, естественно, потребовала от полковника Семёнова особого напряжения и замкнутости в смысле общественных отношений; это последнее обстоятельство, при сложившейся в Бухаресте обстановке, могло послужить аргументом против него во мнении официальных кругов в Бухаресте. Что касается чисто агентурных сведений о полковнике Семёнове, то они поступали в большом количестве от чинов наших же организаций, но, как выяснилось впоследствии, все лица, доставлявшие эти сведения, оказались не заслуживающими никакого доверия и подозреваемыми в шпионстве в пользу наших врагов и Румынии»¹⁵⁸⁸. Тревожным признаком авто-

ры доклада называли то, что в сборе и передаче очерняющих Семёнова сведений был, по всей видимости, замешан Кюрц — сомнительный агент штаба Юго-Западного фронта, а также что представители румынских властей пытались опорочить Семёнова через ротмистра графа П.А. Игнатьева, «ближайшего руководителя разведки штаба Юго-Западного фронта». «Можно предположить, что в интриге против нашего военного агента в Румынии, клонящейся к отозванию его из Бухареста, заинтересованы руководители политики Румынии и военной подготовки ее армии» — говорилось в докладе¹⁵⁸⁹. Итак, Генеральный штаб через военного министра Поливанова заступился за полковника Семёнова. Однако над головой русского военного агента уже давно собрались тучи, так что события, разразившиеся всего через пару недель, никак нельзя было назвать «громом среди ясного неба».

12 декабря 1915 г. в центральной бухарестской газете «Дрептатя», издававшейся на австро-германские деньги, на первой полосе была напечатана статья «Скомпрометированный иностранный военный агент». Мальчишки-газетчики от всей души кричали на бухарестских улицах сенсационные заголовки этой статьи: «Один из иностранных военных агентов скомпрометирован. Миссия г-на Шебеко. Русский военный агент в нашей столице серьезно скомпрометирован. Петроградское правительство введено в заблуждение русским военным агентом в нашей столице. Г. Семёнов не соблюдал русских интересов в Румынии. Расследование, произведенное русской миссией»¹⁵⁹⁰. Основное содержание статьи сводилось к тому, что полковник Семёнов в своих донесениях в Петроград нарочно преуменьшал силу, качество и вооруженность румынской армии и убеждал свое руководство в том, что нет необходимости делать слишком большие политические уступки Румынии, поскольку ее выступление на стороне Антанты якобы было и так предрешено. Также Семёнову приписывались доклады о способности лидеров оппозиции Николае Филипеску и Таке Ионеску свалить правительство Брэтиану, чтобы повести решительную про-русскую политику. Русский военный агент, по мнению газетчиков, пользовался полным доверием посланника Поклевского и самого Сазонова, и лишь недавно в Бухарест из России под строгим инкогнито было командировано некое лицо, чтобы расследовать деятельность Семёнова. Затем с той же целью приехал в Бухарест высокопоставленный представитель МИД шталмейстер Н.Н. Шебеко.

Однако эта немислимая статья должна была показаться детской шалостью по сравнению с ее продолжением, опубликованным в «Дрептатя» 14 декабря под заголовком: «К сенсационному делу рус-

¹⁵⁸⁷ Там же. Л. 31–34. Поливанов А.А. Доклад императору. 24 ноября 1915 г. Б.н.

¹⁵⁸⁸ Там же.

¹⁵⁸⁹ Там же.

¹⁵⁹⁰ Там же. Ед. хр. 113. Л. 68–69 об.

ской миссии. Первое расследование дела русского военного агента г. Семёнова. Факты, установленные г-ном Кюрцем». В ней говорилось, что еще в мае 1915 г. С.Д. Сазонов командировал в Бухарест г-на Кюрца, «тайного секретаря при императорском русском дворе» (очевидно, нелепый перевод чина «надворный советник»). Кюрц остановился в отеле «Сплендид», вошел в контакт с тайной русской организацией и узнал об отношениях Семёнова с одной дамой, связанной с подозрительными лицами. Три месяца спустя он вернулся в Петроград с докладом, содержащим тяжкие обвинения против Семёнова. Именно для проверки их и был командирован в Бухарест Шебеко¹⁵⁹¹.

Это был первый случай прямой и неприкрытой атаки на русского военного агента в румынской прессе. Сам Семёнов сообщал начальству, что статьи в «Дрептатя» были оплачены австрийской миссией; за первую из них автор получил 2000 франков¹⁵⁹². Однако главными заказчиками травли русского военного агента стали не австро-германцы, а представители румынского военного и политического руководства. Публикации в газете «Дрептатя» стали началом быстрого краха полковника Семёнова. Особенно примечательно, что источником очернявших русского военного агента клеветнических сведений стал не кто иной, как Илья Романович Кюрц, агент штабуза. Впрочем, он вряд ли специально пошел на сотрудничество с враждебными силами. Скорее всего, румынские газетчики использовали сведения, сообщенные Кюрцем по глупости или болтливости.

15 декабря Сазонов обратился к самому М.В. Алексею с письмом, в котором сообщил ему, что статья в «Дрептатя» против Семёнова произвела на него самое неблагоприятное впечатление. Министр писал, что великая княгиня Мария Павловна передала ему содержание письма к ней румынской королевы, в котором говорилось, что «полковник Семёнов доверием в румынских военных кругах не пользуется и является скорее лицом, мешающим установлению дружеских отношений между нашей и румынской армиями». Мария Павловна была вдовой великого князя Владимира Александровича, дяди Николая II, и ее двор считался самым популярным и влиятельным в Петрограде. В данном случае она уполномочила Сазонова (sic!) поставить военного министра в известность о якобы пагубной роли Семёнова в Бухаресте. От себя Сазонов писал: «Из иностранных дипломатических источников я узнаю, что к личной жизни полковника Семёнова имеют соприкосновение лица, над которыми тяготит подозрение, будто бы они подкуплены немцами. Обстоятельство это лишает румынский Генеральный

штаб возможности делиться с нашим военным агентом всеми необходимыми сведениями. Появление упоминаемой выше статьи, быть может, делает несвоевременным поднятие вопроса о замене полковника Семёнова другим лицом, но пребывание его в Бухаресте представляет ввиду вышеприведенных данных серьезные неудобства»¹⁵⁹³.

Итак, глава ведомства Певческого моста, отличавшийся поразительным умением нравиться и придворным сферам, и либеральной оппозиции, в данном случае имел бесстыдство открыто признаться в том, что некая великая княгиня могла давать ему указания по его сношениям с военным ведомством и по вопросам деятельности разведки. Думается, Сазонов с особым удовольствием взялся исполнить это поручение, поскольку оно могло привести к падению полковника Семёнова, из-за которого Сазонов совсем недавно имел конфликт с Главкомверхом Николаем Николаевичем и даже грозил своей отставкой.

Однако любые интриги румынского руководства, русской дипломатии и придворных кругов были бы неспособны повредить полковнику Семёнову, если бы военное ведомство и Генштаб проявили волю отстоять своего офицера. В данном случае этого не произошло, поскольку в штабе нового Главкомверха были не склонны покровительствовать Семёнову, как это было в великокняжеско-даниловской Ставке. Напротив, назначенный наштаверхом М.В. Алексеев в конце 1915 г. хотел найти виновных в том катастрофическом развитии событий на Балканах, немалую долю ответственности за которое нес он сам. И вот Алексеев, от которого зависела судьба Семёнова, писал Беляеву в Генштаб: «Сведения, упоминаемые в этом письме (от Сазонова. — В.К.), достигали до меня различными путями и раньше. Донесения полковника Семёнова по военной части — ниже всякой критики. Замена ползна»¹⁵⁹⁴.

Генерал Беляев поспешил согласиться с идеей целесообразности замены Семёнова и добавил, что он так же низко оценивал донесения военного агента в Бухаресте, но был вынужден строить отношения с ним в свете благожелательного отношения к Семёнову прежнего руководства Ставки в начальный период войны¹⁵⁹⁵. В эпоху торжества служебного угодничества и двуличия в высшем военном руководстве подобное признание в собственном малодушии со стороны исполняющего должность начальника Генштаба не было чем-то удивительным. Беляев также отмечал, что выбрать преемника Семёнову было непросто, так как в ГУГШ офицеров не хватало. Сам Сазонов в разговоре с ним предложил кандидатуру полковника А.А. Татаринова, совсем

¹⁵⁹¹ Там же. Л. 70–71.

¹⁵⁹² Там же. Ед. хр. 8159. Л. 28–28 об. Б.А. Семёнов — М.С. Пустовойтенко. 12 декабря 1915 г. № 983.

¹⁵⁹³ Там же. Л. 27–27 об. С.Д. Сазонов — М.В. Алексею. 15 декабря 1915 г. № 1467.

¹⁵⁹⁴ Там же. Л. 26. М.В. Алексеев — М.А. Беляеву. Декабрь 1915 г. № 6678.

¹⁵⁹⁵ Там же. Л. 19–21 об. М.А. Беляев — М.В. Алексею. 22 декабря 1915. Б.н.

недавно вернувшегося из Софии¹⁵⁹⁶. Леонтьев был сторонником назначения подполковника В.А. Палицына, специализировавшегося по Балканам и прошедшего в Румынии целый год для изучения ее языка. Притом Палицын не обладал крепким здоровьем, что иногда мешало ему продуктивно работать в климате Петрограда¹⁵⁹⁷. Однако в итоге предпочтение было отдано Татаринову, и лишь осенью 1916 г., после вступления Румынии в войну, военным агентом в этой стране был назначен Палицын.

В отношении Семёнова генерал Леонтьев теперь беспокоился лишь о том, чтобы его удаление из Румынии высочайшим приказом не послужило подтверждением газетных обвинений против него. В связи с этим генерал-квартирмейстер ГУГШ предлагал просто вызвать Семёнова в Петроград, с немедленной заменой другим офицером-генштабистом¹⁵⁹⁸. 4 января 1916 г. Семёнову было сообщено о предстоящем переводе его в распоряжение начальника Генштаба и о смене его в Бухаресте полковником Татариновым, кандидатуру которого наштаверх одобрил 26 декабря¹⁵⁹⁹.

Дипломатические вежливости удалось соблюсти, и румынские «доброжелатели» Семёнова, приложившие немалые усилия, чтобы сбить его с рук, провожали его как радушные хозяева. Как сообщала агентура ЭОН, 14 февраля генеральный секретарь Военного министерства Думитру Илиеску дал обед в честь покидающего Бухарест русского военного агента. На обеде Семёнова всячески чествовали; говорилось о том, что его ожидало производство в генералы и назначение военным агентом в хорошо знакомую ему Японию¹⁶⁰⁰. В действительности все было не так радужно для Семёнова. Ему предстояло числиться «в распоряжении» начальника Генерального штаба, писать длинные рапорты о своих достижениях и условиях работы, затем вернуться на давно забытую строевую службу. Вновь заниматься заграничной разведкой бывшему военному агенту уже было не суждено. Такова была плата за ошибки и слабости, далеко не во всех из которых был виноват сам полковник Семёнов.

¹⁵⁹⁶ Там же.

¹⁵⁹⁷ Там же. Л. 22–22 об. М.Н. Леонтьев — М.А. Беляеву. Декабрь 1915 г. Б.н.

¹⁵⁹⁸ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 65–67. М.Н. Леонтьев — М.А. Беляеву. Докладная записка по Особому делопроизводству ГУГШ. 24 декабря 1915 г. № 3877.

¹⁵⁹⁹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 8159. М.Н. Леонтьев — Б.А. Семёнову. 4 января 1916 г. № 430.

¹⁶⁰⁰ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 10. Ед. хр. 1004. Л. 39.

Глава 22

КРАХ СОТРУДНИКА «КОРОЛЕНКО»

Скандалные публикации в газете «Дрептатя», повлекшие отозвание полковника Семёнова, одновременно переполнили чашу терпения руководства военной разведки в отношении И.Р. Кюрца. Изначальное решение о его аресте было принято еще в начале октября 1915 г. В сентябре Кюрц выехал в Россию в качестве сопровождающего румынского полковника артиллерии Константина (Дину) Пайану, родственника семьи Брэтиану, который был направлен в Петроград с важной миссией приобретения крупной партии лошадей для военного ведомства Румынии. Полковник Семёнов своевременно известил Генштаб, что сам Пайану рассказывал о своей недавней разведывательной поездке в Австро-Венгрию, также под предлогом закупок лошадей¹⁶⁰¹. В результате Алексеев и Огенквар отдали распоряжения оказывать Пайану в России всемерное содействие, но установить за ним неусыпное наблюдение¹⁶⁰². Это было исполнено; филеры контрразведки начали следить за Пайану и Кюрцем, получившими красноречивые клички наблюдения — «Султан» и «Арбуз» соответственно¹⁶⁰³.

Кюрц и раньше занимался сомнительными сделками по продаже русских лошадей в Румынию, но в поездке Пайану его гораздо больше привлекало другое — возможность вместе с ним соприкоснуться с высокими сферами русского военного ведомства. Прибыв в Петроград 2 октября, Кюрц начал делать это в своей манере, самоуверенно и навязчиво. Он пытался присутствовать на всех встречах Пайану с высокопоставленными правительственными чиновниками, побывал с ним в Генштабе и канцелярии Военного министерства на Мойке, 69. Остальное время Кюрц и Пайану, остановившиеся в гостинице «Франция» на Морской улице, проводили в магазинах и ресторанах. Среди прочего, 8 октября Кюрц катался на извозчике с самим генералом П.Г. Курло-

¹⁶⁰¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 10–11.

¹⁶⁰² Там же. Ед. хр. 425. Л. 13–13 об.

¹⁶⁰³ Там же. Л. 18–21. Дневник наблюдения по городу Петрограду за полковником Румынской службы Пайано — «Султаном», проживающим по Морской улице в доме № 6 в гостинице «Франция». С 4 по 12 октября 1915 г.

вым, бывшим ранее товарищем министра внутренних дел и командиром ОКЖ¹⁶⁰⁴. В результате всего этого представитель МИД камергер Н.А. Базили лично пришел в Огенквар к генералу Леонтьеву и сообщил ему, что дипломатическое ведомство считает поведение Кюрца неприемлемым, а его деятельность «могущей принести существенный вред нашим государственным интересам»¹⁶⁰⁵. Вскоре с Певческого моста в Генштаб сообщили дополнительно, что Кюрц известен в Париже; неблагоприятные сведения о нем имелись у русской миссии в Бухаресте и у французского посольства в Петрограде¹⁶⁰⁶.

Во время того приезда в русскую столицу Кюрц окончательно и глупо заврался и тем скомпрометировал себя в глазах собственного прямого начальника ротмистра П.А. Игнатьева, который в те дни тоже находился в Петрограде. Игнатьев отдал Кюрцу распоряжение выехать в Румынию, но тот, стремясь по каким-то личным делам задержаться подольше в России, заявил, что лично встречался с военным министром А.А. Поливановым и получил от него некое поручение, требовавшее задержки в Петрограде. Более того, другим лицам Кюрц рассказывал, что был в Ставке у самого императора. Ложь всплыла на поверхность; 7 октября возмущенный Игнатьев телеграфировал начальнику разведки штабоза: «Сегодня случайно узнал о полной неблагонадежности Короленко»¹⁶⁰⁷. Позднее Игнатьев писал Кюрцу: «Вы оскорбили меня лично в моих чувствах к Вам — и Вы напрасно это сделали. Вы должны же понять, что вредите самому себе»¹⁶⁰⁸. В Генштабе поступок Кюрца справедливо оценили как «дерзкий вымысел» и предложили арестовать его до выезда из России¹⁶⁰⁹. Обсудив ситуацию с Леонтьевым, сам Игнатьев докладывал: «Сопоставляя предыдущее поведение и работу с поведением Короленко здесь, по данным штаба, допускаю с его стороны работу в пользу Румынии»¹⁶¹⁰. Однако, по зрелом размышлении, решено было в Петрограде Кюрца не арестовывать, чтобы избежать дипломатического скандала вокруг миссии

¹⁶⁰⁴ Там же.

¹⁶⁰⁵ Там же. Ед. хр. 113. Л. 7–7 об. М.Н. Леонтьев — М.А. Беляеву. 5 октября 1915 г. Б.н.

¹⁶⁰⁶ Там же. Л. 34–34 об.

¹⁶⁰⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 4026. Л. 1. П.А. Игнатьев — В.А. Бренделю. 7 октября 1915 г. № 379.

¹⁶⁰⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 89. П.А. Игнатьев — И.Р. Кюрцу. 20 ноября 1915 г. Б.н.

¹⁶⁰⁹ Там же. Ед. хр. 113. Л. 12–15.

¹⁶¹⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 4026. Л. 2. П.А. Игнатьев — В.А. Бренделю. 9 октября 1915 г. Б.н.

Пайану. Вместо ареста за Кюрцем по распоряжению Ставки было установлено постоянное наблюдение¹⁶¹¹.

8 октября наблюдаемый «Арбуз» севастопольским поездом выехал из Петрограда в Одессу, сопровождаемый наружкой. В пути его «вели» филеры киевской контрразведки, которыми он был передан коллегам из КРО штаба 7-й армии¹⁶¹². Приметы наблюдаемого звучали так: «Лет 40–42, роста чуть ниже среднего, телосложения плотного с полным животом, светло-русый, лицо продолговатое, полное, нос умеренный, усы средние, борода бритая. Одет в форму военного чиновника с погонами в два просвета и две звездочки, фуражка защитного цвета, в сапогах, при шашке, носит пенсне»¹⁶¹³. Наружное наблюдение установило, что, прибыв 11 октября в Одессу, «Арбуз» в тот же день посетил начальника Жандармского управления Одессы полковника П.П. Заварзина на его квартире, затем сидел с ним в кофейне¹⁶¹⁴. КРО штаба 7-й армии было вынуждено запросить Петроград о должности и роде занятий наблюдаемого, о котором в Одессе не было никакой достоверной информации. С одной стороны, в контрразведке имелись данные об аресте его полковником В.А. Ерандаковым в начале войны, а также агентурные сведения о его связях в Румынии с лицами, причастными к неприятельскому шпионажу. В то же время «Арбуз» рассказывал о своих дружеских отношениях с русским посланником в Бухаресте, о том, что он представлялся в Петрограде главам Военного министерства и МИД и делал доклады самому императору. В Одессе он также наносил визиты командующему 7-й армией¹⁶¹⁵. От всего этого даже опытные контрразведчики могли начать сходить с ума! Первоначально предполагалось задержать Кюрца на границе, однако из-за отсутствия четких директив местная контрразведка ограничилась наблюдением. 14 октября «Арбуз» беспрепятственно выехал в Румынию, где продолжил свою прежнюю деятельность.

Уже 20 октября исполняющий должность начальника Генштаба М.А. Беляев поставил перед Ставкой вопрос о необходимости удаления агента Кюрца из Румынии. В качестве одного из доводов в пользу этого приводились неблагоприятные сведения о Кюрце, полученные из МИД, а также отрицательные отзывы о нем представителей русской и иностранной прессы¹⁶¹⁶. В частности, Кюрц скомпрометировал себя тем, что он облыжно (вероятно, из личной вражды) обвинил в

¹⁶¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 32.

¹⁶¹² Там же. Л. 17–18.

¹⁶¹³ Там же. Л. 42–44.

¹⁶¹⁴ Там же. Л. 20–21 об.

¹⁶¹⁵ Там же. Л. 59–59 об.

¹⁶¹⁶ Там же. Л. 35–35 об. М.А. Беляев — М.В. Алексею. 20 октября 1915 г. № 33993.

шпионаже в пользу врага корреспондента французской «Там» в России Шарля Ривэ¹⁶¹⁷.

При всем этом очень скоро выяснилось, что Генштаб и Ставка не могут распорядиться ликвидировать агента «Короленко» без согласия штаба Юго-Западного фронта. Генерал-квартирмейстер штаба М.К. Дитерихс решил до последнего стоять за своего агента, благодаря которому он мог составлять цветистые отчеты и схемы налаженной агентурной разведки на территории Румынии. Генкварюз настоял на командировке в Петроград начальника разведки штаба фронта подполковника Бренделя, с целью ознакомления с материалами по делу Кюрца. По словам Дитерихса, Кюрц в свое время был очень хорошо рекомендован свиты генералом В.Н. Воейковым и оказал штабу фронта ряд ценных услуг¹⁶¹⁸. Получив все необходимые документы и переговорив с чинами Огенквара, Брендель телеграфировал Дитерихсу в Бердичев: «Считаю очень вероятной его (Кюрца. — В.К.) работу [в качестве] политического осведомителя Румынии, а возможно, и Австрии. Происхождения венгерский жид. С делом подробно еще не ознакомился, но думаю, надлежит сего господина ликвидировать. Общее о нем здесь мнение отрицательное»¹⁶¹⁹.

Однако Дитерихс с упорством, достойным лучшего применения, продолжал защищать агента «Короленко». 25 октября он писал Леонтьеву, что не услышал из доклада Бренделя ничего нового по делу Кюрца. По мнению Дитерихса, Огенквар не располагал никакими конкретными данными о причастности Кюрца к вражескому шпионажу; также генкварюз не видел состава преступления в информировании Кюрцем правительства Брэттиану о политике русского МИД. Дитерихс телеграфировал в Генштаб: «До настоящего времени агентура Кюрца, поверяемая двойной агентурой других организаций, давала штабу Юго-Западного фронта верные и ценные сведения об австро-германцах. Поведение же Кюрца в Бухаресте и его широкая жизнь, также зарегистрированная Огенкваром в числе данных [о] неблагонадежности Кюрца, явились следствием тех инструкций и материальных средств, которые даны были Кюрцу штабом фронта. Безусловно верно, что я

¹⁶¹⁷ В июле 1915 г. штабюз сообщил, по сведениям, полученным от Кюрца, что Шарль Жозеф Ривэ, бывший в Бухаресте в ноябре 1914 г., поддерживает постоянные сношения с лейтенантом Вернером и полковником Фишером. 30 сентября 1915 г. в Петрограде Ривэ по распоряжению штаба 6-й армии был арестован, обыскан и сразу же отпущен. Обыск у него не дал улик в военном шпионаже, хотя найдены материалы, компрометирующие его в отношении оценки внутреннего положения в России и содержавшие не подлежащие оглашению сведения общего характера. Вскоре дело против Ривэ прекращено ввиду отсутствия любых данных, подтверждающих его причастность к шпионству. Переписку об этом см.: Там же. Л. 1–33.

¹⁶¹⁸ Там же. Л. 33. М.К. Дитерихс — М.Н. Леонтьеву. 9 октября 1915 г. № 10966.

¹⁶¹⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 4026. Л. 7а.

никогда не смотрел на Кюрца как на человека, заслуживающего доверия и безупречной репутации, и соответствующие ограждающие меры принимались, но ни разу агентура штаба фронта не изблачивала Кюрца в сношении в Бухаресте с агентами Австрии и Германии»¹⁶²⁰. В итоге Дитерихс отказывался брать на себя инициативу по ликвидации агента «Короленко» и запрашивал санкции наштаверха на это.

29 октября Алексеев телеграфировал начальнику Генштаба: «Сделал распоряжение об удалении Кюрца, приислав немедленно вместо него другого агента»¹⁶²¹. Вследствие этой телеграммы в Генштабе уже на следующий день пришли к выводу о необходимости немедленно отозвания Кюрца из Румынии и высылки его в одну из удаленных губерний России. Штабу фронта в Бердичеве были незамедлительно посланы соответствующие инструкции¹⁶²². Однако одновременно сама же Ставка разрешила штабюзу отозвать Кюрца лишь после подыскания ему преемника и сдачи всех дел. Генерал-квартирмейстер Ставки М.С. Пустовойтенко телеграфировал Дитерихсу: «Начальник штаба Верховного главнокомандующего признал необходимым оставить Кюрца в Бухаресте до подыскания для его замены другого лица. Время замены всецело предоставляется усмотрению штаба фронта»¹⁶²³. 1 ноября Дитерихс не преминул сообщить это в Генштаб. «Читал. Таким образом весь вопрос, может быть, будет сведен на нет», — написал Леонтьев на этой телеграмме¹⁶²⁴.

Естественно, «соломоново» решение Ставки как нельзя лучше отвечало интересам Дитерихса и его штаба. Вопрос о ликвидации Кюрца был отодвинут на неопределенный срок; более того, штаб фронта попытался пересмотреть дело и доказать Ставке полезность агента «Короленко». Для независимой и беспристрастной инспекции работы Кюрца в Бухарест был командирован... его прямой начальник, граф Павел Игнатъев! В своем отчетном докладе подполковнику Бренделю он писал, что нашел деятельность Кюрца хорошо организованной и отвечающей русским интересам. Посланник Поклевский якобы был о Кюрце очень хорошего мнения. Он рассказал Игнатъеву, что «вообще г. Кюрц занял очень хорошее положение среди румын, особенно же в Военном министерстве, где ему говорят и дают гораздо больше и

¹⁶²⁰ Там же. Л. 8–9. М.К. Дитерихс — М.Н. Леонтьеву. 25 октября 1915 г. № 11197.

¹⁶²¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 55. М.В. Алексеев — М.А. Беляеву. 29 октября 1915 г. № 5587.

¹⁶²² Там же. Л. 56–58.

¹⁶²³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 4026. Л. 26. М.С. Пустовойтенко — М.К. Дитерихсу. 20 октября 1915 г. № 5586.

¹⁶²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. М.К. Дитерихс — М.Н. Леонтьеву. 1 ноября 1915 г. № 11262.

гораздо раньше, чем полковнику Семёнову»¹⁶²⁵. Игнатъев продолжал: «Успех, достигнутый в этом отношении г. Кюрцем, посланник объясняет, во-первых, тою *хлестаковщиной* (курсив мой. — В.К.), которую он так умело разыгрывает, и, во-вторых, теми мелкими услугами, которые г. Кюрц старается им оказывать: например — хлопоты за ордена, хлопоты с русскими артистами, ходатайства в деле Арешано, наконец, поездка с полковником Паяно, который и про меня, и про Кюрца нарассказывал невесть чего»¹⁶²⁶. Общась с эмиссаром штабуза, румынские сановники продолжили открытый подкуп под официального военного агента России. Игнатъев писал: «Полковник Илиеско в разговоре со мной, выразившись недоброжелательно по отношению полковника Семёнова, сказал: “Это господин Кюрц, который сумел сломать лед, разделявший наши два военных министерства, я всегда готов быть полезен, чем только возможно, г. Кюрцу”»¹⁶²⁷.

По словам Игнатъева, Панаитеску относился к Кюрцу «как к старому знакомому, *своему человеку* (курсив мой. — В.К.)»¹⁶²⁸. Также в игнатъевском докладе говорилось: «Паспатти, Кантунуари, полковники Паяно и Николеско (глава румынской военной разведки Николяну. — В.К.) — относятся к г. Кюрцу как к доброму приятелю, порой не прочь посмеяться над его малым знакомством с военными делами, но все это в самой доброжелательной форме. Сколько я мог лично заметить, я убедился, что г. Кюрц работает очень много; с утра и до вечера к нему являются журналисты, приносящие последние новости, политические деятели или, вернее, их агенты, полк[овник] Николеско (Николяну. — В.К.) раза два в день заезжает поделиться последними донесениями и проверить их с имеющимися у Кюрца. Расшифровка донесений, писание их статей в газеты происходит ночью. Архив свой г. Кюрц хранит при себе, находится он в большом порядке, и теперь заканчивается устройство карточной системы»¹⁶²⁹. Содержание рапорта Игнатъева было сообщено штабузом в Ставку, оттуда — в Огенквар. Вполне предсказуемо, мнение разведчиков из Бердичева вызвало взрыв возмущения у генерала Леонтъева. В специальном докладе на имя начальника Генштаба он писал: «Ротмистр гр[аф] Игнатъев был командирован для обследования деятельности Кюрца, то есть, другими словами, своей собственной организации, им установленной и руководимой, что исключает возможность объективных заключений»¹⁶³⁰. По не лишнему

оснований мнению Леонтъева, в данном случае имели место вопиющее и недопустимое в военном ведомстве, тем более во время войны, пренебрежение штабуза распоряжением Алексеева о ликвидации Кюрца и даже попытка реабилитировать его. «Я прихожу к твердому убеждению, что в деле Кюрца и в той обстановке, которая сложилась вокруг означенной подозрительной личности, мы стоим перед лицом чрезвычайной государственной опасности», — писал Леонтъев, требуя полного расследования этого дела¹⁶³¹. Из-за бюрократических проволочек этот доклад был составлен лишь 21 декабря 1915 г., уже после того, как грянул оглушительный скандал с газетными публикациями о полковнике Семёнове. После этого штабузу не оставалось ничего другого, кроме как согласиться, под давлением Ставки и Генштаба, начать наконец постепенную подготовку к ликвидации агента Кюрца.

В начале января 1916 г. Алексеев и Поливанов получили письма от руководства МИД, где вновь настоятельно указывалось на необходимость устранения Кюрца. В частности, Сазонов, ссылаясь на доклад Шебеко, писал о Кюрце военному министру: «Деятельность этого лица, выходящая далеко за пределы роли негласного агента, вызывает в румынских правительственных и общественных кругах значительное недоумение и вселяет в них убеждение, что наряду с официальной политикою России существует еще другая, представителем которой является означенный агент. Последний своим образом действий дает полное основание таким предположениям, сумев внушить румынам, что на него возложены важные поручения политического характера и что он даже послан в Румынию для наблюдения за деятельностью нашей миссии и военной агентуры. Продолжение пребывания Кюрца в Румынии является особенно неудобным после отозвания из Бухареста полковника Семёнова, так как уход последнего приписывается там влиянию Кюрца и на этом построена интрига, направленная против нашей политики в этой стране»¹⁶³². Деятельность агента «Короленко» Сазонов называл прямо угрожающей интересам воюющей России: «Ввиду огромного значения, которое имеет сохранение в тайне наших переговоров с Румынией в связи с вопросом об ее выступлении, я считаю, что прикосновенность к ним такого лица, как Кюрц, должна быть признана безусловно опасной. Между тем, по свидетельству шталмейстера Шебеко, а также по другим сведениям, румынское правительство и общественные деятели, вводимые Кюрцем в заблуждение относительно его роли, относятся к нему с чрезвычайным доверием»¹⁶³³.

¹⁶²⁵ Там же. Л. 155–156.

¹⁶²⁶ Там же.

¹⁶²⁷ Там же.

¹⁶²⁸ Там же.

¹⁶²⁹ Там же.

¹⁶³⁰ Там же. Л. 157–158. М.Н. Леонтъев — М.А. Беляеву. Доклад по Особому делу производству ГУГШ. 21 декабря 1915 г. № 3055.

¹⁶³¹ Там же.

¹⁶³² Там же. Л. 2–4. С.Д. Сазонов — А.А. Поливанову. 2 января 1916 г. № 1/с.

¹⁶³³ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. 1915 г. Ед. хр. 51. Л. 2–3 об.; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 2–4. С.Д. Сазонов — А.А. Поливанову и М.В. Алексееву. 2 января 1916 г. № 1/с.

Министр иностранных дел настаивал на скорейшем удалении Кюрца из Румынии, обязательно до прибытия в Бухарест нового военного агента полковника Татаринова.

Только выход вопроса на межминистерский уровень заставил наконец руководство военного ведомства принять решительные меры. Самому наштаверху Алексееву пришлось лично подстегнуть начальника штаба Юго-Западного фронта В.Н. Клембовского телеграммой от 6 января: «Ввиду поступившего вновь заявления министра иностранных дел необходимы скорейшая ликвидация дела с Кюрцем и отозвание его из Бухареста немедленно»¹⁶³⁴. В штабе фронта были вынуждены подчиниться, однако подчеркивали, что ликвидация Кюрца проводится исключительно по настоянию Огенквара и МИД и что в Бердичеве нет никаких оснований для предъявления этому агенту обвинений. Дитерихс высказывал серьезные опасения, что, коль скоро Кюрц сотрудничал также с Департаментом полиции и дворцовой охраной, эти ведомства могли предупредить его об опасности и помочь избежать ареста. В штабзе считали, что по этой причине подготовку к аресту Кюрца нужно было проводить в обстановке строгой секретности¹⁶³⁵. Эти мысли — еще одно красноречивое свидетельство вопиющей и преступной разобщенности работы различных ветвей государственного аппарата в те годы.

Только начав непосредственно готовиться к аресту Кюрца, штаб Юго-Западного фронта удосужился навести справки у других ведомств о характере их взаимоотношений с агентом «Короленко»¹⁶³⁶. В ответ на запросы из Генштаба начальник канцелярии Министерства двора А.А. Мосолов отвечал, что Кюрц в качестве представителя иностранной прессы в свое время допускался на торжества в высочайшем присутствии, но никаких поручений по дворцовому ведомству ему никогда не давалось. Сам Мосолов дважды отказывал Кюрцу в личном интервью, поскольку тот не вызывал у него доверия¹⁶³⁷.

Начальник Генштаба Беляев, в свою очередь, запросил товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого о Кюрце, сообщив, что в МИД и ГУГШ против него собрался активный материал и что стала видна необходимость его ликвидировать, однако осторожно¹⁶³⁸. Белецкий также поспешил откреститься от агента Кюрца. Он сообщил военному ведомству, что Кюрц и А.П. Рачковский выполняли в Румы-

нии поручения его предшественника В.Ф. Джунковского, за промахи которого новый глава полиции отвечать не хотел. Белецкий писал: «Из места своего пребывания Кюрц доставил в Департамент полиции несколько сведений о политическом и общественном настроении Румынии, не существенных по своему содержанию и при разработке не подтвердившихся»¹⁶³⁹. Сам Белецкий, по его собственным словам, сразу же обратил внимание на подозрительность Кюрца и полную неопытность Рачковского-младшего в деле розыска. Более того, для наблюдения за Кюрцем в Бухарест был командирован чиновник Департамента полиции, уже занимавшийся заграничным розыском, — сын генерала Юзефовича¹⁶⁴⁰. Именно так отечественные секретные службы в те годы занимались бесконечным умножением числа шпионов, шпионов за шпионами, а также инспекторов и надзирателей за их деятельностью. Какова была эффективность работы их всех, читатель уже наверняка вынес заключение из рассказанного выше.

В любом случае, в начале января 1916 г. руки военного ведомства оказались полностью развязаны для ареста агента «Короленко». Его «ликвидация» стала продолжением отвратительного фарса. 7 января подполковник Брендель вызвал Кюрца в Кишинёв для доклада о налаженной им тайной почтовой связи между Румынией и Австро-Венгрией. Однако 9 января на пограничной станции Унгены Русские вместо Бренделя его встретил и арестовал капитан П.П. Адамович, исполняющий должность помощника начальника разведки штабза¹⁶⁴¹. 13 января Адамович доставил Кюрца в Петроград, где по просьбе князя Туркистанова он был задержан столичным охранным отделением. Кюрц был передан в ведение штаба 6-й армии и помещен под стражу в Дом предварительного заключения; было возбуждено дело по исследованию его политической благонадежности¹⁶⁴². В документах дела Кюрца сохранились документы о том, как контрразведка штабза по распоряжению самого генерал-квартирмейстера М.К. Дитерихса пересылала контрразведке штаба 6-й армии, из Бердичева в Петроград, изъятые у Кюрца два свертка с мармеладом и чаем¹⁶⁴³. Этот крошечный штрих отлично дополняет картину того бессмысленного бюрократического болота, в котором протекала работа высших штабов и секретных служб поздней Российской империи.

Одновременно с арестом Кюрца в Бухарест штабзом был командирован начальник контрразведки 9-й армии ротмистр В.А. Прохоров

¹⁶³⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 4026. Л. 39. М.В. Алексеев — В.Н. Клембовскому. 6 января 1916 г. № 76.

¹⁶³⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 93–95 об., 159–159 об.

¹⁶³⁶ Там же. Л. 79–79 об., 81–81 об., 83 об.–84.

¹⁶³⁷ Там же. Л. 88–88 об.

¹⁶³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 300. Лит. С. Т. 2. Л. 2–2 об. М.А. Беляев — С.П. Белецкому. 31 декабря 1915 г. № 5.

¹⁶³⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 168–169.

¹⁶⁴⁰ Там же.

¹⁶⁴¹ Там же. Ед. хр. 990. Л. 31.

¹⁶⁴² Там же. Ед. хр. 113. Л. 102–108 об.

¹⁶⁴³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 4026. Л. 62.

для изъятия его документов¹⁶⁴⁴. При содействии полковника Семёнова эта деликатная миссия была выполнена успешно; выемка бумаг Кюрца, содержащих множество секретных сведений о русской разведке, прошла в присутствии капитана Юрьева. Ненужного внимания румынской сигуранцы удалось избежать¹⁶⁴⁵.

Настоящие проблемы с Кюрцем у секретных служб империи начались уже после его задержания, и по очень простой причине — они не знали, в чем именно и как его обвинять. По сути дела, все претензии к агенту «Короленко», которые они могли выдвинуть, были доказательством чудовищных изъянов всей межведомственной системы разведки и контрразведки России.

В Петрограде находившийся под стражей Кюрц был передан в ведение штаба 6-й армии, который никогда прежде не имел никакого отношения к особе этого агента. К апрелю 1916 г. офицеры армейского штаба, занимавшиеся делом Кюрца, после изучения всех изъятых у него материалов пришли к выводу, что строить дело было просто не на чем. «Не добыто объективных доказательств причастности Кюрца к военному шпионажу в пользу неприятеля, почему на основании этих данных не представляется, по моему мнению, возможным возбудить против него уголовное преследование», — сообщал штаб 6-й армии генерал-квартирмейстеру ГУГШ¹⁶⁴⁶. Не вызвали сомнений непригодность Кюрца к делу военной разведки и недостоверность многих его донесений; была вскрыта и задокументирована его одновременная служба нескольким учреждениям, вредно отразившаяся на деятельности русской разведки. Однако оставалось неясным, какое обвинение можно было предъявить Кюрцу в рамках действовавших законов. Контрразведчики 6-й армии не усмотрели юридических оснований даже для простой высылки Кюрца в одну из дальних тыловых губерний империи; было предложено выпустить его из-под стражи с запретом выезжать за границу.

В Огенькваре не согласились с мнением штаба армии; генерал Леонтьев и его сотрудники продолжали считать Кюрца опасным человеком и хотели отомстить ему за опозоренного полковника Семёнова. Если и не было доказательств военного шпионажа Кюрца, полагали в Особом делопроизводстве Огеньквара, то это еще ничего не значило, ибо Кюрц занимался «шпионажем дипломатического характера» и мешал нормально работать официальным представителям России. «Не входя в обсуждение вопроса, чем именно руководился Кюрц в такой своей деятельности, существенно лишь отметить, что, противодей-

ствуя законной деятельности представителей русского правительства, он тем самым благоприятствовал работе представителей воюющих с нами государств в разделяющем нас от противника нейтральном государстве»¹⁶⁴⁷. Таким образом, утверждали в Огенькваре, Кюрц подпадал под действие 108-й статьи «Уголовного уложения», которая гласила: «Российский подданный, виновный в способствовании или благоприятствовании неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях, наказывается срочною каторгою». Но начальник Генштаба решительно встал на позицию штаба 6-й армии и предписал освободить Кюрца, запретить ему селиться на местностях, объявленных на военном положении, и установить за ним негласный надзор полиции¹⁶⁴⁸.

В начале мая 1916 г. Кюрц был передан на содержание штабу Петроградского военного округа, однако оставлен под стражей. Зубы секретных служб империи оказались слишком гнилыми, чтобы загрызть этого человека, однако они были достаточно цепкими, чтобы не выпустить его, несмотря на ясное распоряжение высокого начальства. Лишь 21 ноября 1916 г., после 307 дней одиночного заключения, Кюрц был выпущен на свободу, так и оставаясь в неведении о том, кто и почему стал инициатором его ареста.

Империя Романовых доживала последние недели; на новом Румынском фронте мировой войны только что отгремели крупные сражения осенней кампании 1916 г. Но Илья Романович Кюрц был неисправим. 10 января 1917 г. он, как ни в чем не бывало, явился в ГУГШ, одетый в военную форму, с оружием, в погонах защитного цвета и штаб-офицерского образца, и предложил услуги своей дальнейшей службы. Естественно, предложение принято не было¹⁶⁴⁹. 4 апреля последовало распоряжение военного министра о воспрещении Кюрцу проживать в местностях, объявленных состоящими на военном положении¹⁶⁵⁰. В мае он выехал в город Рыбинск Ярославской губернии, который избрал местом своего пребывания. Вскоре демократическая пресса «свободной» и «обновленной» России начала кампанию в его защиту. К примеру, прапорщик В.С. Завойко (ординарец Л.Г. Корнилова, его доверенное лицо и довольно темная личность) в заметке в газете «Живое слово» от 11 октября 1917 г. заявлял о невиновности Кюрца, называя его жертвой и старого, и нового режимов. Он писал: «Я утверждаю, что Кюрц — не шпион, честный человек и ныне терпит все лишения из-за сведения с ним личных счетов лизоблюдов псевдодемократии, проскочивших на-

¹⁶⁴⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 113; Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 4026. Л. 47.

¹⁶⁴⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Ед. хр. 4026. Л. 117.

¹⁶⁴⁶ Там же. Л. 140–140 об.

¹⁶⁴⁷ Там же. Л. 141–142 об.

¹⁶⁴⁸ Там же.

¹⁶⁴⁹ Там же. Л. 211–211 об.

¹⁶⁵⁰ Там же. Л. 214–215 об.

верх и не стесняющихся использовать свою личную власть в целях удовлетворения личной мести»¹⁶⁵¹. В начале октября 1917 г. Кюрцу было отказано во въезде в Петроград, однако в апреле 1918 г. он получил такое разрешение от новой большевистской власти.

Люди, подобные Кюрцу, не способны угомониться и вернуться к тихой и спокойной жизни. Объявившись в Петрограде в начале Гражданской войны, Кюрц вскоре принял участие в работе антибольшевистского подполья. В позднейших исследованиях советских авторов, прославлявших победы чекистов в борьбе с внутренним врагом, Кюрц назывался опасным и матерым разведчиком, «шпионом-профессионалом»¹⁶⁵². Похоже, ни эти авторы, ни те подпольщики-контрреволюционеры, кто имел несчастье довериться ему, даже не представляли, насколько «опасным» человеком был Кюрц. По данным советских историков, Кюрц работал на резидента британской Интеллидженс Сервис в России Пола Дюкса. Советский историк Д.Л. Голинков, автор фундаментального труда об успехах чекистов в борьбе с контрреволюционным подпольем, пишет: «Помимо шпионской группы Берга на английскую разведку, под руководством Поля Дюкса, работал старый опытный разведчик И.Р. Кюрц — бывший агент царской контрразведки. Этот “преподаватель французского языка в средней школе” имел большие связи и не гнушался никакими грязными приемами “работы” (даже соучастники называли его “прохвостом высшей марки”). Среди участников шпионской сети Кюрца были военные специалисты, служившие в советских военных учреждениях: полковник В.Г. Люндеквист (правильно: В.Я. Люндеквист. — В.К.) — бывший начальник штаба 7-й советской армии, оборонявшей Петроград; В.И. Карпов — командир 4-го минноподрывного дивизиона; В.Я. Петров — командир роты того же дивизиона; В.М. Смирнов — флаг-минер дивизиона. Кроме того, Кюрц поддерживал отношения с бывшим вице-адмиралом М.К. Бахиревым, помощником присяжного поверенного А.Я. Литтерманом, проникшим в Коммунистическую партию и занимавшим пост уполномоченного Реввоенсовета по перевозкам инженерных войск, и другими контрреволюционерами. Эти лица образовали в Петрограде военную шпионскую и подрывную группу»¹⁶⁵³. После своего отъезда из России в августе 1919 г. Дюкс передал свою организацию активистке «Национального центра» Н.В. Петровской («Мисс»), которая, совместно с группой Кюрца, якобы на-

чала подготовку выступления белогвардейской «пятой колонны» для содействия Северо-Западной армии Н.Н. Юденича¹⁶⁵⁴.

Как сообщает официальная история российской Службы внешней разведки, поимка И.Р. Кюрца произошла абсолютно случайно. Во время облавы на Мальцевском рынке в Петрограде была задержана его 15-летняя дочь Жоржетта, у которой был найден револьвер. Допросив ее, чекисты вышли на след шпионской деятельности ее отца¹⁶⁵⁵. Тот сразу же рассказал все, и это якобы стало самой первой ниточкой к раскрытию всей Петроградской организации «Национального центра», дело которой остается одной из самых неясных и противоречивых страниц в ранней истории ВЧК.

Как ни удивительно, но, будучи уличен чекистами в руководстве агентурной группой белогвардейского подполья и иностранной разведки, Кюрц целым и невредимым вышел из горнила Гражданской войны. Если он действительно был столь опасным вражеским шпионом, каким он изображается в ведомственной чекистской историографии, то непонятно, почему его помиловало скорое на расправу революционное правосудие. Возможно, имела место тайная сделка между ним и чекистами. А возможно, подлинная роль Кюрца в работе белого подполья была совершенно иной, чем это рисуется в официозных летописях советской контрразведки. Причем нельзя исключать возможности и изначальной провокации со стороны ВЧК, и фабрикации всего дела, и домыслов позднейших историков.

Отметим, что тяжкая десница ОГПУ, каравшая и виноватых, и безвинных, настигла Кюрца лишь десятью годами позже. 26 августа 1930 г. Илья Романович Кюрц-Гедройц, русский, беспартийный, корреспондент иностранного отдела Госбанка, проживавший в Москве в Большом Афанасьевском переулке, был арестован и, вместе с В.М. Сонкиным, судим за шпионскую и контрреволюционную деятельность. 25 апреля 1931 г. коллегией ОГПУ оба были приговорены к расстрелу. 29 апреля приговор был приведен в исполнение. Так завершился земной путь бывшего агента русской разведки в Румынии «Короленко». Похоронен он был на Ваганьковском кладбище. 16 января 1989 г. Кюрц и Сонкин были реабилитированы.

* * *

Сменивший Семёнова на посту военного агента в Бухаресте полковник А.А. Татаринов имел в своем распоряжении мало времени и сил для развертывания новых агентурных сетей. К тому же главная его задача заключалась не в негласной разведке, а в проведении пере-

¹⁶⁵¹ Там же. Л. 236.

¹⁶⁵² Минаев В. Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР. Часть первая / под ред. И. Ерухимовича. М., 1940. С. 44.

¹⁶⁵³ Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2 кн. М., 1986. Кн. 1. С. 293.

¹⁶⁵⁴ Там же. С. 296–298.

¹⁶⁵⁵ Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. / под ред. Е.М. Примакова. Т. 2: 1917–1933 годы. М., 1997. С. 60.

говоров об условиях выступления Румынии на стороне Антанты. Эта важная военно-дипломатическая миссия отнимала у Татарина значительную часть его служебного времени и сил. Впрочем, по данным К.К. Звонарёва, к концу 1916 г. агентурная сеть военного агента в Румынии насчитывала 13 сотрудников, расходы на которых за год составили 23 304 франка¹⁶⁵⁶. По всей видимости, он, в отличие от своего предшественника, не разменивался на мелкую по результатам, но высокозатратную работу по «контршпионажу». К тому же весной и летом 1916 г. оперативная обстановка в Румынии начинала все больше благоприятствовать секретным службам Согласия и все меньше — представителям Четверного союза. По мере сближения Румынии с Антантой давление ее органов полиции и контрразведки, на которое так жаловались Семёнов и другие русские разведчики, стало переноситься на агентов противоположного лагеря.

16 марта 1916 г. подполковник Якубов, временно исполнявший должность начальника разведки штаба Одесского военного округа, докладывал: «По полученным мною из заграничного агентурного источника сведениям, румынская полиция стала усиленно наблюдать за деятельностью проживающих в Бухаресте агентов немецкого шпионажа против России, большинство этих агентов находится будто бы в неотступном наблюдении, благодаря чему известный организатор австро-германского шпионажа против России Гросс намерен будто бы выехать из Бухареста в Синаю, где он решил нанять себе дом. Агенты его останутся в Бухаресте»¹⁶⁵⁷.

С течением времени сведения Якубова вполне подтвердились. Румынская сигуранца действительно стала помогать русским секретным службам. 8 июня 1916 г. полковник Татарин телеграфировал на имя генерал-квартирмейстера Ставки М.С. Пустовойтенко: «За полковником Гамерштейном и всеми германскими офицерами мною установлено наблюдение, кроме того, следить за ними и их деятельностью мне помогает начальник румынской тайной полиции Панаитеско и разведывательное отделение румынского Генерального штаба, где все они находятся на учете и в случае компрометации высылаются из Румынии»¹⁶⁵⁸.

Крупный болгарский историк Милчо Лалков, много работавший с австрийскими документами, писал, что опытный в агентурной работе полковник Татарин, сменив «малознергичного» Семёнова, быстро

сумел нейтрализовать австро-германскую агентуру¹⁶⁵⁹. Однако дело заключалось отнюдь не в мнимой пассивности Семёнова и не в действительно хороших качествах Татарина как разведчика, а в самих условиях работы в Румынии, которые в 1916 г. коренным образом изменились в пользу России и Антанты.

Находясь в Бухаресте, полковник Татарин регулярно получал ценные сведения о положении в Австро-Венгрии от румынского военного атташе в Вене капитана Траяна Стырча. Последний, уроженец Буковины, был движим не только симпатиями к России и Антанте, но и корыстным интересом — он просил Татарина ходатайствовать об охране домов его родственников в занятых русскими войсками Черновцах¹⁶⁶⁰. Донесения от военного атташе в Вене Татарину давали читать прямо в румынском Военном министерстве, где число сторонников России было в то время велико и продолжало расти по мере продвижения армий Юго-Западного фронта А.А. Брусилова в Галиции и Буковине. Прежде сведения от румынского военного атташе в Вене получал и полковник Семёнов¹⁶⁶¹.

Вступление Румынии в войну в качестве союзника России повлекло прекращение негласной агентурной работы русских секретных служб на территории этой страны. 21 августа Татарин докладывал в Ставку: «Всякого рода разведка и осведомительная служба в Румынии, начиная с 14 августа, по приказанию штаверха прекращена»¹⁶⁶². В докладе начальника штаба Одесского военного округа в Генштаб также говорилось: «Со времени выступления Румынии, действовавшая в пределах названного королевства агентурная сеть штаба округа была ликвидирована»¹⁶⁶³. После этого деятельность русской разведки на территории Румынии сводилась в основном к разведывательному обеспечению операций союзных войск в Добрудже и на новообразованном Румынском фронте. Руководили ею полевые штабы русской армии, и велась она преимущественно методами войсковой разведки. Попытки вновь развернуть агентурную разведку на румынской территории носили импровизационный характер и не успели принести значимых результатов до момента революционного падения Российской империи.

¹⁶⁵⁹ Лалков М. Балканската политика на Австро-Унгария (1914–1917 г.). Австро-унгарската дипломатия в борба за съюзници през първата световна война. София, 1983. С. 331.

¹⁶⁶⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1897. Л. 161. А.А. Татарин — в Огенквар. 10 июня 1916 г. № 175.

¹⁶⁶¹ Там же. Ед. хр. 1156. Л. 117. Б.А. Семёнов — М.С. Пустовойтенко. 16 декабря 1915 г. № 994.

¹⁶⁶² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Ед. хр. 827. Л. 443. А.А. Татарин — М.С. Пустовойтенко. 21 августа 1916 г. № 337.

¹⁶⁶³ Там же. Оп. 16. Ед. хр. 1777. Л. 1–1 об. Н.А. Маркс — генерал-квартирмейстеру ГУТШ. 30 декабря 1916. № 5173.

¹⁶⁵⁶ Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 200.

¹⁶⁵⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 894. Л. 3. Якубов В.М. Доклад. 16 марта 1916 г. № 2502.

¹⁶⁵⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1156. Л. 81–81 об. А.А. Татарин — М.С. Пустовойтенко. 8 июня 1916 г. № 150.

Глава 23

ШТАБНАЯ РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Сложенный нами из архивных документов «шпионский роман» о служебных буднях и особенностях агентурной работы русской разведки в Румынии приближается к концу. Как мы убедились, в рассматриваемый период работа русской агентурной разведки в этой стране характеризовалась низкой эффективностью, полной анархией и бессмысленным хаосом, борьбой и взаимными интригами ведомств, учреждений, центральных и местных штабов, а также вопиющими фактами коррупции и профессиональной некомпетентности ряда сотрудников. Все это усугублялось активными усилиями неприятельских секретных служб и широкомасштабной деятельностью международных авантюристов и аферистов. Русская военная разведка и иные ведомства оказались совершенно не в состоянии противостоять вызовам первой тотальной войны спецслужб XX в.

Важно отметить, что именно ситуация с разведкой в Румынии и в особенности одиозная и вопиющая история агента Кюрца, вскрывшая страшные язвы всей организации разведывательной и контрразведывательной работы в этой стране, заставили высшее руководство вооруженных сил России всерьез заняться вопросом о реформировании системы заграничной разведки в условиях войны. Историки К.К. Звонарёв и, вслед за ним, М. Алексеев пишут, что на решение об этом повлияли тревожные сигналы из Копенгагена, Варшавы и других мест. Однако, насколько известно, лишь дело о Кюрце и его деятельности в Бухаресте рассматривалось на уровне руководителей различных министерств и ведомств Российской империи.

13 ноября 1915 г. Ставка циркулярным письмом запросила штабы фронтов об их мнении по поводу участия полевых штабов (фронтов и армий) в заграничной разведке. Собранные ответы сильно различались между собою.

Начальник штаба Северного фронт генерал М.Д. Бонч-Бруевич писал, что заграничную разведку должны вести ГУГШ, Ставка и штабы фронтов, но не армий. Для последних это представляло слишком сложную задачу. Кроме того, Бонч-Бруевич подчеркивал ту довольно

очевидную истину, что при предложении разными лицами услуг по разведке разведывательные органы должны были запрашивать друг у друга сведения об этих лицах, во избежание приема скомпрометированных людей¹⁶⁶⁴.

В свою очередь, генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта П.П. Лебедев отвечал, что объединение всей разведки в Ставке или в Огенкваре необходимо. В случае принятия такого решения, штабам фронтов и армий следовало предписать воздержаться от создания новых заграничных агентурных организаций, а уже существующие сети — передать в ведение Ставки или Огенквара, а частично — ликвидировать. Зато фронтовые и армейские штабы следовало обязать принять все меры к усилению разведки в прифронтовой полосе путем отправки агентов и насаждения сети резидентов в оставленных русскими войсками местностях¹⁶⁶⁵.

Как ни странно, именно штаб Юго-Западного фронта, только что осрамившийся в Румынии в лице своих эмиссаров Юрьева и Игнатьева с Кюрцем, выступил с наиболее сепаратистской позицией по вопросу о ведении зарубежной разведки. В подробном докладе на имя Пустовойтенко генерал-квартирмейстер штабуза М.К. Дитерихс и начальник разведки В.А. Брендель 25 ноября 1915 г. писали, что «вопросы агентуры, особенно ее организации, столь разнообразны и жизненны, что они могут решаться лишь лично, что при ее объединении где бы то ни было выше фронта [она] теряет свою гибкость и может свестись к делу канцелярскому»¹⁶⁶⁶.

Далее в своем докладе старшие чины штабуза упорно настаивали, что взятые ими на вооружение принципы ведения разведки за границей были единственно верными. Они указывали: «Выяснившееся, видимо, в других фронтах неудобство высылки отдельных несолидных агентов, у нас таковых не высылалось, заставляет желать во главе организаций за границей людей вполне солидных — желательно офицеров»¹⁶⁶⁷. Мы уже видели, насколько «солидными» людьми были агенты штабуза в Румынии, как в офицерских погонах, так и без оных. Далее Дитерихс и Брендель продолжали делиться своей мудростью в деле разведки: «У многих есть стремление привлекать к этому жандармских офицеров. Громадная разница работы разведки и контрразведки вряд ли оправдывает это мнение. Если жандармские офицеры могут считаться специалистами в распознавании людей, то почти

¹⁶⁶⁴ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 15–16 об. М.Д. Бонч-Бруевич — М.С. Пустовойтенко. 7 декабря 1915 г. № 1369/р.

¹⁶⁶⁵ Там же. Л. 18–18 об. П.П. Лебедев — М.С. Пустовойтенко. 1 декабря 1915 г. № 32.

¹⁶⁶⁶ Там же. Ед. хр. 76. Л. 1–6. М.К. Дитерихс — М.С. Пустовойтенко. 25 ноября 1915 г. № 13904.

¹⁶⁶⁷ Там же.

полное отсутствие чисто военного опыта, знаний и специально военного понимания вещей, заставляет предпочитать для этого офицеров, предварительно подготовленных в разведывательных отделениях для самостоятельной работы, пользуясь жандармами лишь для дела контрразведки»¹⁶⁶⁸.

И главное, в своем докладе генерал-квартирмейстер и начальник разведки штабу самоуверенно до дерзости провозглашали необходимость официального прикомандирования офицеров-эмисаров фронтовой разведки к дипломатическим представительствам России: «Придя к принципу иметь за границей такие агентурные бюро, существенно необходимо, чтобы нам навстречу пришли не только наши военные агенты, которых это прямая обязанность, но и посольства. Необходимо, чтобы такие офицеры были официально причислены к посольствам, миссиям, консульствам и т.п. и нашим заграничным органам, что даст им спокойно работать»¹⁶⁶⁹.

В этом документе самодовольство и стремление штаба Юго-Западного фронта к сепаратизму в деле разведки проявились в высшей степени. И документы не дают понять, были ли эти настроения хоть немного умерены, когда всего несколько недель спустя последовал крах агента «Короленко».

Генерал-квартирмейстер ГУГШ М.Н. Леонтьев также решил поделиться со Ставкой своими выводами об изъянах системы заграничной разведки. В письме на имя Пустовойтенко от 18 января 1916 г. он указывал на необходимость вербовки только надежных лиц и проведения с ними надлежащей подготовки перед отправкой за границу. Также Леонтьев рекомендовал прекратить отправку агентов группами, чтобы лишить их возможности сговора в целях дезинформации. Наконец, необходимо было более четко ставить командируемым агентам задачи и принять меры к улучшению связи¹⁶⁷⁰. Все эти выводы были достаточно очевидны и банальны, однако генерал Алексеев согласился с ними, и 24 января они были разосланы в штабы фронтов под заголовком «Выводы о желательных изменениях в постановке вопроса по командированию за границу негласных агентов, по данным, поступившим в Главное управление Генерального штаба»¹⁶⁷¹.

По всей видимости, военное ведомство обратилось с подобным запросом и к Департаменту полиции, сотрудники которого во время войны также изучали и критически осмыслили опыт работы военной

разведки. И, скорее всего, именно вследствие этого запроса опытный П.П. Заварзин, начальник Жандармского управления Одессы, 8 января 1916 г. изложил в докладе на имя директора Департамента полиции свои выводы, которые он смог сделать во время войны, соприкасаясь с военной разведкой и ее агентами. Подчеркнем, что объектом внимания была именно работа в Румынии, которую Заварзин из Одессы наблюдал достаточно близко. Он писал: «1) В стремлении осветить Австрию и Германию каждый штаб фронта и армии направляет в Бухарест самостоятельно своих служащих и руководимых ими сотрудников, причем некоторые из руководителей со слабым усвоением техники розыскного дела и отсутствием знакомства с условиями, при которых им придется работать, не знают, что приобретение секретной агентуры представляет собою исключительно сложную розыскную работу, теперь граничащую там с невозможностью исполнения.

2) Несмотря на то что основной задачей разведки является исключительно секретное ведение очень чуткой к провалу агентуры, некоторые из руководителей сотрудниками постоянно вращаются в среде не проверенных ими румын, а равно проваленных чинов нашего посольства и военного агентства. Это весьма опасно, так как сильно поставленная в Бухаресте немецкая контрразведка, имея массу агентов и прочные связи с румынскими властями, тотчас же обнаруживает наших руководителей, наблюдение за которыми угрожает провалу секретной агентуры. К тому же уже обнаруженная одновременная служба некоторых секретных сотрудников у нас и немцев является еще большей угрозой нашему разведывательному делу.

3) У некоторых руководителей сложилась заведомая уверенность, что Румыния выступит с нами, и поэтому ими не соблюдается конспирация, необходимая в отношении румынских властей для того, чтобы гарантировать сохранение разведывательного дела в случае осложнений, когда выезд из Румынии известным немецкому шпионажу лиц будет совершенно невозможен.

4) Многие лица, служащие в военной разведке и причастные к ней, имеют совершенно открытые общения друг с другом и даже совместно посещают рестораны.

5) Возникает опасение, что ведение в одном пункте столь децентрализованного дела может повлечь за собою весьма серьезные последствия, а именно: а) работу в разных армиях одних и тех же сотрудников, сведения которых могут ошибочно учитываться в центральном учреждении как поступающие из разных источников и, следовательно, проверенные, б) корыстную эксплуатацию неопытных руководителей и бесцельную трату крупных денежных сумм, в) повторение неопытными офицерами и чиновниками грубых ошибок, неминуемых при

¹⁶⁶⁸ Там же

¹⁶⁶⁹ Там же.

¹⁶⁷⁰ Там же. Ед. хр. 102. Л. 4–7. М.Н. Леонтьев — М.С. Пустовойтенко. 18 января 1916 г. № 102.

¹⁶⁷¹ Там же. Л. 1–3.

начале розыскной деятельности, без непосредственного руководства, г) постоянные провалы внутренней агентуры, д) получение от некоторых сотрудников малозначащих сведений, не отвечающих заданиям штабов»¹⁶⁷².

Именно этот доклад Заварзина лег в основу доверительного письма, которое месяц спустя, 6 февраля 1916 г., товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий от имени своего ведомства отправил на имя начальника Генштаба М.А. Беляева. Практически слово в слово повторяя мысли Заварзина, Белецкий от себя добавил только лишь конкретное упоминание о деле Кюрца¹⁶⁷³.

Как ни неприятно было Генштабу получать от полиции подобные поучения в менторском тоне, там должны были признать абсолютную справедливость указания на вопиющие язвы системы организации ведения русской разведки в Румынии. Впрочем, Белецкий как один из руководителей политической полиции вряд ли имел основания превозносить работу собственного ведомства, погрязшего в коррупции, провокаторстве и непрофессионализме, в которых задыхались отдельные талантливые и честные чиновники Департамента полиции и жандармские офицеры. Копия записки Белецкого была отправлена Беляевым Алексееву, причем начальник Генштаба отмечал, что точно теми же недостатками страдала и организация разведки на территории Швейцарии и Дании¹⁶⁷⁴. На этой бумаге Алексеев собственноручно оставил резолюцию: «16.И.[1]916. Денег уходит много, а результаты малые. Сообщить фронтам. Спросить их мнение, как объединить работу»¹⁶⁷⁵.

Так в результате сбора и обобщения мнений штабов фронтов и ГУГШ, а также на основании изложенного материала из Департамента полиции в Ставке на повестке дня вновь возник вопрос о необходимости объединения руководства всей стратегической заграничной разведкой в одном центре, а именно в ГУГШ. Однако выполнено это было далеко не сразу. Обсуждение и воплощение этого замысла подробно описывают в своих работах историки разведки К.К. Звонарёв и М. Алексеев¹⁶⁷⁶. Ими наглядно показано, что переписка и вялая бю-

¹⁶⁷² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Ед. хр. 300. Лит. С. Т. 2. Л. 23–24 об. П.П. Заварзин — директору Департамента полиции. 8 января 1916 г. № 2.

¹⁶⁷³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 113. Л. 128–129 об. С.П. Белецкий — М.А. Беляеву. 6 февраля 1916 г. № 134082.

¹⁶⁷⁴ Там же. Л. 130–131.

¹⁶⁷⁵ РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 33–33 об. М.А. Беляев — М.В. Алексееву. 11 февраля 1916 г. № 292/460.

¹⁶⁷⁶ Звонарёв К.К. Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 2003. С. 254–270; Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война: в 2 ч. М., 2001. Кн. 3, ч. 2. С. 3–36. Алексеев рассматривает данный процесс как личную борьбу генерала Пустовойтенко против фронды и сепара-

рократическая полемика между Ставкой и ГУГШ с чередующимися затуханиями и новыми всплесками длилась почти два года, с конца 1915 г. до августа 1917 г. Иными словами, названная организационная проблема оказалась более живуча, чем сама Российская империя.

В принципе, в штабе Верховного главнокомандующего были не против объединения руководства разведывательной работой в Генштабе, однако чины ГУГШ жаловались на острую нехватку кадров и фактическую неспособность нести такое бремя¹⁶⁷⁷. В свою очередь, Ставка в лице генерал-квартирмейстера М.С. Пустовойтенко не желала прекращать самостоятельную зарубежную разведку полевых штабов действующей армии до того, как ГУГШ сможет построить действенную систему стратегической разведки. В сентябре 1916 г. было создано новое Разведывательное делопроизводство Огенквара ГУГШ, объединившее руководство как официальными военными агентами, так и тайными агентурными организациями ГУГШ в зарубежных странах. Однако заграничная работа агентов фронтовых и армейских штабов продолжалась. И лишь после Февральской революции и последовавшего радикального обновления в руководстве Генштаба и в Ставке прежние замыслы удалось воплотить в жизнь. К 28 августа 1917 г. окончательно завершилась передача всех заграничных агентурных организаций Ставки и штабов фронтов в ведение Огенквара ГУГШ. Произошло это уже через полгода после падения монархии в России, в условиях агонии и распада революционной армии и государственности. И естественно, эта реформа уже никак не могла повлиять на способность вооруженных сил России хоть немного продлить свое сопротивление противнику и обеспечить стране более достойные условия завершения или выхода из мировой войны.

* * *

Описанная на страницах этой книги история болезни, ее обнаружения и попыток лечения представляется глубоко символической и поучительной. Безусловно, здесь в полной мере проявились свойства младенческого институционального состояния службы военной разведки и контрразведки. Офицеры русского Генштаба не имели никакого опыта организации тайной агентурной разведки в условиях большой европейской войны. В то же время бросается в глаза, что и представители тайного политического сыска, нередко заявлявшие о

тизма фронтовых штабов и амбиций ГУГШ в деле разведки. Однако, как показывают документы, в действительности ни один высший штаб, и даже штабоз с его описанными сепаратистскими настроениями, не оказывал Ставке активного аппаратного сопротивления. Участники спора были довольно пассивны, а дело тянулось, прежде всего, в силу огромной бюрократической инерции.

¹⁶⁷⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1305. Л. 352–355. Д.С. Шуваев — М.В. Алексееву. 30 августа 1916 г. № 17367.

своим профессиональным превосходстве над военными в деле конспирации и работы с тайной агентурой, также широко проявляли свою непригодность к решению возникавших задач. С другой стороны, неразвитость структур и неопытность кадров в деле агентурной разведки никак не могли служить оправданием и объяснением описанного безобразного отсутствия координации работы разных ведомств и даже разных штабов военного ведомства между собой. Наоборот, в описанных событиях принимали участие старые, мощные и развитые ведомства государственного аппарата, со сложившимися институциональными традициями, особой служебной этикой, стереотипами в восприятии друг друга. Все эти ведомства были сильны, каждое по-своему, но сообща они работали отвратительно. Рассказанная история является лишь одним, но весьма ярким примером, одной иллюстрацией того паралича военной и административной власти, который охватывал Российскую империю в последние годы ее существования.

Иными словами, попытки службы военной разведки выйти из младенческого состояния происходили на фоне необратимого загнивания ключевых ведомств государства, чем и нужно объяснить ряд роковых провалов в разведывательной и контрразведывательной работе и в информационно-аналитическом обеспечении стратегического планирования. Все это вело к тому, что русская стратегия в отношении Румынии и Балкан в целом строилась на зыбком фундаменте. Высшее военное и политическое руководство империи не могло знать всех описанных безобразий, творимых его разведчиками на румынской территории, но даже те отрывочные сведения, которые доходили до М.В. Алексеева, С.Д. Сазонова и других ключевых государственных деятелей, неизбежно внушали им мысль о невозможности рассчитывать на своевременные и достоверные сведения о Румынии. Стоит ли удивляться, что именно с этой страной оказалась связана последняя и одна из наиболее горьких военно-политических неудач Российской империи в годы Первой мировой войны?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За два века активной балканской политики Российской империи Балканы вошли в кровь и плоть русской императорской армии, стали неотъемлемой и важной частью ее истории, ее легенд и преданий. Не было ни одного поколения русских солдат и офицеров, которому не выпало бы с оружием в руках отстаивать интересы и честь России на Балканском полуострове, нести свободу и справедливость его народам. В балканском походе 1877–1878 гг. субалтерн-офицерами приняли участие многие старшие военачальники и деятели Генштаба начала XX в. и времен Первой мировой войны. Однако, несмотря на все это, русский «мозг армии» так и не смог создать специализированную службу военного балкановедения, с коллективом всесторонне подготовленных в языковом и страноведческом отношении специалистов по Балканскому региону. У империи имелись военные разведчики-эксперты по Малой Азии и Закавказью (в штабе Кавказского военного округа), по Средней Азии и Дальнему Востоку; работали школы восточных языков. Штабы азиатских военных округов готовили выдающихся востоковедов, но не существовало никакой системы подготовки военных балканистов. Важнейшее направление внешней и военной политики Российской империи — балканское — оказалось не обеспеченным кадрами. Это обстоятельство красноречиво доказывает несовершенство системы расстановки приоритетов в стратегическом планировании руководства военного ведомства и государства в целом. В этих условиях Генштаб и военная разведка были вынуждены пытаться усилить разведку на Балканах в экстренном порядке, привлекая зачастую непроверенных и ненадежных людей.

Несмотря на все описанные трудности и неудачи, накануне и в годы Первой мировой войны Генеральный штаб Российской империи сумел поставить на разведывательную службу на важнейшем балканско-черноморском направлении ряд опытных офицеров и хороших профессионалов. Большинству из них не доставало специальной балкановедческой подготовки, но они были готовы упорным трудом, личным опытом, подчас методом проб и ошибок восполнять пробелы.

Однако даже самоотверженные усилия офицеров-разведчиков не позволяли исправлять все недостатки неповоротливой бюрократической машины, не сумевшей подготовить ни кадры, ни должную организационную структуру для ведения на Балканах негласной агентурной работы.

В рассматриваемый период в этой области русской военной разведкой в целом не было достигнуто выдающихся успехов, но в этом не было ничего удивительного. Разведывательная деятельность русского Генштаба изначально основывалась на принципах академических научных дисциплин — военной статистики и географии — и неизбежно отставала в области тайной агентурной разведки. Подобное отставание было свойственно разведывательным службам военных ведомств большинства других государств той эпохи. Однако и политическая полиция Российской империи, уже накопившая обширный и достаточно успешный опыт агентурно-оперативной деятельности внутри страны, также была еще не готова к эффективной работе за ее пределами.

Опыт русской военной разведки на Балканах в годы мировой войны наглядно свидетельствовал, что в военное время, в условиях активной работы неприятельской контрразведки и местной тайной полиции, только хорошо законспирированные нелегальные резидентуры могли эффективно решать задачи сбора агентурных сведений по Балканам и сопредельным странам. Официальные военные агенты в зарубежных странах, которые прежде успешно выполняли основной объем работы по сбору и первичному анализу агентурной информации, в изменившейся обстановке не могли столь же результативно вести негласную разведку. Таким образом, практика подводила черту под предвоенными дискуссиями офицеров русской разведки, в ходе которых обсуждались проблемы степени участия военных агентов в нелегальной разведывательной деятельности. Первая тотальная война XX в. предъявила качественно новые требования к работе военной разведки, главным орудием которой отныне должны были стать нелегальные резидентуры в зарубежных странах.

Однако центр тяжести профессиональных усилий русских военных агентов в балканских странах в рассматриваемый период лежал не в сфере агентурной разведки и «шпионажа», а в области широкого военно-политического анализа, для которого тайная агентура была всего лишь одним из возможных источников поступления информации. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением бывшего главы австро-венгерской военной разведки фельдмаршал-лейтенанта Августа Урбанского фон Остримеч, который писал в 1927 г.:

«По личному многолетнему опыту, как начальник разведывательного бюро, я могу сказать, что военные агенты в своем изучении ино-

странных армий никогда не базировались на агентурной разведке. Хорошо образованный в военном деле офицер, с ясным военным суждением, имел в своем распоряжении иные богатые средства, которые позволяли ему изучать военную мощь государства. Официальное сношение с военными центральными управлениями, наблюдение за маневрами, на которые он приглашался, изучение военной литературы и повседневной печати, изучение заседаний правительственных учреждений давали военным агентам гораздо более ясную картину обороны государства, нежели сообщения темных личностей, которые часто бывали сомнительными и ошибочными»¹⁶⁷⁸.

Если глубже вникнуть в это высказывание, то станет ясно, что генерал Урбанский не только выражал скепсис по поводу роли агентурной работы в деятельности института военных атташе, но и особо подчеркивал значение широкого анализа открытых и несекретных источников в деле стратегической военной разведки. Надо признать, что в те годы, в наступившую эпоху бурного расцвета нелегальной агентурной разведки, это была очень смелая и во многом опережающая свое время мысль.

Накануне и в начале Первой мировой войны разведка и контрразведка России не испытывали качественного отставания от секретных служб ведущих мировых держав ни в области финансирования, ни в подготовке кадров, ни в организации агентурной деятельности. Однако в условиях глобального вооруженного противостояния первостепенное значение приобрел вопрос о переводе секретных служб на рельсы военного времени и о способности соответствующих институтов государства быстро и гибко реагировать на вызовы текущего момента и приспособлять свои органы разведки для решения новых задач.

После начала мировой войны всем ее участникам было сложно исправить допущенные в предвоенное время просчеты в подготовке и насаждении агентурных сетей. С другой стороны, чрезвычайные условия военного времени позволяли секретным службам воюющих сторон добиваться выделения огромных денежных средств и в ускоренном, приоритетном порядке вносить необходимые изменения в организацию и практику своей работы. И если в отношении финансового обеспечения разведки и контрразведки Россия начала XX в. имела все возможности не уступать противникам и союзникам, то в области управления людьми, организациями и институтами ситуация была совсем безрадостной.

Военное ведомство и секретные службы Российской империи даже в эпоху ее упадка не были лишены умных, широко мыслящих руко-

¹⁶⁷⁸ Цит. по: Шапошников Б.М. Мозг армии: в 3 т. М.; Л., 1929. Т. 3. С. 311.

водителей и имели вдоволь энергичных, предприимчивых, талантливых и мужественных офицеров-исполнителей. Однако эти структуры демонстрировали поразительную косность и инертность в решении даже насущных организационных, штатных и кадровых вопросов. А на межведомственном уровне данные проблемы приобретали просто фатальный характер.

Подробное исследование частного случая — организации разведки в Балканском регионе — показало нам глубочайшие проблемы функционирования всей межведомственной бюрократической машины империи, которая ко времени Первой мировой войны была просто неспособна к своевременному осознанию и устранению критически важных изъянов в структуре, кадровой политике и жизнедеятельности разведывательного сообщества государства.

Впрочем, ни ущербность системы организации стратегической разведки и агентурной работы в частности, ни даже косность и инертность ключевых ведомств государства не являются исчерпывающим ответом на вопрос о причине поражения России в борьбе за Балканы накануне и в годы Первой мировой войны и, если взять шире, о пределах способности империи обеспечить свое выживание в условиях того глобального конфликта. Названные ограничивающие факторы сами по себе еще не делали невозможными выработку и применение эффективной политической и военной стратегии России на балканском и прочих направлениях в годы войны.

А это значит, что для дальнейшего изучения данного вопроса нам впоследствии придется погрузиться в подробности аналитической и прогностической работы русской военной разведки на Балканах, в профессиональные будни дипломатического ведомства, в процесс стратегического и оперативного планирования высших штабов и, наконец, в боевые летописи русских войск на Балканском театре мировой войны. Все это позволит нам не только еще раз испытать горечь поражений Российской империи на балканском направлении Первой мировой войны, но и обогатиться накопленным ею политическим и военным опытом. За этот опыт наша страна заплатила высокую цену, но если в будущем он хоть немного поможет России более эффективно отстаивать свои национальные интересы — то, значит, огромные усилия и жертвы исторической Российской империи в той борьбе за Балканы не были совсем напрасными, как и кропотливый труд историков, исследовавших эту тему.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

- s.a. — no date (англ., без даты).
 АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
 австр. — австрийский.
 австро-венг. — австро-венгерский.
 адм. — административный.
 амер. — американский.
 арм. — армянский.
 балк. — балканский.
 б.д. — без даты.
 бельг. — бельгийский.
 БЗНС — Болгарский земледельческий народный союз.
 б.н. — без номера.
 болг. — болгарский.
 брит. — британский.
 бывш. — бывший.
 вел. кн. — великий князь.
 венг. — венгерский.
 воен. — военный.
 воен.-мор. — военно-морской.
 вр.и.д. — временно исполняющий должность.
 ВСЮР — Вооруженные силы Юга России.
 ВУК — Военно-ученый комитет.
 ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.
 г. — год; город; господин.
 ГАСО — Государственный архив Саратовской области.
 ген. — генерал, генеральный.
 Генквартирмейстер — генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего.
 ген.-квартирмейстер — генерал-квартирмейстер.
 генквартирмейстер — генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта.
 ген.-лейт. — генерал-лейтенант.
 ген.-майор — генерал-майор.
 Генмор — Морской Генеральный штаб.
 ген.-фельдмаршал — генерал-фельдмаршал.
 герм. — германский.
 г-жа — госпожа.
 ГЖУ — губернское жандармское управление.
 Главкомверх — Верховный главнокомандующий.
 ГМШ — Главный морской штаб.

г-н — господин.
 гос. — государственный.
 гр. — граф.
 греч. — греческий.
 губ. — губерния.
 ГУТШ — Главное управление Генерального штаба.
 д. — деревня.
 деп. — департамент.
 д.и.н. — доктор исторических наук.
 дип. — дипломатический.
 е.и.в. — его (ее) императорского величества.
 жанд. — жандармский.
 ж.д. — железная дорога, железнодорожный.
 ЖПУЖД — жандармское полицейское управление железных дорог.
 ЖУ — жандармское управление.
 зав. — заведующий.
 загран. — заграничный.
 зам. — заместитель.
 зап. — западный.
 и.д. — исполняющий должность.
 имп. — император, императорский.
 и.о. — исполняющий обязанности.
 исп. — испанский.
 ит. — итальянский.
 кавторанг — капитан 2-го ранга.
 кан. — канадский.
 каперанг — капитан 1-го ранга.
 кн. — князь.
 кон. — конец.
 кор. — король, королева.
 Королевство СХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев.
 КРО — контрразведывательное отделение.
 л.-гв. — лейб-гвардии.
 лейт. — лейтенант.
 макед. — македонский.
 МВД — Министерство внутренних дел.
 МГШ — Морской Генеральный штаб.
 МИД — Министерство иностранных дел.
 мин. — министр.
 монг. — монгольский.
 мор. — морской.
 НАГШ — Николаевская академия Генерального штаба.
 нар. — народный.
 нац. — национальный.
 нач. — начало, начальник.
 нашптаверх — начальник штаба Верховного главнокомандующего.
 нем. — немецкий.
 общ. — общественный.
 ОдВО — Одесский военный округ.
 Огенквар — Отдел генерал-квартирмейстера.
 ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление.
 ОКЖ — Отдельный корпус жандармов.

ОКПС — Отдельный корпус пограничной стражи.
 ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
 пех. — пехотный.
 погран. — пограничный.
 подполк. — подполковник.
 полк. — полковник.
 полит. — политический.
 польск. — польский.
 пом. — помощник.
 председ. — председатель.
 приком. — прикомандирован(ный).
 п/с — послужной список.
 псевд. — псевдоним.
 ПТА — Петроградское телеграфное агентство.
 развед. — разведывательный.
 РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота.
 РГВА — Российский государственный военный архив.
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
 рев. — революционный.
 РОВС — Русский общевоинский союз.
 РОПИТ — Русское общество пароходства и торговли.
 рос. — российский.
 РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (больше-
 виков).
 рум. — румынский.
 рус. — русский.
 секр. — секретный.
 серб. — сербский.
 сов. — советский.
 сотр. — сотрудник.
 СПТА — Санкт-Петербургское телеграфное агентство.
 ст. — старший.
 суд. — судебный.
 тур. — турецкий.
 укр. — украинский.
 УНКВД — управление Народного комиссариата внутренних дел.
 урожд. — урожденная.
 фин. — финский.
 фр. — французский.
 ЦВРБ — Центральное военно-регистрационное бюро.
 центр. — центральный.
 чеш. — чешский.
 швед. — шведский
 штаюз — штаб Юго-Западного фронта.
 ЭОН — Экспедиция особого назначения.
 югосл. — югославский.
 яп. — японский.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1. Фонд 400. Главный штаб Военного министерства.
2. Фонд 401. Военно-ученый комитет.
3. Фонд 409. Послужные списки офицеров.
4. Фонд 434. Греция. Коллекция Военно-ученого архива.
5. Фонд 438. Румыния. Коллекция Военно-ученого архива.
6. Фонд 544. Николаевская академия Генерального штаба.
7. Фонд 725. Главное управление военно-учебных заведений.
8. Фонд 1759. Штаб Киевского военного округа на театре военных действий.
9. Фонд 1837. Штаб Одесского военного округа.
10. Фонд 1956. Штаб Виленского военного округа.
11. Фонд 2000. Главное управление Генерального штаба.
12. Фонд 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка).
13. Фонд 2067. Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.
14. Фонд 2129. Штаб 7-й армии.

Российский государственный военный архив (РГВА)

15. Фонд 37967. Главное разведывательное управление Генерального штаба.
16. Фонд 40218. Отдел контрразведки Штаба Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

17. Фонд 134. Архив «Война».
18. Фонд 135. Особый политический отдел.
19. Фонд 145. Румынский стол.
20. Фонд 146. Славянский стол.
21. Фонд 151. Политархив.
22. Фонд 169/2. Миссия в Бухаресте.
23. Фонд 192. Миссия в Софии.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

24. Фонд 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. 1880–1917.
25. Фонд 110. Штаб Отдельного корпуса жандармов. 1827–1917.
26. Фонд 529. Бюро заведывающегограничной агентурой Департамента полиции в Константинополе. 1911–1914.
27. Фонд 505. Заведующий агентурой Департамента полиции на Балканском полуострове. 1889–1904.
28. Фонд Р-5793. Рябиков П.Ф.
29. Фонд Р-5826. Русский Обще-Воинский Союз (РОВС).

30. Фонд Р-5881. Коллекция воспоминаний белоэмигрантов.
31. Фонд Р-5942. Отдел делегации, ведающей интересами русской эмиграции в Югославии, г. Белград.
32. Фонд Р-5944. Центральное правление общества русских офицеров в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.
33. Фонд Р-5945. Районное правление общества русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, г. Белград.
34. Фонд Р-5956. Чернавин В.В.
35. Фонд Р-5982. Главное справочное бюро, г. Константинополь.
36. Фонд Р-7332. Аверьянов П.И.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ)

37. Фонд 418. Морской Генеральный штаб.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

38. Фонд 1052. Энгельгардт Б.А.

II. Опубликованные документы

1. *Басханов М.К., Колесников А.А.* Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении. Документы, материалы, комментарии. Тула: Гриф и К, 2014.
2. Военно-морская агентурная разведка в Первой мировой войне / ввод. ст., подгот. текста и коммент. В.А. Петрова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. Кн. 8. С. 165–202.
3. *Деревянко И.В., сост.* Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы. // Тайны русско-японской войны М.: Прогресс – Прогресс-Академия, 1993. С. 141–327.
4. Дневники и документы из личного архива Николая П. Минск: Харвест, 2003.
5. *Заславский Д.* Румынская ситуанца // Красный архив. 1933. Т. 2 (57). С. 10–42.
6. Из предьстории русско-японской войны. Донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.) / ввод. ст., подгот. текста и коммент. В.А. Петрова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. Кн. 6. С. 52–94.
7. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. III: 1914–1917 гг. Т. 1–10. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931–1938.
8. Министерство иностранных дел. Дипломатическая переписка. Реформы в Македонии. 1903–1905. СПб.: Типография В.Ф. Киришбаума, 1906.
9. Центральная архив. Военные восстания в Балтике в 1905–06 гг. / подгот. к печ. А.К. Дрейзен, В. Петров, М. Ахун; с предисл. В.И. Невского. М.: Партийное изд-во, 1933.

III. Опубликованные воспоминания, дневники, письма

1. *Бубнов А.Д.* В царской Ставке. Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955
2. *Верховский А.И.* Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 г.). Пг.: Дело Народа, 1918.
3. *Верховский А.И.* На трудном перевале. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1959.
4. [*Верховский А.И.*] Сербский дневник Генерального штаба капитана Александра Верховского // *Сафронов Ю.И.* Дневник Верховского. М., 2014. С. 203–229.
5. *Войцеховский С.А.* Трест. Воспоминания и документы. Канада: Заря, 1974.

6. *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж: Военно-историческое изд-во «Танаис», 1969–1970.
7. *Гурко Д.И.* Воспоминания генерала // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. М.: Русское слово, 2002.
8. *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. М.; Жуковское Поле, 2006.
9. *Дрейер В.Н., фон.* На закате империи. Мадрид: Изд. автора, 1965.
10. *Дюнан М.* Българското лято. Юли 1915 – октомври 1915. София: Стрелец, 1993.
11. *Егорьев В.Н.* Из больших знакомств // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 76–84.
12. *Ельшин А.Я.* На суше и на море. Воспоминания // Морские записки. Изд. Общества бывших русских морских офицеров в Америке, Инк. (Нью-Йорк). 1944. Т. 2, № 4. С. 286–295; 1945. Т. 3, № 1. С. 22–31; № 2. С. 64–74; № 3. С. 125–138; № 4. С. 193–216.
13. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986.
14. *Игнатьев П.А.* Моя миссия в Париже. М.: Гея итэрум, 1999.
15. *Каблешков И.С.* Спомени и бележки отъ войната 1915–1918 г. Ч. 1: Гърция. София: Бойна библиотека, 1932.
16. *Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. 1914–1915. Минск: Харвест, 2003.
17. *Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. 1916. Минск: Харвест, 2003.
18. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 89–115; № 2. С. 98–122; № 3. С. 83–109; № 4. С. 48–74; № 5. С. 95–121; № 6. С. 56–85; № 7. С. 92–118; № 8. С. 80–106; № 9. С. 98–118; № 11–12. С. 83–101.
19. *Майбородов В.* С французами // Архив русской революции: в 18 т. Т. 16. М.: Терра, 1993. Т. 15–16. С. 100–161.
20. *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чатаджи. Записки военного корреспондента. М.: Товарищество Типографии А.И. Мамонтова, 1913.
21. *Мартынов Е.И.* Сербь в войне с царем Фердинандом. Записки очевидца. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1913.
22. *Милютин Д.А.* Воспоминания 1843–1856. М.: Редакция альманаха «Российский Архив», 2000.
23. *Н.М. Потапов:* Русский военный агент в Черногории: в 2 т. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.; Т. 2: Дневник 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг. М.: ИРИ РАН; Подгорица: SANUS, 2003.
24. Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю / предисл. В.И. Невского; вступ. ст. В.П. Семенникова. М.; Л.: Государственное издательство, 1925.
25. Николай Михайлович Потапов [Автобиография] // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 75–78.
26. *Никольский Е.А.* Записки о прошлом. М.: Русский путь, 2007.
27. *Орлов В.Г.* Двойной агент: Записки русского контрразведчика / пер. с англ. С. Шульженко; автор послесл., именного указателя и приложения А. Зданович. М.: Современник, 1998.
28. «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска: 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
29. *Паренсов П.Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба [в 5 ч]. Ч. 1: На войне. СПб.: изд. В. Березовский, 1901.
30. Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем / предисл. Ив. Блинова // Красный архив. 1922. Т. 1. С. 209–272; Т. 2. С. 130–175; 1923. Т. 3. С. 29–74.
31. Письмо Н.В. Артамонова – Ю.А. Писареву. 30 сентября 1988 г. Опубл.: *Писарев Ю.А.* О романе В. Пикуля «Честь имею» // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 169–170.
32. *Прудкин А.М.* Записки на моряка.: в 2 т. Стара Загора: Бон Марин, 1997.

33. *Пуришкевич В.М.* Дневник // Григорий Распутин: сборник исторических материалов. М., 1997. Т. 4.
34. *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 1999.
35. *Рерберг Ф.П.* Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника Русско-Японской войны 1904–1905 г.г. и члена Военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны. 1906–1909 г.г. Мадрид: [Б.и.], 1967.
36. *Ронге М.* Разведка и контрразведка. М.: Воениздат НКО СССР, 1939.
37. Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., заключ. А.Л. Шемякина. СПб.: Алетейя, 2006.
38. *Самойло А.А.* Две жизни. Л.: Лениздат, 1963.
39. *Свечин М.А.* Записки старого генерала о былом. Ницца: [Б.и.], 1964.
40. *Семенов-Мерлин Б.А.* Кантакудис (из воспоминаний военного агента в Румынии) // Новое русское слово. 1947. № 12734–12736.
41. *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893–1922. Минск: Харвест, 2003.
42. *Стиридович А.И.* Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Минск: Харвест, 2004.
43. Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. III–VIII, 1–50; Т. 2 (27). С. 3–57; Т. 3 (28). С. 3–58; Т. 4 (29). С. 1–54; Т. 5 (30). С. 5–45.
44. *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2011.
45. *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 г.г. и война на Балканах. Монреаль: Братство преподобного Иова Почаевского, 1983.
46. *Туманов Я.К.* Контрабандисты // Морские записки. Изд. Общества бывших русских морских офицеров в Америке, Инк. (Нью-Йорк). 1945. Т. 3, № 2. С. 75–95.
47. *Устинов С.И.* Записки начальника контр-разведки (1915–1920). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1990 (репринт издания: Берлин: Изд-во Н.В. Майера, 1923).
48. *Хесанчиев Х.* Служба на България в чужбина. Военнодипломатически спомени (1899–1914 г.). София: Св. Георги Победоносец, 1993.
49. *Хольмсен И.А.* На военной службе в России (1865–1914). Нью-Йорк, 1953 // Архивы русской эмиграции: материалы Российского военно-исторического архива в Париже / под ред. А.А. Геринга. Fresno, CA: Faculty Press, 1973. Т. 4. С. 1–82.
50. *Чернин О.* В дни мировой войны. Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел / пер. с нем. М. Константиновой; предисл. М. Павловича. М.; Пг.: Гиз, 1923.
51. *Шварц А.В., фон.* Жизнь, мысли, дела и встречи. Часть 1-я. От детства до Ивангорода // Архивы русской эмиграции: материалы Российского военно-исторического архива в Париже / под ред. А.А. Геринга. Fresno, CA: Faculty Press, 1973. Т. 3. С. 10–175.
52. *Artamonov V.A.* Erinnerungen an meine Militärattachezeit in Belgrad // Berliner Monatshefte. 1938, Juli–August. S. 583–602.
53. *Mott Th.B.* Twenty Years as Military Attaché. New York: Arno Press, 1979.
54. *Napier H.D.* The Experiences of a Military Attaché in the Balkans. London: Drane's, s.a.
55. *Nicolai W.* Geheime Mächte. Internationale Spionage und ihre Bekämpfung im Weltkrieg und heute. Leipzig: K.F. Köhler, 1923.
56. *Ronge M.* Krieger- und Industrie-Spionage. Zwölf Jahre Kundschafsdienst. Zürich; Leipzig; Wien: Amalthea-Verlag, 1930.
57. *Urbanski von Ostryniec A.* Aufmarschpläne // Die Weltkriegsspionage / Hrsg. von P. von Lettow-Vorbeck. München: Justin Moser, 1931. S. 85–88.
58. *Urbanski von Ostryniec A.* Der Fall Redl // Die Weltkriegsspionage / Hrsg. von P. von Lettow-Vorbeck. München: Justin Moser, 1931. S. 89–98.
59. *Urbanski von Ostryniec A.* Diplomatie und Spionage // Die Weltkriegsspionage / Hrsg. von P. von Lettow-Vorbeck. München: Justin Moser, 1931. S. 573–582.

60. *Urbanski von Ostryniec A.* Spionage und Gegenspionage bei den Mittelmächten vor dem Weltkrieg // *Die Weltkriegsspionage* / Hrsg. von P. von Lettow-Vorbeck. München: Justin Moser, 1931. S. 62–76.
61. *Vopicka Ch.J.* Secrets of the Balkans: Seven Years of a Diplomatist's Life in the Storm Centre of Europe. Chicago: Rand, McNally & Company, 1921.

IV. Служебные справочно-информационные издания

1. *Газенкамф М.[А.]* Устройство и служба русского Генерального штаба. СПб.: Типография штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1888.
2. Главное управление Генерального Штаба. Сборник. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1909–1914.
3. *Крылов, сост.* Сборник законоположений о Генеральном штабе, исправленный и дополненный по 1-е января 1899 года. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1899.
4. Личный состав чинов Отдельного Корпуса Пограничной Стражи по старшинству. Составлен по 1 января 1909 г. СПб.: Типография Штаба Отдельного Корпуса Пограничной Стражи, 1909.
5. *Нагаев В.В., сост.* Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров генерального штаба. С приложением Положения об Императорской Николаевской военной академии. СПб.: Типография Императорского училища глухонемых, 1914.
6. *Надежный [Д.Н.], Романовский Ю.[Д.]* Дальний Восток / под общ. ред. А.М. Болховитинова. Т. 1–3. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1911. Т. 1, ч. 1; СПб.: Типография Императорского училища глухонемых, 1911. Т. 1, ч. 2; СПб.: Типография Гр. Скачкова с Сыновьями, 1911. Т. 2; СПб.: Типография А. Бенке, 1911. Т. 3.
7. Общий состав чинов Главного штаба. По 1 февраля 1905 года. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1905.
8. Общий состав чинов Главного штаба и Главного управления Генерального штаба. По 5-е марта 1906 года. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1906.
9. Общий состав чинов Главного управления Генерального штаба. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1907–1914.
10. Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1-е января 1910 г. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1910.
11. *Романовский Ю.[Д.]* Японская армия. Справочник современного устройства японских вооруженных сил. (С рисунками, чертежами и фотографиями). СПб.: П.А. Риттих, 1910.
12. Смета Военного министерства на 1905 год. По Главному штабу. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1904.
13. Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Пг.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба), 1914.
14. Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1907 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах и приказах по Генеральному штабу по 1 сентября 1907). СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1907.
15. Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года. (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба), 1914.
16. Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е января 1916 года. (С приложением изменений по 1 марта 1916 г.). Пг.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба), 1916.

17. Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года. (С приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба), 1917.
18. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. СПб.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба), 1914.

V. Справочно-энциклопедические и библиографические труды

1. *Арсеньев А.Б.* Русский некрополь в Белграде 1920–1999 гг. Алфавитный список захоронений, составленный А.Б. Арсеньевым. Предварительный свод данных на 19 августа 1999 г. 2-е изд. Белград; Новый Сад: Изд. автора, 1999.
2. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: в 4 т. / науч. ред. А.Г. Тартаковский, Т. Эммонс, О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1.
3. *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). М.: Regnum – Российский архив, 1997.
4. *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года: Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005.
5. *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Куницын И.В.* Белые генералы Восточного фронта гражданской войны. М.: Русский Путь, 2003.
6. *Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

VI. Исследования

1. *Агаки А.С.* Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1976.
2. *Агафонов В.К.* Парижские тайны царской охраны. М.: Русь, 2004.
3. *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М.: Модест Колеров и Три квадрата, 2003.
4. *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетейя, 1998.
5. *Александров В.* България и тайната война. Австро-унгарското и германското разузнаване в България 1914–1944. София: Св. Климент Охридски, 1992.
6. *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М.: Русская разведка, 1998.
7. *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. 3: в 2 ч. М.: Русская разведка, 2001.
8. *Алексеев М.* Лексика русской разведки (исторический обзор). М.: Международные отношения, 1996.
9. *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М.: Наука, 1972.
10. *Алнев О.Е.* На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа, 1872–1914 гг. // *Русский сборник: Исследования по истории России* / ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. М., 2011. Т. 10. С. 183–260.
11. *Асиновская М.Ю.* Военно-морская разведка на Балканах в период царствования Александра III. Подготовка Босфорской экспедиции // *Вестник Московского университета. Серия 8, История.* 2004. № 3. С. 43–54.
12. *Асиновская М.Ю.* Русская военная разведка на Балканах в конце XIX века // *Вопросы истории.* 2002. № 11. С. 142–155.
13. *Барсуков Е.И.* Русская артиллерия в мировую войну: в 2 т. М.: Государственное военное изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1938. Т. 1.

14. *Бартлетт Э. [Ашмед-Бартлетт Э.]* Порт-Артур. Осада и капитуляция / пер. с англ. под ред. Генерального штаба подполковника Ю.Д. Романовского и военного инженера подполковника А.В. фон Шварца. СПб.: Сириус, 1908.
15. *Басханов М.К.* Генерал Лавр Корнилов. London: Skiff Press, 2000.
16. *Батюшин Н.С.* Тайная военная разведка и борьба с ней. М.: X-History, 2002.
17. *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005.
18. *Белицкий С.М.* Оперативная разведка. М.; Л.: Государственное изд-во, 1929.
19. *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики 1906–1910. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
20. *Большаков И.* Русская разведка в первой мировой войне 1914–1918 годов // Военно-исторический журнал. 1964. № 5. С. 44–48.
21. Борьба за Порт-Артур. Приложение к Австрийскому военному журналу Штрэфлера. С 4 планами и 8 приложениями / пер. с нем., под ред. и с примеч. А.В. фон Шварц, Ю.Д. Романовского. СПб.: В. Березовский, 1907.
22. *Брачев В.С.* Заграничная агентура Департамента Полиции (1883–1917). СПб.: Стомма, 2001.
23. *Буяков А.* «Предмет детального изучения...» // Морской сборник. 1995. № 3. С. 91–93.
24. *Васильев И.И., Зданович А.А.* Спецслужбы в зеркале социологии // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2006. Т. 1. С. 25–50; Т. 2. С. 7–52.
25. *Васильев Ф.Н.* Стратегический очерк войны 1914–1918 г.г. Румынский фронт. М.: Высший военный редакционный совет, 1922.
26. *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1969.
27. *Винокуров В.И.* История военной дипломатии. Военная дипломатия от Петра I до Первой мировой войны. М., 2009.
28. *Вишняков Я.В.* «Уничтожить всю коварную Европу»: Авантюристы и террористы на Балканах в начале XX века // Родина. 2007. № 1. С. 39–43.
29. *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М.: МГИМО, 2012.
30. *Волков В.А.* Генерал В.Н. Егорьев и его «большие знакомства» // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 74–76.
31. *Гейсман П.А.* Генеральный штаб. Краткий исторический очерк его возникновения и развития. Ч. 1: Генеральный штаб до Наполеона I. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1903.
32. *Гиленсен В.М.* «Осиные гнезда» под консульской крышей. Турецкий шпионаж в Закавказье и русская контрразведка перед первой мировой войной // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 49–59.
33. *Гиленсен В.М.* Шифровки из Копенгагена. Агентурная разведка русского Генерального штаба в Германии в 1915–1917 гг. и влияние ее донесений на решения высшего руководства России // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 35–43.
34. *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской Академии Генерального Штаба. СПб.: Типография штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1882.
35. *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. Т. 1: 1698–1825 г. СПб.: Типография штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1883; Т. 2: 1826–1855 г. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1894.
36. *Глушков В.В., Шаравин А.А.* На карте Генерального штаба – Маньчжурия: Накануне русско-японской войны 1904–1905 г. М.: Ин-т политического и военного анализа, 2000.
37. *Голиков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2 кн. М.: Изд-во полит. литературы, 1986.
38. *Головань В.И.* Одесский военный округ и его командующие 1862–1918. Одесса: Астропринт, 1998.

39. *Горбовский А.А., Семенов Ю.С.* Без единого выстрела. Из истории российской военной разведки. М.: Молодая гвардия, 1983.
40. *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпионomanия и реальные проблемы. М.: Московский общественный научный фонд – Издательский центр научных и учебных программ, 2000.
41. *Грулёв М.В.* Консульское дело и военная агентура // Грулёв М.В. Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск: Типография И. Кобринца, 1911. С. 318–322.
42. *Дедижер В.* Сараево 1914. Београд: Просвета, 1966.
43. *Деревянко И.В.* Белые пятна русско-японской войны. М.: Яуза; Эксмо, 2005.
44. *Деревянко И.В.* Мозг армии. (Корпус офицеров Генерального штаба к началу XX столетия) // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 79–80.
45. *Деревянко И.В.* Щупальца спрута. Спецоперации разведки и контрразведки Российской империи. М.: Яуза; Эксмо, 2004.
46. *Деревянко И.[В.], Шаров А.[В.]* «Тайная война». (Очерки из истории военной разведки и контрразведки Российской империи) // Военные знания. 1994. № 5. С. 42–46; № 6. С. 42–44; № 7. С. 39–42; № 8. С. 43–45; № 9. С. 42–44; № 10. С. 43–46; № 11. С. 42–44; № 12. С. 42–46; 1995. № 1. С. 43–46.
47. *Деревянко И.[В.], Шаров А.[В.]* Щупальца спрута. Очерки из истории русской разведки // Тыл вооруженных сил. 1990. № 8. С. 64–66; № 9. С. 65–67; № 10. С. 66–68; № 11–12. С. 126–129; 1991. № 1. С. 65–67; № 2. С. 68–72; № 3. С. 65–67; № 4. С. 75–77; № 5. С. 75–78.
48. *Джемс Д.* Осада Порт-Артура / пер. с англ. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1907.
49. *Добычина Е.В.* Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 127–131.
50. *Добычина Е.В.* Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–97 годах // Отечественная история. 2000. № 4. С. 161–169.
51. *Дрейер В.[Н.], фон.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб.: Новое Время, 1914.
52. *Дробов М.А.* Германская агрессия в Азии до и во время мировой войны. (Иллюстрации к “Die geheime Mächte” полк. Николаи). М.: Изд. IV управления Штаба Раб.-Кр. Армии, 1931.
53. *Дробов М.А.* Малая война. Партизанство и диверсии. М.: Государственное военное изд-во, 1931.
54. *Елдьров С.* Шпионаж, контрашпионаж и шпионomanия в България през световната война 1914–1918 г. // Сборник в памет на ст.н.с. I ст. д.и.н. Радослав Попов / съст. Е. Стателова. София, 2005. С. 41–55.
55. *Жебокрицкий В.А.* Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1961.
56. *Жебокрицкий В.А.* Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1960.
57. *Жилинский Я.Г.* Здание Главного штаба. Исторический очерк. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1892.
58. *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л.: Военная типография Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926.
59. *Зайцов А.А.* Служба Генерального штаба. Жуковский; М.: Кучково поле, 2003.
60. *Звонарёв К.К.* Агентурная разведка: в 2 кн. Кн. 1: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг.; Кн. 2: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М.: БДЦ-пресс, 2003.
61. *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка 1914–1920: организационное строительство. М.: Крафт+, 2004.
62. *Зданович А.А.* Свои и чужие – интриги разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС – ЗАО «Масс Информ Медиа», 2002.

63. *Инаба Ч.* Из истории разведки в годы русско-японской войны (1904–1905). Международная телеграфная связь и перехват корреспонденции противника // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 222–227.
64. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году Генерального штаба полковником Романовским. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1860.
65. *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988.
66. *Кавтарадзе А.Г.* Войсковое управление генерального штаба русской армии // Военно-исторический журнал. 1978. № 6. С. 77–82.
67. *Кавтарадзе А.Г.* Из истории русского Генштаба // Военно-исторический журнал. 1971. № 12. С. 75–80; 1972. № 7. С. 87–92; 1974. № 12. С. 80–86; 1976. № 3. С. 103–109.
68. *Казанова Ю.В.* Русская военно-инструкторская миссия в Македонии: формирование и начало работы (Из истории реализации Мюрцштгетской программы) // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. М., 2009. Т. 6. С. 91–111.
69. *Калнин Э.Х.* Генеральный штаб и его специальность. Одесса: Типо-Литография Штаба Одесского военного Округа, 1909.
70. *Керсновский А.А.* История Русской армии: в 4 т. М.: Голос, 1992.
71. *Клаузевиц К., фон.* О войне: в 2 т. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002.
72. *Клажевникова Г.В.* Главное управление Генерального штаба накануне первой мировой войны (1910–1914). М.: Панорама, 1998.
73. *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки: в 2 кн. М.: Олма-Пресс, 2000. Кн. 1.
74. *Кондратенко Р.В.* Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX – начале XX века // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под редакцией О.Р. Айрапетова. М.: Модест Колеров и Три Квадрата, 2004. С. 62–110.
75. *Корзун Л.* Разведка в русской армии в первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 1981. № 4. С. 60–65.
76. *Корзун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. М.: Военное изд-во Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1939.
77. *Кочик В.Я.* Разведчики и резиденты ГРУ за пределами отчизны. М.: Яуза; Эксмо, 2004.
78. *Лалков М.* Балканската политика на Австро-Унгария (1914–1917 г.). Австро-унгарската дипломатия в борба за съюзници през първата световна война. София: Наука и изкуство, 1983.
79. *Лебедев В.А.* Действия русской военной разведки на новых фронтах тайной войны в начале XX века // Независимое военное обозрение. 2002. 22 февраля.
80. *Лебедев В.А.* Поставщики секретной информации. Разведывательная деятельность МИДа Российской империи в начале XX века // Независимое военное обозрение. 2002. 30 августа.
81. *Леер Г.А.* Условия театра войны на Балканском полуострове для русской армии. Стратегический этюд. СПб.: В. Безобразов и Компания, 1889.
82. *Литатов С.* Русская и германская разведка в годы первой мировой войны // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918): материалы научной конференции. М.: Военно-историческая библиотека «Военной были», 1994. Ч. 1. С. 40–50.
83. *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. Военно-политический очерк. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966.
84. *Макаров И.С.* О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (посл. треть XIX – нач. XX вв.) // Многоликая история. К 70-летию Тамары Васильевны Батаевой: сб. ст. М.: Изд-во РУДН, 1997. С. 202–220.

85. *Макишев Ф.[А.]* Генеральный штаб. Сравнительный очерк современного устройства его в армиях: русской, германской, французской и австрийской. СПб.: В. Березовский, 1899.
86. *Мартьяненко А.К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1967.
87. *Мартьяненко А.К.* Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг. Киев: Вища школа, 1974.
88. *Машкин Н.А.* Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX века. М.: Academia, 1997.
89. *Меннинг Б.У.* Наследие агента № 25 // Родина. 2014. № 8. С. 32–35.
90. *Милорадовић Г.* Карантин за идеје. Логори за изолацију «сумњивих елемената» у Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца 1919–1922. Београд: Институт за савремену историју, 2004.
91. *Мильштейн М.[А.]* Дело полковника Редля // Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 46–56.
92. *Минаев В.* Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР. Часть первая / под ред. И. Ерухимовича. М.: Военное изд-во Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1940.
93. *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1940.
94. *Мосунова Т.П.* Поклевские-Козелл – выдающиеся представители польской диаспоры Сибири и Урала // Поляки в России: история ссылки и депортации: тезисы докладов и материалы. СПб.: Польское историческое общество Санкт-Петербурга, 1995. С. 25–28.
95. *Николаи В.* Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время / пер. с нем.; под ред. К.К. Звонарёва. М.: Разведывательное управление Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии, 1925.
96. *Овсянный Н.Р.* Болгарское ополчение и земское войско. СПб.: Военно-историческая комиссия Главного штаба, 1904.
97. *Оськин Г.* Возникновение и развитие службы Генерального штаба в русской армии // Военно-исторический журнал. 1969. № 3. С. 91–97.
98. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. / под ред. Е.М. Примакова. Т. 1: От древнейших времен до 1917 года. М.: Международные отношения, 1999; Т. 2: 1917–1933 годы. М.: Международные отношения, 1997.
99. *Павлов Д.Б.* Российская контрразведка в годы русско-японской войны // Отечественная история. 1996. № 1. С. 14–28.
100. *Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004.
101. *Павлов Д.Б., Петров С.А.* Японские деньги и русская революция // Тайны русско-японской войны М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1993. С. 5–139.
102. *Певцов М.Г.* Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и их воспитанники. (Краткий очерк) // Военный сборник. 1902. № 10. С. 185–199.
103. *Певцов М.Г.* Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и их воспитанники. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1902
104. *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.
105. Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1915 гг. М.; Пг.: Госиздат, 1923.
106. *Петров В.А.* Морская агентурная разведка на Балтийском театре накануне и в годы Первой мировой войны // Гангут. 1999. № 19. С. 96–104.
107. *Петров В.А.* Русские военно-морские агенты в Японии (1858–1917) // Знакомьтесь – Япония. 1998. № 19. С. 52–61.

108. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1985.
109. *Писарев Ю.А.* Российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг (1909–1914 гг.) // *История СССР.* 1991. № 3. С. 182–190.
110. *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М.: Наука, 1968.
111. *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М.: Наука, 1993.
112. *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М.: Наука, 1990.
113. *Плугин В., Богданов А., Шеремет В.* Разведка была всегда...: Заново прочитанные страницы истории спецслужб от начала Киевской Руси до конца Российской империи. М.: АРМАДА, 1998.
114. *Покивайлова Т.А.* Виктор Богомолец – агент румынских секретных служб // *Славяноведение.* 2006. № 4. С. 57–65.
115. *Полторац С.Н.* Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб.: Остров, 2014.
116. Руководители отечественной военной разведки // *Родина.* 2012. № 10. С. 10–20.
117. *Рябиков [П.Ф.]* Лекции по службе Генерального штаба (отдел разведки), читанные в 1917 году. Б.м.: Б.и., б.г.
118. *Сватиков С.Г.* Русский политический сыск за границей. М.: X-History, 2002.
119. *Свечин А.А., Романовский Ю.Д.* Русско-японская война 1904–1905 гг. по документальным данным труда Военно-исторической Комиссии и другим источникам. Ораниенбаум: Офицерская стрелковая школа, 1910.
120. *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М.: ИВИ РАН, 2001.
121. *Сергеев Е.Ю.* Военная разведка России в борьбе с Японией (1904–1905 гг.) // *Отечественная история.* 2004. № 3. С. 78–92.
122. *Сергеев Е.Ю., Улурияев А.А.* Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. (информация – анализ – прогноз). М.: ИВИ РАН, 1999; 2-е изд.: Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. (информация – анализ – прогноз). М.: Реалии-Пресс, 2003.
123. *Скачков В.* Из истории возникновения и развития общевоинских штабов русской армии // *Военная мысль.* 1953. № 3. С. 58–70.
124. *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2010.
125. *Соколовская О.В.* Греция в годы первой мировой войны. 1914–1918 гг. М.: Наука, 1990.
126. *Спасић К.* Дневник и извештаји пуковника Фурнијеа, француског војног аташеа у Србији, о почетку првог светског рата и у великим биткама српске војске 1914. године // *Историјски институт. Колубарска битка. Ратни напори Србију 1914. године.* Историјски институт. Зборник радова. Научни скуп. Београд: Историјски институт, 1985. Књ. 3. С. 189–193.
127. *Старков Б.А.* Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб.: Питер, 2006.
128. *Тадеуци С.* Живые ядра. Очерк боевой жизни японской армии под Порт-Артуром / с предисл. гр. Окума; пер. с англ., под ред. Ю. Романовского, А. фон-Шварца. СПб.: В. Березовский, 1909.
129. *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
130. *Турло С.С., Залдат И.П.* Шпионаж. М.: X-History, 2002.
131. *Фомин М.М.* Деятельность русских военных агентов во Франции (1870–1914 гг.) // *Военно-исторический журнал.* 2003. № 12. С. 39–41.
132. *Хохлов А. Д.Г.* Янчевецкий: в австрийском плену // *Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918): материалы научной конференции.* М.: Военно-историческая библиотека «Военной были», 1994. Ч. 1. С. 65–79.
133. *Цейтлин В.М.* Разведывательная служба штабов. Смоленск: Управление военно-учебных заведений Западного фронта, 1921.
134. *Чернозубов [Ф.Г.]* Служба Генерального штаба. Разведывательные органы армии. I. Служба в военное время. СПб.: В. Березовский, 1901.
135. *Чернозубов Ф.[Г.]* Служба Генерального штаба. Военные агенты // *Военный сборник.* 1911. № 11. С. 1–16.
136. *Черняк Е.Б.* Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки. М.: Международные отношения, 1977.
137. *Шалина А.В.* Военный агент в Лондоне. Деятельность русского военно-дипломатического представительства в Великобритании после Октябрьской революции 1917 года // *Военно-исторический журнал.* 2003. № 12. С. 42–46.
138. *Шапошников Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974.
139. *Шапошников Б.М.* Мозг армии: в 3 т. М.: Военный вестник, 1927. Т. 1; М.; Л.: Государственное изд-во. Отдел военной литературы, 1929. Т. 2, 3.
140. *Шаханов А.Н.* Москва и центральные губернии: органы политического сыска, дознания и суда (1826–1917) // *Московский журнал. История государства Российского.* 2006. № 1. С. 39–47.
141. *Шварц А.[В.,] фон, Романовский Ю.[Д.]* Оборона Порт-Артура. СПб.: Товарищество Художественной печати, 1908. Ч. 1; СПб.: В. Безобразов и Ко., 1910. Ч. 2.
142. *Шелухин А.Ю.* Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века (1906–1914 гг.) // *Вестник Московского университета. Серия 8, История.* 1996. № 3. С. 17–31.
143. *Шеремет В.И.* «Личных средств не имею...» Из истории русской военной разведки // *Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки.* 1994. № 3–4.
144. *Шеремет В.И.* А.Н. Щеглов // *Россия.* 1994. № 40.
145. *Шеремет В.И.* Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М.: Технологическая школа бизнеса, 1995.
146. *Шеремет В.И.* Путь агента // *Геополитика и безопасность.* М., 1994. Вып. 1.
147. *Шеремет В.И.* Селим-ага: «дикарь», толмач или военно-морской аташе России // *Военно-исторический журнал.* 1994. № 7. С. 64–72.
148. *Шеремет В.И.* Забытый резидент // *Сын Отечества.* 1994. 18 марта. № 11. С. 6–7.
149. *Шеремет В.И.* Забытый резидент // *Наука и религия.* 1996. № 5. С. 9–11; № 6. С. 40–44.
150. *Шкундин Г.Д.* Болгарская дилемма в дипломатической стратегии Антанты (октябрь 1915 года) // *Первая мировая война. Пролог XX века.* М.: Наука, 1999. С. 166–182.
151. *Эйнарович Л.А.* Борис Александрович Мезенцов. (Драматический баритон). Исполнитель произведений М.П. Мусоргского и русской народной старинной и современной песни. К концертной поездке по России. СПб.: Типо-Литография Сиб. тюрьмы, 1914.
152. *Янчевецкий М.В.* Писатель-историк В. Ян. Очерк творчества. М.: Детская литература, 1977.
153. *Bucholz A.* Moltke, Schlieffen and Prussian War Planning. Providence; Oxford, 1993.
154. *Dutton D.* The Politics of Diplomacy: Britain and France in the Balkans in the First World War. London; N.Y.: I.B. Tauris Publishers, 1998.
155. *Fuller W.C., Jr.* The Russian Empire // *Knowing One's Enemies: Intelligence Assessment Before the Two World Wars / ed. by E.R. May.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. P. 98–126.
156. *Hall R.C.* Bulgaria's Road to the First World War. Boulder, CO: East European Monographs, 1996. Пер. на болг.: Хол Р. България по пътя на Първата световна война. София: Hermes Publishing Ltd., 2005.
157. *Lieven D.C.B.* Russia and the Origins of the First World War. London: The Macmillan Press Ltd., 1983.
158. *Marshall A.* Russian Military Intelligence, 1905–1917: The Untold Story behind Tsarist Russia in the First World War // *War in History.* 2004. Vol. 11, № 4. P. 393–423.

159. *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London; N.Y.: Routledge, 2006.
160. *Menning B.W.* A Decade Half-Full: Post-Cold War Studies in Russian and Soviet Military History // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. New Series.* 2001, Spring. Vol. 2, № 2. P. 341–362.
161. *Menning B.W.* Miscalculating One's Enemies: Russian Intelligence Prepares for War // *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero: in 2 vols.* / ed. by J.W. Steinberg, B.W. Menning, D. Schimmelpenninck van der Oye, D. Wolf, Sh. Yokote. Leiden; Boston: Brill, 2007. Vol. 2. P. 45–80.
162. *Menning B.W.* War Planning and Initial Operations in the Russian Context // *War Planning 1914* / ed. by R.F. Hamilton, H.H. Herwig. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2010. P. 80–142.
163. *Persson G.* Russian Military Attaches and the Wars of the 1860s // *Reforming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution* / ed. by D. Schimmelpenninck van der Oye, B.W. Menning. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press; Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. P. 151–167.
164. *Persson G.* Learning from Foreign Wars. Russian Military Thinking 1859–73. Solihull, 2011.
165. *Pethö A.* Agenten für den Doppeladler. Österreich-Ungarns Geheimer Dienst im Weltkrieg. Graz; Stuttgart: Leopold Stocker Verlag, 1998.
166. *Rich D.A.* Building Foundations for Effective Intelligence: Military Geography and Statistics in Russian Perspective, 1845–1905 // *Reforming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution* / ed. by D. Schimmelpenninck van der Oye, B.W. Menning. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press; Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. P. 168–185.
167. *Rich D.A.* The Tsar's Colonels. Professionalism, Strategy and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1998.
168. *Schimmelpenninck van der Oye D.* Reforming Military Intelligence // *Reforming the Tsar's Army. Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution* / ed. by D. Schimmelpenninck van der Oye, B.W. Menning. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press; Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. P. 133–150.
169. *Schimmelpenninck van der Oye D.* Russian Military Intelligence on the Manchurian Front // *Intelligence and National Security.* 1996, January. V. 11, № 1.
170. *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001.
171. *Spânu A.* Serviciul de informații al României în Războiul de Întregire Națională (1916–1920). București: Editura Militară, 2012.
172. *Steinberg J.W.* All the Tsars Men. Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Baltimore: The Johns Hopkins University Press; The Woodrow Wilson Center Press, 2010.
173. *Vagts A.* The Military Attaché. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1967.
174. *Van Dyke C.* Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. N.Y.; Westport, CT; London: Greenwood Press, 1990.
175. *Wada H.* Study Your Enemy: Russian Military and Naval Aches in Japan // *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero: in 2 vols* / ed. by J.W. Steinberg et al. Leiden; Boston, 2007. Vol. 2. P. 11–44.

VII. Неопубликованные рукописи, диссертации

1. *Амал-Топарх-Юрьев Г.А.* Краткие выдержки из истории семьи Татариновых. Рукопись // Личный архив Г.А. Амал-Топарх-Юрьева (Мельбурн, Австралия).
2. *Добычина Е.В.* Внешняя разведка России на Дальнем Востоке (1895–1904): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- «А», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 418
 «А-дт», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 418
 Аарниа, сапожник 196
 Абдулаева Нина Ивановна, рос. архивист 16
 Абдул-Хамид II (*İkinci Abdülhamit*; 1842–1918), тур. султан в 1876–1909 193
 Абрамович Иосиф-Нафтул Дувидов, агент австро-венг. разведки в Бухаресте в 1915–1916 482, 490, 492
 Абрашев Петр (*Петър Пенчев Абрашев*; 1866–1930), болг. юрист и полит. деятель, член Прогрессивно-либеральной партии, мин. юстиции в 1911–1913 331
 Авереску Александр (*Alexandru Averescu*; 1859–1938), рум. воен. и гос. деятель, маршал Румынии (1930) 337
 Аверьянов Петр Иванович (1867–1937), рус. воен. деятель, воен. востоковед-тюрколог, Генштаба ген.-лейт. (1915) 98, 99, 228, 229, 341, 579
 Агапеев Владимир Петрович (1876–1956), рус. военачальник, воен. агент в Сербии в 1907–1909, Генштаба ген.-майор (1916) 102
 Агура Николай Афанасьевич, рус. офицер, член воен.-инструкторской миссии в турецкой Македонии в 1904–1909, штабс-ротмистр 127
 Адабаш Михаил Алексеевич (1864–?), рус. деятель воен. разведки, руководитель 5-го делопроизводства Управления ген.-квартир. ГУГШ в 1906–1907, Генштаба ген.-майор (1912) 41, 68, 69, 75, 76, 98, 99, 107
 Адамович Петр Павлович, рус. офицер, пом. нач. развед. отделения штабоза в 1916, капитан 557
 Аждер (Аждеров) Кирилл Георгиевич (1872–1967), рус. офицер, полк., брат Г.Г. Аждерова 208
 Аждер (Аждеров) Георгий Георгиевич, чиновник Константинопольского бюро Деп. полиции МВД в 1914 208
 Азеф Евно Фишелевич (Евгений Филиппович; 1869–1918), рус. революционер, глава Боевой организации партии эсеров, агент-provokator рус. полит. сыска 194
 Айваз-Оглу Владимир Николаевич, рус. офицер, врем. и.д. делопроизводителя Особого делопроизводства Огенквара ГУГШ в 1916, подполковник 294
 Айрапетов Олег Рудольфович, рос. историк 14, 19, 20, 25, 26, 47, 127, 145, 267, 583, 586, 587
 Акарджа Халил Дюндар (*Halit Dündar Akarca*), тур. историк 16
 Аласон (Алассани) Антон, сотрудник герм. разведки в Бухаресте в 1915 491
 Александр III (1845–1894) Александрович, рос. имп. (1881–1894) 29, 50, 117–119, 128, 188, 230, 583
 Александр I Баттенберг (нем. *Prinz Alexander Joseph von Battenberg*, болг. *Александър Йозеф фон Батенберг*; 1857–1893), кн. Болгарии в 1879–1886 139, 297

- Александр I Обренович (*Александар Обренович*; 1876–1903), кор. Сербии в 1889–1903 25, 175, 176, 179, 181
 Алексеев Александр Максимович (1864–?), рус. разведчик, воен. агент в Копенгагене и Стокгольме в 1903–1906, военный агент в Копенгагене, Стокгольме и Христиании в 1906–1907, Генштаба полк. (1903) 96–98,
 Алексеев Михаил (Алексеев Михаил Николаевич, псевд.), рос. историк разведки 18, 34, 35, 42–44, 47, 52, 63, 65, 66, 68–70, 77, 79, 90, 92, 103, 106, 129, 145, 146, 149, 150, 154, 158, 159, 168, 202, 251, 254, 257, 268, 272, 276, 291, 293, 295, 303, 304, 306, 308, 316, 317, 321, 322, 325, 338, 344, 354, 355, 367, 371, 417, 450, 459, 471, 473, 484, 487, 513, 524, 564, 568, 583
 Алексеев Михаил Васильевич (1859–1918), рус. воен. деятель, нач. штаба Главверха в 1915–1917 21, 25, 65, 68, 77, 78, 131, 135, 137, 138, 236, 241, 250, 260, 295, 300, 334, 428, 440, 444, 464, 466, 467, 471, 472, 541, 546, 547, 549, 551, 553, 555, 556, 566, 568–570
 Алексеев Николай Николаевич (1875–1955), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1916) 99
 Алексеева Вера, сотрудница центр. аппарата рус. воен. разведки в 1906–1914 84, 85
 «Алексей», секр. сотр. рус. полит. сыска в Яссах в 1909 189
 Алексей Александрович Романов, вел. кн. (1850–1908), рус. воен.-мор. деятель, 4-й сын имп. Александра II 436
 Алиев Гамид Зейналабдин оглы, сов. историк 57, 583
 Алифанова Татьяна, содержательница публичного дома, сообщница авантюриста П.В. Долгорукова 495
 Алпеев Олег Евгеньевич, рос. историк 15, 145, 583
 Альтович П.И., нештатный сотрудник рус. миссии в Бухаресте 158, 159, 211
 Альперн Симон, агент австро-венг. разведки в Бухаресте в 1915 477
 «Альфред», секр. сотр. КРО штаба ОдВО в годы 1-й мировой войны 445, 478
 Амал-Топарх-Юрьев Владимир Георгиевич, мемуарист 237
 Амал-Топарх-Юрьев Георгий Алексеевич, мемуарист 16, 231, 238, 590
 Амбургер Павел Густавович (1874–?), рус. офицер, нач. службы движения Ковель-Владимир-Вольнской ж.д. в 1912, полк. (1914) 308
 Ангелеску Константин (*Constantin I. Angelescu*; 1869–1948), рум. полит. и гос. деятель, мин. общ. работ в 1914–1916 430, 519
 Андреев (Андреев-Стерн) Владимир Иванович (1866–?), рус. деятель полит. сыска и воен. разведки, зав. Балк. агентурой Деп. полиции МВД в 1907–1908, глава загранич. агентурной организации штаба ОдВО в 1916–1917, подполк. 187, 195, 196, 199, 381, 382, 383, 384
 Андресиян Арутюн Кеворкович (1880–?), тур. подданный армянин, секр. сотр. разведки штаба рус. 7-й армии в 1914–1915 370, 371
 Андрианов Павел Маркович (1877–1918), рус. военачальник, офицер штаба ОдВО в 1904–1909, Генштаба ген.-майор (1917), брат С.М. Андрианова 159
 Андрианов Сергей Маркович, сотрудник РДП накануне и в годы 1-й мировой войны, агент рус. воен. разведки 159, 160, 358, 359
 Анисимов Александр Иванович (1871–?), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1917) 102
 Антиманеску Ант, нач. рум. полиции в г. Журжево в 1915 337
 Антонов Георгий, болг. историк 333
 Аплечев Николай Николаевич (1864–1940), деятель рус. полит. сыска и контрразведки, нач. КРО штаба ОдВО в 1911–1914, полк. ОКЖ 211
 Арборе-Ралли Замфирий Константинович (*Zamfir Ralli-Arbore*; 1848–1933), деятель рус. и рум. рев. движения, социалист, бессарабский эмигрант 505
 Арльт Конрад, герм. подданный, подозревавшийся рус. властями в шпионаже в 1915 430
 Арсеньев Борис Константинович (1874–1925), рус. дипломат, 1-й секретарь миссии в Румынии в 1913–1915 408, 412
 Арсеньев Сергей Васильевич (1854–1922), рус. дипломат, посланник в Черногории в 1910–1912 266

Артамонов Виктор Алексеевич (1873–1942), рус. разведчик, воен. агент в Сербии в 1909–1918, Генштаба ген.-майор (1915) 59, 102, 238–245, 247, 258, 260, 272, 276, 280–283, 295, 306–311, 353, 354, 365, 590
 Артамонов Михаил Викторович, сын В.А. Артамонова 244
 Артамонов Николай Викторович, сын В.А. Артамонова 240, 244
 Артамонов Сергей Викторович (?–1912), сын В.А. Артамонова 244
 Артамонова Людмила Михайловна, жена В.А. Артамонова 244
 Асиновская Мария Юрьевна, рос. историк 49, 50, 128, 583
 Афанасьев М.А., ротмистр ОКЖ 180
 Афанасьев М.С., офицер Бессарабского ГЖУ в годы 1-й мировой войны, подполк. ОКЖ 219, 506, 511

Б
 Бабиков Николай Александрович (1866–1920), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1915) 149
 Бабучжаб (*Шударгабаатар Бавуужав*, также *Харчин-гун Бавуужав*, *Бавужав*; 1875–1916), монг. кн., вождь антикитайского восстания 318
 Баженов Борис Петрович (1871–?), рус. генштабист, Генштаба ген.-майор (1913) 102
 Базаров Павел Александрович (1871–1948), рус. воен. разведчик, воен. агент в Германии в 1911–1914, Генштаба ген.-майор (1917) 99, 293
 Базили Николай Александрович (1883–1963), рус. дипломат, сотрудник Дип. канцелярии при Ставке в годы 1-й мировой войны 550
 Байков Лев Львович (1869–1938), рус. генштабист, нач. штаба 5-го округа ОКПС в 1907, Генштаба ген.-майор (1914) 154–156
 Байрактарев Николай Михайлович (1868–?), член рус. воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1904–1909, капитан 127
 Бакай Михаил Ефремович (1886–?), сотрудник рус. полит. сыска, перешедший в лагерь рев. движения, публицист 195
 Баласанян (Баласанянц) Левон Сааков («Субботин»), секр. сотр. Константинопольского бюро Деп. полиции МВД в 1910–1914 208, 209
 Бальмашева (Якубова) Надежда Николаевна, жена В.М. Якубова 366
 Бальц Владимир Александрович (1871–1931), рус. гос. деятель, сенатор 383
 Банди Игнациу, венг. еврей, агент герм. разведки в Бухаресте в 1915 478, 490, 499, 530
 Баратов Николай Николаевич (1865–1932), рус. воен. деятель, ген. от кавалерии 318
 Барсуков Евгений Захарович (1866–1957), рус. и сов. воен. деятель, ученый, Генштаба ген.-майор (1915), ген.-майор артиллерии 250, 583
 Барчинский, фабрикант 429
 Барятинский Александр Иванович, кн. (1815–1879), рус. воен. и гос. деятель, ген.-фельдмаршал (1859) 211
 Басханов Михаил Казбекович, рос. историк, востоковед 49, 100, 346, 579, 583
 Батюшин Николай Степанович (1874–1957), рус. деятель воен. разведки и контрразведки, Генштаба ген.-майор (1915) 31, 52, 85, 149, 583
 Бахирев Михаил Коронатович (1868–1920), рус. мор. военачальник, вице-адмирал 560
 Бахметев Георгий (Юрий) Петрович (1847–1928), рус. дипломат, дип. агент в Болгарии в 1897–1905 120, 175, 181
 Бедросов, агент штаба рус. Кавказской армии в Болгарии в 1915 322
 Безотосный Виктор Михайлович, рос. историк 14, 37, 40, 89, 583
 Белавин Александр Феофилович, рус. контрразведчик, , нач. КРО штаба ОдВО в 1917, ротмистр ОКЖ 357, 358, 385, 535
 Беланович Владимир Евгеньевич, рус. востоковед, дипломат, сотрудник рус. консульств в Дедеагаче (1914) и Журжево (1915) 336, 337, 339

Белецкий Степан Петрович (1873–1918), рус. гос. деятель, директор Деп. полиции МВД в 1912–1915 212–214, 487, 500, 503, 519, 524, 556, 557, 568
 Белицкий Семён Маркович (1889–1937), сов. военачальник, воен. писатель 32, 583
 Беляев Михаил Алексеевич (1863–1918), рус. воен. деятель, и.д. нач. Генштаба в 1914–1916, нач. Генштаба в 1916, Генштаба ген. от инфантерии (1914) 293, 297, 324, 382, 408, 414, 449, 500, 543, 544, 547, 548, 550, 551, 553, 554, 556, 568
 Бен Айджи, тур. подданный, глава шпионского бюро в Бухаресте в 1915 478
 Бенеш Эдвард (*Edvard Beneš*; 1884–1948), чеш. полит. и гос. деятель, президент Чехословакии в 1935–1948 319
 Бенитатос Афанасий, лоцман парохода «Адмирал Кашерининов» на Дунае, агент связи Бессарабского ГЖУ 511
 Берг, резидент герм. разведки в Румынии в 1916 443, 560
 фон Берг 1-й Владимир Владимирович (1879–1963), рус. флотский офицер, сотр. воен.-мор. разведки, кавторанг (1913) 322
 Берг Эмиль Германович, сотр. центр. аппарата рус. воен. разведки в 1905, Генштаба подполк. 69
 Берх Николай Александрович (1876–1959), рус. военачальник, воен. агент в Румынии в 1917, Генштаба ген.-майор (1917) 151, 152
 Бирилёв Алексей Алексеевич (1844–1915), рус. воен.-мор. и гос. деятель, мор. мин., адмирал (1907) 274
 Блондель Жан Камиль (*Jean Camille Blondel*; 1854–1935), фр. дипломат, посланник в Румынии в 1907–1916 517
 Блохин Петр, бывш. матрос-«потёмкинец», сотр. австро-венг. разведки в Румынии в годы 1-й мировой войны 505
 Блюменфельд, сотрудник австро-венг. консульства в Яссах в 1915 429
 Блюмкин Яков Григорьевич (1900–1929), сов. чекист, разведчик, гос. деятель 190
 «Бобров» («Тон»), агент КРО штаба ОдВО в Румынии в 1915 408, 474, 477
 Богданов, агент наружного наблюдения Балк. агентуры Деп. полиции МВД в Болгарии в нач. XX в. 179, 588
 Боговяленский 4-й Сергей Георгиевич (1878–?), рус. дипломат, вице-консул в Филиппополе в 1910–1915 305
 де Бодэ Августин Климентьевич, барон (1871–1915), рус. военачальник, воен. агент в США в 1908–1912, Генштаба полк. (1908) 102
 Бок Вильгельм, резидент герм. разведки в Румынии в 1915 310, 431
 Болховитинов Леонид Митрофанович (1871–1925), рус. воен. деятель, ген.-квартир. Кавказской армии в 1914–1915, Генштаба ген.-лейт. (1917) 225, 347, 582
 Большаков Иван Алексеевич, сов. воен. разведчик 34, 583
 Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956), рус. и сов. воен. деятель, ученый, геодезист, Генштаба ген.-майор (1914), ген.-лейт. РККА (1944) 564, 565
 Борисов Вячеслав Евстафьевич (1861–1941), рус. воен. деятель, ученый, Генштаба ген.-лейт. (1915) 260
 Борицкий, почтальон в рус. Унгенах в 1915 502
 Боцан (Ботцан, Боцану) Георгий (Жорж, Георгий-Рауль, Рауль Жорж) Петров, двойной агент рус. и герм. разведок в Бухаресте в 1914–1916, авантюрист 487–490, 493–496–499, 533, 539–541
 Боцан Павел Петров, рум. журналист, двойной агент рус. и герм. разведок в 1915 496, 533
 Брендель Виктор Александрович (1882–1969), рус. генштабист, нач. развед. отделения штаба в 1915–1916, Генштаба полк. (1916) 470, 534, 550, 552, 553, 557, 565
 фон ден Бринкен Александр-Павел Фридрихович (1859–1917), рус. военачальник, Генштаба ген. от инфантерии (1914) 105
 Бритков Георгий Константинов, бессарабский болгарин, секр. агент рус. погран. стражи 508, 509

- Бронзарт фон Шеллендорф Гюнтер (*Günther Bronsart von Schellendorf*; 1869–1947), герм. воен. атташе в Румынии в годы 1-й мировой войны, полковник 392, 425–427, 476, 479
- Брусилев Алексей Алексеевич (1853–1926), рус. и сов. воен. деятель, главнокомандующий армиями Юго-Зап. фронта (1916–1917), ген. от кавалерии (1912) 360, 561
- Брусилов Лев Алексеевич (1857–1909), рус. воен.-мор. деятель, вице-адмирал (1909) 128
- Брыков Егор, унтер-офицер л.-гв. Драгунского полка, назначенный состоять при воен. агенте в Болгарии в 1908 275
- Брэтиану Винтиля (*Vintilă Ion Constantin Brătianu*; 1867–1930), рум. гос. деятель, младший брат И. Брэтиану-младшего, воен. министр Румынии в 1916–1917 519
- Брэтиану-младший Ион (*Ion I.C. Brătianu*; 1864–1927), рум. гос. деятель, премьер-министр Румынии в 1909–1911, 1914–1919, 1922–1927, выдающийся дипломат 389, 396, 406, 408, 409, 442, 517, 519, 537, 542, 543, 545, 549, 552
- Брюн-де-сент-Ипполит Валентин Анатольевич (1871–1918), рус. гос. деятель, сенатор, директор Деп. полиции МВД в 1914–1915 514, 525
- Бубнов Александр Дмитриевич (1883–1963), рус. воен.-мор. деятель, нач. воен.-мор. управления Ставки, контр-адмирал (1917) 437–439, 579
- фон Будберг Алексей Павлович, барон (1869–1945), рус. воен. деятель, Генштаба ген.-лейт. (1916) 107
- Будзилович Александр Иосифович (А.И. Грабо; 1847–1901), деятель рус. полит. сыска, зав. Балк. агентурой Деп. полиции МВД в 1890–1901, полк. ОКЖ 169–172, 174–177, 179, 181, 183
- Булгаков Павел Викторович, рос. филолог-лингвист 16
- Булгарин Фаддей Болеславович (1874–1913), рус. разведчик, воен. агент в Италии в 1912–1913, Генштаба полк. (1911) 102, 104
- Бунин Иван Алексеевич (1870–1953), рус. писатель, Нобелевский лауреат 332, 584
- Бурмистрова Татьяна Юрьевна, рос. архивист 16
- Буров Петр Никитич (1872–1954), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1916) 102
- Бурхановский Виктор Захарович (1866–1939), рус. мор. офицер, командир канонерской лодки «Уралец» в 1909–1911 153
- Бурцев Владимир Львович (1862–1942), рус. публицист и издатель, разоблачитель агентов рус. полит. сыска 194, 195
- Бухольцан Аннета, агент австро-венг. разведки, член диверсионной группы Р. Финклера в 1916 507
- Буяков Алексей Михайлович, рос. историк 47, 584
- Буянов Харлампий, курьер рус. миссии в Бухаресте, секр. сотр. рус. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 179
- Бьюкенен Джордж Уильям (*George William Buchanan*; 1854–1924), брит. дипломат, дип. агент в Софии (1903–1908), посол в России (1910–1918) 410
- Быковская Вагда (Францишка) Антонова, польск. крестьянка, агент герм. разведки (1915) 428–430
- Быковский Леон Антонов, брат В.А. Быковской 429

В

- Вагтс Альфред (*Alfred Hermann Friedrich Vagts*; 1892–1986), амер. историк 93, 226, 263, 268
- Вада Харуки, японск. историк-славист 47
- Вазонов Кириак, агент РДП 337
- фон Валь Эрнест-Карл-Вольдемар Георгиевич (1878–1949), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1917) 108
- Ванновский Глеб Михайлович (1862–1943), рус. военачальник, воен. агент в Японии в 1900–1902, Генштаба ген.-лейт. (1915) 92
- Ванновский Петр Семенович (1822–1904), рус. воен. и гос. деятель, воен. мин. в 1881–1897 117–119

- Васеско, губернатор г. Ботошаны в Румынии в нач. XX в. 156
- «Василий», бывш. сотр. болг. полиции, секр. сотр. рус. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 190
- Василиу, двойной агент рум. сигуранцы и рус. контрразведки в 1915 491
- Васильев, ротмистр ОКЖ, сотрудник Бессарабского ГЖУ 506, 507
- Васильев Алексей Тихонович (1869–1930), рус. деятель полит. сыска, директор Деп. полиции МВД в 1916–1917 184, 514, 515, 525
- Васильев Виктор Михайлович (1879–?), рус. разведчик, офицер развед. отделения штаба 7-й армии в 1915, нач. развед. отделения штаба ОдВО в 1915–1917, Генштаба полк. (1917) 356, 358, 359, 361, 362, 379, 385
- Васильев Иван Игнатьевич, рос. историк спецслужб 35, 36, 52
- Васильев Иван Петрович, сотр. центр. аппарата рус. воен. контрразведки, подполк. ОКЖ (1910) 584
- Васильев Федор Николаевич (1858–1923), рус. военачальник, нач. штаба ОдВО в 1908–1914, Генштаба ген. от инфантерии (1915) 151, 158, 161, 584
- Васильева Н.Л., хозяйка конспиративной квартиры рус. контрразведки в Кишинёве в 1915 499
- Вассмусс Вильгельм (*Wilhelm Wassmuss*; 1880–1931), герм. дипломат, востоковед, консул в Бушере в годы 1-й мировой войны 304
- Вачов Димитр (*Димитър Костов Вачов*; 1855–1922), болг. полит. деятель, член Либеральной (радославистской) партии, председ. Нар. собрания в 1899 и 1913–1919 320
- Вебел Фердинанд Маврикийевич (1855–1919), рус. военачальник, Генштаба ген. от инфантерии (1915) 80
- Веденяпин Михаил Александрович («Ташкент», «Ташкентец»; 1879–1938), рус. революционер, член Боевой организации партии эсеров 194
- Веймарн Иван Иванович (1852–?), рус. военачальник, товарищ воен. мин. Болгарии в 1884–1885, Генштаба ген.-лейт. (1902) 117
- Вейнбаум Юлиан-Иосиф-Иуда Рахмилов, двойной агент рус. и австро-венг. разведок в Румынии в годы 1-й мировой войны 481, 533
- Вейсман Александр (Сендер) Моисеев (1862–?), секр. сотр. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в кон. XIX – нач. XX в., шантажист 176, 179–184, 187, 195, 207
- Вейсман Софья Мироновна, жена А.М. Вейсмана 183
- Вейсман Шимон-Мойше (Шимон Моисеев; «Орлов»), секр. сотр. рус. полит. сыска в Австро-Венгрии в кон. XIX в., брат А.М. Вейсмана 180, 181
- «Венгерский», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 418
- Венценовцев Геннадий Дмитриевич («Волков»; 1887–?), рус. востоковед, сотр. Константинопольского бюро рус. полит. сыска с 1912 207, 208
- Вересотский (Верисотцкий), офицер, командированный в распоряжение рус. агента в Румынии для работы по контрразведке в 1916, прапорщик 300
- Вернер Альберт, резидент герм. разведки в Бухаресте в 1914–1915 212, 318, 427–431, 478, 480, 490, 494, 495, 530, 552
- Верховский Александр Иванович (1886–1938), рус. и сов. воен. деятель, воен. мин. в 1917, Генштаба ген.-майор (1917) 242, 280–282, 396, 397, 441, 579, 588, 590
- Верцинский Эдуард Александрович (1873–1941), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1915) 69, 101
- Веселаго Александр Александрович (1875–?), рус. военачальник, Генштаба полк. (1910) 102
- Весёлкин Михаил Михайлович (1871–1919), рус. воен.-мор. деятель, нач. дунайской ЭОН в 1914–1916, свиты е.и.в. контр-адмирал (1915) 318, 325, 338, 339, 392, 408–412, 436, 438–447, 506, 511, 534
- Веселовзоров Борис Петрович (1869–1944), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1913) 103

Вильгельм II (*Wilhelm II*; 1859–1941), имп. Германии, кор. Пруссии (1888–1918) 596
 Вильямс Гаральд (*Harold Whitmore Williams*; 1876–1928), брит. полит. журналист, корреспондент ряда англоязычных газет в России в 1905–1919 515
 Винекен Александр Георгиевич, барон (1868–1917), рус. военачальник, воен. агент в Австро-Венгрии в 1913–1914, Генштаба ген.-майор (1915) 99
 Виноградов Владилен Николаевич, рос. историк 57, 584
 Винокуров Владимир Иванович, рос. воен. дипломат, историк 47
 Винтер Джон-Георг, житель г. Пернова Лифляндской губ., подозревавшийся в причастности к герм. шпионажу в России 430
 Виссарионов Сергей Евлампиевич (1867–1918), деятель рус. полит. сыска, вице-директор Деп. полиции МВД в 1912–1913 200, 209–211
 Вицентьев Павел Кузьмич (1875–1920), рус. военачальник, Генштаба полк. (1915) 109
 Вишневский Петр Васильевич (1886–1969), рус. воен. разведчик, пом. нач. развед. отделения штаба ОДВО в 1915–1917, капитан (1914) 360, 361
 Вишняков Ярослав Валерианович, рос. историк 168, 172, 181, 584
 Владимир Александрович Романов, вел. кн. (1847–1909), рус. воен. и гос. деятель, 3-й сын имп. Александра II 196, 199, 546
 Владович, сотрудник РДП в Галаце в 1915 338
 Водар Владимир Владимирович (1875–?), рус. генштабист, сотр. центр. аппарата воен. разведки в 1905–1912, Генштаба ген.-майор (1917) 69, 99
 Воейков Владимир Николаевич (1868–1947), рус. придворный деятель, дворцовый комендант в 1913–1917, свиты е.и.в. ген.-майор (1909) 552
 Волковицкий Юрий Фаддеевич (*Jerzy Rusiło-Wolkowicki*; 1883–1983), рус. воен.-мор. офицер, кавторанг; польск. военачальник, бригадный ген. 310
 Волконский Александр Михайлович, кн. (1866–1934), рус. разведчик, сотр. центр. аппарата воен. разведки, воен. агент в Италии в 1908–1912 69, 99
 Волконский Петр Михайлович, светлейший кн. (1776–1852), рус. воен. деятель, ген.-фельдмаршал (1843) 19
 Воронин Б.К., рус. офицер, член рус. воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1904–1909, капитан 127
 Воронин Степан Александрович (1848–?), рус. военачальник, нач. 7-го отделения Главного штаба в 1900–1904, Генштаба ген.-лейт. (1910) 75
 Врангель Петр Николаевич (1878–1928), рус. воен. и гос. деятель, командующий Русской армией, Генштаба ген.-лейт. (1917) 140, 229, 243, 257, 279
 Врангель фон Гюбенталь Матвей Леонидович (или Владимир Леонидович), рус. офицер л.-гв. Конного полка 275
 Вржесневский, агент разведки штаба рус. 2-й армии в 1915 463
 Вучетич Марко, агент рус. разведки на Дунае в 1916 338
 Выжуев, рус. офицер, полк. (?) 423
 Вышинский Евгений Евгеньевич (1873–1919), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1916) 103
 Вэрворяну Николае (*Nicolae Vărvoreanu*), бывш. агент ситуранцы, двойной агент рус. и австро-венг. разведок в Бухаресте в 1915 478, 482, 490, 527, 534
 Вязьмитинов Василий Ефимович (1874–1929), рус. военачальник, офицер разведки штаба ОДВО в 1905–1910, Генштаба ген.-лейт. (1917) 152, 153

Г
 Гаджемуков Василий Николаевич, рус. дипломат, вице-консул в Дедеагаче 303–305, 336, 596
 Гаджемуков Николай Николаевич (Темтеч Тарханович Хаджимуков; 1848–1907), сын последнего владетельного князя бжедугов, хорунжий (1879), отец В.Н. Гаджемукова 303
 Гаида Федор Александрович, рос. историк 14

Гайлитс Фридрих Ф. (?–1913), латыш, революционер-эмигрант в Константинополе 206
 фон Гаммерштейн-Гезмольд Ханс, барон (*Hans Freiherr von Hammerstein-Gesmold*; 1867–1933), герм. воен. атташе в Румынии в 1916, ген.-майор (1917) 209, 526
 Ганин Андрей Владиславович, рос. историк 14, 72, 236, 413, 435
 Гарибальди Джузеппе (*Giuseppe Garibaldi*; 1807–1882), революционер, военачальник, нац. герой Италии 341
 Гарин Николай Павлович (1861 – ?), рус. гос. деятель, сенатор 514
 Гарнаульт Николай Григорьевич, драгоман рус. ген. консульства в Рушук в 1915 336
 Гартвиг Николай Генрихович (1857–1914), рус. дипломат, посланник в Сербии в 1909–1914 265, 272, 273, 587
 Гартинг-Ландезен (Геккельман) Аркадий Михайлович (1861–?), деятель рус. полит. сыска 185, 186
 Гаспар Александр, комиссар сыска полиции Бухареста, секр. сотр. рус. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 178
 Гвиди Таиса см. Гнутова Таисия Васильевна 490
 Гвяздовский (Гвоздецкий), сотрудник бюро агентства «Нордзюд» в Бухаресте в 1916 468
 Гебель, агент герм. разведки в Бухаресте в 1915 428
 Гедройц Ромуальд Константинович, кн. (1842–1899) 514
 Гей Зигфрид, агент герм. разведки в С.-Петербурге, герм. капитан 515
 Геллер Вольфганг (*Wolfgang Heller*; 1870–?), австро-венг. воен. разведчик, воен. атташе в Персии в 1915–1916, ген.-майор (1921) 317
 Гельфанд Израиль Лазаревич (Парвус Александр Львович; 1867–1924), деятель рус. и герм. рев. движения 505
 Гемп Фридрих (*Friedrich Gempp*; 1873–1947), герм. воен. деятель, зам. главы воен. разведки В. Николаи 429
 Генадиев Никола (*Никола Иванов Генадиев*; 1868–1923), болг. полит. и гос. деятель, мин. иностранных дел в 1913 198
 Георгиев Антон, болг. моряк, капитан, свидетель на процессе группы Н. Зеленогорова в 1915 331
 Герасимов Александр Васильевич (1861–1944), рус. деятель полит. сыска, ген.-майор ОКЖ 195, 200, 201
 Герджиков Михаил (*Михаил Герджиков*; 1877–1947), деятель макед. рев. движения 198
 Герджиков Николай (*Николай Герджиков*), макед. революционер 198
 фон Гернгросс Евгений Александрович (1855–1912), рус. воен. деятель, нач. Генштаба в 1909–1911, Генштаба ген.-лейт. (1907) 77, 86, 105, 111, 154–156
 Геруа Борис Владимирович (1876–1942), рус. военачальник, сотр. центр. аппарата воен. разведки в 1909–1912, Генштаба ген.-майор (1916) 60, 78, 102, 107, 132, 136, 140, 141, 579
 Гетц П.К., лесопромышленник 429, 510
 Гибер фон Грейффенфельс Алексей Григорьевич (1869–?), рус. офицер погран. стражи, полк. (1907) 154
 Гиленсен Виктор Михайлович, рос. историк 49, 584
 Гинесин Михель Хаимов, херсонский мещанин, портовый маклер, бывш. агент КРО штаба ОДВО, арестованный рус. контрразведкой по обвинению в шпионаже в 1917 481
 Гирс Михаил Николаевич (1856–1932), рус. дипломат, посланник в Румынии (1903–1911), посол в Турции (1911–1914) 250, 265, 272, 321
 Гирс Николай Карлович (1820–1895), рус. гос. деятель, дипломат, мин. иностранных дел (1882–1895) 115, 116
 Гиссер Георгий Георгиевич (1872–?), сотр. цент. аппарата воен. разведки, Генштаба ген.-майор (1915) 103
 Глебов, рус. капитан, офицер разведки штабуза в 1915 483

Глулич Иванка, предполагаемая любовница и помощница рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова 530

Глушков Валерий Васильевич, рос. историк 47, 584

Гнедич, помощник градоначальника Белграда, секр. сотр. рус. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 179

Гнутова Таисия Васильевна, сотр. рус. контрразведки, член группы П.В. Смирнова в Бухаресте в 1915 488–490

Гога Октавиан (*Octavian Goga*; 1881–1938), рум. поэт и полит. деятель трансильванского происхождения, премьер-министр Румынии в 1937–1938 522

Гогосова, портниха 535

Година, словак, секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1915 421

Голембиовский Александр Александрович, рус. чиновник, сотрудник центр. аппарата воен. разведки в нач. XX в. 95

Голиеску, капитан рум. армии, агент рус. разведки в 1912–1913 158, 159, 163, 211

Голиков Давид Львович, сов. историк 560, 584

Головань Сергей Александрович (1872–1927), рус. воен. разведчик, сотр. аппарата воен. разведки в 1906–1914, воен. агент в Швейцарии в 1914–1917, Генштаба ген.-майор (1915) 99, 100, 110, 234, 584

Головин Николай Николаевич (1875–1944), рус. военачальник, воен. писатель, Генштаба ген.-лейт. (1917) 362, 363, 376

«Головинский», секр. сотр. рус. полит. сыска в Константинополе 209, 216

Гольдберг (Артур Гольдштейн), фр. еврей, служащий бухарестского отделения венской транспортной фирмы «Шенкер и К^о», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова 422, 423

Гольдгаар Александр Иван Павлович, служащий, подозреваемый в шпионаже в пользу Центр. держав в 1916 462

Гольмстрем Лидия Александровна, сотр. КРО ГУГШ в 1915 488, 489

Гопкинс Боб, амер. гражданин, арестованный в Румынии за шпионаж в пользу Центр. держав в 1915 477

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), рус. гос. деятель, председ. Совета министров в 1906 и 1914–1916 515, 523, 526, 543

Горонович Илиодор Софрониевич, войсковой старшина Кубанского казачьего войска в отставке 165, 166

Горячев Григорий, ст. урядник л.-гв. Атаманского полка, командированный в распоряжение рус. воен. агента в Болгарии в 1908 275, 276

Готшалк Николай Ильич (1871–?), рус. генштабист, Генштаба полк. (1907) 102

Грабо А.И. см. Будзилович А.И. 170

Грабская Варвара Яковлевна, псевд. В.Я. Павловской 171

Грамматикос Яни, грек, сотр. рус. разведки в Турции и Румынии в 1914 456

Гребенюк Кузьма, ратник 133-й Курской пешей дружины в 1915 496

Грей Эдуард (*Edward Grey, 1st Viscount Grey of Fallodon*; 1862–1933), брит. гос. деятель, дипломат, мин. иностранных дел в 1905–1916 410

Греков Николай Владимирович, рос. историк спецслужб 52, 584

Греков 8-й Петр Матвеевич (1762–1817), рус. донской казачий военачальник, герой Наполеоновских войн, ген.-майор (1812), вечный шеф 16-го Донского казачьего полка 485

Григоренко Василий Аполлонович (1884–1973), рус. воен.-мор. офицер, кавторанг Черноморского флота 310

Григореску Доди, двойной агент рус. и герм. разведок в Бухаресте в 1915 478, 490, 527, 534

Григоров Герасим, рыбак из д. Азаклыу близ Галаца, сотр. герм. разведки 510

Григоров Трофим, рыбак из д. Азаклыу близ Галаца, сотр. герм. разведки 510

Гринцер Яков-Иосиф Моисеевич (1865–?), участник рев. движения в Одессе в 1880-е, выслан в Сибирь в 1888 179

Гросс (Шпанбауэр) Вильгельм, резидент австро-венг. разведки в Румынии в 1915 477, 481, 482, 562

Грулёв Михаил Владимирович (1857–1943), рус. воен. деятель, воен. писатель, Генштаба ген.-лейт. (1912) 271, 272, 584

Гудим-Левкович Павел Константинович (1842–1907), рус. воен. деятель, Генштаба ген. от инфантерии (1906), отец П.П. Гудим-Левковича 244

Гудим-Левкович Павел Павлович (1873–1953), рус. разведчик, сотр. центр. аппарата воен. разведки в 1908–1909, воен. агент в Греции в 1909–1916, Генштаба ген.-майор (1917) 111, 112, 243–248, 258, 260, 262, 263, 266, 284–286, 300, 344–351, 364

Гуков Владимир Матвеевич (1879–?), рус. генштабист, нач. развед. отделения штаба ОдВО в 1917, Генштаба подполк. (1917) 361

Гулкевич Константин Николаевич (1865–1935), рус. дипломат, советник 2-го (Ближневосточного) Полит. отдела МИД в 1914–1916 303, 320, 321, 382, 454, 518, 543

Гумб Кристоф (*Christoph Gumb*), нем. историк 15

Гурэнеску Александру (*Alexandru Gurănescu*), рум. дипломат, поверенный в делах в Болгарии в 1915 226

Гурко В.И. см. Ромейко-Гурко В.И. 224

Гурко Д.И. см. Ромейко-Гурко Д.И. 59, 60, 99, 162, 246, 579

Гучков Александр Иванович (1862–1936), рус. полит., гос. и воен. деятель, воен. мин. в 1917 228, 515

Гуштюк, прапорщик 46-го Днепровского пех. полка в 1915 360

Гущин Сергей Ефимович (1872–?), рус. воен. разведчик, военачальник, делопроизводитель Балк. делопроизводства Огеньквара ГУТШ в 1910–1914, Генштаба полк. (1911) 132, 133

Д

Давидович Вилли (*Davidovici Lupu zis Willy*), двойной агент рус. и австро-венг. разведок в Бухаресте в 1915–1916 479–481

Давила, агент австро-венг. разведки в Бухаресте в 1915 482, 523

Данев Стоян (*Стоян Петров Данев*; 1858–1949), болг. гос. деятель, лидер Прогрессивно-либеральной партии, премьер-министр Болгарии в 1901–1903 и 1913 331, 443

Даниель-бек, прапорщик 58-го Прагского пех. полка 298

Данила Петрович-Негош (*Данило Петровић-Његош*; 1871–1939), наследный принц Черногории до 1921, кор. Черногории в изгнании в 1921 117

Данилов Юрий (Георгий) Никифорович (1866–1937), рус. воен. деятель, воен. писатель, ген.-кварт. Генштаба в 1909–1914, ген.-кварт. Ставки в 1914–1915, Генштаба ген. от инфантерии (1914) 21, 77, 78, 80, 86, 87, 107, 108, 133–138, 141, 143, 151, 213, 234, 241, 246, 253, 256, 259, 279, 282, 284, 291, 293, 300, 308, 347, 448, 459, 463, 474, 475, 539–541, 580

Данченко Светлана Ивановна, рос. историк 15

Дашкевич, почтальон в рум. Унгенах в 1915 502

Дворжицкий Анатолий Иванович (1869–?), рус. генштабист, Генштаба подполк. (1907) 102

Дегоев Владимир Владимирович, рос. историк 14

Деджидорджис (Деджидорджис-паша) Дживанни Батиста Эмилио (*Giovanni Battista Emilio De Giorgis*), ит. генерал, командующий жандармерией в Македонии с 1904 127

Дедиер Владимир (*Владимир-Владо Дедијер*), югосл. историк 239, 282, 584

Делетицкая (Делятицкая) Мария Айзиковна (1861–?), организатор рев. кружка в 1889 179

Делькассе Теофиль (*Théophile Pierre Delcassé*; 1852–1923), фр. гос. деятель, дипломат, мин. иностранных дел в 1898–1905 и 1914–1915 515

Де-Марки Джузеппе, слуга рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1915, агент герм. разведки 301, 495

Демидов Елим Павлович (1868–1943), рус. дипломат, посланник в Греции в 1912–1917 349

Денда Далибор (*Далибор Денда*), серб. историк, майор 15
 Деникин Антон Иванович (1872–1947), рус. воен. и гос. деятель, Генштаба ген.-лейт. (1916) 243
 Деревянко Илья Валерьевич, рос. историк 37, 38, 47, 584, 585
 Джабуrow, хозяин магазина восточных ковров в Бухаресте в 1915 490
 Джавид-бей Мехмед (*Mehmet Cavit Bey*; 1875–1926), тур. гос. деятель, мин. финансов в 1909–1911 и 1914 451
 Джайя Йован (*Јован Ђаја*; 1846–1928), серб. политик, дипломат, секр. сотр. рус. Балк. агента Деп. полиции МВД в нач. XX в. 180
 Дживарджилеску Ахмед (Ахмед-бей, Зади-бей), двойной агент рус. и австр. разведок в Бухаресте в 1915 478
 Джоржеску, рум. офицер 299
 Джунковский Владимир Федорович (1865–1938), рус. гос. и воен. деятель, товарищ мин. внутренних дел и ком. ОКЖ в 1913–1915, ген.-лейт. (1917) 436, 446, 447, 515, 523–525, 557
 фон Дибиц-Забалканский Иван Иванович, гр. (*Hans Karl Friedrich Anton von Diebitsch*; 1785–1831), рус. полководец, ген.-фельдмаршал (1829) 19
 Димитреску Дмитрий («Дмитриев»), рум. чиновник почтового вагона в 1915, секр. сотр. рус. разведки 501
 Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (*Радко Русков Димитриев*; 1859–1918), рус. и болг. воен. деятель, болг. ген.-лейт. (1912), рус. Генштаба ген. от инфантерии (1914) 228
 Димитриев Сотир, офицер болг. парохода «Борис» в 1915 327
 Дмитриевич-Апис Драгутин (*Драгутин Димитријевић*; 1876–1917), серб. воен. деятель, нач. развед. отдела Генштаба Сербии, сооснователь и лидер тайного общества «Черная рука», полк. 307, 310
 Димитриу, рум. сановник 533
 Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937), рус. воен. деятель, ген.-квартирмейстер штаба в 1915–1916, Генштаба ген.-майор (1915) 362, 363, 442, 535, 552, 553, 556, 557, 565
 Добошинский Николай Рафаилович (1872–1913), рус. разведчик, востоковед, Генштаба ген.-майор (1912) 103
 Добров Петр Иванович (1870–?), воен. инженер корпуса мор. строительной части, командир рус. инженерного отряда на Дунае в Сербии в 1914, полк. (1909) 310
 Добророльский Сергей Константинович (1867–1930), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1914) 99
 Добычина Елена Викторовна, рос. историк 47, 385, 390
 Доде Альфонс (*Alphonse Daudet*; 1840–1897), фр. писатель 236
 Долгоруков Петр Владимирович, кн., авантюрист, сотр. рус. контрразведки в 1913–1915, агент австро-венг. и герм. разведок в Румынии 494–496, 523, 539, 541
 Доманевский Владимир Николаевич (1878–1937), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1917) 105–107
 Домелунксен Николай Федорович (1868–?), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1910) 99
 Драга Обренович (*Драга Обреновић*; 1861–1903), королева Сербии 175
 Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1955), рус. военачальник, Генштаба ген. от кавалерии (1916) 251
 Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), рус. воен. и гос. деятель, воен. теоретик и преподаватель, Генштаба ген. от инфантерии (1891) 134
 Драшусов Николай Евгеньевич (1880–1951), рус. мор. офицер, резидент дунайской ЭОН в г. Турну-Северин в 1916 441
 фон Дрейер Владимир Николаевич (1876–1967), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1917) 102, 580, 585
 Дубасов Николай Васильевич (1850–?), рус. воен. деятель, ген.-квартирмейстер ГУГШ в 1906–1909, Генштаба ген.-лейт. (1907) 123

Думитреску Константин Афанасьевич, секр. сотр. разведки штаба Киевского воен. округа в Румынии в 1913 162–164
 Дуниин-Борковский Михал Иосифович (1878–?), рус. мор. офицер, руководитель воен.-мор. разведки в 1914 324, 326
 Дусманис Виктор (*Βικτωρ Δούσανης*; 1861–1949), греч. воен. деятель, нач. Генштаба в 1914–1916 319
 Духонин Николай Николаевич (1876–1917), рус. воен. деятель, разведчик, Главверх (1917), Генштаба ген.-лейт. (1917) 102, 109, 162–164, 380
 Дьяконович, агент герм. разведки в Бухаресте в 1915 431
 Дюкс Пол Генри (*Paul Henry Dukes*; 1889–1967), офицер брит. внешней разведки, специалист по России 560
 Дюнан Марсель (*Marcel Dunan*; 1885–1978), фр. журналист, историк, писатель 235, 236, 327, 580
 Дюпон Шарль-Жозеф (*Charles Joseph Dupont*; 1863–1935), фр. воен. деятель, глава 2-го бюро (воен. разведка) фр. Ген. штаба 77
 Дюранд, ж.д. служащий на станции Предрял, секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1915 421
 Дюсиметьер Леон (Лев) Павлович (1883–?), поручик л.-гв. Гренадерского полка, член рус. воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1904–1909 127

Е

Евгенопуло, секр. сотр. рус. разведки в 1915 320, 321
 Евреинов Константин Леонидович (1872–?), военачальник, разведчик, Генштаба ген.-майор (1916) 69
 Егорьев Владимир Николаевич (1869–1948), рус. и сов. военачальник, воен. инструктор в Черногории в 1911–1914, Генштаба ген.-лейт. (1917) 60, 98, 112, 137, 282, 580, 584
 Елчанинов Андрей Георгиевич (1868–1918), рус. воен. ученый, преподаватель, Генштаба ген.-лейт. (1916) 99
 Елдыров Светлозар (*Светлозар Елџров*), болг. историк 337
 Ельшин Александр Яковлевич (1865–1951), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1916) 60, 77, 135, 137, 580
 Емелин Алексей Юрьевич, рос. историк 52, 128, 129, 590
 Емельянов В.Г., чиновник Деп. полиции МВД в 1907 180
 Ерандаков Василий Андреевич (1875–1919), рус. деятель полит. сыска и контрразведки, глава контрразведки ГУГШ в 1910–1915, полк. (1914) 52, 106, 485–490, 499, 500, 523, 551
 Ермаков Владимир Петрович (1867–?), рус. мор. офицер, флота полк., управляющий РДП в 1914 323
 Ермолов Николай Сергеевич (1853–?), рус. генштабист, разведчик, воен. агент в Великобритании в 1907–1917, Генштаба ген.-лейт. (1909) 75
 Ефимов Николай Павлович (1872–1943), рус. военачальник, воен. разведчик, Генштаба ген.-майор (1915) 102

Ё

«Ёрш», секр. сотр. Бессарабского ГЖУ в годы 1-й мировой войны 511

Ж

Железняк Микола (*Микола Кіндратович Залізняк*; 1888–1950), укр. националист, один из основателей «Союза вызволення України», агент австро-венг. разведки 505
 де Женевиль Анри, агент герм. и австро-венг. разведок в Бухаресте в 1915 479
 Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918), рус. воен. деятель, нач. Генштаба в 1911–1914, Генштаба ген. от инфантерии (1910) 25, 64, 87, 123, 235, 253, 282, 585

Жолинский Иосиф Иосифович (1879–?), рус. военачальник, пом. нач. развед. отделения штаба ОдВО в 1912–1914, Генштаба полк. (1915) 151, 165
 Жомини Антуан-Анри (*Antoine-Henri Jomini*; 1779–1869), рус. и фр. воен. деятель, воен. ученый и теоретик, рус. ген. от инфантерии (1826) 19
 Жреанг, рум. майор 497

З

«Зейлер», «З», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 418
 Заварзин Павел Павлович (1868–1932), рус. деятель полит. сыска, нач. Жанд. управления Одессы в 1912–1916, ген.-майор ОКЖ 216, 313, 447, 504, 525, 567, 568
 Заверуха Емельян, секр. сотр. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 179
 Завойко Василий Степанович, ординарец ген. Л.Г. Корнилова в 1917 559
 Загю Михаил Михайлович (1875–1951), рус. и сов. военачальник, Генштаба ген.-майор (1917) 103
 Зайончковский Андрей Медардович (1862–1926), рус. и сов. военачальник, воен. историк и теоретик, Генштаба ген. от инфантерии (1916) 81, 585
 Закись Иван Петрович, чиновник, сотр. центр. аппарата воен. разведки в 1908–1914 84
 Залдат И.П., сов. чекист, писатель 32, 588
 Залесский Владислав Петрович, глава бюро агентства «Нордзюд» в 1915–1916 460
 Замойский Адам Станиславович, гр., рус. офицер, сотр. Ставки в 1915 459–461
 Занкевич Михаил Ипполитович (1872–1945), рус. воен. деятель, воен. агент в Румынии (1905–1910) и Австро-Венгрии (1910–1913), и.д. ген.-кварти. ГУТШ (1916–1917) 111, 140, 155, 160, 249, 255, 260, 272, 341, 343, 468
 Зафириди Анатолий, эмигрант-анархист в Константинополе в 1912 206
 Звонарёв Константин Кириллович (Звайгзне Карл Кришьянович; 1892–1938), деятель сов. воен. разведки, историк 31–33, 43, 47, 58, 64, 68, 69, 84, 92, 93, 95, 98, 101, 130, 148, 159, 160, 166, 264, 272, 282, 292, 303, 306, 315, 316, 344, 354, 371, 380, 390, 417, 418, 533, 562, 568, 585, 587
 Зданович Александр Александрович, рос. историк, ген.-лейт. 31, 32, 35, 36, 52, 80, 81, 484, 580, 584, 585
 Зеленогоров Неद्याко, глава агентурной организации рус. воен.-мор. разведки в Болгарии в 1915 327, 328, 330, 331, 443, 597, 615, 619
 Зеленой Александр Семенович (1839–?), рус. воен. востоковед и дипломат, воен. агент в Константинополе (1870–1879), Генштаба ген.-лейт. (1890) 115
 Зимос Антон («Григорий Парфенти»), конторщик РДП в Галаце, секр. сотр. Бессарабского ГЖУ 510, 511
 Зирра, комиссар на ж.д. станции Плоешти, секр. сотр. рус. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 179
 Зисис Перикл Петрович, двойной агент рус. воен.-мор. и герм. разведок в 1915 443, 444
 Златолинский Владимир Александрович (1867–1941), рус. военачальник, Генштаба полк. (1911) 99
 Зуев Нил Петрович (1857–1918), рус. деятель полит. сыска, директор Деп. полиции МВД в 1909–1912 189, 194, 199
 Зундблад Александр Оскарович (1872–1937), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1915) 99

И

«И», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 364
 Иванов Григорий, шорник, контрабандист 510
 Иванов Иван Григорьев, шорник, контрабандист, сын Г. Иванова 510
 Иванов Николай Иудович (1851–1919), рус. воен. деятель, главнокомандующий армиями Юго-Зап. фронта в 1914–1916, ген. от артиллерии (1908) 358

Иванов Петр Григорьевич шорник, контрабандист, сын Г. Иванова 510
 Ивахнов Трифон, унтер-офицер ОКЖ, сотр. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 178
 Игнатъев Алексей Алексеевич, гр. (1877–1954), рус. и сов. воен. деятель, воен. агент в Дании, Швеции и Норвегии (1907–1912) и во Франции (1912–1918), Генштаба ген.-майор (1917) 44, 60, 78, 79, 97, 98, 102, 222, 258, 280, 580
 Игнатъев Павел Алексеевич, гр. (1878–1930), рус. воен. разведчик, Генштаба полк. 44, 60, 348, 516, 520, 521–525, 527, 529–534, 536, 543, 545, 550, 553, 554, 565, 580
 Извольский Александр Петрович (1856–1919), рус. гос. деятель, дипломат, мин. иностранных дел в 1906–1910 125, 147, 268, 271, 272
 Изяслав Давыдович (?–1161), черниговский кн. и вел. кн. киевский 35
 Илиев Иван, секр. сотр. рус. разведки в Болгарии в 1915 339
 Илиеску Думитру (*Dumitru Iliescu*; 1865–1940), рум. воен. деятель, ген. секретарь Воен. министерства в 1914–1916, бригадный ген. 518, 519, 526–530, 537, 543, 548, 554
 Илья, кельнер с рус. парохода «Адмирал Кашерининов» на Дунае, вероятный связник австро-венг. разведки 445
 Инаба Чихару, японск. историк 47, 585
 Иностранцев Михаил Александрович (1872–1938), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1915) 98, 99
 Иоанид, рум. офицер-топограф в запасе, секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова 419
 Иоанин Женни, румынка 530, 543
 Ионеску Таке (*Take Ionescu*; 1858–1922), рум. полит. и гос. деятель, лидер Консервативно-демократической партии в 1908–1922 430, 452, 533, 545
 Иосиф I, экзарх (*Екзарх Иосиф I*, в миру Лазар Йовчев; 1840–1915), предстоятель Болг. Православной Церкви в 1877–1915, общ.-полит. деятель Болгарии и Османской империи 326
 Ипсиланти Александр Константинович, кн. (греч. *Αλέξανδρος Υψηλάντης*, рум. *Alexandru Ipsilanti*; 1792–1828), вождь Греч. революции 1821, рус. ген.-майор (1817) 454
 Искрицкий Евгений Андреевич (1874–1949), рус. военачальник, разведчик, воен. агент в Румынии в 1911–1913, Генштаба ген.-лейт. (1917) 101, 129, 158, 159, 249–251, 254, 258, 260, 402

Й

Йованович Мирослав (*Мирослав Јовановић*), серб. историк 15

К

«К», секр. сотр. в Оршове рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 428
 «К-н», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 428
 Каблешков Илья (*Илия Стоянов Каблешков*; 1879–1954), болг. военачальник, воен. атташе в Греции в годы 1-й мировой войны, ген.-майор (1923) 246, 580
 Калиджар, агент штаба рус. Кавказской армии в Болгарии в 1915 322
 Калнин Эммануил Христианович (1855–?), рус. воен. деятель, разведчик, приком. к воен. агенту в Константинополе в 1888–1890, приком. к воен. агенту в Афинах в 1895–1899, воен. агент в Константинополе в 1899–1904, ген.-кварти. штаба ОдВО в 1904–1912, Генштаба ген.-майор (1902) 146, 147, 586
 Калюжный Григорий Васильевич («Крюк», «Григорий Сова», «Григорий Лоза»), секр. сотр. рус. полит. сыска в рев. кругах и в Румынии накануне и в годы 1-й мировой войны 504–511
 Каменский (Каминский, Каминер) Мечислав, двойной агент рус., австро-венг. и герм. разведок в Румынии в годы 1-й мировой войны, авантюрист 419, 424, 425, 434, 477–490, 492

Кандауров Дмитрий Леонтьевич (1880–1945), рус. генштабист, воен. агент в Дании, Швеции и Норвегии в 1914–1917, Генштаба полк. (1914) 109, 110, 466

Кантакудис П., представитель пароходного общества «Паллас» в 1915 59, 255, 433, 581

Кантакузен, рум. офицер-авиатор, секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова 420

Кантакузин (Кантакузен) Михаил Александрович (1840–1891), рус. военачальник, воен. министр Болгарии в 1884–1885, Генштаба ген.-майор 117

Кантуниари (Кантунуари) Михаил, префект полиции Бухареста в 1915 518, 519, 554

Капчев Георгий Иванов, болг. русофил, офицер рус. армии, разведчик 341–343

Капчев-старший Георгий (*Георги Капчев*; ок. 1826–1870), болг. рев. деятель, гарибальдиец, дядя Г.И. Капчева 341

Карагеоргиевичи, Караджорджевичи (*Караџорџевићи*), правящая кн. (1842–1859) и кор. (1903–1941) династия в Сербии и Югославии 25, 175

Карадимов, агент РДП в г. Журжево в 1915 336

Каракановский, подполк. болг. армии в отставке, переводчик рус. воен. агента в Болгарии А.А. Татарина в 1914–1915 276

Карамышев Модест Модестович (1839–1909), камергер имп. двора, тесть Ю.Д. Романовского 230

Карамышева (Романовская) Ольга Модестовна, жена Ю.Д. Романовского 230

Карахан Лев Михайлович (1889–1937), рус. революционер, сов. дипломат, полпред в Китае в 1923–1926 238

Кареев Борис Павлович (1878–?), рус. офицер, Генштаба капитан (1905) 102

Карлотти ди Рипарбелла Андреа, маркиз (*Andrea Carlotti di Riparbella*; 1864–1920), ит. посол в России в 1913–1917 428

Кароль I Гогенцоллерн-Зигмаринген (нем. *Karl Eitel Friedrich Zephyrinus Ludwig von Hohenzollern-Sigmaringen*, рум. *Carol I*; 1839–1914), кн. Объединенного княжества Молдавии и Валахии в 1866–1881, кор. Румынии в 1881–1914 118, 250

Карп Петре (*Petre P. Carp*; 1837–1919), рум. полит. и гос. деятель, премьер-министр Румынии в 1900–1901 и 1911–1912 518

Карпов В.И., командир минно-подрывного дивизиона сов. 7-й армии в 1919 560

Картамышев Петр Алексеевич (1857–?), рус. дипломат, ген. консул в Галаце в 1904–1916 160, 338

Каульбарс Александр Васильевич (1844–1929), рус. воен. деятель, воен. мин. Болгарии в 1882–1883, командующий войсками ОДВО в 1903–1909 155, 156, 160, 165

Каширин Борис Александрович, отец автора книги 14

Каширина Екатерина Васильевна, мать автора книги 14

Квинтовский, рус. жанд. офицер в 1915 492

Квитницкий Леонид Викторович (1878–1918), рус. военачальник, Генштаба полк. (1913) 108

Кедров (Цедербаум) Михаил Сергеевич (1878–1941), сов. гос. деятель, чекист 256

Керсновский Антон Антонович (1907–1944), рус. историк 27, 587

Кёремезли Ибрахим (*İbrahim Köremezli*), тур. историк 16

Керенский Александр Федорович (1881–1970), рус. революционер, полит. и гос. деятель, мин.-председ. Временного правительства в 1917 228, 237

Кетлинский Казимир Филиппович (1875–1918), рус. воен.-мор. деятель, контр-адмирал (1917) 324, 326

Киндлер Жан, секр. сотр. рус. разведки в Румынии в 1915, шантажист 526

Киреева Юлия Валерьевна, рос. архивист 16

«Кирилл» («Александров»), революционер-анархист, секр. сотр. полит. полиции 194, 196

Кириллов, рус. революционер 179

Кирмель Николай Сергеевич, рос. историк спецслужб 52, 590

Кияновский Михаил Иванович (1867–1917), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1916) 153

Клембовский Владислав Наполеонович (1860–1921), рус. военачальник, нач. штаба в 1915–1916, Генштаба ген. от инфантерии (1915) 444, 556

Клочко Александр, контрабандист 505

Кляпс Рудольф, герм. майор, агент герм. разведки в Румынии в 1915 432

Кобу Жан (*Jean Sauboué*), фр. военачальник, глава союзнической комиссии воен. контроля в Греции в 1917, дивизионный ген. 352

Ковальский Феликс Викентьевич, агент разведки штаба рус. 2-й армии в 1915 462, 463

Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), рус. гос. деятель, председ. Совета министров в 1911–1914 155, 156, 514

Колесников Александр Антонович, рос. востоковед, историк 49, 100, 579

Колокотронис, адъютант греч. кор., подполк. 115

Колосов Александр Павлович, рус. офицер, воен. инструктор в Черногории в 1911–1914, полковник (1911) 282

Колпакиди Александр Иванович, рос. историк спецслужб 50, 133, 586

Колпаковский Герасим Алексеевич (1819–1896), рус. воен. деятель, ген. от инфантерии (1885) 133

Колчак Александр Васильевич (1874–1920), рус. воен.-мор., воен. и гос. деятель, Верховный правитель России, адмирал 229, 459

Комаров Г.В., рус. публицист 242

Кондратенко Роберт Владимирович, рос. историк 47, 586

Кононов Иван Анатольевич (1885–1959), рус. воен.-мор. военачальник, офицер штаба дунайской Экспедиции особого назначения в 1916–1917, капитан 1-го ранга (1916) 412

Контушев, агент № 9, секр. сотр. рус. воен.-мор. разведки в Болгарии в 1915 339

Кониюшенкова Наталья Владимировна, рос. историк 16

Копытов Николай Васильевич (1833–1901), рус. воен.-мор. деятель, вице-адмирал (1888) 128

Корзун Лев Игнатьевич, сов. воен. историк, ген.-майор 34, 586

Кормилова Мария, знакомая Г.А. Фарди 383

Корнелиус Карл, секр. сотр. рус. разведки в Болгарии в 1915 320

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), рус. воен. и гос. деятель, разведчик-востоковед, Главноверх в 1917, Генштаба ген. от инфантерии (1917) 49, 99, 100, 559, 583

Королёв А.Г., сов. историк разведки, полк. 34, 43, 450

Корольков Георгий Карпович (1863–1936), рус. и сов. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1917) 102

Кортацци Георгий Иванович (1866–1932), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1914) 99

Косина Франц Вячеславович (1866–?), глава агентурной организации штаба рус. 7-й армии в Турции в 1914–1915 369, 370

Коста-Фору Константин Георге (*Constantin Gheorghe Costa-Foru*; 1856–1935), рум. политик, депутат 518

Костинеску Эмиль (*Emil Costinescu*; 1844–1921), рум. гос. деятель, мин. финансов в 1902–1904, 1907–1910, 1914–1916 430

Кочик Валерий Яковлевич, рос. историк 191, 332, 586

Кравцев Игорь Николаевич, рос. историк 47, 590

Кралевиц Михаил, агент наружного наблюдения Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 178

Краль Франц Францевич (?–1918), инженер, секр. сотр. рус. воен. разведки в Болгарии и Румынии в 1914–1916 318–320, 400, 401, 420, 421, 434, 435, 441

«Крафт Альберт», условный почтовый адрес рус. полит. сыска в Париже в нач. XX в. 194, 585

Кречунеско Константин Дмитриевич («Казимир»; 1871–1914), сотр. рус. полит. сыска, нач. Константинопольского бюро Деп. полиции МВД в 1912–1914, ротмистр ОКЖ 13, 187–189, 196–200, 205, 206, 209–211, 213–218, 313, 402, 538, 614
 Ксенополь Александр Димитрие (*Alexandru Dimitrie Xenopol*; 1847–1920), рум. историк, общ. деятель, член Рум. академии 16, 533
 Кудашев Николай Александрович, кн. (1868–1925), рус. дипломат, директор Дип. канцелярии Ставки в 1914–1916 412, 413, 517, 518
 Кудрявцев Николай Алексеевич (1873–?), рус. военачальник, Генштаба полк. (1914) 109
 Кумаков Андрей Вадимович, рос. историк-краевед 177
 Курганов Лев Филиппович, офицер рус. 22-й Измайльской бригады погран. стражи в 1915, ротмистр 507–509
 Куриско Игнат, унтер-офицер ОЖК, сотр. рус. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 180
 Курлов Павел Григорьевич (1860–1923), рус. гос. деятель, товарищ мин. внутренних дел, командир ОКЖ в 1909–1911, ген.-лейт. (1910) 200, 202, 209, 515, 549
 Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), рус. воен. деятель, воен. министр в 1898–1904, Генштаба ген. от инфантерии (1900) 96, 120, 121, 123, 135, 136, 148, 153
 Кутепов Александр Павлович (1882–1930), рус. воен. деятель, председ. РОВС в 1928–1930, ген. от инфантерии (1920) 83, 257
 Куцаров Страшимир, бомбардир болг. береговой артиллерии, свидетель на процессе группы Н. Зеленогорова в 1915 331
 Кушелев 1-й Кирилл Владимирович, рус. офицер л.-гв. Конного полка, команд. в распоряжение воен. агента в Турции в 1911, поручик 284
 Кюрц Илья Романович («Короленко»; 1873–1931), секр. сотр. рус. воен. разведки и полит. сыска, авантюрист 513–533, 536, 537, 540, 541, 545, 546, 549–561, 564, 565, 568
 Кюрц Жоржетта Ильинична, дочь И.Р. Кюрца 561
 Кюрц Селина Юзефовна, жена И.Р. Кюрца 515

Л

«Л», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 418
 Лаврентьев, представитель рус. полит. сыска (?) 481
 Лазареску, секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1915 530
 Лайминг Роберт, секр. сотр. рус. полит. сыска в Галаце в нач. XX в 199, 210
 Лакса Владимир (*Wladimir Laxa*; 1870–1945), австро-венг. воен. атташе в Болгарии в 1911–1916, ген.-майор (1918) 317, 319
 Лалков Милчо (*Милчо Димитров Лалков*), болг. историк 562, 563, 586
 Ламбрей (Ламбрехт) Жанна, танцовщица 530
 Ламбринос Иосиф, секр. сотр. рус. воен.-мор. разведки в 1916, двойной агент 338, 444
 Ламздорф (Ламсдорф) Владимир Николаевич, гр. (1844–1907), рус. дипломат, мин. иностранных дел в 1900–1906 120–122, 175
 Лампе Алексей Александрович, фон (1885–1967), рус. военачальник, Генштаба подполк. (1916) 412
 Лангусси Михаил, капитан парохода «Барлетта» в 1915 329
 Лапинский Антон, издатель, секр. сотр. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 179
 Ларетей Анна Юрьевна, сотр. рус. контрразведки в 1911–1915 488, 489
 Ларин Егор Иванов, купец в Яссах в 1915 483
 Ласточкин Владимир Гурьевич (1871–1920), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1915) 102
 «Леандр», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 418, 419
 Лебедев Павел Павлович (1872–1933), рус. военачальник, ген.-квартир. штаба Зап. фронта в 1915–1917, Генштаба ген.-майор (1915) 99, 272, 336, 563, 586

Левдиков Владимир Алексеевич, сотр. рус. полит. сыска, нач. Одесского охранного отделения в 1907, полк. ОКЖ 183, 184, 187, 199, 200, 213
 Левкович П.П. см. Гудим-Левкович П.П.
 Левшин Дмитрий Федорович (1876–1947), рус. военачальник, ген.-майор (1915) 282
 Леер Генрих Антонович (1829–1904), рус. воен. деятель, ученый, Генштаба ген. от инфантерии (1896) 19, 28, 586
 Лейша (Иван Карлович фон Шмидт), подпрапорщик рус. армии, агент разведки штаба в Яссах в 1915 482, 483
 Лемке Михаил Константинович (1872–1923), рус. и сов. историк, офицер Ставки в 1915–1916, штабс-капитан 260, 396, 409, 410, 439, 442, 444, 580
 Ленчевский Владимир Владимирович («Лобанов»), сотр. рус. полит. сыска, глава Константинопольского бюро Деп. полиции МВД в 1910–1912 187, 189, 190, 195, 196, 198, 202–210, 212
 Леонтович Евгений Александрович (1862–?), рус. военачальник, воен. агент в Бухаресте и Белграде в 1899–1901, в Белграде, Софии и Цетинье в 1901–1902, в Белграде и Цетинье в 1902, Генштаба ген.-лейт. (1914) 75, 120–122, 274
 Леонтьев Максим Николаевич (1871–1948), рус. воен. деятель, разведчик, воен. агент в Румынии в 1901–1905, в Болгарии в 1905–1911, в Турции в 1913–1914, и.д. ген.-квартир. ГУГШ в 1914–1916, Генштаба ген.-майор (1913) 85, 111, 121, 123, 138–143, 217, 219, 225, 226, 260, 275, 276, 285, 293, 294, 316, 317, 321, 342, 344, 345, 347, 348, 350, 399, 403, 407, 419–423, 424, 425, 427, 434, 441, 448, 454–456, 459, 473, 480, 482, 491, 494, 496, 497, 520, 523, 531, 538–541, 543, 544, 548, 550, 552–555, 566
 Лефтеров Парамон («Матвеев»), рыбацкий староста, контрабандист, секр. сотр. рус. погран. стражи 508, 509
 Ливен Доминик Христофор Богдан (*Dominic Christopher Bogdan Lieven*), брит. историк 15
 Ливенцев Николай Денисович (1870–?), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1915) 102
 Лиддел-Гарт Бэзил Генри (*Sir Basil Henry Liddell Hart*; 1895–1970), брит. воен. историк и теоретик 27
 фон Линде Мариан (Мариус), резидент герм. разведки в Бухаресте в 1915 494
 Литтерман А.Я., уполномоченный Реввоенсовета, член подпольной организации Нац. центра в Петрограде в 1919 560
 Лонткиевич Бранислав (серб. *Бранислав Лонткијевић*; 1873–1921), серб. военачальник, воен. атташе в России в 1914–1917, полковник 309
 Лопухин Алексей Александрович (1864–1928), рус. суд. и адм. деятель, директор Деп. полиции МВД в 1902–1905 184
 Лудшувейт Евгений Фёдорович, сов. историк-востоковед 57, 586
 Луковкин Гавриил Амвросиевич (1772–1849), рус. военачальник, герой Наполеоновских войн, ген.-майор (1813) 500
 Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1914) 135, 361, 580
 Людсканов Александр (*Александър Кочов Людсканов*; 1854–1922), болг. полит. и гос. деятель, член Прогрессивно-либеральной партии 331
 Люкачиу Василе (*Vasile Lucaci*; 1852–1922), деятель рум. нац. объединения, уроженец Трансильвании, депутат парламента Румынии с 1916 522
 Люндеквист Владимир Яльмарович (1884–1920), рус. офицер, член подпольной организации Нац. центра в Петрограде в 1919, Генштаба подполк. (1917) 560
 Ляхов Владимир Платонович (1869–1920), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. 103

М

Маврокордато, унтер-офицер из вольноопределяющихся, коммерсант, сотр. развед. отделения штаба рус. 7-й армии 365

Маевский Владимир Теофилович (1857–?), рус. генштабист, разведчик, востоковед. Генштаба ген.-майор (1916) 103

Майер Людвиг Андреевич (1878–1936), рус. генштабист, сотр. центр. аппарата воен. разведки, воен. агент в Бельгии и Голландии в 1914–1916, Генштаба полк. (1914) 84, 106, 110, 258, 281

Макалинский 1-й Александр Александрович (1867–1945), рус. воен.-мор. агент в Греции в 1914–1917, кап. 1-го ранга 129, 247, 326, 351, 352

Макаров И.С., рос. историк разведки 38, 39, 192, 586

фон Макензен Август (*Anton Ludwig Friedrich August von Mackensen*; 1849–1945), герм. военачальник, ген.-фельдмаршал 350

Максвелл Джон Гренфелл (*Sir John Grenfell Maxwell*; 1859–1929), брит. военачальник, командующий брит. войсками в Египте в 1914–1916 346

Максимилиан I, Фердинанд Максимилиан Иосиф фон Габсбург (*Ferdinand Maximilian Joseph von Habsburg, Maximilian I*; 1832–1867), имп. Мексики (1864–1867) 423

Максимов, сотр. рус. секр. служб 481

Максутов В.П., журналист 5-го (Особого) делопроизводства ГУГШ в 1908–1914 84

Макшеев Федор Андреевич (1855–1932), рус. генштабист, воен. писатель, Генштаба ген.-майор 20, 90, 586

Малявин Борис Семенович (1876–1938), рус. генштабист, Генштаба ген.-майор (1917) 84

Мамедов Мамед Гаджи Рашидович, переводчик Константинопольского бюро Деп. полиции МВД в 1914 207, 208, 216

Мамонтов Николай Петрович (1884–?), рус. военачальник, воен. журналист, полк. (1916) 393, 580

Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869–1918), журналист, сотрудник рус. полит. сыска, авантюрист 349

Мандражи Владимир Юрьевич, ротмистр ОКЖ, нач. погран. пункта в Рени в 1915 302, 415, 444, 492, 501–503, 523, 524, 526

Мандринеску см. Мындреску

Манолов Савва Иванович, бывш. капитан Болг. пароходного общества, секр. сотр. рус. воен.-мор. разведки в 1915 329, 330

Мансуров Павел Борисович (1860–1932), рус. дипломат, 1-й секретарь рус. миссии в Сербии в 1898–1903 175

Ману Иоан (*Ioan Manu*; 1844–1922), рум. ген.-адъютант 533

Мануилов см. Манасевич-Мануйлов И.Ф. 349

Маргаритезен, вдова 530

Маргилومان Александру (*Alexandru Marghiloman*; 1854–1925), рум. полит. и гос. деятель, премьер-министр Румынии в 1918 518

Маржиль Елена, любовница В. Давидовича, агент герм. разведки в Бухаресте в 1915 480

Маринов Иван, моряк с яхты «Единство», член диверсионной группы А.М. Прудкина в 1941 333

Мария Румынская (*Maria a României*; 1875–1938), кор. Румынии в 1914–1927, супруга кор. Фердинанда I 532

Мария Павловна, вел. кн. (урожд. Мария Александрина Элизабета Элеонора Мекленбург-Шверинская, нем. *Marie Alexandrine Elisabeth Eleonore von Mecklenburg-Schwerin*; 1854–1920), супруга вел. кн. Владимира Александровича 546

Марков Сергей Леонидович (1878–1918), рус. военачальник, сотр. центр. аппарата воен. разведки, военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1917) 41, 84, 237, 470, 473

Марков Тодор (*Todor Markov Markov*; 1870–1950), болг. военачальник, воен. атташе в Константинополе в 1913–1916, ген.-майор (1917) 327, 329

Маркович, полк. серб. Главного Генштаба в 1914 281

Маркс Никандр Александрович (1861–1921), рус. военачальник, нач. штаба ОдВО в 1916–1917, Генштаба ген.-лейт. (1913) 81, 334, 341, 342, 355, 357–359, 363, 365, 366, 378, 380–385, 401, 535, 563

Марку (Марки) см. Де-Марки Джузеппе

Марморштейн Григорий Михайлович (?–1901), участник рев. движения в России 179

Мартон, корреспондент информационного агентства «Гавас» в Афинах в 1915 349

Мартынов Александр Павлович (1875–1951), рус. жанд. офицер, полковник ОКЖ (1915) 173

Мартынов Евгений Иванович (1864–1937), рус. военачальник, воен. писатель, Генштаба ген.-лейт. (1910) 102, 242, 580

Марченко Митрофан Константинович (1866–1932), рус. генштабист, воен. агент в Австро-Венгрии в 1905–1910, Генштаба ген.-майор (1912) 111, 249, 301

Маршал Алекс (Alex Marshall), англ. историк 49

Масарик Томаш Гарриг (*Tomáš Garrigue Masaryk*; 1850–1937), чеш. общ. и гос. деятель, президент Чехословакии в 1918–1935 319, 435

Масловский Евгений Васильевич (1876–1971), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1916) 108

Матеева Елена, агент австро-венг. разведки в Бухаресте в 1915 492

Мацкий, поручик, командир Унгенского отряда рус. 21-й бригады погран. стражи в 1916 359

Медем Николай Васильевич, барон (1798–1870), рус. воен. ученый, ген. от артиллерии 19

Мезенцов (Мезенцев) Борис Александрович (1877–1931), рус. и сов. артист оперы, агент разведки штабюза в Румынии в 1915–1916 532–535, 589

Мезенцов Николай Владимирович (1827–1878), рус. гос. деятель, шеф жандармов в 1876–1878 189

Мелас Георгий Анастасьевич («Заманов»), секр. сотр. рус. полит. сыска на Балканах в 1889–1907, шантажист 179, 185–187, 195–197, 199, 204

Мелисаратос Маки, содержатель шинка в Галаце, глава диверсионной группы австро-венг. разведки в 1915 510

Менгден П.И., барон, офицер штаба Киевского воен. округа в 1915 475

Менделеев Александр Александрович, рус. дипломат, консул в Яссах в 1914–1915 414, 415

Меннинг Брюс Уильям (*Bruce W. Menning*), амер. историк 15, 47, 51, 53, 93, 134

Меньшов Орест Владимирович (1878–?), рус. генштабист, ст. адъютант развед. отделения штаба 7-й армии в 1915–1916, Генштаба ген.-майор (1917) 151, 221, 355, 356, 359, 368, 371, 373, 374, 541

Мерзляков Владимир Михайлович, рос. историк спецслужб 52

Милан IV Обренович (*Милан Обреновић*; 1854–1901), кн. Сербии в 1868–1882, кор. Сербии в 1882–1889 под именем Милан I 120, 175, 176

Милеант Георгий Сергеевич (?–1916), рус. офицер, переводчик развед. отделения штаба ОдВО, капитан 363, 364

Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867–1939), рус. воен. деятель, Генштаба ген.-лейт. (1914) 257,

Миллер Оттон, бельг. консул в Одессе в 1915 523

Милорадович Горан (*Горан Милорадовић*), серб. историк 15, 243, 587

Мильштейн Михаил Абрамович, деятель сов. воен. разведки, воен. писатель, ген.-лейт. 34, 587

Милоков Павел Николаевич (1859–1943), рус. общ., полит., гос. деятель, историк 515, 536

Милютин Дмитрий Алексеевич, гр. (1816–1912), рус. воен. деятель, воен. мин. в 1861–1881, ген.-фельдмаршал (1898) 90, 94, 115, 116, 221, 580

Минут Виктор Николаевич (1868–1934), рус. генштабист, сотр. центр. аппарата воен. разведки, Генштаба ген.-лейт. (1915) 95

Мирко (Дмитрий) Петрович-Негош (*Мирко Петровић-Његош*; 1879–1918), черногорский принц, 2-й сын кор. Николы I 118
«Михаил», секр. сотр. рус. полит. полиции в Румынии в 1915 501
Михайлеску, лейт. рум. флота, тайный информатор рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1915 420
Михайлов, градоначальник Варны, секр. сотр. рус. полит. сыска с 1911 214
Михайлов, письмоводитель рус. консульства в Галаце, секр. сотр. рус. воен. разведки 160
Михайлов Виктор Иванович (1872–1937), рус. и сов. военачальник, Генштаба ген.-майор (1917) 102
Михайлов Дмитрий Михайлович (1872–1939), рус. военачальник, штаб-офицер для поручений при штабе ОдВО в 1908–1911, Генштаба ген.-майор (1916) 153
Михали, агент И.Р. Кюрца в 1915 523
Михельсон Александр Александрович (1864–?), рус. генштабист, сотр. центр. аппарата воен. разведки, Генштаба ген.-лейт. (1917) 69, 70, 94, 95
Мищенко Александр Евстафьевич, сотр. рус. полит. сыска, завед. Балканск. агентурой Деп. полиции МВД в 1886–1890 168, 169
Можайский Александр, рус. офицер, подпоручик л.-гв. 1-го стрелкового его величества полка, пом. рус. воен. агента в Болгарии (1915) и в Румынии (1915–1916) 236, 275, 298, 299, 300
Молдовяну Аурелиан (*Aurelian Moldoveanu*), беженец из Буковины, двойной агент рус. и австро-венг. разведок в Бухаресте в 1915 481, 482
Моллов Русчу (Гавриил) Георгиевич (1867–1925), рус. гос. деятель, директор Деп. полиции МВД в 1915, болгарин по происхождению 340, 342
Молчанов Е.Д., вахмистр ОКЖ в нач. XX в. 180
фон Мольтке Хельмут Карл Бернхард, гр. (*Helmuth Karl Bernhard von Moltke*; 1800–1891), герм. воен. деятель, воен. теоретик, герм. ген.-фельдмаршал (1871), рус. ген.-фельдмаршал (1872) 20, 25, 136, 583
«Моманов Иван Мефодиевич», условный почтовый адрес рус. полит. сыска в С.-Петербурге для связи с секр. сотр. А.М. Прудкиным 194
Момчилов Иван (*Иван Стоянов Момчилов*; 1868–1927), болг. полит. деятель, зам. председ. Нар. собрания Болгарии в 1913–1919 319
Монигетти, поручик 49-го Брестского пех. полка 360
Монкевич Николай Августович (1869–1926), рус. воен. деятель, руководитель воен. разведки в 1908–1914, Генштаба ген.-лейт. (1916) 41, 75–84, 86, 87, 98, 99, 103, 107, 130–132, 138, 152, 153, 226, 254, 258, 259, 265, 266, 273, 277, 278, 283, 287, 294, 300, 496
Монкевиц Сергей Николаевич, сын Н.А. Монкевица 82
Морголи, прапорщик л.-гв. Измайловского полка в 1915 298
Морель Николай Михайлович (1869–1920), рус. генштабист, воен. разведчик, пом. воен. агента в Японии в 1913–1917, Генштаба полк. (1914) 84, 110
Мориц Александр Арнольдович (1861–1936), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1912) 105
Москофьян Хачатур, бывш. священник армянской церкви в Бухаресте, авантюрист 496
Мосолов Александр Александрович (1854–1939), рус. воен., придворный чиновник, дипломат, посланник в Румынии в 1916–1917, ген.-лейт. 274, 275, 405, 406, 556
Мотылёв Александр Александрович, секр. сотр. рус. полит. сыска на Балканах в 1882–1914, сотр. КРО штаба ОдВО в 1916 171, 179, 185, 188, 198, 201, 210–212
«Мошка-Ястреб» (Моисей Вейсман), винницкий мещанин, отец А.М. и С.М. Вейсманов 180
Мстислав Изяславич, (ок. 1125/1126–1170) кн. Переяславский, Луцкий, Волынский и вел. кн. Киевский 35
Муев Сергей Владимирович (1876–?), офицер рус. контрразведки, нач. КРО штаба 2-й армии в 1915, подполк. ОКЖ 462

Муханов Александр Владимирович (1874–1941), рус. генштабист, Генштаба ген.-майор (1916) 102, 108
Муханов Георгий Александрович (1870–1933), рус. генштабист, воен. агент в Греции в 1916–1917, Генштаба полк. (1915) 247, 248, 348, 351–354
Мындреску Симион (*Simion C. Mândrescu*; 1868–1947), деятель движения рум. нац. объединения, профессор 452, 453
Мэй Эрнест (*Ernest Richard May*), амер. историк 36
Мюраур Жан-Андре, вице-консул Аргентины в Москве, помощник И.Р. Кюрца 524, 525
Мясоедов Сергей Николаевич (1865–1915), полк. рус. армии, казнен по сфабрикованному обвинению в шпионаже 518

Н

Нагаев Виктор Владимирович (1863–1938), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1915) 54, 73, 90, 91, 582
Надёжный Дмитрий Николаевич (1873–1945), рус. и сов. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1917) 225, 582
Наимский Сигизмунд-Иосиф Александрович, журналист, глава бюро агентства «Нордзюд» в Бухаресте в 1915–1916 460, 462, 463, 465–468, 495
Найдёнов Иван Иванович (1878–?), рус. офицер воен.-мор. судебного ведомства, сотрудник дунайской Экспедиции особого назначения, резидент в Бухаресте, подполковник (1916) 441
Нарбут Михаил Андреевич (1857–?), командир 21-й Скулянской бригады погран. стражи в 1915, полк. 400
Небель Х., доктор, корреспондент герм. газеты «Локаль Анцейгер» в Бухаресте в 1915 479
Невтонова, левница 532
Неклюдов Анатолий Васильевич (1856–1943), рус. дипломат, посланник в Болгарии в 1911–1914, мемуарист 273, 274
Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938), рус. дипломат, товарищ мин. иностранных дел в 1910–1917 277, 278, 320, 322, 371, 517
Нешкин Михаил Сергеевич, рос. историк-архивист 16
Нидермиллер Александр-Эдуард Георгиевич, фон (1878–?), рус. генштабист, нач. развед. отделения штабуза в 1914, Генштаба полк. (1916) 470
Никигин Владимир Николаевич (1848–1922), рус. военачальник, командующий войсками ОдВО в 1912–1914 и командующий 7-й армией в 1914–1915, ген. от артиллерии (1910) 335, 341
Никифоров Константин Владимирович, рос. историк 17
Никола I Петрович-Негош (*Никола I Петровић-Његош*; 1840–1921), кн. Черногории в 1860–1910, кор. Черногории в 1910–1918 117, 608
Николаев Александр Михайлович (1876–1967), рус. разведчик, воен. агент в США в 1916–1917, Генштаба полк. (1912) 69
Николаи Вальтер (*Walter Nicolai*; 1873–1947), герм. воен. деятель, глава воен. разведки в 1913–1919, полк. 316, 389, 398, 429
Николай, архимандрит, священник рус. миссии в Болгарии в 1915 326
Николай I Павлович (1796–1855), рос. имп. (1825–1855) 9, 89, 237, 340
Николай II Александрович (1868–1918), рос. имп. (1894–1918) 9, 30, 42, 66, 67–70, 77, 79, 90, 92, 96, 120, 129, 146, 149, 150, 154, 158, 159, 168, 198, 224, 225, 231, 236, 250, 251, 254, 257, 263, 268, 272, 276, 262, 283, 295, 350, 351, 406, 409–412, 436, 438, 439, 484, 546, 579, 580
Николай Николаевич Романов (младший), вел. кн. (1856–1929), рус. воен. и гос. деятель, Главноверх в 1914–1915 180, 396, 411, 459, 484, 516, 547, 580
Никольский Владимир Павлович (1873–1960), нач. штаба ОКЖ в 1913–1917, ген.-майор (1915) 217, 218, 538,

Никольский Евгений Александрович (1869–1938), рус. офицер, сотр. центр. аппарата воен. разведки в 1903–1908, член воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1908–1909, капитан 60, 68, 74–76, 95, 156, 258, 580

Николяну (в рус. документах Никулеано, Николеско) Эракле (*Eracle Nicoleanu*), полк. рум. армии, глава развед. отделения Генштаба Румынии в 1915 420, 518–521, 554

Нищенко Алексей Аркадьевич (1882–1934), рус. мор. офицер, пом. флаг-капитана оперативной части штаба командующего Черноморским флотом с 1914, каперанг 323–326, 329, 444

Нордберг Константин Федорович (1862–?), деятель рус. полит. сыска, нач. Бессарабского ГЖУ накануне и в годы 1-й мировой войны, полк. ОКЖ 218, 219, 447, 503, 504, 506, 507, 511, 512, 525, 541–543

Носков Александр Александрович (1877–?), рус. генштабист, нач. развед. отделения штаба юза в 1914–1915, Генштаба ген.-майор (1917) 103, 470, 516

Нэпир Генри Дандас (*Henry Dundas Napier*; 1864–1941), брит. воен. дипломат, воен. атташе в России (1903–1907), в Болгарии и Сербии (1908–1911), в Болгарии и Румынии (1914–1915), подполк. 246

О

«О-р», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в Будапеште в 1914 418

Обручев Николай Афанасьевич (1864–1929), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1915) 133, 276

Обручев Николай Николаевич (1830–1904), рус. воен. деятель, нач. Главного штаба в 1881–1897, Генштаба ген. от инфантерии (1887) 19, 20, 25, 90, 117, 285, 583

Овсяный Николай Романович (1847–1913), рус. воен. писатель, историк, ученый-балканист, Генштаба ген.-майор (1909) 115, 117, 587

Озаян Андраник Торосович (1865–1927), деятель арм. нац.-освободительного движения, военачальник, ген.-майор рус. армии (1918) 196

«Озеров» Антон см. Прудкин А.М.

«Окунь», секр. сотр. Бессарабского ГЖУ в годы 1-й мировой войны 511

Олеховский Густав, глава бюро агентства «Нордзюд» в Копенгагене в 1915–1916 460, 467

Орел (Хохберг) Иоганн, двойной агент рус. и австро-венг. разведки в Бухаресте в 1915 490, 491, 499

Орешану (Арешану) Нику, рум. промышленник, осужденный в России за шпионаж в 1915 429, 430, 523

Орлов Владимир Григорьевич (1882–1941), рус. деятель контрразведки, воен. следователь Ставки в 1915–1916, действительный статский советник 52, 80, 81, 180, 516, 518, 580

Осадчук Иван Осипов, сотр. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 178, 180, 185, 189, 193, 201, 210–212

Отратилеску (?), предполагаемая фамилия офицера рум. Генштаба, предлагавшего сотрудничество рус. воен. разведке в 1914 164

Отт Алексей, агент герм. разведки в Бухаресте в 1915 476

П

Павлов Дмитрий Борисович, рос. историк 47, 48, 176, 587

Павловская Вера Яковлевна, сожительница А.И. Будзиловича в Бухаресте 598

Пайану (Паяно) Константин (Дину), офицер рум. артиллерии, полк. 549, 551

Пайзанский Семен Митрофанович (1871–?), офицер рус. 22-й Измаильской бригады погран. стражи, ротмистр 511

Палеолог Жорж Морис (*Georges Maurice Paléologue*; 1859–1944), фр. политик, дипломат, посол в России в 1914–1917 515

Палицын Виктор Александрович (1879–?), рус. генштабист, воен. агент в Румынии в 1916–1917, Генштаба полк. (1915) 112, 151, 152, 274, 275, 343, 404–406, 548

Палицын Федор Федорович (1851–1923), рус. воен. деятель, нач. Генштаба в 1905–1908, Генштаба ген. от инфантерии (1907) 21, 68, 77, 125, 131, 135, 136, 139, 141, 148, 149, 155, 259, 268, 271, 272

Панаитеску (Панайотеску, Панаитеско) Ион (Янку), «Иванович» (*Ion/Iancu Panaitescu*; 1875–1929), рум. деятель полит. сыска, шеф сигуранцы в 1903–1919 199, 200, 218, 401–406, 420, 424, 430, 480, 482, 490, 494, 497, 518, 519, 521, 524, 526, 554, 562

Панайотов Иван, 3-й офицер болг. парохода «Борис» в 1915 327

Панайотов Христо, фиктивный почтовый адрес рус. воен.-мор. разведки 323

Панафидин Петр Егорович (Георгиевич), рус. дипломат, ген. консул в Константинополе в 1910 204

Пападопулу Калиман, агент герм. разведки в Бухаресте в 1915 495

Папас, корреспондент «Эко де Пари» в Афинах в 1915 349

Папастратигакис Николаос, греч. историк 15

Паренсов Петр Дмитриевич (1843–1914), рус. воен. деятель, разведчик, Генштаба ген. от инфантерии (1901) 393, 394, 580

Парский Дмитрий Павлович (1866–1921), рус. и сов. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1915) 99

Партения Илие, офицер штаба рум. IV армейского корпуса, капитан, тайный информатор рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова 419

Паспатти, рум. служащий в 1915 554

Певцов Михаил Григорьевич (1873–1914), рус. офицер-востоковед, член рус. воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1904–1909, капитан 100, 127, 587

Пекарский Витольд Федосеевич («Закони»), бывш. революционер-народник, секр. сотр. Балк. агентуры Деп. полиции МВД 189, 201

Переудова Зинаида Ивановна, рос. историк 33, 168, 173, 181, 185, 515, 580, 587

Перлин Нахман (Александров Наум; 1859–?), рус. революционер, агент-provokator полит. полиции, секр. сотр. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в кон. XIX – нач. XX в. 179

Перссон Гудрун (*Gudrun Persson*), швед. историк 51

Пестич Евгений Филимонович (1866–1919), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1910) 102

Петерсон А.П., ротмистр ОКЖ в 1907 180

Петков, агент № 7, секр. сотр. рус. воен. разведки в Болгарии в 1915–1916 338, 339

Петков Добри (*Добри Петков Петков*; 1859–1932), болг. полит. деятель 319

Петр I Алексеевич, Великий (1672–1725), царь всея Руси в 1682–1721, имп. всероссийский в 1721–1725 24

«Петров», префект полиции Филиппополя (Болгария), секр. сотр. рус. полит. полиции в 1914 214

Петров Александр Александрович, рос. историк 16

Петров В.А., рос. историк 48, 51, 52, 224, 322, 397, 579, 587

Петров В.Я., ком. роты 4-го минноподрывного дивизиона сов. 7-й армии, член антисов. подпольн. группы в 1919 560

Петров Петр, болг. моряк, член диверс. группы А.М. Прудкина в 1941 333

Петров Рачо (*Рачо Петров Стоянов*; 1861–1942), болг. воен. и гос. деятель, мин.-председ. в 1901 и 1903–1906, ген. пехоты (1936) 318

Петров С.А., рос. историк 48, 587

Петровская Н.В. («Мисс»), активистка подпольной организации Нац. центра в 1919 560

Пещуров Алексей Алексеевич (1834–1891), рус. воен.-мор. военачальник, вице-адмирал (1882) 128

Писарев Юрий Алексеевич, сов. историк-сербист, академик 57, 239, 240, 243, 244, 272, 587, 590

Пичахчи Александр Анастасьевич, офицер рус. дунайской Экспедиции особого назначения, резидент в Журжеве в 1915–1916, поручик 338, 339

Пишон Жюль (*Jules Pichon*; 1877–1949), фр. воен. атташе в Румынии в 1914–1916, капитан 421

Плакса (Щуцкой) Борис Иосифович (1870–1964), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1915) 99

Платов Сергей Александрович (1865–1920), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1913) 69, 75

фон Плевне Вячеслав Константинович (1846–1904), рус. гос. деятель, мин. внутренних дел в 1902–1904 168

Пневский Николай Вячеславович (1874–1928), рус. и сов. военачальник, Генштаба ген.-майор (1916) 102, 153

«Пограничный», секр. сотр. рус. полит. полиции в Румынии в 1915 501

Подвойский Николай Ильич (1880–1948), революционер, большевик, сов. партийный, воен. и гос. деятель 256

Поклевские-Козелл (нужна ли справка на фамилию в целом?) 406, 407, 587

Поклевский-Козелл Альфонс Фомич (1809–1890), сибирский промышленник и купец, отец С.А. Поклевского-Козелл 406, 407

Поклевский-Козелл Викентий Альфонсович, ст. сын и наследник А.Ф. Поклевского-Козелл 407

Поклевский-Козелл (Поклевский) Станислав Альфонсович (1868–1939), рус. дипломат, посланник в Румынии в 1913–1916 и 1917 274, 334, 400, 406–414, 439–441, 447, 516, 517, 520, 530, 537, 541, 542, 545, 553

Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920), рус. воен. деятель, воен. мин. в 1915–1916, Генштаба ген. от инфантерии (1911) 70, 71, 97, 139, 148, 152, 342, 544, 545, 550, 555

Политов Иоанн Иоаннович, протоиерей, священник рус. миссии в Бухаресте в 1914–1915 408, 440

Полтанов Николай Николаевич (1869–?), член рус. воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1904–1909, полк. (1915) 127

Померанцев Дмитрий Семенович (1853–?), деятель рус. полит. сыска, нач. Жанд. управления Одессы в 1907–1912, ген.-майор (1909) 189, 194, 200, 219–211

Поппен Георгий (Георгий-Карл-Вильгельм-Яков) Васильевич, фон (1851–1924), рус. военачальник, разведчик, воен. агент в Бухаресте и Белграде в 1888–1889, Генштаба ген.-лейт. (1904) 119

Попов, штабс-капитан рус. армии 106

Попов Василий Федорович (1871–?), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1916) 99

Попович, агент наружного наблюдения рус. полит. полиции 501

Порумбару Эmanoил (*Emanoil Porumbaru*; 1845–1921), рум. гос. деятель, дипломат, мин. иностранных дел в 1914–1916 530, 536

Потапов Николай Михайлович (1871–1946), рус. и сов. воен. деятель, воен. агент в Черногории в 1903–1916, Генштаба ген.-лейт. (1917) 58, 59, 111, 112, 123, 124, 255–257, 260, 263, 274, 276, 282, 286, 300, 310, 311, 358, 580

Потоцкий Иосиф, гр., отец К. Потоцкого 423

Потоцкий Карл, гр., секр. сотр. рус. воен. разведки в Румынии и Болгарии в 1914–1916 423

Потоцкий Сергей Николаевич (1877–1954), рус. воен. разведчик, воен. агент в Бельгии и Нидерландах (фактически – в Дании) в 1914–1917, Генштаба ген.-майор (1917) 49, 102, 110, 383, 384, 424

Прессино Константин, секр. сотр. рус. полит. полиции в Константинополе в нач. XX в. 189, 201

Прест, агент герм. разведки в Румынии 506

Пречан, прапорщик, пом. рус. воен. агента в Греции в 1917 352

Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888), рус. воен. разведчик, путешественник, ученый востоковед, Генштаба ген.-майор (1886) 49

Приллингер (Прелингер) Амалия (Амелия), сценический псевд. Гузарда, агент австро-венг. и герм. разведок в Бухаресте в 1915–1916 477

Примаков Евгений Максимович, рос. гос. деятель, академик 38, 561, 587

Прокудин Дмитрий Гаврилович (1885–1931), участник рев. движения в Тульской губ., анархист 493

Протопопов Александр Павлович (1849–1909), рус. воен. деятель, воен. агент в Греции в 1881–1888, Генштаба ген. от инфантерии (1907) 115, 116, 146

Протопопов Николай Иванович (1853–?), рус. военачальник, воен. агент в Болгарии в 1903–1904, Генштаба ген. от инфантерии (1916) 122, 139, 268, 270, 271

Прохоров В.А., нач. КРО штаба 9-й армии в 1916, ротмистр ОКЖ

Прохоров Дмитрий Петрович, рос. историк 50, 557, 586

Прудкин Антон Макарович («Озеров», «Такварьян»; 1880–1942), болг. моряк, революционер, террорист, секр. сотр. рус. полит. сыска и воен.-мор. разведки, сов. воен. разведки 179, 185, 190–198, 327–329, 331–333, 580

Прудкин Макар (Макарий) Климентиевич, отец А.М. Прудкина 191

Прудкин Яков Макарович, брат А.М. Прудкина 191

Прудкина Гицка, мать А.М. Прудкина 191

Прудкина Мария Федоровна, жена А.М. Прудкина 333

Пулька, трансильванский румын, агент наружного наблюдения рус. агента в Румынии Б.А. Семёнова 425

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), рус. полит. деятель ультраправого толка, депутат 2-й, 3-й и 4-й Гос. думы 438, 439, 580

Пустовойтенко Михаил Саввич (1865–?), рус. военачальник, ген.-квартир. Ставки в 1915–1916, Генштаба ген.-лейт. (1916) 299, 300, 362, 419, 442, 443, 467, 468, 470, 472, 473, 546, 553, 562, 563, 565, 566, 568, 569

Пустошкин Константин Павлович (1859–1922), рус. дипломат, ген. консул в Яссах в 1912–1914 158, 162–164, 409, 411

Пустяков Даниил, бывш. матрос-«потёмкинец», агент австро-венг. разведки в Румынии в 1914–1915 505, 508–510

Пучерее, аптекарь в г. Силистрия, участник четнического движения в Македонии, информатор В.Г. Янчевецкого 451, 452

Р

Рабе фон Паппенгейм Вернер (*Werner Rabe von Pappenheim*; 1877–1915), герм. воен. атташе в Китае, Генштаба капитан 318

Рабский Владислав Максимилианович, доктор, журналист, глава бюро агентства «Нордзюд» в Стокгольме в 1915–1916 460, 466

Рагозин Константин Львович (1878–?), рус. дипломат, вице-консул в Варне в 1912–1915 214, 305, 327–329

Радев Симеон (*Симеон Трайчев Радев*; 1879–1967), болг. писатель, историк, революционер, дипломат, посланник в Румынии в 1913–1916 525

Радославов Васил (*Васил Христов Радославов*; 1854–1929), болг. полит. и гос. деятель, лидер Либеральной партии, мин.-председ. Болгарии в 1886–1887 и 1913–1918 316, 319, 320

Райку Савва, глава австро-венг. развед. организации в 1915 494

Раковский Христиан Георгиевич (болг. *Кръстьо Раковски*; рум. *C[hr]istian Racovschi*; 1873–1941), революционер, сов. полит. и гос. деятель, дипломат 505

Ральевич Сергей Матвеевич, офицер Бессарабского ГЖУ, подполк. ОКЖ 219, 447, 511, 512

фон Ранда Максимилиан (*Maximilian von Randa*; 1874–1941), австро-венг. воен. атташе в Румынии в 1914–1916, Генштаба подполк. 299, 392, 425, 426, 481, 492

Ратаев Леонид Александрович (1857–1937), рус. деятель полит. сыска, зав. Загран. агентурой Деп. полиции МВД в 1902–1905 175, 180–182, 184, 185, 193

Ратманов Сергей Модестович (1874–?), офицер дунайской ЭОН, кавторанг 337, 441

Рахманинов, сотр. рус. полит. полиции 477

Рачинский Василий Георгиевич (1867–1921), офицер рус. крепостной артиллерии, воен. инструктор в Черногории в 1908 и 1909–1912, полковник 282

Рачковский Андрей Петрович, сотр. рус. полит. полиции, сын П.И. Рачковского 524, 556, 557

Рачковский Петр Иванович (1851–1910), деятель рус. полит. сыска, глава Загран. агентуры Деп. полиции МВД в 1885–1902 185, 208, 388, 514, 517

Раша Николай Карлович (1877–1918), деятель рус. воен. разведки, глава Особого дела производства Огеквара ГУГШ в 1914–1917, Генштаба полк. (1913) 84, 85, 102, 103, 109, 321, 454–458, 494, 539

Рашевский Иван Федорович (1847–?), рус. революционер 179

Рашеев Иван Дмитриев, председ. Одесского болг. настоятельства, секр. сотр. рус. разведки в 1915–1916 340–343

Резварад Макс, агент герм. разведки в Бухаресте в 1915 531

Редигер Александр Федорович (1853–1920), рус. воен. и гос. деятель, воен. мин. в 1905–1909, Генштаба ген. от инфантерии (1909) 131, 165, 240, 514, 580

Редль Альфред (*Alfred Redl*; 1864–1913), деятель австро-венг. разведки, нач. штаба VIII армейского корпуса, тайный агент рус. воен. разведки 34, 44, 162, 164, 587

Резгольд, предполагаемая сожительница ген. Н.А. Маркса 383

Рено Вальдемар, псевд. зав. Балк. агентурой В.И. Андреева 199

Решетников Леонид Петрович, рос. деятель внешн. разведки, ученый, ген.-лейт. 16

Ривэ Шарль Жозеф, корреспондент фр. газеты «Там» в России в 1915 552

Риттих Петр Александрович, рус. издатель воен. литературы 225

Рихтер Оттон Борисович (1830–1908), рус. воен. деятель, ген.-адъютант (1871), ген. от инфантерии (1886) 280

Рич Дэвид Алан (*David Alan Rich*), амер. историк 51

«Ришард», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 418

Рогдаев Николай Игнатьевич (Музиль; 1880–1934), деятель рос. анархистского движения 194, 195

Розанов Сергей Николаевич (1869–1937), рус. военачальник, разведчик, сотр. центр. аппарата воен. разведки в 1906–1910, Генштаба ген.-лейт. (1917) 85, 99

Розенбаум Мендель, революционер, курьер Загран. союза эсеров 178, 186

Романов Федор Николаевич (1874–?), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1917) 109

Романовский Дмитрий Ильич (1825–1881), рус. воен. деятель, Генштаба ген.-лейт., отец Ю.Д. Романовского 221

Романовский Юрий (Георгий) Дмитриевич (1877–1939), рус. воен. деятель, разведчик, воен. агент в Болгарии в 1911–1914, Генштаба ген.-лейт. (1917) 212, 221–230, 233, 235, 242, 252, 258, 260, 273, 274, 276–279, 286, 287, 312, 582, 583, 585, 588, 589

Ромейко-Гурко (Гурко) Василий Иосифович (1864–1937), рус. воен. деятель, Генштаба ген. от инфантерии (1916) 224

Ромейко-Гурко (Гурко) Дмитрий Иосифович (1872–1945), рус. военачальник, воен. разведчик, воен. агент в Швейцарии в 1908–1914, Генштаба ген.-майор (1915) 59, 162

Ромейко-Гурко (Гурко) Иосиф Владимирович (1828–1901), рус. воен. и гос. деятель, ген.-фельдмаршал (1894) 162

Ронге Максимилиан (*Maximilian Ronge*; 1874–1953), австро-венг. деятель разведки, глава Эвиденцбюро Генштаба и развед. отделения штаба австро-венг. Верховного командования в 1914–1918, ген.-майор 31, 162, 236, 308, 309, 319, 398, 399, 400, 416, 426, 445

Рооп Христофор Христофорович (1831–1917), рус. воен. деятель, Генштаба ген. от инфантерии (1885) 128

Росс Матильда, псевд. одного из членов группы П.В. Смирнова в Бухаресте в 1915 490

Росси Карл Иванович (Карл Барталомео-Росси; ит. *Carlo di Giovanni Rossi*; 1775–1849), рус. архитектор ит. происхождения 64

Ростковский Георгий Николаевич (1872–1931), рус. военачальник, разведчик, нач. развед. отделения штаба ОдВО в 1906–1914, Генштаба ген.-майор (1917) 149, 152, 153, 157, 160, 163, 369, 370

Руэ, преподаватель, сотр. рус. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 179

«Рыбаков», секр. сотр. Бессарабского ГЖУ в годы 1-й мировой войны 511

Рыжков Николай, бывш. матрос-«потёмкинец», контрабандист 505

Рысс Петр Яковлевич (1870–1948), рус. литератор 332

«Рюрик», агент Г.А. Фарди в 1916 г. 382, 383

Рябиков Павел Федорович (1875–1932), деятель рус. воен. разведки, Генштаба ген.-майор (1917) 32, 41, 81–85, 99, 462, 579, 588

С

«С», секр. сотр. в Прерау рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 418

Савалан-хан Михран (Михран де Савалан, «Яковлев»), агент рус. разведки в Болгарии в 1914–1915 321

Саввич Сергей Сергеевич (1863–1939), рус. воен. деятель, нач. штабоза в 1915, Генштаба ген. от инфантерии (1915) 474, 475

Савинков Борис Викторович (1879–1925), рус. революционер, террорист 190

Савинский Александр Александрович (1879–1931), рус. дипломат, посланник в Болгарии в 1913–1915 274, 277–279, 303, 313–315, 317, 320–322, 325, 326, 371, 409

Савов Михаил (*Михаил Попов Савов*; 1867–1928), болг. воен. деятель, воен. мин. Болгарии в 1891–1894 и 1903–1904, пом. главнокомандующего в 1912–1913, ген.-лейт. (1908) 312

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), рус. гос. деятель, дипломат, мин. иностранных дел в 1910–1916 79, 142, 143, 250, 273, 278, 340, 350, 408–414, 428, 439, 440, 461, 528, 531, 545–547, 555, 570

Саид-ага, торговец в Бухаресте в 1915 530

Салих-Гурджи, директор «Оттоманского телеграфного агентства» в 1914 456

Самарский, лейт. флота, офицер дунайской ЭОН 437

Самойло Александр Александрович (1869–1963), рус. и сов. военачальник, разведчик, сотр. центр. аппарата воен. разведки в 1909–1914, Генштаба ген.-майор (1916) 60, 78, 79, 102, 293, 396, 407, 581

Самойлов Владимир Константинович (1866–1916), рус. воен. разведчик, воен. агент в Японии в 1902–1905 и 1906–1916, Генштаба ген.-майор (1909) 252

Сапожникова (Кречунеско) Анна Семеновна, жена К.Д. Кречунеско 188

Саррайль Морис (*Maurice Paul Emmanuel Sarraïl*; 1856–1929), фр. воен. деятель, командующий союзными войсками на Салоникском фронте в 1915–1917, дивизионный ген. 243, 365

Сахаров Александр, 2-й офицер болг. парохода «Борис», секр. сотр. рус. воен.-мор. разведки в 1915, член группы Н. Зеленогорова 327, 328, 330, 331

Сахаров Виктор Викторович (1848–1905), рус. воен. деятель, нач. Главного штаба в 1898–1904, воен. мин. в 1904–1905, Генштаба ген.-лейт. 25, 117, 118, 121, 122, 148, 153

Сватиков Сергей Григорьевич, рус. историк 33, 168, 588

Сватковский Всеволод Павлович, рус. журналист-международник 461

Свечин Александр Андреевич (1878–1938), рус. и сов. военачальник, воен. писатель, Генштаба ген.-лейт. (1917) 225, 588

Свечин Михаил Андреевич (1876–1969), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1917) 60, 102, 581

Свирский Феофил Францевич (1860–?), рус. военачальник, член воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1904–1909, полковник (1911) 127

Свирчевский Ипполит Викторович (1874–?), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1917) 151

Себряков, агент рус. воен.-мор. разведки в Болгарии в 1915 321

Семенников Владимир Петрович (1885–1936), рус. и сов. историк, литературовед 408, 411, 580

Семёнов Борис Анатольевич (1873–?), рус. воен. разведчик, воен. агент в Румынии в 1914–1916, Генштаба ген.-майор (1917) 151, 161, 218, 236, 251–255, 260, 274, 279, 285, 295, 299, 301, 302, 320, 349, 396, 399, 402–404, 408, 409, 412–428, 431–435, 441, 455, 456, 458, 463, 473, 474, 477, 478, 480, 482, 484, 491–497, 503, 517, 520, 523, 524, 526–531, 534, 537–549, 554, 555, 558, 561–563, 584

Сементовский-Курило Дмитрий Константинович (1859–1911), рус. дипломат, посланник в Болгарии в 1907–1911 142, 166, 190, 226, 265, 273

Сенчило Григорий, унтер-офицер гвардейской кавалерии, приком. в распоряжение рус. воен. агента в Турции в 1908 275

Серафимов Борис Савич (1882–?), рус. дипломат, востоковед, 3-й драгоман посольства в Константинополе в 1914 364, 365

Сергеев Евгений Юрьевич, рос. историк 45, 46, 48, 90, 92, 93, 261, 297, 588

Сергей Михайлович Романов, вел. кн. (1869–1918), рус. воен. деятель, ген.-инспектор артиллерии в 1905–1917, ген. от артиллерии (1914) 411

Середин Константин Хризанфович (1874–?), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1917) 102, 109

Серпер Янкель, агент герм. разведки в Галаце в годы 1-й мировой войны 445

Сиверс Николай Николаевич (1869–1919), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1917) 99

Сиклосси Николаус, двойной агент рус. и герм. разведок в Бухаресте в 1915 482, 523

Силянов Христо, агент рус. воен.-мор. разведки в Болгарии в 1915, член группы Н. Зеленогорова 328, 331

Симмонс Пол Алан (*Paul Alan Simmons*), рос. и брит. историк 15

Скалон Владимир Евстафьевич (1872–1917), рус. разведчик, сотр. центр. аппарата воен. разведки в 1901–1914, Генштаба ген.-майор (1916) 69, 99, 293, 442, 448

Скарлет Эмиль, офицер штаба рум. IV армейского корпуса, тайный информатор рус. воен. разведки в 1913–1914, поручик (лейт.) 163, 164

Скобельцын Виктор Степанович (1872–1944), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1914) 69, 99

Славинский Мечислав, агент австро-венг. разведки, член диверсионной группы Р. Финклера в 1916 507

Слобода Винцент, ж.д. служащий, агент связи австро-венг. разведки в годы 1-й мировой войны 422

Слоновский А.И., сов. архивист 40

Смирнов Алексей Александрович (1857–1924), рус. дипломат, дип. агент и ген. консул в Каире в 1905–1911 241

Смирнов В.М., флаг-минер минно-подрывного дивизиона сов. 7-й армии в 1919 560

Смирнов Петр Викторович (Петр Савицкий), сотр. центр. аппарата рус. воен. контрразведки, командирован в Румынию в 1915, зауряд-капитан 487–491, 493, 496–500

Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937), рус. военачальник, разведчик, востоковед, воен. писатель, Генштаба ген.-лейт. (1917) 69, 99, 100

Соковнин Всеволод Алексеевич (1870–1922), рус. военачальник, ген.-кварт. штаба 7-й армии в 1914–1915, Генштаба ген.-майор (1914) 367

Соллогуб Василий Устинович (1848–1917), рус. воен. деятель, разведчик, управляющий делами ВУК Главного штаба в 1896–1900, Генштаба ген. от инфантерии (1909) 74, 75

Соллогуб Михаил Александрович, гр. (1872–1920), рус. офицер, Генштаба полк. (1911) 102

Соловьёв Юрий Яковлевич (1871–1934), рус. дипломат, и.о. поверенного в делах в Цетины в 1905, 1-й секретарь миссии в Бухаресте в 1906–1908 302, 581

Соломон Флавиус (*Flavius Solomon*), рум. историк 16

Сонкин Владимир Мануилович (1874–1931), жертва полит. репрессий в СССР 561

Спафарис И.С., рус. ученый-востоковед, переводчик развед. отделения штаба 7-й армии и ОдВО в 1914–1917 356, 357

Спиридович Александр Иванович (1873–1952), деятель рус. полит. полиции, нач. дворцовой охраны в 1906–1916, ген.-майор (1915) 437, 438, 581

Списаревский Коста (*Коста Добрев Списаревски*; 1882–1953), болг. журналист, секр. сотр. рус. воен.-мор. разведки в Болгарии в 1915, член группы Н. Зеленогорова 330, 331

Ставро Павел, служащий РДП в Галаце, агент австро-венг. разведки в 1915 445

Ставро Элефтерий, пекарь в Галаце, агент австро-венг. разведки в 1915 510

Стаев Павел Степанович (1870–1951), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1951) 100, 101

Стамболийский Александр (*Александър Стоименов Стамболийски*; 1879–1923), болг. полит. деятель, лидер БЗНС, мин.-председ. в 1919–1923 332

Стамболов Стефан (*Стефан Николов Стамболов*; 1854–1895), болг. революционер, полит. и гос. деятель, мин.-председ. Болгарии в 1888–1894 11, 117, 191

Старков Борис Анатольевич, рос. историк 52, 76, 83, 485, 588

Статеску Мария, невеста Б.А. Мезенцова в 1916 535

Стахович Борис Михайлович (1879–1930), рус. генштабист, сотр. Балк. делопроизводства Огневара ГУПШ, Генштаба ген.-майор (1917) 133, 293, 534

Стемковский, бывш. управляющий кн. Р. Гедройца 514

Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович (1851–1895), рус. революционер-народник, террорист 189

Стеря, рум. офицер, нач. суд. части рум. Главной квартиры в 1917, полк. 498

Стессель Анатолий Михайлович, барон (1848–1915), рус. военачальник, комендант Порт-Артура в 1904, ген.-лейт. (1901) 514

«Стеф. Чез», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 418

Стефан (эксарх Стефан I; болг., в миру *Стоян Понгеоргиев Шоков*; 1878–1957), болг. церковн. деятель, архимандрит и протосингел Болгарской экзархии в 1915, эксарх Болг. Православной Церкви в 1945–1948 326

Стефанов Дарин, болг. историк 16

Стырча Траян (*Traian Stârcea*), рум. воен. атташе в Вене в 1915–1916, капитан 563

Стифсон Иосиф Маврикиевич, офицер развед. отделения штаба ОдВО в 1914–1917 357, 358

Стоев Иоаким Степанович, письмоводитель рус. миссии в Бухаресте, секр. сотр. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 179

Стоичев, офицер развед. отделения Штаба болг. армии, информатор А.А. Татаринова в 1915 315

Стоянов, сотр. Б.А. Мезенцова в 1915 533

Стремоухов Николай Петрович (1861–1938), рус. военачальник, нач. штаба 7-й армии в 1915, Генштаба ген.-лейт. (1915) 335, 336, 356, 367, 374, 541, 543

Стурдза, рум. журналист 408

Субаев Рашид Рахатович, рос. историк 15

Субботич Деян Иванович (*Дејан Суботић*; 1852–1920), рос. воен. деятель, Генштаба ген.-лейт. (1900) 118, 119

Суворов Александр Васильевич (1730–1800), вел. рус. полководец, нац. герой России, генералиссимус (1799) 46

Суворов Андрей Николаевич (1873–1938), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1916) 102

- Сумароков Николай Сергеевич (1854-?), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1901) 118
- Сунь Ятсен (1866–1925), китайский революционер, полит. деятель, один из лидеров Синхайской революции 1911 234
- Сурин Николай Ильич, рус. офицер, разведчик, член воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1904-1908, сотр. развед. отделения штаба ОдВО в 1915-1917, капитан 127, 128, 353, 356, 365
- Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), рус. воен. деятель, воен. мин. в 1909–1915, Генштаба ген. от кавалерии (1906) 64, 104, 134, 142, 143, 161, 225, 235, 250, 278, 283, 286, 295, 399, 409–411, 413, 514, 516, 540, 580
- Сыромятников Сергей Николаевич (1864–1933), рус. журналист 461
- Сысоев Иван Николаевич (1859-?), рус. разведчик, воен. агент в Сербии в 1902-1907, Генштаба ген.-майор (1906) 122, 124–126

Т

- «Т», секр. сотр. рус. воен. агента в Румынии Б.А. Семёнова в 1914 418
- Табер Сруль, негласный агент рус. властей в Яссах в кон. XIX – нач. XX в. 429
- Табер Шейва, дочь С. Табера 429
- Табор (Самуйлов) Самуил, секр. сотр. рус. полит. полиции в Яссах в нач. XX в. 178
- Талаат-бей, Мехмед (Талаат-паша; *Mehmed Talat Paşa*; 1874–1921), тур. гос. деятель, мин. внутренних дел в 193–1917, один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс» 403
- Тарангул, нач. полиции в г. Черновицы (Австро-Венгрия) в нач. XX в. 200
- Тарасевич Кир Иванович (1887-?), агент наружного наблюдения рус. контрразведки в 1914–1915 488
- Тарло Борис Павлович (1882-?), офицер развед. отделения штаба 7-й армии, Генштаба полк. (1917) 356
- Тарновский Адам, гр. (*Adam Graf Tarnowski von Tarnów*; 1866–1946), австро-венг. дипломат, посланник в Болгарии в 1911–1916 319, 320, 424
- Татаринов Александр Александрович (1880–1946), рус. воен. разведчик и дипломат, воен. агент в Болгарии (1914–1915), Румынии (1916) и Китае (с 1917), Генштаба полк. 32, 227, 230–238, 254, 258, 260, 274, 276, 298–303, 312–321, 324, 329, 333, 335, 396, 400, 412, 420, 425, 434, 467, 468, 478, 547, 548, 556, 561–563
- Татаринов Александр Миронович, отец А.А. Татарина 230
- Татаринов И.М., рус. офицер, участник убийства имп. Павла I 11 марта 1801 230
- Татаринов Мирон, дед А.А. Татарина 230
- фон Таубе Федор Федорович, барон (1857–1911), рус. воен. деятель, воен. агент в Бухаресте и Белграде в 1889–1898, Генштаба ген.-лейт. (1907) 119, 120
- Теодорович Евгений Феликсов, австр. подданный, объект наблюдения рус. контрразведки в Одессе в 1915 430
- Теодосиадес, секр. сотр. рус. разведки в Румынии в 1915 540
- Терзич Иван, сотр. рус. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 178
- Термен Ричард Иосифович (1870–1938), рус. воен. разведчик-востоковед, негласный воен. агент в Ване в 1905–1908, Генштаба ген.-майор (1915) 103
- Тигранов Леон Фаддеевич (1871-?), рус. генштабист, Генштаба ген.-майор (1916) 102
- Тишевский Вячеслав Владимирович, подполк. ОКЖ, нач. КРО штаба Московского воен. округа в 1916 462, 463
- Тишлер Карл, сотрудник австро-венг. миссии в Бухаресте, агент австро-венг. разведки в 1915 479
- Тодоров, македонец, секр. сотр. рус. полит. сыска на Балканах в нач. XX в. 195
- фон Толь Карл Федорович, гр. (1777–1842), рус. воен. деятель, ген. от инфантерии (1826) 19

- Томилов Петр Андреевич (1870–1948), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1915) 99
- «Тон» («Бобров»), секр. сотр. КРО штаба ОдВО в Румынии в 1915 474, 479
- Тончев Димитр (*Димитър Стоянов Тончев*; 1859–1937), болг. полит. деятель, мин. финансов в 1913–1918, один из лидеров либеральной коалиции 319
- Торосов Торос («Марк»), бывш. революционер, контрабандист взрывчатки в Россию в 1914 505
- Трегубов Сергей Николаевич (1866–1945), рус. суд. деятель, сенатор 383
- Трепов Дмитрий Федорович (1855-1906), рус. гос. деятель, товарищ мин. внутренних дел, команд. ОКЖ в 1905, ген.-майор (1900) 514
- Тржецяк Владимир Валерианович (1865-?), деятель рус. полит. сыска, зав. Балк. агентурой Деп. полиции МВД в 1902–1904, полк. ОКЖ 171–184, 186, 187, 189, 388
- Тржецяк Екатерина Владимировна (1895–1937), дочь В.В. Тржецяка 172
- Тридас Сюзанна, агент наружного наблюдения Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 179
- Троцкий Лев Давидович (Бронштейн; 1879–1940), рус. революционер, сов. воен. и гос. деятель 394, 396, 581
- Трояновский Борис Сергеевич (1883–1951), рус. и сов. виртуоз-балалаечник, композитор, глава Великорусского оркестра балалаечников в 1915 533, 534
- Трубецкой, кн., рус. офицер, член воен.-инструкторской миссии в Болгарии в 1885, поручик 117
- Трубецкой Григорий Николаевич, кн. (1864–1930), рус. дипломат, посланник в Сербии в 1914–1915 273, 396, 411, 412, 517, 581
- Трусевич Максимилиан Иванович (1863-?), рус. гос. деятель, директор Деп. полиции МВД в 1906–1909 486
- Туркистанов (Туркестанов) Василий Георгиевич, кн. (1871–1937), рус. деятель контрразведки, глава ЦВРБ в 1915–1917, полк. ОКЖ 212, 487–489, 496, 523, 524, 526, 527, 534
- Турло Станислав Степанович, сов. чекист, писатель 32, 588
- Турн унд Таксис (*Thurn und Taxis*), кн., австро-венг. вице-консул в Бухаресте, сотрудник воен. разведки в 1915–1916 392, 482

У

- Удинцов Юрий Геннадиевич, рус. дипломат, секретарь консульства в Митровице в 1914, секретарь консульства в Ускюбе в 1915–1916 305, 415, 502
- Уилкинсон Генри Спенсер (*Henry Spenser Wilkinson*; 1853–1937), брит. воен. историк, теоретик 63
- Уискер Джесси, жена А.Н. Щеглова с 1915 325
- Улуния Артем Акопович, рос. историк-балканист 45, 46, 90, 92, 93, 261, 297, 588
- Урбанский фон Остримеч Август (*August Julius Urbański von Ostryniec*; 1866–1950), австро-венг. деятель разведки, нач. Эвиденцбюро Генштаба в 1909–1914, фельдмаршал-лейт. 31, 105, 572, 573
- Усов Адриан Владимирович (1868-?), рус. генштабист, Генштаба ген.-майор (1913) 102

Ф

- Фалько Сергей Анатольевич, укр. историк 48, 590
- Фарди Анжелика Николаевна, жена Г.А. Фарди 373, 379
- Фарди Георгий Александрович (1873-?), секр. сотр. и глава агентурных организаций разведки штабов ОдВО и 7-й армии в 1914–1917, авантюрист 364, 371–386, 540
- Федорин Денис Валерьевич, рос. кинорежиссер-документалист 16
- Федоров Дмитрий Яковлевич (1869-1953), рус. военачальник, разведчик-востоковед, Генштаба ген.-майор (1914) 102
- Фелицын Петр Григорьевич (1875-?), рус. военачальник, главный нач. ОдВО в 1917, ген.-майор (1917) 384

- Фельдман Федор Александрович (1835–1902), деятель рус. Генштаба и воен. разведки, воен. агент в Вене (1876–1881), управляющий делами ВУК Главного штаба (1881–1896), Генштаба ген. от инфантерии (1901) 118
- Ферапонт, иеромонах, настоятель храма-памятника Рождества Христова на Шипке в 1904–1915 32
- Фердинанд I Кобург (нем. *Ferdinand Maximilian Karl Leopold Maria von Sachsen-Coburg und Gotha*; 1861–1948), князь Болгарии в 1887–1908, царь Болгарии в 1908–1918 120, 141, 142, 181, 236, 242, 266, 304, 332, 342, 580
- Филиппеску Николае (*Nicolae Filipescu*; 1862–1916), рум. полит. деятель 545
- Филиппов Владимир Николаевич (1838–1903), рус. военачальник, разведчик-востоковед, воен. агент в Константинополе в 1880–1886, Генштаба ген.-лейт. (1895) 115, 117
- Филотти Виктор (Спиридон Флоратос), рум. уголовный преступник-казнокрад 498
- Финклер Рудольф, агент австро-венг. разведки, глава диверсионной группы в Румынии в 1915–1916 507
- Фичев Иван (*Иван Иванов Фичев*; 1860–1931), болг. воен. деятель, нач. Штаба армии в 1910–1914, воен. мин. (1914–1915), ген.-лейт. 226
- фон Фишер Эдуард (*Eduard von Fischer*; 1862–1935), австро-венг. военачальник, деятель разведки, командующий жандармерией в Буковине в 1914–1915, ген.-майор 445, 552
- Флавиан (Городецкий Николай; 1840–1915), рус. церковный деятель, архиепископ Холмский и Варшавский в 1892–1898 172
- Флореско, адъютант кор. Румынии, подполк. 519
- Флуг Василий Егорович (1860–1955), рус. воен. деятель, Генштаба ген. от инфантерии (1914) 85
- Фонвизин Георгий Сергеевич, рус. дипломат, вице-консул в Варне в 1911–1912 214
- Фонтон Николай Антонович, рус. дипломат, посланник в Румынии в 1891–1902 274
- Франко Франсиско (*Francisco Paulino Hermenegildo Teófilo Franco Bahamonde*; 1892–1975), исп. воен. и гос. деятель, диктатор Испании в 1939–1975, генералиссимус 279
- Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф фон Габсбург эрцгерцог д'Эсте (*Franz Ferdinand von Österreich-Este*; 1863–1914), австро-венг. воен. и гос. деятель, наследник престола в 1896–1914 239
- Фредерикс Владимир Борисович, гр. (1838–1927), рус. гос. деятель, мин. имп. двора (1897–1917) 104
- Фрейсбергер, агент рус. разведки в Румынии в 1915 421
- Фролов И., рус. офицер, член воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1904–1909, капитан 127
- Фролов Петр Александрович (1852–?), рус. воен. и гос. деятель, Генштаба ген. от инфантерии (1907) 135
- Фролова (Данилова) Анна Николаевна, жена Ю.Н. Данилова 135
- Фуллер-мл. Уильям (*William C. Fuller Jr.*), амер. историк 36
- Х**
- Харитонов Сергей Александрович, рос. историк-архивист 16
- Харламов Никита Петрович (1871–?), руководящий работник рус. полит. сыска, и.о. вице-директора Деп. полиции МВД 514
- Хесапчиев Христофор (*Христофор Георгиев Хесапчиев*; 1858–1938), болг. воен. деятель, дипломат, дип. агент и посланник Болгарии в Румынии в 1905–1911, ген.-майор 120, 246, 581
- Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918), рус. гос. деятель, мин. внутренних дел в 1915–1916 543
- Хольмсен Иван Алексеевич (1865–1941), рус. генштабист, воен. разведчик, воен. агент в Греции (1900–1906) и в Турции (1906–1913), Генштаба ген.-майор (1910) 59, 94, 99, 111, 124, 125, 132, 172, 212, 226, 245, 257, 258, 260, 263, 275, 277, 284, 300, 301, 581

- Хорошев Иван, курьер рус. миссии в Бухаресте, секр. сотр. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 179
- Христиани Григорий Григорьевич (1863–1922), рус. генштабист, воен. ученый, глава центр. аппарата воен. разведки в 1904–1905, Генштаба ген.-лейт. (1913) 69–71, 75
- Хростицкий Анатолий Владимирович (1867–1919), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1917) 103

Ц

- Цветков, рус. офицер, член воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1904–1909, поручик 127
- Цветков Владимир Ангел, агент рус. воен.-мор. разведки в Болгарии в 1915, член группы Н. Зеленогорова в 1904–1909 330, 331
- Цвижба Лариса Исиновна, рос. историк-архивист 16, 59
- Цейтлин Василий Михайлович (1888–1933), рус. генштабист, Генштаба штабс-капитан, воен. писатель 32, 588
- Целебровский Виталий Платонович (1854–?), деятель рус. воен. разведки, управляющий делами ВУК Главного штаба в 1901–1903, Генштаба ген.-майор (1900) 74, 75, 95, 96, 123, 346
- Цитовский Александр Константинович, псевд. В.В. Тржецяка на Балканах в 1902–1904 174
- Цихович Януарий Казимирович (1871–?), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1915) 233

Ч

- Чарыков Николай Валерьевич (1855–1930), рус. дипломат, посол в Константинополе в 1909–1912 176, 204, 365
- Черемисинов Владимир Михайлович (1875–?), рус. военачальник, Генштаба ген.-майор (1916) 149, 152
- Черкасов Петр Владимирович (1872–?), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1917) 102
- Чернавин Виктор Васильевич (1877–1956), рус. генштабист, воен. историк, архивист, Генштаба ген.-майор (1917) 109, 221, 229, 579
- Чернецкий Феликс, секр. сотр. рус. полит. сыска в Румынии в 1915 501
- фон Чернин Оттокар, гр. (*Ottokar Theobald Otto Maria Graf Czernin von und zu Chudenitz*; 1872–1932), австро-венг. дипломат, гос. деятель, посланник в Румынии в 1913–1916, мин. иностранных дел Австро-Венгрии в 1916–1918 389, 394, 401, 402, 417, 481, 581
- Черногорчевич Александр, корреспондент газеты «Русское слово», секр. сотр. рус. разведки в Румынии в 1915 407, 476
- Чернозубов Федор Григорьевич (1863–1919), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1915) 104, 588, 589
- Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898), рус. и серб. воен. деятель, главнокомандующий серб. действующей армией в 1876, рус. ген.-лейт. 221
- Чиж Антонина Иосифовна, мать А.А. Татаринова 230
- Чистяков Олег Вячеславович, рос. историк-архивист 16
- Чихачёв Николай Матвеевич (1830–1917), рус. воен.-мор. и гос. деятель, управляющий Мор. министерством (1888–1896), адмирал (1892) 128
- Чичагов Михаил Михайлович (1853–1900), рус. военачальник, приком. к ген. консульству в Филиппополе в 1884–1886, Генштаба ген.-майор 117, 118
- Чокмакова (Тржецяк) Никулица Панайотовна, жена В.В. Тржецяка 174
- Чубаков Илиодор Илиодорович (1879–?), рус. генштабист, Генштаба полк. (1916) 109
- Ш**
- Шамшев Николай Иванович (1865–?), рус. жанд. офицер, нач. Гродненского ГЖУ, приком. к Бессарабскому ГЖУ с 1915, полк. (1912) 512

- Шапошников Борис Михайлович (1882–1945), рус. и сов. военачальник, воен. деятель и теоретик, Генштаба полк. (1917), Маршал Советского Союза (1940) 19, 32, 63, 90, 105, 573, 589
- Шаравин Александр Александрович, рос. воен. ученый, историк 47, 584
- Шаров Александр Валерьевич, рос. историк 37, 584, 585
- Шафиров Виктор Александрович, рус. дипломат, вице-консул в г. Сулина, негласный руководитель агентуры Деп. полиции на Балканах в 1882–1886 168, 188
- Шафран Этта Беркова, подозреваемая в шпионаже в пользу Германии 476
- Шаховской Всеволод Николаевич, кн. (1874–1954), рус. гос. деятель, мин. промышленности и торговли в 1915–1917 382
- Шварц Алексей Владимирович, фон (1874–1953), рус. военачальник, Генштаба ген.-лейт. (1917) 222, 224, 225, 581, 583, 585, 589
- Шварц Герман (Эрман) Иосифов, агент герм. разведки в Румынии и России в 1915 428, 430
- Шварц Петр Андреев («Черный», «Каров», «Каро»), адвокат, секр. сотр. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в Софии в 1901–1914 179, 185, 189, 190, 201, 210, 212–214, 217, 312–314
- Шебеко Николай Николаевич (1863–1953), рус. дипломат, посланник в Румынии (1912–1913), посол в Австро-Венгрии (1913–1914) 409, 461, 545, 546, 555
- Шебунин Алексей Федорович (1867–1937), рус. дипломат, ген. консул в Константинополе 216
- Шевченко Максим Михайлович, рос. историк 14
- Шелковников Борис Иванович, рус. воен. разведчик-востоковед, вице-консул в Ване и Хаме в 1905–1914, прикоманд. в распоряжение рус. воен. агента в Греции в 1915–1916, подполковник 345–348
- Шелухин Александр Юрьевич, рос. историк разведки 39–42, 76, 77, 80, 84, 85, 258, 264, 589, 590
- Шемякин Андрей Леонидович, рос. историк-сербист 14, 59, 242, 581
- Шепелев Александр Александрович (1841–1887), рус. генштабист, представитель рос. имп. при болг. кн. Александре Баттенберге, Генштаба ген.-майор (1882) 115, 139
- Шергин Дмитрий Павлович, рос. историк-архивист 16
- Шеремет Виталий Иванович, рос. историк-тюрколог 50, 287, 325, 588
- Шестаков, рус. революционер 194
- Шиллинг (Шиллинг фон Канштадт) Маврикий Фабианович, барон (1872–1934), рус. дипломат, директор канцелярии МИД в 1910–1916 413, 528
- Шиман Алексей, унтер-офицер гвардейской кавалерии, приком. в распоряжение рус. воен. агента в Турции в 1908 275
- Шиммельпеннинк ван дер Ойе Давид (*David Schimmelpenninck van der Oye*), канадский историк 48, 51, 491
- Шинкаренко Николай Всеволодович (лит. псевд. Николай Белогорский; 1891–1968), рус. военачальник, разведчик, писатель, мемуарист, ген.-майор (1920) 277–279, 362, 363
- Шишковский Евгений Евгеньевич (1880–1938), рус. генштабист, нач. развед. отделения штаба в 1916, Генштаба полк. (1915) 535
- Шкундин Григорий Давидович, рос. историк-балканист 342, 589
- Шлык Андрей, унтер-офицер ОКЖ в 1914 470
- Шмидт Адам, агент австро-венг. разведки в Румынии в 1915 483, 508
- Шмит Михаил Антонович, глава агентурной организации разведки штаба рус. 7-й армии в 1914 370, 371
- Шостак Федор Александрович (1853–?), рус. военачальник, команд. рус. миротворческих сил на о. Крит с 1897, нач. рус. воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1904–1909, Генштаба ген.-лейт. (1907) 127

- фон Штакельберг Карл Рудольфович, барон (1870–?), рус. генштабист, Генштаба ген.-майор (1917) 109
- Штенберг («полковник П.»), предполагаемый секр. сотр. агента И.Р. Кюрца, офицер австро-венг. Генштаба 525

Щ

- Щеглов Александр Николаевич (1875–1953), рус. мор. офицер, воен.-мор. агент в Турции (1909–1914) и Румынии (1914–1916), каперанг 50, 129, 287, 324–326, 392, 589, 617
- Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), рус. гос. деятель, мин. юстиции в 1906–1915 198
- Щелкунов Николай Петрович (1854–?), рус. дипломат, ген. консул в Рушук в 1913–1915 305, 336
- Щербина Г.Н., офицер 14-го стрелкового полка, член рус. воен.-инструкторской миссии в Македонии в 1904–1909 127

Э

- Эбелов Михаил Исаевич (1855–1919), рус. военачальник, главный нач. ОдВО в 1914–1917, Генштаба ген. от инфантерии 358, 364, 378, 511
- Эбергард Андрей Августович (1856–1919), рус. воен.-мор. деятель, командующий Морскими силами Черного моря в 1911–1916, адмирал (1913) 129
- Элиас Аристид, агент австро-венг. разведки в Бухаресте в 1915 445
- Эмануэль Стан (*Stan N. Emanuel*), зам. главы рум. сигуранцы в 1915 519, 530
- Энвер-паша (*Enver Paşa*; 1881–1922), тур. воен. и гос. деятель, воен. мин. в 1913–1918 380, 449, 451
- Энгель Юлий Осипович, одесский купец, подозреваемый в шпионаже в 1915 430
- Энгельгардт Борис Александрович (1877–1962), рус. воен. деятель, полк. (1917), мемуарист 107, 137, 232, 280, 579
- Энегольм Егор Ильич (1788–1848), рус. Генштаба ген.-майор 231
- Энкель Оскар Карлович (*Oscar Paul Enckell*; 1878–1960), рус. генштабист, воен. разведчик, делопроизводитель Особого делопроизводства Огеньквара ГУГШ в 1913–1914, воен. агент в Италии в 1914–1917, Генштаба полк. (1912); фин. воен. деятель, нач. Генштаба Финляндии в 1919–1924, фин. ген.-лейт. (1924) 41, 79, 84, 85, 102, 103, 110, 160, 258

Ю

- Юденич Николай Николаевич (1862–1933), рус. воен. деятель, Генштаба ген. от инфантерии (1915) 561
- Юзефович, рус. ген. 557
- Юрьев Борис Александрович (1886–?), рус. генштабист, глава агентурной организации разведки штаба в Румынии в 1915–1916, Генштаба капитан (1916) 363, 424, 434, 472–479, 481–483, 502, 526, 527, 558, 565

Я

- Языков Петр Александрович (?–1869), рус. воен. деятель, воен. ученый-теоретик, ген.-лейт. 19
- Якобеску, агент герм. разведки в Бухаресте в 1915 490
- Якоби, глава филиала компании «Шенкер» в Бухаресте в 1915, агент австро-венг. разведки 423
- Яковлев 6-й Василий Васильевич (1883–1970), рус. мор. офицер, разведчик, воен.-мор. агент в Болгарии (1915) и в Румынии (1915–1916), кап. 2-го ранга (1915) 325–334, 339, 397, 443, 444

- Якубов Владимир Михайлович (1868–?), офицер рус. полит. сыска и воен. контрразведки, нач. КРО штаба 7-й армии и ОдВО в 1914–1916 366–369, 385, 408, 415, 435, 443, 444, 462, 463
- Якубов Михаил Владимирович, сын В.М. Якубова 366
- Яманди Генрих Федорович («Рабур»), секр. сотр. Балк. агентуры Деп. полиции МВД в нач. XX в. 179
- Янсен, штабс-капитан рус. армии, перебежчик 80
- Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918), рус. воен. деятель, нач. штаба Главковерха в 1914–1915, Генштаба ген. от инфантерии (1914) 278, 291, 295, 297, 324, 409–411, 413, 449, 461, 517, 540, 580
- Янчевецкий Василий Григорьевич (Василий Ян; 1874/1875–1954), рус. и сов. писатель, журналист, секр. сотр. рус. воен. разведки в Румынии в 1914–1915 449, 450, 453–460, 588
- Янчевецкий Григорий Андреевич (1846–1903), рус. филолог, отец В.Г. и Д.Г. Янчевецких 449
- Янчевецкий Дмитрий Григорьевич (1873–1934), рус. журналист и писатель-востоковед, брат В.Г. Янчевецкого 450
- Ятилли, венгерка, сожительница Б.А. Мезенцова в 1917 535

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Благодарности	14
<i>Введение.</i> Военная разведка и стратегия поздней Российской империи на Балканах: к постановке научной проблемы	18
Секретность снята — тайны остаются: историография военной разведки Российской империи	31
Допрошенные с пристрастием: обзор источников	54

*Часть I*НА СЛУЖБЕ, «ИЗВЕСТНОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ»

<i>Глава 1.</i> Ведомство и его офицеры: центральный аппарат военной разведки России в начале XX в.	63
<i>Глава 2.</i> «Глаза и уши» Генерального штаба: военные агенты.	89
<i>Глава 3.</i> Под южными звездами: организация изучения стран Балканского полуострова секретными службами России в начале XX в.	114
<i>Глава 4.</i> Взгляд из Одессы и Киева: разведка окружных штабов	145
<i>Глава 5.</i> Охранка на Балканах и берегах Босфора: политический сыск Российской империи в Балканском регионе	167
<i>Глава 6.</i> Балканисты с белыми аксельбантами: человеческие судьбы и проблемы кадрового отбора военной разведки	220
<i>Глава 7.</i> Тропами военного балкановедения: труды и дни русских разведчиков в странах полуострова в начале XX в.	262

Часть II

НАБЛЮДАТЕЛИ БАЛКАНСКОЙ БУРИ

<i>Глава 8.</i> Великая война и перемены: новое в работе русской разведки на Балканах.	291
<i>Глава 9.</i> Сербия и Черногория: в стане союзников	306
<i>Глава 10.</i> Болгария: похитители секретов золотого льва	312
<i>Глава 11.</i> Греция: малолюдые и агентурное бессилие	344

Глава 12. Разведчики с Пироговской улицы 355

Часть III
«ШПИОНСКИЙ РОМАН»:
РУМЫНСКИЕ БУДНИ РУССКОЙ РАЗВЕДКИ

Глава 13. Картина поля битвы.	389
Глава 14. Агентура полковника Семёнова	416
Глава 15. На прекрасном голубом Дунае: разведывательная деятельность дунайской Экспедиции особого назначения	436
Глава 16. Журналисты на службе военной разведки: Василий Янчевецкий и агентство «Нордзюд»	448
Глава 17. Эмиссары штабуза: капитан Юрьев и другие.	469
Глава 18. Бухарестские гастроли русской контрразведки: командировка группы Смирнова	484
Глава 19. «Голубые мундиры» и их агенты: бессарабские жандармы	501
Глава 20. Апогей беспорядка: агент Илья Кюрц	513
Глава 21. Шельмование полковника Семёнова	537
Глава 22. Крах сотрудника «Короленко»	549
Глава 23. Штабная работа над ошибками	564
 Заключение.	 571
 Список сокращений и аббревиатур	 575
Список источников и литературы	578
Аннотированный указатель имен	592

Научное издание

Каширин Василий Борисович
ДОЗОРНЫЕ НА БАЛКАНАХ

*Русская военная разведка
в странах Балканского полуострова
накануне и в годы Первой мировой войны*

Фотография на обложке

Групповой снимок членов международной комиссии по разграничению в Северной Албании, в окружении албанцев; в горах Албании, осень 1913 г. На фотографии в переднем ряду запечатлены: 2-й слева: майор Карл-Август фон Лафферт (нем. Karl-August von Laffert; 1872–1938), представитель Германии в комиссии, германский военный атташе в Турции в 1913–1915 гг. 3-й слева: полковник Август Митцль фон Штенде (нем. August Mietzl von Stende; 1869–1918), представитель Австро-Венгрии в комиссии, австро-венгерский военный атташе в Италии в 1906–1912 гг. 4-я слева: г-жа фон Лафферт. 5-й слева: Генштаба генерал-майор Н.М. Потапов (1871–1946), представитель России и председатель комиссии, русский военный агент в Черногории в 1903–1916 гг. *Научный архив Института российской истории РАН. Публикуется впервые. Копию фотографии любезно предоставил д.и.н. А.В. Ганин*

Оформление
П.А. Сандомирский

Корректор
Н.С. Самбу

Подписано в печать 12.12.2014.
Формат 60х90/16. Тираж 1000 экз.

ООО «ВИКМО-М»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6, офис 64
Тел.: (495) 915-10-47

Сайт книжного магазина: www.kmrz.ru

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,
141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14